Жатва восточного ветра
Злая судьба

ГЛЕН КУК

Восточного ветра
Злая судьба

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН КУК

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

GLEN

COOK

Reap the East Wind

An Ill Fate Marshalling

ГЛЕН

КУК

Жатва восточного ветра

Злая судьба

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К88

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
REAP THE EAST WIND
1987
AN ILL FATE MARSHALLING
1988

Перевод с английского Г.Б. Косова

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 29.11.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,12. Тираж 9000 экз. Заказ № 2451.

Кук Г.
К88 Жатва восточного ветра. Злая судьба: Фантаст. романы / Г. Кук; Пер. с англ. Г.Б. Косова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 619, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-016696-6

...Империей Ужаса именовали Шинсан, но теперь и Империя Ужаса трепещет в страхе. Ибо вся сила ее магии — ничто перед силой захватчиков, сметающих все и вся на своем пути. Перед силой воинов, которые вернулись с той стороны смерти, ведомые волей древнего бога...

...Нет покоя миру, ибо плетутся на западе нити заговоров, возрождается на юго-востоке великий маг, создающий чудовищ, поднимаются на востоке великой мощью тысячи воинов — а в маленьком королевстве, где сходятся нити Судьбы со всех сторон света, король начинает ОПАСНУЮ ИГРУ...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Glen Cook, 1987, 1988
© Перевод. Г.Б. Косов, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Жатва восточного ветра

ГЛАВА 1

1012 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Армии ждут в тени

Чудовище ревело и билось о стену соседней камеры. Монстр кипел яростью потому, что не мог утолить своей жажды кровью Этриана.

Юноша не имел ни малейшего представления о том, сколько времени находится в заключении. В застенках Эхлебе понятия день и ночь теряли смысл. Единственным светом, который ему удавалось видеть, была лампа тюремщика, когда тот приносил тыквенную похлебку или совершал редкие обходы.

Его появлению в подземельях Эхлебе предшествовало бесцветное детство в трущобах Форгреберга — столице крошечного королевства, расположенного далеко на западе. Там же жили его мать — странная женщина, с примесью крови колдуньи в жилах, и еще более странный отец...

Затем что-то случилось. Мальчик не понимал, что именно. Наверное, это произошло потому, что отец оказался вовлеченным в политику. Отголоски этого не обошли маму и сына. Пришли какие-то люди и увели их. И вот он теперь здесь в темноте, закованный в железо, а общество его разделяют лишь блохи. Юный узник не знал, где находится и что случилось с его матерью.

Он молил Небеса о том, чтобы наступила тишина.

Покрытые влагой стены каменного мешка беспрерывно содрогались от рева адских тварей, прикованных цепями в

соседних камерах. Лаборатории Эхлебе дали жизнь сотням видов странных и ужасных чудовищ.

Но вот рев и царапанье прекратились. Этриан уставился на тяжелую железную дверь. В проходе за ней замерцал свет. Монстры притихли в нетерпеливом ожидании. Необычную тишину нарушали лишь чьи-то медленные шаркающие шаги.

В двери имелось крошечное зарешеченное отверстие, и Этриан не сводил с него взгляда. Его руки дрожали. Шаги не принадлежали надсмотрщику.

Тюремщики лишили его всего, кроме страха. Надежда на спасение была такой же мертвой, как окружающая его тьма.

Зазвенели ключи, а затем раздался металлический скрежет. Это протестовал заржавевший замок. Прошло еще немного секунд, и двери медленно отворились во внутрь камеры.

Мальчик подтянул под себя ноги и сжался в комок. Он бы не смог сопротивляться, даже если бы его не сковывали цепи. Слишком много времени он провел без движения.

В камеру вошел древний, древний старик.

Этриану захотелось исчезнуть.

И в то же время... Этот человек чем-то отличался от всех остальных. В нем не чувствовалось холодной жестокости тех, кто уже входил в его застенок.

Старец двигался словно во сне. Впрочем, вполне возможно, что он просто утратил разум.

С неспешной неловкостью старик принялся тыкать ключом в оковы Этриана. Мальчик съежился еще сильнее. Но потом вдруг успокоился и стал терпеливо ждать, когда откроется последний запор.

Старец казалось, совсем забыл, что делает. Он с изумлением разглядывал ключи, удивленно смотрел по сторонам, а затем поднялся и почему-то сделал полный круг вдоль сочащихся влагой темных стен.

Этриан настороженно наблюдал за ним.

Затем он попытался встать на ноги.

Старик обернулся и наморщил лоб, пытаясь сообразить, где находится. Вскоре в его глазах появились признаки жизни, и он, подойдя к Этриану, начал возиться с последним запором. Вскоре все цепи уже валялись на полу.

— По-по-пошли, — выдавил старец скрипучим шепотом. Несмотря на царящую в подземелье тишину, было очень трудно уловить, что он хочет сказать.

— Куда? — спросил Этриан. Опасаясь привлечь внимание чудовищ, он тоже говорил шепотом.

— Пп-пп-прочь. Они послали меня ки-кин... от-отдать тебя саван далажам.

Этриан отпрянул. Тюремщик успел поведать ему о саван далажах — наиболее отвратительных монстрах Эхлебе.

Старик порылся в своем одеянии и извлек из его недр крошечный флакон.

— Вы-выпей это.

Этриан отказался.

Старик схватил мальчика за руку, притянул к себе и резко запрокинул его голову назад так, что у Этриана непроизвольно открылся рот. Пришелец из древности обладал силой, которой невозможно было противостоять. Этриан почувствовал, как какая-то жидкость полилась ему в рот, и старик заставил его проглотить подозрительное снадобье.

По всему телу мальчика мгновенно растеклось тепло, и оно налилось силой.

Старик поволок его к дверям камеры. Хватка у старца была просто железной. Мальчишка, скуля, тащился за ним.

Что происходит? Почему они так поступают?

Старик повел его к лестнице, ведущей из подземного царства ужаса наверх к свету. Невидимые чудовища ревели и выли. Судя по тону, они чувствовали себя обманутыми. За решеткой ближайших дверей Этриан увидел горящие багровым светом глаза.

Мальчик решил, что сопротивляться бесполезно.

— По-по-торопись, — заикаясь, бормотал старик. — Они уб-уб-убьют тебя.

Этриан на заплетающихся ногах поднялся по ступеням, а затем совершил бесконечный, как ему показалось, спуск по наружной лестнице. В раскаленном, неподвижном воздухе чувствовался запах соли. Мальчик начал покрываться потом. Яркие лучи солнца слепили отвыкшие от света глаза. Он попытался расспросить своего благодетеля, но в полученных им бессвязных ответах почти не было смысла.

Оказывается, он оказался на острове К'Мар Хеви-тан — штаб-квартире всемирного заговора под названием Праккия. Его держали здесь в качестве орудия воздействия на отца. Но отец не сделал того, что от него ждали, и Этриан стал бесполезен. Получен приказ его убить, но старик решил нарушить распоряжение.

Для мальчика в этих словах не было никакого смысла.

Наконец они оказались на покрытой галькой узкой полоске берега. Старик показал на противоположный берег, где далеко у горизонта, за ржавой полосой пустыни маячили какие-то возвышения цвета свинца. Сам пролив был неширок. Но мальчик не мог точно определить расстояние до другого берега. Одна миля... две?

— П-п-плыви, — сказал старик. — Там б-б-езопасно. Навами.

— Не могу, — ответил Этриан с округлившимися от страха глазами. Сама мысль о том, что надо идти в воду, приводила его в ужас. Его лишь с большой натяжкой можно было назвать умелым пловцом, а в море ему плавать вообще не *доводилось*. — *Мне туда не доплыть.*

Старик с превеликой осторожностью опустился на гальку и уселся, скрестив ноги. На его лице появилось выражение крайней сосредоточенности. Старец кряхтел от напряжения, пытаясь превратить свои медленно ворочающиеся мысли в связные слова. И когда он заговорил, речь его оказалась на удивление точной.

— Ты должен преодолеть пролив. Это твой единственный шанс на спасение. Если ты останешься здесь, то Режиссер бросит тебя деткам Магдена Нората. Те, кто здесь обитает — твои враги. Для моря и для Навами ты безразличен, и они могут позволить тебе выжить. Ты должен отправиться в путь немедленно, прежде чем Он догадается о том, что я наконец решился воспротивиться Его злобе.

Этриан поверил, что это правда. Старикан говорил так настойчиво...

Он посмотрел на море, и ему опять стало страшно.

Волшебный напиток придал ему необыкновенную силу. Мальчик чувствовал, что смог бы пробежать тысячу миль. Пробежать, но не плыть.

Старика начала бить дрожь, и Этриан решил, что тот отдает концы. Оказалось, что это была всего лишь реакция изношенного организма на усилия, которые потребовались для того, чтобы быть понятым.

Неожиданно из недр острова с удесятеренной силой донесся яростный рев чудовищ.

— П-п-плыви! — приказал старик.

Этриан сделал несколько шагов, а затем бросился в прохладную воду. Через мгновение он уже стоял по грудь в воде, судорожно кашляя, так как, ныряя, набрал полный рот горько-соленой жидкости.

В цепи его заковали обнаженным, и сейчас, побыв на солнце всего несколько минут, он всей кожей уже ощущал его горячие поцелуи. Этриан знал, что ужасно обгорит, прежде чем доберется до берега.

Он оттолкнулся от дна и поплыл.

Когда мальчику показалось, что он плывет уже целую вечность, он повернулся на спину, чтобы просто полежать в воде и немного передохнуть.

Оказалось, что он удалился от берега не более чем на три сотни ярдов. Он видел, как старик карабкается по ступеням, по которым они шли вниз. Старец делал несколько шагов, останавливался, чтобы отдышаться, и затем одолевал еще пару ступеней. Удлиненный и совершенно без всякой растительности скалистый остров походил на рассыпающийся скелет древнего гигантского дракона, на хребте которого, в его верхней точке, торчала отвратительного вида крепость. Этриан оглянулся и посмотрел на голый противоположный берег, который, как казалось, не стал ближе.

Он понял, что пролив ему не одолеть.

Тем не менее он поплыл дальше. Упрямство было у него в крови.

За время своего пребывания на острове он узнал четыре новых имени. Режиссер. Фадема. Магден Норат. Лорд Чин. О Режиссере он не знал ничего. Норат был колдуном на службе Эхлебе. Фадема являлась Королевой Аргона и была, видимо, зачарована Чином. Именно они утащили Этриана на остров. Лорд Чин, в свою очередь, был одним из тервола очень высокого ранга или колдуном-аристократом Импе-

рии Ужаса, против которой сражался отец мальчика. Чин был мертв, но Империя, его породившая, по-прежнему продолжала жить...

Несомненно, за всем этим стоял Шинсан, Империя Ужаса.

Если он останется жив...

Ему казалось, что прошло много, много часов. Солнце, естественно, двигалось на запад, но его лучи пока еще не били в глаза. Серые холмы на горизонте стали лишь не намного темнее... Он слишком обессилел, чтобы плыть дальше. Врожденное упрямство постепенно оставляло его.

Этриан уже был готов погрузиться в бездну. Он так устал, что его это больше не пугало.

Что-то коснулось его ноги. Усталости как не бывало. Охваченный паникой Этриан начал отбрыкиваться, пытаясь плыть дальше.

В поле его зрения промелькнул спинной плавник, и вновь он почувствовал прикосновение.

Этриан беспорядочно заколотил руками по воде, хватая воздух широко открытым ртом.

Одно из морских чудовищ выпрыгнуло из воды. Описав в воздухе изящную дугу, оно снова погрузилось в море.

Это не успокоило мальчика. Он был дитя суши и не мог отличить дельфинов от акул. Об акулах он слышал от друга отца Браги Рагнарсона. Крестный отец рассказывал мрачные истории об огромных рыбах-убийцах, пожирающих моряков с кораблей, потерпевших крушение.

Отчаянные попытки плыть дальше привели к тому, что он наглотался соленой воды.

Дельфины окружили его со всех сторон, приподняли над водой и повлекли к пустынному побережью. Оказавшись на суше, Этриан из последних сил преодолел узкую полоску каменистого берега, рухнул на землю под защитой скалы и едва не захлебнулся в потоке соленой воды, от которой начали освобождаться его внутренности. Как только боль в желудке немного стихла, мальчик уснул.

Его разбудил какой-то шум. Стояла глубока ночь. Ему показалось, что он слышал чей-то голос, но сейчас стояла полная тишина.

Он посмотрел в сторону берега. У кромки воды что-то двигалось, издавая клацающие звуки... Затем он их увидел. Крабы. Сотни и сотни крабов. Создавалось впечатление, что они, пожирая его глазами, салютуют ему клешнями так, как это делают солдаты при виде генерала. Затем они начали неторопливый марш по направлению к нему.

Мальчик испуганно отшатнулся. Неужели они намерены сожрать его?! Вскочив на ноги, он заковылял прочь. Крабы заволновались. Они не могли за ним угнаться.

Протащившись не более сотни футов, он уселся на землю. Острые камни царапали и резали кожу.

Этриану снова показалось, что он слышит чей-то зов. Но невозможно было определить, откуда он доносится, да и слова были неразборчивы.

Он проковылял чуть дальше, свалился на землю и снова уснул.

Ему снились странные сны. С ним говорила облаченная в белые одежды женщина необычайной красоты. Но Этриан не мог понять ее слов, а проснувшись, ничего не помнил о визите красавицы.

День затухал. Мальчик умирал от голода и жажды. Все тело его болело. Опаленная солнцем кожа пошла волдырями. Этриан попробовал проглотить морскую воду, но желудок отказался принимать соляной раствор. Им овладело отчаяние, и он довольно долго лежал недвижно на песке.

Наконец он поднялся и, насколько позволял немеркнущий свет, оглядел окрестности. Никаких признаков жизни. Никаких следов растений. В темнеющем небе не кружили обитающие в скалах ласточки. Жужжание вечерних насекомых не нарушало тишины. На скалах не рос даже лишайник. Выползающие из моря крабы, судя по всему, были единственными живыми существами.

Но тут Этриана осенило. Он уселся у кромки воды и стал наблюдать за тем, как волны накатываются и лижут его израненные ноги.

Когда появились крабы, он камнем разбил несколько панцирей и принялся пожирать солоноватое мясо. Он продолжал пиршество до тех пор, пока желудок снова не взбунтовался.

Этриан отошел от воды и проспал еще несколько часов. Когда он проснулся, высоко в небе стояла луна. Ему показалось, что он слышит голоса. Он ползком добрался до полосы песка, где можно было стоять и ходить, не поранив ноги. Этриан обвел взглядом линию скал, и на мгновение ему почудилось, что он видит женщину в белом. Женщина, воздев в мольбе руки, пристально вглядывалась в море. Ее одежды развевались, словно на ветру, но в воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения.

Когда Этриан сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть ее получше, женщина исчезла.

Мальчик попытался осмыслить ситуацию. Прежде всего следовало уйти подальше от берега и попытаться отыскать пищу и воду. В первую очередь воду. Не плохо бы раздобыть и одежду, иначе солнце изжарит его заживо.

Однако вскарабкаться на вертикальные утесы он не мог, и ему пришлось отправиться вдоль берега.

Силы оставили Этриана вскоре после рассвета. Он заполз в тень и уснул среди остроконечных обломков камней. Ему казалось, что во рту у него вместо языка большой комок шерсти.

Наступило время прилива. Море с ревом билось о скалы, вздымая в небо тучи белых брызг. И вновь Этриану приснился сон.

Его снова посетила женщина в белом, и снова он не мог понять того, что она говорила.

Он опять проснулся после наступления темноты и опять напал на крабов. Насытившись, он решил продолжить путь вдоль берега, чтобы отыскать разрыв в неприступных скалах.

Прилив кончился, но откуда-то, как ему казалось — издали, до него доносился гул прибоя. Сквозь этот шум он услышал вначале легкое поскрипывание, затем стук, а затем и крики. Он взобрался на обломок скалы, чтобы лучше увидеть то, что происходит.

Неожиданно на покрытой белыми барашками поверхности моря появился флот, состоящий, наверное, из тысячи судов. Корабли перепрыгнули через линию прибоя, словно взбесившиеся вороные кони. Процарапав днищами по песку и гальке, они замерли, и на берег высадились черно-

бородые, высокие люди в чужеземных доспехах. Их там уже поджидали низкорослые и светловолосые бойцы в столь же необычной броне. Блеснули клинки, и сталь ударила о сталь.

Но вдруг, перекрывая шум битвы, прогремел чей-то голос. Этриан поднял глаза. На вершине утеса, воздев руки к небу, стояла женщина. С ее пальцев стекало синее пламя.

Голубое зарево пылало над белокрылыми судами — теми, которые в море. Левиафаны, поднявшись из бездн морских, бросались на корабли. На призывную песнь женщины сплывались акулы и хищные киты. Не обращая внимания друг на друга, они нападали на чернобородых чужаков.

С кораблей по утесам ударили багровые молнии. На сражающихся под скалой воинов обрушилась каменная лавина...

На фоне луны, изрыгая языки пламени, промелькнули какие-то крылатые твари. На чешуйчатых спинах этих тварей сидели люди. Их широкие черные плащи развевались на ветру. В руках небесные всадники держали огненные копья. Они метали их в стоящую на утесе женщину.

Женщина в белом сплела из голубых огненных нитей множество сетей и пустила их в небеса. Горящие голубым пламенем и похожие на веселых мотыльков паутинки понеслись навстречу летающим ящерам. Сети обволакивали драконов и заставляли их падать на землю.

Несмотря на пламя и дым битвы, Этриан сумел заметить одно совершенно поразительное явление: земля вокруг него ожила. На ней возродилась буйная жизнь. Это была совсем не та опаленная солнцем пустыня, которая взяла его в плен, когда он выбрался на берег.

Но вот видение начало постепенно исчезать. Мальчик безостановочно вращал головой, стараясь понять, что происходит. Фантом пропал окончательно, прежде чем Этриан успел уловить новые детали.

Он перевел взгляд на том место, где только что стояла женщина. В скале, в том месте, куда угодила багровая молния, зиял провал. Этриан был готов поклясться, что перед самой битвой утес возвышался сплошной каменной стеной.

Не веря своим глазам, он осторожно направился в ту сторону. Луна стояла высоко, и он хорошо мог рассмотреть упавшие камни.

Камнепад случился не сейчас. Века уже успели отполировать рухнувшие в оползне скалы.

Из глубины пустыни за утесами донесся чей-то зов.

Этриан замер.

Это был еще один призрачный голос. Мальчик пожал плечами. У него не было времени на решение загадок. Прежде всего ему надо суметь выжить. А для этого следует как можно дальше уйти от берега.

Подъем на утес достался Этриану ценой неимоверных страданий. Однако, достигнув цели, он не увидел ничего, кроме залитой лунным светом бескрайней пустыни. И все же... Все же до него доносились голоса. Бессловесные голоса. Они звали его.

Как называется эта земля? Какие забытые миром духи заселяли эти безжизненные просторы? Мальчик с опаской заковылял в ту сторону, откуда доносились голоса.

Ступни его ног распухли, растрескались и гноились. Сухой язык, казалось, не умещался во рту. Волдыри от солнечных ожогов начали лопаться. Все суставы и связки болели. Голова от виска до виска тоже раскалывалась от боли.

Но мальчишка был упрям. Стиснув зубы, он продолжал путь. И спустя некоторое время на освещенной луной вершине ближайшей горы он увидел какой-то силуэт.

Чем больше он вглядывался в силуэт, тем больше тот напоминал ему гигантский монумент, вырубленный из самой горы. Чудовищных размеров изваяние представляло собой существо, похожее на сфинкса. Взор монстра был обращен на восток.

Под его ногой вдруг раздался треск. Мальчик нагнулся и увидел, что это треснула древесная ветка с несколькими сухими листками на ней. Ее, видимо, принесло ветром. Этриан не знал, что перед ним ветка акации — ему никогда не доводилось видеть этого дерева.

Однако сердце его забилось сильнее. Там, где растут деревья, обязательно должна быть вода. Он заковылял быстрее, двигаясь как человек, танцующий на раскаленных угольях.

Наступил рассвет. Этриан больше спотыкался и падал, чем шел вперед. Его ладони и колени кровоточили. Огром-

ный каменный монстр нависал над ним всего в какой-то сотне ярдах вверх по склону.

Чудовище было гораздо больше, чем казалось издали. В высоту оно достигало не менее шестидесяти футов, а длину тела Этриан определить не смог. Зверь лежал на плоской, вырубленной вокруг него площадке. Монумент был неимоверно древним, и время оставило на нем заметные следы. Некогда четко вырубленные в камне детали морды стали почти неразличимы.

Мальчик не испытывал особого желания вглядываться в фантастическое каменное чудище, все его внимание было обращено на несколько чахлых деревьев, произрастающих вокруг гигантских лап сфинкса.

Солнце опаляло его обнаженную спину, причиняя новую, нещадную боль. Невзирая на все более частые падения, он все же продолжал путь. На ровную, окружающую монумент площадку он уже не вышел, а едва-едва выполз.

Вода! Между лап чудовища располагалось небольшое мелкое озерцо... Этриан поднялся на ноги и из последних сил проковылял последние шаги. Затем он упал лицом в воду, он стал жадно втягивать в себя вонючую илистую жижу. Мальчик все пил и пил до тех пор, пока у него не заболел живот.

Через пару минут у него началась рвота.

Выждав некоторое время, он снова напился — на сей раз более осторожно. Затем, шлепая по воде, он добрался то тенистого места. Решив, что солнце туда не заглянет весь день, он рухнул на землю и тут же уснул.

Ему снились странные и очень четкие сны.

Его снова посетила женщина в белом. Прежде всего она осмотрела его раны. Там, где касались ее пальцы, боль мгновенно проходила. Он посмотрел на себя и увидел, что полностью исцелился. Мальчик попытался руками прикрыть свою наготу. Женщина мягко улыбнулась, отошла и, став между лапами чудовищного зверя, взглянула на встающую из-за моря луну. На фоне светлого диска, в верхней точке похожего на спину дракона острова, хорошо был заметен силуэт крепости.

Этриан подошел к женщине. Он посмотрел на пустыню и увидел ее такой, какой она могла бы быть: покрытой пышной растительностью, процветающей, населенной трудолюбивыми, счастливыми людьми. Но на острове пылали пожары, а море кишело кораблями. Судов было так много, что за их парусами не было видно волн. На суше там и сям виднелись столбы дыма, а в небе кружили драконы. На спинах громовых ящеров сидели какие-то бестелесные тени, и с небес на землю устремлялись смертоносные огненные стрелы. Армии Навами сражались, терпели поражение и отступали лишь для того, чтобы сформировать новые отряды. Женщина в белом обращалась к ужасным колдовским заклинаниям, но даже и их могущества недоставало.

Но вот каменный зверь разверз уста и произнес Слово. Слово это прогремело громом самой Судьбы. С небес на землю посыпались призраки с лицами-черепами. Драконы взвыли и заткнули уши когтистыми лапами. Враги, бросая оружие, побежали к своим кораблям.

Но ушли они ненадолго. Столь же чудовищная Сила возникла на острове. Этриан не только ощутил ее, но и понял, как ее зовут. Нахаман Одита. Эта женщина таила в себе огромное зло и владела могущественной магической Силой.

Нахаман собрала свои армии и нанесла ответный удар. Ее воины шагали по земле и спускались с облаков. Ни колдовство женщины в белом, ни Слово каменного зверя не могли сдержать бесконечные волны атакующих. С каждым новым ударом они все больше и больше приближались к заветной горе с каменным изваянием.

Этриан вскоре понял, что стал свидетелем борьбы, продолжавшейся не одно поколение и спрессованной в одну ночь. Перед ним проходили наиболее яркие эпизоды многовековой войны.

Орды Одиты наконец достигли горы. Они уничтожили все, что могли уничтожить, и запечатали пасть зверя.

Нахаман сошла на берег. С помощью череполиких духов она превратила цветущий край в выжженную пустыню. Женщине в белом и каменному монстру не оставалось ничего, кроме как взирать на производимые разрушения.

Власть зверя и жизнь Навами таились в пасти каменного идола. В итоге все владения Навами свелись к жалкому клочку земли между огромными каменными лапами.

Нахаман с остатками войска уплыла на остров, а оттуда еще дальше за море. С тех пор она больше не омрачала своим появлением берегов Навами.

Этриан был поражен. Все это насилие и кровь лишь для того, чтобы погрузиться на корабль и уплыть? Что это должно значить?

Женщина в белом заметно постарела. Этриан всем своим существом чувствовал ее отчаяние. Она прожила бесконечно долгую жизнь, столь же долго каменный зверь сохранял ей молодость и красоту. Теперь, усохнув, она превратилась в старуху. Старая карга молила о приходе смерти, но монстр не позволял ей умереть. Ее руки стали походить на старые сухие ветви. Но затем тело ее исчезло, и женщина стала беспокойным, страдающим призраком, бродящим по склонам волшебной горы.

Свет раннего утра разбудил Этриана. Оказывается, он проспал целые сутки. Мальчик уловил аромат пресной воды и побрел к озерцу.

Лишь утолив жажду, он заметил, что боль в руках исчезла. Раны еще сохранились, но и они затягивались самым чудесным образом.

Этриан поднялся на ноги и изучил свое тело. Ступни тоже заживали. Колени выглядели значительно лучше. Следы солнечных ожогов полностью исчезли.

Неожиданно почувствовав испуг, он оглянулся.

Около того места, где он спал, стояла пара сандалий, рядом с ними лежала аккуратно свернутая тога, а подле нее был расстелен крупный, зеленый лист с горкой тминных бисквитов на нем.

В нем боролись два чувства: голод и страх. Голод победил. Этриан схватил бисквиты и, подбежав к озерцу, принялся их жадно поглощать, тут же запивая водой. Покончив с едой, мальчик оделся. Сандалии и тога пришлись ему как раз впору.

После этого он приступил к исследованиям. Несмотря на все усилия, Этриан не смог обнаружить никаких при-

знаков присутствия иных живых существ, кроме самого себя. Он взглянул на каменного монстра и не поверил своим глазам. Ему показалось, что на губах изваяния появилось подобие слабой улыбки.

Этриан вскарабкался на сфинкса и оглядел округу с верхней точки чудовищной головы.

Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась безжизненная пустыня. Красноватая равнина, казалось, была покрыта ржавчиной. Кое-где торчали голые, серые утесы.

Этриан понял, что ему никогда не удастся покинуть этот край. Ни один смертный не может надеяться преодолеть раскаленную пустыню, избежав при этом вечных объятий Темной Дамы.

Получается, что старик оказал ему не такую уж большую услугу.

Этриан попробовал позвать женщину в белом, обратился к каменному монстру и даже воззвал к Нахаман Одите. Ответом на его крики было лишь приглушенное эхо.

В этом эхе звучало отражение какой-то бесконечно древней радости.

Он вернулся к озерцу.

— Избавитель!

Это был голос из его снов. Женщина в белом стояла рядом с ним, но произнесенные шепотом слова, которые слышал Этриан, доносились откуда-то сверху.

— Что?

— Избавитель. Приход которого был предсказан. Тот, кто согласно моему пророчеству должен появиться в час нашего отчаяния. Тот, кто избавит нас от проклятия Навами и вернет нам дни нашей славы.

Этриан ничего не понимал.

— Бесконечно долго мы томились в ожидании твоего появления, и могущество наше безвозвратно уменьшалось, превратившись в конце концов лишь в жалкую тень той Силы, которой мы владели раньше. Избавь нас от наших оков, и мы исполним любое твое желание. Разбей наши цепи — и ты станешь Властелином мира, таким, какими были наши верные слуги до того, как Нахаман подняла мятеж и бросила на нас свои черные орды.

Этриан вовсе не ощущал себя чьим-то спасителем. Он чувствовал себя растерянным, испуганным мальчиком, каким, собственно, и являлся. Судьба случайно свела его с чем-то огромным, далеко выходящим за рамки его понимания. Он мечтал лишь о том, чтобы выжить, вернуться домой и отомстить своим врагам. Именно в таком порядке.

— Ты исполнен страха и ненависти, Избавитель. Мы их прекрасно видим. Мы прочитываем их с той же легкостью, с которой писец прочитывает листы книги. Освободи нас — молим мы. Затем, вместе с тобой, мы втопчем твоих врагов в пыль. Яви, — сказала вдруг она, — яви Избавителю все скованное цепями могущество Навами, которое он сможет со временем использовать, как оружие своего мщения.

Женщина в белом вступила во тьму между лапами зверя.

И Этриан увидел тех, кто бросил его в темницу, тех, кто похищал мать и предъявлял невыполнимые требования к отцу. Лорда Чина не было среди них, но все его подручные оставались в живых.

Гнездом их и рассадником был Шинсан — Империя Ужаса. Обретя обещанное могущество, он мог бы уничтожить Шинсан.

— Магическая сила принадлежит тебе, Избавитель. Тебе остается лишь принять ее. Следуй за Сахманан. Пусть станет она твоей первой помощницей в деле восстановления Навами.

Женщина в белом поманила его, Этриан подошел к ней, и она повела его за собой в темноту.

С каждым шагом тьма все более сгущалась. Мальчик вытянул руки, опасаясь наткнуться на каменную стену за вытянутыми передними лапами зверя.

Но, прошагав значительное расстояние, он так и не встретил никакой преграды. Женщина исчезла. Ее связывало с ним лишь нечто похожее на бессловесный шепот, который она оставляла позади себя. Этриан не мог прикоснуться к ее руке, ибо она, в отличие от каменного зверя, не обладала физическим телом.

Неожиданно для себя он вдруг оказался в освещенном пространстве.

От изумления Этриан открыл рот. Он припомнил истории, рассказанные лучшим другом отца Браги Рагнарсоном. Браги был крестным отцом Этриана, но мальчишка подозревал, что Рагнарсон вступил в заговор с целью истребить всю семью своего крестника.

Зал Горного Царя. Нижняя Гора или Гора Грома, как ее называют троллединги. Пещеры, где властвует Царь Мертвецов и откуда он посылает заблудшие души охотиться, оседлав горные ветры, на живых...

Этриан стоял на узкой площадке над пещерой, пещерой столь огромной, что стен ее разглядеть было невозможно. Рядом с ним находилась Сахманан.

— Все они, — Сахманан обвела рукой пещеру, — находятся под твоим командованием, Избавитель. — Слова были произнесены настолько тихо, что Этриан едва смог их расслышать.

«Они» неподвижно стояли в безупречном порядке батальонами и полками. Армия, замороженная во времени. Воинов было так много, что число их определению не поддавалось. Там находились как бойцы в белом, так и те, кто от имени Нахаман Одиты штурмовал Навами. Пехотинцы. Всадники. Воины на слонах. Даже череполикие, верхом на своих драконах.

Все они недвижно стояли под заливающим пещеру желтым светом, похожие на попавших в янтарь насекомых. Этриан не мог определить источник этого ровного, немигающего света. Атмосфера пещеры, казалось, была наполнена напряженным, нетерпеливым ожиданием.

— Они знают тебя, Избавитель, и готовы обрести жизнь по мановению твоей, призывающей к мщению, руки.

— Кто они? — спросил мальчик. — Откуда пришли?

— Задолго до падения Навами было ясно, что Нахаман станет действовать по своей воле. Мы сумели опередить ее ярость, вовремя выскользнув за дверь. Мы позволили ей одержать победу и обратили всю свою Силу на службу тому дню, когда Избавитель освободит нас от цепей, в которые она нас заковала. Кто мог предполагать, что до твоего появления пройдет так много времени? Кроме того, мы не смогли предвидеть, что она ослабит нас настолько, что даже посылка дельфинов оказалась для нас чуть ли не непосильной задачей.

Однако основные вопросы Этриана остались без ответа. Он опасался, что получит их тогда, когда будет слишком поздно.

— Кто эти люди?

— Некоторые из них павшие крестоносцы Навами. Наше искусство позволило их реанимировать, вложить в них боевой дух и сохранить, — произнес голос каменного зверя. — Они тоже ждут своего Избавителя.

«Неужели это мертвецы? — подумал Этриан. — Неужели ему для того, чтобы призвать их к жизни, придется прибегнуть к ужасам некромантии?»

Его переполняло отвращение. В таком возрасте, как известно, больше всего боятся мертвецов.

Женщина в белом внимательно смотрела на мальчика. На ее губах играла легкая улыбка. Когда она заговорила, то оказалось, что ее слова не совпадают с артикуляцией.

— У тебя же есть враги. Разве не так? — Речь женщины, казалось, лилась издалека, напоминая шелест ветерка среди деревьев. — Здесь сосредоточена сила, которая поможет тебе повергнуть их в прах.

Этриан в силу своей молодости любил мечтать. Сейчас он был растерян и напуган, но не желал быть глупцом. Он знал, что за все приходится платить.

Интересно, какова может быть цена?

— Освободи нас, — сказала женщина. — Избавь от оков. Это все, что мы просим.

Этриан смотрел на ждущую армию, армию мертвецов и размышлял о падении Навами. Неужели необузданная ярость снова будет выпущена на волю? Возможно ли будет удержать ее под контролем? Неужели месть имеет для него такое больше значение?

Но какая иная сила способна противостоять мощи Империи Ужаса? Только древнее колдовство в состоянии бросить вызов процветающей сейчас в Шинсане магии.

Но ему следует хорошенько подумать. Помогут ли Сахманан и каменный зверь сохранить ему жизнь, если он откажется им помочь? С какой стати они станут делать это?

В таком случае он очень скоро превратится в памятник из костей, белеющих в пустыне под палящим солнцем.

Он отошел от женщины и вернулся туда, откуда была видна серебрящаяся в свете луны пустыня. Далеко на востоке, на острове виднелись огоньки. Он всмотрелся в них, пылая ненавистью к людям, которые их зажгли.

Что он значит в этом мире? Он бессилен, словно последний червь. Каким иным способом может он воздать им за их преступления?

Выступив из темноты, к нему подошла Сахманан.

— Каким образом я смогу вас освободить? — спросил Этриан.

Женщина сделала попытку объяснить.

— Скажешь, когда мы встретимся в следующий раз, — оборвал ее мальчик. — Тогда я и дам свой ответ. Прежде я должен подумать.

Он вернулся к месту, на котором обычно спал, и улегся, приняв позу ребенка в утробе матери. Он учился жить с новыми страхами — со страхами, неведомыми ему раньше.

Затем пришли сны. Видения не оставляли его ни на минуту. На сей раз Этриан не просыпался очень долго. Он неподвижно лежал, казалось, целую вечность, а каменный монстр тем временем, используя последние силы, показывал ему мир, пытаясь таким образом склонить мальчика на свою сторону. Одновременно зверь подсказывал Избавителю, как тот должен поступать.

Лишь немногие из снов Этриана можно было назвать веселыми.

ГЛАВА 2

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Время перемен

— Он приближается! Он уже у Жемчужных Врат! — радостно возвестил Чу.

Ссу-ма Ших-кай оторвал взгляд от утреннего доклада. Это был грузный человек с бычьей шеей. В нем было что-то от борова. Ссу-ма походил на борца, а не на тервола — командира легиона Срединной армии.

— Кванг-юин, веди себя так, как приличествует Претенденту.

— Прошу прощения, господин Ссу-ма, — встав по стойке смирно, произнес Чу.

Ших-кай вышел из-за стола.

— Ты постоянно извиняешься, Кванг-юин, — сказал он. — Я нахожу твои извинения вызывающими.

Глядя вдаль через плечо командира, молодой человек прошептал:

— Прошу прощения, господин.

Ших-кай заскрипел зубами. Этот парень безнадежен. В старые времена его ни за что не избрали бы, не посмотрев на то, что он отпрыск тервола. Ошибаются те, кто считает, что военные потери допускают снижение уровня требований к Претендентам.

Ших-кай чуть ли не со священным трепетом и гордостью припомнил древние условия отбора.

Сам он происходил из крестьян. Его собратья-тервола так и не смогли забыть того, что отец Ших-кая пас свиней. Он же, в свою очередь, постоянно напоминал им, что стал Кандидатом во времена принцев-магов, когда лишь лучшим из лучших дозволялось карабкаться по скользким ступеням лестницы, ведущей в элиту Шинсана.

На сборищах тервола все еще продолжали звучать шутки о его происхождении. Смеяться ему в лицо они, правда, перестали, но даже все успехи Ших-кая не смогли заставить их забыть сословные предрассудки.

Ссу-ма Ших-кай многому научился в свою бытность Кандидатом. Он развил в себе сдержанность, а врожденная толстокожесть делала его невосприимчивым к издевкам. В результате он достиг таких высот, о которых не могли и подумать те, кто избирал его Кандидатом. Ших-кай был упрямым, решительным и целеустремленным человеком.

Тервола всегда хвастались тем, что их ряды открыты для любого упорного, талантливого и дисциплинированного ребенка. Но эта демократичность в основном оказывалась иллюзорной. Ссу-ма так и остался чужаком для старинных аристократических родов. Его сыновья не могли жениться на дочерях знати. А его дочерям, если он таковыми обзаве-

дется, не удастся сочетаться браком с утонченными, бледными отпрысками Силы, такими, как его безмозглый адъютант.

Кванг-юин извинился еще раз, нарушив тишину и оторвав Ссу-ма от отвлеченных размышлений. Тервола изо всех сил стремился подавить в себе чувство благодарности, вызванное подобным раболепием. Пока это еще было в его власти. Хватит! Претендентов следует воспитывать. Лишь сильные способны выжить в этом мире.

— Кванг-юин, — прорычал он, — еще одно извинение, и ты отправишься в тренировочный лагерь для малолеток.

Претендента начала бить дрожь.

Ших-кай посмотрел на бледные, трясущиеся щеки и понял, что Чу не суждено попасть в число Избранных. Во всяком случае до тех пор, пока ему, лорду Ссу-ма, будет принадлежать решающий голос. Парень чересчур застенчив.

— А теперь, Кванг-юин, доложи, как положено.

— Сэр! — выпалил Чу. — Командир стражи почтительно доносит, что лорд Куо Вен-чин стоит у Жемчужных Врат. Лорд Куо испрашивает у вас аудиенции.

— Это уже лучше. Значительно лучше. Ты на правильном пути. Выжди две минуты. Соберись с мыслями и повтори еще раз. Не забудь постучать перед тем как войдешь.

Щека Чу дернулась в тике.

— Как прикажете, господин.

Ших-кай занял свое место за письменным столом и вернулся к утреннему докладу.

Он смотрел на бумаги и не видел их. Лорд Куо! Здесь! Ссу-ма был изумлен. Что надо этому человеку? Почему он тратит время на посещение крестьянского сына, командира учебного легиона? Легион Ших-кая именовался Четвертым Показательным. Каждую весну в него поступали трехлетние младенцы, чтобы через восемнадцать лет стать бесстрашными и умелыми бойцами, перед которыми трепещет весь мир.

За исключением двух коротких периодов Ших-кай всю жизнь провел в Четвертом. Способности и воля позволяли ему постоянно подниматься по служебной лестнице, несмотря на предрассудки и предвзятость аристократов. По-

чти два десятка лет Ших-кай командовал Четвертым Показательным. Он гордился солдатами и Избранными, которые были выкованы его рукой. Куда бы ни направляли выпускников Четвертого, они везде быстро шли на повышение. Начальники считали, что у него лучше всего получается именно то, чем он сейчас занимается, и их вполне устраивало, что Ших-кай счастлив, выполняя дело, которое обычно поручалось лишь впавшим в немилость тервола. Командование учебным легионом большой честью не считалось.

Ших-кай понимал, что с профессиональной точки зрения оказался в тупике. Изменение политического климата, после того как более молодые тервола разогнали сторонников Ко Фенга, делало его будущее еще более беспросветным. Несмотря на всю свою аполитичность, командир Четвертого Показательного принадлежал к числу старых традиционалистов.

Итак, к нему пришел лорд Куо. Видимо для того, чтобы избавиться еще от одного представителя старой гвардии? Все сторонники Ко Фенга уже успели лишиться своих постов в Армии или Совете, получив незначительные должности в слабых войсках на востоке и на севере. Сам же Ко Фенг, потеряв не только власть и почести, но и бессмертие, отправился в добровольную ссылку. Неужели теперь настала его очередь? Неужели всеобщая чистка, подобно вызванному из преисподней демону, захватит и его? Неужели возраст стал основным критерием пригодности?

Ших-кай испугался. Но в то же время он рассердился. Ведь он сумел, никого не обидев, пережить принцев-магов, Мглу, О Шинга, заговор Праккии и Ко Фенга. Все это время он был солдатом империи. У них нет ни права, ни оснований его прогонять. Он, Ссу-ма Ших-кай, всегда чурался политики и стоял в стороне от борьбы за власть.

Послышался негромкии стук в дверь.

— Входите.

Чу переступил через порог и доложил. Он сумел преодолеть восторженное возбуждение, которое вызывал у всех лорд Куо, где бы он ни появлялся.

— Вот это уже лучше. Значительно лучше. Ведь наша первая обязанность — победить себя. Не так ли? Значит, лорд Куо? И что же, по-твоему, он хочет?

— Не знаю, господин. Он не сказал.

— Хм...

Ших-каю не очень нравилась та рука, которая теперь вела Шинсан по дорогам судьбы. Из его далека Куо Вен-Чин представлялся ему слишком наивным, чересчур идеалистичным и недостаточно гибким. Кроме того, тот имел склонность чрезмерно упрощенно подходить к решению проблем. Всего два года назад Куо командовал корпусом в родной для Ших-кая Серединной Армии. Куо был слишком молод, и ему не хватало опыта. Тем не менее его влияние постоянно возрастало. Он обладал харизмой и, казалось, отвечал представлениям о новом вожде со свежими идеями, в которых так нуждалась Империя после провала на западе. Не исключено, что Куо сумеет залечить раны, нанесенные боевому духу легионов.

— Вы позволите мне встретить его, лорд Ссу-ма? — Претендент вновь горел энтузиазмом.

— Ты способен вести себя сдержанно и уважительно?

— Да, господин.

Умоляющие нотки в голосе юноши вызывали у Ших-кая отвращение. Тем не менее он сказал:

— Отправляйся. Веди его сразу ко мне.

— Слушаюсь, господин. — Чу повернулся на каблуках и ринулся к двери.

— Кванг-юин. Если ты меня опозоришь, то проведешь целый год в лагере начальной подготовки.

Чу замер. Когда же он возобновил движение, его лицо было похоже на каменную маску, а шаг стал неторопливым. Спину, как и положено, он держал совершенно прямо.

Ших-кай позволил себе улыбнуться.

Вступив в кабинет Ших-кая, лорд Куо Вен-чин сразу же произнес:

— Не вставайте, почтенный лорд Ссу-ма. — Слова эти сопровождались взмахом изящной, почти женской руки.

Куо снял свою маску в виде оскаленной морды волка: серебро и черный янтарь. Ших-кай был вынужден ответить

на это приглашение к неформальной беседе и тоже открыл лицо.

Ему нравилось, что маска соответствует сложившимся у его собратьев взглядам на его характер. Она изображала морду пылающего яростью кабана. Один клык секача был сделан из кварца, второй из рубина. Красный цвет призван был продемонстрировать, что зверь только что разорвал своего врага. На маску с большим мастерством были нанесены следы сражений, в которых она якобы побывала.

Тервола, используя всю свою фантазию, не жалели ни времени, ни Силы на изготовление символа своего статуса. Говорили, что внимательный человек может определить по маске не только характер ее владельца, но и проникнуть в тайные помыслы его души.

— Ваш приезд — большая честь для нас, лорд Куо.

— Вовсе нет. Вы мне понадобились, и вот я здесь.

— Вот как?

Ших-кай внимательно вгляделся в посетителя. Почти женские черты лица. Ростом существенно меньше, нежели тервола прошлых времен. Привлекателен внешне, но все же чересчур женственен. Он чем-то напоминал Ших-каю Мглу — принцессу-демона, с которой он иногда встречался во время ее короткого правления.

— Вы знаете, лорд Ших-кай, что я являюсь воплощением перемен. Я несу с собой свежую кровь. Я хочу полностью покончить с отголосками плохо продуманных авантюр лорда Ко Фенга.

— Нельзя забывать, что группа Ко Фенга присоединила к Империи гигантские территории.

— Тем не менее... — Куо взмахнул своей изящной ручкой. — ...Западная Армия дважды терпела неудачу. В первый раз во времена принца-дракона и вторично, когда Праккия разыграла свой гамбит.

В не привыкшей к поражениям Империи даже видимость поражения не подлежала прощению.

— Фенг мог выиграть сражение под Палмизано. Однако он предпочел отойти, чтобы не понести потерь, угрожающих стабильности наших легионов. Наш собрат был цель-

ной и последовательной личностью. Он сберег легионы, хотя и знал, что это обойдется ему дорогой ценой.

Куо был явно раздражен. Ему потребовалось некоторое время, чтобы обрести контроль над собой.

— Нам, естественно, не дано знать, что могло бы произойти, прояви он твердость. Однако я пришел к вам, лорд Ссу-ма, не для дискуссии. У меня нет желания вытаскивать на свет наше недавнее прошлое.

«Естественно, — подумал Ших-кай. — Тебе хотелось бы зарыть его как можно глубже, а вместе с ним и тех, кто жил в то время. И одновременно похоронить все то доброе, что они сделали, дабы никто не мог сравнить прошлое с настоящим».

— Завтрашний день. Вот что нас интересует больше всего. Не так ли? Что же, лорд Куо, поведайте мне, что со мной должно случиться завтра.

Лицо Куо посветлело. Он улыбнулся своей девичьей улыбкой и произнес:

— Вы неправильно истолковали мой визит, лорд Ссу-ма. Я здесь вовсе не для того, чтобы сместить вас с поста. Однако я хочу предоставить вам возможность пожить деревенской жизнью. В Восточной Армии.

Желудок Ших-кая оборвался и упал вниз футов на сто. Все. Чистка перешагнула политические границы.

— Я крайне далек от политики, лорд. Мое дело — готовить солдат. И это у меня хорошо получается.

— Знаю. Я был Кандидатом в Четвертом Показательном. Уверен, что вы меня не помните. В то время вы командовали бригадой. Но я вас запомнил. Вы произвели на меня сильное впечатление.

— Вот как? — Ших-кай изо всех сил пытался скрыть обуревавшие его чувства. Он не помнил Кандидата Куо. Неужели этот тип не поленился явиться сюда лишь для того, чтобы воздать ему за какие-то старинные грехи?

— Лорд Ссу-ма, я желаю, чтобы вы приняли на себя командование Восточной Армией.

Ших-каю показалось, что на него обрушился весь мир.

— Лорд! Я?.. Но мне никогда не доводилось командовать полевыми частями.

— Вы проводили учения Четвертого Показательного. По масштабам учение было не менее чем корпусным — мы тогда очень нуждались в пополнении. Уверен, что вы справитесь. В вас есть упорство Ко Фенга, но нет его недостатков. Вы — именно тот человек, который мне нужен. Вы умеете принимать решения с ходу и при этом добиваетесь нужных результатов. Кроме того, очень важно, что вы относитесь к старшему поколению тервола и что у вас нет определенных политических симпатий. Вы явитесь прекрасным связующим звеном между мной и теми неисправимыми рецидивистами, которых я прогнал со своих постов и отослал в тишайшую (так мне тогда казалось) приграничную армию.

За время своего краткого правления Куо успел не раз поразить Шинсан своими непредсказуемыми, но постоянно удачными решениями. Назначение Ших-кая было еще одним примером этого.

— Но мое происхождение...

— Не имеет значения. Абсолютно никакого значения. Вы — тервола. Вас специально готовили для того, чтобы руководить. Если я назначу вас командующим армией, никто не посмеет оспорить моего решения. Итак, Лорд Ссу-ма, согласны ли вы принять командование Восточной Армией?

Внешне Ших-кай оставался спокойным, словно каменное изваяние. Однако внутри себя он отчаянно пытался найти хоть какую-нибудь опору, которая помогла бы ему устоять под грузом неожиданно обрушившейся на него новой реальности. Командование армией! Пусть второстепенной Восточной... Это честь, о которой он даже не осмеливался мечтать.

— Когда?

— Немедленно. Вы мне нужны там.

— Что произошло?

— Точно ничего не известно. От безделья они стали изучать пустыню, остановившую их продвижение на восток. Патрули начали исчезать. Вам все расскажут, когда вы туда прибудете. Итак, вы принимаете командование?

— Лорд... Да, принимаю.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся Куо. — Я так и думал.

Он достал небольшой алый значок, изображающий лицо человека с клювом вместо носа. Это был знак Командующего армией. Существовали лишь считанные единицы подобных регалий. Чтобы создать знак командующего, требовалась вся магическая мощь Совета тервола в полном составе. Ших-кай с трепетом принял знак. Его интересовало, кто носил его раньше, но спрашивать он, естественно, не стал. У него еще будет время выяснить историю символа и узнать те славные дела, которые были с ним свершены.

— Подберите необходимых людей и отправляйтесь на восток, как только я подыщу вам замену. Ваша армия будет состоять из пяти размещенных там легионов. Первоначально я планировал забрать два легиона, но после того как начались исчезновения, от этой идеи пришлось отказаться. Северная Армия будет вашим резервом, однако ее численность сведена до уровня корпуса. — Куо принялся объяснять, что собирает все армии, дабы укрепить южные границы.

— Но... у нас там уже расквартировано двадцать шесть легионов.

— Ситуация с Матаянгой день ото дня становится все хуже. Они пытаются вызвать нас на провокацию, чтобы тут же нанести превентивный удар. Они хотят сделать это, пока численность легионов полностью не восстановлена. Однако мы готовим для них сюрприз.

Ших-кай понимающе кивнул. Территория Шинсана в последнее время росла слишком быстро. Гражданские войны и войны за пределами страны перемалывали легионы. Армия с огромным напряжением охраняла существующие границы. Потери в живой силе не позволяли ей заниматься перевоспитанием завоеванных народов и ассимиляцией их в состав Империи. Держава постепенно превращалась в весьма хрупкую структуру.

— А как же западное направление? — поинтересовался Ших-кай. Тервола опасались запада больше, чем востока, несмотря на огромное население последнего.

— Я приказал Хсунгу сделать все, чтобы нормализовать отношения, избегать любой конфронтации. Он должен забыть о военных действиях и перенести центр тяжести на

политику. Слабость запада — в его разобщенности. Интрига должна стать нашим главным оружием. Могут пройти десятилетия, прежде чем мы отомстим за наших мертвых. Сейчас же следует переварить то, что мы уже проглотили.

На сей раз Лорд Куо произвел на Ших-кая весьма благоприятное впечатление. Его зажигательная демагогия, видимо, была лишь средством для устранения Ко Фенга. Сегодня он демонстрировал более реалистичный подход к стоящим перед Империей проблемам. Может быть, он сможет обратить вспять процесс сползания к хаосу, начавшийся со смертью принцев-магов.

Быстро сменявшие друг друга наследники нарушили стабильность своими междоусобицами и бессмысленными военными походами.

— Я буду счастлив командовать Восточной Армией. Я горжусь вашим доверием. Я сегодня же приступлю к подбору нужных мне людей.

На физиономии Куо появилась легкая гримаса недовольства. Лорд Ссу-ма Ших-кай дает ему понять, что аудиенция закончена. Ему, самому... Но он тут же улыбнулся. Ссу-ма не мог избавиться от старой привычки. Все более молодые люди навсегда оставались для него учениками...

— Желаю удачи, лорд Ссу-ма, — сказал он, поднимаясь.

— Благодарю, — ответил Ших-кай, практически не слушая Куо. Он уже снова целиком ушел в работу.

На самом деле он просто хотел на некоторое время спрятаться за утренними докладами. Этот подарок судьбы следовало как следует переварить.

Ших-кай узнал, что ему придется с тридцатью тысячами людей оберегать границу протяженностью три тысячи четыреста миль. Утешало лишь то, что восточные легионы имели полный состав. Ни один из них не участвовал в неудачных западных кампаниях.

Кроме того, на него возлагалась обязанность управлять приграничной военной зоной и сохранять там покой.

Его предшественник поступил так, как того требовали обстоятельства, и прибег к помощи вспомогательных частей, сформированных из туземцев. Пользы от них было мало.

Земли, в которых Ших-кай стал Проконсулом, были населены дикарями. Лишь немногие племена вступили в Бронзовый Век, хотя местные барды и распевали баллады о прошлом величии края. Встречающиеся там и сям древние руины подтверждали правдивость устных преданий.

Следуя примеру предшественников, Ших-кай разместил штаб в Семнадцатом Легионе. В зону действия Семнадцатого как раз и входила вызывающая подозрение пустыня. Все потери приходились именно на этот Легион.

Семнадцатый возвел новую могучую крепость всего в нескольких милях от границы плохих земель. Прибыв на место, Ших-кай узнал, что командир легиона энергично ведет исследовательскую работу. Одна из стен главного зала твердыни была гладко оштукатурена, и легионеры рисовали на ней огромную карту. Они делали это по частям, по мере того как каждая новая экспедиция, вернувшись, снабжала их дополнительными деталями. Ших-кай не отправился в отведенные ему покои до тех пор, пока не провел совещание. Он расхаживал вдоль стены длиной более ста пятидесяти футов, изучая и запоминая малейшие подробности местности.

— Неужели она действительно начинается так неожиданно? — спросил он, указывая на нижнюю часть карты, где зеленые волны уступали место коричневой краске.

— Практически сразу, — ответил Лун-ю Таси-Фенг, командир Семнадцатого Легиона. — Переход от леса к травянистой полосе, а затем к пыли и песку укладывается не более чем в милю. Если бы не господство западных ветров, то пустыня неуклонно наступала бы на нас, как непобедимая армия.

— Осадки?

— Весьма значительные, лорд. Дожди как здесь у нас, так и в пустыне. Отсюда можно наблюдать, как у гор на востоке клубятся тучи. Но тем не менее там ничего не растет.

— Хм. — Ших-кай бросил взгляд на схематическое изображение гор и спросил: — Реки?

— Несколько. Единственная жизнь, которую в них удалось обнаружить — рыбы, идущие вверх по течению. Впро-

чем, высоко они не поднимаются. В реках им нечем питаться.

Ших-кай отвел глаза от карты, подумал немного и спросил:

— Некоторые подразделения Семнадцатого принимали участие в войне с Эскалоном? Не так ли?

— Я сам был там, лорд, — ответил Таси-Фенг.

— Можем ли мы сравнить то, что видим здесь, с опустошением, имевшим место под Эскалоном?

— Опустошение здесь, лорд, даже более сильное, чем там. Эта мысль и мне пришла в голову. Во всех своих действиях я исхожу из того, что эти земли были выжжены при помощи Силы. Правда, точных доказательств этого мы пока не обнаружили.

— Исторические исследования?

— Никаких письменных следов, лорд.

— В таком случае мы имеем дело с весьма древним явлением. А как насчет устных племенных преданий? Я слышал, что в лесах имеются какие-то руины. Не пытались ли вы определить их возраст?

— В племенах рассказывают легенды о битвах богов. Руинам же по меньшей мере тысяча лет. Не исключено, что значительно больше. Мой лучший некромант работает в наиболее сохранившемся городе. Он не мог определить более точное время.

— Консультировались ли вы с Запределье?

— Демоны либо не знают, либо не желают говорить.

— Понимаю. Сколько человек вы потеряли?

Ших-кай внимательно выслушал доклад о каждой из исчезнувших групп. Таси-Фенг указал на карте место их последнего известного нахождения. Все отряды сумели достичь гор, что было единственной общей чертой для всех исчезновений.

— Не пытались ли вы организовать поиск с воздуха?

— Птицы отказываются летать над пустыней. Я хотел направить дракона, но получил отказ. Драконы сказали, что слишком много их погибло на западе, и в данный момент необходимо восстанавливать численность. Лично мне кажется, что они, как и птицы, просто боятся.

— Вот как? Сняли ли с драконов показания? Ведь некоторые из крылатых ящеров могут быть старше древних руин.

— Если они что-то и знают, то не говорят. Они даже менее разговорчивы, чем демоны.

— Любопытно. Весьма любопытно. Лорд Лун-ю, я выношу вам официальную благодарность. Вы отлично поработали.

— По правде говоря, здесь больше нечем было заняться. Центурионы непрестанно ворчат, что это никчемная, специально придуманная для них работа.

— Так и должно быть, — улыбаясь под маской, ответил Ших-кай. — Но мне все это весьма любопытно. Похоже, что лорд Куо придает огромное значение этой загадке. Более того, он весьма обеспокоен. Вы можете догадаться, почему?

— Я не очень уверен. Может быть, лорд Куо обеспокоен потому, что из-за гор доносятся отголоски Силы? — Командир легиона ткнул указкой в точку на стене, примерно в двадцати футах от пола. — Эманация исходит примерно из этих мест.

Некоторое время Ших-кай молча смотрел на карту. Затем он спросил:

— Что вы можете сказать о качестве воды в реках? Пить ее можно?

— Сильно минерализирована, как я и предполагал, но для питья годится. — Таси-Фенг был, похоже, немало удивлен последним вопросом.

— Итак, лорд Лун-ю, мы начинаем сужать зону поиска. Как вы отметили, все потерянные отряды находились в одном районе. Примем это за основу для последующих действий. Мы немедленно высылаем несколько экспедиций, которые будут следовать параллельными курсами. Каждому отряду придается один тервола. Во время ночевок следует открывать порталы перехода. Когда экспедиции достигнут этой линии, — он поднял указку, — мы установим мобильные тоннели перехода. Пять центурий здесь должны постоянно находиться в боевой готовности и начинать переход по первой команде. Доклады от экспедиций должны поступать каждый час, а в случае обнаружения каких-либо ано-

малий — немедленно. Отряды выходят налегке. Лишь оружие и необходимые для ночлега вещи. Снабжение будет осуществляться по тоннелям перехода. Экспедиции продолжают движение до тех пор, пока мы не получим определенного ответа. Ротацию персонала мы будем производить через порталы.

— Лорд, столь обширная программа потребует усилий всего легиона.

— Вы сами сказали, что здесь больше нечем заняться. Кроме того, лорд Куо вовсе не случайно заинтересовался этой проблемой. Он желает получить точные ответы.

— Будет исполнено, лорд.

— Есть ли еще что-нибудь, что мне следует знать?

— Никак нет, лорд. Это, пожалуй, все... Впрочем, имеются сообщения туземцев о появлении драконов. Якобы два случая. Других подтверждений нет. Сами драконы отрицают, что совершали облеты.

— Понимаю. Еще раз благодарю вас, лорд Лун-ю. Вы действовали отлично. Более тщательной работы требовать невозможно.

Ших-кай удалился в свои покои. Ординарец успел все приготовить к его приходу.

— Ты, наверное, валишься с ног от усталости, Пан-ку?

— Никак нет, если у господина имеются поручения...

— В данный момент — ничего. Когда у тебя появится свободное время, потрись среди легионеров. Послушай, о чем они толкуют между собой. Попробуй выяснить, что беспокоит их больше всего.

— Как прикажете, господин.

— А я, пожалуй, отдохну, — произнес Ших-кай, вытягиваясь на своей новой кровати.

Командующий закрыл глаза, но уснуть не мог. На востоке он ощущал чье-то присутствие. Это было нечто странное, непонятное, но тем не менее вызывающее беспокойство. «Наверное, и лорд Куо уловил отзвук этой неведомой Силы», — подумал Ших-кай.

Исследовательские отряды продвинулись в глубь пустыни на семьдесят миль. Они миновали места, до которых

добирались потерянные отряды. Единственным свидетельством всех предыдущих экспедиций оказался обнаруженный в песке обломок локтевого соединения солдатского панциря.

— Это наводит на размышления, — заметил Ших-кай. — Там слишком жарко для того, чтобы шагать в доспехах. Ищите внимательнее.

Дополнительные поиски результатов не дали. Отряд исчез шесть месяцев тому назад и природа успела стереть все следы его передвижения.

Через пару дней один из отряда сообщил, что добрался до вершины горного хребта. Ших-кай облачился в боевые доспехи и через тоннель перехода мгновенно оказался в горах.

На восток с перевала шел длинный, довольно пологий склон. Где-то вдалеке серый скат менял цвет на ржавчину пустыни. Там, внизу, Ших-кай не видел никакого движения, ни малейших признаков жизни. Сами масштабы опустошения могли кого угодно ввергнуть в уныние.

Еще один отряд достиг вершин в нескольких милях к югу от первого. Приписанный к нему тервола подал сигнал. Ших-кай ответил.

— Оставайтесь здесь, чтобы следить за их спуском, — приказал он командиру того отряда, в котором находился, и вернулся в крепость.

В крепости он застал переполох.

— Ян-чу подвергся нападению, — объяснил Таси-Фенг. — Просил подкрепление. Я направил к нему центурию.

— Надо захватить языков и немедленно доставить сюда. Держите наготове еще одну центурию.

Уже через пятнадцать минут в портале перехода появились двое пленных — невысокие люди в непривычного вида доспехах. Оба были мертвы.

— Мне они нужны живыми, — сказал Ших-кай.

Таси-Фенг вступил в переговоры с присутствующим на месте схватки тервола.

— Лорд Ссу-ма, — сказал он, — Ян-чу утверждает, что когда начался переход, они были живыми. Их даже пришлось силой тащить к порталу.

— Скажите ему, чтобы прислал еще.

Вскоре появились еще две пары пленных. Они были мертвы так же, как и первые. В последней паре один из воинов оказался высоким, смуглым человеком в броне, совершенно отличной от доспехов других пленников.

— Я хочу, чтобы их обследовали, — сказал Ших-кай и зашагал в зал с картой на стене. Еще один отряд сообщил, что на него напали, и командующий хотел восстановить в памяти местонахождение всех исследовательских групп.

— Хм, — бормотал он, шагая. — Покажитесь еще раз, кем бы вы ни были. Нанесите еще один удар.

Его желание исполнилось через час. А еще две минуты спустя на карте появились три нити, привязанные к точкам нападения и тянущиеся к верхней кромке карты. Солдаты очерчивали пространство, где нити могли бы пересечься. Новые и новые атаки позволили Ших-каю понемногу уменьшить отмеченную площадь.

— Продолжайте, продолжайте, — бормотал он, — пока я точно не найду ваше гнездо. — Он проверил, в какое время началась каждая атака. Не могли ли нападавшие выступить одновременно из одной точки?

— Лорд Лун-ю, прошу вас, отметьте точкой место нападения на Ян-чу. Обозначьте места остальных атак. Посмотрим, сможем ли мы выстроить дугу, чтобы выявить исходную точку.

Лорд Лун-ю некоторое время недоуменно смотрел на командующего. Но затем, поняв, что от него требуется, приступил к делу. Поступили сообщения еще о двух нападениях. На карте из-под руки Лун-ю вышла какая-то замысловатая волнистая дуга.

— Ничего не получается, лорд.

— Обозначьте максимальный и минимальный радиусы. Отклонения могут быть вызваны характером местности, по которой им пришлось идти.

Он уставился на карту. Ни один из его методов не работал как следует. Первый выглядел и вовсе глупым. В результате получилось множество треугольников. Однако их высоту или величины углов приходилось устанавливать по догадке.

Тем не менее зона поиска несколько сократилась.

Посыльный доставил сообщение о потерях.

— Хм... — протянул он, увидев цифры.

— В чем дело, лорд? — поинтересовался Таси-Феng.

— Эти люди — приличные бойцы.

Примчался еще один гонец и сообщил, что атаковавший Ян-чу отряд начал отход. Вскоре аналогичные доклады поступили и из остальных атакованных отрядов.

— А у них неплохая система связи, — заметил Ших-кай.

— Будем начинать преследование, лорд? — спросил Таси-Феng.

— Да, но без спешки, — бросив взгляд на карту, ответил Ших-кай. Указав на отряды, не подвергшиеся нападению, он добавил: — Направьте их таким образом, чтобы они взяли в клещи одну из отходящих групп. Таким образом мы захватим больше пленных. Прикажите Ян-чу удерживать позицию. Я сам хочу посмотреть, что там происходит.

Группе Ян-чу досталось больше всех. Склон ниже линии ее обороны был устлан телами.

— Часть убитых они взяли с собой, — пояснил тервола, обращаясь к Ших-каю. — Столько, сколько смогли унести.

Ших-кай взглянул в сторону пустыни. За лесом пылевых смерчей он смог рассмотреть густое облако пыли, поднятое отступающей армией.

— Применялась ли в бою магия? — спросил Командующий.

— Никак нет. Ни с нашей стороны, ни со стороны противника.

— Отлично. — Ших-кай еще раз посмотрел на клубящуюся над пустыней пыль. Откуда могли явиться эти люди? Как могут они существовать в подобных условиях? Он бросил взгляд на тела, но тут же отвел глаза. Командующий не привык к зрелищу последствий битв.

Тела принадлежали хорошо упитанным, добротно одетым и прекрасно вооруженным людям.

— Ян-чу, соберите их. — Он указал на мертвецов. — Снимите с них все. Вещи с каждого человека упакуйте отдельно и пришлите через тоннель перехода в крепость. — Собрав в кулак всю волю, он заставил себя взглянуть в лица

нескольких покойников. Однако их вид ему ничего не сказал. Все мертвецы напоминают живым лишь об одном, и Ших-кай вовсе не желал слышать этого напоминания.

Эти люди принадлежали к двум странным племенам. Ничего подобного Ших-кай ранее не встречал. Но почему они столь разительно отличаются друг от друга?

Не найдя ответа, он пожал плечами. Хирурги легиона произведут вскрытие и доложат.

Командующий в последний раз посмотрел на тучу пыли. Она двигалась точно вдоль той линии, которую под его руководством начертали на карте. После этого он вернулся в крепость.

Таси-Фенг приветствовал его словами:

— Лорд, Хсу Шен доносит, что среди напавших на него людей были и воины Империи.

— Наши солдаты?!

— На них были наши доспехи и знаки различия Семнадцатого.

— Ваши, пропавшие без вести люди?

— Возможно. Я приказал ему молчать до тех пор, пока мы не найдем объяснения.

— Отлично. Свяжитесь с идущими на захват группами и прикажите им ускорить марш. Они обязаны перехватить отряд врага. Прикажите Хсу Шену двинуться следом и возобновить контакт с противником. Как только он развернется в боевую позицию, пусть откроет портал. Я хочу лично взглянуть на то, что там происходит.

— Как прикажете, лорд.

Ших-кай наблюдал за тем, как приписанные к легиону Кандидаты разбирают одежду и найденные на телах личные вещи. Каждый солдат носит с собой гораздо больше того, что положено. Помимо орудий своего ремесла, он таскает на себе массу личных вещей, придающих ему индивидуальность среди тысяч и тысяч таких, как он. Просмотр вещей не дал никакого ключа к разгадке. Ших-кай внимательно изучил буквы на старинной монете. Раньше такой монеты ему видеть не приходилось.

— Что может изображать эта голова? — спросил он у одного из Кандидатов.

— Может быть, это какой-то сказочный монстр?

— Не исключено. — Ших-кай еще раз взглянул на монету, и к нему неожиданно пришла уверенность, что на востоке действительно присутствует нечто, пока ему не известное.

Появился Таси-Феног и доложил:

— Незадолго до начала атаки появилась эманация Силы небольшой мощности. Излучение продолжается, а его источник, по-видимому, находится совсем рядом с центром начертанной вами окружности.

Ших-кай среагировал мгновенно:

— Мы не имеем права рисковать. Установите порталы, связывающие нас с остальными легионами. Одна когорта каждого легиона должна быть готова к немедленной переброске.

— Наши возможности с установкой тоннелей перехода почти исчерпаны. Мы... Будет исполнено, лорд!

— Отлично. Остальные подразделения легионов должны находиться в состоянии боевой готовности. Составьте подробное донесение лорду Куо и немедленно отошлите от моего имени вместе с собранными артефактами. Это на тот случай, если с нами произойдет нечто непредвиденное.

— Неужели вы считаете, что опасность столь велика?

— Нет, не считаю. Но я не привык оставлять что-либо на волю случая. Донесение и вещи, пожалуй, пока не отправляйте. Держите их рядом с порталом и постоянно пополняйте.

— Как прикажете, лорд.

— Кроме того, мне нужна готовая к бою батарея дальнобойных баллист. Прикажите Кандидатам заняться установкой. На то, чтобы задействовать заклинания, уйдет несколько часов.

— Ковровое поражение или точечное?

— Ковровое.

Ших-кай направился в помещение, где трудились хирурги.

Один из них прервал работу, чтобы доложить:

— Мы обнаружили нечто странное. Конечно, мы не можем быть до конца уверены, так как нам неизвестно, как

может воздействовать знойный климат пустынь, но создается впечатление, что эти люди умерли уже давно.

— Вот как?

— Взгляните. Считается, что их смерть наступила не более часа назад. Если это так, то некоторые органы должны бы были проявлять некоторые признаки жизни.

Ших-кай отвел взгляд от вскрытого скальпелем трупа.

— Я предполагал, что вы обнаружите нечто подобное. Изучите повнимательнее их кровь.

— Я не совсем понял вас, лорд.

— Изучите состояние крови. Это позволит узнать, сколько времени они мертвы. — Ших-кай повернулся, чтобы покинуть прозекторскую. Он торопился убежать, прежде чем желудок вывернется наизнанку, уронив достоинство Командующего.

— У вас есть какие-то идеи, лорд? — спросил с порога Таси-Фенг.

— Полагаю, что они были мертвы до того, как начали атаку. Во всяком случае, у них именно такой вид. Прошло очень много времени с тех пор, когда я видел нечто подобное. Думаю, что это было еще до вашего рождения. Принц-демон проводил опыты по реанимации мертвых солдат. Позже он отказался от этой идеи. Мертвецов было крайне трудно контролировать.

Скрытое под маской лицо Таси-Фенга исказилось от ужаса. Некоторое время он не мог прийти в себя. Затем, справившись со страхом, он доложил:

— Новые порталы открыты, лорд Ссу-ма. Подкрепление готово к переброске. Мы пока не сумели наладить связь с лордом Куо, который проводит рекогносцировку на границе с Матаянгой. Отряды, которые вы выслали для блокирования противника, обошли врага и в данный момент заняты поиском выгодной позиции.

— Отлично. Сейчас я иду к себе. Сообщите, когда они откроют новый портал.

Ему необходимо было побыть одному, дабы изгнать пробудившегося в нем зверя. Он ранее никогда не мог предположить, что между учебным и подлинным полем боя существует столь огромное различие. Оказавшись в своих поко-

ях, он сел на небольшой коврик и обратился к тем приемам, которым с раннего детства обучают легионеров. Командующий совершал Солдатский Ритуал. Он произнес успокоительные заклятия-мантры, которыми каждый легионер начинает и заканчивает свой день. Это примитивное действо позволило ему вернуть душевный покой.

«Лорд Куо был совершенно прав, — думал он. — За этим определенно что-то стоит. Может быть, гораздо большее, чем подозревал Вен-чин».

Вошел Пан-ку.

— О! Прошу простить меня, господин.

— Я только что закончил, Пан-ку. Удалось ли тебе узнать, чем дышит легион?

— Они изнывают от тоски, господин. Им смерть как надоело сидеть на дохлой границе. Однако сегодня они, похоже, взбодрились.

— Никаких серьезных проблем?

— Нет. Это — старый легион. И очень хороший. Отлично обученный и дисциплинированный. Центурионы и декурионы относятся к делу очень добросовестно. Они выполнят все, что вы им прикажете.

— Отлично. Отлично. Спасибо, Пан-ку.

— Могу ли еще что-нибудь сделать для вас, господин?

— Влезай в боевые доспехи. Мы отправляемся в пустыню.

Спустя час Ших-кай шагнул в портал тоннеля перехода. Оказавшись на месте, он увидел, что его охотники выбрали для ожидания прекрасную позицию. Осмотрев расположения отряда, он заранее подготовил несколько боевых заклинаний.

— На всякий случай, — пояснил он Пан-ку.

Солдат понимающе кивнул. Он прекрасно знал, что его хозяин одержим манией предосторожности.

Два облака пыли становились все ближе и ближе. Хсу Шен отлично справлялся с поставленной задачей: вытеснять врага, но делать это не слишком жестко. Ших-кай перешел на восточный склон невысокого холма, на котором расположился отряд. Дальше на востоке клубилось еще одно облако пыли.

— Готовит свою засаду, — пробормотал он.

Из-за вершины холма появился Пан-ку.

— Только что получено сообщение от лорда Лун-ю, господин, — сказал солдат. — Два мертвеца вскочили на ноги и попытались его убить.

— Вот как? Мне следовало его предупредить. Он в порядке?

— Так точно, господин.

— Отлично.

Отряд врага был уже совсем близко. Ших-кай насчитал примерно двадцать пять воинов.

— А я-то думал, что они тащат своих покойников, — произнес чей-то голос.

Ших-кай решил не объяснять, что покойники уже давно шагают самостоятельно. Не стал он распространяться и о том, что уже во время нападения все враги были мертвы. Командующий дал сигнал, и его люди появились из укрытий. Отряд мертвецов остановился у подножия холма. Противник существенно превосходил их числом, и, кроме того, *с тыла на них напирал Хсу Шен.*

Ших-кай внимательно рассмотрел врагов. Хсу Шен был прав. Трое из них оказались легионерами.

Мертвяки, готовясь к битве, выстроились черепахой. Люди Ших-кая двинулись вперед.

И в этот миг враги все как один рухнули на землю.

Ших-кай вдруг ощутил, как под воздействием какой-то невидимой энергии шевельнулся воздух.

— Вниз! — взревел он. — Все на землю! — Его ум лихорадочно рылся в арсенале заготовленных их боевых заклинаний.

Закрыв солнце, с небес на землю быстро опускалось нечто похожее на подошву гигантского сапога. На долю секунды Ших-каю почудилось, что он не больше чем козявка, которую вот-вот раздавят.

Он пустил в дело заклинание.

Воздух наполнился гулом тысяч вгрызающихся в камень пил и щелканьем миллиона крошечных кнутов. Командующий поднял глаза. Чудовищный, нависший над ним каблук исчез.

— Спуститесь вниз и искрошите этих типов в куски прежде, чем они снова успеют воскреснуть.

Он не стал смотреть, как выполняется его приказ. Вместо этого он закрыл глаза и опять погрузился в царство своих заклинаний. Вооружившись магическим копьем, он представил изображенную на стене карту и мысленно обозначил на ней цель.

В безоблачном небе над пустыней загрохотал гром. Блеск молний заставил померкнуть солнце. Ших-кай открыл глаза. В пустыне в дьявольском танце кружили тысячи смерчей, похожих на обезумевших пьяниц. Сталкиваясь, они обрушивались вниз, превращаясь в кучи песка. Через несколько минут до командующего донесся низкий, глухой грохот. Ших-кай улыбнулся под своей маской и пробормотал:

— Это научит тебя не высовываться, дружок.

Он выждал еще несколько минут, слушая при помощи своих сверхъестественных чувств небо и землю. Тишина. Похоже, что враг укрощен.

«На некоторое время, — подумал он. — Всего лишь на время».

— Пожалуй, было бы лучше сжечь тела, — сказал он, обращаясь к Хсу, — но боюсь, что для этого здесь маловато дров.

Тервола согласно кивнул, не отреагировав на сухой юмор Ших-кая. Хсу Шен был примерно одного возраста со своим командующим и входил в число тех, кого лорд Куо сослал на восток. Он тоже помнил эксперименты принца-демона. Мертвецы могут подниматься и подниматься до бесконечности, постоянно пополняя свои ряды павшими воинами противника. Им нельзя позволять одерживать победы. С каждой новой победой они становились все многочисленнее.

— А этих трех отошлите в крепость, — распорядился Ших-кай, указывая на трех мертвых легионеров. — Попросим некроманта, о котором говорил Лун-ю, побеседовать с их тенями.

Неожиданно волосы на его затылке зашевелились. Он включил свои сверхъестественные чувства, чтобы понять, откуда исходит угроза. Однако не смог обнаружить угрозы. Видимо, за ним просто следило нечто неизвестное.

Ших-кай поднялся на вершину холма и посмотрел на восток. Наблюдение велось явно оттуда. Он посмотрел на клубы пыли, поднятые отступающими врагами, и определил направление их движения.

Там, на горизонте? Едва видимое за волнами знойного воздуха возвышение? Он мысленно обратился к карте. Точно. Этот горб попадает точно в центр подозрительного района.

— Теперь, дружок, тебе придется держать головку пониже, — пробормотал Ших-кай. — Мы тебя увидели и скоро придем, чтобы рассмотреть поближе.

Поднялся сильный ветер. Воздух был горячим и сухим. Несущийся в обжигающем потоке песок обдирал кожу не хуже наждачной бумаги. Лорд Ших-кай подобно маленькой статуе неподвижно стоял на вершине холма, игнорируя неистовство природы. Его внимательный и задумчивый взор был обращен на восток.

ГЛАВА 3

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Встреча великих и могущественных

Женщина тащилась за своим мужем по коридору замка Криф, королевского дворца в Форгреберге. Форгреберг был столицей Кавелина — государства, входившего в число так называемых Малых Королевств. Она шла тяжело, вразвалку. Недоброжелатель мог бы назвать ее походку утиной. Находящаяся на сносях дама была целиком погружена в свои мысли. Заметив, что отстала, женщина заторопилась, дабы догнать супруга. Муж остановился и стал ждать ее, слегка нахмурив брови:

— Что случилось, Непанта?

— А?.. Ничего.

— Ничего? Не могу в это поверить. Ты выглядишь странной с того момента, как мы здесь появились. Едва ноги таскаешь, при этом скривившись так, словно у тебя оскомина. — Он поднял голову и внимательно взглянул в ее карие, полные грусти глаза. — Перестань.

Непанте было около сорока. Хотя позади осталось множество трудных лет, седина в длинных, цвета воронова крыла волосах была едва заметна. Фигура, конечно, стала не та, что в девятнадцать, однако тучности Непанта сумела избежать. На лице женщины почти не отразились трагедии, преследовавшие ее всю жизнь. Лишь в глубине глаз можно было заметить спрятанную там печаль.

Глаза походили на древние окна, стекла которых настолько состарились от бесконечных ударов солнечных лучей, что навсегда утратили способность сверкать. Глаза говорили о том, что вера в возможность счастья потеряна, а редкие радостные моменты — не более чем румяна на щеках шлюхи-судьбы. Непанта полностью утратила жажду жизни и считала время, приближающее ее к последнему сну. Впрочем, она знала, что время это наступит не скоро. Супруг ее — великий колдун Вартлоккур — давно научился удерживать смерть на расстоянии. Он уже успел отпраздновать свое четырехсотлетие.

— Перестань, — повторил он. — В чем дело?

— Варт... Я просто не люблю это место. Оно возвращает меня к временам, которые я хотела бы вычеркнуть из памяти. С этим я ничего не могу сделать... На Форгреберге лежит проклятие. Здесь никогда не происходит ничего доброго. — Непанта встретилась взглядом с мужем, и тот заметил в ее глазах тень страха.

— Я не останусь здесь ни минутой дольше, чем это необходимо, — заверил он ее.

— Браги как всегда ухитрится тебя не отпустить... — Она заскрипела зубами, поняв, что ситуация совершенно не оправдывает резкости ее слов. — Почему ты согласился приехать? — Непанта с отвращением услышала, как ее голос срывается на визг.

Однако супруг воспринял вопрос совершенно спокойно.

— Не знаю, — сказал он. — Через несколько минут все станет ясно. Но по пустячному делу Браги ни за что не вызвал бы меня.

По ее лицу снова пробежала тень страха.

— Важное дело для кого? Варт, не позволяй Браги втянуть тебя в очередную авантюру. На нем тоже лежит проклятие.

Непанта умоляла супруга так, как в свое время умоляла своего первого мужа, а он, так же как и этот, отказывался ее слушать. Первый муж погиб, оставив ее в одиночестве...

— Я бы не стал называть его проклятым, — улыбнулся Вартлоккур. — Просто вокруг него всегда что-нибудь да происходит.

— А я называю. Вокруг него всегда происходят отвратительные события. Смертельные. Варт... я не хочу, чтобы дитя появилось на свет в этом месте. Здесь я потеряла двух братьев, мужа и сына. Я не вынесу, если...

Тонкие пальцы чародея пробежали по ее волосам. Она смотрела в пол. Вартлоккур обнял ее одной рукой за плечи и на мгновение притянул к себе.

— Подобное не повторится. Никаких новых страданий. Обещаю. Долго мы здесь не пробудем. Пошли. Развеселись. Тебе предстоит увидеть множество старых друзей.

— Хорошо. — Непанта попыталась улыбнуться, но улыбка почему-то походила на гримасу смерти. — Я буду храброй.

«У меня всегда хорошо получается быть храброй, — подумала она. — Я всю жизнь только и делала, что проявляла храбрость и при этом только и делала, что жалела себя», — усмехнулась она.

Вартлоккур снова зашагал впереди ее. Непанта смотрела в спину мужа. Высокий, стройный чародей выступал даже более величественно, чем обычно. Его плечи не опускались и не вихлялись из стороны в сторону. Они ровно плыли, не меняя своего положения по отношению к полу. Непанта поняла, что муж тоже испытывает напряжение. Его что-то беспокоит. Приглашение короля Браги тревожит его больше, чем он хочет признать.

Боги! Не допустите, чтобы это снова стало началом событий, пожирающих все, что мне дорого. Вартлоккур — единственное, что у меня осталось.

Что это может быть? Снова Шинсан? Мирная жизнь длится вот уже три года. Великие Восточные Войны, похоже, закончились. Империя Ужаса, кажется, умиротворена.

Где-то в темных уголках сознания женщины начали вставать воспоминания, наводившие на нее настоящий ужас.

Она боролась с ними до тех пор, пока на глаза не навернулись слезы. Призраки не желали удаляться в свои могилы. Слишком много любимых ушло во тьму раньше ее. Слишком много теней тревожат ее. У нее ничего не осталось. Ничего, кроме этого человека, которому она до конца не доверяла и которого не могла беззаветно любить. Не осталось ничего, кроме этого человека и зреющей внутри новой жизни.

Ее собственная жизнь значила для нее очень мало. Позади осталась лишь пустыня. Будущее представлялось столь же унылым. Однако она останется жить ради своего нового ребенка так, как раньше жила ради сына.

Вартлоккур подождал ее, остановившись рядом с солдатом Дворцовой Стражи в яркой униформе. На его обычно безразличном лице явно читалось нетерпение. Он видел, что в ней заговорило прошлое. Чародей всегда знал, когда это случалось, и каждый раз старался снять ее тревоги.

Непанта собрала все свое мужество и в сотый раз задала раздражавший его больше всего вопрос:

— Варт, ты уверен, что Этриан умер? Неужели не осталось никаких шансов? Я не чувствую, что его нет с нами. — Она повторяла этот вопрос снова и снова в надежде, что когда-нибудь услышит от мужа положительный ответ.

Его лицо напряглось. Покосившись на часового, он сделал все, чтобы не дать своим чувствам вырваться наружу.

— Нет, дорогая, я не думаю, что Этриан жив. Если бы это было так, то я его давно бы нашел.

Чародей повернулся и шагнул к двери, рядом с которой стоял часовой. Солдат распахнул створки и, щелкнув каблуками, пропустил Вартлоккура. Непанту часовой приветствовал дружеским кивком.

Она кивнула в ответ. «Может быть, я должна его помнить», — подумала Непанта. Но в жизни ей встречалось так много солдат... Разве может она узнать одного из них?

Оказавшись в зале, она сразу же стала натыкаться взглядом на лица из прошлого, как попавший в холодную воду пловец натыкается на куски льда. Непанта не знала, в какую сторону двинуться, не знала, от каких воспоминаний ей больше всего хочется убежать.

Ближе всех к ней стояли два человека лет около тридцати. Они беседовали, сблизив головы, словно плели какой-то заговор. Их звали Майкл Требилкок и Арал Дантис. Когда-то эти юные рыцари следовали за ней чуть ли не через весь континент с благородной целью вырвать ее из лап приспешников Империи Ужаса.

— Арал, Майкл, как я рада снова вас увидеть.

Непанта увидела, что романтические устремления для них уже позади. Перед ней уже не юнцы со сверкающими взорами. У них были глаза суровых мужчин, повидавших на своем недолгом веку слишком много зла. «Война преобразила нас всех», — вздохнула Непанта.

Дантис — темноволосый, коренастый крепыш. Он прекрасно бы смотрелся в стойле с вилами в руках. На слова Непанты он ответил радостной улыбкой и весьма шумными приветствиями.

Майкл Требилкок был бледен лицом, высок, строен и гораздо более сдержан, чем его товарищ. Взгляд его был холодным и несколько отрешенным. Ходили слухи, что он стал главным шпионом Кавелина — шефом тайной службы. Этот пост — до гибели в битве под Палмизано — занимал брат Непанты Вальтер. Непанта внимательно всмотрелась в лицо Майкла.

Ей не удалось усмотреть в нем ни капли юмора. Этот лишенный чувства страха, уверенный в себе человек был воплощением деловой компетентности. Именно такой тип и должен был выбрать Браги...

— Дорогая, ты выглядишь великолепно! — воскликнула какая-то женщина, заключая ее в объятия. — Полновата, пожалуй, но беременность тебе к лицу.

Непанта в свою очередь обняла женщину.

— Ты, Мгла, тоже отлично смотришься.

Чародейка была вдовой брата. В свое время Мгла настолько увлеклась Вальтером, что оставила Восток и обратила свое колдовское могущество на службу Запада.

— Перестань! Я всего лишь старая карга и ведьма.

— Хорошо бы, если бы все мои знакомые ведьмы были такими уродинами, — фыркнул Дантис.

Вартлоккур, обняв Требилкока за плечи, со смехом произнес:

— Похоже, принцесса, к своим многочисленным порокам вы добавили и лицемерную скромность.

— Боюсь, что я теперь не больше чем заурядный кастелян Замка, — отходя от Непанты, сказала Мгла. — Король отослал меня в крепость Майсак. Теперь вы видите, как мало я стою в мирное время.

— Но это самая важная твердыня во всем королевстве.

Непанта не сводила глаз с женщины, которую так боготворил Вальтер и которая родила ему детей. До того, как брат появился в ее жизни, она правила Империей Ужаса. Мгла всегда казалась Непанте какой-то нереальной. В ее глазах эта женщина выглядела сказочной принцессой, а вовсе не одной из самых могущественных из всех обитающих на земле чародеек.

Арал вернул Непанту в реальность, объявив:

— Она не изменилась ни на йоту. Она по-прежнему самая красивая из всех земных женщин.

Лицо Мглы залилось краской.

«Как ей это удается», — изумлялась Непанта. То, что сказал Арал, полностью соответствовало истине. И Мгла это прекрасно знала сама. Ведь она никогда не была жеманной кокеткой. Возраст ее насчитывал несколько сотен лет, а характер выковался и закалился в интригах и борьбе за верховную власть в Империи Ужаса.

— Как дети? — спросила Непанта.

— Растут. И при этом слишком быстро. Каждый раз, когда я вижу их в очередной раз, они вытягиваются еще на пару дюймов. Представляю, как они обрадуются, увидев тебя. Ты всегда была их любимицей.

Мрачный, спокойный человек, не переставая жевать мундштук пустой трубки, пожал руку Вартлоккура, приветствовал кивком Непанту и пробурчал:

— Рад вас снова видеть.

— Привет, Чам. Надеюсь, дела идут хорошо?

Торговый магнат Чам Мундуиллер был одним из самых старинных сторонников короля.

— Не очень. Трудно предпринять что-либо серьезное, пока закрыт проход Савернейк. — Он отошел и углубился в изучение герба, изображенного на противоположной стене.

Непанта повернулась к молодому человеку в военном мундире:

— Гжердрам, как поживаешь? Почему ты так мрачен?

— Он стал похож на шершня, — вмешался Арал. — Рыцарское звание и назначение командующим армией ударили ему в голову.

— Вовсе нет, — с кислой миной ответил сэр Гжердрам. — У меня просто очень много дел. Полковник Абака и генерал Лиакопулос сидят у меня вот где! — Он похлопал себя по шее.

Непанта обвела взглядом зал и увидела полковника с генералом среди пары дюжин людей, знакомых ей только внешне.

Сэр Гжердрам поцеловал ее руку, одновременно щелкая каблуками. В свое время, когда молодой человек был не столь обременен заботами, они вели невинный шутливый флирт. Видимо, решив вернуться к старой игре, он довольно неуверенно спросил:

— Не согласитесь ли вы отужинать со мной, после того как ребенок появится на свет?

Непанта удивленно вскинула брови. Что сделали годы с вечно жизнерадостным Гжердрамом? Неужели жернова долга так перемололи его веселый нрав? Может быть, сейчас он просто не в настроении?

Она еще раз обежала взглядом помещение. Все ее друзья постарели и выглядели уставшими от свалившихся на них забот. «Ничто не угнетает людей больше, чем неспособность добиться заметного успеха», — подумала она.

В своей тоске Непанта была неодинока. Все ее друзья разделили ее судьбу, и все они переживали внутреннее опустошение.

— Где король? — спросила она. Ей и Вартлоккуру пока не удалось увидеть Браги, хотя они и прибыли в Форгреберг днем раньше.

— Не знаю, — пробурчал Гжердрам. — Мы были вправе рассчитывать на то, что он явится без опоздания... Разве не так? Созвав нас здесь... Меня он вызвал аж из Карлсбада.

Вартлоккур подошел к огромному камину и уставился в пляшущие языки пламени. Чародей казался обеспокоенным. Непанта подошла к мужу. Она не понимала, почему он последнее время пребывает в дурном расположении духа.

Собравшиеся начали терять терпение. Лишь Арал и Майкл оставались невозмутимыми и продолжали болтать как лучшие друзья, встретившиеся после многолетней разлуки.

Мгла уселась во главе огромного стола, занимающего едва ли не половину зала. Непанта внимательно смотрела на принцессу. Изгнание превратило ее из мрачной, безжалостной заговорщицы в спокойную, мягкую женщину. Перед ней лежал открытый мешочек с рукоделием. Крохотный, двухголовый демон с невообразимой скоростью манипулировал вязальными спицами. Он восседал на краю стола, свесив ножки. Время от времени одна голова принималась ругать другую за якобы пропущенную петлю. Мгла ласково успокаивала потустороннее создание.

Дверь открылась, и в зал вступил молодой офицер в сияющем великолепием мундире. Непанта узнала в нем Дала Хааса, сына наемника, последовавшего за королем Браги в Кавелин еще во время гражданской войны. «Интересно, — подумала она, — есть ли у Дала дети, которые, в свою очередь, могли бы двинуться вслед за Браги».

— Встаньте, — произнес Дал. — Король на подходе.

Непанта подошла поближе к дверям. Король переступил порог. Встретившись с ней взглядом, он слегка подмигнул, а затем как-то неуверенно заключил в нежные объятия.

— Как поживаешь? — спросил он и тут же добавил: — Прости, что не смог повидаться с вами вечером. Это похожее на прыщ королевство не оставляет времени даже на то, чтобы перевести дух. Привет, Вартлоккур.

Король Браги был высоким, могучего телосложения человеком. Его лицо, впрочем, как и тело, покрывали шрамы, доставшиеся в наследство от трех десятилетий солдатской жизни. На его висках, как заметила Непанта, появились седые пряди. Время не пощадило и короля.

— Я попробую устроить сегодня вечером семейный ужин, — прошептал он. — Тебе, наверное, хочется взглянуть на Фулька. (Фульк был его шестимесячным сыном, которого она еще не видела).

— Как Ингред? — спросила Непанта.

Браги взглянул на нее как-то странно. Очевидно, тон голоса выдал ее тайные мысли. Она так и не привыкла к тому, что он женился вторично. Первая жена Браги Элана, погибшая во время войны, была ее лучшей подругой.

— Прекрасно. Огонь и перец. А Фульк — точная копия матери. — Он двинулся дальше, пожимая на ходу руки и обмениваясь приветствиями. Обойдя всех, он произнес: — Надеюсь, что ожидание не очень вас рассердило. Вижу, что нет... Пока, если можно так выразиться, это нечто вроде смотра. Настоящая потребность в вас возникнет лишь через несколько дней. Сейчас же разрешите пересказать вам то, что я узнал от Дерела.

Он пояснил, что его личный секретарь Дерел Пратаксис в настоящее время находится в Тройзе, к востоку от гор М'Ханд, где ведет переговоры с лордом Хсунгом, командующим оккупационной армией Шинсана. За все три года, со времени окончания войны, ни один торговый караван не пересек гор. Восток полностью перекрыл проход Савернейк — единственный путь через горы. Пратаксис сообщал, что позиции Шинсана резко изменились, и он надеется на благоприятный результат переговоров.

После этого началась скучная дискуссия. Непанта не слушала споров до тех пор, пока король не спросил сэра Гжердрама, почему, по мнению последнего, Шинсан столь резко поменял свою позицию.

— Хсунг всегда проводил жесткую линию, — сказал Браги. — Он не стал бы помогать Кавелину, если бы это не шло на пользу его армии.

— Может быть, численность легионов восстановлена, и он хочет открыть проход, чтобы легче было засылать к нам шпионов? — с мрачным видом высказал предположение Гжердрам.

— Не вижу в этом никакого смысла, — возразила Мгла. — Для разведки они могут использовать Силу. Если бы Шинсан

захотел иметь здесь свою агентуру, он заслал бы сюда одного человека тропами контрабандистов; а человек этот мог бы получить любую помощь, установив портал перехода, — закончила она, покосившись на Арала Дантиса.

— Хорошо, — сказал Браги, — в таком случае приведи причины, которые имели бы смысл.

— Не могу.

Непанта почувствовала, как в воздухе повисло легкое напряжение. Лишь немногие из присутствующих смогли его уловить.

— Интересно, почему у меня складывается впечатление, что ты недоговариваешь? — уставясь вдаль, спросил Браги. — Не могла бы ты высказаться до конца?

Мгла посмотрела на свое вязание. Спицы в лапках дьяволенка двигались так быстро, что слились в один сверкающий диск.

— Я перестала ощущать присутствие лорда Ко Фенга. Возможно, там произошел переворот. Прошлым летом несколько моих бывших сторонников возобновили со мной контакт, — осторожно сказала Мгла. — Им казалось, что грядут какие-то перемены.

— Ах, вот как? Им «казалось, что грядут»? — фыркнул Требилкок. — Чушь! Твои друзья прекрасно знали, что Ко Фенг получил коленом под зад, что его лишили всех постов, титулов, званий и бессмертия. Они дошли до того, что обвинили Ко в измене за то, что тот предпочел сохранить армию вместо того чтобы попытаться покончить с нами под Палмизано. Его место занял командир корпуса по имени Куо Вен-чин. Все, кто имел хотя бы малейшее отношение к Праккии, загремели вместе с Фенгом. Всех их отправили в Северную или Восточную армию, что равно ссылке. Сам же Ко Фенг исчез совсем. Ни один человек из новой банды не принимал участия в Великих Восточных Войнах.

Говоря, Требилкок все время переводил взгляд с Дантиса на Мглу, как бы ожидая с их стороны возражений.

«Странный человек этот Майкл, — подумала Непанта. Дантис и Гжердрам — его друзья, но и они говорят, что он внушает ужас. Похоже, что только Вартлоккур понимает его».

Непанта не знала, что ее супруг сумел увидеть в молодом человеке. Ей было известно лишь то, что Майкл ему нравился и что он находил его любопытным.

— Что скажешь, Мгла? — спросил король.

— Связи Майкла, видимо, более надежны, нежели мои.

Непанта увидела, что Браги едва заметно, но явно недовольно махнул рукой, а Требилкок пожал плечами.

— Вартлоккур, не мог бы ты что-нибудь добавить? — спросил Король.

— Я не следил за Шинсаном. У меня были другие заботы.

Непанта залилась краской, уставив взгляд в крышку стола. В отношении своей беременности она испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ожидание ребенка вызывало у нее радостное нетерпение, а с другой стороны, внушало сильное беспокойство. Она слишком стара... Но она обязана сделать еще одну попытку, чтобы иметь замену потерянному во время войны сыну.

— Однако... — начала было Непанта, но тут же оборвала себя. Она не вправе вмешиваться, если муж хочет, чтобы его наблюдения за Востоком оставались в тайне. Интересно, почему он решил солгать?

— Вообще-то я мог бы послать туда Нерожденного, — сказал Вартлоккур.

— Не надо. Они могут расценить это как провокацию. Мои лучшие друзья, мои советники и веселые собутыльники, почему все вы сегодня в таком скверном настроении? Почему никто из вас не желает со мной говорить откровенно? Ну, хорошо. Пусть все будет так, как есть. Пока все. Однако прошу вас использовать все свои связи для того, чтобы узнать, что происходит на Востоке. Шинсан больше не доставит нам горя. Во всяком случае до тех пор, пока мое слово что-то значит.

Тон, которым были произнесены эти слова, изумил Непанту, и она внимательно посмотрела на Браги. В его глазах стояли слезы. Этот человек фанатично любил Кавелин.

На какой-то момент она прониклась к нему завистью. Почему у нее не осталось ничего, чтобы имело для нее столь же огромное значение?

Честолюбивые устремления восточных принцев обошлись очень дорого как Браги, так и ей. Он потерял брата. Нескольких детей. Первую жену, которая была ее лучшей подругой. Своего лучшего друга Насмешника, который был ее первым мужем. Последнего Рагнарсон был вынужден убить собственноручно, так как бедный, вконец запутавшийся Насмешник был убежден в том, что ему необходимо сделать выбор между Браги и своим сыном.

— Проклятие! — громко воскликнула она, ударив кулаком по столешнице.

Все головы повернулись в ее сторону. Непанта негромко извинилась, но объяснять ничего не стала. Она была страшно собой недовольна.

Не только прошлое заставляло ее нервничать. В этом бессмысленном сборище она усмотрела нечто такое, что не только предсказывало приход тяжелых времен, а просто кричало об этом. Вновь зашевелились армии темных сил. Злой рок собирает под свои знамена новые легионы. Мрачные тучи клубятся на горизонте. В воздухе запахло грозой.

Направляясь через двор к конюшням, король Браги увидел Вартлоккура, расхаживающего по восточной стене замка. Чародей был погружен в свои мысли. Король изменил направление.

Он подошел к чародею сзади и, усевшись на парапет между двумя зубцами, спросил:

— А вслух поговорить не желаешь?

Вартлоккур мгновенно обернулся. Подобная реакция так изумила короля, что он едва не свалился со стены. Чародей едва успел поймать его за руку.

— Никогда не подползай ко мне таким образом!

— Каким образом? Кто к тебе подполз? Я просто подошел и сел. Что, дьявол тебя побери, происходит?

— Ничего определенного. Во всяком случае, пока. Но на Востоке что-то заваривается. Хотя Шинсаном, похоже, не пахнет. Впрочем, я могу и ошибаться.

— Имеется ли связь с изменением настроения Хсунга?

— Мир построен на системе связей. В большинстве случаев мы их трактуем неправильно. Что же касается Хсунга, то он искренне желает мира. Вопрос — почему?

— Ты об этом не говорил.

— Непанта.

— Боюсь, что я не совсем тебя понимаю.

— Время отняло у нее слишком много. Братьев. Насмешника и Этриана. Даже Элану. Я не хочу, чтобы она мучилась в безумной надежде.

— Может быть, я совсем отупел, но в твоих словах я не улавливаю смысла.

— Этриан. Не исключено, что он жив.

— Что? Где?

Это была потрясающая новость. Его крестник жив. Он, Рагнарсон, в неоплатном долгу перед этим мальчиком.

— Спокойствие, — сказал чародей. — Точно мне ничего не известно. Просто недавно до меня долетел отголосок какого-то ощущения. Я вдруг почувствовал присутствие его ауры. Где-то дьявольски далеко. То же самое чувство, когда, идя по улице, ты вдруг чувствуешь запах свежего хлеба и начинаешь искать булочника. Нерожденный — единственное средство, которое я пока еще не использовал для поиска. Я не отправлю его на Восток до тех пор, пока не появится какой-нибудь новый, действительно важный повод сделать это.

Королю с большим трудом удалось скрыть отвращение. Нерожденный был чудовищем, которого вообще не следовало создавать.

— Значит, Этриан на Востоке?

— Далеко на востоке. Если, конечно, это он.

— Пленник Шинсана?

— Захватил его лорд Чин.

— Чин умер.

— Я просто размышляю вслух. Его захватили лорд Чин и Фадема. Можно предположить, что они передали мальчика Праккии, которая в свою очередь использовала его, чтобы выкрутить Насмешнику руки. Впрочем, не исключено, что он не у них.

— Но он был в их руках. В противном случае они не смогли бы уломать Насмешника. Им надо было найти очень убедительные доводы, чтобы он напал на меня.

Чародей смотрел на затянутый туманной дымкой восток. Вартлоккур молчал, хотя и мог отругать короля за то, что он романтизирует своего старого друга, и за то, что до сих пор не сумел избавиться от чувства вины за гибель Насмешника.

— У нас не было никаких доказательств смерти Этриана, — задумчиво протянул король.

Чародей всегда гордился широтой своих взглядов. Однако и у него имелись слепые пятна. Человек, которого Браги убил и с вдовой которого Вартлоккур сочетался браком, был сыном последнего. Это обстоятельство иногда мешало магу объективно оценивать события.

— Есть ли еще что-нибудь?

— О чем ты?

— Твое заявление о чрезвычайной занятости выглядело не очень убедительно.

Вартлоккур перевел взгляд с восточного горизонта на своего собеседника. В уголках его глаз появились веселые морщинки.

— А с возрастом ты стал храбрее. Я припоминаю юного Браги, который трепетал при одном упоминании моего имени.

— В то время Браги не подозревал, что даже самые могущественные могут быть уязвимы. Ему еще не приходилось видеть внушающих ужас магов в моменты их слабости.

— Прекрасно сказано, — фыркнул Вартлоккур. — Однако не слишком зазнавайся. Тервола, в отличие от меня, не подарят тебе десятилетия на поиски прорех в их доспехах.

— Продолжим разговор, когда к тебе вернется способность объясняться более внятно, — сказал Браги, поднимаясь. — Может быть, тогда я получу от тебя прямые ответы.

— Что же, потолкуем позже, — ответил Вартлоккур. Его взор снова был обращен на восток.

Браги задумался. Он мало что мог понять. Создавалось впечатление, что маг все время говорит на разных языках.

Король пожал плечами и удалился, оставив чародея наедине со своими тайнами.

Дорога, именуемая аллея Лиенеке, получила свое название со времен гражданской войны, которая привела капитана наемников Браги Рагнарсона в Кавелин. Рагнарсону удалось уничтожить врагов королевы Фианы, а решающая битва произошла под городом Лиенеке.

Дорога петляла между владениями богатых горожан. По ней на запад двигался насквозь промокший под дождем всадник. По правую руку от него появился парк, а дома слева становились все больше и роскошнее. Всадник вгляделся в один из них. В этом особняке обитали оставшиеся в живых родственники короля от первого брака. Они не испытывали нужды, но на показ себя не выставляли и особой славой не пользовались. Миновав дом короля, всадник проехал еще немного и свернул с аллеи.

Ливрейный лакей, презрев моросящий дождь, принял у него лошадь.

— Леди только что прибыла, господин Дантис, — сказал слуга. — Она попросила подождать в библиотеке. Бетти вас там обслужит.

— Благодарю, — произнес Арал, прошел через веранду и бросил пропитанный влагой плащ швейцару. Направляясь к библиотеке, он ожидал увидеть детей Мглы. Обычно они торчали на виду, проявляя при этом чрезмерное любопытство. Сегодня их видно не было. Очевидно, Мгла решила их куда-то спровадить на время. Несмотря на все предупреждения, их крошечные язычки удержать на привязи невозможно.

— Доброе утро, сэр, — приветствовала его горничная.

— Доброе утро, Бетти. Не могла бы ты принести мне что-нибудь полегче? Масло, хлеб и джем, например. Я не успел позавтракать.

— Повар приготовил прекрасных куропаток. Может быть, желаете?

— Спасибо, не надо. Я не собираюсь оставаться на долго.

— Хорошо, сэр. Чай?

— Чего-нибудь горячего. От этого дождя того и гляди ревматизм заработаешь.

После того как горничная удалилась, Арал беспокойно осмотрел помещение. Такое количество книг! Их цена и заключенные в них знания просто пугали его. Он не получил систематического образования. Свою довольно убогую грамотность он приобрел от отца, который и сам выучился только потому, что скаредность не позволяла ему нанять служащих.

Арал тяжело переживал свое невежество. Его связи во дворце все время напоминали ему о важности образования, а отношения с Мглой еще раз подчеркивали это. От нее он узнал о существовании множества новых, неизвестных ему идей...

Арал Дантис называл себя реалистом. Он не верил в существование бесплатного сыра. Своеобразный романтизм Арала вступал в противоречие со всем, что его окружало. Отношения молодого человека с Мглой являлись не более чем союзом по расчету. Они были друг для друга всего лишь *инструментами... так он внушал себе, когда его начинало* одолевать беспокойство.

Если это так, то откуда у нее столь явный интерес к нему? Интерес, который нельзя объяснить ни коммерческими, ни политическими соображениями. Почему она тратила время на то, чтобы учить его? Программа обучения была настолько примитивной, что уроки не могли не казаться ей нестерпимо скучными. И она занималась с ним, хотя его ценность в перспективе выглядела крайне ограниченной. С какой стати? И почему он?.. Чувство обрушилось на Дантиса неожиданно с незащищенной стороны. Он испугался. Время для любви было неподходящим, а Мгла была не той женщиной, которая ему требовалась.

Во-первых, она была старой. Мгла была старой, когда его дедушка еще ходил под стол пешком. Не исключено, что она была старухой, когда даже Вартлоккур не вышел из щенячьего возраста. А чародей топтал землю вот уже четыре долгих столетия. Во-вторых, Мгла была принцессой Империи Ужаса. Никакие ухищрения не могли скрыть этого. Никакая ссылка не могла изменить ее натуры. В ее жилах

струилась жестокая кровь тиранов. Даже сейчас она прислушивалась к ее громовому зову.

Но в то же время она оставалась самой желанной из всех живущих на земле женщин. Когда нежный взгляд Мглы останавливался на мужчине, тот мгновенно превращался в ее раба. Остаться безучастным к ее призывам могло лишь бесполое существо, порожденное в тех же дьявольских джунглях, из которых явилась она.

Наверное, в сотый раз он задавал себе все тот же вопрос: какие мысли в действительности бродят за этим совершенной формы лбом и похожим на прекрасную маску лицом? Великие колдуны Империи Ужаса прятали свои физиономии под масками, изображающими отвратительных животных. Мгла же скрывалась под вуалью красоты.

Он изучил все заголовки и в конце концов остановился на книге, которую выбирал всегда, являясь сюда. Бетти принесла хлеб, масло и чай. Он потягивал горячую жидкость и лениво жевал, разглядывая ручного тиснения гравюры в роскошном издании об архитектурных чудесах всех времен и народов.

Некоторые из этих сооружений ему довелось увидеть во время войны. Оказалось, что даже самая лучшая гравюра не передавала всей прелести оригинала.

— Проклятие! — прошептал он. — Наверное, есть способы сделать это получше.

Майкл утверждал, что в Хэлин-Деймиеле имеются художники, способные добиться абсолютного портретного сходства. Интересно, почему здесь граверы принесли в жертву точность воспроизведения?

— Арал? — негромко произнесла она. Голос ее звенел, словно колокольчик.

Он вскочил на ноги. Ему почему-то перестало хватать воздуха.

— Садись, Арал, — сказала Мгла, занимая стул рядом. Ему показалось, что в отделяющем его от нее футе пространства закипает воздух.

— Ищу техническое решение, — судорожно сглотнув, выдавил он. — Думаю, каким образом можно улучшить иллюстрации. — Неужели это его голос звучит, как лягушачье

кваканье? Как она смеет с ним так поступать? Ведь он уже не ребенок.

— Тебе удалось поговорить с Майклом?

— Мы отправились в конную прогулку. Но он почти ничего не сказал и был более загадочен, чем обычно. Мне показалось, что он хотел меня предупредить о чем-то.

— Но почему? Ты полагаешь, что ему все известно?

— Трудно сказать. Но что-то Майкл подозревает. Но ни в чем не уверен. Во всяком случае, пока. Он постоянно менял тему разговора, то начиная восторгаться ландшафтом, то предлагая держать пари о победителе предстоящих скачек.

«Я говорю слишком быстро и, пожалуй, чересчур много», — подумал он. Он понимал, что это не любовь. Или, лучше сказать, не подлинная любовь. Это всего лишь работают железы внутренней секреции. Но тяга его к этой женщине была столь велика, что истинные причины Арала не волновали. Раздувая пламя страсти, колдунья заставляла его забывать обо всем.

— Он, Арал, знает больше того, о чем доложил королю. Для меня это совершенно очевидно. Он сказал очень много о лорде Куо и о лорде Ко Фенге, а это не может не означать, что на самом деле ему известно гораздо больше. К востоку от гор у него, видимо, отличные контакты. Не исключено, что один из его агентов пронюхал и о нас. Попроси своих друзей-контрабандистов разнюхать, кто бы это мог быть.

— Но почему мы должны так действовать? Может быть, лучше привлечь Майкла к нашему делу? Он смог бы нам помочь.

— Или устроить так, что нас убьют. Я ему не доверяю. Он слишком себе на уме. Майкл не способен на длительные союзы и заключает лишь краткосрочные альянсы. Твой друг относится к тому типу людей, которые меняют коней без зазрения совести. Убеждена: король скоро пожалеет о том, что не держал Майкла на более коротком поводке.

— Да, этот мятеж в Тройзе... Он признался, что замешан в нем. А ведь у Майкла есть строгий приказ не раздражать лорда Хсунга. Король мечтает о том, чтобы возобновить торговлю.

— А как Чам Мундуиллер? Все еще сидит на заборе, не зная, в какую сторону спрыгнуть? У нас пока нет поддержки в Седлмейре, а мне кажется, что неплохо было бы ее получить. Торговцы могли бы финансировать формирование еще одного батальона, что весьма обрадовало бы моих друзей.

— Чам ведет хитрую игру, желая застраховаться со всех сторон. Охотно пожимает руку Майклу. Кроме того, он никогда раньше не выступал против короля.

Мгла задумчиво погрызла ноготь, а затем бросила:

— Продолжай.

— Будь он проклят, этот Майкл! Парень все больше и больше становится похожим на призрак. Никто не знает, где он и чем занимается. Стоящий рядом с тобой человек может оказаться его агентом. Половину времени я трачу на то, чтобы увидеть, что происходит за моей спиной. Ты права, Майкл совершенно не годится для дела. А теперь вернулся и этот проклятый колдун. Майкл с ним всегда действовал рука об руку. Если Майкл что-нибудь не сумеет узнать сам, то нужные сведения откопает для него Вартлок-кур. Стоит ему лишь попросить. Не стыжусь сказать тебе, что они нагоняют на меня страх.

— Чам тебя ни о чем не просил?

— Нет.

— Сам ему ничего не предлагай. Пусть поступает так, как хочет. Я не желаю иметь дело с людьми, которых можно купить. Их могут перекупить другие. Пусть радуется, когда торговля возобновится.

— Что касается меня, то суть нашей затеи я вижу в восстановлении торговли, — сказал Арал.

Когда в Шинсане установится не столь воинственный и более склонный к коммерции режим, богатства с востока польются рекой. Кавелину останется лишь черпать из этого потока так, как черпал он до Великих Восточных Войн.

Арал был патриотом и свято верил в правоту своего дела. Совесть его оставалась спокойной. Он несколько забеспокоился, узнав о некоторой надежде на успех в переговорах Пратаксиса с лордом Хсунгом, но Мгла его тут же успокоила, пояснив, что Хсунг лишь ведет дипломатическую игру, а на самом деле вовсе не намерен ослаблять блокаду торговых путей.

— Что происходит в Шинсане? — поинтересовался он. — У чародея явно что-то на уме.

— По-настоящему мне мало что известно. Знаю, что они реформируют армейское командование и передислоцируют легионы. Приказы без всяких объяснений отдают люди лорда Куо. Мои друзья не могут сообщить больше.

— Может быть, не хотят?

— Мне тоже приходила такая мысль. Никогда нельзя исключать вероятность, что они ведут двойную игру. Я размышляю над тем, как их обойти. У меня есть и иные возможности.

Арал вздрогнул. Некоторые из этих возможностей он мог наблюдать во время войны. Эта женщина являлась одной из величайших носителей Силы, о чем он, под воздействием своих чувств к ней, склонен был забывать.

— Мне, пожалуй, пора уходить. Когда меня долго не бывает, вся лавочка стоит на ушах.

Она легонько коснулась его руки и, глядя ему в глаза, тихо проговорила:

— Ты так мил, Арал, и совсем не похож на других людей. Вальтер был таким же.

В ее словах молодой человек уловил грустные нотки.

Ах, если бы он был чуть смелее. Со времени битвы под Палмизано, в которой погиб ее муж, прошло уже четыре года. Она должна быть готова ко всему.

Арал направился к выходу. Чтобы отвлечься, он начал размышлять о том, кто может стать победителем предстоящих скачек.

ГЛАВА 4

1011 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Взгляд в прошлое. Война

В такие дни, как этот, весна в столице Кавелина превращается в коварную болезнь, порождающую в душах людей недовольство и беспокойство. У тех, кто пострадал от этой инфекции, появляется смутное желание куда-то бежать, чтобы заняться делом, которое отстояло бы как мож-

но дальше от всех повседневных забот. Обычно по утрам с хребта Капенрунг дует прохладный, пронизанный запахом хвои ветерок, но в такие дни, как этот, воздух неподвижный и ласково-теплый, и у людей усиливается тоска и тяга к непродуманным действиям.

Непанта стояла у окна своей спальни на втором этаже дома брата, расположенного на Аллее Лиенеке. Женщина не сводила глаз с виднеющихся между вершин деревьев башен Форгреберга.

— Мне надо отсюда убираться, — прошептала она. — Или я сойду с ума. — Взгляд ее остановился на башне дворца. — Может быть, Браги сможет приютить меня там?

Ее мысли обратились к мужу, отсутствующему уже более года. В ее мозгу возникло эротическое видение, но она прогнала его прочь, испытывая к себе отвращение. Столь низменные телесные желания достойны лишь уличной шлюхи.

— Я действительно схожу с ума, — прошептала она, стукнув кулаком по подоконнику. — Браги, почему ты не мог оставить нас в покое? Бедный Насмешник, встречаясь с Рагнарсоном или Гаруном, утрачивал последние остатки здравого смысла. А они толкали его на глупейшие поступки... На сей раз он отправился куда-то шпионить для Браги. И не вернулся.

Никаких доказательств его гибели не было. По утверждению Браги, даже и слухи об этом не ходили. Но... если Насмешник жив, то он должен был давным-давно вернуться.

Дверь спальни со скрипом распахнулась. На пороге стоял ее сын с растерянным выражением на физиономии. Ему еще не было и двенадцати лет, но мать уже могла увидеть, каким мужчиной он станет.

От отца Этриан унаследовал очень мало. Насмешник был мал ростом, тучен и смугл. Этриан обещал перерасти родителя на целую пядь и стать широкоплечим, мускулистым атлетом, какими были все мужчины в роду по материнской линии.

На Непанту накатила волна горячей любви к сыну. Ей захотелось обнять мальчика, прижать к себе и не отпускать никогда, чтобы защитить от ярости жестокого мира. Но вслух она лишь спросила:

— Этриан? В чем дело?

— Там внизу ждет человек, — немного растерянно сказал Этриан. — Говорит, что привез известие от папы.

— Где он сейчас?

— На веранде.

— Пусти его в дом. Проведи в библиотеку. Никому о нем не говори. — Интуиция говорила ей о необходимости держать все в секрете. Раз Насмешник прислал специального гонца, значит следует соблюдать осторожность. — Я скоро спущусь.

Она подошла к туалетному столику и остановилась, уговаривая себя сохранять спокойствие. Однако все эти уговоры пропали втуне.

Посланник выглядел довольно необычно. Это был сухой, смуглый человек с большим белесоватым шрамом на щеке. От него исходил такой леденящий холод, что Непанту начала бить дрожь. Она попыталась не обращать внимание на свою реакцию. В конце концов, все друзья Насмешника были странными, а иногда и страшными людьми.

Спросив, кто она, и, видимо, удовлетворившись ответом, человек произнес на ломаном вессонском наречии:

— Я есть посланный по команде ваш супруг, госпожа, чтобы доставить послания весьма важные. Но прежде два опознавательный знак, чтобы доказать, что друг я есть, а не лжец. Он говорит, что вы понимать истинный смысл их содержания.

С этими словами гость передал ей золотое кольцо и небольшой кинжал с крошечной трехлучевой серебряной свастикой на рукоятке.

Непанта рухнула в кресло, держа в каждой руке по дорогому ей предмету. Да. Она все поняла. Посланник не был самозванцем. Кому, кроме мужа, могло быть известно, что эти вещи для нее значат? Кольцо она подарила Насмешнику как знак любви в день их бракосочетания. На его гладкой внутренней стороне невидимыми буквами было начертано приворотное заклятие. Кинжал же был подарком в десятилетний юбилей их брака. Когда-то он принадлежал ее отцу, а еще раньше деду и служил символом власти некогда

могущественной семьи. Наступит день, когда кинжал перейдет к Этриану. Да, только Насмешник мог таким образом гарантировать подлинность сообщения.

— Я принимаю ваши доказательства. Продолжайте. Что он просит передать?

— Где мой папа? — спросил Этриан.

— Успокойся, Этриан. Выйди и стань у дверей. Предупреди нас, если кто-нибудь появится.

Гонец для своего прибытия избрал очень удачный день. Дом был практически пуст.

Курьер извлек на свет запечатанный пакет.

— Я должен передавать вам этот письма. Читайте. После мы говорить.

Непанта принялась вскрывать конверт. От нетерпения у нее это получалось не сразу. В конце концов она сумела достать письмо.

Оно было написано не рукой Насмешника, но это ее нисколько не удивило. Супруг умел писать. Но если он не выводил каждую букву, то плод его каллиграфического искусства не мог никто (включая его самого) прочитать. Если Насмешник хотел, чтобы его поняли, то обращался к кому-нибудь за помощью.

Письма оказались безумными и несуразными. В них с параноидным упорством повторялись утверждения, в которые невозможно было поверить. Послания были сбивчивыми, часто иносказательными и во многом бессвязными.

Насмешник открыто обвинял Браги и Гаруна в заговоре против его жизни. Оказывается, ему приходилось скрываться на Среднем Востоке у своих друзей. Он хотел, чтобы она тайком выскользнула из Форгреберга и пробралась к нему, прежде чем Браги сделает следующий логический шаг и арестует ее и Этриана.

В этом не было никакого смысла. Он никогда не упоминал о том, что на востоке у него есть друзья. И с какой стати Браги и Гарун вдруг решили его убить?

— Вы закончить? — спросил курьер.

Непанта вздрогнула и подняла взгляд на холодное лицо убийцы.

— Да. В чем дело?

— Прошу прощения, госпожа, но мне никто не говорить. Я есть послан доставлять вас к нему. У меня есть со мной два друг. Мы охранять вас во время ваш путь в Тройзу. Мы должны избежать внимание местная власть. Это есть все, что я быть сказан.

— Но...

— Прошу прощения. Вы ехать?

— Да. Конечно. — Она поднялась, изумляясь тому, с какой легкостью приняла решение. Решение столь же безумное, как и письма Насмешника.

— Паковать вещи быстро и немного. Мы ехать верхом очень быстро, на случай враги открыть нас и двинуться в погоню.

— Да. Конечно, конечно.

Именно подобный образ жизни был типичным для Насмешника. Путешествовать в сумерках, действовать в темноте. Всегда передвигаться быстро и налегке. Жизнь и смерть во мраке. Никогда не оглядывайся, потому что в этот миг преследователь сокращает расстояние.

Она выскочила из библиотеки.

— Этриан, упакуй только самое необходимое. Мы едем к твоему отцу. Стоп. Не надо вопросов. Делай, что тебе говорят. И поторопись.

Непанта помчалась собираться, оставив мальчишку в недоумении.

Она складывала вещи, почти не думая о предстоящем путешествии. Все ее мысли были заняты решением этой новой головоломки.

— Не отставай, мальчик, — хрипел человек со шрамом. За все недели путешествия Непанта так и не узнала имени курьера. Сегодня он находился в особенно злобном настроении. Однако Непанта его не осуждала. Человек со шрамом ужасно страдал от ран.

Два дня назад на них напали бандиты. Шрам к этому времени уже несколько расслабился, так как Тройза была уже совсем близко. Оба его товарища погибли в схватке.

— Потерпи еще немного, Этриан, — уговаривала она сына. — Мы почти на месте. На горизонте уже видна серая полоска. С минуту на минуту мы увидим городские стены.

— В Тройзе нет стен, — буркнул Шрам. Это был первый случай, отдаленно напоминающий участие в беседе. — Через три часа мы быть там.

Шрам почти угадал. Прошло три часа и еще несколько минут, и они уже слезали с седел рядом со зданием, почти таким же импозантным, как дом на Аллее Лиенеке. Встретил их человек необъятной толщины. Казалось, он вовсе не был рад встрече. Между ним и Шрамом возник спор. Шрам оборвал дискуссию, вскочив в седло и ускакав прочь. Толстяк пропыхтел что-то, плюнул и помахал кулаком ему вслед.

— Когда мы его увидим? — спросила Непанта. — Он здесь?

Толстяк помрачнел. Подумав немного, он произнес на вессонском наречье, которым владел даже хуже, чем Шрам:

— Здесь нет. Ушел уже. В Аргон. Вы идти туда тоже, да?

— Ну уж нет, — едва смогла произнести Непанта. — Я не смогу проехать и фута.

— Вы отдыхать, да? Один, два дня. Надо делать много. Найти верный охрана. — Плюнув в ту сторону, где скрылся Шрам, толстяк добавил: — Не мочь делать простой работа. Терять два человек.

— Нам повезло, что мы вообще смогли сюда добраться. Бандиты следовали за нами несколько дней.

Толстяк плюнул еще раз и распорядился:

— Внутрь! Вы оставаться в дом. Враг иметь глаз на всех углах.

Несмотря на то что Непанта горела желанием поскорее узреть Насмешника, она была весьма разочарована тем, что на подбор нового эскорта ушло всего два дня.

— Боже! — воскликнул Этриан. — Посмотри, мама, до чего же он огромен. — Они проезжали по понтонным мостам и островам нижней дельты, медленно приближаясь к городу Аргон, расположенному на острове близ устья реки Рои. Вдалеке возвышались внушительные городские стены, и по мере их приближения они становились все выше и выше.

Непанта, попытавшись забыть об усталости, тревоге, жаре и влажности, должным образом выразила свое вос-

хищение. Затем, чтобы немного отвлечься, она стала рассказывать Этриану все, что знала об Аргоне. Но это не помогло.

В том месте, где они вступили под свод городских ворот, стена была высотой не менее шестидесяти футов. Этриан пришел в такой восторг от увиденного, что напрочь забыл об отце. Непанта же, напротив, чувствовала себя такой несчастной, что даже для малейшего проявления эмоций у нее не оставалось сил.

Эскорт провел их по кишащим людьми улицам к огромной крепости в центре Аргона. Непанта догадалась, что это Фадем — цитадель, из которой королева по имени Фадема управляла своим великим городом-государством. Похоже, что Насмешник обзавелся весьма могущественными друзьями.

Их ждали. Навстречу путешественникам бросился целый взвод ливрейных слуг. Начальником всех лакеев оказался элегантный господин, изъясняющийся на безукоризненном языке Хэлин-Деймиеля. Этот язык был своего рода lingua franca для образованного класса западных стран.

— Добро пожаловать в Аргон и в Фадем. Смею надеяться, что вы найдете наше гостеприимство более приятным, нежели дорожные тяготы.

— Просто проводите меня к ванне и постели.

— Теперь мы увидим папу? — спросил Этриан.

Элегантный господин всем своим видом выразил изумление.

— Мне известно лишь то, юный сэр, что вы и ваша матушка являетесь гостями ее величества королевы Фадемы. О ваших личных планах я не информирован. Этими вопросами будут заниматься более близкие к трону лица. Миледи? Позвольте мне вас проводить. Апартаменты для вас приготовлены. Мне поручено сообщить вам, что после того, как вы смоете дорожную грязь, подкрепитесь и отдохнете, вас посетят придворные модельеры, закройщики и портные, дабы обновить ваш гардероб.

Пока они шли, их проводник продолжал говорить. Очень скоро Непанта потеряла ориентировку в хитросплетениях улиц, уличек и переходов величественной твердыни.

Этриан в очередной раз довольно дерзким тоном задал свой вечный вопрос.

— Веди себя пристойно, — зашипела она. — Мы здесь гости, и это не Квартал. — Квартал был трущобами, где отыскал их Браги, перед тем как заставить Насмешника отправиться в какую-то головоломную экспедицию.

Их апартаменты оказались в верхних этажах квадратной башни, что напомнило Непанте детство, когда у нее была своя собственная башня. В придачу к апартаментам мать с сыном получили пятерых слуг, ни один из которых не владел ни одним из знакомых Непанте языков. Командовавший эскортом господин откланялся и отбыл. Слуги топтались вокруг них, пытаясь жестами объяснить, что ванна готова. Непанта отправила сына на помывку первым.

Она стояла у окна и смотрела на раскинувшийся внизу город. В свете заходящего солнца дома стали розовыми и красными, а мостовые между ними уже лежали в тени. От окна до уровня земли было не менее восьмидесяти, а то и ста футов. В изолированных апартаментах, со слугами, не способными объясняться на ее родном языке, она казалась себе не гостьей, а почти пленницей.

Она спала очень недолго. Смутное ощущение того, что произошло нечто непоправимое, заставило ее непрерывно расхаживать по спальне. Вдруг дверь приоткрылась, и кто-то скользнул в помещение. Непанта присела на краешек своей кровати. Когда визитер выступил из тени, оказалось, что это женщина.

— Добрый вечер, мадам. Прошу прощения, что вам пришлось столь долго ждать. — Женщина говорила на вессонском наречии с очень сильным акцентом.

— Где он? Когда я смогу его увидеть? — поднявшись на ноги, сипло спросила Непанта.

— Кого?

— Моего мужа.

— Не понимаю.

— Люди, которые привезли меня в Тройзу... Они сказали, что доставят меня к мужу. Он послал за мной. У них даже было его письмо.

— Так вот, значит, каким образом они сумели вас заполучить. Они солгали, — с издевкой произнесла женщина. — Разрешите мне представиться. Я — Фадема. Королева Аргона.

— Почему я здесь оказалась?

— Нам было необходимо изъять вас из Форгреберга. Находясь там, вы могли доставить нам неприятности.

— Кто вы такие?

— Мадам! — В комнате возник еще один человек.

— Шинсан, — прошептала Непанта. После битвы под Баксендалой она видела достаточно трофеев, чтобы узнать тервола. — Снова Шинсан...

— Мы вернулись, мадам, — с легким поклоном ответил тервола.

— Где мой муж?

— Он чувствует себя прекрасно.

— Я требую, чтобы меня отправили домой. Мне солгали... Надеюсь вам известно, что меня защищает Вартлоккур?

— Ну, конечно, я это знаю. Мне хорошо известно, что вы для него значите. Собственно, это главная причина, в силу которой мы доставили вас сюда.

Непанта взорвалась криком и угрозами.

— Мадам, — не обращая внимания на ее вопли, сказал тервола, — полагаю, что вам следует постараться получить удовольствие от вашего пребывания здесь в гостях. Не осложняйте жизнь ни себе, ни нам.

— Что случилось с моим мужем? Они сказали, что отвезут меня к нему.

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Фадема.

Непанта выхватила кинжал и бросилась на тервола.

Тот без труда обезоружил женщину и произнес:

— Фадема, поместите мальчика в другое место. Это вынудит мамашу вести себя более пристойно. А с вами, мадам, я поговорю позже.

Непанта взвизгнула и попыталась укусить королеву. Молчаливый, словно сама смерть, тервола удерживал ее. Фадема разбудила спящего на кушетке Этриана и куда-то увела. Как только женщина скрылась за дверью, тервола сказал:

— Ваша честь и ваш сын остаются нашими заложниками. Надеюсь, вы это понимаете?

Она все понимала. Очень ясно.

— Понимаю. Вартлоккур и мой муж...

— Ничего не будут предпринимать. Именно поэтому вы и стали моей пленницей.

Непанта не смогла скрыть улыбки. Тервола ошибался. Он просто не знал людей, которых намеревался держать под контролем. Насмешник впадет в бешенство и станет неуправляемым. Вартлоккур не подвластен шантажу. Да, он готов признать потери, но того, кто их ему нанес, ждет неминуемая гибель.

Однако она была напугана. И не без причины.

— Вашей пленницей? — переспросил она. — Разве это не ее город?

— Похоже, Фадема считает, что город принадлежит ей. Забавно, не правда ли? Всего лишь один год. Ведите себя пристойно — и вы свободны. В противном случае... Вам наша репутация известна. В нашем языке нет понятия «жалость».

Он резко повернулся и вышел из комнаты.

Непанта рухнула на постель и позволила излиться слезам, которые сдерживала во время встречи.

— Какая же я дура, — бормотала она. — Мне следовало все понять, как только я прочитала о том, что Браги якобы собирается его убить.

Она по-прежнему оставалась в неведении, жив ли Насмешник.

— Тс-сс!

Тервола заявил, что муж чувствует себя прекрасно. Но это ничего не значит. Абсолютно ничего. Эти люди — завзятые лжецы.

Она попыталась припомнить детали маски тервола. Она слышала, что каждая маска является единственной в своем роде. Возможно, наступит час, когда ее придется определить этого человека.

— Тс-сс!

На этот раз Непанта прореагировала на звук. Он шел со стороны окна. Окна? Но это невозможно. От него до земли

не менее восьмидесяти футов. Непанта поднялась с кровати и опасливо подошла к окну.

Из окна на нее смотрел мужчина. Его лицо показалось ей знакомым.

— Что такое? Кто вы? Я... Я вас знаю?

— Я из Форгреберга. Майкл Требилкок. Мой друг и я следовали за вами все время.

Она была потрясена. Следовали за ней? От самого Кавелина?

— Но почему?

— Хотим понять, что вы задумали? Это люди того же сорта, что и те, которые убили жену маршала. И вашего брата.

«Боже мой, — думала она. — Что со мной происходит? Он прав. Абсолютно прав». Человек со шрамом полностью соответствовал описанию. Как могла она оказаться столь слепа? Непанта была страшно зла на себя. Всю жизнь она только тем и занималась, что вела себя, как последняя дура.

Человеку по имени Майкл лишь с большим трудом удалось ее успокоить. В конце концов он сказал:

— Послушайте, вам ничего серьезно не угрожает, пока они верят в то, что смогут шантажировать чародея и вашего мужа.

— Что вы собираетесь делать?

— Вначале я думал вытащить вас через окно. Но в их лапах ваш сын, и вы скорее всего откажетесь бежать...

— Вы правы.

Даже боги не способны утащить ее отсюда, пока Этриан находится в руках врагов.

— В таком случае, находясь здесь, я ничего не смогу для вас сделать. Мне остается лишь отправиться домой и рассказать обо всем, что произошло. Возможно, маршал что-нибудь придумает.

«Вряд ли, — подумала она. — Ради старой дружбы Браги мог, конечно, попытаться что-то предпринять, но к востоку от хребта М'Ханд дипломатические возможности Кавелина крайне ограничены. Еще меньше возможностей у него повлиять на Шинсан. Браги достаточно умен и постарается забыть о ней, чтобы посвятить все свое внимание Кавелину».

Непанта высунулась из окна и сказала:

— Дождь кончился. Начинает светать.

— Теперь нам придется провести целый день на карнизе, — простонал Требилкок.

До его ухода они смогли поговорить еще раз. Требилкок обещал скакать прямо домой. На прощание она одарила каждого из друзей поцелуем. Бедные глупые мальчишки. У них практически нет шансов добраться домой.

— Желаю удачи.

— Мы вернемся. Обещаю, — довольно игриво заявил Требилкок.

— Вы — храбрецы. Но помните, что дама я замужняя, — произнесла она с улыбкой.

Хотя Непанта и понимала, что из этой затеи ничего не получится, окончательно изгнать из сердца надежду она так и не смогла. Тюремщики чувствовали, что с каждым днем заключения ее сопротивление только усиливается. И это их начинало беспокоить.

Однако время шло, и ее тайная вера в возвращение Майкла Требилкока почти угасла. Вне всякого сомнения он и его друг погибли на обратном пути в Кавелин. Просто чудо, что они сумели добраться до Аргона. И что они смогут сделать, если вдруг каким-то чудесным образом окажутся дома? Абсолютно ничего.

Ночи казались ей бесконечно длинными, и, как правило, она проводила их без сна. Бессонница преследовала Непанту почти всю жизнь. Теперь, из-за постоянных мыслей о сыне, она стала еще мучительнее. Тюремщики так редко позволяют ей видеть его... Правда, при встречах он выглядел вполне здоровым, хотя немного испуганным. Мальчик так до конца и не смог разобраться в ситуации.

Она расхаживала по комнате, время от времени подходила к окну и вглядывалась в темноту.

— Какая я все-таки дура, — повторяла она, наверное, в тысячный раз.

Снаружи послышался глухой стук и лязганье металла. Непанта высунулась из окна, но не увидела ничего, кроме дождевых облаков. Впрочем... Где-то у северной око-

нечности острова, похоже, пылал большой пожар. Она отпрянула от окна. Ей показалось, что она уже видела нечто подобное.

Много лет назад братья посадили ее княгиней в Ива Сколовда. Как-то зимней ночью, выглянув из окна, она увидела, что город, которым она правит, охвачен огнем.

В окне мелькнула широкая тень. Зазвенел металл. Такой звук бывает, когда меч извлекают из ножен. Ее схватили сильные мужские руки.

Непанту охватила паника, и она попыталась закричать. В то же мгновение чья-то ладонь прикрыла ей рот.

— Ой! Она меня укусила!

— Непанта! Угомонись! Майкл, найди лампу!

— Маршал, я пытаюсь заткнуть ее пасть.

— Полегче, сынок. Непанта! Это я — Браги. Веди себя прилично.

Упав на пол вместе с удерживающим ее человеком, Непанта продолжала отбиваться всеми четырьмя конечностями. Кто-то зажег свет. Один из нападающих схватил ее за волосы и, резко рванув, заставил взглянуть на себя. Неужели это Браги? Здесь?!

— Теперь ты способна не шуметь?

Ее паническое состояние исчезло так же быстро, как и появилось. Она понимала, что слова ее не имеют никакого смысла, но тем не менее продолжала безостановочно говорить.

— Подожди минутку, — сказал Браги. — Приди вначале в себя.

Она взяла себя в руки и рассказала все, что с ней произошло, не скрывая своей глупости.

— Но что здесь делаешь ты?

— Здесь я из-за тебя.

Вот так. А она ухитрилась поверить в то, что он угрожает ее мужу.

— Но... Ты же один. Ну пусть вас трое. — Обращаясь к Майклу, она сказала: — Благодарю вас. — И Аралу: — Вас я тоже благодарю. Простите, этот укус. Я так испугалась.

— Пусть вас это не беспокоит, мадам, — произнес Дантис, посасывая прокушенную лапу.

— Я пришел не один. Весь шум, который ты слышишь, производит армия Кавелина, вышибая дух из аргонцев.

— Браги, ты совершаешь ошибку. Аргон слишком велик. Он тебе не по зубам.

Как она любила его сейчас, как восхищалась тем, что он явился сюда ради нее. Ее восхищение было почти столь же сильным, как та ненависть, которую она испытывала к нему, когда он совершал столь же безумные поступки ради других друзей.

Маршал Кавелина Рагнарсон сумел доказать Непанте, что она ошиблась. Прежде чем появиться в Аргоне, он собрал под свои знамена внушительные силы. На его стороне выступила армия заклятого врага Аргона Некремноса, земли которого располагались выше по течению реки Рои. Аргонцы не смогли противостоять ударам двух мощных молотов.

Непанта оставалась в стороне от событий до тех пор, пока ожидание не стало невыносимым. Не в силах дальше оставаться в неведении, она бросилась на поиски Браги. К этому времени его войска уже контролировали большую часть Фадема. Оставалось захватить лишь цитадель, и Рагнарсон готовился к ее штурму.

— Тебе удалось что-нибудь узнать? — спросила она.

— Об Этриане? Кое-что. Он определенно там, — ответил Браги, указывая на башню цитадели. — С Фадемой и тервола. Через пару часов мы вернем тебе сына.

— А что если... — Непанта не могла заставить себя произнести вслух то, что думала. Более того, она даже боялась об этом думать.

— Но с какой стати они будут причинять ему вред? Им от этого никакой пользы.

Этот довод Непанту не успокоил:

— Ненависть, — сказала она.

— Хм... Фадема, наверное, способна на подобное. Но командует не она, а у тервола гораздо больше здравого смысла. Кстати, о здравом смысле. Почему бы тебе не найти укромное местечко и там не переждать? Штурм начнется через несколько минут.

Ожидание показалось ей невыносимым. Появился чародей Вартлоккур и на некоторое время скрасил ее одиночество. Но скоро его вызвали для участия в битве. Она жалела о его уходе. Они не всегда с ним хорошо уживались, но, так или иначе, Вартлоккур присутствовал в ее жизни с самого детства. И каким-то образом получилось так, что он в ее жизни оказался самым устойчивым элементом.

Сражение продолжалось очень долго. Гораздо дольше, чем ожидал Браги. Несмотря на напряженность ожидания, она задремала.

Разбудил ее нестройный хор радостных криков. Вскочив на ноги, она бегом бросилась к башне, из которой выходили одержавшие победу солдаты. Тем, кого она знала, Непанта задавала один и тот же вопрос:

— Вы не видели моего сына?

Некоторые смотрели на нее непонимающими, пустыми глазами, другие же отрицательно качали головами и продолжали свой путь.

Вскоре из башни появился Вартлоккур. Он казался даже более обессиленным, чем остальные солдаты. Маг на ходу совершал какие-то манипуляции с лежащим на носилках человеком.

— Браги! — Не веря глазам, воскликнула Непанта. — Что произошло, Варт? Где Этриан?

Едва ли не шепотом и не проявляя никаких эмоций, чародей ответил:

— Исчез. В последний момент им удалось скрыться. Через тоннель перехода. Это случилось, когда мы решили, что они — в наших руках. Они забрали с собой Этриана.

— Но... Неужели ты не мог их остановить? Почему ты их не задержал? — Она слышала, как в ее голосе все громче звучат истерические нотки, но ничего не могла с собой сделать.

— Мы делали все, что могли. Не исключено, что Браги, пытаясь спасти твоего сына, лишился зрения. У нас ничего не вышло. Это все.

Она бросила взгляд на Браги, и ее истерики как не бывало. Потерял зрение? Пытаясь спасти Этриана?

Непанта зарыдала.

* * *

Теперь ее мир состоял лишь из серых тонов. Вначале исчез Насмешник, теперь Этриан. Братья погибли давным-давно. У нее ничего не осталось. Жизнь полностью лишилась смысла. Зачем продолжать существование в столь жестоком мире?

Вартлоккур делал все, что мог, чтобы уменьшить боль Непанты. Маг возобновил свои неназойливые ухаживания, столь знакомые ей по прежним годам. Сейчас она совершенно не была к ним готова, но ей не хватало воли оттолкнуть чародея. Более того, она ощущала некоторое подобие покоя, зная, что у нее под рукой постоянно находится проверенная временем опора.

Она не оставалась одинокой. Вартлоккур был не тот человек, которого она хотела видеть рядом, но пока он жив, одиночество ей не грозит. Чародей был единственным существом, обеспечивающим ее безопасность в этом мире.

Раздался стук в дверь, и в комнату вступила ее единственная в этом мире опора.

— Мы отплываем сегодня. Браги собирается встретиться с королем Некремноса, но все это не более чем дымовая завеса. На самом деле мы заключили тайное соглашение с Аргоном, — со смехом объявил чародей.

Итак, они собираются бежать, оставив Некремнос в одиночку тянуть воз. Прекрасно. Шпионы доносили, что Некремнос намерен напасть на людей Браги и отнять у них всю добычу, как только они покончат с отведенной им в Аргоне миссией. С захватом Фадема в руках Браги оказались все основные богатства Аргона.

— Когда? — спросила она.

— Как только ты будешь готова. Ниже по течению у речных ворот нас ждет барка. Тебе нужна помощь?

— Помощь? В чем? У меня нет ничего, кроме того, что я ношу на себе.

— Что же, в таком случае я тебя провожу, если не возражаешь.

Непанта не возражала. Она уже давно не высказывала никаких возражений.

Барка оказалась массивным сооружением с командой, целиком состоящей из некремонцев. Все ближайшее окружение маршала, включая Арала и Майкла, уже находилось на борту. Молодые люди все утро очень мило флиртовали с Непантой, стараясь улучшить ее настроение. К тому времени, когда барка ошвартовалась неподалеку от штаба Некремноса, она немного повеселела. При этом, правда, она чувствовала себя чуть ли не предательницей по отношению к Этриану.

Браги и Вартлоккур отправились с визитом в штаб, а Непанта предпочла остаться на борту. Майкл и Арал потащились вслед за маршалом и чародеем — молодым людям постоянно хотелось быть ближе к центру власти. Вскоре к Непанте присоединился брат Браги Хаакен, по прозвищу Черный Клык. Он попытался выразить ей свое сожаление, но это у него не очень хорошо получилось. Черный Клык до мозга костей был солдатом и почти непрерывно воевал с пятнадцати лет. Он не привык выражать свои чувства и в ораторском искусстве был несилен. Непанта погладила его по руке и поблагодарила за внимание. Она постоянно испытывала к нему жалость. Радостей в жизни у Хаакена было даже меньше, чем у нее.

Неожиданно с берега послышались крики и донесся звон мечей. Хаакен ринулся к месту схватки. Бой был его стихией. Непанта тоже сошла на берег.

Подойдя к месту поединка, она едва не упала в обморок. Майкл вел бой с ее исчезнувшим супругом!

— Что случилось? — спросила она у Арала.

— Он следил за нами из кустов. Когда мы проходили мимо, он бросился на нас с мечом.

Что он здесь делал? Как здесь оказался? Почему не дал знать о своем прибытии? Он не мог не увидеть ее на борту барки.

— Хватит! — взревел Рагнарсон, расшвыряв в стороны зрителей. — Майкл, отойди!

Требилкок сделал шаг назад и опустил клинок. Его противник оглянулся с видом попавшего в ловушку зверя.

Непанта подбежала к мужу, обхватила его за плечи и уткнулась лицом ему в грудь.

— Дорогой! Что ты делаешь? Где ты был? — причитала она, повторяя снова и снова одни и те же слова.

— Все на борт! — распорядился Рагнарсон. — Непанта, отлипни от этого сукиного сына. Нам надо успеть сбежать, прежде чем они догадаются о том, что я наплел им кучу лжи.

Она отпустила мужа, но осталась с ним рядом, хотя видела, что воссоединение семьи доставила ей радости гораздо больше, чем ему.

Долгие дни пути домой они провели вместе, вспоминая о прошлом и понося последними словами тервола по имени Чин, который сумел обвести вокруг пальца их обоих. Насмешник не очень распространялся о том, что произошло с ним за время их разлуки. Она догадывалась, что это было нечто ужасное. На нем появились новые шрамы. Присущие ему ранее приступы необузданного веселья полностью оставили его. Заставить Насмешника рассмеяться было невозможно.

Непанта изо всех сил старалась избегать разговоров об Этриане. Он, похоже, тоже был склонен не обсуждать этот вопрос.

Непанте показалось, что муж понемногу возвращается к жизни.

Когда армия остановилась под Тройзой для пополнения продовольственных запасов, Насмешник отправился в город.

Черный Клык принес его обратно на носилках. Хаакен не стал распространяться о том, что произошло, но Непанта вскоре заметила, что Браги, его брат и Вартлоккур заметно охладели к ее супругу. Когда Непанта решила, что муж достаточно поправился, она начала задавать ему вопросы.

Насмешник отказывался отвечать. Непанта подходила к нему со всех сторон, но он оставался нем как скала. Муж потерял всякий интерес к интимным отношениям, чего с ним ранее, даже в самые трудные времена, не случалось.

Армия шла через горный проход Савернейк, приближаясь к крепости Майсак — восточной твердыне Кавелина. Вся армия, начиная с маршала и кончая последним пехотинцем, изнывала от нетерпения. Единственным исключе-

нием был Насмешник. С каждым шагом на запад он становился все более угрюмым и замкнутым. В конце концов он сказал жене, что хочет, чтобы она улизнула из армии и осталась в Майсаке.

— С какой стати? — спросила она, испытывая почти такое же подозрение к мужу, какое испытывали Браги и Вартлоккур. — Ты скажешь мне, наконец, что происходит?

— Нет.

— В таком случае я остаюсь с Браги.

На лице Насмешника появилась гримаса страдания.

— Лично я есть связанный обязательствами, — сказал он, нарушив обет молчания. — Есть необходимость решение принять. Дело сделать, возможно. Мне будет облегченность, если супруга будет ощущать безопасность.

— Какое решение? Имеет ли это отношение к тому, что случилось с тобой в Тройзе? Ты утратил интерес ко всему из-за того, что там произошло?

— Это все Тройза, — признал он.

— Так что же там случилось?

Насмешник наконец решился поделиться своей болью.

— Лично я посещен агентом Праккии. Указанный сообщил об Этриане. Сын в их руках. Лично я должен коечто для них делать. Или сын умрет.

— Праккия? Что это?

— Высшая Девятка. Правители Скрытого Королевства — тайного общества, пытающегося покорить мир. Его агенты повсюду. Фадема из Аргона. Лорд Чин из Шинсана. Другие, столь же могущественные в Гильдии Наемников в Итаскии. Повсюду. Указанные не иметь жалости к подобным лично мне.

Он говорил, как человек, узнавший обо всем этом из первых рук.

— Что они от тебя хотят? — в ужасе спросила Непанта.

Он снова замкнулся и больше не произнес ни слова, несмотря на все ее старания. Ее страх возрастал с каждой минутой.

— Не слушай их, — говорила она. — Ты же знаешь, что они своих обещаний все равно не выполнят. Разве не так? Похитители людей никогда не держат слова.

На все мольбы он реагировал так, словно жены вообще не существовало. Непанта решила выполнить его просьбу, ведь Насмешник поставил на кон все, пытаясь спасти их сына. Она еще сильнее любила его за это.

Одним словом, она позволила супругу уговорить ее остаться в крепости Майсак. Непанта отбросила прочь страхи, заставила замолчать совесть и молилась о том, чтобы дело, которое Насмешник должен был свершить, не жгло бы их позором и не терзало бы совесть всю оставшуюся жизнь. Она обосновалась в отведенной ей начальником гарнизона похожей на тюремную камеру комнате и стала тупо ждать новостей.

В один из дней, во второй его половине, к ней явился солдат. Вернее, сержант. Он запер дверь на ключ и ушел. После этого комната превратилась в подлинную тюремную камеру. Солдат не сказал ей, почему он так поступил. Несколько дней она оставалась в полном неведении. Человек, который приносил ей пищу и выносил ночные горшки, обжигал Непанту такими взглядами, что ее охватывал ужас. Эти взгляды могли означать лишь, что для нее уже сооружается виселица.

Затем пришел Вартлоккур. Он исхудал и выглядел смертельно усталым. Чародей привез королевский указ о помиловании, а по дороге в Форгреберг рассказал ей все.

Насмешник покушался на жизнь Браги, но у него ничего не получилось, и сам он был убит.

Ее мир, на краткий миг вернувшийся к жизни, снова умер.

ГЛАВА 5

1014–1016 ГОДЫ ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Гроза приближается

Этриан спал и видел сон. Он был гостем величия, которое являла собой Навами до ее разрыва с Нахаман. Это была большая и процветающая Империя, совершенно непохожая на то, во что она превратилась теперь.

В его сон вплетались шепчущие голоса. Голоса вели спор.

— Это не оправдывает риск, Величайший.

— Его необходимо направить на нужный путь. Он должен закончить то, что начал.

— Но Сила, которую мы использовали... У нас осталось ее так мало. Если мы не преуспеем...

— Если мы не преуспеем, то мы проиграли. Если же мы не попытаемся, то ничего не изменится. А это равносильно проигрышу.

«Кто беседует? — спросил себя Этриан. — Каменный монстр и женщина в белом? Наверное. Но почему он слышит их спор?»

Этриан спал, но ему чудилось, что он бодрствует, витая вне своего тела. Он плавал в воздухе, взирая сверху вниз на свое тело, свернувшееся калачиком между передними лапами каменного чудовища. Он был изумлен. Спящий мальчик заметно подрос.

Изменилось и озерцо. Оно стало больше, глубже, темнее и грязнее. Один из его берегов порос камышом. Из-за поникших стеблей глазела одинокая лягушка. Над водой роились насекомые. Семейство тускло окрашенных цапель бродило по грязи близ берега. В трещинах каменных лап зверя слепили из ила свои гнезда ласточки. На старой искривленной акации, стоявшей у озерца еще во время появления Этриана, также появилось сплетенное из веточек птичье гнездо.

Из воды выползла черепаха и замерла, наслаждаясь теплом солнечных лучей.

— Мы растем. Он приоткрыл дверь...

— Щель пока настолько узка, что в нее не просунуть и лезвия бритвы. А ведь прошло столько времени. Что мы выиграли? Увеличение размеров озера? Если все пойдет таким темпом, то Навами не возродится и через десять тысяч лет. Дверь должна быть распахнута настежь. Для этого нам нужен новый приток силы. Проводи его туда, Сахманан. Покажи все.

— Затраты окажутся слишком высокими. Мы останемся слепыми и не сможем увидеть К'Мар Хеви-тан.

— Я вижу опасность. Но тем не менее ты должна сделать это. Слово произнесено.

— Да будет так, как ты говоришь, Величайший.

Разговор продолжался, но Этриан утратил его нить. Теперь он скользнул в пучину прошлого, в те далекие времена, когда каменный монстр был только что вырублен из сердцевины горы. Вокруг него сновали каменщики, полируя чудовище и нанося последние штрихи на его морде зубилами и молотками. Новорожденный идол возвышался над окружающим его пространством подобно гигантскому, не подвластному влиянию времени часовому, хотя в тот момент он был не более чем глыба обработанного камня.

Нахаман и Сахманан вершили кровожадный ритуал. Они и другие, не столь значительные жрицы — а их были тысячи — влекли жертвы на расположенный между передними лапами чудовища алтарь. Жертвам вырывали сердца, а кровь собирали в специальные сосуды. Смрад от сжигаемых тел не давал дышать. Затем Нахаман и Сахманан омыли каменное изваяние кровью и обратились к небесам с призывом.

Призыв был услышан, и к ним снизошло только что народившееся божество. Это был сгусток энергии, сгусток настолько крошечный, что женщины смогли поместить его в сосуд. Они поднялись с этим сосудом на спину зверя и оттуда спустились по винтовой лестнице к тому месту, где находилось сердце монстра. Там, свершив очередной ритуал, они вдохнули жизнь в свое новое божество и обратили его себе на службу.

Заключенный в камень бог начал расти. Его могущество усиливалось. Разум становился острей. В то же время бог оставался послушным. Однако постепенно он превращался из слуги в господина, а когда сестры поняли это, то было слишком поздно что-нибудь изменить.

Сахманан сразу же капитулировала перед Величайшим. Нахаман подняла мятеж и бежала, став правительницей иных земель. Через некоторое время она вернулась с большим военным флотом и в сопровождении драконов с их мрачными всадниками.

Последовавшие затем войны оказались кровавыми и бессмысленными. То, что было утрачено, было утрачено навсегда. Каменный монстр стал полным хозяином положения и не уступал ни на йоту.

Да и кто может убить бога?

— Пробудись, Избавитель.

Этриан неохотно покинул царство своих странных снов. Ночная тьма окутывала пустыню Навами. Над ним бледным пятном маячил силуэт женщины в белом. Юноша поднялся на ноги и с наслаждением потянулся.

Нет, здесь что-то не то. Этриану показалось, что поверхность земли находится где-то слишком далеко от его глаз... Он вырос. Стал на несколько лет старше... Как такое могло случиться? Озерцо оказалось точно таким, каким он его видел во сне.

— Да. Произошли изменения. Прежде чем уйти в сон, ты успел приоткрыть дверь. Теперь тебе предстоит распахнуть ее полностью.

Этриан не ответил. Он вспомнил только что услышанный спор и аргументы, которые слышал до этого. Однако решение юноша принять был не в силах. Сердце шептало ему, что время для этого еще не пришло.

— Но вы не сказали мне, что следует делать.

Интересно, как долго ему еще удастся затягивать время?

— Тебе все известно, Избавитель. Сила — в тебе. Подари нам Навами, а мы в знак благодарности отдадим тебе твоих врагов.

«Мои враги гораздо могущественнее, чем вам кажется», — подумал Этриан. Эти существа, видимо, не представляют себе силы Шинсана. Даже он не до конца осознавал всю мощь Империи, хотя видел ее воочию. Видимо, они считают, что их Навами — совершенное воплощение имперской мечты.

Ему даже казалось, что сами властители Империи Ужаса не полностью осознают то, какую могучую силу им удалось выковать.

— Избавитель!

Он одарил ее своим вниманием. Женщина явно пребывала в отчаянии.

— Ты принесешь нам свободу?

В ответ юноша лишь пожал плечами.

Она сердито повернулась в сторону черной пустоты между лапами зверя, весь ее вид просто кричал: «А что я тебе говорила?»

— Покажи ему, Сахманан?

— Что вы хотите мне показать?

— Прошлое. Дорогое для тебя прошлое, — ответила женщина. — Тот день, когда умер твой отец, — бросив робкий взгляд на каменного зверя, добавила она.

— Ты должна точно попасть в нужное время, Сахманан. Если ты ошибешься, ты узришь мой гнев, а гнев мой может стать вечным.

— Величайший желает, чтобы я отвела тебя в прошлое, в день гибели твоего отца. Он считает, что это пробудит в тебе жажду мести.

— Я...

— Закрой глаза. Сконцентрируйся и сделай так, чтобы мысленно оставаться рядом со мной.

— Я бы предпочел увидеть маму. Она жива?

Женщина затянула песнь. Что-то мягко зашевелилось в его душе, и он ощутил, как снова начал освобождаться от телесной оболочки. Этриан улегся на свое убогое ложе и позволил унести себя в даль.

Но Сахманан он заставил потрудиться. Для себя он принял одно решение. Не важно, что они хотят. Важно то, что ради достижения своей цели они готовы работать. Он же постарается сделать все, чтобы сдержать их порывы. Следует вести себя так, чтобы они давали заниженную оценку его возможностей.

И вот он полностью освободился от телесной оболочки. Сахманан взяла его за руку, и они поплыли в синем послеполуденном небе над ужасной пустыней. Могущество и воля каменного монстра влекли их все выше и выше и несли все дальше и дальше от одинокой горы.

Под ними проплывала выжженная солнцем скалистая горная цепь. Хребет напоминал груду прокаленных костей. На коричнево-серых скалах не было никакой растительности — даже лишайников.

В пятидесяти, а, может быть, и в ста милях за горами они достигли земель, где жизнь еще процветала. Этриану показалось, что деревья поднялись и коснулись его сердца длинными зелеными пальцами. Он был счастлив. Оказывается, не вся земля превратилась в пустыню.

— Раньше это тоже было частью Навами, — пробормотала Сахманан и послала ему видение.

На какое-то мгновение он увидел внизу процветающие города, мили и мили великолепно ухоженных посевов, узрел прекрасно обустроенную страну. Теперь же это было царством дикой природы. Потомки Навами были дикарями-каннибалами, они умели изготовлять лишь каменные орудия и добывали средства существования охотой.

Скорость полета возросла. Они успели пролететь над Империй Ужаса не менее тысячи миль, прежде чем Этриан понял, где находится. И еще тысячу, пока ему удалось растолковать Сахманан, что они проносятся над землями его врагов.

Они оставили позади себя еще тысячу миль, и еще, и еще. Наконец под ними оказались Столбы Богов и Столбы Слоновой Кости — хребты-двойники, традиционно считавшиеся западными пределами Шинсана.

— Надеюсь, теперь ты начинаешь понимать? — спросил Этриан.

Ответом ему было лишь мрачное выражение на лице женщины. Площадь Навами не составляла и десятой части территории Шинсана.

Этриан и Сахманан мгновенно пронеслись над равнинами долины Рое, обгоняя в полете солнце. Затем, пролетев над могучим хребтом М'Ханд, они уменьшили скорость и поплыли, снижаясь, в сторону крошечного зеленого королевства Кавелин. Наконец под ними оказался Форгреберг, столица Кавелина. Когда Этриан был малышом, этот город казался ему огромным.

— Здесь мало что изменилось, — сказал он своей спутнице.

— Подожди, не отвлекай меня. Я должна обратиться в прошлое и найти там нужный момент.

Лицо Сахманан выражало крайнюю степень напряжения.

Спуск еще более замедлился, и вскоре они мягко приземлились среди башен замка Криф. В тот же миг здания вокруг него начали колебаться в мерцающем свете, похожем на отблески далеких зарниц. Это время обратилось вспять.

— Пора, — сказала Сахманан и, закрыв глаза, к чему-то прислушалась. — Следуй за мной. — С этими словами она поплыла к стене.

Сахманан погрузилась в стену и через мгновение вовсе пропала из виду.

— Эй... — пробормотал Этриан и тут же добавил: — А почему бы и нет? Я же бестелесен, ничто не может меня удержать. — С этими словами он заставил себя нырнуть в стену.

У противоположной стороны стены сражались двое. Один из них был высок и могуч, второй — низок и толст. Они пыхтели от усилий, лежа поперек кровати. Гигант был безоружен. Толстяк же в руке сжимал нож. Из раны на спине его противника лилась кровь.

— Папа! — закричал Этриан коротышке. — Дядя Браги! — выкрикнул он, обращаясь к другому.

Но они его не услышали. К нему подплыла Сахманан и, нежно взяв за руку, отбуксировала в угол.

Рагнарсон захватил руку с ножом и ударил ею о стойку балдахина. Клинок вылетел из руки и скользнул под шкаф.

Насмешник — отец мальчика — кусался и отбивался. То же самое делал и Рагнарсон, который, судя по открытому рту, что-то ревел, но Этриан ничего не слышал. В этой мертвой зоне он мог слышать лишь голос Сахманан.

Рагнарсон, казалось, начинал слабеть. Кровотечение из раны усилилось. Он перестал парировать удары толстяка, стараясь просто удержать своего противника. Затем ему удалось скользнуть за спину Насмешника и зажать его шею между своим плечом и предплечьем. Заведя руку как можно дальше, он прогнулся назад и рванул толстяка на себя.

Это был страшный захват. Этриан знал, что этим приемом можно сломать противнику шею. Ему еще не было и пяти лет, когда отец обучил его этому боевому трюку.

Насмешник изо всех сил отбивался ногами, извиваясь, как змея с перебитым хребтом. Противники давно свалились с кровати и теперь барахтались рядом со шкафом. Насмешник свободной рукой отчаянно шлепал и водил по полу в попытке нащупать нож. Браги усилил хватку. Толстяк из-

влек второй кинжал и нанес несколько ударов в бок Рагнарсона.

— Почему они это делают? — шептал Этриан. — Ведь они были друзьями с того времени, когда я еще не родился.

Сахманан не ответила. По ее губам скользнула едва заметная улыбка.

— Папа!

Насмешник отбивался все слабее. Рагнарсон медленно поднялся, поставив на ноги и своего врага...

И в этот момент коротышка возобновил борьбу. Он просто притворялся обессиленным.

Этриан знал, что должно сейчас произойти. Он с воплем бросился вперед и принялся молотить кулаками обоих противников. Но с таким же успехом он мог избивать призраков. Все его удары уходили в пустоту.

Рагнарсон все более наклонялся вперед. Еще мгновение — и толстяк сможет перебросить его через себя... Этриан молил их прекратить схватку. В этот момент Браги выпрямился и изо всех сил рванул противника на себя.

— Не надо! — взвизгнул Этриан. Ему показалось, что он слышит, как ломаются позвонки отца.

Сахманан взяла его за руку.

— Пошли!

— Нет! — отбивался он. — Не хочу! Отец...

В ее глазах промелькнул ужас.

— Надо уходить немедленно! — вскрикнула женщина и поволокла мальчишку к стене.

Дверь распахнулась, и в спальню ворвались брат Браги Хаакен, чародей Вартлоккур и несколько солдат. Помещение наполнилось светом. Рагнарсон позволил своему старинному другу соскользнуть на пол.

Этриан пытался вырваться, но это ему не удавалось. Сахманан крепко удерживала его и сумела протащить сквозь стену. Он продолжал рваться назад, но женщина подняла его в воздух и понесла на восток навстречу приближающемуся рассвету. Поборовшись еще некоторое время, Этриан прекратил сопротивление.

— Ты видел, как убили твоего отца, — сказала Сахманан. — Ты видел своих врагов. Неужели и теперь ты нас не освободишь?

— Почему они сражались? — спросил Этриан, чувствуя, как на него накатываются волны ярости.

— Мы использовали остатки нашей Силы, чтобы показать тебе это. Неужели ты по-прежнему нам откажешь? Ведь мы, помогая тебе, погубили себя. А я его предупреждала...

На ее гнев Этриан ответил своим гневом.

— Хватит! Дай мне возможность подумать.

Да, он действительно видел, как отец умирает от руки своего лучшего друга. Но во всей этой сцене чувствовалась какая-то фальшь. Об этом говорило и стремление Сахманан увести его их замка Криф до того, как страшный эпизод закончился.

Этриан припомнил момент, когда ломались кости... На него накатила волна ненависти. Ненависть была направлена на Браги Рагнарсона. Но вот этот горячий вал отхлынул, повернул в другую сторону и устремился в сторону тех, кто правил островом далеко на востоке. Никто, кроме них, не мог быть хореографами этого смертельного танца. Именно на это намекал старец... Инструменты Империи Ужаса...

— Хорошо. Я согласен вас освободить. Но совсем немного.

Он был уверен в том, что женщина в белом и каменный монстр являют собой нечто гораздо большее, чем стремятся показать. Они скрывают от него свои возможности. Этриан опасался, что эти существа готовят для него смертельную ловушку. Юноше доводилось не раз слышать рассказы о том, к чему приводят сделки с дьяволом.

Ненависть осталась жить в его душе. Она коверкала его мысли и приказывала согласиться на их требования. Каменный зверь знал, что делает, посылая его в Форгреберг. Монстр был уверен, что путешествие пробудит в юноше самые черные чувства. Что же, ставка была сделана верно. Этриан испытывал такую ненависть, что не считаться с ней было невозможно.

Что же, он станет освобождать их неторопливо, постепенно подчиняя своей воле. Он заставит их помогать ему во всем.

Сахманан весь долгий день несла его на восток, и пустыню они пересекли только в сумерках. Когда же она поставила его на землю между лапами зверя, уже стояла ночь. Женщина настолько обессилела, что напоминала лишь призрак того призрака, которым была до полета. Монстр учинил ей допрос. Свои вопросы он почему-то задавал тоном и голосом капризного ребенка. У него, видимо, не осталось сил для проявления его обычной злобы.

Этриан ради собственного благополучия решил их еще чуть-чуть освободить. Он погрузился в себя, чтобы найти ключи к их оковам.

Воля каменного чудовища столкнулась с волей юноши. Этриан нанес ответный удар, усилив волевой напор. Зверь обманул его. Он не столько ослаб, сколько притворялся обессиленным.

Этриан подавил нарастающую панику и собрал в кулак всю свою волю. Поток силы, идущий от него к этому чудовищу, постепенно начал ослабевать.

Остановить его полностью оказалось столь же трудно, как захлопнуть тяжелые, металлические двери склепа. Все же Этриану это удалось, поток остановился. Он попытался метнуть в зверя молнию своей ярости, но оказалось, что метать ему нечего, и, кроме того, у него не оставалось сил.

Этриан рухнул на свою циновку.

Каменный монстр поочередно то проклинал неудачу, то начинал хвастаться успехом. Ему удалось тайно высосать из Этриана в десять раз больше силы, чем тот намеревался ему отдать.

Мальчик спал. Поток времени продолжал свой бег. В его снах к нему снова и снова являлась женщина в белом и требовала, чтобы он их освободил. Этриан игнорировал ее мольбы, пестуя в себе ненависть.

Он утопит в море тот остров на востоке. Пройдет огнем и мечом по Империи Ужаса. Его армии будут жиреть, пожирая павших врагов. Войско станет непобедимым, и он

поведет его через мир на свою родину, чтобы отмстить за отца...

«Это не мои мысли, — твердил он себе, не просыпаясь. — Кто-то навязывает ему сны».

Но скоро этот неизвестный покинул Этриана, и к тому вернулись его собственные сновидения. Видимо, Сахманан и монстр были поглощены другими делами.

Иногда ему казалось, что он соприкасается мыслями с другими далекими существами, черпая у них их мудрость, и силу, и знания. Он более охотно стал общаться со своими странными компаньонами.

Те вначале были восхищены его новыми способностями. Но с течением времени на смену восхищению пришла озабоченность, которая вот-вот грозила перерасти в страх.

Затем до него донеслось:

— Избавитель! Пробудись!

Чья-то рука грубо трясла его за плечо. Однако он, не обращая внимания на попытку его разбудить, привел себя в переходное состояние и покинул телесную оболочку, чтобы как следует осмотреться.

Озеро выросло еще больше. Вода теперь изливалась из него узким потоком, который вскоре терялся в песке пустыни. Берега короткого ручья украшала буйная растительность, кишащая разнообразными тварями. Жизнь начинала свое контрнаступление.

Все это сумела сотворить Сахманан. Женщина была одержима идеей вернуть к жизни свою родину. Ее же господин желал лишь расширить свои владения и увеличить число тех, кто ему поклоняется.

Прикосновение к плечу стало не столь грубым, и Этриан переключил внимание на распростертое между лапами зверя тело.

Оно выросло, превратившись в тело взрослого мужчины. Мужчина был черноволос, высок ростом и, судя по ширине плеч, обладал завидной силой. Он был очень похож на братьев своей матери. Во сне его лицо казалось копией лица дяди Вальтера — того самого, который женился на колдунье-принцессе из Шинсана. В то время, когда агенты лорда

Чина их похитили, Этриан с мамой как раз жили в доме Вальтера.

Он внимательно посмотрел на пытающуюся разбудить его женщину. Женщина обрела тело. Ей скорее всего еще не было и двадцати, и в будущем она обещала стать красавицей.

Лишь глаза хранили ее прошлое. Это были глаза, обращенные в бесконечную глубину веков, и они казались более мертвыми, чем сама пустыня.

Этриан позволил, чтобы его разбудили.

— Избавитель! Ты должен нас освободить. Иначе мы обречены.

Интересно, что они теперь затеяли?

— Покажи мне, что произошло.

Женщина потянула его к озеру.

— Я дал тебе силу. Обратись в прошлое. Покажи все с самого начала.

Она отказывалась повиноваться, ссылаясь на то, что подобное усилие потребует участия Величайшего. А тот очень занят.

— Ну так пусть бросит свое занятие. Скажи, чтобы выкроил время.

«Любопытно, каким образом я смог так вырасти во сне?» — думал он.

Черпая силу знания и мудрость других умов, Этриан не подозревал, что и сам преображается. Он уже был не тот мальчик, который переплыл пролив и бродил в одиночестве по пустыне Навами. Более того, он уже был и не тот юноша, который летал в Кавелин, чтобы увидеть смерть отца. Он стал кем-то иным. Кем-то более уверенным в себе и более решительным. Его лицо обрело высокомерное выражение, а глаза стали глазами змеи.

— Умоляю!

— Показывай. С самого начала.

Где-то в глубине его черепа раздался грозный рев. Это каменный монстр вступил в дело. Он стал метать в Этриана образами, как камнями из пращи.

Враги приближались. Шинсан уже добрался до пустыни. Каменному чудовищу пришлось оживить горстку мерт-

вецов и направить их на борьбу с разведывательными отрядами Империи Ужаса.

Этриан досмотрел все до конца, задавая себе вопрос: что может остановить Шинсан? Ответа он не находил. Что гонит Империю Ужаса в пустыню, спрашивал он себя. Неужели ее правители испытывают неукротимую тягу к завоеванию все новых и новых, пусть даже безжизненных земель?

Но он отказался одарить каменное изваяние и женщину дополнительной силой. Этриан не сомневался, что монстр просто хотел запугать его.

Бывшие мертвецы истребили полдюжины патрулей. Отряды с запада прибывать перестали.

— Освободи! — со слезами на глазах умоляла женщина. — Они вернутся! Они нас уничтожат!

— Не исключено. Это в их характере. Я задам тебе один вопрос: кто здесь владыка?

— Величайший.

— В таком случае помощи от меня вам не видать. Я не склоню перед ним колени. — Этриан отошел от нее, разделся и погрузился в прохладную воду озера. Рыбы терлись о его ноги. В камышах утки воспитывали свой молодняк. Сахманан шла за ним вдоль берега, и ее голос доносился до Этриана из-за высокой растительности.

— Ты создала из бывшей лужи настоящее произведение искусства, — сказал он ей. — Почему бы тебе этим и не ограничиться? Патрули ушли.

Но разве они отступят? Конечно, нет. Шинсан не признает поражений. Солдаты Империи попытаются найти иные подходы. И за их новыми попытками будет стоять огромная сила.

Как они поступят, если схватят его?

На его губах появилась улыбка. Шинсан может стать тем орудием, которое позволит ему укротить каменного зверя. Впрочем, он мог бы разыграть роль пленника зверя, жаждущего освобождения. Откуда солдаты Империи могут знать, кто он такой?.. Но с другой стороны, если он не освободит зверя, тервола уничтожат все вокруг, даже не заметив обычного мальчишку.

Видимо, так или иначе, но жить ему остается недолго. Он может все поставить на кон, практически ничего не теряя. Монстр будет вынужден принять его требования или погибнуть.

Тварь, видимо, сумела услышать его мысли и взорвалась угрозами. Угрозы сменились мольбой. Этриан, игнорируя как то, так и другое, спросил:

— Ну, и когда же ты согласишься объявить себя моим рабом?

Над пустыней прокатился адский хохот. Это было самое яркое проявление личности бога за все время пребывания Этриана в его владениях.

Больше всего юношу мучил один вопрос — как заставить бога сдержать обещание, вытянутое у него силой?

Он выбрался из озера и направился к месту отдыха. Под горячим ветром пустыни его кожа быстро просохла.

— Сахманан, подойди ко мне. Сядь. Расскажи о себе.

Она начала рассказывать, время от времени бросая вверх испуганные взгляды.

— Нет. Поведай мне о ребенке. О маленькой девочке, ставшей жрицей. Об ее отце и матери, о братьях и сестрах. Расскажи мне, во что она любила играть и какие песни распевала вместе с друзьями во время игр.

Сверху на них полился темный поток холодного осуждения. Чудовище сразу поняло, какие семена бросает в почву Этриан.

— Расскажи мне о себе. А затем я расскажу тебе о своем детстве.

— Но зачем?

— Потому что до того, как мы превратились в то, чем стали теперь, все мы были детьми. Мы можем понять человека, лишь зная, каким он был ребенком.

— Кто это сказал?

— Мой враг. Лорд Чин — один из тервола. Человек с черным сердцем, но тем не менее выдающийся. Он был главным учителем моего деда.

— Деда?

— Вартлоккура. Они называют его Разрушитель Ильказара. Один из самых ужасных колдунов, когда-либо обитавших на земле.

— Я не слышала этого имени. — Весь ее вид говорил о том, что она потрясена.

— Он один из самых старых носителей зла на земле. Ты могла бы увидеть его, если бы задержалась еще на секунду во время нашего пребывания в замке. Он появился в спальне в тот момент, когда ты нырнула в стену. Чародей мог тебя заметить. Меня же он, вне всякого сомнения, видел, — закончил Этриан с коротким зловещим смешком.

Ее глаза округлились, и она бросила испуганный взгляд вверх.

Однако каменный зверь не обратил на нее внимания — он был занят контролированием своих патрулей.

Этриан играл с Сахманан несколько недель. Он искал в колдунье золотую жилу человечности. Этриан был убежден, что подобная жила существует. Лишь проблески человечности могли заставить ее «тратить» Силу на восстановление природы.

Несмотря на все усилия, он мало чего сумел добиться. Жила залегала на большой глубине, подобно вкраплениям алмазов под массой пустых руд. Кроткая, нежная, наивная девица с пустым взором. Эта инженю на самом деле была старше, чем сам каменный монстр, и обладала стальным сердцем. Жрица...

Этриан вернулся к нормальному ритму бодрствования и сна. В самую жаркую часть суток он спал в тени.

Однажды, уже ближе к вечеру, он проснулся словно от толчка и, испытывая необъяснимый ужас, инстинктивно вскочил на ноги. Каменный монстр произвел силовой удар чудовищной мощности. Этот выброс магической энергии оставил после себя лишь черный, жаждущий пополнения вакуум. Этриан заметался между лапами зверя, пытаясь понять, что происходит.

— Они вернулись! — рыдала Сахманан. — Теперь они нас уничтожат!

Этриан вдруг уловил ужас, который испытывал каменный зверь. Монстр, вступив в бой, решил выиграть его одним сокрушительным ударом. Но если он потерпел неудачу, то Навами была обречена на гибель.

Этриан, обежав вокруг лапы, вскарабкался на спину зверя. Сахманан последовала за ним. Достигнув основания шеи, она воскликнула:

— Вниз! У него ничего не получилось!

Этриан приник к выветренному камню. Необычный звук разорвал тишину пустыни. Он напоминал усиленный в тысячи раз треск жарящегося на сковороде сала, перемежающийся с глухими ударами гигантского барабана. Этриан обратил взор на запад и увидел оседающую на землю радужную песчаную башню высотой несколько сотен футов. Из нее с издевкой скалились сотни дьявольских морд, исчезающих по мере того, как необычный для этих мест ветер разносил песок.

Каменный зверь тихонько выл. Сахманан молила о помощи. Этриан не обращал внимания на их стенания. Он взобрался на темя зверя и уселся, скрестив ноги. Затем он освободился от телесной оболочки и устремился на запад.

Этриан прекратил полет, как только заметил нескольких человек, стоявших на вершине длинной песчаной дюны. Их взоры были обращены в сторону зверя. Вскоре к группе присоединился еще один человек, и через некоторое время еще один. Этриану показалось, что фигуры наблюдателей как-то странно колеблются.

Он подлетел поближе и понял, что силуэты трепещут не только от восходящих потоков тепла. Это развевались на ветру форменные мантии пришельцев. Теперь их стало шестеро... Нет. Семеро. Тот, что стоял в центре, был ростом ниже остальных, но гораздо шире в плечах. Лица наблюдателей скрывались под гротескными масками. Глаза из драгоценных камней ярко блестели в солнце пустыни.

«Тервола, — подумал Этриан. — Игры кончились. Колдуны явились, чтобы собственными глазами оценить будущее поле боя».

На дюне рядом с тервола стали появляться и солдаты Империи Ужаса. Дюжина. Два десятка. Сотня. Все они смотрели на каменного зверя.

Тот, что был пониже ростом, заговорил. Он взмахнул рукой в сторону монстра и скрылся из вида, спустившись

по противоположному склону дюны. Один тервола во главе небольшого отряда двинулся вперед. Остальные, видимо, готовые к длительному ожиданию, уселись на гребне дюны.

Этриан устремился назад к своему телу.

ГЛАВА 6

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Пустыня

Ших-кай вскарабкался на гребень серой дюны. Его ноги болели. Сам он истекал потом. Ему казалось, что тело под доспехами покрылось слоем грязи. Командующий устал, и его терпение было на исходе. «Что я здесь делаю? — спрашивал он себя. — Мое место в Четвертом Показательном».

Добравшись до вершины, он остановился. Здесь на ветру было лучше. Впрочем, требовалось некоторое время для того, чтобы относительная прохлада забралась и под доспехи. Ших-кай внимательно смотрел на разрушающиеся вдали песчаные башни. У его ног от ветра тоже возникали небольшие песчаные завихрения.

— Весьма впечатляющее зрелище, лорд.

— Благодарю, Пан-ку. Я подумал, что это послужит хорошим сигналом для наших приятелей на востоке, — сказал командующий, вглядываясь в одинокую гору. К нему подошел тервола. — Мне грезится? — спросил Ших-кай. — Или это создание действительно вырублено из скалы?

— Сдается, что это именно так, — ответил тервола по имени Менг Чао. — Изваяние выглядит очень древним.

— Возможно. Но, тем не менее, в нем присутствует жизнь. И именно он — источник всех наших неприятностей. Откройте порталы перехода за дюной. Я отправляюсь в крепость. Скоро вернусь.

— Как прикажете, лорд.

Ших-кай, с трудом спустившись по западному склону, начал втискиваться в ближайший из действующих порталов.

— Стар я для подобных упражнений, — ворчал он.

— Господин?

— Я беседую сам собой, Пан-ку. Не обращай на меня внимания.

Желание находиться на передовой линии приводило его в изумление. Ведь он — командующий армией, а не полевой командир и никогда не служил в боевых легионах. Может быть, его как раз и привлекает новизна впечатлений?

Остановившись в самом портале, Ших-кай сказал:

— Пан-ку, нет никакой необходимости в том, чтобы ты меня опекал. Я скоро вернусь. Почему бы тебе не подождать меня здесь?

— Останусь ждать, если прикажете, господин. В противном случае я предпочел бы отправиться с вами.

— Хорошо, отправляйся, если тебе по душе подобные упражнения на жаре.

Преданность Пан-ку радовала Ших-кая. Она говорила о том, что он кому-то нужен. Тервола, вызывающие любовь простых людей, встречались крайне редко.

— Они мне по душе, господин.

Ших-кай оказался в штабе Семнадцатого легиона. Он начинал опасаться того, что попал в слишком большую зависимость от одного вида магии. Тоннели перехода имели ограничения, которые при общей оценке ситуации следовало всегда иметь в виду. Чтобы понять это, его собратьям-тервола пришлось дорого заплатить во время последней войны. Для снабжения крупных соединений тоннелей перехода было недостаточно. Они действовали чересчур медленно. Их пропускная способность была слишком мала, так же, как и время существования. Лишь небольшое число тоннелей могло действовать одновременно на ограниченном пространстве. Если их число превышало определенную норму, то возникали взаимные помехи в работе. Чтобы обеспечить снабжение хотя бы одного легиона, приходилось прибегать к старым, добрым фургонам и носильщикам. Однако для поддержки небольших тактических операций не было средства лучше, чем тоннели перехода.

Порталы таили в себе и иную опасность. Были известны случаи, когда люди, войдя в портал, исчезали навсегда.

Во время западной войны подобное случалось довольно часто. Говорили, что колдун Вартлоккур научился тормозить поток перехода.

При мысли о подобной возможности Ших-кай невольно вздрогнул.

«Спокойно, — сказал он себе. — Это усталость действует на твои нервы».

Но усталость была ни при чем. Его очень беспокоила каменная тварь. Следовало быть предельно осторожным. Нет ничего хуже неизвестной опасности.

— Что там происходит, лорд? — приветствовал его вопросом Таси-Феng.

— Мы обнаружили центр неприятности. Гигантский артефакт, вырубленный из горы в форме неизвестного животного. Я направил Хсу Шена взглянуть поближе. Баллисты готовы?

— Они вас ждут, лорд. Я их лично инспектировал. Кандидаты прекрасно поработали. Все стрелы обработаны заклятиями. Теперь их надо лишь навести на цель.

— Я этим займусь сам. Сколько у нас зарядов?

— Всего двенадцать, лорд. Шесть — в баллистах. И еще шесть наготове.

— Должно хватить. Когда мы отстреляемся, поганый зверь будет выглядеть так, словно его сотню лет ела моль. Что же, теперь осмотрим оружие.

Батарея баллист была развернута в поле за пределами крепости. С первого взгляда сооружения казались обычными осадными орудиями. Рамы, желоба и натяжные барабаны отвечали всем имперским стандартам. Необычными в них были лишь луки и тетивы. Их изготовили в магических арсеналах, скрытых в самом сердце Шинсана. Даже лорд Ссу-ма не знал, где расположены эти колдовские мастерские.

Стрелы были произведены в тех же арсеналах. Их делали из какого-то темного, твердого и очень тяжелого материала, инкрустированного золотом, серебром и таинственным серым металлом. Хрустальные наконечники сияли ярким огнем. Свет этот лился откуда-то изнутри заостренных кристаллов.

Ших-кай дотронулся до одной из стрел и спросил:

— Вы никогда не задумывались над тем, сколько это может стоить?

— Наверное, целое состояние, — предположил Таси-Фенг.

— Уверен. Приведите одну машину в боевую готовность и установите здесь портал, чтобы я мог перемещаться туда и обратно.

— Я уже подготовил портал, лорд. Вот он. Я полагал, что вы лично будете наводить их на цель, — сказал Лун-ю.

Ших-кай бросил на подчиненного недовольный взгляд. Этот Лун-ю страшно предусмотрителен или он, Ших-кай, сам чересчур предсказуем.

— Первые три пускать с двухминутным интервалом. Если потребуются дополнительные выстрелы, я вернусь.

Он внимательно посмотрел на расчеты баллист. Все они состояли только из Кандидатов. Обычные солдаты к специальному оружию не допускались. В руках людей не подготовленных оно представляло серьезную опасность.

— Что же. Вы готовы? Выстрел!

Тетива с громовым звуком сорвалась с удерживающего ее крюка. Стрела взвилась в воздух, похожая на иглу из ртути. Она летела по траектории, совершенно не отвечающей требованиям закона всемирного тяготения. Снаряд мчался вверх до тех пор, пока его не поглотило сияние солнечного диска.

— Двухминутный интервал, — напомнил Ших-кай и шагнул в тоннель перехода. Пан-ку последовал за ним, как только портал распахнулся вновь.

Через минуту командующий оказался на вершине дюны в далекой пустыне. Он смотрел на восток, ожидая, когда над горными вершинами блеснет серебряная искра.

— Хсу Шен обнаружил что-нибудь? — спросил Ших-кай.

— Пока нет, лорд. Он еще на полпути.

— Прикажите ему стать так, чтобы мы его отсюда могли видеть. Пусть ждет. Я не хочу, чтобы он оказался слишком близко от цели.

Он закрыл глаза и коснулся шестым чувством колдуна летящей стрелы. Оставшуюся часть волшебной силы Ших-

кай обратил на каменную тварь, прочертив воображаемую линию между магическим снарядом и целью.

— Всем лечь! — скомандовал он. — Закрыть глаза!

Стрела устремилась к земле. Удар! Из точки попадания брызнули огненные, похожие на молнии искры.

Ших-кай открыл глаза.

— Проклятие! — пробормотал он. Промах составил не менее двухсот ярдов.

Адское пламя на месте удара втягивало в себя все, что находилось вокруг эпицентра взрыва на расстоянии нескольких сотен футов. В центре этого огненного урагана возникло озеро из расплавленного песка. Багровая жижа пузырилась и булькала, словно кипящая вода.

— Можете погреть ручки! — бросил Ших-кай, обращаясь к невидимым врагам.

Однако он знал, что хвастаться нечем. Стрела не попала в цель, и это не было случайностью. Командующий вновь обратил взор на запад, ожидая очередной серебряной вспышки.

На сей раз Ших-кай, сконцентрировав всю магическую силу тервола, контролировал полет стрелы до самого удара. В какой-то момент он почувствовал, что его воле противостоит чужая, столь же могущественная воля.

— Снова промах! — прошептал он, открыв глаза. Но теперь брызги расплавленной почвы попали на плечо монстра. Второй снаряд упал ближе к цели.

— Может быть натяжение тетивы недостаточно? — спросил он, обращаясь к другим тервола.

— Не думаю, лорд, — ответил старейший из тех, кого изгнал на восток лорд Куо. — Наводка и натяжение в норме. Проблема — в самой цели. Она оказывает сопротивление.

— Этого я не учел.

— Наверное, нет, лорд. Предлагаю вести следующий снаряд общими усилиями.

— Согласен, — ответил Ших-кай. — Мне не терпится увидеть, что произойдет после прямого попадания.

— Стрела в воздухе, лорд.

Ших-кай нащупал летящий снаряд и мысленно направил его в цель. На сей раз ему на помощь пришли его собратья. Они превратили линию прицела в тоннель, который стрела не могла покинуть.

Копье пошло вниз. Пытающаяся отклонить его чужая воля оказалась бессильной. Снаряд попал в цель.

Ших-кай открыл глаза.

Брызги расплавленного камня летели из крестца зверя.

— В точку! — воскликнул Ших-кай. — На сей раз точно! Теперь подождем.

Долго им ждать не пришлось.

— На его голове, кажется, кто-то стоит? — спросил Ших-кай. Зрение его было уже не то, что раньше.

— Мне даже кажется, что там два человека, лорд.

— Любопытно. Вы видите, что они делают?

— Нет, лорд.

По пустыне прокатился полный ярости рев. Казалось, что он наполнил всю вселенную. Зубы Ших-кая непроизвольно заклацали. Поверхность пустыни взвихрили песчаные смерчи. Ших-кай представил, что это убегает напуганный дух. Улыбнувшись в душе своей фантазии, он приказал:

— Приготовиться к обороне!

Командующему показалось, что в атмосфере произошли какие-то изменения. Что-то стало иным.

— У передних ног чудища происходит нечто непонятное, лорд, — произнес один из тервола.

Ших-кай, прищурившись, впился взглядом в даль.

— Прикажите Хсу Шену немедленно возвращаться! — бросил он.

Пустыня стала заполняться солдатами. Из ниоткуда! Кавалерия. Пехота. Батальон за батальоном...

— Господа, стройте войска в боевую позицию. Менг Чао, приготовьте порталы на случай экстренного отхода. Я же возвращаюсь в крепость. Отдам там необходимые приказы и тут же вернусь.

Он заспешил вниз с дюны, скользя и чуть ли не падая. Пан-ку не отставал от него ни на шаг. Ших-кай надеялся,

что остальные не подумали, будто он спасается бегством. Решив, что командующий бежит, они могут запаниковать.

Если в военной системе и существовал недостаток, то он заключался в том, что сами тервола не всегда отвечали тем требованиям, которые они предъявляли своим воинам. Во время битвы командиры-колдуны иногда не могли совладать со своими эмоциями.

Таси-Феng был изумлен столь быстрым возвращением командующего.

— Что-нибудь не так, лорд Ссу-ма? — спросил он.

— Не у вас. Возможно, я принял ошибочное решение. Мы пробудили нечто очень древнее и крайне отвратительное. Осталось девять зарядов? Я хочу, чтобы первые шесть были выпущены с интервалом в тридцать секунд. Подготовьте порталы на тот случай, если придется срочно отправить в тыл бойцов передовой группы. Сообщите командирам всех легионов, что Семнадцатый ведет боевые действия. Они должны быть готовы выступить по первому сигналу. Свяжитесь с Северной Армией. Сообщите, что я могу воспользоваться своим правом потребовать подкрепление.

— Лорд, мы сконцентрировали слишком много порталов на ограниченной площади.

— Я осознаю риск, лорд Лун-ю. В то же время я понимаю, что мы схватили за хвост опаснейшее чудовище. Оно не позволит нам просто так отпустить его. — Ших-кай повернулся к обслуживающим баллисты Кандидатам и сказал: — Интервал тридцать секунд, господа. Начинайте стрелять.

Проследив за тем, как серебряная искра скользнула на восток, он шагнул в портал.

За время его отсутствия положение ухудшилось. Вокруг каменного монстра разлился океан воинов. Из этого океана в сторону дюны текла река вооруженных людей. Солдаты Хсу Шена, вздымая клубы пыли, мчались что есть силы к своим товарищам.

Над одинокой горой подобно тучам москитов вились какие-то существа.

— Что это? — спросил Ших-кай.

— Драконы с всадниками, лорд Ссу-ма. Скорее всего небольшие драконы особой породы. Глядя отсюда, нельзя быть уверенными, но их всадники, похоже, не гуманоиды. У-ян пытается рассмотреть получше, но ему создают помехи.

Ших-кай подошел к сидящему, скрестив ноги, У-яну. Перед тервола в песок была врыта широкая серебряная чаша. У-ян снова и снова повторял один и тот же заунывный напев, и в жидкости, заполняющей сосуд, возникали туманные картины. Но тут же на поверхности появлялись колеблющиеся полосы, и изображение исчезало.

— Стрела приближается, лорд, — предупредил Пан-ку.

Ших-кай оглянулся, поймал взглядом снаряд и соединил его мысленной линией с настигающей воинов Хсу волной. На сей раз он поразил цель с ювелирной точностью. Несколько взводов врага превратились в пар. Противник терял людей под дождем из расплавленного песка.

— Стрела, лорд.

Ших-кай направил снаряд в быстро возрастающую вокруг каменного зверя орду воинов. В темной, шевелящейся массе возникли огромные дымящиеся пятна.

Пустыню снова потряс чудовищный рев.

— Сдается, лорд, что кто-то вне себя от ярости, — произнес Пан-ку. Ших-кай поднял взгляд на ординарца. На лицо Пан-ку не было заметно никаких эмоций.

— Думаю, что ты прав.

— Воздух, лорд!

Тучи москитов направлялись в сторону дюны.

— Приготовиться! — приказал Ших-кай. — Они могут быть опасными.

— Стрела, лорд.

Ших-кай прочертил линию между снарядом и всадником, вьющимся в сердце драконьей стаи. Когда вспышка взрыва погасла, он увидел, что с неба на землю падает несколько объятых пламенем предметов. Два предмета вдруг распались на части. Это всадники вывалились из своих седел.

Остальные продолжали полет. Они вились роем, и их точное число установить было невозможно. На глазок Ших-

каю казалось, что атакующих драконов не менее пятидесяти. А над каменным зверем возникали все новые и новые летуны.

Командующий направил на врагов еще одно копье. Этот удар оказался более продуктивным. По меньшей мере шесть драконов рухнули на землю. Последний заряд сбил еще четырех.

Рой распался. Разделившись на двойки и тройки, всадники на драконах продолжали полет к дюне.

— Заклинание сокрытия! — приказал Ших-кай. — Заклинание визуального перемещения!

Непроглядная чернота окутала дюну. Все, кто стоял на вершине, оказались не там, где находились за мгновение до этого. Передовые драконы пролетели настолько низко, что от движения их крыльев поднялись клубы песка. Всадники метнули в дюну огненные стрелы.

— Доложите о потерях! — приказал Ших-кай.

— Потерь нет, лорд.

— Раненых и убитых, если они появятся, немедленно эвакуировать через портал! Мы не можем оставлять никого, кто позже может быть использован против нас. Так же поступать и с теми, кого мы захватим. Через портал! Имеет ли кто-либо из вас контакт с демоном воздуха? Вы, Менг Чао? Чего же вы ждете? Давайте его сюда!

Огненные стрелы обрушились на дюну. Большую их часть тервола сумели отвести в сторону, используя те магические средства, которые были в их распоряжении. Лишь немногие из заклинаний не возымели должного эффекта.

— Хсу Шен не успеет прорваться, лорд.

Ших-кай и сам все видел. Он уже размышлял над этой проблемой. В крепости у него осталось всего три стрелы, которые он намеревался использовать против каменного изваяния. Следует ли ради этого принести в жертву Хсу Шена? Ни в коем случае.

— Пан-ку, следуй за мной. Господа, я скоро вернусь.

Однако вернулся он не так скоро, как рассчитывал. Прежде чем дать Таси-Фенгу новые инструкции, ему пришлось потратить время на то, чтобы свериться с картой.

— Мы теряем контроль за ситуацией, — сказал он. — У них явный избыток сил, а у нас — нехватка. Попытаемся удерживать их так долго, как получится. Вот здесь, — он указал точку на карте. — Здесь пролегает наиболее вероятный путь их продвижения на запад. Немедленно перебросьте туда бригаду. Пусть идут налегке. Жара там буквально смертельная. По возможности будем использовать порталы.

— Порталов не хватит, лорд.

— Снимите их у других патрулей. Прикажите им занять позиции на этом перевале и хорошенько там окопаться. Приказ всем легионам. Немедленно приступить к переброске сил сюда, в крепость. Они будут служить подкреплением действующим здесь частям. В случае необходимости действуйте по своему усмотрению. Как только разместите подкрепление, высылайте в поле еще одну бригаду. Мне надо вернуться. Хсу Шен попал в трудное положение. Я хочу, чтобы три последние стрелы были пущены с минутным интервалом.

— Как прикажете, лорд.

Ших-кай зарысил к порталу.

— Пан-ку, — пропыхтел он, — сдается мне, что я уже не такой юный, как был несколько дней назад.

— Если позволите, лорд, то я задам вопрос. Почему бы вам не остаться здесь, в центре паутины, и не предоставить возможность побегать вашим подчиненным?

— Ты абсолютно прав. Я сам не знаю, почему так поступаю. Мне хочется быть свидетелем происходящего. Может быть, потому, что мне раньше не доводилось присутствовать на поле битвы.

Они вошли в портал и уже скоро начали взбираться на дюну.

Хсу Шен попал не просто в трудное, а в чрезвычайно трудное положение. Он был близок к цели, однако вражеская кавалерия готовилась его окружить и отрезать от дюны. Ших-кай бросил взгляд в небо. Всадники на драконах были целиком поглощены высшим пилотажем, пытаясь одолеть демона, которого все-таки призвал Менг Чао. Демон сумел изрядно потрепать летунов. Их численность существенно сократилась.

— Ими очень трудно управлять, лорд, — заметил хозяин демона.

— Похожи ли они на те существа, которых мы встретили в горах?

— Вы спрашиваете, мертвецы ли они? Да, мертвецы. Но всадники никогда не были людьми. Мы достали один образец и отправили его на исследование.

— Отлично. Отлично. Наши потери?

— Пока лишь два человека.

— Великолепно.

— Стрела, — произнес Пан-ку.

— Спасибо, Пан-ку, — ответил командующий и посмотрел в сторону отряда Хсу Шена, чтобы еще раз оценить ситуацию. Чтобы спасти отряд, потребуется затратить по меньшей мере одну стрелу. Он поймал взглядом заряд и прочертил мысленную линию. Снаряд разорвался, разметав преследующих Хсу Шена всадников.

— Приступайте к эвакуации войск, — приказал Ших-кай. — У нас осталось очень мало времени.

— Настолько мало, что всем нам, пожалуй, уйти не удастся.

Ших-кай оценил размеры накатывающейся на них орды.

— Мы, тервола, выстроим линию обороны вокруг портала, — сказал он. — Первыми эвакуируйте солдат.

— Как прикажете, лорд, — дрожащим голосом ответил Менг Чао.

— Стрела, лорд.

— Благодарю, Пан-ку, — ответил Ших-кай, продолжая изучать противника. На некоторое время Хсу Шен оказался в безопасности. Может быть, следует метнуть стрелу в толпу, окружающую каменное чудовище? Две фигуры на его голове...

Он прицелился, соединив мысленно стрелу с головой монстра.

Прямая линия наводки мгновенно искривилась.

— Мне потребуется ваша помощь, господа. Целимся в башку идола.

Медленно, очень медленно нижний конец линии наводки подполз к голове зверя...

Стрела прилетела слишком рано, и Ших-кай не успел направить ее в желаемую точку. Она поразила плечо зверя. В небо поднялись тонны расплавленного камня, чтобы горячим ливнем обрушиться на головы толпящихся вокруг истукана солдат.

— Мне кажется, что вы таким образом нанесли им урона больше, чем могло бы сделать прямое попадание, — заметил Менг Чао. — Взгляните на просеки в рядах воинов.

Ших-кай не ответил, он внимательно следил за двумя крошечными фигурками, сползающими с темени зверя на его спину.

— Менг Чао, скажите всем, что как только мы поразим цель в следующий раз, каждый, кто имеет связь с демоном, должен призвать своего дружка и спустить его с цепи.

— Тварь, которая контролирует мертвецов, вне себя от ярости, — сказал Менг Чао. — Ведет себя нерационально, напоминая ребенка, который, рассердившись, ломает свои игрушки.

— Хм. Что же, подольем еще масла в огонь.

— Стрела, лорд.

— Слышу. — Ших-кай взглянул на отряд Хсу Шена и решил, что теперь тот сможет выбраться без столь шумной подмоги. — Помогите мне, господа. На сей раз я намерен щелкнуть его прямо по сопатке.

Он представил себе жесткую железную арку. Собратья тервола объединили свои усилия с ним. На сей раз их совместная воля встретила не столь сильное сопротивление. Гнев все еще замутнял разум врага.

Через мгновение после попадания по пустыне вновь прокатился громовой рев ярости.

— Похоже, мы врезали ему под дых, — заметил Пан-ку.

— Видимо. Выпускайте демонов, господа. Центурион! Не могли бы вы перемещать людей через портал быстрее?

— Никак нет, лорд.

— Хорошо, продолжайте. Но не затягивайте, — Ших-кай отвернулся, чтобы посмотреть, как отряд Хсу преодолевает последнюю сотню ярдов.

Люди Хсу, как и следовало солдатам Шинсана, бежали легко и быстро, соблюдая полный порядок. Они не бросали

испуганных взглядов назад через плечо. Из снаряжения они оставили врагу лишь то, которое им приказали бросить. Щиты и оружие они сохранили.

— Прекрасные бойцы, — заметил Ших-кай.

— Это Семнадцатый, — ответил Менг Чао. — Легион лорда Ву.

— Понимаю, — улыбнувшись под маской, бросил Ших-кай. Менг Чао произнес свои слова так, будто они сказали о легионе все, что можно было сказать.

Лорд Ву в свое время был одним из величайших тервола, но к своему несчастью оказался вовлеченным в политические игры. Он погиб таинственным образом в Лиаонтунге, когда в том городе размещался штаб Восточной Армии.

Появился первый демон. Обитатель преисподней истошно вопил. Рост чудовища превышал четырнадцать футов, а рук оно имело полдюжины. Демон скакал вокруг своего хозяина, проклиная его на чем свет стоит. Получив приказ, он оценил силу врага, завертелся волчком и изменил форму.

Ших-кай с интересом наблюдал, как демон превращается в медного, гигантских размеров носорога. Закончив трансформацию, зверь, тяжело вскидывая зад, помчался галопом в сторону противника.

— Неужели кто-нибудь может воспринять его серьезно? — со вздохом произнес командующий.

Сверкающий на солнце носорог протопал мимо Хсу Шена. Исторгнув радостный рев, он во весь дух ринулся на ближайших всадников. Животное носилось вокруг противника, мотало головой с не слишком устрашающим рогом и опрокидывало врагов только за счет своей массы.

— Весьма продуктивная клоунада, — неохотно признал Ших-кай. Ему казалось, что демон с таким нравом унижает достоинство тервола.

Исчадие ада снова изменило форму, превратившись теперь в осьминога. Шесть щупальцев головоногого тут же вооружились мечами, взяв их у своих жертв.

Со стороны солнца спикировал дракон, и его всадник метнул копье-молнию в демона. Последнему это пришлось

не по вкусу. Заверещав, словно обиженный щенок, он исчез.

На смену ему явились полдюжины монстров Запределья. Они учинили всеобщую свалку и на некоторое время сумели задержать всадников. Хсу Шен и его люди, задыхаясь, взобрались на дюну.

— Центурион! Отправьте этих людей вне очереди. Они совсем обессилели.

— Слушаюсь, лорд!

Ших-кай проверил, как идет эвакуация. Ему казалось, что транспортировка проходит слишком медленно. Медленно до отвращения.

Всадники, несмотря на тяжелые потери, продолжили наступление. Они окружили позиции Ших-кая на дюне и стали ждать, оставаясь на почтительном расстоянии.

— Значит, теперь, как вы полагаете, мы в ваших руках, — рассмеялся лорд Ссу-ма. — И спастись у нас шансов нет. Вам остается лишь привести пехоту и нас прикончить. Не так ли? — С этими словами он приказал своим тервола сосредоточить внимание на ближайших к дюне пехотинцах.

Сам же Ших-кай продолжил изучение каменного идола. Неужели монстр так глуп? Если он станет продолжать в том же духе, то его войско будет уничтожено еще до того, как сумеет выбраться из пустыни. Тела убитых находились в таком состоянии, что лишь немногие из них годились для очередной анимации.

Этим обстоятельством Ших-кай был весьма доволен.

Командующий не сомневался в том, что властелин мертвых желает провести свое войско через весь мир. И его армия начнет разбухать, как только он вырвется из пустыни в обитаемые земли. Это объясняет, почему идол сейчас так разбрасывается своими бойцами. Монстр считает, что позже никаких проблем с пополнением не возникнет.

Пехота врага подошла в таком числе, что обороняющие дюну демоны, оказавшись под постоянным напором, были просто смяты.

Ших-кай оглянулся. Эвакуация шла гораздо лучше, чем раньше. По одному человеку каждые десять секунд. Шесть

в минуту. Шестьдесят каждые десять минут. Три четверти солдат уже отправлены в крепость. Оставшиеся образовали кольцо вокруг портала. Этот маневр уже принес тактический успех.

«Мне бы чуть-чуть удачи, — думал он. — Надо, чтобы портал мог проработать еще несколько минут. Если мне повезет, то каменный истукан еще некоторое время будет вести себя как последний идиот».

Он теперь сожалел о том, что предпринял разведку боем. Вынужденное отступление вело к тому, что теперь вся Восточная Армия оказалась втянутой в войну. В большую войну. Наступал критический момент для всей дальнейшей истории Шинсана. По его грубой прикидке войска противника насчитывали пятьдесят тысяч бойцов. Ших-каю казалось, что они перестали прибывать из места своего укрытия.

Пехота врага оказала ему огромную услугу, последовав примеру кавалерии. Прежде чем начать атаку, они решили его окружить. Ших-кай вошел в портал за несколько секунд до начала наступления. Сзади оставался лишь один человек — верный Пан-ку. Поднявшись на дюну, враг никого и ничего там не обнаружил. Тервола успели убрать свой магический тоннель.

— Чего они ждут, лорд? — спросил Таси-Фенг. Прошло четыре дня, а враг ни на йоту не продвинулся на запад. Разведчики в своих донесениях рисовали картину царящей в стане врага чудовищной неразберихи.

— Не знаю. Может быть, нам удалось их припугнуть. Или они с самого начала не намеревались наступать.

— Вы действительно так полагаете?

— По правде говоря, нет. Но помечтать не вредно, если, конечно, не базировать свои действия на мечтах. В любом случае, возблагодарим судьбу за то, что она подарила нам лишние дни.

Ших-кай не рассчитывал, что у него хватит времени на переброску людей в горы и на строительство укреплений. Лично он противнику этого бы не позволил.

Однако он получил времени столько, сколько надо, и даже больше того. Две полевые бригады Семнадцатого были

переброшены на оборонительные рубежи и ожидали появления противника. Другие части Восточной Армии подтягивались к крепости. «Еще неделя, — думал Ших-кай, — у меня будет столько людей и магического оружия, что я смогу уничтожить в три раза больше зомби, чем видел у подножия одинокой горы».

Он отозвал всех тервола из легионов, и войска шли пешим строем под командованием унтеров. Когда позволяла возможность, для переброски ряда частей использовались тоннели перехода. Он привлек тервола и вооружение из Северной Армии, использовав до конца предоставленное ему лордом Куо право. Вполне предсказуемое недовольство командующего Северной Армии Ших-кай проигнорировал.

Северная Армия тоже была на марше, но перебросить крупные отряды на помощь Восточной она не могла. Ших-кай приказал трем своим легионам занять оборонительную позицию на западном берегу Тусгуса — полноводной реки, протекающей примерно на половине пути между старым местом расквартирования Семнадцатого Легиона городом Лиаонтунг и крепостью на краю пустыни.

Тоннели перехода в зоне расположения Восточной Армии использовались на полную мощность. Приграничную крепость и главные силы армии разделяло слишком большое пространство.

— Хсу Шен, — распорядился Ших-кай, — доложите, как проходит эвакуация.

Тервола чуть ли не бегом заспешил к командующему. Отвратительная привычка торопиться выработалась у него после спасения у дюны.

— Наконец, лорд, нам удалось добиться некоторого взаимопонимания. Они, кажется, поверили, что наши доводы — не пустые слова. — Хсу говорил о вождях местных племен.

Ших-кай приказал эвакуировать всех туземцев за третью линию обороны — реку Тусгус. Ших-кай решил, что, если не последует иных приказов, то он заставит врага дорого платить за каждую милю продвижения, не давая при этом возможности пополнять свои ряды покойниками из туземцев. Командиры легионов считали, что реакция ко-

мандующего выходит за разумные рамки. Он же доказывал им, что именно подобная предусмотрительность позволила избежать катастрофы во время вылазки в пустыню.

— Лорд Чанг, вам удалось связаться с лордом Куо?

Ших-кай испытывал острую необходимость поговорить с начальством. Он хотел истребовать разрешения поставить под свою команду еще нескольких тервола в том случае, если крепость будет сдана.

Даже Пан-ку втайне осуждал своего кумира за подобные допущения.

Чанг Шенг командовал Двадцать третьим легионом, расположенным к югу от Семнадцатого. Он был одним из дюжины тервола, сосланных в Восточную Армию. До своего падения лорд заседал в Совете тервола и, естественно, терпеть не мог лорда Куо. Его возмущало и то, что ему приходится служить под командованием сына свинопаса. Одним словом, Чанг не был очень счастливым человеком.

Но он оставался солдатом Империи Ужаса, и это было главным. Его армия находилась в состоянии войны.

— Нет, лорд, — ответил он. — Никаких следов. Как будто ушел под землю. Создается впечатление, что он не желает, чтобы его нашли.

— Что же, нет так нет. Вам надо немного соснуть. — Чанг Шенг разыскивал лорда Куо уже более тридцати часов. — Ему известно, что мы его ищем, и, видимо, у него есть причина молчать. Я рассматриваю молчание как согласие с моей просьбой действовать так, как я считаю нужным.

— С другой стороны, лорд, осмелюсь предположить — это может означать обострение отношений с Матаянгой.

— Возможно, что и так. Наихудший вариант.

Подошел Менг Чао, которому положено было находиться в горах. Отсалютовав лорду Лун-ю, он доложил:

— Противник начал движение, лорд.

— Буду в вашем расположении через несколько минут. Как оцениваете силы противника?

— Чуть больше тридцати тысяч. Только пехота.

Таси-Феног бросил вопросительный взгляд на лорда Ссума. Тот молчал. Командующий поручил ведение всей гор-

ной операции Таси-Фенгу и Семнадцатому. На себя же он взял задачу гораздо более масштабную — руководство действиями всей армии. Он не имел права тратить время на разработку диспозиции каждой центурии. Ших-кай молча кивнул Таси-Фенгу.

— Людям известны правила поведения? — спросил лорд Лун-ю. — Раненых необходимо немедленно эвакуировать через портал. Убитых из числа врагов, по возможности, так же следует отправлять через тоннели перехода. Если такой возможности нет, то тела необходимо расчленять. У нас есть на это около пятнадцати минут. В случае промедления труп снова может быть анимирован.

— Все солдаты проинформированы должным образом, лорд.

— Отлично. Напомните им не стоять спиной к убитому противнику. Тот может подняться.

Ших-кай улыбнулся под маской. Оказывается, не только у него был развит материнский инстинкт.

— Как прикажете, лорд, — ответил Менг Чао и, отсалютовав, направился к порталу.

— Вы отправитесь со мной, лорд? — спросил Таси-Фенг, обращаясь к Ших-каю.

— Возможно, прибуду чуть позже. Но только на минуту, чтобы получить представление об их численности и тактике. Я буду слишком занят здесь, для того чтобы вмешиваться в ваши дела.

Таси-Фенг слегка поклонился и произнес:

— Прежде чем убыть, я должен еще раз проверить систему сигналов связи с батареей.

— Постарайтесь по возможности экономить стрелы. Ших-каю удалось собрать лишь сорок девять зарядов. Таси-Фенг пояснил, что большая часть магического оружия уже давно переброшена из Восточной Армии в Южную.

— Именно таково мое намерение, лорд.

— И следите за воздухом. Это наше самое слабое место.

— Слушаюсь, лорд.

Таси-Фенг еще раз поклонился и поспешил удалиться до того, как командующий начнет выступать с новыми советами.

«Я стал похож на занудную старую деву, — подумал Шихкай. — Под моим командованием находятся отличные люди, чей коллективный опыт насчитывает несколько тысяч лет. Боевой опыт. Они, в свою очередь, командуют лучшими в мире воинами. Если они не смогут остановить армию мертвецов, то ее не остановит никто».

Но почему он так страшно нервничает?

Может быть, из-за всадников на драконах? Вскрытие не принесло добрых вестей. Рост этих существ превышал девять футов. Они были необыкновенно сильны и обладали частичным иммунитетом к действию Силы. Вполне вероятно, что при жизни они имели острый ум, умели действовать быстро и, кроме того, сами владели магической Силой. На запрос в библиотеки Империи пришел ответ, что за период письменной истории человечества информации о подобных созданиях в заслуживающих доверия источниках не имеется.

Ших-кай так и не смог узнать, каким образом возникла пустыня и кто воздвиг города, руины которых обнаруживали в лесах в пограничных с пустыней областях. Анализ древних устных легенд позволил лишь обнаружить наличие мимолетных упоминаний о некоем каменном боге-страже, обратившем свой взор в бесконечное восточное море. Осторожные, безумно смелые разведывательные рейды подтвердили, что континент заканчивается чуть восточнее одинокой горы. За границей земли не было ничего, кроме бескрайнего океана и одинокого острова.

Описание острова лишь обострило любопытство Шихкая. Доклад Ко Фенга о заговоре Праккии содержал упоминание об острове далеко на востоке. Там находились лаборатории заговорщиков и штаб, где плелись нити заговора. То, что докладывали об острове разведчики, полностью отвечало описанию Ко Фенга. Неужели эти армии нежити — еще один ход Праккии... Но как такое может быть? Вся Высшая Девятка, кроме Ко Фенга, погибла в битве под Палмизано или еще раньше. После войны как западные страны, так и Шинсан, сделали все возможное, чтобы истребить подчиненные Девятки.

Лорду Ссу-ма очень хотелось высадить десант на том острове и посмотреть, что там сохранилось от Праккии. Заго-

гда стараюсь проявлять здравый смысл. Вот и сейчас, прежде чем начать беспокоиться, я решил предоставить тебе возможность самой все объяснить.

— Вот как? — По ее коже вновь побежали мурашки. На сей раз они таили в себе смертельный яд. Мгла наконец поняла, почему в городе появился Вартлоккур. Если Браги считает, что необходимо прикрыть тыл, значит, он уверен...

— Варево, которое заваривается, состоит из следующих ингредиентов: одна принцесса из Шинсана в изгнании, минус умиротворяющее влияние хорошего человека, погибшего под Палмизано; один молодой, влиятельный и очень богатый торговец, видимо, ослепленный прелестями указанной принцессы; тервола из штаба Западной Армии лорда Хсунга, тайно хранящий верность означенной принцессе в изгнании.

Мгла затаила дыхание. Откуда это ему известно? Проклятый Требилкок! У него, видимо, действительно есть агент в штабе лорда Хсунга. Правда, в ней еще теплилась надежда, что в последнем она ошибается.

— Особый интерес представляет тот факт, что данные ингредиенты встретились в тот момент, когда мои шпионы доносят, что на границах Шинсана и Матаянги назревает взрыв.

О боги! Неужели ему известно все? Неужели у Майкла есть агент и в ее доме?

— Весьма своевременное отвлечение сил, — продолжал король. — Разве ты, окажись на моем месте, не стала бы задавать вопросы?

Он произнес все это напряженным голосом и необычным для него официальным тоном — не как добрый знакомый, а скорее как судья. Но при этом он не мог ни на чем остановить взгляд и явно нервничал, однако Мгла была настолько занята поисками ответа, что его внутренняя неуверенность прошла мимо ее внимания. Ей надо было ответить так, чтобы смягчить Браги и в то же время не поставить крест на своих честолюбивых устремлениях.

Наконец она решилась:

— Ты прав. Люди из Шинсана вступали в контакт со мной. Они придерживаются традиционалистских взглядов

и выступают против реформ лорда Куо. Их волнует нарастание нестабильности Империи. Я же являюсь последней из ныне живущих потомков основателя державы Туан Хуа. Меня воспитали как принцессу-мага во время правления принцев-магов. Сторонники традиций считают, что я, если получу возможность, смогу вернуть былую стабильность и традиционные ценности. Пока дальше разговоров дело не продвинулось. Не думаю, что из этого вообще что-нибудь получится.

— Почему нет?

— Ко мне обращались и до этого. Всем этим группам не хватает ни силы, ни влияния. И им надо вовсе не то, о чем они говорят. Им требуется подставное лицо, которое будет принимать на себя их грехи в то время, когда они станут управлять. Своего рода козел отпущения.

«Слушает ли он меня, воспринимает ли то, что я говорю», — задавала себе вопрос Мгла.

По лицу Браги понять что-либо было невозможно: оно оставалось каменной маской, как у игрока в карты.

— И ты на подобное, естественно, не согласна.

— Нет. Ты меня хорошо знаешь.

— А как в эту картину вписывается Арал? — задумчиво побарабанив кончиками пальцев по носу, спросил король.

— Он — купец. По его мнению, торговый климат станет более благоприятным, если Шинсаном будет управлять друг Кавелина. Арал Дантис пытается обеспечить финансовую поддержку переворота. У меня не хватает духа разрушить его надежды.

Король внимательно изучал корешки книг. Мгла надеялась, что ее объяснение прозвучало достаточно убедительно. Зная, что подобного разговора не избежать, она репетировала его много раз. Но он произошел слишком рано. Все ее приготовления едва не пошли прахом. Она забыла слова роли. В результате ей пришлось открыть большую часть правды. Оставалось надеяться, что этого окажется достаточно.

Браги глубоко вздохнул, видимо, решив не делиться тем, что у него на уме. Она была уверена в том, что Браги готов направить своего секретаря к лорду Хсунгу. Если

это произойдет, то она лишится всех надежд на поддержку торгового класса Кавелина. Теперь перед ней стоит одна цель — сорвать все усилия Пратаксиса. Пока она через этот рубеж не перешла. Но она также хорошо понимала, что не сможет на это осмелиться. Браги пока еще не представляет всех возможных последствий переговоров с Хсунгом. Но если они сейчас сорвутся, вся вина за это будет возложена на нее.

Рагнарсон вел свою старую, старую игру, отдавая злодею веревку, на которой позже можно будет его повесить.

— Выглядит очень привлекательно, — сказал король. — Кавелину это принесет пользу. При условии, что Шинсан сможет преодолеть свою историческую инерцию. В противном случае какая нам разница, кто стоит там у власти?

Что? Не ослышалась ли она? Неужели он не намерен учинить шум? Неужели хочет с ней согласиться? Принцесса попыталась взять себя в руки, оставив его в одиночестве бороться с затянувшимся молчанием. Но он, казалось, ничего не заметил.

— Я не совсем уловила то, что ты сказал, — наконец произнесла Мгла.

— Я сказал, что не буду препятствовать твоим планам. Но мне не нравится, что ты привлекаешь к их выполнению моих людей, предварительно не обсудив дело со мной. Строго говоря, в данный момент ты тоже являешься одним из моих людей. Как кастелян крепости Майсак ты держишь первую линию обороны против Шинсана. Таким образом, мы сталкиваемся с таким положением, которое Дерел мог бы охарактеризовать как потенциальный конфликт интересов. Мне не хотелось бы беспокоиться о контроле над проходом Савернейк.

У Мглы екнуло сердце. Как он сумел так много узнать? А, может быть, он ничего не знает? Может быть, это всего-навсего выстрел наудачу? Попытка всучить веревку? А средством для этого избрал свою знаменитую одержимость угрозой с Востока.

— Понимаю, ты хочешь получить гарантии. Что ты имеешь в виду?

На губах короля промелькнула улыбка.

Она совершила тактическую ошибку. На сей раз он действительно действовал наугад. И поймал ее. Проклятие! Почему он всегда оказывается таким сообразительным?

— Не сейчас и не здесь, — ответил король. — Нам обоим нужно время, чтобы хорошенько все обдумать. Кроме того, мне потребуются свидетели. Вартлоккур и Нерожденный вполне подойдут для этой роли.

— Ты никому не доверяешь, не так ли? — спросила она, изобразив изумление.

— Теперь нет. Перестал. Да и с какой стати я должен кому-то доверять? Твои замыслы — лишь одна из моих головных болей. Я решил быть бдительным и внимательно смотреть по сторонам до тех пор, пока проблем больше не останется.

Мгла рассмеялась. На сей раз совершенно искренне. К ней начала возвращаться уверенность. Браги ответил ей улыбкой.

— Тебе следовало бы родиться на Востоке. Из тебя получился бы первоклассный тервола.

— Не исключено. Моя мама была колдуньей.

Она об этом, конечно, слышала и раньше, но эта мысль только что пришла ей в голову. Может быть, здесь надо искать ответ? А что, если он способен на подглядывание с помощью магических сил? Возможно, что этому его обучил Вартлоккур. Она хотела было просить, но ее остановило появление служанки.

— Госпожа, пришел какой-то господин — он желает видеть его величество.

Мгла вопросительно посмотрела на Браги. Тот пожал плечами.

— Проводи его сюда, — распорядилась хозяйка дома.

В библиотеку влетел адъютант короля.

— Сир, я искал вас повсюду. Вы очень нужны во дворце.

Адъютант казался очень обеспокоенным.

— В чем дело, Дал?

— Чрезвычайное происшествие, сир. Умоляю! — В голосе и во взгляде адъютанта было столько мелодраматизма, что Мгла не смогла сдержать смех.

— Хорошо, потолкуем позже, — сказал ей король. Его взгляд сказал Мгле больше, чем весь предыдущий разговор.

Некоторое время ей придется держаться с удвоенной осторожностью. Развитие событий достигло такой деликатной стадии, что нельзя позволить себе ни малейшего риска. И целиком по ее вине. Ей слишком не терпелось, она стала заглядывать слишком далеко вперед, утратив контроль над текущими деталями операции.

— Чрезмерная самоуверенность всегда кралась за мной по пятам, — прошептала она.

Король и Вартлоккур сидели на ступенях каменной лестницы в темном и пустынном в столь поздний час дворе замка. Нельзя сказать, что они были бодры и оживленны. Предполагалось, что они оставили свои покои, дабы полюбоваться весьма живописным метеоритным дождем.

— Вот еще один большой, — заметил чародей. — Оставил след до самой стены.

— Однажды я видел, как падающая звезда рассыпалась не меньше чем на двадцать частей. Вот это было зрелище! Еще один! — И через несколько секунд: — Я встречался с Мглой. Она вела себя очень уклончиво. Мои подозрения лишь усилились.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Она плетет интриги, чтобы вернуть себе трон. И дело зашло дальше, чем она хочет признать.

— И?..

— Будь ты проклят! Неужели ты не можешь произнести ничего более вразумительного?

— И что же я должен, по-твоему, сказать?

— Ответь. Прав я или нет? Действительно ли она строит далекоидущие планы?

— Ты же сам, дьявол тебя забери, прекрасно знаешь ответ. К чему эти вопросы? Конечно, строит. Тот, кто хоть немного посидел на троне, не отдает его без борьбы. Поставь себя на ее место. После смерти Вальтера у нее здесь ничего не осталось. Ты скажешь, что у Мглы остались дети... Однако материнский инстинкт, мягко говоря, у нее развит

неважно. Когда-то она занимала в Шинсане самое высокое место. Теперь она желает вернуть его себе.

— Тем не менее она уязвима. И именно из-за детей.

— Разве все мы не в таком же положении? — с горечью произнес чародей. — Наши дети — заложники судьбы.

— И ты полагаешь, что она сможет преуспеть?

— Не знаю. Мне неизвестно, что происходит в политической жизни Шинсана. И я не желаю этого знать. Я не хочу их замечать, и мне надо, чтобы Империя не замечала меня.

— Тебя они в покое не оставят.

— Знаю. Если и оставят, то не надолго.

Некоторое время они молча следили за звездным дождем. Затем Вартлоккур сказал:

— Не имеет никакого значения — выиграет она или нет. При любом исходе Шинсан останется Шинсаном.

— Думаешь, она ничего не изменит?

— Не сможет, даже если и захочет. Ей этого просто не позволят. Ты, я и Кавелин у них на особом счету. Наступит день, когда они вернутся.

— О, взгляни! Совсем как комета!

— Хм... — протянул чародей и продолжил: — Но это произойдет не очень скоро. Им предстоит несколько трудных лет. Во-первых, осложнения в отношениях с Матаянгой. Во-вторых, им не удалось полностью умиротворить территории, оккупированные за время войны. Сейчас они лишь питают надежды, как одноногая портовая шлюха, ожидающая прихода эскадры.

Браги фыркнул и искоса взглянул на Вартлоккура. Подобного рода выражения были совсем не в стиле чародея.

— Я буду весьма им благодарен, если они предоставят еще лет десять мира или хотя бы еще год. Я буду счастлив подобным подарком, так как считаю, что в следующий раз мы против них не устоим. Мне кажется, что воцарение Мглы могло бы отдалить этот день и смягчить удар, когда он станет неизбежным.

— Тебе виднее. Однако не забывай об О Шинге.

— Об О Шинге?

О Шинг был принцем, который лишил трона и изгнал Мглу из Империи лишь для того, чтобы самому оказаться свергнутым.

— Он не хотел похода на Запад. Сопротивлялся изо всех сил. И поэтому его теперь нет среди живых.

— Знаю. Но люди, которые его убили, тоже ушли. Боже!.. Ты видел? Ну и звезда! Хорошо. Я потрачу несколько дней, чтобы все получше разнюхать и как следует подумать. Затем ты, Гжердрам, я и еще несколько человек соберемся вместе и решим, стоит ли ей помогать.

— Тебе виднее, как я уже сказал. Но если ты на это решишься, то схлопочешь лишь новые неприятности. У тебя достаточно проблем здесь, дома. И они заслуживают гораздо больше внимания, чем все интриги Мглы. Кроме того, подумай о том, кого ты включаешь в свою команду. Что касается меня, то я вообще не желаю иметь каких-либо дел с Империей Ужаса. Если, конечно, она не заденет меня первой.

— Прости мне мою неуклюжую поспешность, но я решил, что это поможет тебе вступить в контакт с людьми, способными пролить свет на судьбу Этриана.

Чародей оцепенел. Затем он медленно повернулся и посмотрел в глаза короля. Помолчав немного, он кивнул и произнес:

— Возможно, ты и прав.

В библиотеке Мглы находились три гостя. Двое из них склонились над серебряной чашей для предсказаний. Не вода была залита в эту чашу... Богатство позволяло волшебнице заполнить сосуд значительно более дорогой, но и более надежной субстанцией — а именно ртутью, заполучить которую мечтали все провидцы.

Арал Дантис нервно топтался, вглядываясь в блестящую поверхность ртути. Всем своим видом он напоминал юнца, которому вот-вот предстояло лишиться невинности. Мгла искоса поглядывала на него. Она поняла, что совершила ошибку, рассказав ему о подозрениях Браги. Мальчишка — дружок Майкла Требилкока, и если что-нибудь пойдет не так, он обязательно расколется... Думать об этом ей не хо-

телось. Не исключено, что ей придется решиться на героические меры.

Чам Мундуиллер занимался тем, что отравлял воздух библиотеки дымом своей трубки. Третий гость расположился в стоящем у стены кресле. Он сидел, полуприкрыв глаза. Ни его поза, ни выражение лица не выдавали никаких эмоций. Он был терпелив, как змея. Цвет лица и величественная осанка гостя были почти такими же, как и у принцессы в изгнании. Облачен гость был в одежды западного покроя, и по всему ощущалось, что он чувствует себя в них крайне неловко. Он был чуть смуглее, чем Дантис или Мундуиллер, однако лицо его, по сравнению с руками, казалось бледным. Этот человек привык носить маску.

Мгла, шумно втянув в себя воздух, задержала дыхание. Веки человека с Востока чуть дрогнули.

— Смотри, Арал! — произнесла она.

Дантис вгляделся в сверкающую поверхность и увидел четыре крошечные человеческие фигурки. Люди сидели вокруг стола и, видимо, о чем-то горячо спорили. Они стучали кулаками по столешнице и передавали друг другу в качестве доказательств какие-то документы.

— Ни и что? — спросил молодой человек.

— Они склоняются в нашу сторону, — ответила Мгла и усмехнулась, услышав свой голос. От волнения он прозвучал хрипло и в то же время визгливо.

— Откуда ты это знаешь, если мы ничего не слышим?

— Помолчи. Молчи и смотри.

Они наблюдали за тем, как идет спор. Мгла, вдруг отскочив от стола, издала радостный крик и обняла Арала.

— Все. Решение принято. Точка зрения короля победила. Нам теперь не надо прятаться.

Она прижалась к Аралу и поцеловала его в губы, на что тот ответил ей энергичным мужским салютом. Мгла немного отстранилась от него и, не в силах удержаться от улыбки, прошептала:

— Что же, Арал, возможно, это будет совсем неплохо.

Он залился краской и что-то невнятно пробормотал.

Мундуиллер выпустил огромный клуб дыма и понимающе улыбнулся.

На выручку Аралу пришел третий гость. Он поднялся с кресла, подошел к чаше и взглянул на изображение. Его лицо по-прежнему оставалось холодным, как арктический лед. Коротко кивнув, он направился к креслу, бросив на ходу:

— Это хорошо.

Дантис содрогнулся. А Мгла, увидев это, улыбнулась. Когда лорд Чьен Као начинал говорить, реакция у тех, кто слышал его в первый раз, всегда была именно такой. Дело в том, что лорд много, много лет тому назад получил рану в горло, и у него сохранилась лишь видимость голоса. Это был такой скрип, что слушателям казалось, будто их свежую рану посыпают солью.

— Что беспокоит вас, лорд Чьен? — спросила Мгла.

Лорд побарабанил кончиками пальцев по своему острому подбородку и произнес:

— Это решение означает примирение с неизбежностью, а это в свою очередь говорит о том, что король прекрасно осведомлен о наших делах. Из этого вытекает, что наша тайна охраняется не столь хорошо, как ее следовало бы охранять.

Он задержал взгляд своих обсидиановых глаз на каждом из присутствующих.

«Я начинаю терять контроль, — подумала Мгла. — Если я не сумею его быстро восстановить, то окажусь в этой игре простым зрителем».

— С нашей стороны никаких утечек не было, — заявил Арал. Он без страха встретил взгляд змеиных глаз. Дантис не боялся ни этого человека, ни всего того, что тот символизировал. Ему приходилось встречаться с тервола во время Великих Восточных Войн, и несмотря на это он, Арал Дантис — сын купца, — все еще жив.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Постойте. Я, кажется, догадываюсь, как могла произойти утечка. Это могло случиться через моего друга Требилкока. Информация скорее всего просочилась случайно. Дело в том, что мы с ним иногда пользуемся услугами одних и тех же связных.

— Контрабандистов?

Арал сделал полупоклон и продолжил:

— Иногда они мне рассказывают, чем, по их мнению, занимается Майкл. Допускаю, что точно так же они делятся с ним своими догадками о моей деятельности. Недавно связные намекнули, что Майкл сумел завербовать агента в ставке лорда Хсунга. Это похоже на правду. Действия короля позволяют думать, что агенту о нас известно.

«Ну и осел же ты, Арал, — подумала Мгла. — С какой стати ты решил ему это все рассказать?»

— Понимаю. — Чьен Као обратил взгляд рептилии на Мглу и, вопросительно подняв брови, произнес: — Что скажете, принцесса?

— Вы имеете представление, кто может быть этим агентом?

— Полагаю, что да.

— Представляет ли для нас опасность это слабое звено?

— Требилкок, видимо, нашел рычаг, которым можно управлять этим человеком. А рычагом способна двигать любая рука.

— Совершенно верно, — кивнула она, соглашаясь. — Попытайтесь выяснить, насколько силен рычаг влияния или, иными словами, насколько серьезно скомпрометирован этот человек. После этого поступайте так, как сочтете нужным.

— Будет исполнено, принцесса.

Чьен бросил на Арала такой леденящий взгляд, что молодого человека охватила дрожь. И он поспешно отвернулся, сделав вид, что безумно заинтересовался книжными полками.

Чам Мундуиллер, храня каменное выражение лица, молча посасывал свою трубку.

Мгла пристально смотрела на Арала, пытаясь внушить ему нужную мысль: «Это большая игра, Арал. Ставкой в ней является Империя».

— А где сейчас этот Требилкок? — поинтересовался лорд Чьен. — Этот человек мог бы пролить свет на интересующие нас обстоятельства.

— Никто не знает, — ответил Арал. — Он исчез не так давно. Кто-то ночью напал на генерала Лиакопулоса и серьезно его ранил. На следующий день Майкл испарил-

ся. Никому не известно, есть ли связь между этими событиями.

«Это случилось той ночью, когда меня навещал король, — припомнила Мгла. — Той ночью, когда Браги уволок этот тип Хаас. Мальчишка вел себя так, будто я и есть главный злодей».

— Я пыталась найти его, — произнесла она вслух. — Это опасный человек, и мне не хочется упускать его из вида. Однако никаких следов я обнаружить не смогла.

Она покосилась на Арала, не сумевшего скрыть свою тревогу. Интересно, каким образом он смог так преуспеть в торговле, не обладая способностью прятать свои подлинные чувства?

— Ты полагаешь, что он мертв? — спросил Арал. — Возможно, он что-нибудь обнаружил, и это что-нибудь оказалось настолько огромным, что он не сумел с ним совладать?

— Не знаю, Арал. А вас, лорд Чьен, я попрошу ничего не делать с Требилкоком. Король и Вартлоккур его обожают.

— Как вам угодно, принцесса, — произнес, поднимаясь, тервола. — Но мне необходимо возвращаться. Меня ждут дела, и, кроме того, необходимо поделиться доброй вестью с нашими друзьями.

— Да, да, пожалуйста, — ответила Мгла, ничем не выдавая того, что страшно рада его уходу.

Чьен Као направился в угол комнаты и исчез в тот момент, когда вот-вот был готов столкнуться с одной из полок. В том месте, где он только что находился, на мгновение возникла яркая вспышка.

— Ну и жуткий же тип, — сказал Арал. — Он мне ужасно не нравится.

— Пусть он тебя не пугает, — ответила Мгла. — Лорд Чьен очень давно на моей стороне. Он один из тех немногих тервола, которым я доверяю.

— Ты лучше знаешь своих людей, — сказал Арал. — Но вовсе не обязательно, что для тебя и для меня он должен означать одно и то же. Скорее всего он видит во мне лишь хорошо дрессированную и полезную для дела собачку.

Мгла поспешно отвернулась в надежде на то, что Арал не успел заметить промелькнувшего на ее лице выражения изумления. Она знала, что лорд Чьен именно так смотрит на любого, сотрудничающего с ними представителя запада.

— Мастер Мундуиллер, вы не произнесли ни слова с того момента, как здесь появились.

Мундуиллер искоса, сверху вниз посмотрел на поверхность ртути. Там ничего не изменилось. Фигуры, размером с мышь, продолжали свой молчаливый спор.

— В таком случае я скажу до свидания. — В его глазах мелькнул насмешливый огонек. — В моем присутствии здесь нет никакой необходимости.

Арал хотел что-то произнести, но тут же передумал. Мгла тоже не смогла найти нужных слов.

Подойдя к дверям, Мундуиллер повернулся и произнес:

— Прежде чем удалиться, не могу не сказать, что я и мои друзья будут чувствовать себя лучше, зная, что вы действуете заодно с королем.

— Что он имел в виду? — спросил Арал, когда дверь за купцом закрылась.

Мгла улыбнулась. Проведя кончиком языка по своим великолепным зубкам, она ответила:

— Не знаю. И не уверена, что хочу знать.

Но на самом деле это было совсем не так. Мурашки снова забегали по ее спине. Сегодня ей еще раз удалось ускользнуть от удара судьбы. Нет сомнения в том, что Мундуиллер позволил втянуть себя в заговор лишь для того, чтобы лучше понять, чем этот заговор грозит его королю. Когда дрожь прекратилась, она обратила внимание на Арала.

Тот вначале сделал шаг назад, а затем двинулся вокруг стола. На лбу его неожиданно выступили капельки пота. Он казался человеком, убегающим от привидения.

Однако убежать ему не удалось.

Мгла зловеще улыбнулась. Этот призрак навсегда останется с ним. Арал не захочет от него избавиться. Она об этом позаботится.

Вартлоккур следил за тем, как король входит в крошечное помещение, где обычно проводились наиболее

секретные совещания. Браги, казалось, был весьма доволен собой.

— Мгла будет здесь через несколько минут, — сказал он.

Принцесса явилась через десять минут. Сопровождал ее Дал Хаас. За ней, как преданный щенок, плелся Дантис. Чародей наблюдал за ними из-под полуприкрытых век. Что-то изменилось. В их отношениях появилась какая-то странная застенчивость. Для короля это, видимо, тоже не осталось незамеченным.

— Садитесь, — сказал Браги. — Приступим сразу к делу. Я весь день торчал в замке, и у меня нет желания пускаться в долгие рассуждения и тем более в споры. Итак, мы приняли решение. Вы его уже знаете. Приступим к его воплощению в жизнь. Но прежде всего, Мгла, я желаю знать, кто тервола и что он делал в Кавелине без моего на то позволения.

Даже Вартлоккур был изумлен. Он не только изумился, но и испытал некоторое отвращение. Этот молодой человек казался поначалу таким многообещающим... И вот теперь он, подобно худшему из тиранов, посадил всюду своих шпионов.

Если Вартлоккур изумился, то Арал Дантис был просто сражен. Он издал звук, напоминавший одновременно отрыжку и писк мыши. Глаза его округлились. И даже Мгла, в первой раз на памяти Вартлоккура, казалось, была застигнута врасплох.

Это его немало позабавило. Кому не нравится видеть растерянность коллеги?

— У меня имеются кое-какие возможности, — продолжил король. — Мне важно знать, кто этот тервола. Назовем это жестом доброй воли с твоей стороны, Мгла.

Волшебница пришла в себя. Она стала рассказывать все честно и поведала нечто такое, что, как обратил внимание Вартлоккур, повергло Дантиса в изумление.

Король посмотрел на чародея, желая услышать его мнение. Не усмотрев в словах Мглы прямой лжи, Вартлоккур молча кивнул.

— Все это звучит прекрасно, — сказал Браги, — если, конечно, Куо со своей стороны не плетет интриг. Когда ты намерена начать действовать?

— Это пока неясно. Мы выступим в тот момент, когда лорд Чьен решит, что напор Матаянги достиг пика. Мы захватим ключевые точки Империи. Южную Армию мы не станем трогать до тех пор, пока не захлебнется атака Матаянги. После этого лорд Куо будет смещен.

— Прекрасно. Если, конечно, Куо позволит вам сделать это. Что вы намерены предпринять, если он сумеет уладить противоречия с Матаянгой путем переговоров и нападения не произойдет?

— План не идеален. В таком случае я, по-видимому, проиграю.

— Ты не станешь пытаться спровоцировать войну, не так ли?

— Нет. Во всяком случае, не больше, чем лорд Куо. Шинсан может не выдержать еще одной войны.

Король снова взглянул на Вартлоккура, и тот снова дал понять, что не улавливает лжи.

— Хорошо, Мгла, — удовлетворенно кивнув, произнес Браги. — Какой вклад в ваше дело мог бы внести я?

— Ты уже делаешь это, предоставляя нам безопасный трамплин для прыжка. Единственное, что мы могли бы попросить у тебя взаймы, так это несколько штурмовых отрядов для первого удара.

Вартлоккур внимательно следил за Дантисом. По легким подергиваниям лица Арала чародей догадался о той роли, которую играл молодой человек в заговоре до того, как к нему примкнул король. Ему было поручено изыскать средства на наемников, чтобы выполнить ту работу, которая теперь ложилась на плечи королевских солдат. «Парень — глупец, — подумал чародей. — Впрочем, эта женщина способна превратить в глупцов и более мудрых людей, нежели Дантис».

— Сэр Гжердрам, — сказал король, — сформируй нужные ей отряды. Сделай это без всякого шума.

Вартлоккур посмотрел на свежеиспеченного рыцаря. Бедный Гжердрам. Он был самым яростным противником этой затеи. Ни один из аргументов короля не смог заставить его изменить позицию. Теперь же он должен участвовать в ненавистном предприятии, ибо такова воля монарха.

Возможно, он поступает правильно. Когда доходит до дела, мы все в нем начинаем принимать участие, потому что это легче, чем продолжать спор. Не исключено, что Браги тоже превращается в глупца. Он не способен разделять свои симпатии и политику. Если он этому не научится, Кавелин ожидают трудные времена.

Непанта металась в своих покоях, словно посаженный в клетку зверь. У нее появилась странная, неистребимая уверенность в том, что мир вокруг нее неожиданно изменился, и она оказалась гостьей в чужом времени. Окружающие ее предметы и люди утратили в ее глазах свою реальность.

Она понимала, почему это произошло. Виной всему утрата точек опоры, потеря многих друзей, гибель любви. У нее не осталось семьи и почти нет близких людей. Есть, конечно, муж, но это всего лишь брак по расчету — во всяком случае, с ее стороны. Ей был нужен защитник, и она согласилась на защиту со стороны столь давно желавшего ее человека. Всякая чепуха вроде любви была лишь плодом фантазии Вартлоккура.

Все эти дни она просто плыла по течению, оставляя в стороне все и вся. Потеря связи с внешним миром причиняла боль. Временами ей начинало казаться, что она сходит с ума.

Ее жизнь превратилась в длиннейшее ожерелье из нанизанных одно на другое несчастий и неприятностей. Конечно, бывали и счастливые периоды, но они вставали в памяти лишь с огромным трудом. Несчастья же, напротив, припоминались очень легко.

Непанта остановила свой бег, чтобы взглянуть в окно. Небо было окрашено в темно-серый цвет. Неужели опять непогода? Непанте казалось, что после их приезда солнце убежало с небес. Неужели уныние следует за ней по пятам подобно несчастному псу?

— Может быть, это все из-за моей беременности? — пробормотала она. — Не могу же я остаться в таком состоянии навсегда. Сейчас я даже самой себе кажусь невыносимой. Ведь у меня есть друзья, — закончила она с едва заметной недоброй улыбкой.

Ребенок в чреве вдруг принялся толкаться. Положив руки на живот, Непанта попыталась догадаться, что он использует для этой цели — ножки или ручки.

— Думаю, что ты окажешься мальчишкой. Говорят, что мальчики более активны.

Ребенок толкнул еще раз. Она поморщилась. Удар был довольно сильным.

— Варт! — позвала она.

Но супруга дома не оказалось. Скорее всего он снова у короля. Что они затевают на сей раз? Непанта до сих пор не знала, зачем Браги пригласил Вартлоккура. Она не верила Рагнарсону. Конечно, он все объяснит, но его слова не обязательно окажутся правдой. Этот тип настолько хитер, что даже Варт может не знать всех его планов.

Она редко покидала свои покои, но тем не менее всем своим существом чувствовала глубинные течения, нарушающие мирную жизнь замка Криф. Слуги болтали и строили догадки. Возникли какие-то сложности с наследованием престола. Браги был избранным королем, но члены его семьи не имели права на вечное правление Кавелином. Таким образом, после его смерти Корона вновь станет объектом ожесточенной борьбы. Несколько партий уже проявляли горячий интерес к проблеме престолонаследия.

Ситуация на Востоке продолжала внушать опасения, а в соседнем Хаммад-аль-Накире спорадически возобновлялась гражданская война, что не могло не осложнять положение в Кавелине.

В самом королевстве продолжались этнические трения, накал которых лишь незначительно смогли уменьшить три поколения просвещенной монархии.

Она смотрела в окно и думала о своем доме в далеких горах. Даже там ощущала себя не более счастливой, чем здесь. Но, находясь там, она каждый день молила небо о том, чтобы внешний мир обратил на них свой взор и призвал к себе. И вот сейчас, когда они наконец избавились от забвения, Непанта страстно желала возвратиться в тихий, безопасный покой своей горной твердыни.

— Нет, я действительно сошла с ума. Я недовольна даже тем, что мои молитвы были услышаны. — Ребенок в ее чре-

ве снова задвигался. — Что ты там делаешь? Скачешь через веревочку?

Непанта решила прилечь. Сон иногда приносил ей утешение.

Однако на сей раз ей долго не удавалось уснуть. Ныла спина, болели руки и ноги. В голове, несмотря на все попытки их изгнать, продолжали кружить тоскливые мысли. Ребенок тоже никак не желал успокаиваться.

Но наконец сон пришел, а вместе с ним явились и видения, столь же тревожные, как и мысли наяву.

Это были сны из тех, которые она уже хорошо успела запомнить. Ей грезился Этриан, пустыня и тень, огромная и пугающая. Сын взывал о помощи. Голос его едва доносился из отдаления. Тень же забавлялась. Она время от времени набегала на ее сына, причиняя ему ужасные страдания. Мать потянулась к Этриану, но мальчик ее не замечал.

В последнее время она видела множество снов, в которых присутствовал Этриан. Это обычно случалось, когда сон не был глубоким. Видения могли быть различными, но во всех сын оставался живым и пытался избежать соприкосновения с тенью.

Варт утверждал, что это беременность играет с ней в столь странные игры и ее видения не имеют ни малейшего отношения к реальному миру. Но она уже испытывала нечто подобное несколько лет назад. А в то время она не была беременной.

Она верила в то, что повторяющиеся видения отражают истину. Грезы несли в себе какую-то тайную магию, но Непанта не знала, как ее истолковать. Ее магические способности резко увяли после того, как она потеряла братьев. Для контроля над Силой требовалась концентрация магической воли всей семьи...

Варт тоже не был экспертом в толковании снов, но имел достаточно знаний для того, чтобы понять значение ее видений. А может быть, у них нет никакого значения?.. А что, если он прав, и все эти видения — не что иное, как отражение ее тревог и сомнений?

Непанта постепенно выходила из своего сумеречного полусна. Нет, она не бегает за каждым блуждающим огонь-

ком. Она пытается мыслить реалистично... Но на этом пути ее все время подстерегает разочарование. На какое-то мгновение Непанте показалось, что она остановилась у полуоткрытой двери, за которой скрывается истина.

До нее донесся негромкий шорох и звук шагов. Непанта узнала походку горничной.

— Я не сплю, Марго.

— Госпожа, мне не хотелось нарушать ваш покой, но ваш муж попросил меня взглянуть.

— Скажи ему, чтобы он пришел.

Вартлоккур, усевшись на край кровати, взял в свои ладони ее руки.

— Как ты себя чувствуешь?

— Довольно прилично. Что происходит в остальном мире?

— Все, как обычно. Они рождаются и умирают, совершая в промежутке массу глупостей. Я наблюдаю за ними вот уже четыреста лет, и они ни капли не изменились. Люди по-прежнему ведут себя крайне глупо.

Непанта была огорчена. Когда он пребывает в подобном настроении, обсуждать ее сны невозможно.

— Ты снова в дурном расположении духа?

— Почему ты так решила?

— Ну, как же. Все — суета сует и всяческая суета.

— Хм. Это — не более чем реалистический подход к жизни.

Ее супруг явно пребывал в сумеречном состоянии души. Если меланхолия усилится, он станет невыносимым. Однако его еще можно спасти, если не дать уйти в себя.

— Что так тебя завело?

Надо дать ему возможность выговориться. Пусть он посмотрит на все со стороны и придет в ярость. Злость разрушит цепь тяжелых мыслей.

— Это все Браги. Он меняется. Несколько лет назад он взирал на мир открытыми глазами и ничто не могло ввести его в заблуждение, оставить в дураках. И сам себя он никогда не дурачил.

— О чем ты говоришь?

— Теперь он ведет себя по-иному. В Кавелине плетутся интриги и готовые вспыхнуть ярким пламенем заговоры. А он не замечает того, что происходит. Он строит планы против Шинсана, но не видит того, что подлинная опасность растет за его спиной подобно раковой опухоли.

Ура. Победа. Он рассердился.

— Какое тебе до этого дело? Кавелин — не твой дом, а ты переживешь все его проблемы.

— Не знаю. Наверное, ты права. С того времени как пал Ильказар, у меня нет привязанности к какому-либо определенному месту. Мне, видимо, было по сердцу то, что хотели свершить здесь старый король, Фиана и Браги. Может быть, мне нравилась их мечта и то, что эта мечта обещала в случае успеха. Я рассержен тем, что Браги отвлекается от реальных проблем и превращается в типа, который мне не по душе.

— А может быть, ты вообще ошибаешься в нем, Варт? Браги очень хитер, никогда точно не знаешь, что этот человек делает. Он может держать руку на пульсе всех событий, и это тебя тревожит. Ты не можешь выкинуть из головы то, что у него есть Требилкок. Если верить людям, то Майкл одновременно находится везде и нигде, и даже намек на заговор не может пройти мимо его ушей. Служанки говорят, что аристократы до смерти его боятся.

— Хм... У Браги, конечно, хорошие помощники. Но что произойдет, если он своими действиями напугает их так, что они перестанут с ним соглашаться... Оставим это. Я все едино не могу здесь что-нибудь изменить, и мне не следует волноваться. Как у тебя прошел день?

Настроение его заметно улучшилось. Конечно, это было не самое хорошее настроение, но ничего лучшего ожидать не приходилось.

— У меня опять были видения. Этриан снова взывал о помощи.

Лицо мага мгновенно потемнело и стало походить на грозовую тучу, и Непанте показалось, что вот-вот ударит молния и прозвучат громовые раскаты.

— Я не думаю, что это результат беременности или проявление моих тайных желаний, — продолжила, тщательно

подбирая слова, Непанта. — Что-то или кто-то подает мне сигнал. Я не утверждаю, что это делает Этриан. Скорее всего это не он. Однако я считаю, что ты должен отнестись к моим словам серьезно и попытаться докопаться до сути. Это может иметь важные последствия, которые мы пока не в силах ни увидеть, ни оценить.

— Хорошо. Я выполню твою просьбу, — произнес он ледяным тоном, не пытаясь скрыть своего неудовольствия. — Однако сейчас мне надо идти. Я долго не задержусь.

Она смотрела ему вслед. «Ты убежал, Варт, — думала она. — Скрылся. Почему ты так сердишься, когда я говорю об Этриане?»

Прошло несколько дней. Вартлоккур случайно встретил короля в одном из переходов замка. На каменных стенах коридора плясали тени от колеблющихся огоньков масляных ламп.

— Есть ли вести от Майкла? — спросил чародей.

— Арал напал на старый след. Один из его приятелей видел Майкла в Дельхагене, через несколько дней после нападения на Лиакопулоса.

— Странно.

— Все очень странно в эти дни. Когда Непанта ждет прибавления? Нервничает?

— Очень. — Улыбка исчезла с лица чародея. Он и сам начинал тревожиться. — Непанта вымолила у него обещание вернуться домой еще до родов.

— Пусть не волнуется. С Этрианом у нее не возникло никаких сложностей.

— Сделай милость, не упоминай при мне этого имени. В последнее время Непанта прожужжала им мне все уши. Она решила, что сын все еще жив, и считает, что нам следует попытаться его найти.

— А он действительно жив?

— Не знаю.

— Пару недель тому назад ты говорил...

— Я помню, что говорил. Могу повторить. Сейчас не время заниматься поисками. Прежде ей следует родить.

Вартлоккур сам поразился тому, насколько злобно были произнесены эти слова. Неужели в самой возможности того, что мальчишка жив, он видит угрозу себе?

— Я загляну попозже, на всякий случай. Вдруг вам понадобится моя помощь.

— Надеюсь, что она не потребуется, — ответил маг, глядя в спину удаляющегося короля. Монарх шел так, словно на его плечах покоилась вся тяжесть мира. — Друг мой, тебе следует научиться хотя бы на время не совать нос в чужие дела, — прошептал чародей и, повернувшись на каблуках, направился в отведенные ему покои.

ГЛАВА 8

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Предводитель мертвых

— Эта летит точно на нас! — крикнул Этриан. — Бежим отсюда!

Сахманан заспешила вниз по загривку каменного зверя. Этриан бросился следом за ней.

В синем небе сверкнула серебряная молния. Зверь сумел слегка отклонить стрелу, и та угодила ему в бок. Монстр ответил на удар яростным ревом.

— Что это такое? — спросила Сахманан.

— Не знаю. — Этриан оценил потери среди своих лучших воинов и сказал: — Но действует эффективно. — Слегка подтолкнув ее, он добавил: — Поспешим вниз, пока они не попали в нас.

Молодой человек бросил взгляд на пустыню. Тервола по-прежнему стояли на гребне дюны, и их, судя по всему, совершенно не волновало наступление армии мертвецов.

Когда примчалась следующая стрела, Этриан и Сахманан были близко к земле. Снаряд упал почти вертикально перед самым носом зверя. Большая часть энергии взрыва ушла в озеро, которое с такой любовью воссоздавала Сахманан.

В небо взвились облака пара. Из передних лап зверя брызнули осколки камня. Плиты, которыми было вымощено пространство между лапами, поднялись дыбом и раскололись. Вход в пещеры обрушился.

Узрев гибель своего любимого детища, Сахманан зарыдала.

— А твой Величайший, похоже, слабоват, — заметил Этриан. — Они рвут нас в клочья. Боюсь, что я ошибся, доверив ему нас защищать. Он просто зря губит армию.

— Величайший способен на большее.

— Неужели? Неужели ты действительно веришь в то, что тервола выпустят нас из пустыни? Пока перед нами лишь разведывательный отряд. Ты представляешь, что произойдет, когда они разозлятся по-настоящему? Теперь им известно, что здесь происходит, и они знают, что надо делать. Если твой Величайший будет продолжать в том же духе, то к концу недели мы все умрем. Включая его.

— Серебряные стрелы? — спросила Сахманан, вздернув голову. — Атаки прекратились.

Она была права. Бомбардировка кончилась. Этриан оценил ущерб, нанесенный последним снарядом.

— Придется потрудиться, чтобы все это расчистить, — сказал он и прошел к месту, откуда можно было увидеть дюну.

Там ничего не происходило. Воинство каменного зверя по-прежнему окружало песчаный холм.

— И что же теперь? — поинтересовался Этриан.

— Враги ушли. Величайший не мог этого предвидеть. Они спустились по противоположному склону и исчезли.

Этриан даже плюнул от злости.

— Портал перехода. Клянусь. Даже я руководил бы войском лучше, чем это так называемый бог, который...

— Не смей так говорить!

— Я говорю так, как считаю нужным. Тупость она и есть тупость. По другому не скажешь. Я хочу выбраться из этого места, но если твой дружок будет продолжать в том же духе, мне это сделать не удастся.

Каменный монстр прорычал что-то вроде того, что он пока еще не обрел полную мощь. Этриан в ответ заявил,

что идол бесполезно истратил и ту силу, которую уже получил. Спор это продолжался четыре дня — ровно столько, сколько времени ушло на расчистку входа в пещеры. Этриан хотел, чтобы зверь признал себя его рабом. Зверь же отказывался.

Сахманан раньше, как правило, выступала на стороне божка. Теперь же она предпочитала хранить молчание. Она бродила вокруг озера с видом девочки, пытающейся собрать все обломки расколовшейся фарфоровой куклы.

— Они ждут нас в горах, — сказал Этриан, обращаясь к Сахманан. — Полный легион, готовый к битве. Полагаю, что твой Величайший уложит там всю свою неживую силу.

— Божество весьма болезненно воспринимает поражения, Этриан.

Юноша внимательно посмотрел на нее. Женщина впервые обратилась к нему по имени.

— Так же, как и они, подруга. Так же, как и тервола. Они лишь однажды потерпели поражение. Их сокрушили мой дед, мои дяди, моя тетка и человек, убивший отца. Враги пытались отомстить и поэтому захватили меня.

Сахманан прошептала, как будто каменный идол не мог услышать ее шепота:

— Я тебе верю и очень их боюсь. На как мы можем заставить Его к нам прислушаться? Он стал совсем не таким, каким был раньше. Бог перестал делиться со мной своим могуществом. Во время борьбы с Нахаман боевые действия в основном вела я.

— Вероятно, он возлагает на тебя вину за поражение.

— Но я...

— Теперь не имеет никакого значения, кто виноват. Он все равно не признается, если даже вина целиком лежит на нем. Ведь это идолище считается богом. А богам положено быть всемогущими и непогрешимыми.

— Что же нам делать?

— Следовать за армией и быть готовыми оказать помощь. Нам придется разделить ее судьбу вне зависимости от того, пойдем ли мы с войском или останемся. Тервола не знают слова «пощада».

— Жди здесь, — согласно кивнув, ответила Сахманан.

Волшебница пошла к ногам монстра, уступая дорогу потоку оживших мертвецов, выходящих из его чрева. Этриан уже долгое время наблюдал за тем, как выходящие из пещер воины строились в ряды и начинали маршировать в сторону гор. Казалось, что укрывшимся в недрах горы ордам не будет конца.

Может быть, монстру вообще нет нужды прибегать к тактическим тонкостям? Не исключено, что он способен выдерживать огромные потери до бесконечности.

Сахманан вернулась, когда солнце уже зашло за горизонт. За собой она вела двух некрупных драконов.

— Они потеряли своих всадников и Величайшему больше не нужны.

При мысли о полете сердце Этриана ухнуло куда-то в желудок.

— Не знаю... — начал он.

— Бояться не следует. Это даже легче, чем скакать на коне. Просто скажи им, что следует делать. Когда драконы были живыми, то имели разум ничуть не слабее нашего.

— Выходит, теперь они не живые? — спросил Этриан.

Вообще-то он хотел спросить, не анимировал ли их каменный зверь? Если это так, то драконы и их всадники окажутся целиком во власти идола.

«Бояться не надо», — тут же подумал молодой человек, улыбаясь про себя. Истукан будет оберегать его до тех пор, пока не получит от Этриана все, что тот может ему дать. Оставалось лишь надеяться, что он не ошибается.

— Повторяй то, что стану делать я, — сказала Сахманан. — Вверх!

Дракон взвился в воздух. Его крылья звенели, как медный гонг. Через несколько мгновений зверь уже делал круги в сотне футов над землей.

Этриан набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— Давай вверх, ну ты, дьявол!

Жесткая спина дракона ударила его по ягодицам. Этриан потерял равновесие, но все же удержался, а земля провалилась куда-то вниз. Сердце молодого человека было готово выскочить из груди. Этриан зажмурился.

Когда он вновь осмелился открыть глаза, его дракон описывал виражи, держась в хвосте у своего собрата из драконьего племени, на котором восседала Сахманан. Голова каменного изваяния находилась в нескольких ярдах под ними. С этой точки площадь обзора увеличилась раз в десять по сравнению с тем, что можно было увидеть снизу.

— Боюсь, что я не создан для полетов! — крикнул он.

Женщина бросила взгляд через плечо, сказала что-то дракону, и тот, выйдя из виража, устремился прямо на запад.

— За ними, — прохрипел Этриан.

Начался прямой полет, и молодой человек понял, что никогда не поймет прелести пребывания в воздухе. Уж очень долго предстояло падать. Сахманан же, напротив, казалось, была рождена для полета. Пока Этриан, с трудом удерживаясь на спине зверя, летел по прямой, Сахманан заставляла своего дракона постоянно менять высоту и проделывать фигуры высшего пилотажа. Молодого человека тошнило от одного вида этого.

В конце концов Сахманан спланировала к нему настолько близко, насколько позволяли крылья чудовищ.

— Мы почти на месте.

Прямо по курсу возвышались горы. А тем временем под крыльями драконов проплывали выжженные солнцем голые холмы. Сахманан вытянула правую руку. Посмотрев в указанном направлении, Этриан заметил пунктир из темных, одинаковых точек. Еще несколько минут полета — и точки превратились в фортификационные сооружения.

Сахманан бросила своего дракона в свободное падение, и из этого головокружительного пике зверь вышел всего в нескольких ярдах над вершиной безжизненного холма. Сделав вираж, он скользнул в боковую долину, которая чуть ниже превращалась в обширную голую пустошь, бывшую в древности зеленым лугом. Дракон Этриана летел, не снижая высоты, и приземлился лишь тогда, когда под ними оказалась ровная земля.

На древнем лугу стояли отряды живых мертвецов. Они располагались в том же порядке, что и под землей. Снова поднявшись в воздух, Этриан попытался подсчитать число

воинов. Он считал. Сбивался со счета. Начинал снова... В конце концов это безнадежное дело пришлось бросить.

— Сколько же у нас бойцов? — спросил он, как только его ноги коснулись твердой почвы.

Ему тут же пришлось сесть. Его нижние конечности отказывались служить, нервы были на пределе.

— В нашем распоряжении сто пятьдесят тысяч воинов. Ровно столько, сколько он может контролировать. Плюс еще несколько тысяч для замещения безвозвратно выбывших.

— Что значит «может контролировать»?

— Столько мертвецов может одновременно анимировать Величайший. Вне горы... В этом месте... Вот...

— Хм... — Это дело явно заслуживало более внимательного изучения. — Объясни. Если окажется, что он не только глуп, но и слаб...

— Чем дальше от горы, тем меньше тел он способен контролировать. В радиусе пяти миль он управляется со ста тысячами. Их невозможно отличить от обыкновенных солдат, не считая, конечно, того, что они все время встают из мертвых. В месте, где находимся мы, он может держать под контролем не более пятидесяти тысяч. При этом руководство войском будет крайне нечетким. Именно поэтому болваны, которых ты видишь перед собой, способны лишь стоять на месте. На перевале он держит всего лишь тридцать тысяч.

— А когда мы подойдем к краю пустыни?

— Тысяч десять—пятнадцать. А в тысяче миль от горы он сможет повести в бой лишь три или четыре тысячи.

Этриан осмотрел ряды воинов и спросил:

— Ну и как же он намерен вести операцию? Планы у него грандиозные. А по мне они и гроша ломаного не стоят. Его империи никогда не удастся выбраться из пустыни.

— Именно поэтому мы для него представляем такую большую ценность.

— Каким образом?

— Позже.

Сахманан отказалась отвечать на дальнейшие вопросы. «Еще не время, — твердила она. — Прежде Величайший должен отомстить людям, засевшим на перевале»

Этриан нашел затененное место. Немного отдохнув, он решил, что все дело надо хорошенько обмозговать.

Идол хочет, чтобы Этриан ему полностью подчинился. Монстр считает, что сможет хитростью сделать его своим рабом. Добившись своего, он передаст ему способность управлять мертвецами и, обретя таким образом подвижность, сможет создать новую Империю.

Своими размышлениями он поделился с Сахманан. Та, выслушав его, согласно кивнула.

Когда он возвращался к себе в тень, на его лице сияла улыбка. Оказывается, его позиция гораздо прочнее, чем он предполагал. Он так и уснул с улыбкой.

Это был скорее даже не сон, а глубокая дремота. Этриан продолжал контролировать ход своих мыслей. Время было слишком благоприятным, чтобы тратить его впустую.

Неторопливо и очень осторожно, преодолевая легкое сопротивление плоти, он освободился от телесной оболочки и поплыл над армией нежитей. Упасть он не мог и поэтому наслаждался вновь обретенной свободой. В этом бестелесном состоянии Этриан не ощущал никакой боли.

Он заметил, как на горы, где стоял легион, наползает тьма. Он пустил в ход все свои чувства, чтобы точнее определить границу, до которой простиралась власть идола. Сейчас монстр гнал своих бойцов на земляные укрепления Шинсана.

Этриан проплыл еще чуть дальше на запад, и ему не понравилось то, что он там увидел. Каменный зверь бросил тридцать тысяч нежитей на штурм укреплений. Серебряные стрелы пробивали огромные бреши в их рядах. Павшие воины, оказавшиеся слишком близко от линии обороны, тут же попадали в руки врага. Наползавшая на гору темнота оказалось дымом костров, в которых сгорали тела нежитей.

Армия каменного зверя почти не причиняла противнику урона. А всех убитых и раненых воинов успевали отправить в тыл через тоннели перехода еще до того, как чудовище завладевало их телами.

Этриану стало противно, и он полетел на восток. Молодой человек двигался быстро, восхищаясь силой разума командующего легионами человека.

Тервола постоянно опережали каменного зверя на три-четыре шага, и Этриан не видел способа выбраться из пустыни. Идол растранжирит большую часть своих сил на перевале, и на штурм крепости у него почти не останется воинов. Там ему и придет конец. А еще через год тервола будут с ухмылкой вспоминать Великую войну в пустыне, не переставая изумляться тупости побежденного врага.

Вскоре он вновь юркнул в свое тело.

— Как тебе спалось? — поинтересовалась Сахманан.

— Я не спал, — ответил Этриан и рассказал ей обо всем, что видел, и поделился соображениями о том, как мало сил скоро останется в распоряжении монстра.

— Неужели он так и будет продолжать? — спрашивал молодой человек. — Оборону там держат всего лишь пять тысяч человек. Но им на помощь могут явиться в десять раз больше воинов. А за теми будет стоять вся мощь Шинсана. Сахманан, он глуп и упрям, но ты должна открыть ему глаза на то, что он творит.

— Не думаю, что он станет меня слушать. Он очень зол. Может быть, после того, как немного успокоится?

— Так успокой его. Сделай что-нибудь. Иначе он нас погубит.

В этот момент Сахманан казалась Этриану очень милой и одновременно чрезвычайно уязвимой. Немного помолчав, она энергично кивнула головой и вскочила на своего дракона. Зверь взвился в небо и устремился на восток.

Этриан посмотрел на солнце. До заката оставался примерно час. «Пожалуй, следует отдохнуть», — подумал он и вернулся под сень скалы. Оставалось лишь надеяться, что Сахманан успешно справится со своей миссией.

Волшебница разбудила его, когда на смену вечернему сумраку уже приходила ночь.

— Ты вернулась?

— Он хочет тебя видеть.

— Готов поговорить?

Сахманан утвердительно кивнула и сказала:

— Он много понял сегодня... и мыслит рационально. Злоба ушла, но беспокойство усилилось. Их контратака потрясла его.

— Контратака?

— Они предоставили ему возможность погубить большую часть сил, а затем окружили то, что осталось. Ему не удалось спасти ни единого солдата. Противник же потерял менее пятисот человек. Величайший хорошо усвоил урок.

— Итак, он готов меня выслушать! — ухмыльнулся Этриан. — Вперед!

Они пустились в полет. Сахманан задала сумасшедшую скорость. В ушах Этриана свистел ветер. Половину пути он сидел зажмурившись. Через полчаса драконы приземлились рядом с каменным зверем.

Юноша сразу уловил изменения в настроении идола. Его ярость и высокомерие исчезли. Монстр походил на ребенка, хотевшего продемонстрировать свою ловкость, но вместо этого шмякнувшегося физиономией в грязь.

Этриан взобрался на кучу обломков и, приняв горделивую позу, крикнул:

— Сахманан сказала, что ты готов поговорить.

Отец учил его быть нахальным, постоянно напоминая, что именно для этой цели боги дали людям потроха.

Чудовище несколько сникло, но дух его до конца не рухнул, и в его ответе присутствовал легкий сарказм.

— Я знаю границы твоих возможностей, — продолжал Этриан. — Мне известны твои слабости и я понимаю, что тебе надо. И кроме меня, тебе никто не сможет помочь.

Монстр, казалось, изумился еще сильнее.

— У меня теперь достаточно сил для того, чтобы найти другого помощника, — сказал он.

Этриан искоса взглянул на Сахманан.

— Но у него не будет времени, — произнесла женщина.

— Теперь ты понимаешь, против кого попер? — помня уроки отца, крикнул Этриан.

— Если ты имеешь в виду наших оппонентов, то да, понял. Я их недооценил. Мир изменился. Сила людей возросла, а могущество богов уменьшилось. Я предлагаю тебе союз, Избавитель. Мы трое выступим в единстве против остального мира. Ты освободишь нас и поведешь воинство. Сахманан использует в борьбе волшебную Силу, а я передам тебе свое могущество.

— Боюсь, что я не совсем его понимаю, — сказал Этриан, обращаясь к женщине.

— Он выдвигает идею «тройки». Ты нас освобождаешь, а он передает в твое распоряжение армии и меня, чтобы сражаться с тервола. Мы втроем приступим к строительству империи.

— А какая польза в этом для него?

— Чтобы это понять, надо быть богом.

— Попробуй объяснить. Иначе я буду судить о нем по человеческим стандартам.

— Он желает стать божеством нашей империи. Хочет, чтобы мы создали новую Навами. Когда империя будет создана, мы перенесем его в столицу в качестве бога-покровителя.

— Всего-то?

— Ты говоришь «всего-то»? Нет, Этриан, для него это — все! Теперь, когда Величайший пробудился, он не сможет выжить без поклонения. Ты смотришь на запад и думаешь о мести. Он смотрит в ту же сторону, мечтая лишь о том, чтобы остаться жить. Поражение показало ему, насколько хрупки наши шансы на успех.

— Сколько времени пройдет, прежде чем он исчезнет?

— Возможно, несколько столетий. Боги умирают медленной смертью. Но сейчас наступило время решений. Нам необходимо сокрушить этих людей. Если из этого ничего не получится, то мы обречены. Ты прав. Они не приемлют поражения.

Этриан поднял глаза на чудовище. Старая ненависть к Империи Ужаса никогда не переставала тлеть в сердце юноши.

— Если мы заключим этот союз, то чем ты можешь гарантировать соблюдение нашей договоренности? Смертный не в силах заставить бога выполнять свои обещания.

— Время заставит меня сделать это, Избавитель. Я не могу оставаться здесь. Если я тебя обману, то ты оставишь меня умирать в пустыне.

— Твои обещания хороши до тех пор, пока не появятся поклоняющиеся тебе люди.

— Да. До тех пор — обязательно. Но я не вижу причин для расторжения нашего союза и после этого. Спроси Сахманан — разве я плохо к ней относился? Даже в то время, когда она не представляла для меня никакого интереса.

— Он поддерживает тех, кто стóит на его стороне, — подтвердила слова божества Сахманан. — Если бы не он, меня бы уже не было.

— Хорошо. Мы — на верном пути. Проверим. Первым, Божок, вносишь свой вклад ты.

Каменный зверь ничего не ответил. Этриан всем своим существом чувствовал одолевающие монстра недовольство и неуверенность.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Сахманан.

— Только то, что сказал. Если он передаст мне власть над мертвецами, я ему поверю и сделаю то, что он хочет.

Этриан внимательно взглянул на женщину, но у нее на лице не оказалось даже и намека на победное выражение.

— Ложись, — приказал идол. — Проснувшись, ты сможешь испытать себя, вступив в бой с врагами. О моих заботах поговорим позже.

— Он и в правду изменился, — сказал Этриан волшебнице.

— А я что говорила? Однако не думай, что это ему по вкусу. Просто за личиной высокомерия и хвастовства живет реалист.

— Ты останешься рядом?

— Естественно.

Молодой человек устроился на своей циновке. Но спать он не мог, перед его мысленным взором проплывали картины, связанные с тем могуществом, которым он скоро станет обладать.

Проснулся он словно от толчка, не понимая, где находится и что с ним происходит. Над ним возвышалась женщина в белом. Этриан вскочил на ноги, опасаясь нападения крабов.

— Все в порядке. Все хорошо. Все закончилось.

— Закончилось?.. Что?.. Видимо, ничего не получилось. Я не ощущаю никакой разницы.

— Все получилось так, как надо.

— Сколько же времени я спал? — Ему казалось, что он только что улегся.

— Всю ночь и весь день. Сейчас снова наступила ночь.

— Так долго? Не может быть! Надо что-то делать. Тервола...

— Они все еще там. Величайший утверждает, что врагам не терпится взглянуть на нас поближе.

Этриан вдруг почувствовал, что знает совершенно точно то, что следует предпринять.

— Где эти драконы?

С неба мгновенно спустились два крылатых зверя.

— Неужели я их вызвал? — изумился Этриан.

— Нет. Их прислал Величайший. С этого момента драконами стану управлять я. Ты же сосредоточишь все свое внимание на солдатах.

«Оказывается, монстр не так уж и глуп», — подумал Этриан.

— Хорошо, — произнес он вслух и взгромоздился на неровную спину. Через секунду он и Сахманан оказались в воздухе.

Находясь в полете, юноша думал о том, что будет делать. Он действительно не ощущал в себе каких-либо перемен.

Однако Этриан почувствовал изменения, когда драконы стали планировать вниз в направлении армии. Он ощутил огромную пустоту, сотканную из десятков тысяч малых пустот, ждущих, чтобы их заполнили. Перед ним появились странные образы. Он увидел горы так, как их видели многие тысячи мертвых глаз. На некоторое время Этриан даже утратил ориентацию. Но вскоре он стал смотреть всеми этими глазами как одним огромным оком. Молодой человек чувствовал тот поток силы, который связывал его с каменным зверем. Теперь эта сила становилась его силой. И он мог пользоваться ею по своему усмотрению.

Драконы опустились на землю. Этриан, вытянув шею, взглянул поверх головы своего крылатого коня. Молчаливое войско, как положено, ело мертвыми глазами своего командующего.

— Будь я проклят, — буркнул он. — Интересно, что я теперь должен делать?

— Ты должен решать, кто, где и когда. Все нужные промежуточные действия будут выполняться бессознательно.

— Значит, я должен лишь сказать, кто из них должен атаковать, и они это сделают?

— Да. Но тебе надо будет указать им, как и где.

Этриан отключился от внешнего мира и, покинув тело, полетел в сторону гор. Изучив позиции врага, он вернулся.

— Я готов приступить, — объявил предводитель мертвых и сам уловил нотки изумления в собственном голосе.

— А что стану делать я?

— Подожди немного. Мне еще надо определить отряды, которые начнут наступление.

Средь глухой ночи, в то время, когда жизнь на земле замирает, армия нежитей пошла в атаку. Мертвецы двигались молча. Они шли не крупными соединениями, как раньше, а рассыпным строем, покрывая при этом весь склон. Попадание магических стрел теперь не грозило им тяжелыми потерями.

Первые десять тысяч были вооружены арбалетами и луками. Этриан приказал им вести стрельбу, не сближаясь с воинами Империи Ужаса.

— Пока все идет неплохо, — сказал он. — Сахманан, садись на своего дракона и отвлеки внимание тервола.

Через мгновение она уже мчалась к перевалу, впереди летело огненное копье.

«Настало время для копейщиков и метателей дротиков, — подумал Этриан. — И очередные десять тысяч вступили в бой».

Над горами полыхали зарницы. Это Сахманан и тервола обменивались огненными зарядами. Вспышки магического огня то и дело выхватывали из тьмы низкие облака. Этриан влез на своего дракона. Он заставлял чудовище подниматься все выше и выше до тех пор, пока его взору не открылось все поле битвы.

Копейщики продвигались вперед, рассыпавшись по склону. Они уже миновали лучников и вступили в схватку с солдатами противника, высланными для истребления стрел-

ков. В сражении один на один мертвецы частенько проигрывали, но в целом штурм рассыпным строем шел значительно лучше, чем при атаке сомкнутыми колоннами. Под руководством Этриана нежити действовали быстрее и гибче, чем следуя поступавшим из отдаления сигналам каменного зверя. Передовая линия Шинсана начала подаваться назад. Копейщики приближались к земляным укреплениям. Лучники и арбалетчики продолжали поливать врага стрелами.

Этриан бросил в бой, также рассыпным строем, десять тысяч человек, вооруженных мечами. А за ними следом двинулись — уже рядами — вся стоящая в ожидании орда.

Или половина орды. Каменный идол, прежде чем уступить Этриану командование, успел погубить не менее шестидесяти тысяч мертвяков.

Этриану с трудом верилось в то, что все эти тела двигались, повинуясь его воле. Ему надо было лишь мысленно представить себе маневр и тех людей, которых он собирался пустить в дело, и его мысль тут же претворялась в действие. Может быть, бросить сотню нежитей на штурм вала, за которым укрыто метательное орудие, причиняющее наибольший урон наступающим? Едва он успел это подумать, как сотня бойцов полезла на холм. Мертвяки спотыкались, падали, но, провалявшись несколько минут, поднимались и опять бросались в бой. Все это походило на сон, вдруг ставший явью.

Этриан заставил командира Семнадцатого бросить в бой все свои силы. Сахманан продолжала держать в напряжении боевых колдунов. В результате тервола смогли вызвать на склон всего лишь несколько демонов, и их появление почти не возымело никакого действия.

Часть его мысленных возможностей оставалась не использованной, и он употребил их на то, чтобы направить десять тысяч неутомимых бойцов на запад, в обход легиона. Покинув пустыню, эти тысячи разобьются на небольшие отряды и начнут «рекрутировать» новых воинов. «Прекрасно, — думал Этриан. — Идеальный план».

Он приказал дракону заложить вираж и спуститься ниже.

— Какая жуть, — подумал он вслух, пролетая в ста футах над полем битвы.

Сражение шло в мертвой тишине. Создавалось впечатление, что там, внизу, сражаются механизмы. До него доносились лишь топот ног и звон мечей. Мертвым сказать было нечего. Солдат Шинсана с младых ногтей учили сражаться молча. Лишь немногие из смертельно раненых невольно издавали последний крик. Единственным посторонним звуком оставался размеренный барабанный бой.

В небо устремилась выпущенная из баллисты стрела. Она прошла настолько близко, что пробила в кожистом крыле дракона большую дыру.

— Эй! — воскликнул он больше от удивления, чем от испуга. — Это уж чересчур!

Враги могут перестать метать магические стрелы в нежитей и переключатся на него, когда догадаются, что он руководит наступлением. В случае его гибели армии мертвых придет конец. От нее ничего не останется, прежде чем каменный монстр успеет переключить управление на себя.

Он пожалел, что не контролирует действия драконов и их всадников. Наступило время пустить их в дело — бросить в пике и спалить огнем тервола до того, как те смогут защитить себя.

Он вспомнил о стрелках и приказал им сосредоточить все внимание на командирах противника. Необходимости прикрывать атакующих уже не было.

Его войско несло потери, но тем не менее события развивались благоприятно. Несколько сотен солдат противника было уничтожено. Линия обороны врага начинала давать трещины. Несколько опорных пунктов уже оказались в руках мертвяков. Его павшие бойцы восставали и вновь бросались в схватку.

Каждый из нежитей стоил десятка живых солдат. Они могли подниматься снова и снова... Его охватило чувство всемогущества. На какое-то мгновение Этриан ощутил себя богом.

Он попытался использовать свои новые способности для того, чтобы добраться до мертвых солдат противника и под-

нять их, заставив легионеров сражаться со своими бывшими товарищами и внеся тем самым смятение в стан врага. Но у него ничего не получилось. Да, мертвецы там были, но их отправляли в тыл через тоннели перехода еще до того, как тела успевали окоченеть.

На какое-то мгновение он забыл, что сражается с Империей Ужаса. Смятение в стане врага не наступило. Тервола и солдаты Империи всегда помнят о своей высокой миссии и не впадают в панику, оставаясь лучшими в мире солдатами. Все может кончиться тем, что в его распоряжении окажется всего лишь одно тело. Это будет труп последнего стража у последнего портала перехода.

Этриан дотянулся своими чувствами до крепости врага, чтобы там нащупать трупы. Он ощутил присутствие мертвых, но прикоснуться к ним не смог. Магия противника держала крепость под контролем. Вначале следует ввести в твердыню своих воинов...

Однако это не разочаровало Этриана. Его стратегия оказалась верной, и перевал будет принадлежать ему. Он захохотал. Большинство его солдат пали хотя бы по одному разу, но лишь немногие из них были изувечены настолько, чтобы их нельзя было вернуть в строй. Они вставали снова и снова.

Его хохот громом прокатился в ночи. Смех услышала Сахманан и, предчувствуя неминуемую победу, откликнулась веселым криком. Тервола также услышали смех Этриана. Но они ответили на него вызовом. Боевые барабаны Семнадцатого легиона загрохотали с утроенной силой.

Барабаны. Эти адские барабаны. Отец рассказывал Этриану об их нескончаемом, вселяющем ужас грохоте, но самому юноше слышать этот ритмичный гул не доводилось. По спине молодого человека растекся неприятный холодок. Он испугался. Его начали одолевать сомнения.

Это были барабаны Империи Ужаса, барабаны, которые обещали отмщение, провозглашая: «Мы, воины Семнадцатого, не одиноки. Мы не ведаем страха. За нашей спиной сотни легионов. Приди, враг Империи, чтобы найти уготованный тебе судьбой конец».

От предвкушения победы кровь бежала быстрее в жилах Этриана, но он не мог не прислушиваться к реву барабанов.

Да, он одерживает верх. Горы будут принадлежать ему. Его войско продолжит путь и вновь схватится с легионами Шинсана, чтобы захватить крепость за пределами пустыни...

Там будут иные легионы и другие армии. Сто легионов — конечно, преувеличение, но, вне всякого сомнения, эта его победа окажется малозаметной. Небольшой инцидент на дороге. Великие битвы еще впереди.

Он слышал рассказы дяди Вальтера о сражениях в Эскалоне, когда Мгла и О Шинг поочередно вели войну с этим могучим королевством. По сравнению с теми сражениями сегодняшняя схватка была лишь небольшой потасовкой. Для сражений эпического размаха потребуется все могущество каменного бога, и даже его может оказаться недостаточно.

В ту ночь узкий серп луны поднялся над горизонтом перед самым рассветом. В призрачном серебряном свете видны были эпизоды постепенно угасающей битвы. Победители и побежденные уже окончательно определились, но сражение все еще длилось.

Империя Ужаса не желала уступать. Ее воины гибли, не отступая ни на шаг. К тому моменту, когда пал последний защитник перевала, Этриан потерял двадцать тысяч бойцов.

Тем не менее его сердце пело от восторга. У него оставалось еще семьдесят тысяч солдат, а он уже стоял у порога стран, в которых его дело может обрести новых сторонников.

Несколько оставшихся барабанов бросили в последний раз свой вызов и замолкли. Этриан вспомнил о своих бойцах и подал сигнал к боевому кличу.

— Избавитель! — прошелестели мертвые губы. — Избавитель! — повторил адский хор.

Этриан улыбнулся. Знаменитый Семнадцатый легион Шинсана, видимо, перестал существовать.

ГЛАВА 9

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Приграничная крепость

Лорд Лун-ю передал свое донесение через Менг Чао. — Лорд Ссу-ма. Они снова атакуют. На сей раз их ведет другой разум.

— Вот как? — Лорд Ших-кай похолодел. — Что заставило тебя так думать?

— Эффективность их действий. Их тактика. Возможно, вам стоит самому взглянуть?

Ших-кай внимательно посмотрел на тервола. Чао был явно встревожен. Его поза и едва заметные движения давали понять, какой ураган бушует у него внутри.

— Хорошо. Пан-ку, мы отправляемся в горы.

Он бросил взгляд на большую карту. Все обстояло как нельзя лучше. Восточная Армия успешно концентрировалась. Если мертвяки все же прорвутся через перевал, то путь им преградит мощная группировка.

Правда, еще несколько спокойных дней могли бы очень помочь. Если быть до конца честным, то каждая выигранная минута имела значение.

Ших-кай вышел из портала перехода следом за Менг Чао и тут же уловил присутствие иного разума.

— Похоже, что у нас неприятности? — спросил он.

— Так точно, — отозвался Таси-Фенг. — Мы не сможем их сдержать.

— Я этого и не ждал. Наша тактика была направлена на выигрыш времени. Удерживаете их как можно дольше. — Посмотрев на небо, в котором кружил небольшой дракон с сидящей на его спине женщиной в белом одеянии, Ших-кай спросил: — Насколько могущественна эта дама?

— Весьма могущественна, лорд. Почти так же, как принцесса Мгла. Она не позволила нам оказать помощь нашим людям.

— А это кто? — заметив еще одного дракона, спросил Ших-кай.

— Мы не знаем, лорд. Возможно, их новый командующий.

Ших-кай припомнил, что на голове каменного зверя он видел двоих.

— Мне не хотелось бы зря тратить заряды. Но если у вас, лорд Лун-ю, есть хороший стрелок, то позовите его.

— Как прикажете, лорд.

— Я возвращаюсь в крепость. Охраняйте порталы как можно тщательнее.

— В данный момент мы их перемещаем, лорд. Как только нас вынудят, мы воспользуемся тоннелями перехода.

— Отлично, — бросил Ших-кай и двинулся к ближайшему порталу. — Новый разум представляет для нас серьезную опасность, — сказал он на ходу, обращаясь к Пан-ку. — У него совершенно иной подход к делу.

— Я тоже это почувствовал, лорд.

— Думаю, что нам следует ожидать осаду.

Семнадцатый держался дольше, чем ожидал командующий. Прошел еще день и еще одна ночь, прежде чем эвакуировался последний солдат.

— Сколько человек мы потеряли? — спросил лорд Ссу-ма.

— Менее сотни, лорд, — ответил Таси-Феng. — Я имею в виду — окончательно. Понимаю, что вас интересует. Шесть сотен убитых мы смогли переправить в крепость.

— Отлично. Превосходно. Я хочу, чтобы отсюда еще раз эвакуировали раненых. В Лиаонтунг. Как только будут установлены порталы. Я не хочу, чтобы они оказались для нас обузой в том случае, если враг прорвется через наши заграждения и заграждения Северной Армии.

Таси-Феng уже не считал, что его командующий слишком бурно реагирует на незначительную угрозу. Он попытался поднять собственный боевой дух, заявив:

— По нашей оценке, лорд, нам удалось полностью уничтожить двадцать тысяч тел.

— Как вы считаете, сколько их еще осталось?

— Достоверных данных нет, лорд. По меньшей мере пятьдесят тысяч. Плюс летуны.

— Да, плюс летуны. Мы скоро можем пожалеть, что в нашем распоряжении нет своих драконов. Боюсь, что дело

кончится именно этим. Чанг Шенг! Вам удалось завербовать крылатых?

— Ни единого, лорд. Они ничего не объясняют, однако их старейшины заявляют, что знакомы с этим древним злом и не желают с ним снова встречаться.

— И это все?

— Все, что они говорят.

— Любопытно, — заметил Ших-кай. — Это на них совсем не похоже. Драконы никогда ничего не боялись.

— На сей раз они сильно испуганы, лорд. Создается впечатление, что они даже намерены покинуть пещеры, где воспитывается молодняк.

— Вот как? И куда же они намерены направиться?

— Не могу сказать, лорд.

Ших-кай подошел к карте.

— Господа, — начал он, — я разместил отряды разведчиков вдоль этой дуги. Дальнейшие намерения врага нам скоро станут известны.

— А что обозначает это, лорд? — спросил Таси-Фенг, указывая на красную стрелу, рассекающую театр военных действий вплоть до самого восточного побережья.

— Не забивайте себе голову. Это дело я поручил Хсу Шену.

Интересно, удалось ли Хсу соорудить плавсредства? Согласно последнему докладу, он добрался до побережья и готовился к форсированию пролива. Командующему хотелось разместить на острове портал, чтобы узнать, действительно ли там когда-то размещалась штаб-квартира Праккии, и самому взглянуть, не оставили ли заговорщики чего-нибудь заслуживающего внимания.

К группе офицеров, в которой находился Ших-кай, подбежал Йен Тэ — тервола одного их южных легионов. Он был без маски.

— Лорд... — выдохнул бледный как смерть тервола. — Лорд, я только что услышал... Матаянга... Они все-таки напали. Два миллиона человек.

— Два миллиона? — не веря своим ушам, пробормотал Ших-кай. Командующий не мог даже представить армию

такой численности. Снабжение подобного войска никто не может обеспечить.

Стратеги Матаянги, видимо, исходили в своих расчетах из того, что первоначальные потери в живой силе окажутся очень большими, и армия сократится до разумных размеров.

— Два миллиона? — повторил он, уставясь на карту. — Господа, отныне мы предоставлены самим себе. Теперь нам никто не поможет.

В зале повисла мертвая тишина. Никто из них так до конца и не верил, что ситуация на юге так обострится, что Матаянга осмелится нанести удар. Уже много столетий ни одна страна не решалась на подобную глупость. Но два миллиона человек... Невероятно. Матаянга поставила на кон все, рассчитывая на единственный удачный бросок костей. На возмещение их потерь уйдут поколения при условии, что Южная Армия сможет выдержать первый удар.

— Пытаются утопить нас в первой волне, — заключил Ших-кай. — И они могут в этом преуспеть. Но это — не наша проблема. Наши заботы находятся здесь. Лорд Лун-ю, возьмите на себя все разведывательные патрули. Я должен знать совершенно точно, когда начнется следующая атака.

— Как прикажете, лорд.

Поведение противника еще раз изумило Ших-кая. Противник вновь повел себя странно, не напав сразу на крепость. Да, враги вышли из пустыни, но сделали это крайне неспешно. В результате Ших-кай получил четыре лишних дня на то, чтобы лучше подготовиться. Ему удалось собрать почти всю Восточную Армию в кулак. Части, остававшиеся на марше, вот-вот должны были присоединиться к основным силам. У него под командой оказалось столько людей, что большая их часть была вынуждена оставаться в укрепленных лагерях за пределами крепостных стен. У Северной Армии времени было более чем достаточно для того, чтобы занять позиции вдоль реки Тусгус на тот случай, если крепость падет.

В период затишья Ших-кай посетил остров на востоке. В сопровождении Хсу Шена он долго бродил по давным-давно брошенным залам. Там не оказалось ничего ценного,

однако обнаружилось достаточно свидетельств тому, что это был именно тот остров, о котором упоминал лорд Ко Фенг.

— Кто-то ободрал крепость до последней нитки, — заметил Ших-кай.

— Похоже на то, лорд.

— Любопытно. Весьма любопытно.

— Я не совсем вас понимаю, лорд.

— Ко Фенг утверждает, что цитадель бросили в спешке, намереваясь вернуться позже. Когда наступило это позже, то Ко оказался единственным оставшимся в живых участником заговора. Сам он сюда не возвращался. Возникает вопрос: кто очистил крепость? Кто, по-вашему, мог быть этим грабителем?

— В первую очередь, я все же предложил бы кандидатуру лорда Ко. Он мог сделать это после того, как его лишили чинов и званий.

— Не думаю. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что здесь поусердствовал наш каменный приятель.

Монстра можно было рассмотреть со стены, имея такое зрение, как у Хсу. Ших-кай же не видел ничего, кроме ржавчины пустыни.

К ним подбежал Пан-ку и, задыхаясь, объявил:

— Лорд, командиры легионов просят вас срочно вернуться в крепость. Они нуждаются в вашем присутствии.

— Хорошо. Хсу Шен, оставайтесь здесь и сидите тихо. Я дам вам центурию. Возможно, придется ударить по каменному идолу с востока.

— Как прикажете, лорд, — растерянно произнес Хсу Шен.

— Так и прикажу, — фыркнул Ших-кай. — Что же, Пан-ку, пойдем посмотрим, что они хотят.

Через несколько минут он входил в зал. Бросив взгляд на большую карту, Ших-кай увидел, что количество стрелок, обозначающих продвижение противника, стало больше, и они заметно удлинились.

— Похоже, что их довольно много. Я не ошибаюсь?

— Пятьдесят тысяч, лорд.

— И они все еще не проявляют намерения атаковать?

— Никак нет, лорд.

— Странно.

— Лорд, мы, если позволите, хотим обратить ваше внимание на некоторые новые обстоятельства, — произнес Чанг Шенг.

Ших-кай обернулся. Командиры легионов внимательно смотрели на него, стоя плечом к плечу. Их подчиненные навострили уши, забыв про штабную работу.

— Да?

— Хм... — неуверенно начал Таси-Феng. — Мы получили сообщение из пятой когорты Двадцать седьмого легиона. — Таси-Феng подошел к карте и обозначил точку в четырех сотнях миль южнее крепости. — Вскоре после рассвета в этом месте они вступили в контакт с противником. — Точка контакта оказалась далеко за пределами пустыни. — Тысяча мертвяков в сопровождении шестисеми сотен туземцев — как живых, так и мертвых.

— Мобилизационный отряд?

— Центурион Пай Мо-Джо отлично провел бой, уничтожив силы противника почти полностью. Спаслась лишь горстка туземцев. Все живые.

Ших-кай, внимательно выслушав требуемые по уставу цифры потерь в живой силе и вооружениях, сказал:

— Прекрасный результат, учитывая численное превосходство противника и отсутствие магической поддержки. Передайте центуриону мою личную благодарность и представьте его к награде. Я восхищен инициативностью ваших подчиненных, лорд Юан.

— Мо-Джо — один из лучших, лорд, — отвесив поклон, сказал командир Двадцать Седьмого.

Ших-кай принял величественную командную позу, которую обычно принимал, когда собирался привести в трепет подчиненных в Четвертом Показательном, и спросил:

— Итак, господа, что вы желали со мной обсудить?

Таси-Феng растерянно посмотрел на своих коллег. Желающим выступить первым среди них не оказалось. Пришлось говорить ему:

— Возможно, что это несколько преждевременно, лорд, но мы все же считаем, что вы должны знать.

— Знать? Что знать? Просветите меня, лорд Лун-ю, прошу вас.

— Через некоторое время — довольно скоро, впрочем, лорд Куо будет лишен всех своих полномочий. Мы, командиры легионов и наши заместители, намерены поддержать того, кто приходит вместо него. Так же собираются поступить и наши собратья из Северной Армии.

— Понимаю, — произнес Ших-кай, чувствуя, как под сердцем у него возникает тугой, тяжелый комок. Политика все-таки его достала. Здесь его все считают ставленником лорда Куо.

Не меняя величественной позы, он произнес:

— Какое это имеет отношение к тем проблемам, которые нам предстоит здесь решать? Наша армия находится в состоянии войны. Взгляните на оперативную карту. Мы почти окружены. Южная Армия находится в еще более тяжелом положении. Империи грозит гибель. Вы, дьявол вас побери, хоть немного понимаете, что творите? Молчать!!! Мне совершенно безразлично, кто восседает на имперском троне. Я — тервола! Я — солдат Имперской Армии. И мой долг — Империю защищать, сохранять и расширять! А ваш долг — помогать мне в этом. Других обязательств у нас нет! У нас также нет права раздавать и отнимать короны. Для нас не должно иметь значения, кто в данный момент восседает на этом проклятом троне. Однако в свободное время вы имеете право играть в любые игры. Лепите себе королей, если вам это занятие по вкусу. Но в то время, когда вы трудитесь на меня, будьте добры заниматься войной. И еще прошу учесть, господа, что когда лорд Ссу-ма Ших-кай воюет, то он делает это каждую секунду в течение всех суток. Прошу вас вернуться в свои части.

Ших-кай считал, что этих слов достаточно. Командир позволил своим эмоциям вырваться наружу, и тервола должны были отступить под их напором.

Но лорд Чанг все же ответил ему:

— Прекрасно сказано, лорд Ссу-ма. Мы услышали голос нашего славного прошлого. И этот голос сказал нам все, что мы хотели узнать.

За спиной Ших-кая послышался шорох — это Пан-ку извлек из ножен свой меч. Ших-кай сверлил взглядом лорда Чанга. Чанг отвечал ему тем же.

Мне следовало бы сообразить, что они не уступят. Предо мной стоят не новобранцы, а прожженные интриганы.

— Предлагаю последовать мудрому совету лорда Ссума, — сказал наконец Чанг. — Избавителя, как и командующего, не интересуют наши честолюбивые устремления.

Командиры легионов повернулись, чтобы удалиться. Их подчиненные возобновили работу. Ших-кай позволил себе на момент расслабиться. Затем он произнес:

— Лорд Чанг?

— Слушаю вас, лорд.

— Вы произнесли слово «Избавитель». Что вы хотели этим сказать?

— Мо-Джо, центурион лорда Юана, захватил несколько пленных. Те называли предводителя мертвецов Избавителем. Они утверждали, что предводитель получил это имя потому, что явился из земли, в которой обитали боги до того, как эта земля превратилась в пустыню. Туземцы верят, что Избавитель появился для того, чтобы вернуть потерянный рай.

— И эта идея имеет хождение среди местных племен?

— Нет, лорд. Большая часть туземцев бежит за Тусгус. Они, подобно всем дикарям, испытывают священный ужас перед мертвецами.

— Прекрасно. Если я понадоблюсь, то вы сможете найти меня в моих покоях. — Повернувшись к ординарцу, Ших-кай прошептал: — Пан-ку, немедленно убери эту нелепую железку.

Командующий направился к выходу, не проверив, выполнен ли его приказ. Он достаточно хорошо знал Пан-ку.

Проспав несколько часов, Ших-кай проснулся так, словно его разбудили. Однако толчком для пробуждения, как сразу понял Ших-кай, послужила одолевающая его внутренняя тревога. Вначале лорд решил, что его беспокоит заявление его офицеров.

«Нет, эта проблема благополучно решена, — тут же подумал командующий. — Обе стороны высказали свою точку зрения. И было принято удовлетворяющее всех решение. Он остается командующим армией, как солдат Империи, а не как слуга очередного правителя. Командиры легио-

нов будут ему подчиняться до тех пор, пока он хранит верность этой древней традиции тервола».

Нет, разбудили его вовсе не политические заботы. Может быть, это предчувствие? Может быть, нежити готовы начать штурм очередного препятствия, преграждающего им путь на Запад?

Он уставился в потолок, позволив своим магическим чувствам отправиться в свободный поиск.

Однако магические способности тервола ему не помогли. Ничего заслуживающего внимания он не заметил.

В спальню ворвался Пан-ку и, не извиняясь за вторжение, выдохнул:

— Летуны, господин! — Схватив маску командующего, он занял пост рядом с боевыми доспехами своего кумира.

— Атакуют?

— Так точно, господин!

Через несколько минут Ших-кай уже в полном боевом облачении стоял на балконе, с которого открывался вид на крепостной плац.

Небо кишело драконами. По приблизительной оценке их было не менее пяти сотен. Серп ущербной луны прекрасно освещал крылатых чудовищ. Драконы пикировали для того, чтобы высадить десант. На спине каждого из них находилось по два всадника: череполикий воин и обычный мертвяк. Мертвяки соскакивали на землю, а череполикие, оставаясь в седле, вздымались ввысь. Поднявшись на достаточную высоту, череполикие начали метать огненные стрелы, не особенно заботясь при этом о выборе цели.

Нежити метались внизу так, словно не знали, что им следует делать. Случайно повстречав солдата гарнизона, они вступали в схватку.

В крепости воцарился хаос. Ших-кай насчитал с полдюжины пожаров.

Драконы полетели назад в пустыню, чтобы принять на свои спины очередную порцию десантников.

— Мы идем в оперативный зал, — объявил командующий. — Надо организовать отпор изнутри.

Прежде чем уйти, он обежал взглядом восточную стену. Все люди оставались на своих постах. Хорошо. Они будут

на месте, когда Избавитель начнет штурм, решив, что паника в крепости достигла пика.

Чтобы добраться до оперативного зала, им пришлось пройти через весь двор. Там они и наткнулись на вражеских десантников.

Те в гробовом молчании возникли откуда-то из тьмы. Ших-кай не мог точно определить их численность. Он был уверен, что один из врагов был из числа череполиких, а остальные обычные мертвяки. Они бросились на командующего, как будто им было известно, кто перед ними. Ших-кай успел метнуть в них два небольших заклятия. Пан-ку отрубил голову одному из нападавших. Затем перед лицом Ших-кая мелькнули клинки, и ему, впервые за многие годы, пришлось обнажить собственный меч, чтобы защитить свою жизнь.

Ших-кай упражнялся в боевом искусстве постоянно, как того требовали уставы, и фехтование было его коньком. Но его постоянно занимал вопрос, как он поведет себя в реальной обстановке, при встрече со смертельно опасным противником. Ших-кай не был уверен в том, что способен убить человека.

Однако выучка взяла верх. Он не думал, а действовал. Его меч напоминал паука, безостановочно ткущего защитную сеть. Короткий кинжал в левой руке двигался, словно жало смертельно ядовитой змеи, нанося уколы под разными углами и с различных направлений. Пан-ку охранял его со спины все время, которое ушло на то, чтобы уравнять шансы.

Перед Ших-каем остался лишь череполикий. Камни мостовой вокруг были усыпаны телами. Хватит ли ему мужества расчленить их? Оставлять их целыми нельзя...

Последний противник Ших-кая орудовал огромным мечом, соответствующим росту его владельца. Клинок длиной не менее шести футов со свистом рассекал воздух, образуя широкую сверкающую дугу. Каждый раз, отразив очередной удар, Ших-кай едва не терял равновесие. Его постепенно охватывал страх.

Раздался необычайно сильный звон меча, и череполикий, пошатнувшись, упал на одно колено. Ших-кай уда-

рил его в глаз кинжалом и тут же нанес разящий удар мечом. Пан-ку еще раз рубанул монстра, держа меч обеими руками.

И несмотря на это проклятое чудовище все еще пыталось подняться!

Они продолжали рубить череполикого до тех пор, пока неестественная жизнь не покинула мертвое тело.

Ших-кай и Пан-ку, переводя дыхание, взглянули на поверженный костяк.

— Это был крепкий орешек, господин, — усмехнулся Пан-ку.

— Еще какой. Начинаем их расчленять. Прошло слишком много времени.

Ших-кай видел множество расчлененных тел, но одно дело — видеть, и совершенно иное — самому крошить их на части. Его едва не вывернуло наизнанку. А если бы так же поступали с телами его людей? Ведь весь остальной мир видел в них лишь бессердечных мучителей... Но и нежити тоже когда-то были людьми. Они были отлично подготовленными и прекрасно владеющими собой воинами. В бытность людьми они обладали гордостью...

«Нет, я должен быть таким же сильным, как центурион Мо-Джо, — сказал он себе. — Я — вождь и обязан оставаться образцом твердости и отваги. Я должен всегда быть самым лучшим».

— Все кончено, господин, — сказал Пан-ку.

— Пошли.

— Мерзкая работенка.

— Согласен. У меня на нее едва хватило духу. Такого я не ожидал.

— Вся эта война может стать очень мерзкой. Разве не так, господин?

— Думаю, Пан-ку, что такой войны нам раньше видеть не доводилось.

Когда они входили в зал, деревянная дверь в дальней стене словно взорвалась. Щепки закружились в воздухе, как осенние листья под порывами ветра. Через пролом ворвалась дюжина нежитей, ударной силой которых была тройка череполиких.

Таси-Фенг ударил в них Силой, и более мелкие нежити сразу стали похожи на тряпичных кукол, побывавших в зубах мастифа. Однако против череполиких магия не возымела никакого действия. Остальные тервола обрушили на них свои боевые заклинания. От рухнувших тел поднялись столбы вонючего дыма. На некоторое время в зале стало трудно дышать.

Ших-кай подошел к Чанг Шенгу, и они оба склонились над картой крепости и ее окрестностей.

— Они атакуют здесь и здесь, — пояснил Шенг. — Удары наносятся на стыках между лагерями и крепостью.

Ших-кай знал, что палисады и рвы вокруг лагерей, по сравнению со стенами твердыни, не могут служить надежной преградой.

— Пока наступление находится в ранней фазе, мы не можем определить подлинные намерения противника. Для них логично было бы окружить и уничтожить укрепленные лагеря. Однако они направляют действия драконов и магию против нас.

— Пытаются сковать наши действия.

К ним подошел тервола. Он проводил глубокую разведку пустыни, и Ших-кай его помнил.

— Слушаю вас, У-ян.

— Донесение от лорда Ши-Мина. Противник начал массированную атаку, и ему удалось совершить прорыв в трех пунктах. Ши-Мин полагает, что враги хотят навязать ему беспорядочное сражение.

— Вот вам и подлинные намерения, лорд Чанг. Северный лагерь. Беспорядочное сражение. Мы ни в коем случае не можем допустить общей свалки.

За утрату порядка придется заплатить поражением. Если противник разорвет построения Ших-кая и вынудит его воинов сражаться по отдельности, то у легионеров не будет времени на то, чтобы эвакуировать своих мертвецов и рубить на куски павших нежитей. Мертвяки станут подниматься, чтобы снова принять участие в битве. Численность противника будет не уменьшаться, а все время возрастать.

— Что скажете, лорд Чанг?

— Звучит довольно скверно. Но полагаю, следует выждать, прежде чем принимать окончательное решение. Люди пока держатся.

Шенг прав. Оборона часто лишь крепнет под напором. Ших-кай поднялся на смотровую башню, чтобы самому взглянуть на то, что происходит в северном лагере.

В лагере полыхали огромные костры, вонь от которых доносилась до крепости. С башни было видно, как легионеры валят тела в огонь.

Драконы продолжали высаживать воинов на территории крепости. Гарнизон вел сражение с этим десантом. Многим драконам так и не удалось подняться обратно в воздух — всадников убивали, едва лапы чудовищ касались земли.

Ших-кай остался доволен увиденным.

— Посмотрите, господин, — сказал Пан-ку.

Ших-кай, прищурившись, взглянул в указанном направлении и увидел, как высоко в небе кружат два дракона.

— Та, что в белом — их колдунья. А второй наездник, как сказал лорд Лун-ю, командует мертвецами.

Женщину вдруг озарило голубое сияние. Меж ее рук, вытянутых вперед, возник синий шар и через мгновение устремился к земле. В полете шар непрерывно увеличивался в размерах, и в момент удара в крышу казарм его диаметр был не менее ярда.

Крыша казарм вспыхнула несмотря на то, что была сложена из глиняной черепицы.

На землю полетели новые огненные шары. Вскоре в крепости полыхала по меньшей мере дюжина колдовских пожаров. Интересно, сколько времени волшебство сможет поддерживать пламя?

Впрочем, это не имело значения. Ведьма тут же бросит новые шары.

Женщина пустила пару десятков шаров на северный лагерь, где они причинили серьезный ущерб.

Необходимо отдать приказ тервола, чтобы те положили этому конец. Он бегом бросился в оперативный зал...

Там царили разгром и сумятица. В одном из углов схватка еще продолжалась. Пара чернокожих обменивалась с подчиненными Таси-Фенга убогими магическими ударами.

— Что здесь происходит? — поинтересовался Ших-кай. — Впрочем, не важно. Сам вижу. Прикажите кому-нибудь заняться мертвяками, прежде чем те успели восстать.

— Лорд, мы не успели уничтожить все тела наших убитых бойцов, — сказал Таси-Фенг. — Они слоняются по крепости, и живые не могут отличить врага от друга.

— Но вы способны на это, не так ли?

— Да, лорд.

— Все, кто здесь, способны! — бросил Ших-кай и отдал несколько коротких приказов. — Уходим отсюда. Здесь от нас нет никакой пользы. Сосредоточьте все внимание на колдунье. Создайте завесу. Наступление на южном фланге представляется мне отвлекающим маневром.

Прошло два часа. Два часа, которые поставили Ших-кая в тупик. Колдунью удалось прогнать с неба, но положение тем не менее ухудшилось. Поток синих огненных шаров устремился из пустыни в расположение четвертого лагеря. Линия обороны лагеря была прорвана во многих местах. Вот-вот могла начаться беспорядочная свалка.

Хорошо, что удалось отогнать от крепости драконов и череполиких.

Ших-кай пригласил офицеров на военный совет.

— Вскоре мы потеряем северный лагерь, — сказал он им. — Им удается реанимировать слишком много своих людей, и мы не смогли обеспечить лагерю достаточную защиту от колдовства женщины. Однако к делу. Сейчас нам необходимо оценить возможные дальнейшие действия противника.

Ших-кай был убежден в том, что противник направил все свои усилия на один лагерь в уверенности, что оборона там рухнет и даст ему возможность компенсировать все свои потери. После этого он бросит своих неутомимых мертвецов на южный лагерь, а затем — на крепость.

— Мы приготовим врагу небольшой сюрприз, — сказал Ших-кай. — Передайте лорду Ши-Мину мой приказ во что бы то ни стало продержаться до рассвета.

Когда наступил кровавый дымный рассвет, войска из южного лагеря, прорвавшись через окружающий их защитный экран, атаковали вражескую армию. Тервола без уста-

ли гоняли колдунью с одного места на другое. Нежити дрались упорно. Угроза северному лагерю окончательно миновала лишь к полудню. Ших-кай приказал всем частям, расположенным за пределами крепости, немедленно эвакуироваться к реке Тусгус.

— На сей раз мы застали их врасплох. Вторично это у нас не получится. — Немного помолчав, Ших-кай добавил: — Крепость может выстоять и в одиночку.

Затем командующий осмотрел систему канатов и сетей, натянутых в тех местах, где могли приземлиться драконы.

— А что, если они начнут преследовать отходящие части? — спросил Таси-Фенг.

— Мне этого очень хотелось бы. Я бы перебросил сюда Северную Армию, чтобы повеселиться, когда враг окажется между молотом и наковальней.

Однако Избавитель разочаровал Ших-кая. Три дня он продолжал атаки на крепость, добиваясь лишь частичных успехов. Его упрямство разбивалось об упорство Ших-кая. На плацу крепости день и ночь полыхали погребальные костры.

На третий день от Ши-Мина поступило донесение о том, что он ведет бой с ордой туземцев: молодых и старых, детей и женщин, вооруженных и безоружных, мертвых и живых. Они набросились на его отряд, выбежав из леса с криком: «Избавитель!» Легионеры уничтожили большую часть нападавших, но не могли продолжать марш, пока сражение не закончится.

Ших-кай, взглянув со стены на тысячи нежитей, окружающих твердыню, заметил:

— Этот Избавитель не может одновременно находиться в нескольких местах.

Армия замерла в неподвижности. Плоть большинства мертвяков медленно разлагалась, и вонь гниющих тел смешивалась с запахом горящего мяса.

Какой-то важный элемент был потерян при передаче Силы от каменного бога к Этриану. Нежити разлагались, и вскоре Избавителю должно было потребоваться новое войско. Заставить сражаться скелеты он не мог.

— Лорд Лун-ю! Организуйте вылазку силами одной бригады. Противник не окажет серьезного сопротивления.

Таси-Фенг успел уничтожить несколько тысяч недвижных мертвяков, прежде чем остальные вернулись к жизни и стали сражаться. Таси-Фенг отошел, а от Ши-Мина поступило донесение, что напавшая на него толпа рассыпалась.

— Господа, — произнес Ших-кай, обращаясь к своим тервола. — Если этот Избавитель совершит еще хотя бы одну подобную ошибку, мы его уничтожим.

Никто не поинтересовался, что он хочет этим сказать, и, не дождавшись вопросов, командующий пояснил:

— Во-первых, он может проявить неосторожность, и мы его раним или убьем. Во-вторых, он своими действиями может поставить под удар колдунью. В-третьих, проявляя нетерпение, он может перестать вербовать в свое мертвое войско туземцев или позволит нам помешать ему этим заниматься.

Ответом ему было молчание.

— Господа, есть ли среди вас желающие стать героем?

В этот момент прибыло очередное донесение от Ши-Мина. Тот сообщал, что все атаковавшие скрылись в лесу, и его части возобновляют марш к реке Тусгус.

— Могу ли я совершить еще одну вылазку, лорд? — произнес Таси-Фенг.

— Нет. Сейчас он перебрасывает сюда этих несчастных туземцев, чтобы покончить с нами. Сегодня мы преподали ему хороший урок. Избавитель понял, что не может нас обойти.

Штурм начался глубокой ночью. Во главе штурмовых колонн шли женщины и дети. Людской поток не имел конца. Из лесов выходили все новые и новые толпы туземцев. Некоторые из них, судя по их виду, прежде чем добраться до крепости, прошагали не менее тысячи миль. Ших-кай клял дикарей на чем свет стоит за то, что у них не хватило ума остаться под покровительством Империи, и поздравлял себя с тем, что ему хватило здравого смысла для того, чтобы перебросить большую часть туземцев в глубь страны.

Легионеры истребляли дикарей десятками тысяч, а те все продолжали прибывать. Войска Ших-кая несли потери,

и убитых едва успевали отправлять через порталы перехода в Лиаонтунг. Некоторые части крепости попали в руки врага. Казармы, подвалы и дворы были завалены ждущими сожжения расчлененными телами. Вонь изматывала воинов не меньше, чем непрекращающиеся атаки.

— Лорд Лун-ю, что за чудовище этот самый Избавитель? Какое безумное создание может решиться на то, чтобы ради одной крепости истребить всех людей на площади более чем полмиллиона квадратных миль? Может быть, он демон, сорвавшийся с цепи своего хозяина?

— Он — просто мальчик, лорд. В основном совершенно нормальный. Ему лет семнадцать-восемнадцать, и у него какие-то счеты с Империей.

— Счеты?

— Пленные, из числа живых, говорят, что он поклялся нас уничтожить.

— И вы полагаете, что он сможет это сделать?

— Нет, лорд, не сможет.

— Тем не менее начало впечатляющее, не так ли? Сколько времени мы еще сможем продержаться?

— Два дня наверняка. У него мало новобранцев.

— Оставляю крепость на вас. Постарайтесь выиграть как можно больше дней. Впрочем, мы обеспечили достаточно времени для развертывания Северной Армии. Теперь, боюсь, мы уже сражаемся за Лиаонтунг.

Таси-Фенг, уставив взгляд в пол, протянул:

— Как прикажете... Может быть, вам теперь удастся установить контакт с лордом Куо?

— С лордом Куо? А я полагал, что он уже отстранен от дел.

— Ничего не известно, — пожал плечами Фенг. — Может быть, это и так. Мы о нем давно ничего не слышали.

Ших-кай в последний раз осмотрел крепость. Цитадель пребывала в ужасающем состоянии. Колдунья время от времени продолжала швырять синие шары. Командующий про себя решил, что Таси-Фенг проявил чрезмерный оптимизм, обещав продержаться еще два дня.

Закончив инспекцию, Ших-кай в сопровождении Панку спустился в глубокий подвал, где были сосредоточены

все порталы перехода. Через них, как обычно, переправляли убитых и раненых.

— По крайней мере, их нам удастся эвакуировать, — заметил Ших-кай. — Сюда Избавитель доберется в последнюю очередь, и нашим людям не придется стоять насмерть после того, как порталы придется закрыть.

— Надеюсь, что вы правы, господин, — ответил Панку. — Было бы жаль потерять Семнадцатый. Это — отличный легион.

ГЛАВА 10

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Пожар на востоке

Непанта сидела у окна, устремив вдаль невидящий взгляд. Чем ближе становился день родов, тем сильнее обострялись ее отчужденность и стремление замкнуться в себе, тем мрачнее становились ее мысли. Она стала часто плакать и без всякой видимой причины кидаться на людей. Глядя на свой вздувшийся живот, она пылала ненавистью к себе за уродство и за то, что собирается бросить в этот безжалостный мир еще одно дитя. Иногда наступали моменты, когда она начинала люто ненавидеть растущего в ее утробе маленького паразита. Большую часть времени она проводила в жалости к самой себе, а мысль отыскать потерянного сына становилась все более неотступной.

В ней почти угасла воля к какому-либо действию. Она делала лишь то, что говорил муж, или то, о чем просили служанки. Лишь изредка она заводила беседу по собственной инициативе. Но и это действие требовало от нее громадных усилий.

Такой вялой и апатичной она была почти все время, с момента смерти мужа, случившейся вскоре после потери их сына. Непанта и раньше была подвержена частой и резкой смене настроений. Периоды подъема сменялись спадами. С каждым годом спады стали случаться чаще и затягива-

лись на более продолжительное время. Иногда она даже пыталась имитировать состояние подъема, но из этого, как правило, ничего не получалось. Теперь же Непанта отстранилась от всего, стараясь не осложнять жизнь своему второму мужу.

Вартлоккур прибегал к сотням способов для того, чтобы оживить ее душу. Непанта, зная об этих попытках, хотела, чтобы супруг перестал волноваться и оставил ее в покое. Она считала, что не стоит затраченных на нее сил.

Даже самых сильных заговоров и заклинаний хватало не надолго. В конце концов Вартлоккур решил, что жену исцелит лишь самое лучшее из лекарств, а именно — время. Придя к такому выводу, он предоставил супруге возможность бродить по закоулкам своей души столько, сколько ей самой заблагорассудится.

Непанта почувствовала, что муж вошел в комнату и остановился за ее спиной. Она обернулась, посмотрела на него и сказала:

— Дорогой, ты выглядишь ужасно.

— Я за всю ночь не сомкнул глаз. Майкл Требилкок выполнял важное задание, и у него возникли серьезные неприятности. Пришлось послать Рейдачара ему на выручку. В итоге Майкл благополучно добрался до дома.

— Майкл? Это тот человек, который занял место Вальтера?

Вот до чего докатилась Непанта. Временами она не могла припомнить того, кого когда-то хорошо знала.

— Да.

Непанта снова уставилась в окно, полностью утратив интерес к разговору. Она уже успела потерять шестерых братьев, мужа и сына. Но, может быть, не шестерых — а всего пятерых. Пусть пятерых. Луксос остался жив, но наподобие безумного отшельника скрывался в глуши горного массива Крачнодиан. «Такой же безумец, как и я, — подумала Непанта. — Мы оба — столь же мертвы, как и наши братья».

Жестокий мир отнял у нее все. Все, кроме Вартлоккура и еще не увидевшего свет ребенка.

Но она не может полюбить их. Не осмелится. Если она примет их в свое сердце, то судьба ее снова накажет. Их у нее тоже отнимут.

— Варт...

— Да, дорогая.

— Иногда я и в правду чувствую присутствие Этриана. Не знаю, что это может значить. Не мог бы ты прояснить все до конца?

— Я пытался, дорогая, — вздыхая, ответил Вартлоккур. — Но там просто ничего нет. Прости. Я очень хочу, чтобы остались хоть какие-нибудь следы. Но боюсь, что это лишь твое сердечко пытается обратить вспять бег времени.

«Скорее всего он прав, — подумала Непанта. — Варт так редко ошибается. Однако... Остается место для сомнений. Никто не видел Этриана мертвым...»

— Нет, Варт, это не игра воображения. Это не может быть моими фантазиями. Он там. Я это знаю.

— Если это так, то почему я не в силах его найти? Почему я не могу обнаружить ни малейшего свидетельства того, что он остался жив? Почему так много фактов говорит за то, что он умер? Перестань истязать себя. Умоляю. Это вредит твоему здоровью.

В его словах звучала искренняя забота. Почувствовав это, Непанта сделала все, чтобы не позволить себе расчувствоваться.

— Это вовсе не ложная надежда! — резко воскликнула она. — Он жив, и я это знаю! — Эмоции переполняли ее, и она кричала все громче. — Почему ты мне врешь?!

— Я говорю правду, — ответил он мягко — так, как говорят с тяжело больным, умственно отсталым ребенком. — Это ты обманываешь себя. Перестань. Умоляю. Не наноси вред своему здоровью.

— Здоровье! Все время — здоровье! Прекрати пустую болтовню! — Она вскочила со стула. — Это все потому, что он сын Насмешника! Разве не так?! Поэтому ты и хочешь, чтобы я его забыла!

Ее вопли отдавали безумием. Непанта это прекрасно понимала, но остановить поток слов была не в силах. Ей хотелось кого-нибудь обидеть, поделиться хотя бы частью своей боли.

По исказившемуся лицу Вартлоккура можно было понять, какие душевные муки тот испытывает. Прежде чем ответить, чародей сделал все, чтобы взять себя в руки.

— Это не так, — произнес он, не повышая голоса. — И ты это хорошо знаешь. Этриан был моим внуком. Единственным внуком, и я тоже его любил. Ради него я готов пойти на все. Но мальчика больше нет с нами, Непанта. Настал час примириться с этим. Умоляю. Твое состояние убивает нас обоих, — закончил Вартлоккур и попытался обнять супругу.

Та начала колотить его кулаками в грудь, сопровождая удары бессвязными выкриками:

— Лжец! Он жив... Жив! Я знаю, что он жив! Мальчику тяжело, а ты не желаешь ему помочь!

— Дорогая, то, что ты делаешь, вредит ребенку.

Непанта продолжала колотить мужа. Ее душили рыдания, потом она уткнулась в него лицом и прошептала сквозь слезы:

— Прости. Я не знаю, что... Ой!

— Что случилось?

— Мне кажется, начали отходить воды. Но ведь еще рано... Ой! Да, это так. Я чувствую это. — Голова вдруг стала необыкновенно ясной.

Только не здесь. Не сейчас... Все остальные мысли куда-то улетучились.

— Найди лекаря. Пригласи Вачела, если он все еще королевский врач. Помоги мне добраться до кровати.

Ее голос совершенно изменился — Непанта отдавала все распоряжения сугубо деловым тоном.

— Нет. Сначала помоги мне раздеться. На мне дорогое платье, и я не хочу, чтобы ему пришел конец. Затем отыщи Мэри и Марго. Скажи, чтобы они приготовили все, что надо.

— Может быть, прежде следует пригласить доктора?

— Сию минуту он мне не требуется. Этриану, чтобы появиться на свет, понадобилось двенадцать часов. Элана сказала тогда, что это были легкие роды. У нас еще есть время. Только предупреди его, что все начинается.

— Но роды наступили слишком рано.

— Возможно. Может быть, я не очень точно рассчитала. Во всяком случае, мы уже ничего не можем сделать. — Лишь раздевшись наполовину, Непанта заметила, как волнуется ее супруг. — Позволь мне закончить самостоятельно, а ты

найди горничных, предупреди Вачела и возвращайся. Тебе следует поспать.

— Поспать? Как я могу спать в такой момент?

— Если ты не выспишься, от тебя не будет никакого толку. Ты слишком устал, чтобы видеть все в нужном свете. Помочь в таком состоянии ты мне не сможешь.

Непанта не переставала изумляться своему поведению. Ей казалось, что она меняет свою личность чаще, чем иные меняют туфли.

Подавленного состояния и упадка сил как не бывало, едва она очутилась в ситуации, потребовавшей от нее решительных действий.

— Хорошо. Но ты уверена, что с тобой ничего не случится, когда я уйду?

— Глупый, — сказала она, нежно коснувшись его щеки. — Ты стар как мир. Ты — разрушитель империй и создатель монстров, подобных Рейдачару. И несмотря на это, ты дрожишь, как восемнадцатилетний юнец, ожидающий появления своего первенца. И я еще больше люблю тебя за это. Люблю за то, что ты за меня волнуешься.

— Я действительно беспокоюсь за тебя.

— Перестань. Через это прошли миллионы и миллионы женщин, и с ними ничего не случилось. Делай то, что я тебе сказала. Впрочем, подожди. Помоги мне лечь.

Вартлоккур посмотрел на ее вздувшийся живот, на блестящую от натяжения кожу, на груди, увеличившиеся за последнее время по меньшей мере в два раза. Непанта недовольно поморщилась. Она знала, что имеет весьма непривлекательный вид.

— Ты прекрасна, — сказал он.

Из ее глаз брызнули слезы.

— Прикрой меня простыней и уходи. Пожалуйста.

— Что с тобой?

— Просто уйди. Ну, пожалуйста.

Он повиновался.

Когда дверь за ним закрылась, Непанта разразилась рыданиями. Она не могла понять, что это за слезы. Слезы радости или разочарования.

* * *

Чародей шагал по дворцу быстрой, прыгающей походкой, похожий на марионетку, руководимую пьяным кукловодом. На него с изумлением взирали десятки глаз, но чародей ничего не замечал. Он держал путь в покои придворного медика.

О высоком положении доктора Вачела говорил тот факт, что его апартаменты по роскоши уступали лишь апартаментам королевы. Король Браги ютился в двух крошечных комнатах. Доктор же занимал целых пять.

Медик и чародей с давних пор были противниками на философском фронте, и доктор встретил Вартлоккура с плохо скрываемой радостью, еще не зная, что тот явился просить о помощи. Узнав о цели прихода, Вачел задал необходимые вопросы и повторил совет Непанты.

— Вам надо бы хорошенько выспаться. Это случится еще не скоро. Я стану ее время от времени навещать, до тех пор, пока схватки не станут достаточно частыми.

Чародей что-то пробормотал и начал засыпать доктора глупейшими вопросами. Лишь с большим трудом Вачелу удалось успокоить великого мага. Да и то лишь частично. Вернувшись в свои покои, он взял супругу за руку и сидел рядом с ней до тех пор, пока служанки его не прогнали. Лишь после этого чародей сделал попытку отдохнуть. Но у него ничего не получилось.

Вартлоккур расхаживал из угла в угол, не обращая никакого внимания на присутствующих. Король, войдя в гостиную, полминуты молча взирал на чародея, а затем со смехом произнес:

— Ты передвигаешься типичным для юных отцов аллюром. Поспать удалось?

— Немного, — ответил маг, а затем, словно очнувшись и поняв, где находится и что происходит, спросил: — Ты не считаешь, что мне следует быть там?

— А она хочет тебя видеть?

— Не знаю. Вачел, определенно, этого не желает.

— И я его понимаю. Я и сам путался под ногами при нескольких родах. Присутствие папаши младенца, возмож-

но, и поднимает дух матери, но приводит в бешенство врачей и повитух. Во всяком случае, до тех пор, пока у папаш не появится куча детей и они не научатся держать язык за зубами.

— Я мог бы помочь. Я владею искусством...

— Полагаю, что самую большую помощь ты окажешь Вачелу, если не будешь вмешиваться. Когда возникнет потребность, он тебя сам позовет.

— Да, мне прекрасно известно, что он обо мне думает.

— Как ее дела?

— Они говорят, что нормально.

Как по сигналу, из спальни, вытирая руки, появился врач.

— Ну как? — спросил Вартлоккур. — Уже?

— Успокойтесь. Пока нет. Еще не скоро. Думаю, что все произойдет около полуночи.

— Думаете? Что значит «думаете»?

— Я сказал то, что хотел сказать, — сердито бросил доктор. — Я, увы, не обладаю вашими способностями видеть будущее и в оценках исхожу только из своего прошлого опыта.

— Будущее? О боги! Я совсем забыл составить гороскоп для своего дитя. — И без промедлений чародей развил бурную деятельность. Он вывалил на стол книги и диаграммы и поставил чернильницу. — Думаю, что надо будет составить два — с днем рождения сегодня и завтра, — бормотал маг. — Это надо же, в полночь! Проклятие!

Король ухмыльнулся и сказал, обращаясь к доктору:

— Это избавит вас от его присутствия. Увидимся позже, а сейчас меня ждут дела.

Ночное небо над замком Криф вначале осветило розовое зарево, а затем вспыхнули огромные буквы: ЭТО — ДЕВОЧКА! Народ веселился. Некоторые слышали, как король сказал:

— Варт в традиционной роли Гордого Папаши, пожалуй, слегка хватил через край.

Вартлоккур, ухмыляясь от уха до уха, принимал поздравления от толпы доброжелателей. Чародей сотворил фонта-

ны, из которых били серебряные струи. Он наполнил замок очаровательными магическими безделушками. По залам носились веселые бесенята, славя каждого встречного. Радость чародея оказалась заразительной. Он пожимал руки людям, которые раньше не осмеливались к нему приближаться. Они подхватывали его радостную лихорадку и заражали ею других. Вскоре эпидемия счастья вышла за стены замка и перекинулась на город. На улицы выкатили бочки, и вино полилось рекой. На некоторое время всем почудилось, что рождение одного человека и счастье другого знаменуют окончание послевоенной эры. Всем хотелось верить, что пришел конец череде суровых лет, наполненных отчаянной борьбой за выживание.

— Ешьте! Пейте! — требовал Вартлоккур, подталкивая гостей к ломящимся от яств длиннющим столам, которые он создал и накрыл, естественно, с помощью магии. — Зовите сюда всех! — то и дело выкрикивал чародей.

— Дорогу королю! — послышался крик.

Шум слегка стих. Король Браги, протолкавшись через толпу, протянул магу мускулистую руку и сказал:

— Девчонка, похоже, долго выбиралась на свет. Как чувствует себя Непанта?

— Превосходно. Справилась со всем великолепно и сейчас счастлива, как и все мы.

— Отлично, отлично. Могу ли я теперь увидеть свою жену? — Браги послал королеву Ингер держать руку Непанты во время родов. Ничего более дельного в голову ему не пришло.

— Можешь, если сумеешь ее найти.

Вскоре бурлящая толпа растащила чародея и короля в разные стороны. Когда Вартлоккур увидел Браги в следующий раз, тот стоял напротив Дала Хааса, пытаясь сквозь шум толпы услышать, что говорит молодой человек. Чем дольше говорил Хаас, тем бледнее становилось лицо короля.

Радость Вартлоккура куда-то исчезла. Еще мгновение, и он сам все почувствовал. Весь восток кипел и бурлил с яростным ревом. Там на волю вырвался тайфун магической энергии... Он должен был ощутить ее раньше. Видимо, он

настолько постарел, что стал позволять одному явлению затмевать остальные стороны жизни. Чародей стал быстро проталкиваться через толпу, игнорируя изумленные взгляды, вызванные его грубостью. С каждой секундой он становился все мрачнее и мрачнее. Схватив короля за руку, он потянул его за собой и не отпускал до тех пор, пока они не оказались на восточной стене замка.

Далеко за хребтом М'Ханд, занимая полнеба, возникали гигантские сполохи, на фоне которых горные пики казались рядами гнилых, выщербленных зубов. Ничего подобного Браги видеть не доводилось. Вспышки следовали одна за другой, похожие на зарницы бушующей за горизонтом чудовищной грозы.

— Что это? — прошептал король.

Вартлоккур не ответил. Он прикрыл глаза и позволил неизвестной силе коснуться себя. В то же мгновение чародей издал непроизвольный стон. Даже на столь огромном расстоянии полученный удар для психики можно было сравнить с ударом кулака в латной перчатке по телу.

На небе не было ни единого облачка. Мириады звезд с холодным безразличием взирали на две крошечные фигурки, замершие на невысоком каменном парапете. Лица этих жалких созданий ежесекундно освещали вспышки зловещего света.

— Что за дьявольщина? — спросил король голосом, похожим на едва слышный выдох. На востоке царила тишина, но ему казалось, что сотрясается даже фундамент стены, на которой они стоят.

Вартлоккур смотрел вдаль, не обращая внимания на Браги. Костры, подающие сигнал из крепости Майсак и из горного прохода Савернейк, полыхали вовсю. До чародея, как сквозь туман, долетел вопрос короля:

— Неужели Хсунг штурмует Майсак?

— Началось. Матаянга напала на Шинсан. Лорд Коу ожидал удара, и на поле битвы сейчас не осмелился бы вступить даже бог.

Небо на востоке по-прежнему озарялось чудовищными сполохами.

— Интересно, — сказал Браги, — неужели наши битвы под Баксендалой и Палмизано со стороны выглядели так же жутко?

— Возможно. Однако мне сдается, что лорд Куо на сей раз сконцентрировал магической Силы больше, чем мы видели за все время Великих Восточных Войн. Что, кроме живой силы, может противопоставить ему Матаянга? В боевой магии она очень слаба.

Все больше и больше людей поднимались на стену, чтобы взглянуть на необычное представление. Ни следа не осталось от их недавней радости. Вартлоккур не желал видеть этих людей, которые вдруг стали похожи на беженцев — такими мрачными, несчастными и отрешенными были их лица.

— Полагаю, что со временем тервола используют свое могущество и против нас, — заметил Браги.

— Шинсан не привык к поражениям, — ответил чародей. — Нам еще придется с ним столкнуться. Если, конечно, Империя Ужаса переживет эту войну с Матаянгой.

— Если?

— Как, по-твоему, нанесла бы Матаянга удар, если бы ее правители заранее были уверены в своем поражении?

За стенами замка послышалось гудение труб.

— Это — Мгла, — заметил Вартлоккур. — Она узнала обо всем много раньше, чем мы.

Вскоре Мгла уже стояла на стене рядом с королем и чародеем.

— Началось, — сказала волшебница. — Первые сообщения стали поступать еще с вечера. В Южной Армии увидели, что силы Матаянги пришли в движение. В первую атаку брошено два миллиона человек. Они призвали в армию всех мужчин старше пятнадцати лет.

— Человеческий вал, — прокомментировал ее слова Вартлоккур. — Как ты думаешь, они смогут прорваться?

— Их число в двадцать раз превышает численность Южной Армии. За первой волной атакующих последуют и другие. Лорд Куо пытается собрать резерв, но боюсь, что он приступил к этому слишком поздно.

— Когда ты намерена сделать свой ход? — спросил король.

— Пока не время об этом беспокоиться, — ответила Мгла, нахмурив свои безукоризненной формы брови. — Прежде надо выяснить, что там происходит. Если дело повернется скверно, мы от своей идеи откажемся.

— Почему, дьявол тебя побери?

— Ты забыл, что она не заинтересована в уничтожении Империи Ужаса, — сказал Вартлоккур, внимательно глядя на друга. Ему казалось, что Браги в последние дни страдает мономанией. — Принцесса желает лишь получить власть.

— Действительно... Что же, двинулись в военно-штабной зал. Похоже, что нам предстоят горячие денечки.

— Пожалуй, лучше встретиться у меня, — сказала Мгла. — Я уже вступила в контакт со своими людьми в Южной Армии.

Король посмотрел на чародея. Тот утвердительно кивнул.

— В таком случае, встречаемся через два часа.

Вартлоккур повернулся лицом на восток и еще раз взглянул на полыхающее зарницами небо. В его душе вновь шевельнулся червь сомнения. «Мы — просто наглые глупцы, — подумал он, — если осмеливаемся бросать вызов человеку, который может устроить на небесах такую огненную пляску».

Когда Мгла удалилась на почтительное расстояние, Браги прошептал:

— Может быть, мы поставили не на ту лошадь?

— Мы? Ведь это же целиком твоя идея.

— Хм. Да, было... — произнес король с кислой миной.

Лорд Чьен едва заметно шевельнул рукой. Мгла, подняв глаза, увидела на пороге короля.

Король с любопытством осматривал помещение. Прошло много лет с тех пор, когда он в последний раз появлялся на верхнем этаже ее дома. С тех пор здесь произошли большие перемены.

Подойдя к хозяйке, Браги спросил:

— Не возражаешь, если я заменю твоих часовых своими? Мы и так привлекли к себе слишком много внимания.

Нам не хватает лишь того, чтобы все видели, как на часах торчат типы восточного вида.

— Согласна. — Она подозвала к себе главу посыльных и дала ему нужные указания.

Затем, взяв короля за руку, она указала на ряд мягких диванов вдоль стен. Все внутренние перегородки на третьем этаже были снесены, а на окнах висели тяжелые занавеси. Дальняя от входа стена была затенена, и никакой мебели вдоль нее не стояло. В центре помещения располагался огромный стол.

— Прикажи своим людям сесть, и пусть сидят тихо. Предупреди их, чтобы они держались подальше от южной стены. Нас могут убить, если кто-нибудь из них случайно провалится в портал.

Буквально из ниоткуда в комнате возник человек и начал докладывать человеку, который распоряжался у стола в центре помещения. Мгла слушала донесение вполуха. В нем не было ничего особенного.

— Я готов отдать левую руку за то, чтобы иметь такую карту в моем штабе, — пробормотал Браги.

На гигантской столешнице была расстелена географическая карта длиной в тридцать и шириной в пятнадцать футов. На карту была нанесена Империя Шинсан со всеми ее владениями. Каждый мало-мальски заметный город отмечался особым знаком так же, как и все географические особенности, присущие тому или иному региону. Расположение и передвижение имперских легионов обозначалось яркими разноцветными пятнами и стрелами.

В помещении возник еще один посыльный. Выслушав донесение, колдующий над картой человек принялся сыпать на нее красный песок.

— Сиди, — сказала Мгла, когда Браги задумал встать. И тут же добавила: — Мои люди действуют лучше, чем я ожидала. Мы получаем первоклассную информацию. Возможно, потому, что лорд Куо не может оторвать глаз от театра военных действий.

«Скорее всего — дело вовсе не в этом, — подумала Мгла. — Лорд Куо сейчас, видимо, не проявляет актив-

ности, выжидая прояснения ситуации». Она поднялась на ноги, взяла указку и постучала ею по карте.

— Где-то в этом месте он укрывает свою резервную армию. Через несколько дней он обрушит на Матаянгу удар своего тяжелого молота.

— Как, по-твоему, держится Южная Армия?

Мгла предпочла своим мнением не делиться. Вместо этого, еще раз постучав по карте, она сказала:

— Взгляни сам. Линия обороны нигде не прорвана. Несмотря на численное превосходство противника. Это — самое большее, что можно ожидать от любой армии. Минуту...

В портале перехода возник очередной курьер. Она подошла к нему ближе, чтобы слышать все детали донесения.

— Проклятие! — негромко воскликнула она.

Начальник географической части передвинул несколько черных пронумерованных фишек к восточному краю карты. Оставшиеся фишки он разместил вдоль берега реки, примерно в двухстах милях от первой группы черных значков.

— Что это должно означать? — спросил король.

На сей раз Мгла не стала скрывать правду.

— Мы не знаем, — ответила она. — Связь нарушена. Создается впечатление, что и Восточная Армия находится под ударом.

— Неужели у Матаянги объявился тайный союзник?

— Схватка на востоке началась раньше, чем на юге. Бои там продолжаются уже более недели.

— Неужели на востоке идет вторая полноценная война?

— Там происходит нечто ужасное... — Лишь ценою больших усилий Мгла сумела взять себя в руки. Браги, конечно, старый друг и верный товарищ по оружию. Но он — не член семьи. Нельзя проявлять свой страх перед чужаками.

— Прежде чем исчезнуть, лорд Куо назначил нового командующего Восточной Армией. Им стал лорд Ссу-ма Шихкай — старый крестьянин, с трудом проложивший себе путь наверх. Не знаю, сколько ему лет. Наверное, очень много. Чрезвычайно способный и дьявольски упрямый.

— Хм...

Мгла вздохнула. Прекрасно. Восток его не интересует.

— Итак, ты не имеешь понятия, когда сможешь сделать первый шаг?

— И не буду иметь до тех пор, пока лорд Куо не выйдет из подполья. Я не желаю прыгать вслепую.

— Коли нам торопиться некуда, я, пожалуй, отдам нужные распоряжения своим людям, — сказал король.

Он тяжело, со стоном, поднялся со своего места и направился к выходу. Мгла смотрела ему вслед. Браги выглядел очень усталым и очень старым. На какой-то миг она испытала к нему жалость. Она и себя ощущала очень старой и очень усталой. А когда все закончится, она почувствует себя еще более старой и еще более усталой. Опасность будет нарастать с каждой минутой, а сохранять тайну станет все труднее.

— Вен-чин, — пробормотала она, — умоляю — не трать время понапрасну.

Временное ожидание превратилось в наблюдение за тем, как гибнут люди. Поток идущих на смерть матаянгцев не иссякал. Наступление продолжалось, и время для начала действий было по-прежнему неподходящим. Терпение заговорщиков начинало истощаться.

— У лорда Куо, видимо, каменные нервы, — жаловалась Мгла лорду Чьену. — Кто мог предположить, что придется отложить начало операции на такой длительный срок?

Лорд Чьен, постукивая кончиком указки по карте, обвел территорию, оккупированную противником. Его рука при этом дрожала. Полоса красного песка вдавалась глубоко в земли Шинсана. Агенты Мглы доносили, что Южная Армия в ее первоначальном составе уже практически не существует. Легионы, понесшие наибольшие потери, были расформированы, а оставшихся в живых бойцов направили на пополнение других частей. В линии обороны появились гигантские бреши, через которые широким потоком текли войска противника.

— Мое терпение истощилось уже давно, — сказал лорд Чьен. — Я уже не знаю, как быть дальше.

— Перестаньте. В этой фазе игры поздно менять планы.

Вошел король. Бросив взгляд на карту, он сказал:

— Прошло два дня. Ваши бесконечные курьеры не могут не оставить следов. Сколько времени еще пройдет, прежде чем кто-нибудь не сообразит, что дважды два — четыре!

— Знаю! Знаю! — выпалила Мгла. — Очень скоро нам придется исходить из того, что им все известно. Будь он проклят! Я имею в виду лорда Куо. Почему этот тип ничего не предпринимает?

— Он пока не заманил их туда, куда надо, — лаконично ответил Браги. Он еще раз посмотрел на карту и продолжил: — Однако, если он будет выжидать слишком долго, для тебя там ничего не останется.

— Сравни размеры опухоли с величиной всего тела, — фыркнула Мгла. — Затем, обращаясь к Чьену, добавила: — Лорд, наступил переломный момент. Если он не двинется в течение пятидесяти часов, я выступлю первой.

— Не зная брода? — спросил король.

— Да, если будет необходимо. Я не могу бесконечно доверять всем своим людям. Если хотя бы один из них перебежит к врагам, то за ним бросятся и все остальные. На то, чтобы снова собрать силы, уйдет не менее десяти лет, — устало закончила она.

Пока Мгла говорила, Арал сидел рядом с ней. Он произнес нечто утешительное и попытался взять ее за руку. Под взглядом лорда Чьена принцесса отдернула руку.

Хватит, пора уже положить конец этой идиотской связи. Ее вообще не следовало начинать. Глупец. Слабый, как все мужчины. Однажды она уже лишалась поддержки тервола. Из-за Вальтера. Эта ошибка больше не повторится.

Исполненный боли взгляд Арала Мгла проигнорировала.

Принцесса увидела, что лорд Чьен не заметил этой сцены, однако мимо внимания Браги она не прошла. Король кивнул, видимо, соглашаясь с самим собой. Ее щеки залились краской. Однако Браги не стал комментировать увиденное. Вместо этого он сказал:

— Уже поздно. Я пошел к себе, чтобы немного поспать.

Она наблюдала за тем, как король, прежде чем уйти, говорил со своими офицерами. Их вечное присутствие выводило Мглу из себя. У этих людей были глаза хищных птиц,

и ей приходилась все время помнить о них. Будь они прокляты! До чего же противно зависеть от чужаков!

С каждым часом ее раздражение усиливалось. Ее люди тоже пребывали в напряжении. Дело дошло до того, что они уже не могли разговаривать, не оскорбляя друг друга. Заговор вот-вот мог рассыпаться. Между тем время шло, все туже закручивая пружину нетерпения.

Ночь тянулась страшно медленно. Кровавое пятно, обозначающее захваченную врагом территорию, постепенно расползалось по карте. С крайнего востока прибывали совершенно растерянные курьеры. Их невнятные доклады лишь сильнее затуманивали сложившуюся на восточном побережье ситуацию.

— Лорд Чьен.

— Слушаю, принцесса.

Постукивая кончиком указки по восточной части карты, Мгла спросила:

— Можем ли мы рискнуть, зная, что там происходит?

— Полагаю, что эти события мы можем проигнорировать, — ответил лорд Чьен, взглянув на карту. — Во всяком случае, на некоторое время. Наши люди пока оставляют всю Восточную Армию в стороне.

От усталости и напряжения голос Чьена стал еще более хриплым. И звучал еще более зловеще. Мгла непроизвольно вздрогнула.

— Нашей головной болью станет Западная Армия, — продолжал Чьен. — Я слышал, что у лорда Хсунга есть тайный агент в этом королевстве. Все обитатели мерзкой деревни, в которой мы сейчас находимся, уже знают, что готовятся какие-то события. И даже самый глупый шпион обязательно направит своему хозяину сообщение об этом.

— Время. Вот кто наш поистине непобедимый враг. Сумеем ли совладать с ним, мой старый друг? Или время совладает с нами?

— Трудно сказать принцесса. Но я чувствую, что час решений вот-вот наступит. — Он указал на карту и добавил: В этом районе, принцесса, кажется, возникает какое-то напряжение.

Мгла сосредоточила внимание на указанном участке, отключившись от внешнего мира. Да, лорд Чьен прав. — Она чувствовала, как нечто огромное поигрывает мускулами, напрягшись, словно готовая к броску змея.

— Принцесса...

— Я вас слушаю, лорд.

— Наступает критический момент, а мы еще не решили, как поступить с этими людьми, когда они отыграют свою роль.

Мгла надеялась избежать разговора на эту тему, в то же время зная, что уйти от обсуждения не удастся.

— Я не совсем понимаю вас, лорд.

— Вам прекрасно известно, принцесса, кто эти люди и что они сделали. Ничтожный король. Колдун Вартлоккур. И вот эти, окружающие их пожиратели падали. — Он показал на находящихся в комнате людей Браги. — Нам следует решить, как с ними поступить, если мы одержим победу.

— Они вели себя по отношению к нам, лорд, весьма благородно, — вздохнув, сказала Мгла.

Она не осмелилась признаться ему в том, что эти люди — ее друзья. Принцесса Империи Ужаса не должна иметь друзей. Друзей — чужеземцев.

— Преследуя при этом собственные цели, — возразил Чьен. — Они рассчитывают ослабить Империю и отложить время неизбежного возмездия. Этот король... да он бы нас уничтожил, появись у него такая возможность.

Мгла не могла отрицать этого и поэтому даже не стала пытаться.

— Кто знает, какое предательство они заготовили на тот случай, если мы добьемся успеха.

Сомнения никак не желали оставлять принцессу. Она, видимо, стала чересчур мягкотелой, слишком много времени проведя на западе. Будь он проклят, этот негодяй Вальтер! Если бы он тогда не прорвался сквозь барьер, ограждающий ее чувства...

— Руководите операцией вы, лорд Чьен. Поступайте так, как сочтете нужным.

Она уперлась взглядом в карту, стараясь не думать о том, что сделала. Отказ нести моральную ответственность

за предстоящее зло был не меньшим грехом, чем совершение этого зла. Через несколько минут Мгла поднялась со стула и направилась вниз, надеясь, что ужин несколько уменьшит ее напряжение и чувство презрения к себе.

Один из людей короля чуть ли не силой вытащил Мглу из кухни. При этом он бессвязно лопотал, размахивая руками. Изумленная принцесса позволила подвести себя к окну.

Восток снова пылал. Лорд Куо привел свои силы в движение. А она настолько устала, настолько углубилась в себя и так пала духом, что даже не заметила этого.

— Благодарю вас, — бросила Мгла и устремилась вверх по лестнице.

Атмосфера наверху полностью изменилась. Теперь там царило совершенно иное напряжение — то напряжение, которое обычно бывает перед битвой у готовых к атаке солдат. На верхнем этаже все передвигались пружинистым шагом, быстро и энергично. Усталости как не бывало. Когда Мгла вошла в комнату, все замерли и посмотрели на нее. Она знаком предложила им продолжать прерванные дела.

— Уже начали поступать донесения, — сообщил лорд Чьен. — Первые доклады весьма благоприятные.

— Отлично. — Обратившись к одному из людей Браги, Мгла сказала: — Не могли бы вы пригласить короля? — И, повернувшись снова к Чьену, спросила: — Итак, что же нам известно?

Через некоторое время, оторвавшись на секунду от беседы, она подняла глаза и обнаружила, что Вартлоккур уже прибыл. Чародей обозревал помещение, сидя на высоком стуле у северной стены. Он выглядел отдохнувшим и бодрым. Ничто не могло укрыться от его внимания.

Вскоре появился и король. Вначале он поговорил со своими людьми. Мгла наблюдала за тем, как он выслушивал ответы, кивал и задавал новые вопросы. Больше всего времени он провел с Вартлоккуром. Закончив беседу с чародеем, Браги подошел к ней, взял за руку и провел к восточной части карты.

— Мгла, может быть, ты все же знаешь, что там происходит? — спросил он.

Принцесса почувствовала облегчение. На эту тему она могла говорить совершенно откровенно, не думая о выборе слов.

— Мы не знаем. Утром мы получили всего лишь одно, да и то невнятное донесение. Нам сообщили, что Восточная и Северная Армии по-прежнему на нашей стороне, но они настолько заняты боями с Избавителем, что прямо выступить в нашу поддержку не могут.

— Избавителем?

Мгла вздрогнула и подняла глаза. Чародей подкрался к ним совершенно незаметно, как летняя гроза.

— Это вражеский военачальник. Они называют его Избавителем. Видимо, какой-то вундеркинд. Он наполовину истребил Восточную Армию. Остатки Восточной и Северная объединились и заняли линию обороны по реке Тусгус.

— Хм... — Браги изучил карту, а затем, подняв глаза на чародея, спросил: — Почему ты так этим заинтересовался?

— Из-за Этриана. Он должен быть где-то там.

— Значит, он жив?

На лбу Вартлоккура выступили капельки пота. Он вытер их ладонью. Мгла не сводила с чародея глаз. Она вдруг увидела то, что раньше не замечала — в отношениях между этими людьми существовало какое-то напряжение.

— Не знаю, — ответил Вартлоккур, — но интуиция мне говорит: да, он жив.

— А вдруг, ты сможешь доставить его домой? Какой это будет подарок Непанте! Новорожденная дочь и возвращенный сын.

— Не думаю. Это не тот сын, которого она потеряла. Если это даже и Этриан, то она не захочет, чтобы он вернулся.

— В таком случае, ты ее недостаточно хорошо знаешь.

Мгла превратилась в слух. Этриан? Не умер? Не может быть... Она внимательно посмотрела на чародея. Никогда ей не доводилось видеть его таким удрученным.

— В чем дело? — спросил король.

— Я никогда не говорил ей... Если это то, что я думаю... Оставим эту тему. Забудь о том, что я упомянул его имя. Жизнь и так причинила Непанте много боли.

Мгла задумалась. В том, что говорил этот человек не было никакого смысла.

— Но... — начал король.

— Я не желаю, чтобы она испытала новые страдания, — оборвал его чародей. — Не хочу, чтобы она узнала о том, что ее дитя превратилось в чудовищного монстра. Я тебя предупредил. Если ты ей скажешь об этом, то навсегда лишишься моей помощи.

— Полегче, приятель, полегче. Я даже не понимаю, о чем ты толкуешь. А ты, Мгла, что-нибудь поняла? И что же ты намерен предпринять, Вартлоккур?

Мгла подошла к лорду Чьену и пересказала ему все, что услышала.

— Полагаю, что нам немедленно следует послать туда своего человека. То, что там происходит, может оказаться для нас крайне важным.

Лорд Чьен кивнул и поманил к себе одного из самых надежных курьеров.

Мгла повернулась, чтобы направиться к королю и чародею. И в этот момент в помещение вошел Майкл Требилкок.

Она не сумела выяснить причины внезапного исчезновения Майкла, так и подробности его столь же неожиданного возвращения. Судя по всему, главный шпион Браги путешествовал в Хаммад-аль-Накир, где установил, что правители королевства имеют отношение к покушению на генерала Лиакопулоса.

Король жестом пригласил ее подойти ближе. Когда она приблизилась, король сказал:

— Майкл утверждает, что в Тройзе был мятеж. Хсунг сумел его подавить.

— Мне это известно.

— Майкл говорит, что Хсунг намерен использовать армию Аргона для флангового удара по Матаянге.

Это сообщение Мглу удивило.

— Сведения достаточно надежны, Майкл? — спросила она.

— Нет. Просто слухи, которые ходят среди офицеров Тройзы. Но это, вне сомнения, в его стиле.

— Верно. Поэтому я воспринимаю это как реальность.

Это была скверная новость. Если Хсунг использует армию Аргона против Матаянги, то его армия освободится для того, чтобы оказать сопротивление отрядам Мглы, когда те нанесут удар.

Она подошла к лорду Чьену и поделилась услышанным. Тот заметно помрачнел.

Затем, усевшись за стол, Мгла начала изучать карту. Длинная красная рука влезла глубоко в подбрюшье Империи, но у основания она уже начала истончаться. Лорд Куо явно собирался ампутировать эту конечность, изолировав армию противника в глубине враждебной для нее территории. Оказавшись в окружении, матаянгцы долго не продержатся.

— У него получится что-нибудь? — спросила принцесса, указывая на карту.

— Это зависит от того, какими силами он располагает, — ответил лорд Чьен. — Бесспорно, это красивый и смелый ход. Он заслуживает восхищения даже в случае неудачи. Судя по докладам наших агентов, лорд Куо собрал резерв более мощный, нежели Южная Армия в ее полном составе.

— Какими дополнительными сложностями это нам грозит?

— Трудно сказать, пока мы не начнем действовать. Его система безопасности сработала безупречно.

Мгла грызла ноготь, продолжая изучать карту. Взгляд принцессы теперь был обращен на восточную часть огромного полотнища — туда, где шла таинственная война. Неужели там находится ее племянник Этриан? Какую роль он играет? Как? Почему?.. Лишь с большим трудом Мгла заставила себя вернуться к главному представлению.

Наступило время решений. Идти дальше или бросить эту затею? Нападение резко ограничивает возможность спасения Империи от разрушения южными варварами. Задержка с ударом означает крушение всех надежд вернуть себе трон. Сейчас или никогда. Если лорду Куо удастся сокрушить врага, он станет для нее недосягаемым...

Придя к решению, она подняла взгляд:

— Король... Где король?

— Он только что вышел, госпожа, — ответил кто-то.

— Позовите его. Он мне нужен. Быстро!

Несколько минут спустя Браги ввалился в комнату. Мгла подвела его к карте и, показав на перекусывающие руку врага клещи, сказала:

— Мы выступим, когда эти клещи должны будут вот-вот сомкнуться. Лорд Куо будет в это время страшно занят. По оценке лорда Чьена это должно случиться примерно через четыре часа. Сейчас мы заняты тем, что предупреждаем наших людей. Мне нужны три твоих штурмовых отряда. Тебе предстоит ударить по штабу лорда Куо и арестовать его. Всем остальным займутся мои люди. Большинство тервола пойдут с тобой. Они тебе помогут, если вдруг возникнет замешательство.

Король вдруг прищурился, и в его глазах мелькнуло выражение, значение которого Мгла поняла лишь после того, как Браги заговорил:

— Ты здесь не номер один, Мгла, — сказал он. — Ты всего-навсего кастелян крепости Майсак. И останешься им, пока не осядет пыль. — Браги покосился на Вартлоккура, который продолжал сидеть, спокойно наблюдая за происходящим.

Мгла раздраженно топнула ножкой. Будь они прокляты, легко ранимые варвары! Всегда пытаются напомнить вам, в чьих руках власть... Затем черты ее несколько смягчились, и она сумела изобразить на лице извиняющуюся улыбку. Еще несколько часов — и она ни от кого не будет зависеть.

— Я немедленно начинаю собирать отряды, — объявил король и направился к своим офицерам.

Мгла же пошла к лорду Чьену. Оглянувшись через плечо, она увидела, что чародей Вартлоккур смотрит ей вслед. Его лицо оставалось совершенно неподвижным, но Мгла вдруг почувствовала, что чародей в душе чем-то забавляется. Принцессу начала бить дрожь.

Она уделяла ему слишком мало внимания, хотя здесь, на западе, чародей был единственной реальной угрозой Империи. Без помощи этого колдуна Браги ни за что бы не смог выиграть Великие Восточные Войны. По вине Варт-

локкура прекратилось правление принцев-магов... Внешне чародей выглядит таким беспомощным, что поневоле начинаешь забывать о том, каким смертельно опасным он может быть... А сейчас он во сто крат опаснее, чем когда-либо. Колдун ненавидит Империю Ужаса. Наступил момент, когда он может тайно вонзить кинжал в ее тело, чтобы ускорить процесс распада, начавшийся после смерти отца и дяди... Ей не верилось, что со времени гибели принцев-магов минуло всего лишь два десятилетия. За этот короткий срок Шинсан пережил властителей и властительниц больше, чем за многие предшествующие столетия.

«Неужели Империя умирает, — думала она. — Неужели Шинсан вступил в период упадка?»

— Три с половиной часа... — прервал ее размышления лорд Чьен. — События по-прежнему развиваются в нужном направлении.

— Благодарю вас. Что доносят наши люди из Западной Армии? У меня такое предчувствие, что у Хсунга могут возникнуть сложности.

Непанта лежала, держа дитя у груди. За окном, далеко над вершинами гор то и дело возникали магические сполохи, заливая спальню веселым светом.

— Магги... — позвала негромко Непанта. — Магги...

— Да, госпожа. — Служанка поднялась со стула, на котором дремала, склонившись над своим вязанием.

— Где Вартлоккур? Он мне ничего не передавал?

— Прошу прощения, госпожа, но пока нет никаких вестей. Даже королева ужасно расстроена. Уже несколько дней она ничего не слышала о короле.

Непанта медленно повернула голову так, чтобы можно было увидеть волшебные огни. Ее охватила глубокая тоска.

— Что это такое? Кто-нибудь знает?

— Говорят, госпожа, что это воюет Империя Ужаса. Но не с нами. Нет. На сей раз с другими. Тьма столкнулась с одним из отдаленных королевств, о существовании которых можно узнать лишь из сказок.

Непанта не ответила, уже не слушая слов служанки.

Она чувствовала себя одинокой, и ее мучил страх. Присутствие прислуги успокоения не приносило. Магги была не тем человеком, перед которым она могла распахнуть свое сердце. Непанта опасалась, что девушка в глубине души станет смеяться над страхами хозяйки... Варт обещал, что дитя появится на свет не здесь... «Будь разумной, — увещевала она себя. — По твоим же расчетам до родов оставалось еще несколько недель».

Она посмотрела на крошечную, морщинистую, красную головку. Словно почувствовав на себе взгляд матери, дитя зашевелилось и вновь принялась сосать грудь. Непанта с улыбкой следила за тем, как двигаются маленькие щечки.

Только после этого она вдруг осознала, что служанка продолжает говорить. На ее вопрос был дан более подробный ответ, чем она хотела услышать.

— Магги, не могла бы ты попросить королеву Ингер навестить меня? — Непанта хотела, чтобы рядом с ней кто-то находился, но она здесь никого не знала...

Можно было бы позвать Мглу, но жена брата наверняка находится в гуще дел, которыми обычно увлекаются мужчины. Это существо лишь прикидывалось женщиной.

Королева Ингер пришла через несколько минут.

— Благодарю, вас, — произнесла Непанта. — Я думала, вы не придете.

— Мне, видимо, также как и вам, дорогая, необходимо выговориться. — Высокая, светловолосая королева Ингер, была, как всегда, холодна и элегантна. Женщина держалась поистине с королевским величием. Ингер прекрасно умела владеть собой и командовать своим окружением. — Я не видела Браги уже несколько дней.

— Варт ушел в тот самый день, когда родилась дочка. Понимаю, у него много дел, но разве не может он просто забежать ко мне, чтобы поприветствовать?

— Что они на сей раз затеяли? Вы хотя бы приблизительно представляете, что это может быть?

— Я даже не имею представления, где может быть Варт, говоря уж о том, чем он может заниматься.

— Они — в доме Мглы. Они и все их обычное сопровождение. Это все, что мне известно. О том, чем они занимаются, остается только гадать. Ни Браги, ни ваш супруг не желают ничего говорить. Король даже не отвечает на мои послания.

— Держу пари, что их дела имеют отношение к этому. — Непанта с трудом поднялась с постели, подошла к окну и остановилась, опершись о подоконник. Королева смотрела через ее плечо. — Этому не видно конца, Ингер. Мне иногда хочется... Я не хочу вас обидеть... Но, правда, было бы лучше, если бы Браги вообще не приходил в Кавелин. У нас были прекрасные дома в Итаскии. Мы не были там важными шишками. Не были и богаты. Но наши семьи пребывали в дружбе и согласии, и большую часть времени мы были счастливы. Этот проклятый Гарун бин Юсиф... Надеюсь, что он горит в аду. Если бы он не втянул в свои делишки Браги и Насмешника...

— Мы ничего не можем изменить. Я думаю, что все было предначертано судьбой. Если не Гарун, так кто-нибудь другой все равно вытянул бы вас из дома.

Непанта обернулась и посмотрела на Ингер внезапно сузившимися глазами.

— Верно. Ведь герцог Грейфеллз — ваш дядя или что-то вроде того? — Герцог Грейфеллз был смертельным врагом ее первого мужа и Браги в то время, когда последний был простым наемником.

— Совершенно другая фамильная ветвь, дорогая. Семья по нашей линии никогда не занималась политикой. И мне хочется, чтобы Браги тоже отошел от политики.

— Вам не нравится быть королевой?

— Обожаю быть королевой. Мне просто не нравится связанные с эти званием беспокойство, ответственность и интриги.

Непанта отвернулась от королевы и снова устремила взгляд вдаль. Магическое сияние превратилось в светлое, зеленоватое зарево. Колдовство! Колдовство, которое следует за ней всю ее сознательную жизнь. Оно отняло у нее Этриана. Колдовство всегда пожирает невинных.

— Браги когда-нибудь рассказывал, что произошло тогда между ним и Насмешником?

— Нет. Он не хочет вспоминать. Но в то же время и не может забыть. Эта трагедия постоянно преследует его. Иногда он просыпается по ночам и плачет. Или кричит. Браги не может убедить себя в том, что у него не было иного выхода. А у него выхода действительно не было. Вы это знаете.

— Знаю и не держу против него зла. Я берегу всю свою ненависть для людей, вынудивших моего мужа посягнуть на жизнь своего лучшего друга. Иногда мне хочется, чтобы они до сих пор были бы живы. В этом случае я могла бы истязать злодеев, наслаждаясь видом их мук.

— Браги готов сделать все, чтобы вы не страдали, Непанта. Он до сей поры переживает...

— Мне ничего не надо, Ингер. У меня есть Варт и эта крошка. Единственное... так это Этриан. Мне хотелось бы точно знать — жив он или умер.

— Я думала, что его убили после того, как затея использовать Насмешника для убийства Браги с треском провалилась. Во всяком случае, так все говорят.

— Все считают, что он погиб. Но никто не видел, как это произошло. А я продолжаю все время чувствовать, что сын где-то там далеко и нуждается в помощи. — Непанту начала бить дрожь. Она никогда не рассказывала о своих снах. Варт постоянно смеялся над ними. Ингер может поступить так же. — Иногда... иногда мне кажется, что Варт и Браги что-то знают, но не желают мне говорить.

— Браги никогда об этом не упоминал.

— Мне просто необходимо это знать. Обещайте... сказать мне, если что-нибудь услышите. Умоляю.

— Ну конечно, — ответила Ингер, потрепав Непанту по плечу. — Разве не для этого существуют друзья?

«Не знаю, — подумала Непанта. — Мне всегда не хватало времени, чтобы убедиться в этом».

Небеса вспыхнули. В них снова закружился огненный **смерч**.

ГЛАВА 11

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Каменный зверь отверз свою пасть

Этриан и Сахманан стояли на вершине холма. Внизу под ними неторопливо катил свои воды широкий Тусгус. Этриан так крепко сжал кинжал, что костяшки пальцев побелели.

— Проклятие! — выкрикнул он, швырнув клинок на землю. Кинжал скользнул в кусты. Этриан так его и не нашел.

— В чем дело?

— Мы выигрываем сражения, но проигрываем войну, — проворчал он. — Они нас постепенно перемалывают. А как нам перебраться через это? — он показал на реку. — Враги не уступают нам в численности, и не осталось людей, которых мы могли бы рекрутировать.

— Мобилизуй живых. Так, как ты поступил с некоторыми туземцами.

— Не могу.

— Почему?

— Они мне это не позволяют. На их доспехи наложены охранительные заклятия.

Земля дрогнула. В нескольких сотнях футов за их спинами возник огненный столб. Деревья задымились.

— Еще три сотни бойцов пошли прахом, — пробормотал Этриан. Почему они так любят собираться толпой? Я могу заставить их рассредоточиться лишь тогда, когда думаю об этом непрерывно.

— Они хранят кое-какие воспоминания, и им не нравится то, чем они стали. Мертвецы жмутся друг к другу, потому что это их успокаивает. Пощупай противоположный берег. Попытайся найти людей, которые не служат в армии.

— Я уже пытался. Штатских там не осталось. Вся местность обезлюдела.

К югу от холма вспыхнула схватка. Шум ее вначале приблизился к подножию высоты, а затем уплыл в сторону.

Для переброски легионов врагу теперь не нужны были порталы. И он стал использовать их в тактических целях, организуя с их помощью небольшие внезапные вылазки. Этриан так и не научился находить порталы перехода, тайно установленные на этом берегу реки.

— Мы не можем торчать здесь вечно, — ныла Сахманан. — Нам надо прорваться и наконец начать рекрутировать солдат.

Ненависть в сердце Этриана кипела все сильнее и сильнее. Она стала возрастать в геометрической прогрессии с того момента, как он впитал в себя могущество каменного зверя. Иногда, глядя на себя, Этриан изумлялся. Временами ему казалось, что он просто сошел с ума.

«А может быть, каменный идол вышел победителем? — спрашивал он себя. — Ведь я и сам становлюсь чудовищем, жаждущим разрушения, желающим, чтобы перед ним трепетали, и не терпящим никаких возражений».

Монстр не отдал ему всего того, что имел. Более того, он не дал ему ничего, кроме способности повелевать мертвецами. Себе же идол оставил СЛОВО, и Этриан страстно желал получить его.

— Мы могли бы использовать драконов, чтобы высадить у них в тылу наших людей, — предложила Сахманан. — Они бы захватывали их солдат по одному, а затем мы возвращали бы мертвяков в их отряды...

— Они умеют отличать нежитей от живых. Кроме того, мы не можем достаточно быстро перебросить нужное число бойцов. Нет, нам следует придумать нечто новенькое. Что еще осталось в твоем мешке с фокусами?

— Ничего такого, чтобы я уже не испробовала. В любом случае мне сейчас нельзя возникать. Они меня вычислили, и еще одной большой битвы, как та, что была у форта, мне не пережить.

— В таком случае доставь сюда Величайшего.

— Что?

— Доставь Величайшего. Отправляйся на побережье и выковырни его из каменной норы.

Он бросил оценивающий взгляд на противоположный берег реки. Интересно, что может сделать Слово с этими земляными укреплениями?

Он ощерился так, как может ощериться лишь лишенное разума существо.

Тьма скрывается под тысячью масок, а зло принимает тысячи обличий.

Этриан не чувствовал, что претерпел изменения. Внешне он ничем не отличался от молодых людей своего возраста. Но гниль внутри него непрерывно разрасталась. Опухоль возникла из семени, брошенного в благодатную почву Праккией и взращенного каменным монстром.

Те, кого он снова, снова и снова бросал на смерть, именовали его Избавителем, и он был готов превратиться в «Избавителя». Избавив их от всего доброго и светлого, он станет Мессией Зла, Князем Неправого Дела.

«Нет, нет! — протестовал юноша. — Я просто Этриан, мстящий за зло причиненное мне и моим близким!»

Сахманан ощущала присутствие в Этриане злокачественной опухоли и видела, насколько сильно развилась болезнь. Эта повелительница Зла была просто потрясена способностями молодого человека. Она знала о его происхождении. Дед Этриана был могущественным магом, уничтожившим Ильказар. Мать юноши владела Силой. Та же кровь текла в жилах его отца. Этот мальчик мог стать величайшим Учеником Тьмы, величайшим из всех, кого когда-либо носила земля.

«Приведи Величайшего», — сказал он ей.

Сахманан огляделась украдкой с таким видом, словно опасалась, что из кустов за ними подглядывает каменный зверь.

— Не проси меня возвращаться в рабство, — сказала она.

Этриан внимательно изучал противоположный берег.

— Разве у нас есть выбор? — спросил он. — Мы умрем, если останемся на месте.

— Избери иной путь. Посылай мертвецов в бой до тех пор, пока их всех не уничтожат. После этого мы уйдем вместе и начнем новую жизнь. А Величайший пусть гниет. Пусть отправляется в ад, где я и Нахаман его когда-то нашли.

— Ясно. Ты пошла против меня. — От слов Этриана веяло ледяным холодом, как из лабиринтов преисподней. — А я-то полагал, что предаст меня Величайший.

— Этриан...

— Доставь его, или мы с тобой схлестнемся в битве.

Сахманан обернулась и увидела, как из леса выступают отряды нежити. Этриан говорил то, что думал.

— Ты, идиот! — взвизгнула она и бросилась на юношу. Тот от толчка потерял равновесие и, упав на древний гранитный монолит, принялся отбиваться от нее ногами...

Сахманан вдруг затянула заклинание.

Мир ухнул в ослепительную белую пучину. Нестерпимый жар опалил кожу Этриана. Ему показалось, что в голове его возникла бесконечно огромная пустота. Еще сотни солдат прекратили свое существование... Этриан выл от ярости. Он был близок к тому, чтобы наложить на себя руки.

Щит, созданный заклинанием Сахманан, спас им жизнь. Этриан послал проклятие в адрес врага и сказал:

— Один из нас, по счастью, продолжал думать. Благодарю тебя. Я ослеп! — добавил он после короткой паузы.

— Зрение к тебе вернется. Этриан, не позволяй ненависти управлять твоими поступками.

Немного помолчав, он сказал:

— Ты права. Подобное не повторится. Сахманан...

— Да?

— Прости меня. Но ты все же должна привести сюда Величайшего.

— Ну хорошо, — вздохнула волшебница. — Я сделаю это, как только почва остынет и когда мы сможем выйти из-за моей магической завесы.

Этриан стоял на холме в одиночестве. За его спиной на небо выползал узкий серп луны. Опершись на копье, юноша внимательно смотрел на огоньки костров, мерцающих на далеком противоположном берегу. «Ну, теперь уже скоро, лорд Ссу-ма, — думал он. — Я сломлю твою волю, упрямый боров. Я вырву сердце из твоей империи. Это будет моя держава. Затем я отыщу убийцу отца...»

Во-первых, ему следует использовать каменного идола, не попав при этом под контроль этого монстра. Во-вторых, надо снова привлечь на свою сторону Сахманан. Что с ней?

Почему она так странно вела себя этим утром? Что означали ее слова о рабстве?

В его представлении волшебница перестала быть цельным существом. Слишком много разных песен пела она, и их содержание часто оказывалось противоречивым.

За его спиной послышался шелест огромных крыльев. Звук приближался и нарастал. Скоро он заполнил собой ночь. Над водой просвистел рой стрел. В небесах позади Этриана засверкали яркие вспышки. По направлению к реке легли десятки теней от его фигуры. Он поднял одну руку, и когтистая тень от нее дотянулась до противоположного берега.

«Я иду, Шинсан, — подумал он, — моя рука уже дотягивается до твоего сердца».

Несколько стрел угодили в драконов или всадников, но это были не те снаряды, которые Шинсан использовал в пустыне. Сила ударов этих снарядов в десятки раз уступала мощности магических стрел первых сражений. Эти производили впечатление самоделок. Настоящие, видимо, кончились, и врагу приходилось довольствоваться подручными средствами.

— То, чего вы так опасались, следует за вами по пятам. То, чего вы так ужасались, стоит у вас за спиной. Ваше время истекло.

За его спиной на землю с шумом опустился дракон. Сахманан о чем-то спросила молодого человека, но тот даже не обернулся.

Через мгновение она уже стояла рядом с ним. Этриан всем своим существом вдруг ощутил безграничное могущество Величайшего.

— Я доставила его, Этриан.

— И что же он думает?

Можно было и не спрашивать. Он чувствовал, как зверя переполняет безмерная радость от того, что наконец можно унизить врага — врага, которого идол ненавидел потому, что тот не сдался, не дал себя поработить и, более того, даже отказался пугаться. Каменный зверь хотел, чтобы его уважали и боялись, а эти лорды из Империи Ужаса не желали воспринимать его всерьез. Они разбирались в ситуа-

ции не хуже, чем Этриан, и смотрели на Избавителя и его божка, как на мелкую и при этом все уменьшающуюся неприятность, от которой они избавятся окончательно за несколько дней.

Этриан летал через реку и знал, какая уверенность царит на противоположном берегу. Они знают, что на сей раз сумеют окончательно сломить его. Враги с нетерпением ждут наступления армии мертвых, чтобы истребить нежитей, а вместе с ними и их предводителя.

— Ты поступил правильно, Избавитель, призвав меня, — произнес каменный зверь. — Иного выхода у тебя просто не было. Вместе же мы их сокрушим. Но прежде я хочу тебя спросить: каким образом ты намерен преодолеть реку?

Этриан об этом пока не задумывался. Он размышлял о том, как разгромить врага, а вовсе не о том, как до него добраться. В его распоряжении не имелось ни одной лодки, а армия не приступала к сооружению плотов или понтонов. Легионеры, отступая, уничтожили все, что могло плавать.

Этриан про себя выругался, проклиная свою глупость.

— Похоже, ты не шибко великий стратег, Избавитель. Что, разве я не прав?

Сарказм идола задел Этриана, и его самообличения умолкли, видимо, забившись в свой курятник.

— Ну а что же ты предложишь, стратег? — спросил он, пытаясь быть столь же саркастичным.

Этриан посмотрел на восток, где вот-вот должно было взойти солнце.

— Сахманан. Я напитаю тебя Силой. Заморозь реку.

— Заморозь? — не веря своим, ушам изумился Этриан.

Монстр расхохотался, а Этриан задрожал, поняв, что ему постоянно следует быть начеку.

Сахманан совершила какой-то продолжительный ритуал. По прошествии некоторого времени она сказала:

— Помоги мне, Всемогущий.

Этриан почувствовал, как начал охлаждаться воздух. Холодная волна, коснувшись его израненной кожи, покатилась вниз по склону холма. Через несколько минут мороз стал таким, что начали трещать и обламываться ветви деревьев. Этриан прикрыл глаза и покинул свою телесную обо-

лочку. На поверхности воды уже появились пятна пока еще тонкого льда. Мороз достиг противоположного берега, и враг принял меры, едва почувствовав похолодание. Пламя костров взвилось выше, а барабаны забили тревожную дробь.

Холод становился все сильнее, в воздухе повис морозный туман, и на землю посыпались снежинки. Воины Шинсана спокойно занимали земляные укрепления.

«Если бы у меня были такие солдаты... Но на сей раз им не поможет то, что они — лучшие в мире». Сахманан показала Этриану, как шли сражения с Нахаман, и ему было известно, что все человеческие способности превращаются в ничто, когда зверь произносит Слово.

Этриан воспрянул духом. Пройдет немного времени, и он будет стоять на западном берегу — стоять как хозяин. Рядом с ним поднимется легион мертвецов, готовых шагать дальше... Повинуясь внутреннему зову, он устремился дальше на запад, чтобы определить то место, где враги предпримут очередную попытку его задержать.

Под ним оказался древний и весьма интересный город. Этриан не сомневался, что будет им очарован, и ему не терпелось его захватить. Военачальник нежитей обожал города.

Однако из этого города дальше на запад устремлялись беженцы.

Среди них были и орды тех, кто бежал от него раньше. Он послал им вдогонку молчаливый призыв: «Остановитесь! Я все равно приду за вами. Вам от меня не скрыться!»

Его гнев куда-то исчез. Этриан, оказавшись слишком далеко от своей телесной оболочки, не мог поддерживать обуревавшие его чувства. Он обратил свой взгляд внутрь себя, и то, что он узрел, его чрезвычайно обеспокоило. Молодой человек понял, что чересчур сроднился с образом «Избавителя».

Он полетел назад к реке, на встречу с битвой, в которой военный клич Шинсана прозвучит в последний раз.

На Тусгус пришел рассвет. Лед стал достаточно крепким, и по нему можно было перейти на противоположный берег. Сахманан наращивала ледовое поле вверх и вниз по течению для того, чтобы расширить фронт атаки.

Этриан пролетел меж врагов, и в нем снова зашевелился червь сомнения. Они не испугались. Их колдуны-начальники не сбежались в панике на военный совет. Первая, вторая и третья линии обороны были выстроены. Погребальные костры были готовы запылать. Порталы, чтобы эвакуировать убитых и раненых, стояли наготове. Командующий армией спокойно завтракал в обществе командиров легионов, равнодушно взирая на развертывающиеся у реки события.

«Да испугайтесь же вы, наконец!» — взывал юнец. Но они его, естественно, не слышали. Но, может быть, это и к лучшему. Ведь в своем высокомерии они могли начать над ним издеваться.

«Ну ладно, — подумал он. — Скоро я вам покажу. Вы все сами увидите, когда каменный зверь разверзнет пасть и скажет Слово. Вас охватит ужас».

Вернувшись в свое тело, он увидел, что Сахманан сидит на земле с покрасневшим от напряжения лицом. У нее на коленях лежала черная шкатулка размером примерно шесть на пять дюймов.

— И это весь бог? — спросил Этриан. Неоднократно слышав высказывания женщины о Всемогущем, он думал, что божество по размерам окажется значительно больше.

Солнце уже поднялось над горизонтом, когда Сахманан открыла глаза и сказала:

— Свершилось.

Этриан начал перемещать войско ближе к реке. Он нанесет удар, как только зверь скажет Слово.

— Я не могу говорить, не имея рта, — донеслось до Этриана. — Тебе, Избавитель, придется уступить мне на время свой. — Эти слова родились где-то в глубине его мозга.

И снова Этриан обругал себя за свою неспособность предвидеть возможные ловушки.

— Используй Сахманан.

— Невозможно. Она не более материальна, чем я.

— Ты хочешь обдурить меня, — сказал Этриан и вызвал солдата.

— Я не могу использовать нежить, — возразил монстр.

— В таком случае, мы зря тратим время, — ответил Этриан. «Неужели зверь считает меня таким глупцом», — подумал он, а вслух произнес: — Сахманан, растопи лед.

— Я запрещаю!

Вначале женщина не знала, как поступить, но уже через несколько мгновений Этриан понял, что она предпочитает повиноваться своему прежнему хозяину.

— Уступи мне свой рот, Избавитель.

— Нет.

На него тяжким молотом обрушилась ярость зверя. Он выдержал этот удар гораздо легче, чем выдерживал приступы собственного гнева.

— Прекратите ваше сражение, — взмолилась Сахманан. — Этриан, призови из леса какое-нибудь животное. Подойдет любое крупное существо.

Этриан напряг свои сверхъестественные чувства и, тотчас наткнувшись на медведицу, привел несчастного зверя на вершину холма. За матерью с растерянным видом ковыляли медвежата.

— Отправь ее на реку! — с неослабевающей яростью приказал зверь.

Этриан погнал зверя вниз и сам двинулся следом. Сахманан несла шкатулку. Юноша чувствовал, как Всемогущий в очередной попытке взять верх пытается запустить ему в душу свои щупальца. Видимо, им предстоит последняя схватка, после которой либо ему, либо этому богу мрака придется преклонить колени.

Зверь просто исходил злостью. Его ярость клокотала, захватывая вокруг себя все большее пространство. Этриан ощутил, как вал злобы захлестнул медведицу в тот момент, когда она ступила на лед. Медвежата позади ее скользили и падали. Мать оставила без внимания все их вопли и визг.

«Интересно, как себя чувствуют упрямцы за рекой, — с улыбкой подумал Этриан. — Как подействовало на них великое чудо — замерзшая в разгар лета река и появившаяся на льду медведица с медвежатами?»

Возможно, враги не усмотрят никакой связи между животным и им. Не исключено, что они просто пожалеют несчастного зверя, случайно оказавшегося на льду...

Нет, противник, увы, не позволил ввести себя в заблуждение. Этриан скорее почувствовал, чем увидел, дождь стрел, обрушившихся с неба. В тот же миг он ощутил, как

злость божка, достигнув пика, опалила мир финальным взрывом ярости. Медведица разверзла пасть и произнесла Слово.

Этриан вскоре почувствовал, что Величайший, изменив направление удара, пытается застать его врасплох.

Тем временем Слово, прокатившись по ледяной поверхности, с чудовищной силой обрушилось на легионеров Шинсана.

Окружающий Этриана мир вдруг погрузился во тьму.

Когда он открыл глаза, то первым делом увидел склонившуюся над ним Сахманан.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

Прежде чем ответить, Этриан заглянул в себя. Он был изумлен случившимся.

— Да, — после недолгой паузы сказал он. — Как долго я оставался без сознания? Где Величайший?

— Двадцать минут. А его я отнесла назад на холм. Он все еще в обмороке. Величайший никак не мог ожидать, что ты ответишь контрударом.

— Ты его там бросила?

— Но он нам больше не нужен, не так ли?

Юноша внимательно посмотрел на Сахманан. Колдунья, видимо, говорила то, что думала на самом деле.

— В таком случае утащи его назад в пустыню.

— Хорошо, — ответила она и с заговорщицкой улыбкой добавила: — Но ему это не понравится.

— Плевать я хотел на его эмоции, — бросил Этриан и посмотрел на противоположный берег.

Стан врага напоминал растревоженный муравейник. Этриан покинул телесную оболочку и устремился в разведку. Ему тут же стало ясно, что каменный зверь, раздвоив свое внимание, выполнил работу лишь наполовину.

— Нельзя терять времени, — пробормотал Этриан.

Войско нежитей двинулась по льду. Это была уже не армия, а всего лишь жалкое сборище убогих существ, шагающих на негнущихся ногах, то и дело падающих на скользкий лед, поднимающихся лишь для того, чтобы снова упасть. На ледяной поверхности образовалась тонкая пленка воды. Лишившись поддержки зверя, Сахманан уже не могла поддерживать нужную температуру.

Выдержит ли ледяной панцирь? Быстрее! Быстрее!

Ошеломленные, едва держащиеся на ногах легионеры трудились изо всех сил, отправляя каждую минуту через порталы перехода по шесть потерявших сознание воинов... Они уходят!

— Быстрее! — срываясь на визг, крикнул он.

И вот наконец с противоположного берега донесся звон мечей.

Это воины врага, менее других пострадавшие от удара Слова, встретили атакующих. Они не только заняли линию обороны, но и успели запалить погребальные костры.

А лед тем временем продолжал таять.

Это была самая короткая и наиболее удачная из всех его битв. Продолжалась она всего лишь час, но за это время Этриан сумел пополнить свое воинство восемью тысячами бойцов, а легионы, едва поддерживая хоть какое-то подобие порядка, откатились на запад.

Однако пополнение лишь незначительно перекрывало понесенные нежитями потери. Лед все же разломился слишком рано. Некоторые мертвяки оказались на обломках льдин, и их унесло течением. Часть из них свалилась в воду и пошла на корм рыбам. Другие запутались в корнях росших вдоль берега деревьев. А иные, из тех, кто сумел форсировать реку, продолжали шагать до тех пор, пока не вышли из зоны его контроля.

Тервола, отходя, забросали его войско заклятиями, и им удалось спасти большую часть своей армии. Поначалу он пытался преследовать врага, но с каждой милей его контроль над нежитями ослабевал.

Лишь после того, как пал последний редут врага, Этриан полетел на воссоединение со своим войском.

Сахманан вернулась из пустыни и сообщила:

— Он снова в своем храме. Даже здесь я чувствую его гнев и страх.

— Ему не следовало пытаться обмануть меня. Взгляни. Мы победили. Теперь им нас не остановить. Серьезных преград больше не осталось.

— Что случится после того, как ты их уничтожишь? Неужели ты будешь продолжать до тех пор, пока в мире останутся только нежити и ты, их командир?

Он поднял на нее взгляд и вдруг ощутил ее тайное презрение и начинающую зарождаться в ней ненависть.

— Оставь меня в покое, женщина. Пока у меня всего лишь одна цель — уничтожение Шинсана. Об остальном будем беспокоиться, когда придет время.

— Я почему-то думала, что ты скажешь именно это.

— На что ты намекаешь? Впрочем, не важно. Необходимо выступать. На западе нас с нетерпением ждет замечательный город. Если действовать быстро, то у них не останется времени на подготовку, и мы сможем захватить беженцев.

Сахманан покачала головой и со скорбным видом повела его к драконам.

В течение двух дней Этриан наблюдал за флангами своего воинства, стараясь отловить как можно больше рекрутов из числа местных жителей. Однако результат не стоил затраченных усилий. Во всей округе остались лишь древние старцы, больные и калеки.

Тем не менее Этриан рекрутировал и их. Он ставил себе на службу все, что могло двигаться.

На третий день после форсирования Тусгуса войско нежитей выступило из леса лишь для того, чтобы оказаться лицом к лицу с Северной Армией Шинсана. Врагов разделяло небольшое поле.

— Не могу поверить, — пробормотал Этриан. — Откуда они черпают мужество? После того, что мы сделали с ними на реке...

— Ты же сам сказал, что они — лучшие из лучших, — со смехом произнесла Сахманан. — Утверждал, что чувство страха им неведомо. Ты считал, что Шинсан не успеет подготовить город, чтобы тебя там встретить. Так чего же иного, кроме контратаки, от них можно было ожидать?

— Не знаю.

На сей раз враги напали первыми. Прорвавшись через строй рекрутов, они глубоко врубились в ряды отборных воинов, эффективность которых продолжала снижаться по мере того, как разлагались их тела. Шинсанцы охотились за мертвыми легионерами, которых он включил в состав своего войска. С собой враги прихватили мобильные, установ-

ленные в фургонах порталы. Битва продолжалась до тех пор, пока не сложилось впечатление, что обе армии оказались на грани полного истребления. После этого легионы отступили.

Этриан рыдал от ярости.

Они сумели забрать всех своих мертвецов, лишив его ядра нового воинства. Теперь у него осталось не более двадцати тысяч тел, едва способных на то, чтобы ковылять или ползать.

На рассвете Этриан учинил своему войску смотр. Перед ним стояли полуразложившиеся, вонючие и едва прикрытые лоскутами одежды трупы. Многие из них недосчитывались конечностей, а из их гниющей плоти были вырваны огромные куски. Некоторые трупы не имели ушей, носов или глаз. В гноящихся ранах копошились могильные черви.

— Создается впечатление, что земля разверзлась и из нее выползли все древние покойники, — сказал Этриан.

— И ты намерен продолжать? — спросила Сахманан.

— Я решил их уничтожить. И я найду способ сделать это.

— Они выиграли еще один день и теперь смогут лучше подготовиться.

— Пусть так. Это не имеет значения, — заявил он и двинулся на запад во главе своей едва волочащей ноги, рассыпающейся пародии на армию. — Рок — на моей стороне. Я это знаю. Я слышу его зов. Он меня благословляет. Я — его избранник. Я — Избавитель.

Сахманан смотрела на него с ужасом. Этот человек окончательно стал рабом своего безумия.

— Я не хочу умирать ради преследующих тебя кошмаров или из-за миражей Величайшего, — прошептала она.

На следующий день они подошли к городу, именуемому Лиаонтунг.

Еще ночью Этриан, освободившись от своей телесной оболочки, посетил город. Он видел людские толпы, в панике бегущие к западным воротам, — они оставили город армии. На Этриана накатило вдохновение, и он понял, как следует атаковать Лиаонтунг.

Для выполнения плана потребуется время, но времени у него было в избытке. Порывшись в мозгах легионеров,

побывавших некоторое время у него на службе, он понял, что этот тупой боров лорд Ссу-ма не может рассчитывать на помощь со стороны. У Империи возникли более серьезные неприятности на другой границе.

Обозревая стены города, Этриан пребывал в прекрасном расположении духа.

ГЛАВА 12

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Решающий день

— Не нравится мне все это, Браги, — прошептал Вартлоккур. — Я всегда терпеть не мог тоннелей перехода.

В сердце волшебника шевелился червь сомнения, размером с анаконду. Воспользовавшись заимствованным у врага приемом, он беззвучно затянул «Солдатский Ритуал».

— Почему? — спросил король. — Что тебе не нравится? Что в них не так?

— Они меня пугают, — признался Вартлоккур. — В потоках перехода обитает Нечто... Я обнаружил его много-много лет тому назад, еще в мою бытность учеником. Нечто огромное и мрачное подстерегает ничего не подозревающего путешественника. — Вартлоккур притронулся ко лбу, на котором выступили капельки холодного пота. Чародей заметно побледнел.

Браги бросил на друга изумленный взгляд и спросил:

— Насколько часто это случается?

— Редко, — был вынужден признать Вартлоккур. — Один раз на десять тысяч переходов, или около того. Последние четыре или пять лет, правда, я не слышал о подобных случаях.

— Что же, у нас, похоже, отличные шансы проскочить невредимыми. Пора. Чьен сообщает, что поступил сигнал. Ты готов?

Вартлоккур кивнул с видимой неохотой. Ему совсем не хотелось совершать переход, но мужчина должен делать то,

что ему делать положено. Чародей собрал всю свою волю в кулак.

Браги прыгнул в поджидающий его портал. Вартлоккур услышал приглушенное проклятие и звон металла, который сразу же резко оборвался. Он шагнул в портал и через секунду оказался в центре схватки.

Чародей начал с того, что пустил в ход заклинание, призванное ослепить противника. Король Браги взвыл.

— Будь ты проклят! Я же предупреждал тебя, чтобы ты держал глаза закрытыми! — проревел Вартлоккур.

— Двери! Захватывай двери! — крикнул в ответ Браги.

Они оказались в огромном зале, занимающем, видимо, весь первый этаж какого-то общественного здания.

Времени на осмотр достопримечательностей этого места у чародея не было. Плоской стороной клинка он принялся подгонять солдат, выскакивающих из портала.

— Шевелитесь! — вопил маг. — Эй, кто-нибудь! Заблокируйте этот заговор оглушения!

В здании штаба раздавались беспорядочные заклятия. Тех, кто выкрикивал заклинания, последствия их действий совершенно не заботили. Ярким пламенем запылали бесценные гобелены. Некоторые шедевры искусства обуглились, а иные из них вдруг расплавились и стали стекать на пол подобно воску под лучами солнца.

Прибыл лорд Чьен и принял командование над всеми дружественными тервола. Через пятнадцать минут внутреннее помещение было в руках заговорщиков, а еще через пять лорд Чьен заключил мир с гарнизоном, расквартированным снаружи. Солдаты Шинсана делали все, чтобы остаться в стороне от свар аристократов, и их вполне удовлетворили заверения в том, что штаб захвачен не матаянгцами.

— Здесь все под контролем, — заметил Вартлоккур, а лорд Чьен не преминул с ним согласиться.

— Во всяком случае — пока, — сказал король. — Надо проверить, как обстоят дела в других отрядах. Вартлоккур, направь туда вестовых.

Чародей схватил за рукав одного из помощников лорда Чьена, и тот быстро установил порталы. Вартлоккур ото-

брал несколько солдат и направил их в тоннели перехода. Через несколько секунд курьеры вернулись.

— Барон Хардл выполнил задание, — сказал чародей королю. — Но у полковника Абака возникли трудности. Он высадился чуть ли не на колени самому лорду Куо.

— Нам надо успеть туда, прежде чем Куо запечатает порталы.

— Боюсь, что мы уже опоздали, — заметил лорд Чьен.

— Чем больше мы болтаем, тем меньше у нас шансов, — бросил король и нырнул в один из недавно установленных порталов. Вартлоккур, выждав лишь необходимый минимум времени, шагнул следом. Анаконда в его сердце снова зашевелилась.

Они оказались в обширной пещере. В ее дальнем конце царил хаос. Прижатый в угол полковник Абака вел свой последний бой. Вартлоккур изрыгнул зловещее заклинание распада. По меньшей мере дюжина солдат врага, не сходя с места, превратилась в разлагающиеся трупы. После этого чародей оказался настолько занятым, отбиваясь мечом, что у него осталось время лишь на то, чтобы выкрикивать самые пустячные заклятия.

Вартлоккур стоял спиной к стене, отражая выпады фехтовальщика столь же неумелого, как и он сам, и в этот момент лорд Чьен объявил о том, что люди лорда Куо решили капитулировать. Чародей опустил клинок, тяжело вздохнул и покачал головой. Его противник, оказавшийся всего лишь жалким Кандидатом, пролепетал со слабой улыбкой:

— Все кончено, лорд.

— Да. Подойдите ближе. Вы, похоже, как и я, едва держитесь на ногах.

Поддерживая друг друга, они заковыляли к тому месту, где лорд Чьен собирал пленников.

Барон Хардл, возглавлявший третий штурмовой отряд, едва волоча ноги, подошел к королю.

— Клянусь Богом, сир, мы это сделали!

— Еще как! — сияя согласился Браги.

— Пожалуй, будет лучше, если мы начнем готовиться к контратаке, — проворчал Вартлоккур.

Чародей устал, а раны, как старые, так и свежие, начали ныть. Ему казалось, что он снова впадает в ступор. Одним словом, настроение мага с каждой минутой становилось все более скверным.

— Лорд Чьен, не могли бы вы запечатать тоннели? — спросил Вартлоккур.

Чьен кивнул и, отобрав несколько человек, отправил их закрывать порталы.

Прежде чем работа завершилась, из некоторых порталов выскочили враждебные тервола. Заклинания столкнулись с заклинаниями. Сталь ударила о сталь. Полилась кровь. Вартлоккур остался в стороне от стычки. Чьен справится и без него, он же принесет больше пользы, если обратит свое внимание на раненых.

— Эти люди из Западной Армии, — доложил один из приближенных лорда Чьена.

— Из банды Хсунга? — помрачнев, спросил Браги. — Лорд Чьен, разве Мгла не должна была заняться Хсунгом?

— Самые лучшие планы... и так далее, — пожимая плечами, ответил Чьен. — А через несколько минут, когда контратака захлебнулась, он добавил: — Дело скверно. Лорду Хсунгу удалось вновь захватить два других штаба.

Вартлоккур поймал взгляд Браги и прошептал:

— Внимание...

Король ответил ему кивком.

— Мы можем добраться до этих мест? — спросил король.

— Только пешим ходом. И при этом через земли Матаянги. Все тоннели блокированы, — ответил Чьен и тут же добавил: — Впрочем, мы, так или иначе, опоздали. Переворот развивается по своим законам. Выиграем мы или проиграем — не так уж и важно. Самое главное сейчас — не позволить матаянгцам перехватить инициативу.

— Проклятие! — выругался Браги.

Вартлоккур увлек друга в сторону и прошептал:

— Здесь сильно подванивает сговором. Все случается как-то очень вовремя. Лорд Хсунг был предупрежден о нашем появлении. Разве смог бы он без должной подготовки так быстро провести контратаку? Судя по всему, он просто

не сумел сообщить лорду Куо точное время операции, и ловушка не сработала.

— Мне тоже показалось, что здесь чем-то смердит, — задумчиво кивая, сказал король. — Полагаешь, что мы — в дерьме?

— Полагаю, что надо послать кого-нибудь узнать, чем занимается Мгла. Лучше всего Хардла.

— А, может быть, тебя?

— Мне надо лечить раненых. Ты хочешь спасти Абака, ведь верно?

— Да, очень. Полковник — один из моих лучших людей. Прирожденный солдат.

— Извести людей. Собери раненых у входов в порталы. Не исключено, что нам придется исчезнуть отсюда весьма поспешно.

Браги, кивнув, отошел.

Хардл отсутствовал совсем недолго. Как только он вернулся, Вартлоккур подвел его к Браги, и барон доложил:

— Операция была успешной везде, кроме тех мест, где в нее вмешался Хсунг. Создается впечатление, что лорд Куо убит. Во всяком случае, его никто не может найти. Совет тервола тянет время и не принимает чью-либо сторону. Они ждут, когда прояснится положение на южном фронте. Лорд Хсунг ведет переговоры с Мглой. Одним словом, переворот удался.

— Интересно, знает ли все это лорд Чьен? — спросил Вартлоккур.

— Не думаю.

— Как дела в Кавелине?

— Сумасшедший дом. Полная растерянность.

— Ничего не говорите лорду Чьену. Браги, от нас здесь больше нет никакой пользы. Давай уносить отсюда ноги. И не вздумай поворачиваться спиной к Чьену до тех пор, пока не закроешь за собой дверь.

— Хорошо, не буду, — обещал король и заспешил к своим офицерам.

«Неужели я страдаю паранойей, — думал Вартлоккур. — Не исключено». Но нельзя рисковать, имея дело с коман-

дирами армии Империи Ужаса. Особенно с такими, как лорд Чьен.

Кинг начал отправлять раненых через портал перехода в Кавелин, стараясь делать это как можно незаметнее. Посчастью, люди лорда Чьена не обращали никакого внимания на своих союзников. Они были по горло загружены ведением боевых действий против Матаянги.

Когда чародей сопровождал носилки с тяжело раненными к входу в портал, он услышал, как барон Хардл, обращаясь к Браги, сказал:

— Вы слишком доверчивы, сир. Я понимаю, вы были другом кастеляна крепости Майсак. Однако теперь имеете дело с владычицей Шинсана.

— Он совершенно прав, Браги, — вмешался Вартлоккур. — Мгла просто обязана действовать в соответствии со своей новой ролью.

— Она все еще в своем доме, барон? — после короткого раздумья спросил король.

— Была, когда я возвращался сюда. Трудилась, словно однорукий кукловод, пытающийся одновременно дергать за все нити.

— Значит, ее судьба пока еще в наших руках, не так ли? Возвращаемся, Вартлоккур. Барон, вы успели отправить домой своих людей?

Чародей последовал за королем. Он закрыл глаза, стиснул зубы и шагнул в портал. Оказавшись в тоннеле, он не ощутил присутствия там каких-либо темных сил. Третий переход, и никакого намека на то, чего он так боялся. Неужели это хищное нечто ушло насовсем?

Вартлоккур сделал еще один шаг и оказался в штабном помещении, где произошли разительные перемены. Стол с огромной картой исчез. На полу лежало множество раненых, причем больше половины их не были жителями Кавелина. Это означало, что контрудар лорда Хсунга едва не увенчался успехом.

Мгла что-то обсуждала с несколькими тервола. Вартлоккур узнал лишь одного из них. Внимательно взглянув на шинсанца, чародей поискал взглядом короля.

Браги разговаривал с Далом Хаасом.

— Спустись вниз и собери надежных людей, — говорил король. — Пусть они по одному и как можно незаметнее проскользнут сюда. А вот и ты, Вартлоккур.

— Я как раз хотел предложить то же самое. Нам могут потребоваться хорошие воины.

Чародей не сводил глаз с Мглы. Та заметила их только что и казалась безмерно удивленной.

— Барон Хардл был прав, — продолжил Вартлоккур. — Принцесса Мгла не является закадычным другом Кавелина.

— Я это заметил. У нее такой вид, словно она узрела пару призраков. Полагаю, что по ее мнению мы к этому времени должны были стать духами, — сказал король и, направив людей на охрану порталов, продолжил: — Удержание ее физического тела здесь под нашим контролем может нам существенно помочь. Как ты полагаешь?

На губах Вартлоккура появилась едва заметная зловещая улыбка.

— Естественно, — сказал он. — При условии, что она не задержится у нас в гостях слишком долго. Существует опасность, что какой-нибудь деятель, воспользовавшись ее отсутствием, объявит себя номером первым в Шинсане.

Чародей смежил веки и погрузился в себя. Мысленным взором он нащупал нужный объект: «Приди ко мне, Рейдачар. Приди ко мне, Нерожденный». Объект зашевелился, отвечая на зов, и двинулся к тому месту, где находился чародей... Вартлоккур открыл глаза и еще раз улыбнулся.

Мгла, сказав что-то своим собеседникам, направилась к королю и чародею.

— Я вижу, что вы вернулись, — сказала она, протянув руку королю с таким величественным видом, словно ожидала от него поцелуя и поклона. Браги разочаровал принцессу, ограничившись рукопожатием.

— Не все смогли вернуться. Там полегло множество хороших людей. Некоторые попали в плен. Хсунг устроил ловушку, в которую мы и угодили. Замысел почти удался.

— Мои люди тоже понесли большие потери. Вы сами видите.

Апломб, с которым держалась Мгла, привел Вартлоккура в восхищение. Принцесса почувствовала неуверенность лишь в первый момент, увидев их.

— Ловкач, который устроил это, хотел бы с тобой познакомиться.

— Хсунг? Он здесь?

Чародей сразу узнал тервола, но не стал говорить об этом. Браги был вне себя от ярости, даже не зная того, что его злейший враг находится рядом.

— Лорд Хсунг! — резко, ледяным тоном бросила Мгла.

— Плевать я хотел на твоего лорда Ничто, женщина. Он для меня всего лишь еще одна дурацкая маска. И не начинай слишком сильно надуваться. Не относись к себе чересчур серьезно. Во всяком случае здесь, на моей территории.

Вартлоккур из-под нахмуренных бровей внимательно следил за Мглой. Чародей был не в силах сдержать улыбки. Заметив его усмешку, принцесса поняла, что ведет себя не так, как следовало бы, и тут же перешла на примирительный тон.

— Ах да. Конечно. Приношу свои извинения. Это был очень напряженный день.

Лорд Хсунг сделал шаг и склонил голову. Однако не больше, чем на дюйм.

— Простите меня, — произнес он, обращаясь к королю. — Но я пока плохо владею вашим языком. Я давно желал совершить с вами знакомство после стольких лет вражды. В своем воображении я обрисовывал вас меньшего роста и более... м-м... изворотливым.

— Я многому научился у одного весьма изворотливого и не очень высокого человека. А как вы? Сохранили работу? По-прежнему хозяин оккупированных земель?

— Ее высочество доверила мне управлять нашими западными провинциями.

— Полагаю, что для этого вам пришлось выкрутить ей руки. Значит, скоро приметесь за свои старые штучки?

Лорд Хсунг окаменел и покосился на Мглу. Вартлоккур бросил на Браги предостерегающий взгляд. Не надо чересчур раздражать тервола. Это неразумно. Погрузившись на миг в себя, чародей мысленно произнес: «Рейдачар, где ты?»

«Здесь».

За спиной короля вдребезги разлетелось окно. Помещение залил леденящий холод.

Это появился Нерожденный.

Он напоминал человеческий зародыш, заключенный в хрустальный шар. Но ни один человеческий зародыш не мог быть таким огромным...

— Вартлоккур, ты знаешь, сколько стоит приличное стекло? — испуганно взвизгнула Мгла. — И где теперь найдешь умелого стекольщика? А я-то полагала, что мы на одной стороне.

— Я был не первым, кто забыл об этом, — сказал чародей и поманил пришельца пальцем. Нерожденный подплыл к Вартлоккуру и завис над его левым плечом. Зародыш смотрел из своей хрустальной сферы широко открытыми, мудрыми и исполненными зла глазами. Взор его источал угрозу.

— Я, конечно, ничего не могу доказать, — продолжил чародей, — но у меня создалось впечатление, что ни я, ни король предположительно не должны были вернуться живыми после нашего маленького приключения на востоке.

— Я с пристрастием допрошу лорда Чьена. Не исключено, что он превысил свои полномочия.

— Все возможно. Однако я в этом сильно сомневаюсь.

— Когда мне начинают наступать на горло, во мне почему-то просыпаются низменные инстинкты, — вступил в беседу король. — Мгла, тебе и твоим друзьям придется некоторое время побыть моими гостями.

Нерожденный шевельнулся, всплыв чуть выше над плечом Вартлоккура. Мгла бросила взгляд на ужасное создание и, состроив недовольную гримасу, спросила:

— На какой срок? Не забывай — я веду две жестокие войны.

— Две? — удивленно спросил лорд Хсунг.

— Восточная Армия разбита. Северная едва держится. Лорд Ссу-ма действует великолепно, но даже и у гения есть свои пределы. Восточный фронт вот-вот рухнет.

— Можешь поинтересоваться, если желаешь, насколько это меня трогает, — с улыбкой сказал Браги. — Чем сильнее вас высекут, тем большая тяжесть свалится с моих плеч.

— К чему такая враждебность, мой друг? — спросил Вартлоккур, в очередной раз сделав предупреждающий жест.

— Тот, кто угрожает нам с востока, лелеет большие мечты. Уничтожив нас, он не остановится. Этот человек ненавидит весь мир.

— Перестань...

— Там действуют армии нежитей, не испытывающих очень теплых чувств к живым.

Вартлоккур ощутил, как у него в груди зашевелилась анаконда. Краска схлынула с его лица. Нерожденный задвигался, уловив беспокойство хозяина. Эта проклятая свара на востоке... Она не оставляет его в покое. Неужели боги исполнены решимости втянуть его в схватку?

— Это все равно не имеет отношения к нашему делу, — сказал Браги. — Сейчас я хочу лишь знать, есть ли способ заставить тебя вести честную игру?

— Чтобы успешно закончить начатое, мне, Браги, пришлось заключить множество грязных сделок, — произнесла Мгла, беря собеседника за руку. — И самой грязной из них был договор о ловушке для тебя. Ты не желаешь понять, что ты значишь для тервола. Они жаждут получить твой скальп. Это плохо. Я добилась того, чтобы ловушка оказалась не очень опасной, веря в то, что постоянно сопутствующая тебе удача и на сей раз от тебя не отвернется. В итоге каждый из нас получил то, что хотел. Останемся друзьями.

— Хорошо. Что дальше?

Вартлоккур не сдержал улыбки, увидев то облегчение, которое испытала Мгла, и ту гибкость, которую проявил его друг и которая отличала его в прошлые годы.

— Отправляйся к себе Рейдачар, — со вздохом сказал чародей. — Наконец-то я дома. Ты представляешь, Браги, я не видел свою дочь с момента ее рождения.

— А я столько же времени не видел Ингер, — заметил король. — Пошли отсюда.

Однако прежде чем уйти, они напомнили своим людям о необходимости не спускать глаз с Мглы и ее сторонников.

— Мы были на волосок от гибели, — пробормотала Мгла, обращаясь к лорду Хсунгу. — И почему вы, ребята, не можете проявить больше гибкости?

— Ребята, госпожа?

— Тервола. Ни один из вас не извлек уроков из судьбы О Шинга. Вы заставили его отправиться на охоту за головой Рагнарсона, чтобы отомстить за поражение под Баксендалой. В результате многие из величайших тервола сложили свои головы. Некоторые легионы были полностью истреблены. И, несмотря на это, вам не удалось взять реванш. Ваш позор и унижение стали лишь горше. А сейчас ваша одержимость едва не привела к моей гибели...

— Вы забыли, что я выступал на противной стороне, — усмехнулся лорд Хсунг.

— Вы персонифицируете тот образ мыслей, который является корнем всех наших проблем. Не забывайте, что я три года торчала в Майсаке, пристально наблюдая за вами. Вы сотрудничали с обеими сторонами, сражающимися в Хаммад-аль-Накире. Это вы засылали тайных агентов в Кавелин. Это вы распускали слухи о неизбежности войны, держа короля в постоянном напряжении. Пока не знаю, что из этого я смогу вынести. Ваши дела могут обрушиться на нас подобно злому заклятию.

— Со временем, госпожа, вам придется вынести ровно столько, сколько потребуется для уничтожения этого типа и его когорт.

— Возможно. — «Посмотрим, — подумала она. — Посмотрим». — Вслух же Мгла добавила: — А нам, пока король в настроении нас отпустить, следует отсюда убираться. Лорд Чьен! Где лорд Чьен? Неужели он все еще не вернулся?

Вартлоккур наткнулся на короля в одном из залов замка Криф.

— Как Непанта? — поинтересовался Браги.

— Прекрасно. Просто прекрасно, — ответил чародей и подумал: «Особенно для женщины, практически утратившей контакт с внешним миром и постоянно готовой затеять новый скандал».

— А как дочка? Имя ей вы уже придумали?

— В лучшем виде. А имени у нее пока нет.

— Тебя явно что-то беспокоит. Ты выглядишь каким-то отрешенным.

— У меня масса причин для волнения. В первую очередь Непанта.

— Все еще донимает тебя Этрианом?

— Главным образом это, — ответил чародей и продолжил путь, оставив короля стоять с выражением недоумения на физиономии.

Да, Непанта по-прежнему продолжает донимать его Этрианом, и ему становится все труднее хранить в тайне свои подозрения, связанные с событиями на востоке. Похоже, что взрыв неизбежен... Браги ей ничего не скажет. Он — политик и не станет ради Непанты рисковать дружбой с чародеем, который один может оказать ему помощь в виде Нерожденного.

Хорошо, если бы это было именно так.

Мгла вздохнула и попыталась стряхнуть овладевающую ею летаргическую дрему. Осторожно вытянув руку из-под Арала, она уселась на край кровати, свесив ноги. Дантис всхрапнул и перевернулся на живот. Принцесса бросила на молодого человека благодарный взгляд.

Все это было очень мило, пока продолжалось. Теперь же этому пришел конец. Бесповоротно. Вернувшись в Древний Хуанг-Тайн, она мгновенно окажется под неусыпным и очень внимательным наблюдением. Пройдет очень много времени, прежде чем она сможет принимать решения, не испросив предварительно одобрения у Совета тервола.

Она не питала никаких иллюзий по поводу того, какого рода власть она приобрела в результате переворота. Власть она получила, конечно, немалую, но она не шла ни в какое сравнение с тем могуществом, каким обладали ее отец и дядя во время Двойного Принципата. Она будет править, но ей придется делать все, чтобы не оскорбить тервола. Надо будет проявлять максимальную осторожность и устранять конкурентов только после тщательной подготовки. Пройдет не одно поколение, прежде чем ей удастся полностью укрепить свою власть.

Но и это случится только в том случае, если она сумеет благополучно пережить первый год. Мгла не сомневалась, что в Империи уже зреют новые заговоры.

До чего докатилась Империя? Бесконечные заговоры, постоянная грызня за власть. Во времена отца никто не слышал о заговорах. Он и его брат правили четыре сотни лет, а мятежей против них за все это время было меньше, чем за двадцать лет, промелькнувших с момента их гибели. Неужели это признак того, что Империя умирает? Гниет, несмотря на постоянный рост.

Мгла поднялась и, не одеваясь, присела за секретер, чтобы написать письмо королю.

Письмо получилось длинным. Повторив свои извинения, Мгла написала, что Браги за время изгнания был ее лучшим другом. В качестве жеста доверия к нему она оставляет своих детей в Кавелине.

Написав это, она улыбнулась. Хитроумная ведьма, кого ты хочешь обмануть? Браги тебя прекрасно знает. Он хорошо знает Шинсан и сразу поймет, что в Кавелине, в отличие от Империи, дети не станут заложниками твоей судьбы. Он догадается, что ты пытаешься защитить их от превратностей политики Империи Ужаса.

— Арал! Проснись. Время.

Арал сел, избегая смотреть ей в глаза; всем своим видом он напоминал получившего трепку щенка. Еще раньше молодой человек умолял ее взять его с собой и никак не мог взять в толк, почему это невозможно.

— Поднимайся, солдат! Одевайся! — шутливо приказала Мгла и сама начала одеваться.

Она решила, что первым делом надо будет позаботиться о создании для себя нового гардероба. Принцесса не может появляться в Древнем Хуанг-Тайне в одеянии кастеляна Майсака. И без этого ее длительное пребывание на западе и участие на стороне противника в Великих Восточных Войнах доставляет ей серьезные неприятности.

— Прошу тебя передать это письмо королю. Хорошо?

Арал в ответ пробормотал нечто невнятное. Мгла, на мгновение смилостивившись, наградила его поцелуем. Он тут же попытался увлечь ее в постель.

— Нет. Нет. Попытайся все понять, дорогой, — сказала Мгла отстраняясь. Подойдя к дверям, она произнесла: — Прощай, Арал.

Слова эти прозвучали более грустно, чем ей хотелось. Расставание не доставляло Мгле никакой радости.

Дочь Вартлоккура покоилась на его левой руке. Правой рукой чародей гладил пальцы Непанты. Он смотрел через окно на небо, в котором, выдерживая боевой строй, неслись на восток похожие на тяжелые серебряные галеоны облака.

— Похоже, что завтра будет дождь.

— Что случилось? — спросила Непанта. — Ты сегодня какой-то отстраненный.

Вартлоккур перевел взгляд на крошечную, красную мордочку ребенка.

— Ты еще не придумала, как ее назвать?

— Придумала. Только не знаю, понравится ли тебе. А ты ничего не придумал?

— Нет. Мысли были заняты другим.

— Заняты другим? Да ты постоянно пребываешь в таком состоянии. Все эти дни ты как будто живешь в другом мире. Что случилось?

— Неприятности.

— В этом месте постоянно происходят неприятности. В Форгреберге они размножаются так, как в других городах тараканы.

— Это неприятности короля.

— А у него постоянно неприятности. Что ты скажешь, если мы назовем дочь в честь твоей мамы?

— Мамы? Смирена? — Такая мысль ему в голову не приходила. — Смирена. Это имя не принесло ей счастья. — Его мать сожгли на костре за колдовство. — Не знаю.

Интересно, подозревает ли что-нибудь король? Разве можно сказать человеку, что добрая половина всех его неприятностей возникает по вине его собственной супруги? Это лучший способ восстановить его против себя. Чародея страшила мысль о том, что, рассердившись, Браги расскажет Непанте об Этриане.

А что, если это сделает Мгла? Она не сможет пройти мимо войны на востоке...

— Опять ты ушел в себя. Если не можешь поделиться с Браги, скажи Дерелу Пратаксису. Браги правильно воспримет все, что тот скажет.

— Да, это может помочь...

Но Вартлоккур подумывал о том, чтобы рассказать все Майклу Требилкоку, с которым у него всегда было отличное взаимопонимание. Кроме того, у Майкла есть возможность и полномочия что-то предпринять...

— Так как же насчет имени? — спросила Непанта. Ей хотелось услышать ответ до того, как сон окончательно ее сморит.

— Смирена — прекрасно. Мама была бы очень довольна. — Он бросил взгляд в небо, где уже проплывали облачные замки, затем посмотрел на ребенка и сказал:

— Итак, ты Смирена. Привет, маленькая Смирена!

Отцу показалось, что дочь ответила ему улыбкой.

ГЛАВА 13

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Судьбы богов и императоров

Ших-кай, хромая, преодолел последние ступени лестницы, ведущей на вершину городской стены Лиаонтунга. Пан-ку, готовый в случае необходимости подхватить командующего, отставал от него не более чем на полшага. Предложить помощь хозяину он не решался.

Ших-кай облокотился на парапет и улыбнулся. Пан-ку не стоило так волноваться. Командующий просто устал, и его беспокоила старая мозоль.

Все пространство за стеной кишело беженцами. В их толпу вливались жители города. Общая атмосфера была близка к тотальной панике, и Ших-каю оставалось надеяться, что это не захватит легионы, хотя он сам был близок к тому, чтобы запаниковать. Катастрофа на Тусгусе

значила больше, чем прорыв фронта. Она посеяла в душе Ших-кая и его офицеров сомнения в возможности победы над Избавителем.

— Как ты считаешь, Пан-ку? Я принял правильное решение? — спросил командующий, устремив взгляд на восток. Где-то там, в лесах, Северная Армия атаковала противника.

— У вас не оставалось выбора, господин. Наши люди могли окончательно потерять уверенность.

— А что, если произойдет еще одна катастрофа?

— Об этом лучше узнать сразу. Следует выяснить, был ли это случайный инцидент или нет.

Ших-кай так до конца и не понял, что случилось на Тусгусе. Из пасти медведицы раздался ужасный, громовой звук, потрясший умы и сокрушивший волю легионеров... Ничего подобного он раньше не слышал. Его сердце наполнял ужас даже при мысли о том, что ему снова доведется этот звук услышать. Оснащенного таким оружием Избавителя остановить невозможно.

Скорее всего это было то таинственное существо из пустыни.

— Господин, — негромко сказал Пан-ку. — Приближается лорд Лун-ю.

Ших-кай с интересом наблюдал, как Таси-Феног сражается со ступенями. Похоже, что у лорда Лун-ю энергии осталось даже меньше, чем у его командующего.

— Вначале отдышитесь.

— Последние гражданские лица покинули город, — доложил Таси-Феног. — Могут возникнуть некоторые проблемы. Часть пленных, воспользовавшись неразберихой, сумела бежать.

— Это можно было предположить. Все же мы существенно снизили риск. Какие вести оттуда? — Он показал на восток.

— Рано делать окончательные выводы, лорд. Однако, кажется, они держатся отлично.

— Никаких признаков тех сложностей, с которыми мы столкнулись на Тусгусе?

— Ни малейших, — ответил Таси-Феног, даже не пытаясь скрыть своего облегчения. — Может быть, они приберегают это для Лиаонтунга?

— Возможно. — Ших-кая имел кое-какие соображения на этот счет. Надо будет их проверить... Впрочем, следует повременить до тех пор, пока окончательно не прояснятся намерения Избавителя.

Ших-кай слишком нервничал для того, чтобы стоять спокойно. Переминаясь с ноги на ногу, он обратил лицо к небу и заметил:

— Прекрасный день, не так ли?

День действительно был великолепным.

— Все лето было прекрасным, лорд, — ответил Таси-Фенг, также обозревая небеса.

Приходу Избавителя обычно предшествовало появление драконов. Да, легионы утратили уверенность. Шинсан стал опасаться очередной катастрофы.

Чуть позже появился один из офицеров Таси-Фенга и доложил:

— Операция закончилась успешно, лорд. Никаких проявлений того, что случилось на Тусгусе. Мы одержали важную тактическую победу.

Ших-кай стукнул кулаком по парапету, широко улыбаясь под своей маской.

— Будь я проклят! — негромко произнес он. — Будь я проклят, лорд Лун-ю. Мы их все-таки остановим!

Солдаты Северной Армии быстрым маршем проходили через городские ворота. Радость победителей оказалась заразительной.

— Они теряют дисциплину, — пробормотал Ших-кай, обращаясь к Пан-ку.

— Можно сказать, что для этого у них есть основания, лорд.

— Вне сомнения. Вне сомнения. — Ших-кай и сам был на седьмом небе от радости. К нему окончательно вернулась уверенность. — Мы их здесь остановим, — заявил командующий.

Появился посыльный.

— Лорд Лун-ю убедительно просит вас, лорд Ссу-ма, пожаловать в командный центр.

— Он сообщил, с какой целью?

— Никак нет, лорд.

— Передай, что я скоро буду. — Когда посыльный ушел, Ших-кай спросил: — У тебя, Пан-ку, есть какие-нибудь идеи на сей счет?

— Они наблюдали за событиями на южном фронте, лорд. Наверное, там что-то случилось.

Да случилось. Резервные армии лорда Куо предприняли контрнаступление. Но это случилось уже давно. Неужели Матаянга сумела заготовить собственный сюрприз?

Ших-кай посмотрел на небольшую группу кружащих над городом драконов. Осада вот-вот должна начаться.

Он это предвидел. Лиаонтунг или станет той скалой, о которую разобьется орда Избавителя, или превратится в место последнего сражения лорда Ссу-ма Ших-кая. Он посадил людей разрабатывать стратегию на тот случай, если город падет, но те явно работали с прохладцей. Район к западу от Лиаонтунга был заполонен беженцами. Их было настолько много, что вывести их дальше не представлялось возможным. В случае падения крепости эти люди неизбежно пополнят войско нежитей.

Судьба Ших-кая, судьба Избавителя, а, возможно, и всей Империи зависит от того, сможет ли выстоять этот древний город-крепость.

В командном центре собрались все старшие тервола. Их негромкий разговор мгновенно смолк, едва Ших-кай переступил порог.

— Опять политика, господин, — прошептал Пан-ку.

— Я это подозревал.

Тервола, потеснившись, освободили для него место за столом с большой картой Империи. В последнее время он и весь его штаб внимательно следили за тем, как идут дела на южном фронте. События там могли повлиять на развитие событий на восточном театре военных действий. С первого взгляда положение на юге не изменилось.

— В чем дело? — поинтересовался командующий.

— Не могли бы мы поговорить без свидетелей? — спросил Таси-Фенг.

Ших-кай взглянул в драгоценные кристаллы глаз на маске Таси-Фенга и в свою очередь задал вопрос:

— Произошла смена караула, не так ли?

— Да, лорд.

— Ну и о чем здесь толковать? Ничего не изменилось. У нас здесь дел по горло. Драконы Избавителя уже кружат над городом.

— Лорд...

— Ваши игры — это ваши игры. У нас же здесь не игры, а настоящая работа. Не стоит от нее отвлекаться. Если ваш претендент восторжествовал, а я ему не по нутру, то он может смело отправлять меня назад в мой родной Четвертый Показательный.

— Лорд, мы всего лишь хотели поставить вас в известность о том, что происходит. Это никоим образом не отражается на наших делах.

— В таком случае вы мне уже все сказали. Теперь к работе. Избавитель на подходе.

— Как прикажете, лорд. — Таси-Фенг кивнул сидящим за столом, и тервола оставили помещение.

— Я буду на стене ждать его появления, — сказал Ших-кай. — И пока я командующий, я больше не желаю слышать о политике. Вам ясно?

— Как прикажете, лорд, — с легким поклоном произнес Таси-Фенг. — Мы вполне удовлетворены.

Когда Ших-кай поднялся на стену, вокруг города уже бродили патрули из войска Избавителя.

— Как думаешь, Пан-ку? Может быть, стоит учинить вылазку?

Пан-ку в ответ лишь пожал плечами.

— Нет. Конечно, нет, — сам ответил на свой вопрос Ших-кай. — Они почти дозрели. Пусть приходят к нам. — Патрульные противника были похожи на настоящих мертвецов. — Время работает на нас. Еще неделя — и у него вообще никого не останется.

Часы шли за часами. Солнце скрылось за горизонтом, и на небо выползла луна. Ших-кай оставался на стене, наблюдая за осаждающими, которые не разбивали палаток и не разводили костров. Нежити стояли как истуканы, окружив город.

— Что он попытается предпринять на сей раз?

— Что-нибудь вроде того звука, господин. Использует его, чтобы разрушить стены.

— Я тоже так считаю. Но мы лишим его этой возможности.

— Каким образом, господин?

— Хсу Шен...

— Кто-то идет, господин, — произнес Пан-ку, указывая в темноту.

В их сторону двигалась какая-то фигура, перебегая от одного пятна тени к другому. Пан-ку обнажил свой длинноющий меч. Ших-кай пустил в ход магические сверхчувства тервола, но опасности не ощутил.

— Спокойно. Мне кажется, что это друг.

Но Пан-ку не успокоился. Спокойствие вообще было не в его характере.

По мере приближения к ним фигура передвигалась все медленнее.

— Ну-ка, спрячь свой меч, Пан-ку, — фыркнув от изумления, приказал Ших-кай.

На сей раз ординарец повиновался. Впрочем, весьма неохотно.

Ночной гость был в одеянии тервола, но без маски. В лунном свете было хорошо видно худое, аристократическое лицо, на котором читалось утомление и страх.

— Лорд Ссу-ма...

— Лорд Куо.

— Мне пришлось пережить превратности судьбы.

— Я слышал об этом, — ответил Ших-кай, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Он не хотел никоим образом участвовать в грязных политических играх, столь популярных в Шинсане. Ших-кай стремился просто хорошо делать свое дело. В то же время командующий понимал, что он в долгу перед этим человеком. Куо дал ему возможность командовать армией.

— Мы изо всех сил старались в эти дела не встревать.

— В каком положении армия? Очень плохо?

— Сегодня положение, пожалуй, выглядят получше. — Он объяснил ситуацию, и Куо внимательно слушал, молча кивая.

— Что привело вас ко мне? — наконец спросил Ших-кай.

— Мне просто больше некуда идти, — ответил Куо, не желая прямо спросить о помощи.

— Хм... Мои офицеры не входят в число ваших друзей.

— В этом виноват только я сам.

— В этой ситуации я мало что смогу сделать.

— Понимаю.

— Есть остров, на котором сейчас находится Хсу Шен, — вмешался Пан-ку.

— Да, конечно. И мы туда собирались отправиться, не так ли? Лорд, я могу укрыть вас на востоке на острове Праккии. Пан-ку, Хсу Шен, насколько я понимаю, не вступал с нами в контакт и не мог узнать об успехе заговорщиков.

— Думаю, что не мог, господин.

Ших-кай делал все возможное, чтобы скрыть пребывание Хсу Шена на острове в надежде на то, что Избавитель его не заметит.

— Хорошо. Отправляемся немедленно. Пан-ку, найди маску для господина. Я видел несколько штук в старом музее Семнадцатого легиона.

— Пожалуй, мне лучше переодеться в обычную солдатскую униформу, — сказал Куо.

— Отличная идея. Пан-ку, собери все, что необходимо декуриону. Униформа должна быть со знаками различия Северной Армии.

Позже, уже в помещении штаба, Ших-кай попытался оценить полученный результат.

— Что скажешь, Пан-ку? — спросил он.

— Надо бы поменьше задирать нос. Солдат не должен держаться так, будто ждет, что Кандидаты начнут устилать его путь розами.

— Понимаю, — протянул Вен-чин. — Потренируй меня.

Ших-кай внимательно следил за часами. Ночь заканчивалась. Рассвет на острове наступит раньше, чем здесь. Командующий хотел добраться туда еще до восхода солнца. Это желание Ших-кай объяснил следующим образом:

— Хсу Шен и его люди должны привыкнуть к вам до того, как утро высветит ваши небольшие промахи. — Бросив опытный взгляд на вещевой мешок лорда Куо, Ших-

кай спросил: — Маска и мантия, надеюсь, на самом дне? Хорошо. А твой мешок, Пан-ку, готов?

Каждому из них придется взять по солдатскому мешку, чтобы лорд Куо не вызывал подозрения. Позже они оставят свои пожитки на острове с бывшим правителем Шинсана.

Ших-кай, будучи человеком беспокойным, все время задавал себе вопросы. Как долго он сможет хранить тайну пребывания Куо? Да, он в долгу перед этим человеком. Но насколько велик этот долг? Враги Вен-чина не станут рассматривать их отношения как личное дело.

Кроме того, следовало придумать для лорда Куо еще одну легенду прикрытия. На тот случай, если Хсу Шен начнет что-то подозревать. То, что посетитель острова — тервола, бесконечно скрывать не удастся. Может, выдать лорда за специального инспектора? В этом есть резон.

— Думаю, что большего за столь краткий урок нам с лордом не добиться, — объявил Пан-ку.

— В таком случае отправляемся в портал. А вас, лорд, прошу ничего не говорить без крайней на то необходимости. В лучшем случае они вообще не обратят на вас внимания. Пан-ку, ты идешь первым. Отвлеки их там чем-нибудь.

— Я постараюсь быть незаметным, — сказал лорд Куо. Вся ситуация его, видимо, весьма занимала.

Ших-каю оставалось лишь надеяться, что он понапрасну волнуется. Кто станет искать лорда Куо? Все считали, что лорд погиб во время нападения на его штаб.

У входа в портал со стороны Лиаонтунга все прошло в лучшем виде. Хотя Ших-кая провожали в путь несколько старших тервола, никто не удивился тому, что командующий прихватил себе в помощники еще одного из своих людей.

Ших-кай прошел через портал последним. Вступив на остров, он увидел, как навстречу ему мчится Хсу Шен, пытаясь на бегу привести в порядок свое обмундирование.

— Лорд, — задыхаясь, выдавил он, — вам следовало бы нас предупредить, чтобы мы могли обеспечить вам более достойный прием.

— Прием сейчас — не самое главное, Хсу Шен. Вам не стоило из-за меня прерывать свой сон.

— Но...

— Обойдемся без дискуссий. Настало время попытать счастья с каменным зверем. Они добрались до Лиаонтунга, и мы не хотим им позволить повторить то, что они сделали на Тусгусе.

Хсу Шен понимающе кивнул.

— Мы подбирались к нему настолько близко, насколько могли осмелиться. Он в ярости из-за того, что его предали слуги.

— Хм... А нельзя ли, воспользовавшись этим, поставить его себе на службу? Пожалуй, нет... Такой союзник нам ни к чему. Удалось ли вам обнаружить у него слабые места?

— Вы уже завтракали, лорд? Если нет, то мы могли бы обсудить все за столом.

— Прекрасно. Мы провели всю ночь на ногах, а с прошлого полудня у нас во рту не было ни крошки.

За завтраком Хсу Шен сказал:

— Мы следили за тем, что случилось как перед битвой на Тусгусе, так и после нее.

Хсу Шен рассказал, как женщина в белом вначале брала божка с собой а потом вернула его на место.

— Отлично, — сказал Хсу Шен. — Я высоко ценю ваши усилия и запомню их. Насколько опасен идол в настоящее время? Способен ли он нас остановить?

— Не знаю, лорд. Когда женщина забирала божка, тот казался счастливым и не пытался возражать. Когда же она привезла его обратно, божок был без сознания. Очнулся он в ярости.

— А как сейчас?

— Я бы назвал его состояние дремотным гневом. Да, именно так. Он затаил ярость. Однако мы слишком далеко от него, чтобы быть до конца уверенными.

— Понимаю, — сказал Ших-кай и, помолчав некоторое время, добавил: — Мы навестим его ночью. А сейчас мне, пожалуй, стоит отдохнуть.

— Этой ночью? Прекрасно. У нас достаточно времени для подготовки. Я пошлю туда несколько человек, чтобы установить портал.

— Хорошо. Но действуйте осторожно, так чтобы его не потревожить. И разбудите меня, если божок разволнуется.

— Как прикажете, лорд.

Ших-кай удалился в спешно подготовленное для него помещение. Пан-ку и лорд Куо последовали за ним.

— Этот монстр... — начал лорд Куо, усевшись на стул. — Это его присутствие я ощутил еще тогда?

Ших-кай утвердительно кивнул.

— Что вы собираетесь с ним сделать, после того, как вытащите из каменного гнезда? — спросил Куо.

— Когда настанет время, я рассмотрю все возможные варианты.

— Они обратили на меня внимание? Я так волновался, что ничего не замечал.

— Нет. Давайте поспим. Я уже давно не смыкал глаз.

Разбудил Ших-кая сам Хсу Шен.

— Солнце садится, лорд. Я разместил группу в миле от идола. Людям пришлось тяжко. Жара там невыносимая.

«Так же, как и ты временами», — подумал Ших-кай, а вслух произнес:

— Прежде чем отправиться, стоит поужинать.

— Ужин готов. Если позволите, я прикажу его подать.

— Дайте нам время для свершения ритуала.

— Хорошо, лорд. — Хсу Шен, казалось, был немало изумлен.

— Да, да. Я все еще его совершаю. Ни один из нас не может стать выше этого, Хсу Шен.

Пан-ку стремительно вошел в помещение, когда Ших-кай уже завершал ритуальное действо.

— Где ты был?

— Разнюхивал, господин. Хотел узнать, идут ли какие-нибудь разговоры о нашем друге.

— Ну и?

— Ничего. Кроме того, если бы у них были вопросы относительно вас, лорд, то они бы ко мне обратились.

— Прекрасно. Вы удовлетворены, лорд Куо?

— Бесконечно удовлетворен.

— Пан-ку, не исключено, что нам придется бежать, если наш рейд провалится. Приготовься. В любом случае, ты будешь последним, кто покинет остров.

— Это — отличное место для укрытия, — заметил Куо.

— Послушайте, лорд. Я далек от политики. Не надо меня втягивать в нее.

— Вы и без того сделали гораздо больше, чем я заслуживаю. Я ни за что не подвергну вас опасности.

— Благодарю вас. Пан-ку, время ужинать.

Ших-кай первым прошел через тоннель перехода. Люди Хсу Шена, шагая по одному в портал, вскоре оказались в уже успевшей охладиться пустыне. Все говорило о том, что им предстоит работать ночью на холоде.

Ших-кай, подготовив охранительные заклинания, уселся на гребне песчаной дюны. Перед ним на фоне темного неба еще более темной массой маячил каменный монстр. Скрытое в чреве идола создание спало. Прибытие отряда его не потревожило.

Хсу Шен сел рядом с командующим и сказал:

— Мы пойдем между передними лапами. Там, в глубине, есть лестница, ведущая на спину. Наверху у плеча изваяния есть подвижный каменный блок. Что-то вроде затычки. Ее можно извлечь. Не знаю, что там внутри. Я не посмел продолжить исследование.

Ших-кай понимающе кивнул и сказал:

— Я требую полнейшей тишины после того, как мы двинемся. Не думаю, что он слышит или видит, как простой смертный, но рисковать не хочу. Хотелось бы знать о нем немного больше, — закончил он.

К ним подошли солдаты, и Хсу Шен выстроил их в боевую линию. Ших-кай все время задавал себе вопрос: с какой стати он решил привлечь к операции такое количество людей? Численность войска этой ночью не имела никакого значения.

— Вперед, — приказал он, преодолевая возникшее где-то в желудке чувство страха.

«Что мне здесь понадобилось, — думал он. — Я же командую армией, и считается, что для меня все это должны делать другие люди».

Лорд Куо оставался рядом с ним. Он тоже подготовил боевые заклинания. Пан-ку извлек из ножен свой длинный меч.

Ших-кай смеялся в глубине души, глядя на себя. Ничтожный и наглый смертный, нападающий на существо, которое может быть богом. Ну и храбрец!

Луна еще не взошла, и лишь звезды освещали пустыню. Казалось, что их здесь гораздо больше, чем в небе над Шинсаном. Несмотря на это ночь здесь была значительно темнее, чем в Империи.

Ших-кай шагнул во тьму между передними лапами, тщательно выбирая путь среди каменных обломков. Через несколько шагов он остановился и, чтобы лучше разглядеть, встал на колени. Вода. А сквозь каменные завалы здесь и там отчаянно продирались к жизни какие-то растения. Любопытно.

Лишь с большим трудом ему удалось найти лестницу. Ее основание было скрыто под обломками. Летели секунды, и сердце в его груди колотилось все чаще и чаще. Существо уже должно знать, что он здесь. Оно поджидает, когда он угодит в ловушку... Однако его чувства тервола не улавливали ничего, кроме приглушенного сном гнева.

Ших-кай начал взбираться по ступеням. Пан-ку и лорд Куо карабкались следом. Откуда-то сзади донесся шепот Хсу Шена:

— Лорд, следует ли этим людям...

— Молчать! — прошипел Ших-кай и прислушался. Божок не шевельнулся. — Они идут с нами, — бросил командующий и возобновил подъем.

Со спины зверя он увидел выстроившихся внизу солдат и снова спросил себя, какой смысл в их присутствии. Неужели они здесь лишь для того, чтобы командующий не так боялся?

Хсу Шен, оказавшись за его спиной, нащупал камень на разбитом прямым попаданием стрелы плече зверя и вытащил его из гнезда. Ших-кай, ощутив, как шевельнулся божок, предостерегающе поднял палец.

Пан-ку и Вен-чин несли фонари. Теперь они их зажгли. Ших-кай взял один из фонарей и заглянул в каменное сердце зверя. Божок снова шевельнулся, но не проснулся.

В глубине камня была вырублена камера размером примерно десять на пятнадцать футов. У одной из ее стен нахо-

дился каменный алтарь, на котором стоял небольшой черный ларец.

Когда-то святилище имело роскошное убранство. Теперь же в нем остались лишь пыль, мусор, обломки, кое-какое церемониальное оружие и сам алтарь. Ших-кай, осторожно спустившись в камеру, склонился над алтарем и вгляделся в ларец. Затем он передал фонарь Пан-ку.

В шкатулке он не ощутил ничего, кроме некоторого беспокойства. Ших-кай протянул к ней руку. Рука дрожала.

Хсу Шен вдруг чихнул. И тут же чихнул еще раз.

Находящееся в ларце нечто зашевелилось.

Ших-кай осторожно поднял шкатулку и скользящим шагом направился к лестнице.

Пан-ку чихнул и негромко выругался. Командующий недовольно скривился под своей маской. Медленно, очень медленно он начал подниматься по ступенькам.

Теперь разразился чихом лорд Куо. «Похоже, что это заразно», — подумал Ших-кай и почувствовал, как у него засвербило в носу... Тервола попытался справиться с чихом, но у него ничего не получилось. Он мгновенно взлетел по ступеням и сунул свой груз Пан-ку, который к этому времени усмирил свой нос, прижав к нему ладонь. Ших-кай сорвал маску и стал ждать, когда закончится приступ.

Бог в коробке, похоже, снова заснул.

— Да, мы были на грани, — пробормотал Ших-кай.

— Что теперь, лорд? — спросил Хсу Шен.

— Назад на остров. Мы придавим ларец чем-нибудь тяжелым, сотворим заклятие, погрузим божка на одну из лодок и отправим в море. Он попадет в шторм и утонет.

Выражая согласие, Хсу Шен кивнул, взял у лорда Куо фонарь и дал сигнал своим солдатам. Те начали отход, и к тому времени, когда Ших-кай добрался до портала, большая часть уже эвакуировалась.

— Я пойду последним, — сказал он. — На всякий случай. — Божок все еще не просыпался. — К моему появлению все должно быть готово. Хсу Шен, сейчас отправляетесь вы. Подготовьте лодку и начинайте отправлять людей в Лиаонтунг.

— Как прикажете, лорд.

Шли минуты. Вскоре у портала не осталось никого, кроме Пан-ку, лорда Куо и самого командующего.

— Лорд, — сказал Ших-кай. — Я даю вам несколько минут, прежде чем начну переход. Подготовьтесь на всякий случай к отражению атаки. В тоннеле перехода оно может проснуться.

Вен-чин кивнул и исчез в портале.

— Отправляйся, Пан-ку.

— Господин...

— Я буду с тобой через несколько минут.

— Ваша воля, господин, — недовольно буркнул Пан-ку и шагнул в портал.

Ших-кай посмотрел на ларец. Как поступит божок? Переход наверняка его разбудит. Удастся ли удержать его под контролем достаточно долго, чтобы удалось загрузить его в лодку? Насколько могущественно это существо?

Ших-кай выждал пять минут. Прежде чем уйти в переход, он настроил портал на саморазрушение. Теперь никто не сможет вернуть божка в пустыню, если тот умеет подчинять себе людей так, как подчиняет мертвецов. Набрав полную грудь воздуха, командующий шагнул в портал.

Божок проснулся в тот момент, когда Ших-кай оказался на острове. В голове Ших-кая словно вспыхнула мощная молния, и он едва удержался на ногах.

— Так это ты! — взревело создание. Ших-кай застонал. Ярость божка несла больший энергетический заряд, чем мог ожидать тервола. Злобные, жадные щупальца поползли ему в душу, постепенно овладевая им...

Однако Ссу-ма Ших-кай был упрям. Он повернулся и отшвырнул ларец, и тот заскользил по полу. Лорд Куо метнул в него огненный заряд, который однако не причинил божку ни малейшего вреда. Ших-кай прыгнул вслед за шкатулкой и хватил по ней что было силы кулаком. Ларец полетел дальше и через мгновение исчез в пульсирующем проеме портала.

Угрожающий рев в голове Ших-кая мгновенно стих.

К нему подбежал Пан-ку.

— Вы не пострадали, господин?

Ших-кай позволил ординарцу помочь ему подняться на ноги.

— Кажется, Пан-ку, что я пока еще жив. Но боюсь, что вот-вот помру. Он едва не овладел моей душой, — сказал командующий.

К ним подскочил Хсу Шен.

— Что случилось? — возопил он.

— Оно проснулось, — пояснил лорд Куо. — Милорд швырнул его обратно в портал.

— О! Только не это! Неужели он вернулся в пустыню? Что же делать?

Дыхание вернулось к Ших-каю, и он смог произнести:

— Нет. Не в пустыню. Забудьте о лодке, Хсу Шен. Божок попал в пространство перехода. В нашем мире его больше нет. Позвольте мне немного отдохнуть, прежде чем я вернусь в Лиаонтунг. Здесь нам делать больше нечего.

Командующий повернулся и, поддерживаемый Пан-ку, зашагал прочь. Но в этот момент воздух заколебался, и из портала выступил человек.

— Лорд! — окликнул он.

Ших-кай обернулся.

— Лорд Лун-ю? Вы здесь?

— Принцесса Мгла прибыла в Лиаонтунг, лорд. Я решил, что вы могли пожелать узнать это. — Таси-Фенг, не совсем понимая, что происходит, удивленно крутил головой. Лорд Куо изо всех сил старался остаться незамеченным.

— Хорошо, — вздохнув, произнес Ших-кай. — Я прибуду незамедлительно. Пан-ку, пошли собирать наши пожитки. Хсу Шен, эвакуируйте всех остальных.

До отбытия Таси-Фенга лорд Куо держался в стороне от Ших-кая.

— Пан-ку, — сказал командующий, направляясь к своим покоям, — мне кажется, что я постарел на сто лет.

Делегация пребывающих в нервном возбуждении тервола ожидала их у самого портала перехода.

— Лорд Ши-Мин развлекает принцессу, — сходу объявил ему Таси-Фенг.

— Что это за шум? — поинтересовался Ших-кай.

— Беспокоящие действия противника, лорд, — ответил Таси-Фенг.

— Передайте даме, что я появлюсь у нее, как только ознакомлюсь с положением.

— Лорд...

— Вы слышали, что я сказал. Лорд Лун-ю, пройдите со мной. Воспроизведите с максимальной точностью все, что она говорила, — распорядился он и направился к верхней галерее древнейшей части крепости в сердце Лиаонтунга. Оттуда можно было увидеть не только большую часть города, но пространство за его стенами. За ними по пятам тащился Пан-ку.

— Когда-то здесь был монастырь, — сказал Таси-Фенг.

— Вот как? Очень интересно. Но текущие события меня интересуют значительно больше. Какая ситуация сложилась на южном театре — в войне с Матаянгой?

— Создается впечатление, что ситуация под контролем. Лорд Куо сумел нанести сокрушительный удар перед тем как... перед тем...

— Понимаю. Она сказала, что хочет от нас?

— Хочет познакомиться с нашим положением. Резервы армии исчерпаны, и если на одном из фронтов дела пойдут не так, нам придется оставить западные провинции.

Ших-кай высунулся в окно и посмотрел на ночное небо, в котором кружили драконы.

— Худшее мы здесь пережили. Нам удалось покончить с их божком. Краха, подобного краху на Тусгусе, больше не будет. Чем они сейчас заняты?

— Подготовкой к штурму, лорд.

— Штурму? Но это же безумие. У них нет на это сил.

— У них не хватало сил и на Тусгусе, лорд.

— Тоже верно. Однако они лишились того оружия, которым располагали там. Когда они, по вашему мнению, начнут? — спросил, вглядываясь в темноту, Ших-кай.

— Если исходить из прошлого опыта, то не раньше, чем через несколько дней, — пожал плечами Таси-Фенг.

— Не стоит полагаться на прошлый опыт. Избавитель тоже извлекает уроки. Проклятие. Как мне хочется, чтобы он попал в мои руки.

За их спинами раздался быстрый шорох. Ших-кай оглянулся.

— Всего лишь мышь, лорд, — пояснил Пан-ку. — Очень странная мышь, правда. Сидела, уставившись на вас.

— Теперь пойдем выясним, что на уме у этой девицы, — сказал Ших-кай.

— Лорд...

— Не беспокойтесь. Я буду вести себя прилично. Мне моя работа нравится не меньше, чем вам ваша.

Ших-кай до этого дважды встречался с Мглой. Это было во время ее предыдущего правления. Во время этих встреч ему казалось, что при первом взгляде на эту женщину он получает оглушающий удар по голове. И на сей раз эффект оказался таким же, несмотря на то, что Ших-кай заранее попытался взять себя в руки. Невозможно поверить, что подобной красотой может обладать человеческое существо. Невозможно представить, что эта женщина была дочерью этого отвратительного старого безумца принца-демона.

Когда он вошел в небольшую палату, где собрался весь двор, Мгла поднялась ему навстречу. Командиры легионов отвесили поклоны, а принцесса протянула руку. Так как Ших-кай никогда формально не представлялся ни одному из властителей Шинсана, он не знал, как следует поступить. Он не стал целовать руку, а ограничился легким поклоном, который по уставу положено отвешивать вышестоящему командиру. Женщина, казалось, была этим удовлетворена.

— Лорд Ссу-ма...

— Счастлив встретиться с вами, принцесса.

— Я тоже очень рада нашей встрече, лорд. — Она села в кресло (справа от нее замер совершенно сраженный ее красотой лорд Ши-Мин) и продолжила: — Я очень внимательно следила за тем, как развивается ваша кампания.

— Умоляю о снисхождении, госпожа, — сделав еще один поклон, сказал Ших-кай. — Я очень старался, но я всего лишь сын бедного свинопаса. — Тон, которым это было произнесено, совсем не соответствовал смыслу слов. Слова оставались лишь пустой формальностью.

— Никакого снисхождения не требуется, лорд Ссума. Даже великие лорды Ву или Чин не могли бы сделать больше.

Удивленный Ших-кай внимательно посмотрел на своих собратьев. Они стояли молча, выражения их лиц под масками угадать было невозможно. Что случилось? Неужели они все высказались в пользу сына свинопаса?

— Я вам полностью доверяю, — продолжала женщина. — А прибыла я не для того, чтобы вмешиваться в ваши действия, а лишь для того, чтобы лучше ознакомиться с обстановкой. Для Империи наступило время испытаний.

Ших-кай ответил не сразу, и возникшую паузу заполнил Таси-Фенг.

— Лорд Лун-ю, госпожа, — представился он. — Командир Семнадцатого.

— Я помню этот легион с тех пор, когда им командовал лорд Ву, — сказала принцесса.

— Эти дни давно ушли. Так же, как и лорд Ву.

— Да. Ушел, прощен и забыт.

— Благодарю вас, госпожа. Есть проблема, в решении которой вы могли бы нам очень помочь. У Избавителя есть союзница, обладающая огромным могуществом. Справиться с ней мы не в силах. Если говорить без обиняков, то вы могли бы противопоставить ее Силе свою.

Пришедший в себя Ших-кай добавил:

— По мнению моих офицеров, госпожа, она почти так же могущественна, как и вы.

— Женщина служит источником силы для Избавителя?

— Одним из источников. У него был еще один источник — древний божок, обосновавшийся на востоке пустыни. Этим вечером тервола по имени Хсу Шен и я его уничтожили. Избавитель и его женщина остались без поддержки.

— Сейчас они у города?

— Да, госпожа.

— Пойдем посмотрим.

Ших-кай поклонился. Весь его штаб двинулся вслед за ними.

— А вас, господа, я прошу вернуться к делам. Впрочем, постойте. Скажите, лорд Ши-Мин, городские зернохранилища действительно полны?

— Да, госпожа, — не скрывая удивления, ответил лорд.

— Это место кишит мышами. С ними надо что-то делать, если вы ожидаете длительную осаду.

— Хорошо, госпожа.

— Осада не будет долгой, — негромко произнес Ших-кай. — Они почти исчерпали свои силы. Избавитель, думаю, готовит нам новый сюрприз.

Мгла обернулась и многозначительно посмотрела на Пан-ку. Однако декурион не испугался.

— Пан-ку — моя постоянная тень, — пояснил Ших-кай.

— Как вам угодно.

Десять минут спустя, в тот момент, когда они приближались к северной стене города, Ших-кай услышал позади себя шум какой-то возни, а затем до него донесся глухой звук, который обычно бывает при ударе тела о тело. Обернувшись, он увидел, как Пан-ку отрывает от себя огромную собаку. Из груди животного торчала рукоятка кинжала. Собака еще некоторое время визжала, извиваясь, а потом затихла. Пан-ку извлек из тела пса клинок, а затем аккуратно отделил голову и лапы от туловища.

— Как ты, Пан-ку?

— Я в полном порядке, господин. Собака не смогла укусить меня через доспехи.

— Что случилось?

— Бросилась из темноты прямо на вас, господин.

— Лежать! — взвизгнула Мгла, и Ших-кай на секунду потерял зрение, ослепленный яркой вспышкой. Когда к нему вернулась способность видеть, он узрел у своих ног еще одного пса. Левое плечо животного было сожжено до кости.

— Надо сделать все, чтобы не подпустить других, — сказала Мгла.

— Кажется, я начинаю догадываться, откуда нам ждать следующего удара, — сказал Ших-кай.

Он оказался прав. Подобные нападения происходили по всему городу.

— Ваши офицеры сообщили, что он испытывает сильную ненависть к Империи. Вы не знаете, почему?

— Не имею ни малейшего представления, госпожа. Мы не знаем, кто эти люди и откуда они появились. — Ших-кай двинулся дальше, бросив на ходу: — Следи внимательнее, Пан-ку. Они могут предпринять еще одну попытку.

С гребня стены они могли видеть женщину, стоявшую на вершине холмика, примерно в трети мили от города. Женщина в темноте светилась.

— Это она, — сказал Ших-кай принцессе.

Та, помолчав с минуту, сказала:

— Любопытно. Она не живая. В обычном смысле. В ней нет материальной субстанции. И в то же время эта особа существует.

— Там! — воскликнул Ших-кай, неожиданно почувствовав присутствие Избавителя. — Слева от нее.

Мгла посмотрела в указанном направлении и с трудом выдавила:

— Не может быть!

— Госпожа?..

Но она уже уходила. Ших-кай и Пан-ку пустились вдогонку.

— Держитесь, — сказала она. — Дайте мне по меньшей мере еще три дня. Кажется, что у меня найдется лекарство против вашего Избавителя.

Ших-кай услышал топот лап какого-то животного, но на сей раз из темноты никто не прыгнул.

— Я надеюсь на это, госпожа. Очень надеюсь.

ГЛАВА 14

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Посевы судьбы

Прошло несколько дней. Вартлоккур находился в доме Мглы. Он проверял, не оставила ли в Кавелине принцесса или ее друзья нежелательных подарков. Вошел король. Чародей удивился его появлению.

— Нашел чего-нибудь? — спросил Браги.

— Пару бездействующих порталов. Больше ничего.

— Сохрани один из них, чтобы она могла навещать своих детишек. Можно ли устроить так, чтобы через него к нам не ввалилась банда тервола?

— Я думаю установить охрану из демонов.

Король состроил недовольную гримасу.

— Я имею в виду одного. Большого формалиста. Всех, кроме Мглы, он погрузит в статическое состояние, а затем обратится за указаниями к своему начальству.

— Перестань. Я серьезно, — фыркнул король.

— И я серьезно. Такое создание действительно существует.

— Как насчет остальных порталов?

— Я их заткнул. Рейдачар сейчас разыскивает тоннели перехода за пределами дома.

— А как Майсак?

— Там все чисто. Мы работали там прошлой ночью. Нашли четыре портала.

— Полагаешь, она что-то задумывает?

— По-моему, она использовала их для связи во время заговора, — пожимая плечами, ответил Вартлоккур. — Но это не исключает того, что она не воспользуется ими позже, если мы их проморгаем.

— Как дочка?

— Превосходно. Непанта поднялась с постели и уже ходит гулять. Мы решили назвать девочку Смиреной.

— Странное имя.

— Не такое уж и редкое в прошлом. Так звали мою мать. Это Непанта придумала.

— А как с Этрианом? Узнал что-нибудь новенькое?

Вартлоккур вдруг ощутил, как в нем начал закипать беспричинный гнев. Он закрыл тему, прорычав:

— Я же сказал тебе, что не желаю об этом говорить. Не надо будить спящую собаку. Мне кажется, что я наконец сумел отвлечь Непанту от ее проклятых мыслей.

— У меня проблема, с которой мне без твоей помощи не справиться. Я говорю о детишках Мглы.

— Непанта как раз говорила о них утром. Они же дети ее брата. Мы освободим тебя от заботы о них, как только Непанта достаточно оправится и сможет ими заниматься.

Вартлоккура подобная перспектива совершенно не вдохновляла. Чародей полагал, что он слишком стар и слишком привык к спокойному образу жизни даже для того, чтобы правильно воспитывать Смирену. А теперь на его голову свалился целый выводок приемных племянников и племянниц.

— Каковы твои дальнейшие планы? Мне кажется, что я близок к разрешению этого кризиса.

— Но, согласись, что ты пригласил меня к себе вовсе не из-за кризиса. Ты, мой друг, затеял маленькую игру на востоке и победил. С этим делом покончено. Однако теперь ты опять должен обратиться к своим главным проблемам. А они у тебя очень серьезные. Ты использовал мятеж Мглы для того, чтобы на время отвлечься от них.

— Я и Майкл с Кавелином справимся. Больше всего меня по-прежнему беспокоит Шинсан.

«В таком случае ты глупец», — подумал Вартлоккур, но вслух этого не сказал.

— Сомневаюсь, — произнес он. — Что же, у меня здесь дел больше не осталось. Сейчас я отправляюсь к Непанте. Узнав, что я тебе больше не нужен, она тотчас начнет готовиться к путешествию. Непанта составляет длиннющий список того, что нам, по ее мнению, необходимо с собой отсюда увезти.

Он поднялся прежде, чем король смог рассердить его еще больше, чем уже рассердил.

Вартлоккур подумал о том, что стоит уговорить Непанту задержаться здесь еще на пару недель. Этого времени Майклу должно хватить для того, чтобы открыть королю глаза на стоящие перед ним реальные проблемы.

— Он ужинает с королевой, — сказал Дал Хаас. — Я не могу его беспокоить. А я думал, что вы на прошлой неделе вернулись в Шинсан.

— Так и было. Но теперь я вернулась сюда. Если ты не сообщишь королю обо мне немедленно, то я награжу тебя заклятием, которое сделает из тебя стерильного импотента. Я ясно выразилась? — Мгла устала, она была напугана и сердита.

— Хорошо. Пусть его гнев падет на вашу голову.

— Позволь мне беспокоиться о его гневе. А пока отнеси эту записку наверх.

Хаас вернулся через пять минут.

— Все в порядке, — сообщил он. — Король просит вас подняться.

Мгла отвернулась от зеркала, в котором себя изучала. Ей казалось, что она выглядит постаревшей по меньшей мере лет на десять. За эту неделю ей ни разу не удалось как следует выспаться. Когда она шагала через залы дворца за королевским адъютантом, ей казалось, что ноги ее стали тяжелее минимум в два раза.

Хаас провел Мглу в гостиную королевы. Там ее встретил король.

— Проходи. Тебе, похоже, крепко досталось, — сказал он, сопровождая гостью через все покои в столовую. — Возможно, невежливо так говорить, но выглядишь ты ужасно.

— Привет, Ингер.

— Привет, Мгла.

В столовой, казалось, стоял легкий мороз. Мгла пожала плечами и, обращаясь к Браги, сказала:

— Я чувствую себя отвратительно. Не могли ли вы накормить старую, усталую женщину? С того момента, как мы расстались, я питаюсь только на бегу. А со вчерашнего дня вообще ничего не ела.

— Ну конечно, — ответила Ингер. — Несмотря на то что королева всегда была с Мглой в натянутых отношениях, сейчас она являла собой воплощение заботливости. Ингер сделала знак рукой, и одна из прислуживающих за столом женщин вышла.

Мгла буквально упала на стул. Она заметила кое-какие изменения, но была слишком озабочена и несчастна, чтобы по-настоящему обратить на них внимание.

— Я совершенно обессилела.

— Новые сложности? — мрачно спросил король. — Какого дьявола ты вернулась? Надеюсь, они тебя еще не выгнали? Или как?

— Нет. Пока не выгнали. Нет. Но я пришла молить о помощи. Еще раз.

— Но с какой стати? Ты получила все, что хотела.

— Имеются кое-какие нюансы. Ведь мне в наследство достались и все сложности. Одной мне с ними не совладать.

Король уселся на стуле напротив ее. На его лице появились признаки сочувствия.

— Продолжай.

— Речь идет о наших проблемах на востоке. Я изучила ситуацию вблизи, и все оказалось гораздо хуже, чем можно было ожидать. Лорд Ссу-ма считал, что контролирует ситуацию, но... Браги, он оказался прижатым спиной к стене. Ему пришлось отойти на сотни миль к Лиаонтунгу — старинному городу-крепости. Дальше отступать невозможно. Лорд Ссу-ма намерен стоять до конца, имея в своем распоряжении лишь остатки Восточной и Северной Армий.

Браги, казалось, был немало изумлен.

— Ну и что? — сказал он. — Какое отношение это имеет ко мне?

— Потеря Лиаонтунга означает не только проигранное сражение. Мы потеряем не только Шинсан. Лорд Ссу-ма сражается за весь мир. Мир выживет или погибнет в зависимости от того, выстоит или рухнет Лиаонтунг.

— Вот как! — воскликнула Ингер. — Ты, Мгла, хватила через край. В твои фантазии поверить невозможно.

Мгла проигнорировала слова королевы. Она обращалась прямо к королю, хотя и отвечала на вполне предсказуемые сомнения Ингер.

— Браги, Лиаонтунг — последняя преграда на пути Избавителя к сердцу Империи. Последний рубеж на страже регионов, в которых плотность населения составляет тысячи человек на квадратную милю. Если Лиаонтунг падет, то ничто уже не удержит Избавителя от того, чтобы поглотить население целых провинций.

— Хорошо. Ты пробудила во мне любопытство. Теперь начни с начала. Я, правда, не понимаю, о чем ты толкуешь.

Мгла, вернувшись к истокам, рассказала о гениальной прозорливости лорда Куо, уловившего опасность в Восточной пустыне и направившего лорда Ссу-ма Ших-кая командовать Восточной Армией. Поначалу Мгла хотела да-

вать не всю информацию, но вскоре с удивлением обнаружила, что ее слова льются без всякого контроля. Она рассказала Браги все в мельчайших подробностях, включая недавнее посещение Лиаонтунга.

— Армии мертвецов? — бормотал Браги. — Неужели? — Казалось, что в своем отношении к рассказу он пребывал между ужасом и весельем. — И он ставит под свой контроль всех, кого они убьют?

— Именно. Более того, он способен контролировать и живых, если те не защищены. Хотя это и труднее. Животных — тоже.

— Мертвые восстали против живых. Тролледингская легенда о Драугах вдруг стала явью... Когда я был малышом, старики часто пугали ребятишек рассказами о мертвецах, которые спускаются с гор или выходят из моря, чтобы утащить тех, кто не слушается взрослых. Мертвецов называли Драугами, что значит Бродящие. Но то были лишь сказки для длинных зимних вечеров. — Браги закрыл глаза и довольно долго о чем-то думал. — Мгла... — наконец сказал он.

— Да?

— Ты так и не поведала, почему явилась ко мне. Ведь в твоем распоряжении лучшая в мире армия.

— Вся армия уже в боях. Но дело не в этом. Или, вернее, не только в этом. Покончив с Шинсаном, Избавитель придет за тобой.

— За мной? Я не понял: за мной лично или вообще в Кавелин?

— За тобой лично.

— Почему? Я, конечно, много людей уложил в могилу, но ни один из них до сих пор не проявлял такого горячего желания расквитаться со мной, чтобы оттуда выбраться.

— Озлобленность против тебя, Браги. Озлобленность. Вне всякого сомнения. Избавителя, темного военачальника мертвых ведет ненависть. Что-то настолько исказило его душу и извратило ум, что он стал одержим идеей мести. Мести Шинсану. Мести тебе. И все это потому, Браги, что имя Избавителя — Этриан. Избавитель — мой племянник. Он — твой крестник. Сын Непанты и Насмешника.

Принцесса ожидала, что весть эта произведет на него действие, схожее с ударом дубины. И она не ошиблась. Он хватал воздух широко открытым ртом, как извлеченная из воды рыба.

— Но... Но... — Браги тупо смотрел на Мглу, не в силах усвоить услышанное. Побледневшая королева в свою очередь взирала на супруга, прижав к губам трясущуюся руку. Браги явно пытался что-то сказать, но слова застревали у него в горле.

— Это — правда, Браги. Я готова дать любую клятву, которую ты пожелаешь. Мы не знаем, что или кто на востоке спас его от Праккии. Но все это время он находился там. Спасшее Этриана Нечто превратило мальчика в инструмент разрушения, сосуд ненависти, одарило его необыкновенным могуществом, а затем утратило над ним контроль. Я видела его в Лиаонтунге, Браги. Внешне он выглядит так, как и должен к этому времени выглядеть. Но внутри он уже не Этриан. Больше всего он напомнил мне внезапно утратившие разум стихийные силы природы.

Ингер что-то прокаркала. Браги издал стон и сказал:

— Я верю Мгле. Ты только взгляни на нее. Она до безумия напугана. Теперь понятно, почему Вартлоккур каждый раз вставал на дыбы, когда упоминалось имя Этриана. Он все знал.

Мгла призналась в своем страхе:

— Да, ты абсолютно прав. Я настолько испугана, что потеряла способность думать. Мне хочется просто убежать... Я жалею лишь о том, что не свалила все проблемы на лорда Куо. На подобное я не подряжалась. Ты представляешь, что история скажет обо мне, если я не смогу остановить Этриана? В том случае, если история продолжится.

— Теперь я вполне понимаю Вартлоккура, — задумчиво бормотал Браги.

— Что?

— Он все знал. Знал уже давно. После прибытия сюда он несколько раз упоминал об Этриане. Намекал, что тот, возможно, жив. Вел себя как человек, сражающийся со своей совестью. Теперь я вижу, почему он сказал, что ничего не расскажет Непанте, так как известие может убить ее. — Под-

нявшись со стула, король продолжил: — Он даже стал угрожать мне, когда я сказал, что Непанте следует знать о том, что Этриан, возможно, жив.

Мгла снова подняла глаза на Браги. Тот был бледен, как сама смерть и испуган не меньше, чем она. Король ей поверил. И это сняло с ее души — она не понимала почему — огромный груз. «Если страх разделить, то на каждого его приходится меньше», — думала Мгла, припоминая один из уроков, преподносимых молодым солдатам.

— Пойдем поговорим с ним, — сказал Браги.

— Нам потребуется его помощь, — заметила Мгла. — И, почти наверняка, помощь Непанты.

— Я бы не стал ждать от него помощи, — с недовольной миной произнес король. — Он полон решимости держать жену в неведении.

— Я выдам его. Все ей расскажу.

— Соблюдай крайнюю осторожность, когда станешь говорить. Вартлоккур весьма болезненно относится к этой теме. Он сказал, что перестанет поддерживать меня, если я посмею намекнуть об этом Непанте.

Ингер бросила на них изумленный взгляд. В ее глазах промелькнуло странное выражение. «Что за дьявол», — подумала Мгла. В иное время она использовала бы то, что заметила, в своих целях, но сейчас ей было не до этого. Сейчас следовало искать решение сложной дилеммы.

Королевский слуга принес еду, которую заказывала Мгла. Принцесса схватила самое большое блюдо и принялась на ходу руками заталкивать куски в рот, пока король вел ее продуваемыми насквозь коридорами и залами. Несколько вопросов о возможном местопребывании Вартлоккура привели их в небольшую библиотеку замка.

Когда они вошли, чародей поднял голову и посмотрел на них. Увидев ее лицо, он даже привстал, явно испугавшись, и сделал рукой знак, спасающий от дурного глаза.

Мгла обрушила на него свой рассказ еще до того, как чародей успел открыть рот. Испуг на его лице сменился отчаянием. Мгла не могла не понять, какая буря эмоций бушует в душе Вартлоккура. Ведь в даже самых отчаянных

обстоятельствах он умел с каменным выражением лица не выдавать своих чувств.

Но лицо чародея тут же посуровело.

— Хватит, женщина! — бросил он. — Отвечаю: нет! Я не притронусь к этому делу. Ищи другие пути.

— Но...

— Я не позволю Непанте увидеть, кем он стал. Она и так едва-едва обрела неустойчивое равновесие. Непанта думает, что сын умер. Так оставим Этриана покоиться в его могиле.

— Что ты ей скажешь, когда армия нежитей во главе с ее сыном доберется до этих мест? — спросил король.

— Мгла преувеличивает. Его войско распадется.

— Нет, это ты прячешь голову в песок! — вспыхнула Мгла. — Они справились с отборными частями, которые мы выставили на их пути. Вначале Избавитель совершал много ошибок — ведь он еще ребенок. Но он учится быстро. Он миновал свою низшую точку и теперь с каждым моментом будет становиться все сильнее и сильнее. Этого можно избежать лишь в том случае, если три или четыре человека, сохранившие остатки эмоциональной связи с ним, сумеют разорвать опутавшие его оковы ненависти.

По лицу чародея разлилась краска гнева.

— Ты говоришь страстно и убедительно, но в то же время не понимаешь, чего требуешь. Мой ответ остается все тем же. Нет!

— В таком случае тебе не надо действовать самому, — сказал Браги. — Пошли Нерожденного. Преврати ложь в правду.

— Ложь? Правда?

— Прикажи Рейдачару убить его.

— Нет. Послушай. Ты не понимаешь. Я не могу помочь. Это твоя забота, Мгла, тебе с ней и разбираться. Браги, я тебя уже предупреждал, если ты скажешь об этом Непанте...

— Да, да. Знаю и ничего не скажу. Хотя и считаю, что ты не прав — не прав до полной потери рассудка. Нет, я не стану ей ничего говорить.

— Ты ведешь себя нерационально, Вартлоккур, — сказал Мгла.

— Попытайтесь меня понять. Я всего лишь стараюсь защитить свою жену.

— Ты недооцениваешь ее, — произнесла Мгла. — Непанта кажется невротиком, но на самом деле она гораздо сильнее, чем представляется. Иной она быть просто не может.

— Не думаю, что ты защищаешь ее, — вмешался Браги. — Боюсь, что таким образом ты сам пытаешься защититься. От собственных страхов. Ты страшишься перемен. Перемен, которые могут повлиять на твои отношения...

— Помолчи! — бросил чародей. — Припомни решение о наследовании, принятое недавно Советом. Помнишь, как они голосовали? Ты понял, что это означает? Ведь ты не можешь позволить себе остаться без моей помощи, не так ли? — закончил Вартлоккур с угрожающей улыбкой.

— Чародей, ты знаешь, что я становлюсь невыносимым, когда мне пытаются выкручивать руки.

— Тебе пойдет на пользу, если ты к этому начнешь привыкать.

— Мы уже были когда-то противниками. Полагаю, что и сейчас смогу прожить без тебя.

— Я тебя предупредил! Держись подальше от моей жены. — Вартлоккур посмотрел на Мглу, и та пошатнулась, ощутив на себе удар его взгляда. — Избавитель — твоя забота, женщина. Этриан умер.

Принцесса, поняв, что потерпела поражение, поникла.

— Мы напрасно здесь теряем время, — сказал король, беря ее за руку. — У него поехала крыша. Может быть, нам поможет «Братство магов»? У нас там найдутся друзья.

— Мне не нужна магия, — ответила Мгла. — Этого добра хватает и в Шинсане. Нам нужны люди, способные затронуть чувства Этриана.

— Пойдем. Мы что-нибудь придумаем. — Направляясь к дверям, Браги бросил через плечо: — А тебе, чародей, я это припомню.

Вартлоккур был поражен тем напором, с которым были произнесены эти слова. Но растерянность продолжалась недолго. Уже через миг чародей в ярости швырнул книгу на

пол. От звука удара Мгла даже подпрыгнула. Ее нервы были напряжены до предела.

— Что теперь? — спросила она, выйдя из библиотеки.

Ей не нравилось чувство беспомощности, с которым она явилась на запад, умоляя о помощи. Она казалась себе ни на что не способной и беспросветно тупой...

— Будем действовать. Ты и я. Возможно, крестный отец и тетка сумеют справиться... Пошли. Надо сказать Гжердраму и Дерелу, куда я направляюсь. Старый маньяк прав в одном: судя по фокусам, которые выкинул Совет в то время, когда я занимался твоими делами, у меня возникли серьезные проблемы. Сейчас, на время отсутствия, мне надо прикрыть задницу. В противном случае, вернувшись, я могу узнать, что остался без работы.

— В нашем с тобой путешествии нет никакого смысла. Ты и я олицетворяем то, что он больше всего ненавидит. Думаю, что к его душе сейчас не сможет пробиться никто, кроме матери.

— Но почему бы нам хотя бы не попытаться? Если он настолько опасен, как ты утверждаешь.

— Полагаю, что это именно так.

— Сколько времени еще можно ждать? Может быть, Вартлоккур все-таки опомнится?

— Не долго. Лорд Ссу-ма человек упорный, но и он не сможет держаться вечно.

— Если у тебя есть любимое божество, то вознеси ему молитву. Будем надеяться, что Вартлоккур немного придет в себя и увидит события в нужной перспективе. Если дело так плохо, как ты утверждаешь. В целом он человек вполне порядочный. У него есть совесть.

— Возможно. Но не исключено, что он просто старый, глупый слепец.

Вартлоккур вернулся в свои покои примерно через час после стычки с Браги и Мглой. Его руки все еще тряслись. Чародей был испуган. Прошло много столетий с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобную ярость. Чтобы успокоиться, ему пришлось воспользоваться теми приемами, к которым он не прибегал со времен ученичества.

С ним происходило что-то нехорошее. Он чувствовал, как в мозгу закипает какое-то безумие, уродуя все его поступки и искажая намерения. Ему было несвойственно терять контроль над собой. Неужели Браги прав? Неужели его главной психологической проблемой является детская незащищенность?

Но способна ли Непанта выдержать подобное? Может быть, она более жизнеспособна, чем он думает?

Не вселил ли он в себя ложную надежду, решив, что Этриан так или иначе погибнет, исходя из простых законов энтропии?

Чародей зажег свечу, сел и попытался углубиться в старинный манускрипт, претендовавший на то, чтобы быть подлинной историей происхождения Человека в этом мире. Но выписанные каллиграфическим почерком буквы почему-то все время оказывались не в фокусе.

Проклятие! Его мир рушится. Потребовались столетия для того, чтобы он зажил, наконец, достойно, и вот в одно мгновение его недавно обретенное счастье снова повисло на волоске. Видимо, он и вправду неуверен в себе. Но если человек так долго боролся за свое счастье, то на закате жизни он все же должен заслужить что-то хорошее...

На его колени упала чья-то тень. От неожиданности чародей вскочил со стула.

— Непанта? Почему ты поднялась с постели? Ты уже проделала все нужные упражнения и тебе сейчас следует отдыхать...

Его сердце оборвалось, как только он увидел ее лицо. Ужас тяжким молотом обрушился на него.

Она была одета для плохой погоды. Дитя на ее руках было тепло укутано.

— Мне нужен мой сын, Варт.

— Нет. Только не это, — тихо произнес он. — Почему ты вдруг об этом заговорила?

— Ведь Этриан жив, разве не так? И ты знал об этом все время. Ты лгал мне.

— Нет, дорогая. Я же говорил тебе...

— Все, что ты мне говорил, было ложью. Ложью, ложью и ложью. Он находится в Шинсане, в каком-то месте под названием Лиаонтунг. И ты не хотел, чтобы я это знала.

На него снова нахлынула волна ярости.

— Я его предупреждал...

Непанта чувствовала холодную ярость. Она выслушала его угрозу, ни на йоту не изменившись в лице.

— Кого ты предупредил? Что ты со мной делаешь? Я хочу увидеть своего сына. Ты слышишь меня? Где-то здесь находится Мгла. Она явилась, чтобы встретиться с тобой. Я отправляюсь с ней.

Вартлоккур ее не слушал. Бросившись в спальню, он невидящим взглядом уставился на пустую колыбель Смирены. Через несколько минут он подошел к окну.

— Явись, Рейдачар, — воззвал он, — Рейдачар, мой единственный друг, прийди ко мне.

— Почему ты мне врал? — спросила Непанта. — Будь ты проклят, Варт! Я с тобой говорю. Отвечай!

— Они тебе сказали, кем или чем стал твой сын? — резко повернувшись, ответил вопросом на вопрос чародей.

— Какие еще они? О ком ты говоришь? Отвечай!

— О Рагнарсоне и об этой шинсанской суке.

— Я их не видела. И какое они вообще имеют к этому отношение? Впрочем, не отвечай. Расскажи мне об Этриане. Затем отыщи Мглу и скажи, что я отправляюсь вместе с ней.

Гнев одного всегда подстегивает ярость другого. Их перепалка становилась шумной и визгливой, все больше напоминая семейный скандал. Нерожденный подлетел к окну и повис снаружи за стеклом. Супруги не обращали на него внимания.

— Хорошо! Будь все проклято! — рявкнул Вартлоккур. — Мы отправляемся. Но пусть это все ляжет на твою совесть, женщина! — Он вышел из комнаты, бормоча: — Ты дорого заплатишь за это, Браги. На сей раз ты режешь собственную глотку. Вокруг тебя уже кружат голодные волки. Мне же остается лишь сидеть в стороне и со смехом наблюдать, как они будут рвать тебя на части.

* * *

Непанта смотрела в спину мужа, не понимая, что с ним случилось. Почему весь этот шум? С какой стати он толкует о Браги и Мгле? Она же не видела их целую вечность... Они, наверное, тоже все знали и скрывали от нее. А она так бы и осталась в неведении, если бы королева Ингер не зашла повидать Смирену и в разговоре случайно не упомянула об Этриане.

Бедная Ингер. Теперь и на нее обрушатся все шишки.

Дьявол с ними! Будь они все прокляты! Она скоро увидит сына. И плевать, нравится им это или нет.

ГЛАВА 15

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Лиаонтунг

Мертвые воины Этриана принесли кресло, украденное в каком-то поместье неподалеку от города. Этриан погрузился в кресло, а Сахманан уселась на землю, прислонившись к креслу спиной.

— Ты можешь сказать мне, что придумал на сей раз?

— Думаю, что смогу. — Этриану надоело дразнить ее. — Я использую против них их животных. А так же тела тех, кого животные убьют.

— Но не истребят ли они прежде животных?

— Возможно. Кошек, собак, лошадей и всех тех, кого смогут поймать. Но как защититься от крыс, нападающих на вас во время сна?

— Это может сработать. Ты планируешь приступить к осаде?

— Мы можем себе это позволить. Они не ждут помощи извне. Это последняя битва, которая нас или вознесет, или погубит.

— А как быть с армией? — Она кивнула в сторону ближайших мертвяков. — Они годны лишь несколько дней.

— Зря мы их не израсходуем. Приступим. Охраняй меня.

Он оборвал связи со своим телом и полетел в город. Лиаонтунг являл собой лабиринт кривых улиц с домами странной архитектуры. Многие кварталы города совершенно опустели. Что же, тем лучше. Он поставит себе на службу брошенных животных...

Противник изо всех сил готовился отбить штурм. У солдат врага не было страха. Битва в лесу вернула им веру в себя. Лишь у тервола ощущалась какая-то неуверенность.

Они вели спор, как быть с животными.

Этриан, пролетев по темной улице, нашел конюшню. Он нащупал убогий мозг лошади. Животное поднялось на дыбы, сломало ограждение стойла и пригвоздило помощника конюха к земле.

Этриан поставил труп под свой контроль и вооружил его валявшимися рядом вилами для погрузки сена. Покончив с этим, он снова вылетел в ночь. Вскоре ему удалось овладеть и легионером...

Так продолжалось много часов. Враги нашли ответ, и к рассвету они перестали появляться на улицах в одиночку. Утром Ших-кай отдал приказ об истреблении всех животных. Этриан вернулся в свое тело.

— Ты совершенно обессилел, — сказала Сахманан.

— Да, пожалуй, я действительно немного устал. А они хорошо поработали?

Широким движением руки она обвела окружающее пространство. Земля кругом была опалена, а его роскошное кресло превратилось в горку обгорелых зубочисток.

— Я решила, что на этот раз они нас достали. Мне едва удалось защититься.

— Они собираются убивать животных. Настало время посылать мертвецов.

— Ты не хочешь передохнуть?

— У меня нет на это времени.

— Этриан...

— Помолчи.

Он напряг волю и двинул вперед остатки своего воинства. Трупы, едва волоча ноги, заковыляли к стенам города. В воздухе появились драконы. Некоторые из них несли по несколько наездников, а иные, без всадников, помогали

штурмовать город. Легионеры, бросив истребление живности, заспешили на стены.

Этриан продолжал штурм до тех пор, пока от его армии почти ничего не осталось. За пределами городских стен в живых остались лишь он да Сахманан. Однако в городе, в его заброшенных кварталах, Этриан сумел укрыть примерно тысячу нежитей.

Он поплыл в город в своем бестелесном состоянии, время от времени проникая в тело какого-нибудь животного, чтобы услышать разговоры. Его враги устали так же, как и он.

Часть солдат, едва шевелясь, возобновила убой зверья. А некоторые принялись обходить дом за домом в поисках мертвецов.

Этриан возвратился к Сахманан.

— Отдохни, Этриан, — сказала она, — ты себя убиваешь.

— Надо сделать еще одну вещь, чтобы задать им еще работы. После этого я обязательно отдохну.

Он вернулся в Лиоантунг и принялся искать крыс. В этом деле он, естественно, преуспел, так как Лиоантунг, являясь городом древним, был весьма плотно заселен грызунами.

Поиск он начал с расположенного в цитадели штаба лорда Ссу-ма. Сотни крыс, разом выскочив из укромных углов, принялись опрокидывать лампы. Большая часть пожаров была потушена сразу, но некоторые вспыхнули в местах, где людей не оказалось.

Этриан вернулся в свою телесную оболочку.

— Это займет их на некоторое время, — сказал он. — Разбуди меня, если случится что-нибудь важное.

Он проспал четырнадцать часов, но полностью так и не отдохнул.

— Что произошло? — спросил он.

— Ничего. Они занимались лишь тем, что тушили пожары.

Этриан снова отправился в город. Последние очаги огня уже находились под контролем. Обессиленные легионеры разбредались по казармам, проклиная его и моля небеса об отдыхе. Но Этриан не дал им передышки.

То там, то здесь он заставлял крыс перегрызать яремные вены спящих. Без устали перелетая от казармы к казарме, Этриан поднимал мертвяков на борьбу с живыми. Тервола установили в казармах постоянные дежурства. Тогда он переключил все внимание на помещение штаба, а затем — на городские стены, натравливая на часовых одно животное за другим. Послав мертвецов открыть ворота, он призвал в город животных из леса и с полей. «Замешательство и испуг. Испуг и замешательство», — бормотал он про себя.

Покончив с этим, он бросил в бой солдат, заранее укрытых в брошенных домах. Медленно, очень медленно нежити стали продвигаться к штабу лорда Ссу-ма...

В городе крупных животных не осталось, а на то, чтобы привести их из леса, у Этриана не было времени. Тервола обратили свое магическое искусство на борьбу с мышами, крысами и белками.

— Мы вступили в гонку со временем, — сказал он Сахманан. — Впрочем, мне удалось их отвлечь. Остается надеяться, что в следующей атаке мы уничтожим столько тервола, что оставшиеся в живых не смогут оказать нам сопротивления.

Атака продолжалась три часа. Вернувшись к Сахманан он объявил:

— Все получилось. Мы покончим с ними после того, как я отдохну.

— Этриан, что-то случилось с Величайшим?

— Что?

— Не знаю. Но я перестала ощущать его присутствие, и это меня беспокоит.

— Это важно?

— Не знаю. Но нам может понадобиться его помощь.

— Может быть, он что-то опять затеял?

— Не знаю.

— Разберемся, закончив здесь.

— Ничего не выйдет. Драконы ушли.

Этриан бросил на нее настороженный взгляд. Ему не нравился тон, которым говорила женщина.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Нет... Впрочем, да... Ты стал таким, какой когда-то была Нахаман. Так же как и она, ты потерял способность здраво мыслить. Тобой руководят лишь ненависть и злоба.

— Успокойся. Мне надо поспать. Мы покончим с ними после того, как я проснусь.

Огромный красный диск утреннего солнца висел над самой линией горизонта, и Этриан лишь с большим трудом сумел выбраться из своих навязчивых ночных видений.

— Что?.. — пробормотал он.

— Проснись! Они что-то затеяли. Взгляни. — Сахманан показала в сторону города.

Первыми из ворот появились солдаты. За ними, с белым флагом в руках, шел приземистый, широкоплечий тервола. Его телохранители тут же заняли посты у ворот. Рядом с тервола возникли какие-то люди, и среди них две женщины. Когда процессия двинулась дальше, женщины пошли рядом с тервола, а двое мужчин заняли места рядом с дамами.

— Боже, — произнес пораженный Этриан, — только не это!

— В чем дело, Этриан? Что случилось?

Дыхание молодого человека вдруг стало прерывистым. В глубине его души шевельнулись какие-то воспоминания, и на него опустилась тень. Молодой человек вскрикнул, и мир вокруг него погрузился во тьму.

— Этриан! — кричала Сахманан, то колотя Избавителя по щекам, то хватая его за руку. — Проснись! Умоляю! — Бросив взгляд в сторону города, она продолжила: — Они почти здесь! Ведь кто-то должен мне сказать, что надо делать!

Ших-кай, не обращая внимания на боль в ранах, стоял в парадной позе, вытянувшись и выпятив грудь. В командный центр вступала принцесса и сопровождающие ее лица. Его офицеры, все как один, салютовали правительнице. Мгла, не скрывая ужаса, смотрела на тервола.

— Что случилось, лорд Ссу-ма? — спросила она.

— Мы выстояли, госпожа, — ответил Ших-кай, глядя на ее спутников. Двое мужчин и женщина явно несли на

себе печать запада. Женщина держала на руках младенца. Более молодой из мужчин походил на воина. Его глаза постоянно находились в движении, а напряженные губы побледнели. Пожилой спутник принцессы был явно чем-то рассержен. Ших-кай обратил на принцессу вопросительный взор.

— Чародей Вартлоккур, — сказала та, указывая на старца. Ших-кай почувствовал, как по его спине побежали ледяные мурашки. — Его супруга Непанта и их дочь.

— Миледи. — Ших-кай поклонился женщине с ребенком.

— Я должна представить им вас, — сказала Мгла.

Ших-кай кивнул и вгляделся во второго спутника принцессы. «Видимо, телохранитель чародея», — подумал он.

— Король Браги из Кавелина, — сказала Мгла.

Ших-кай окаменел. Со стороны офицеров послышался сердитый ропот. Жестом руки он заставил подчиненных умолкнуть.

— Рагнарсон из Бакседалы и Палмизано?

— Он самый.

Один человек из группы тервола сделал шаг вперед...

— Менг Чао! Ведите себя пристойно. Госпожа, простите его. Он потерял трех братьев, четырех сыновей и весь свой легион.

Ших-кай встал перед Рагнарсоном. Западный воин возвышался над командующим подобно крепостной башне. Тервола снял маску и посмотрел в глаза короля. В этих бездонных голубых озерах он не увидел никаких признаков страха. Рагнарсон что-то произнес.

— Он говорит, что вы похожи на честного солдата. Первого честного воина, которого он встречает среди тервола, — перевела Мгла.

— Вы скоро увидите, что со мной дело иметь труднее, чем с лордом Куо. Я более упрям, нежели он, — с улыбкой сказал Ших-кай. Выждав, пока Мгла закончит перевод, он спросил: — Что это все значит, госпожа?

— Эти люди в свое время были близки к Избавителю. Его дед. Его мать. Его крестный отец.

Офицеры снова возроптали.

— Госпожа?..

— Да, кстати. Он — мой племянник по мужу. Лорд Чин похитил мальчика во время заговора Праккии. Мы думали, что он умер. Каким-то образом ему удалось выжить и заключить союз с вашим божком. После этого он выступил против нас, полагая, что именно мы виноваты во всех его несчастьях.

Ших-кай подумал немного, а затем спросил:

— И что же вы предлагаете, госпожа?

— Мы хотим с ним поговорить. Я надеюсь, что мы убедим его в том, что он заблуждается, и таким образом устраним причину его ненависти к Империи.

— Но у этих людей нет никакого резона нам помогать, — сказал Ших-кай, глядя на спутников принцессы.

— Они помогут. У них на это имеются свои причины.

— Что же, в таком случае попытаемся. Пан-ку! Телохранители!

— Слушаюсь, господин! — лихо отсалютовал Пан-ку и удалился. Вернувшись через минуту, ординарец доложил: — Все готово, господин.

— Избавитель сделал так, что появляться на улицах без охраны стало невозможно, — пояснил Ших-кай.

Многочисленные пожары и удары череполиких превратили большую часть города в руины. Любая улица могла похвастаться своей кучей обгорелых костей.

Мгла что-то сказала. Рагнарсон что-то пробурчал в ответ, стараясь не выдать ужаса, который охватил его при виде подобного опустошения. Чародей внешне не проявил никаких чувств. В нем надолго угнездился гнев. Жена мага, по-видимому, тоже оказалась объектом его недовольства.

Ших-кай чуть замедлил шаг, сбросил маску и посмотрел на дитя. Свое одобрение командующий выразил улыбкой. Мать ответила ему тем же.

— Почему все так тихо? — спросила Мгла.

— Тишина перед грозой, госпожа, — ответил Ших-кай. — Избавитель отдыхает.

— Сможете вы его сдерживать и дальше?

— Сомневаюсь. Это наша последняя ставка.

Они вышли из города. Солдаты тут же развернулись и заняли посты по обе стороны от ворот. Пан-ку вручил своему командующему палку с привязанной к ней белой тряпицей. Ших-кай двинулся вперед, бросив на ходу:

— Охрана остается здесь, Пан-ку.

— Господин...

— Если принцесса, чародей и я не справимся, то у нас все равно не останется никакой надежды.

— Как прикажете, господин, — сказал Пан-ку, повернулся кругом и, вбежав в город, поспешил на стену. Найдя там легкую баллисту, он зарядил ее. Действовать ему пришлось очень осторожно, чтобы не разрушить наложенное на стрелу заклятие. Если Избавитель проявит вероломство, то получит хорошую весточку от Пан-ку.

Ших-кай направился к холмику, на котором спал Избавитель. Женщина в белом отчаянно пыталась его разбудить. Командующий шагал нарочито медленно и гордо. Он не хотел, чтобы эти пришельцы с запада заметили его страх.

Избавитель поднялся, провел пятерней по волосам, посмотрел на парламентеров и сошел с холмика. Женщина опустилась перед ним на колени. Избавитель, источая высокомерие, снова поднялся на возвышение и взмахнул рукой. Из-за холма появилась пантера и легла, свернувшись клубком у ног хозяина. Затем возник медведь и занял место справа от Избавителя. За медведем последовал гигантский лесной буйвол. Этот ужасный зверь с горящими красным огнем глазами остановился слева от женщины.

— Следите за женщиной, — сказал Ших-кай, обращаясь к принцессе. — Что с ним происходит?

— Он знает этих людей. Ему важно, что они подумают о нем.

— Понимаю...

Ших-кай остановился в пяти шагах от Избавителя. И этот мальчишка уничтожил две армии?! Бросив взгляд на пантеру, тервола подумал о том, что зверю хватит одного короткого прыжка...

Мгла остановилась, как только остановился Ших-кай. Рагнарсон и Вартлоккур последовали их примеру. Однако женщина с ребенком продолжала идти.

— Этриан, — произнесла она на своем родном языке. — Этриан, посмотри. Это — твоя сестра. Ее зовут Смирена.

В глазах юноши появилось выражение муки, и он забормотал невнятно:

— Мама. Я думал, что они тебя убили. Я думал, что тебя убили. Они мне сказали...

Непанта переложила дочку на левую руку, а правой обняла сына и прижала его к себе.

— Все хорошо. Все хорошо, Этриан. Все кончилось. Теперь все будет хорошо.

В воздухе не чувствовалось ни малейшего движения. Мир, казалось, замер. Тишину нарушали лишь подавленные рыдания юноши. Однако наряд и волосы женщины в белом развевались так, словно дул сильный ветер. Ших-кай покосился на Мглу:

— Госпожа...

— Причин для беспокойства нет. Просто она счастлива за него.

Между принцессой и женщиной в белом произошел безмолвный диалог. Мгла удовлетворенно кивнула.

В этот момент с неба спустилось Нечто и повисло над холмом. Ших-кай поднял глаза и все понял.

— Нерожденный, — прошептал он. Ему довелось слышать об этом создании. Присутствие Нерожденного здесь являлось таким вызовом, о котором он не мог и думать.

Лесной буйвол фыркнул и, отпрыгнув в сторону, убежал прочь. За ним, ломясь сквозь густые заросли, последовал медведь. Пантера изящно поднялась, лизнула лапу и гордо удалилась в лес. Непанта повела сына в сторону города.

Ших-кай снова посмотрел на Мглу.

— Все кончено, лорд Ссу-ма. Все действительно кончено. Пошли.

Мать и сын прошли мимо него. Ших-кай посмотрел им вслед. Как только двинулся он, тут же пустились в путь король и чародей. Командующий оглянулся и увидел, что шествие замыкает Мгла и женщина в белом. Женщина скорее плыла над землей, нежели шагала.

Настороженность оставила Ших-кая, и он почувствовал себя опустошенным и даже слегка разочарованным. Выхо-

дит, он и сам не подозревал, в каком напряжении пребывал вплоть до этого момента...

Все началось неожиданно. Он не чувствовал никакой опасности вплоть до того момента, как маму отшвырнуло прочь, а сам он впал в столбняк. Еще через мгновение на него опустилась черная сфера.

Воздух как будто взорвался. Ших-кай уже встречался с подобным явлением во время катастрофы на Тусгусе.

— Госпожа! Принцесса!

Вартлоккур бросился вперед и подхватил женщину прежде, чем та упала. Рагнарсон, чуть ли не с магической быстротой обнажив меч, стоял в боевой позе, рыча проклятия на каком-то западном языке.

— Остановись, Этриан! — взвизгнула Мгла, и Ших-кай услышал в этом выкрике голос женщины в белом.

Тервола плечом толкнул юношу. Тот остался недвижим, как скала. Тервола вцепился пальцами обеих рук в его окаменевшее горло.

На стене Лиоантунга возникло какое-то движение. Телохранители прыснули в разные стороны. Западный король ревел, словно разъяренный буйвол. Его меч со свистом рассек воздух над головой Ших-кая.

Этриан яростно рванулся. Ших-кай упал, а поднявшись, увидел, что Рагнарсон рассматривает разрубленную на две части стрелу баллисты. Мгновенный удар меча сбил ее со смертельной траектории.

— Теперь я твой должник, человек с запада, — сказал Ших-кай и посмотрел на Этриана.

В глазах молодого человека он увидел лишь безумие. Его мать рыдала на груди у чародея. Рот юноши вдруг стал медленно открываться.

Из-за спины Ших-кая выступила женщина в белом, и далекий голос произнес:

— Этриан... О, нет! Это — не Этриан. Это — Величайший! Каменный бог овладел Этрианом.

— Невозможно! — выпалил Ших-кай. — Мы уничтожили его.

Это сделали Хсу Шен, Пан-ку и он сам. Но уничтожили ли они его?..

Вартлоккур нежно передал свою жену на попечение Рагнарсону. Часть прежнего доверия между ними, видимо, еще сохранилась. Чародей едва заметно двинул рукой, и Нерожденный подлетел ближе.

— Нет, — сказала женщина в белом. — Я создала его когда-то и лишь я смогу с ним покончить.

Лицо Этриана исказила страшная гримаса, порожденная яростной борьбой двух сил, развернувшейся в его душе. Рот юноши широко раскрылся и Этриан начал делать глубокий вздох. Несчастный изо всех сил пытался поднести руки ко рту, но не мог преодолеть сопротивления чужеродных сил. Ладони, пульсируя, остановились в нескольких дюймах от губ, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Воздух вокруг них затрепетал так, как это случилось перед началом катастрофы на Тусгусе. Ших-кай, согнувшись, захватил пригоршню земли и, бросившись вперед, сунул ее в открытую пасть Избавителя. Свободной рукой командующий нанес Этриану мощный удар в грудь и услышал, как хрустнули кости юноши.

Все пространство вокруг заполнил крик Сахманан. Крик казалось, раздавался отовсюду и в то же время ниоткуда. Он походил на стон, вырвавшийся из груди тысяч матерей, когда те вдруг узнали о гибели своих сыновей в страшной войне, которую затеял на западе лорд Куо.

Бледный как смерть Этриан повернулся к ней лицом и, держась за грудь, прохрипел:

— Сахманан! Нет! Умоляю... Я одарю тебя всем могуществом, которое раньше отдал ему... Я дам тебе весь Мир. Ты станешь его владычицей.

Стон нарастал, все больше напоминая оплакивание покойника. Ших-кай закрыл ладонями слуховые отверстия маски, но заглушить этих стенаний не смог.

Избавитель широко открыл рот, и из него хлынула черная жижа. Затем он снова начал втягивать в себя воздух.

Стоны Сахманан превратились в трубный глас. Этриан замер. Затем он задрожал, заколебался и завертелся вокруг

собственной оси, распавшись на два ясно видимых Этриана. Один из них казался черным отражением. Вокруг светлого Этриана возникла светящаяся аура. Светящееся поле стало вращаться и ярким, небольшим смерчем подниматься в небо. Вскоре перед ними остался лишь черный Этриан, который, покачиваясь, снова начал открывать рот.

Но в этот миг на сотканного из тьмы юношу обрушился огненный поток. В небо взмыли сверкающие брызги и поднялись клубы дыма, которые тут же уносил ветер. Затем... Затем раздался грохот, и останки Этриана прикрыло черное, ревущее облако.

Ших-кай услышал вопль отчаяния. Точно такой крик он слышал, когда швырнул ларец в портал на острове. Там, где стоял юноша, земля дрогнула и начала светиться, а на небе над этим местом образовался огромный сверкающий купол.

— Он ушел, — сказала женщина в белом. — А если ушел он, то должна исчезнуть и я. Мы больше вас никогда не побеспокоим. — Хотя ветер не стихал, ее платье перестало развеваться. Повернувшись к рыдающей на груди Рагнарсона женщине, Сахманан продолжила: — Я очень сожалею. Скажите ей, что мне очень жаль. Я никому не хотела причинять вреда. Просто мне никогда не хватало силы воли на то, чтобы...

Ших-кай перестал ее слышать. На женщину опустилось светящееся покрывало.

— Вы прощены! — крикнул Ших-кай и, обращаясь к Мгле, спросил: — Принцесса, с вами все в порядке?

— Да. Лишь немного потрясена. А я думала, что вы с ним разделались.

— Я тоже так считал. Мы бросили божка в тоннель перехода, не имевшего портала выхода. Не понимаю, как он смог оттуда выбраться.

Чародей Вартлоккур наконец заговорил. В его голосе можно было услышать легкое презрение.

— Попробуйте рассуждать логично, лорд Ссу-ма. В потоке перехода время отсутствует так же, как и смерть. Теперь мы, наконец, знаем, чем являлось ужасное Нечто, обитавшее в тоннелях перехода с того момента, когда Туан Хуа

открыл первые порталы. Божок, оказавшись в тоннеле, ожил и начал путешествовать взад и вперед по столетиям, охотясь на путешественников. Выбрав, возможно, случайно тот момент, когда Этриан совершал переход, он вселился в мальчика и впал в спячку. Через некоторое время он проснулся. Кстати, почему вы решили, что мальчик легко поддался безумию зверя? Этриан был не таков. Если бы он не обладал жизнеспособностью и упорством своего отца, то уступил бы божку быстрее и более полно.

Вартлоккур повернулся, принял жену из рук Рагнарсона и сказал:

— Прости меня, дорогая. Я лишь хотел тебя защитить.

— Ты совершил ошибку, Варт. Тебе не следовало меня так оберегать. Я не ребенок. Если бы мы явились сюда раньше, то могли спасти его.

Взгляд чародея был полон боли.

Ших-кай посмотрел на черное облако, опустившееся на павшего Избавителя, и попытался нащупать в себе хоть какие-нибудь признаки душевного подъема. Ничего, даже отдаленно напоминавшего радость, он обнаружить не смог. Война закончилась победой, но у командующего было такое чувство, будто он ее проиграл. Ших-кай медленно побрел к городу. За ним последовали все остальные, кроме женщины-иностранки. Та осталось рядом с местом гибели сына.

Таси-Феng поспешил навстречу Ших-каю.

— Лорд... — пролепетал он. — Ваш человек... Пан-ку...

— Что? — спросил Ших-кай. Ноги почему-то перестали держать его.

Пан-ку лежал на баллисте, из которой была выпущена последняя стрела. Та стрела, которую отразил Рагнарсон. Горло ординарца было перерезано от уха до уха. У ног Пан-ку валялись останки почти полностью разложившегося тела.

— Он умер, пытаясь защитить вас, лорд, — произнес Таси-Феng.

На внутренней стороне драгоценных глаз маски Ших-кая появились пятна влаги. Он не стал поправлять Таси-Фенга. Каменный зверь сумел отомстить. Он убил Пан-ку и затем заставил мертвеца выпустить смертельный заряд в своего бывшего господина.

— Он был для меня как сын, лорд Лун-ю. Как сын и брат. Мы проводим его в последний путь так, как провожают героев.

Ших-кай, сгорбившись и опустив плечи, наблюдал за восходом солнца.

— Лорд Ссу-ма Ших-кай, сын свинопаса, командующий армиями, победитель в Восточной Войне, — пробормотал он и презрительно фыркнул.

Непанта, преодолевая страх, приблизилась к черному, светящемуся облаку. Женщина углубилась в себя, пытаясь понять, что означает для нее это утро. Несмотря на все усилия, она не обнаружила в себе никаких чувств, только чувство щемящей пустоты. Кроме того, она ощущала некоторую горечь оттого, что Вартлоккур так долго скрывал правду. Впрочем, и это ничего не меняло. Этриан был потерян с того момента, когда эти дьяволы из Праккии заставили мальчика войти в портал.

Ей некого винить, кроме себя. Разве не она поставила себя и сына в безвыходную ситуацию?

Сквозь темный столп начали пробиваться лучи солнца, и тьма стала рассеиваться. Женщина в белом превратилась в слабое мерцание воздуха, которое возникает над разогретым солнцем камнем. Сияние в том месте, где упал Этриан, постепенно гасло, превращаясь в белесый туман и влагу.

Непанта посмотрела в сторону города. Коренастый, невысокий тервола намного обогнал всех остальных. Он уже был у ворот. Браги и Мгла брели рядом, видимо, что-то обсуждая. Судя по жестикуляции, Браги был чем-то удручен.

Вартлоккур, пройдя ярдов двести, остановился, чтобы подождать жену. Нерожденный витал над головой чародея. Непанта внимательно посмотрела на супруга. Теперь им предстояла новая жизнь. Последняя частица жизни старой мертвым телом лежала у ее ног. Конец книги был написан...

Сияние погасло. И на земле остался лежать лишь труп ее сына.

— Но... — прошептала она. — Ведь я видела, как он взорвался. Я точно видела это.

Отчаянным взмахом руки она позвала Вартлоккура.

Чародей неохотно двинулся в ее сторону. Слишком много резких слов было произнесено, и в отношениях между супругами появилась кровоточащая рана.

Этриан застонал.

— О, будь ты проклят! Да поторопись же ты, наконец!

Чародей, почувствовав признаки жизни в мальчике, припустился бегом.

Этриан приоткрыл чуть-чуть глаза и прохрипел:

— Мама...

Непанта рухнула рядом с сыном и зарыдала.

Приказ принцессы был точен и обсуждению не подлежал. Пока Рагнарсон и Вартлоккур оставались в Лиоантунге, Ших-кай и все его собратья безвылазно сидели в помещении штаба. Эта парочка не вызывала у него такой ярости, как у других тервола, но из чувства корпоративной солидарности и для поднятия духа подчиненных он поступал так же, как и остальные. У него создалась здесь отличная команда, и он будет стоять с ними так, как они стояли с ним в борьбе против Избавителя.

— Слушаю, госпожа, — произнес он, вытянувшись по стойке смирно (дело происходило в наполовину разрушенном помещении, где когда-то размещался его штаб).

— Они отбыли. Заканчивайте свои игры.

— Как прикажете, госпожа.

— Я хочу поблагодарить вас, лорд Ссу-ма. И вознаградить. У меня для вас есть новое поручение, если вы, конечно, согласитесь его принять.

— Я — солдат, госпожа, и нахожусь в распоряжении Империи.

Какое новое задание? Неужели командование южным фронтом? Ему страшно не хотелось очутиться в этом кровавом котле.

— Нет, нет. Не Южная Армия, — улыбнулась Мгла. — Я хочу поручить вам командование, о котором мечтает каждый тервола. Вы согласны принять Западную Армию?

Ших-кай прищурился под своей маской. Западная Армия? Лакомый кусочек, вне сомнения. Чудесный пост. Однако, не изменяя себе, он спросил в лоб:

— Но почему? А как же лорд Хсунг?

— На западе мне нужен командующий, который целиком посвятит себя делу. Мне не нужны те, кто готов плести против меня заговоры, так же, как и те, кто преследует лишь свои цели. Западной Армией должен командовать человек, который не одержим идеей реванша и не отстаивает эту идею с пеной у рта. — Помолчав немного, она негромко, с улыбкой добавила: — А кроме того, я не выношу лорда Хсунга.

С лордом Хсунгом у Ших-кая было лишь шапочное знакомство. Тем не менее он согласно кивнул. В пользу лорда Хсунга, правда, говорило то, что тот становился великолепным командующим, если его вынуждали заниматься своим прямым делом.

— Когда я должен приступать?

— Убрать его оттуда не просто. Но к концу года все решится. Используйте эту паузу для отдыха. Ваше место здесь займет мой друг лорд Чьен.

— Я использую предоставленное вами время для более глубокого знакомства с положением на западе. — «И начну бесполезные поиски существа, которое смогло бы заменить мне Пан-ку», — подумал он.

— Хорошо. Я не могу вынудить вас взять отпуск, хотя мне хочется, чтобы вы отдохнули.

— Я слишком долго тянул лямку, госпожа, и не умею отдыхать. Еще один вопрос. Смогли ли Рагнарсон и чародей заделать трещины в наших с ними отношениях? От этого может зависеть дальнейшее развитие событий.

Мгла улыбнулась, подошла к нему и обняла.

— Благодарю вас, лорд Ссу-ма за все, что вы сделали. — И уже уходя, бросила: — Нет, не смогли. Женщина пыталась пойти на мировую, но Вартлоккур — слишком твердолоб для этого.

Лорд Ссу-ма Ших-кай улыбнулся под своей маской зверя.

После вызова, брошенного сыну свинопаса на востоке, все остальное казалось ему сущим пустяком.

Злая судьба

ПРОЛОГ

1013 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ЗАМОК ГРЕЙФЕЛЛЗ В ГЕРЦОГСТВЕ ГРЕЙФЕЛЛЗ, СЕВЕРНАЯ ИТАСКИЯ

Полковник шел по коридору, и в каждом шаге его пульсировал заряд нервной энергии — энергии томящейся в клетке пантеры. Слуги разбегались с его пути и смотрели ему вслед, когда он проходил. Состояние напряжения создавало вокруг него ауру опасности.

И вот полковник подошел к дверям того помещения. Он посмотрел на дверь, потоптался и отступил на шаг. Солдат боялся того, что может оказаться за закрытой дверью. Дверь — нечто большее, нежели простой вход в комнату — комнату, куда его вызвали. Эта дверь вела в завтра, и он подозревал, что у этого завтра нехороший запашок.

Здесь явно что-то затевалось. Он явился в замок вчера — под вечер, и сразу ощутил царящее здесь жуткое напряжение. Герцог снова строил какие-то планы, и люди его пребывали в страхе. Все последние герцоги плели интриги, которые неизменно заканчивались провалом, и каждый такой провал сулил неисчислимые бедствия для семьи и сторонников герцога.

Полковник поборол нерешительность и постучал.

— Войдите.

Полковник переступил порог. По обе стороны длинного стола сидели шесть человек. Сам герцог восседал во главе. Он указал полковнику свободное место напротив. Полковник сел.

— Пришло время положить конец пустым домыслам и догадкам, — произнес герцог. — Наша кузина Ингер получила предложение вступить в брак.

— Так вот что значат все эти перешептывания и ночные курьеры? — сказал один из присутствующих. — Прости, Дейн, но все это кажется немного...

— Позволь мне продолжить. Вскоре вы поймете, почему этот вопрос заслуживает обсуждения на высшем семейном совете. Кузина была медсестрой в госпитале в то время, когда наш город осаждало войско Шинсана. С одним из пациентов у нее возникла романтическая связь. Или бурный роман, как мне кажется, хотя она, по вполне понятным причинам, неохотно обсуждает эту тему. Когда осада была снята и военные действия переместились на юг, она решила, что все кончено. От этого человека не было никаких вестей. Обычная история. Солдат попользовался девицей и удрал. Однако четыре дня назад она получила от своего возлюбленного предложение вступить с ним в брак. Кузина долго это обдумывала, а потом пришла ко мне за советом.

Господа! Боги наконец-то улыбнулись нашей семье. Они одарили нас великолепной возможностью. Претендент на руку нашей кузины — не кто иной, как Браги Рагнарсон, маршал Кавелина, командующий союзными войсками во время Великих Восточных Войн.

На некоторое время воцарилась мертвая тишина. Полковник даже затаил дыхание. Браги Рагнарсон. Смертельный враг семейства Грейфеллз уже многие, многие годы. Человек, виновный в гибели одного из герцогов и в кровавом крушении многих семейных планов. Возможно, что все присутствующие, кроме него, ненавидят этого человека лютой ненавистью. Что до него, то он — солдат и не испытывает ни к кому ненависти.

Тьма постепенно начинала рассеиваться, и то, что он увидел, ему не понравилось. Все это хорошо ложилось в обычную схему интриг клана Грейфеллз.

Все шестеро загалдели одновременно. Герцог поднял руку:

— Прошу тишины. — Он дождался, пока присутствующие угомонятся, и продолжил: — Господа, если эта новость недостаточно вас осчастливила, то я могу сообщить и еще кое-что: эти идиоты на востоке собираются провозгласить его королем. Они не могут найти никого, кто согласился бы принять корону. Теперь вы понимаете? У нас появляется возможность не только отомстить своему старинному врагу, но и получить корону одного из богатейших и стратегически важных Малых Королевств. У нас появляется шанс перенести нашу базу из Итаскии, где мы вынуждены подчиняться вечно недружелюбному нам Двору, в самый центр торговли между востоком и западом. Перед нами открывается великая возможность вернуть себе величие, утраченное под ударами безжалостной судьбы.

Настроение герцога передалось всем присутствующим. Меньше всех волновался полковник. Это ведь всего лишь очередной грязный трюк семейства Грейфеллз, и полковник подозревал, что на него взвалят изрядную часть груза. Если это не так, то зачем его вообще вызывали?

— Итак, нам предстоит ответить на простой, но жизненно важный вопрос: следует ли нашей кузине принять это предложение? — сказал герцог с улыбкой и продолжил: — Вопрос можно сформулировать по-иному: неужели мы возьмем на себя смелость не позволить нашей сестре вступить в брак? А если быть до конца честными, то нам следует сказать: упускать возможность — просто грех. Ну так как?

Никто не возражал, лишь один из шести позволил себе заметить:

— Но мы не можем пустить это дело на самотек. Просто сидеть и ждать.

— Конечно, нет. Ингер послужит для нас рычагом. Ногой, просунутой, чтобы дверь не захлопнулась. Своего рода отвлечением. Сейчас ей не терпится поскорее встретиться со своим возлюбленным, но думаю, что со временем нам удастся сделать ее агентом семьи. Для страховки и для того, чтобы решать каждодневные вопросы, я предлагаю направить в Кавелин находящегося здесь полковника.

Полковнику удалось не выдать эмоций. Так вот оно что, подумал он. Дело действительно вонючее. Иногда он жалел

о том, что в долгу перед этой семейкой и обязан хранить ей верность.

— Может ли кто-нибудь из вас привести доводы, почему нам не следует осуществлять предлагаемую мною политику? — спросил герцог.

Все отрицательно покачали головами, а один из членов семьи сказал:

— Это так хорошо, что ты мог бы и не спрашивать.

— Мне хотелось, чтобы вопрос был решен единогласно. Итак, мы приступаем к делу и будем действовать до тех пор, пока и если перед нами не возникнут непреодолимые преграды.

Все головы склонились, выражая согласие.

— Прекрасно. Великолепно! — От удовольствия герцог почти мурлыкал. — Я так и думал, что вам эта идея придется по душе. Пока все. Прошу вас доверить мне контроль за дальнейшим развитием событий. Позвольте мне изучить, нет ли в плане скрытых ловушек. Я постоянно буду держать вас в курсе дела. Вы можете идти. — Он откинулся на спинку кресла, а когда все уже направлялись к дверям, добавил: — И еще. Прошу вас ни с кем не обсуждать это дело. Ни с кем, понятно? А вас, полковник, я прошу остаться.

Полковник уже поднялся, но из-за стола выйти не успел. Он снова сел и, положив руки на стол, уставился в только ему известную точку над плечом герцога.

Как только дверь закрылась, герцог произнес:

— По правде говоря, мы сделали больше, чем я только что сказал. Бабелтоск свел меня с некоторыми из моих друзей времен заговора Праккии. Они согласны нам помочь.

Бабелтоск был колдуном на службе у семьи. Полковник испытывал к нему отвращение.

— У вас какое-то странное выражение лица, полковник. Вы не одобряете мои действия?

— Не одобряю, милорд. Я этому чародею не доверяю.

— Возможно, вы правы. Весьма скользкий тип. Хм-м. Тем не менее мы располагаем достаточными ресурсами для реализации проекта. Но остается обратить в нашу веру женщину и отправить ее в Кавелин.

— Понимаю.

— У меня на самом деле такое ощущение, что вы все это не одобряете.

— Простите, милорд. Я не хочу, чтобы вы думали, что я против.

— Значит, вы согласны взять на себя эту миссию? Отправиться в Кавелин от нашего имени? Вам придется пробыть там не один год.

— Я в вашем распоряжении, милорд.

Он всем сердцем желал, чтобы это было не так. Но каждый должен возвращать свои долги.

— Вот и хорошо. Но вам не обязательно оставаться в замке. Я буду вас информировать обо всех событиях.

Полковник встал, отвесил легкий поклон и покинул комнату. Солдат не задает вопросов, сказал он себе. Солдат повинуется. А я, к сожалению, солдат на службе у герцога.

ГЛАВА 1

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ПРАВИТЕЛИ

Браги застонал. Ингер еще раз потрясла его за плечо:

— Проснитесь, ваше величество. Пора вставать.

Рагнарсон с трудом разлепил веки. Незастекленное окно пялилось на него холодным мутным глазом.

— Еще темно, — проворчал он.

— Это так кажется.

Браги со стоном опустил ноги на ледяной пол. Это был один из тех дней, когда арктическое утро сменялось адской жарой после полудня. Он завернулся поплотнее в медвежью шкуру, пытаясь внушить себе, что в столь раннем подъеме, наверное, есть какой-то смысл.

В Кавелине весна. Ночи холодные, а дни жаркие. Погода премерзкая.

Браги зевнул и протер глаза в надежде прогнать сон.

— Дождь, что ли? — спросил он. — Голова как шерстью набита.

— С этим спорить не стану. А что касается дождя, то да. Опять эта нескончаемая кавелинская морось.

Браги ответил так, как отвечал ей всегда:

— Для фермеров очень хорошо.

Ингер закончила ритуал, добавив:

— Дождь нам просто необходим. — Приняв горделивую позу, она добавила: — А ведь получилось совсем не плохо для такой старушки, как я. Что скажешь?

— Довольно прилично. Для жены. — В его шутке не было сердечности.

Губки ее слишком маленького ротика обиженно надулись.

— Для жены? Что ты хочешь этим сказать?

— Ты же знаешь поговорку: старая трава всегда зелена, — ответил он с невеселой улыбкой, отвечающей его общему состоянию.

— Может быть, ты пасешься и на иных пастбищах?

— Что? — Он тяжело поднялся и затопал по спальне в поисках одежды.

— Это случилось лишь второй раз за целый месяц.

— Видимо, старею, — ответил он, слегка потрепав супругу по плечу.

В глубине души Рагнарсон саркастически улыбнулся. Он может обмануть себя, но не ее. Перед ним разверзся глубокий черный провал, и беда состояла в том, что Браги не знал, что ждет от него эта дыра, то ли прыжка через нее, то ли отступления назад.

— Ты завел себе еще одну женщину, Рагнарсон?

Ласковый котенок исчез. Пред ним стояла злобная дикая кошка. Привычная легкая улыбка исчезла.

— Нет. — На сей раз он говорил правду. В последнее время он ни разу даже не взглянул в сторону. Округлые формы, теплые груди, влажные губы перестали волновать его. Они не только не вызывали у него прежнего интереса, но даже раздражали, так как могли отвлечь от важных дел.

Неужели это действительно признак возраста? Время — безжалостный грабитель.

Это все более возрастающее безразличие начинало беспокоить Браги. Потеря интереса к коллекционированию скальпов была сродни утрате близкого друга.

— Ты уверен?

— Абсолюминутли, как выразился бы Насмешник.

— Жаль, что я так и не увидела его, — задумчиво сказала Ингер. — И Гаруна тоже. Если бы я их знала, то смогла бы лучше узнать и тебя.

— Да, жаль, что ты их не увидела...

— Теперь ты пытаешься сменить тему.

— Детка, я так долго никого не имел на стороне, что даже не знаю, как быть. Возможно, мне стоит встать на

углу, закрыть глаза, заткнуть уши и ждать, когда какая-нибудь дама утащит меня к себе.

Ингер провела гребнем по взлохмаченным и поэтому похожим на крысиное гнездо светлым волосам. Все это очень странно, думала она. Браги славился своими похождениями, но теперь своей репутации явно не оправдывал.

Может быть, это потому, что он слишком занят? Кавелин был его внебрачным увлечением. И это была весьма требовательная любовница.

Браги смотрел на женщину, которая была его женой и одновременно королевой. Она была единственным подарком, который преподнесли ему войны. Время щадило ее. Ингер была высокой, элегантной женщиной, обладающей холодной красотой и еще более холодным юмором. Такой удивительной формы рта Браги раньше никогда не видел. В каком бы настроении она ни находилась, ее губы имели такую форму, будто на них вот-вот должна была появиться саркастическая улыбка. А в ее зеленых глазах таилось нечто такое, что только подчеркивало этот скрытый сарказм.

С первого взгляда возникала уверенность, что перед вами настоящая леди. Со второго же можно было догадаться, что у нее вполне земная душа. Ингер была тайной, загадочным созданием, скрытым в непроницаемой раковине. Каждый раз, когда створки раковины раскрывались, она представала иным, не менее таинственным существом. Браги считал, что лучшей королевы невозможно представить. Ингер была рождена для этой роли.

На сей раз затаенная улыбка пробилась наружу.

— Похоже, что на сей раз ты говоришь правду.

— Можешь не сомневаться.

— И ты разочарован, не так ли?

Браги промолчал. У Ингер был дар загонять его в угол вопросами, на которые он не хотел отвечать.

— Может быть, ты взглянешь на младенца? — спросил он.

— Опять уходишь от темы?

— Абсолютно верно.

— Ну хорошо, закончим. Что нам сегодня предстоит?

Она желала принимать участие во всех королевских делах. Для Браги работа короля была в новинку, а общение со столь волевой дамой вносило дополнительные сложности.

Его старые товарищи соглашались с этим утверждением. Некоторые из них довольно резко высказывались по поводу «вмешательства» женщины.

Ингер вернулась из детской с сыном на руках. Сына звали Фульк.

— Он спал как убитый, — объявила королева. — Теперь желает, чтобы его накормили.

Браги обнял супругу за плечи и взглянул на младенца. Дети до сих пор казались ему чудом природы.

Фульк был его первым ребенком от Ингер, а для нее он вообще являлся первым. Это был полный жизни шестимесячный ползунок.

— Утром я собираю толпу народа, чтобы потолковать о письме Дерела, — сказал Браги жене. — Во второй половине дня я намерен поиграть в «Захват».

— В такую погоду?

— Мне бросили вызов, и лишь они могут отменить его. — Он начал зашнуровывать башмаки. — Но, похоже, они любят повозиться в грязи.

— Не стары ли ты для подобных упражнений?

— Не знаю.

Не исключено, что его время действительно прошло. Реакция уже не та. Мышцы действуют не так, как раньше. Может быть, он всего лишь старик, отчаянно пытающийся удержать иллюзии молодости? Вообще-то он никогда не любил эту игру.

— А чем намерена заняться ты? — спросил Браги.

— Смертельно скучным делом. И не освобожусь, пока заседание Совета не кончится. Я чувствую себя горничной.

Браги не стал напоминать ей, что она сама настояла на том, чтобы лично развлекать жен членов Совета.

Весенняя сессия Совета должна была начаться через неделю, но наиболее состоятельные депутаты уже прибыли в Форгреберг, чтобы насладиться теми возможностями, которые открывала перед ними столица.

— Мне надо перекусить, — сказал Браги.

Он был королем, не склонным к соблюдению этикета. На дворцовые церемонии и помпезность ему никогда не хватало терпения, а приличествующая его положению рос-

кошь и вовсе его не интересовала. Прежде чем стать королем, он был воином и до сих пор старался придерживаться спартанского образа жизни. Он хотел в глазах других по-прежнему выглядеть солдатом.

— Неужели ты меня перед уходом не поцелуешь?

— Хотел от порога послать воздушный.

— Ни за что. И Фулька тоже.

Поцеловав младенца, Браги вышел из спальни.

Фульк может стать большой проблемой, думал он, спускаясь по лестнице. Битва началась уже при выборе имени. Браги схватку проиграл.

Роды прошли трудно, и Ингер больше не хотела иметь детей. Он же, напротив, хотел, хотя и не считал себя хорошим отцом.

Кроме того, Ингер волновали и наследственные права Фулька. Он был ребенком от второго брака Рагнарсона. Браги уже имел трех отпрысков и одного внука, которого тоже звали Браги. К внуку дед относился скорее как к собственному сыну. Его отец — первенец Рагнарсона погиб в битве под Палмизано.

Первая семья короля жила в его собственном доме за стенами Форгреберга. Вдова сына не только вела хозяйство, но и управлялась с детьми. Вот уже несколько недель он их не навещал.

— Надо будет выкроить время, — пробормотал он. Невнимание к детям было одним из тех грехов, которые заставляли его мучиться.

Он сделал зарубку в памяти — не забыть спросить о юридической стороне наследования у Дерела Пратаксиса, когда тот вернется, завершив свою миссию.

Рагнарсон долго жил странной, волшебной жизнью и теперь считал, что давно прошли те сроки, когда удача должна отвернуться от него. Видимо, это рождено страхом перед подступающей старостью. Да, он стоит на ее пороге. Его реакция замедлилась, а интуиции уже не всегда можно доверять. Время неизбежной смерти постепенно подкрадывается к нему.

Может быть, во время этой сессии Совета ему следует договориться о порядке наследования? Они не сделали его власть наследственной, когда силой тащили на трон.

Он подошел к главной кухне замка. Из открытых дверей тянуло запахом снеди и доносился громкий голос:

— Это сущая правда. Точно. Девять женщин за день. Вы понимаете, что я хочу сказать. За двадцать четыре часа. Я тогда был молодым. Четырнадцать дней на транспорте. Не видел ни одной бабы, не говоря уж о том, чтобы поиметь кого-нибудь. Вот так. Вы мне не верите, но это чистая правда. Девять женщин за один день.

Рагнарсон улыбнулся. Кто-то сумел завести Джоси Гейлза. И сделал это, вне всякого сомнения, нарочно. Когда Гейлз расходится, никакого театра не надо. Он орал все громче и громче, размахивал руками, пританцовывал, топал ногами и закатывал глаза, подчеркивая каждое слово каким-нибудь действием.

Джоси Гейлз. Сержант пехоты. Великолепный лучник. Крошечный винтик в дворцовой машине. Один из тех двух сотен солдат и искусных ремесленников, которых Ингер привела с собой. Ее единственное приданое, так как младшая линия Грейфеллзов Итаскийских, к которой она принадлежала, впала в благородную нищету.

Браги снова улыбнулся. Они все еще посмеиваются над севером, полагая, что легко избавились от власти буйной бабы, оказавшись в то же время под покровительством богатого королевства. Невидимый сержант никак не желал уняться.

— Четырнадцать дней в море! — вопил он. — Я вполне дозрел. Скажи, сколько баб ты имел за один день? Нет, я не выпендривался. Я работал. Вот седьмая, например. До сих пор ее помню. Да, помню. Стонала, царапалась. А как кончать стала, кричала: «О! О! Гейлз! Гейлз! Я больше не могу!» Вот так. Такова истина. Девять женщин за день. За двадцать четыре часа. Тогда я был молодым.

Гейлз без конца повторял одно и то же. Чем сильнее сержант заводился, тем больше было повторов. Надо сказать, что аудитория против этого не возражала.

Браги подошел к дежурному повару:

— Скруг, там цыпленка с вечера не осталось? Мне надо перекусить.

Повар кивнул и, указав подбородком на Гейлза, сказал:

— Девять женщин в день.

— Я уже слышал эту историю.

— И что скажете?

— По крайней мере он последователен. Рассказывая ее в очередной раз, число не увеличивает.

— Ведь вы были в Симбаллавейне, когда высадились итаскийцы. Разве не так?

— Я был в Либианнине и Гейлза не встречал. Иначе я его бы запомнил.

— Да, он производит впечатление, — со смехом сказал повар, доставая блюдо с холодной курицей. — Этого вам хватит, сир?

— Более чем. Что же, теперь присядем и посмотрим представление.

Аудитория Гейлза состояла из слуг, прибывших в город с советниками и помощниками — с теми, с кем Браги предстояло встретиться сегодня утром. Для них рассказы сержанта были в новинку. Чувствуя внимание аудитории, Гейлз начал делиться другими подробностями своей биографии.

— Я объездил весь мир, — разглагольствовал он. — То есть хочу сказать, что бывал всюду. Да. Итаския. Хэлин-Деймиель. Симбаллавейн. Да. И повсюду имел разных женщин. Белых женщин. Черных женщин. Коричневых женщин. Короче говоря, всяких. Да. И это все чистая правда. У меня и сейчас пять разных баб. Прямо здесь, в Форгреберге. Одной из них уже пятьдесят восемь лет.

Кто-то заулюлюкал. Остальные рассмеялись. Проходящий мимо дворцовый стражник сунул голову в дверь и спросил:

— Эй, Гейлз! Неужели пятьдесят восемь? А что она делает, когда ложится? Жует тебя беззубыми деснами, пока ты не кончишь?

Компания взвыла от восторга, а Гейлз, воздев руки к потолку, громко завопил:

— Пятьдесят восемь лет! Точно. Я не вру.

— Ты не ответил на вопрос, Гейлз. Так что же она делает?

Физиономия сержанта исказилась, и он не стал отвечать на вопрос.

Рагнарсон выронил цыпленка. Его душил смех, и жевать он просто не мог.

— Низкопробный юмор, — проревел повар.

— Ниже некуда, — согласился Браги. — Прямиком из сточной канавы. Но если это так, то почему ты не можешь стереть ухмылку со своей рожи?

— Если бы это был не Гейлз...

Аудитория плевать хотела на недовольство сержанта и засыпала беднягу вопросами о его престарелой подружке. Физиономия его залилась краской, и он запрыгал в толпе, хохоча громче всех.

— Валяй всю правду, Гейлз, не дрейфь! — вопили насмешники.

— Нет, он просто чудо, — покачав головой, пробормотал Браги. — Ведь ему это нравится. Я бы ни за что не выдержал.

— Но какая от него польза? — спросил вполне серьезно повар.

— Веселье, — ответил Браги, подавив смешок.

Вопрос был далеко не праздный. Люди, которых Ингер получила в виде приданого, доказали свою полезность, но Рагнарсон частенько спрашивал себя, что на самом деле может означать их присутствие при дворе. Они не были преданы ни ему лично, ни Кавелину. И Ингер в душе попрежнему оставалась итаскийкой. В будущем это могло доставить неприятности.

Обратившись снова к цыплятам, он продолжал наблюдать за Гейлзом. В кухню вошел адъютант.

Дал Хаас, как всегда, был гладковыбрит и до блеска вычищен. Он принадлежал к тому необычному братству людей, которые могли пройти в белых одеждах через угольные копи и остаться при этом абсолютно чистыми.

— Они собрались в комнате Тайного совета, сир, — сказал Дал. Он стоял так, словно копье проглотил, переводя взгляд с Браги на Гейлза и обратно. По лицу молодого человека пробежала гримаса отвращения.

Браги не понимал своего адъютанта. Его отец шел за Рагнарсоном не один десяток лет и все время оставался таким же земным, как и Гейлз.

— Буду через пару минут, Дал. Попроси их подождать.

Солдат зашагал прочь с таким видом, словно к его спине была гвоздями приколочена широкая доска. Второе поколение, подумал Рагнарсон. Остальные ушли. Дал остался последним, кто был с ним практически от рождения.

Битва при Палмизано отняла у него множество старых друзей, первенца Рагнара и единственного брата. Кавелин был не королевством, а какой-то вечно голодной крошечной сучкой богиней, жадно требующей себе все новых и новых жертв. Иногда он спрашивал себя, что бы случилось, если бы эта богиня оказалась не столь требовательной, а сам он не совершил бы вопиющую глупость, согласившись стать королем.

Он был солдатом. Простым солдатом. Управлять королевством вовсе не его дело.

Весь Форгреберг немного дрожал от легкого возбуждения. Это был вовсе не тот трепет, который охватывает людей в предвидении ужасных событий. Жители столицы волновались, предвкушая нечто весьма приятное.

С востока прибыл гонец, и те вести, которые он принес, касались всех подданных королевства.

Главы самых могущественных торговых домов направили молодых людей околачиваться поблизости от замка Криф. Эти юнцы получили строгие инструкции держать уши востро, а глаза — открытыми. Торговцы в напряжении замерли, как бегуны на старте, ожидающие сигнала к началу забега.

Кавелин и в первую очередь Форгреберг долгое время извлекали выгоду из своего расположения на главном пути, связывающем восток и запад. Но в последние годы поток товаров практически иссяк. Только наиболее отчаянные контрабандисты пробовали проскользнуть под носом бдительных солдат Шинсана, захвативших земли ближнего востока.

Война длилась два года, а последовавшие за ней три года мира то и дело прерывались яростными приграничными стычками. Жители запада и люди востока постоянно сталкивались лицом к лицу в горном проходе Савернейк, един-

ственном доступном для коммерции перевале в горах М'Ханд. Ни один гарнизон не пропускал путников через свои блокпосты.

Торговцы по обеим сторонам границы не уставали сетовать по поводу постоянных, грозящих перерасти в войну столкновений.

Циркулировали слухи о том, что король Браги направил очередного посла к лорду Хсунгу, назначенному проконсулом Тройеса. Вот уже в который раз он пытался договориться о возобновлении торговли. Эти передаваемые шепотом слухи порождали в сердцах купцов чуть ли не мессианские надежды.

Война и оккупация оставили экономику Кавелина в состоянии полного упадка. Хотя хозяйство королевства по своей сути было в основном аграрным и, в принципе, способным к самовосстановлению, за три года свободы оно возродиться не успело и отчаянно нуждалось в возобновлении торговли и притоке новых капиталов.

В этой мрачной комнате собрались все приближенные короля. Майкл Требилкок и Арал Дантис о чем-то негромко переговаривались, стоя у длиннющего дубового стола. На собраниях подобного рода они не были вот уже несколько месяцев.

Рядом с огромным камином молча переминались с ноги на ногу чародей Вартлоккур и его супруга Непанта. Чародей был явно чем-то обеспокоен. Он смотрел в прыгающие языки пламени с таким видом, словно вглядывался в необъятную даль, открывающуюся за очагом.

Начальник Штаба армии сэр Гжердрам Инредсон расхаживал по паркетному полу, время от времени нанося удар кулаком по открытой ладони. Он метался как дикий зверь в клетке.

Чам Мундуиллер — финансовый магнат из Седлмейра и выразитель интересов короля в Совете попыхивал трубкой, мода на которые недавно пришла в Кавелин из южных королевств. Создавалось впечатление, что он часть герба прежней династии Криф — этот герб украшал потемневшую от времени восточную стену палаты.

Мгла, некогда принцесса враждебной империи, сидела почти во главе стола. Годы в Кавелине превратили ее в спокойную, нежную женщину. Перед ней лежал мешочек для рукоделия. Вязальные спицы стучали с фантастической быстротой. Ими манипулировал крошечный двухголовый и четырехрукий демон. То одна, то другая голова начинала шепотом выговаривать соседке за якобы пропущенную петлю. Мгла их ласково успокаивала.

В помещении находилась еще дюжина людей. Происхождение одних было до отвращения благородным, а других — возмутительно туманным. Король не принадлежал к числу людей, выбирающих друзей по внешнему виду. Он стремился привлекать себе на службу самые разнообразные таланты.

Сэр Гжердрам бубнил на ходу:

— Когда, к дьяволу, он наконец соблаговолит явиться? Разве не он заставил меня притащиться сюда из самого Карлсбада?

Другим пришлось проделать еще больший путь. Родной для Чама Мундуиллера Седлмейр лежал на южной границе Кавелина у подножия хребта Капенрунг в тени Хаммад-аль-Накира. Кастелян замка Майсак Мгла спустилась с гор, покинув свою, стоящую в проходе Савернейк, твердыню. А Вартлоккур с Непантой явились вообще бог знает откуда. Скорее всего они прибыли из своего замка Клыкодред, воздвигнутого в самом сердце непроходимого хребта, именуемого Зубы Дракона. А бледный Майкл Требилкок имел такой вид, словно явился в Форгреберг после длительного пребывания в стране теней.

Так, собственно, и было.

Майкл Требилкок возглавлял секретную службу короля. В лицо его мало кто знал, но имя его произносили с ужасом и только шепотом.

В комнате появился адъютант короля:

— Я только что говорил с его величеством. Будьте готовы, король направляется сюда.

Мундуиллер хмыкнул, выбил пепел из трубки в камин и тут же вновь принялся ее набивать.

Вошел Рагнарсон.

— Похоже, что нас здесь собралось достаточно, — заметил он, обежав взглядом присутствующих.

Рагнарсон — высокий, крепко скроенный блондин. Он весь был покрыт шрамами, причем не только телесными. Некоторые раны он носил в душе. В его шевелюре на висках заметны седые волосы. Но выглядел Рагнарсон лет на пять моложе своего возраста. Держать себя в форме ему помогали военные игры.

Он стал пожимать руки и обмениваться приветствиями. В нем не было ничего похожего на королевское величие. Да, конечно, он оставался королем, но сейчас это была всего-навсего встреча со старыми друзьями.

Нетерпение собравшихся немало позабавило Браги. Обратившись к сэру Гжердраму, он спросил:

— Как прошли маневры? Смогут ли войска провести летние учения совместно с милицией?

— Конечно. Это лучшие солдаты во всех Малых Королевствах. — Казалось, что Инредсон органически не может стоять на одном месте.

— Ох уж эта мне молодежь с ее вечной торопливостью. — Сэру Гжердраму еще не было и тридцати. — Скажи-ка мне лучше, как поживает прекрасная Гвендолин?

Инредсон в ответ пробурчал что-то невнятное.

— Не тревожься. Она тоже очень молода. Вы перерастете все трудности. Ну хорошо, друзья. Подойдите поближе. Я отниму у вас всего несколько минут.

Приближенных оказалось больше, чем стульев. Три человека остались стоять.

— Сообщение от Дерела. — Браги выложил потрепанный листок бумаги на потертую дубовую столешницу. — Пустите это по кругу. В донесении сказано, что лорд Хсунг принимает наши предложения при условии, что это решение получит одобрение его начальства.

Над столом прошелестел ропот недоверия.

— Полностью принимает? — спросил сэр Гжердрам.

При этом он скривился так, словно не верил своим ушам. Мундуиллер пососал трубку и покачал головой. Он тоже отказывался верить словам Браги.

— Полностью. Все до последней буквы. Без каких-либо существенных оговорок. Пратаксис сообщает, что он едва взглянул на наши условия. Лорд Хсунг даже счел излишним советоваться с командирами своих легионов. Решение было принято заранее. Ответ был готов еще до появления там Дерела.

— Не нравится мне это, — проворчал Инредсон. — Слишком резкий вольт.

Мундуиллер пыхнул трубкой и согласно кивнул. Несколько человек тоже кивнули.

— Об этом я и размышляю. И по этой причине вы оказались здесь. Лично я вижу две возможности. Это может быть ловушка. Однако, возможно, что за зиму в Шинсане произошли какие-то важные события. Пратаксис ничего не поясняет. Он возвращается на следующей неделе. Тогда мы все и узнаем.

Браги обвел свою аудиторию вопросительным взглядом, однако с комментариями никто не пожелал выступить. Король имел дело с упрямой и своевольной компанией. Ему ничего не оставалось, кроме как пожать плечами и продолжить:

— Несколько лет они бродят вокруг да около, предлагая неприемлемые тарифы и оспаривая каждое слово любого договора, и вдруг соглашаются на все. Гжердрам! Ты первый. Как ты думаешь — почему?

Инредсон скривился. Видимо, на этот день он решил использовать только такое выражение физиономии.

— Может быть, Хсунг восстановил численность своих легионов, а может быть, хочет открыть Савернейк для того, чтобы к нам засылать шпионов.

— Мгла, почему качаешь головой? — спросил Рагнарсон. — Ты не согласна с сэром Гжердрамом?

— Он не прав. Дело совсем не в шпионах.

Вартлоккур посмотрел на нее с такой злобой, что Рагнарсон изумился. Мгла тоже заметила этот взгляд.

— Итак? — спросил король.

— В том, что говорит Гжердрам, нет смысла. Они владеют Силой, и у них нет нужды засылать шпионов. — Дело обстояло не совсем так, и она, впрочем, как и Рагнарсон,

знали это. Мгла решила уточнить свое замечание: — В том случае, конечно, если я или Вартлоккур не установим Защиту. — Мгла обменялась взглядом с чародеем, который на сей раз, похоже, был вполне удовлетворен. — Если они вдруг захотят забросить агента, то воспользуются тропами контрабандистов.

Между колдуном и колдуньей возникла какая-то связь. Рагнарсон это сразу почувствовал, но характер связи определить не мог. Ему ничего не оставалось, кроме как ждать дальнейших объяснений.

— Возможно, ты и права. Но если отмести эту причину, то чем ты можешь объяснить столь резкую смену их настроения? Что, по-твоему, может иметь смысл?

Браги огляделся. Дантис и Требилкок демонстративно отвели взгляд.

Рагнарсон ощутил смутное беспокойство. Похоже, что здесь имеются подводные течения. Мгла, Вартлоккур, Дантис и Требилкок были его наиболее информированными советниками во всем, что касалось Империи Ужаса. На сей раз они уклонялись от всяких советов, что было на них совершенно непохоже. Советники напоминали врачей, держащих руку на пульсе больного — пульсе столь неровном и необычном, что они не решались поставить диагноз.

— Не знаю. — Мгла покосилась в сторону Арала Дантиса. Дантис, не имея официального поста, считался своего рода министром торговли, так как был связан с Короной и в то же время дружил со многими коммерческими магнатами Кавелина. — Что-то происходит в Шинсане. Но они это тщательно скрывают.

Вартлоккур лишь ценою огромных усилий сумел подавить улыбку.

Браги склонился вперед, поставил локоть на стол, упершись подбородком на ладонь и уставил взгляд в бесконечность.

— Интересно, почему у меня такое чувство, будто вы все знаете, но не хотите мне сказать? — спросил он. — Ведь догадка вам ничего не будет стоить.

Мгла уставилась на свое вязание. Чародей не сводил взгляда с нее.

— Возможно, там произошел переворот, — наконец решилась она. — Я больше не чувствую присутствие Ко Фенга. — Затем перейдя после короткой паузы на более осторожный тон, Мгла продолжила: — Прошлым летом я вступала в контакт с кое-кем из своих бывших сторонников и поняла, что там в воздухе что-то витает. Уточнить, что именно, они отказались.

— Тервола, вне сомнения! — фыркнул Требилкок. — Чародеи уточнять не любят. Им, видите ли, не нравится, когда их загоняют в угол. Докладываю вам, сир: прошлой осенью Ко Фенг был смещен со всех постов, обесчещен и лишен бессмертия. Его практически обвинили в измене за то, что он не покончил с нами под Палмизано. Место Ко занял человек по имени Куо Вен-чин, который до этого командовал Третьим корпусом Центральной армии. Всех, кто каким-либо образом был связан с Праккией или Фенгом, перевели на безопасные, третьестепенные посты в Северной или Восточной армии. Сам Ко Фенг исчез. Куо Вен-чин и его подручные принадлежат к молодому поколению тервола или вообще пока являются Претендентами. Они не принимали участия в Великих Восточных Войнах.

Требилкок поднес руки к бледному лицу, потер ладони и обратил взор на Мглу с таким видом, будто спрашивал: «Ну что на это скажешь?» Затем Майкл обратил все свое внимание на Арала. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Требилкок ненавидел подобные сборища и терпеть не мог выступать публично. Боязнь аудитории была единственной брешью в броне его отваги.

Майкл Требилкок вообще был типом несколько странным. Даже его самым лучшим друзьям он казался личностью замкнутой и немного пугающей.

— Что скажешь, Мгла? — спросил Браги.

— Видимо, мои знакомцы не столь информированы, как агенты Майкла, — пожала плечами она. — И кроме того, они хотят меня забыть как можно скорее.

Рагнарсон перевел взгляд на Требилкока. Тот ответил королю едва заметным пожатием плеч.

— Вартлоккур, что думаешь ты?

— В последнее время я не наблюдал за Шинсаном. У меня была масса домашних дел.

Непанта залилась краской, уставившись на стол. Она находилась на восьмом месяце беременности.

— Если ты считаешь все это действительно важным, я мог бы послать туда Нерожденного, — предложил Вартлоккур.

— Не стоит рисковать. Не надо их провоцировать. Чам! А ты почему молчишь? Какие-нибудь идеи имеются?

Мундуиллер извлек изо рта трубку и, пыхнув голубым облаком дыма, произнес:

— Я не могу сказать, каким образом я узнал о том, что там происходит. Замечу лишь, что время от времени слухи, которые привозят с собой контрабандисты, долетают и до моих ушей. Так вот, если им верить, то в Тройесе случился мятеж. Хсунг, возможно, хочет сменить точку нажима, с целью предотвратить общее восстание против своих марионеток.

Король снова покосился на Требилкока. Майкл никак на это не прореагировал. Рагнарсон проинструктировал Майкла, чтобы он в качестве жеста доброй воли перестал поддерживать партизан Тройеса и прекратил все сношения с их вождями. Неужели Майкл посмел ослушаться приказа?

Майкл Требилкок был талантливым и энергичным человеком, но удержать его в узде не мог никто. Практически вся шпионская служба стала его единоличным доменом. Но в своем деле он был просто великолепен и очень полезен. Майкл имел особый дар обзаводиться везде друзьями, которые держали его в курсе всех событий. С помощью Дантиса для сбора дополнительной информации он пользовался услугами чуть ли не всех торговцев Кавелина.

— Вы все сегодня, похоже, не в духе, — заметил король, обведя взглядом своих советников. — Что же. Пусть будет так. Если вы не расположены со мной беседовать, до возвращения Дерела нам делать нечего. Прошу вас пока поразмышлять о том, что там происходит. Обратитесь к своим контактам. Нам предстоит выработать политику. Гжердрам! Если ты действительно считаешь, что должен следить за Креденс Абакой, отправляйся в Карлсбад. Но будь здесь, когда вернется Пратаксис. Хорошо? Генерал Лиакопулос...

Генерал являлся постоянным представителем гильдии наемников в Кавелине и помогал совершенствовать вооруженные силы королевства.

— У меня сообщение не по повестке нашего собрания, сир, но оно заслуживает внимания. У меня скверные вести из Высокого Крэга. Сэр Тури умирает.

— Новость действительно печальная. Но... Он был очень немолод еще во время Войн Эль Мюрида. Я впервые встретил его в ту ночь, когда мы прорывались из Симбаллавейна, — произнес задумчиво Браги. — Мне тогда было всего шестнадцать.

Король целиком ушел в воспоминания. Шестнадцать лет. Бегство из Троллединги, где жестокая война за наследование уничтожила его семью. Ему с братом некуда было податься, они вступили в Гильдию и почти сразу же оказались в кипящем котле Эль Мюридских войн. В то время Браги и его брат Хаакен были всего-навсего несмышлеными мальчишками, но со временем сумели прославиться. Точно так же, как и их друзья: Рискерд Драконоборец, Гарун и маленький смешной толстяк по имени Насмешник.

Браги повернулся спиной к присутствующим, на его глазах выступили слезы. Они уже ушли. Все четверо. И еще так много друзей вместе с ними. Рискерд и брат пали под Палмизано. Гарун исчез где-то на востоке. Насмешник... Браги был вынужден своими руками убить лучшего друга.

Праккия захватила сына Насмешника, чтобы превратить отца заложника в убийцу.

«Лишь я смог выжить, — думал Браги. — Сумел пройти через все это. Я из ничего поднялся до самых вершин. Мне удалось добиться эры покоя, и жители этой крошечной бородавки на карте мира избрали меня своим королем».

Но какой ценой! Какой проклятой ценой!

Не только брата и друзей — он потерял жену и нескольких детей.

Всем, кто находится сейчас в этой комнате, пришлось пережить потери. И потери эти — часть связующих уз. Браги смахнул слезу. Он даже рассердился на свою излишнюю сентиментальность.

— Вы можете идти, — сказал король. — Держите меня в курсе событий. Майкл, останься на минуту.

Все потянулись к выходу. Браги задержал также генерала Лиакопулоса и спросил:

— Должен ли я послать своего представителя на похороны?

— Это был бы знак уважения. Сэр Тури был вашим сторонником в Цитадели.

— В таком случае я это сделаю. Он был великим полководцем. Я перед ним в долгу.

— Сэр Тури испытывал самые теплые чувства как лично к вам, так и к Кавелину.

Браги следил за тем, как его приближенные покидают комнату. Большая часть их так и промолчала, обменявшись лишь приветствиями. Не является ли это опасным предзнаменованием?

В нем где-то глубоко-глубоко засело весьма неприятное чувство. Он не мог избавиться от ощущения, что надвигается время больших перемен. Злой рок набирает силы. Где-то далеко за горизонтом начинают клубиться черные тучи.

ГЛАВА 2

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: РАЗГОВОРЫ

— Похоже, что перед нами может встать проблема, проблема серьезная и долгосрочная, — заметил Майкл Требилкок. — Но у вас еще есть время на то, чтобы предотвратить ее появление.

— Что именно?

— Это «что именно» минуту назад находилось здесь. Сколько их было? Двадцать? Весь внутренний круг руководителей Кавелина. Поднимите руку и посчитайте на пальцах, сколько из них являются уроженцами королевства. Гжердрам. Мундуиллер. Арал. Барон Хардл. И это все. Кто отсутствовал? Королева. Пратаксис. И еще один туземец Креденс Абака — единственный представитель Марена Димура.

— Что ты пытаешься мне сказать?

— Неоправданное засилье иностранцев. Пока это никого не волнует, у всех на уме Шинсан. Предположим, соглашение состоится и мы заживем в мире и согласии с Империей Ужаса. Торговля приведет к развитию экономики. Что останется, когда народ перестанет думать о хлебе насущном, а Шинсан уже не будет пугалом? Останемся мы. Они не утратили своего национального сознания. Вы можете оказаться даже в большей дыре, чем последний король династии Криф.

— Большой ты у нас ученый, — проворчал Браги, однако понимая, что в словах Майкла что-то есть.

Этнический состав Кавелина среди всех Малых Королевств был наиболее разношерстным. Состоял он из четырех ярко выраженных групп. Марена Димура были потомками древних туземных племен. Силуро вели свое происхождение от гражданских чиновников тех дней, когда Кавелин был частью Империи Ильказар. Вессоны были потомками тех итаскийцев, которых Империя переселила в Кавелин. И наконец, Нордмены вели свой род от тех людей, которые сокрушили Империю. Трения между этими этническими группами не прекращались вот уже много столетий.

— Возможно, ты прав, Майкл. Прав. Я обдумаю твои слова.

— С какой целью вы меня задержали?

— Сегодня во второй половине дня мы играем в «Захват». Я играю справа и хочу видеть тебя рядом с собой.

Требилкок даже фыркнул от отвращения. Он не выносил никаких игр и ненавидел физические упражнения более утомительные, нежели утренние верховые прогулки в обществе друзей. «Захват» требовал серьезных затрат энергии и мог продолжаться бесконечно, если силы команд оказывались примерно равными.

— Против кого играете?

— Против «Пантер из Чаргин-Холла».

— Команда торговых кругов? Я слышал, что они очень хороши. За ними стоят большие деньги.

— Они молоды, выносливы, сильны. Но тонкости мышления им не хватает.

— Раз уж речь зашла о молодости, то не стары ли вы для игры в «Захват»? Сами понимаете, что я не хочу вас обидеть.

«Захват» был придуман давным-давно племенами Марена Димура, а местом для игры служили бесконечные леса древнего Кавелина. При помощи игры они решали возникавшие между поселениями споры, однако в результате неопределенности правил игры в лесах частенько оставалось несколько трупов.

В городском варианте игра велась на более ограниченном пространстве. «Поле» Форгреберга занимало всего лишь одну квадратную милю к северу от кладбища. Каждая команда насчитывала по сорок игроков, а правила позволяли сделать игру очень веселой.

Все пытались обжулить противника.

«Захват» напоминал известную игру «Укради знамя». Игроки пытались захватить у своих оппонентов шары и перенести их в свой «замок», защищая всеми силами свои шары. Каждая команда начинала игру с пятью шарами, размером примерно с голову быка. Можно было попытаться вернуть и те шары, которые уже были захвачены. Игра имела два варианта. В первом, коротком, побеждала команда, собравшая все шары противника. Во втором, более продолжительном, победителем считался тот, кто ухитрялся доставить в свой «замок» все шары до единого. Долгая игра могла тянуться неделями. В Форгреберге предпочитали разыгрывать короткую версию.

— Дыхания мне иногда действительно не хватает, — признался Браги. — Да и ноги стали уставать быстрее. Но это единственное развлечение, которое у меня еще осталось. Кроме того, находясь во время игры в одиночестве, я могу подумать. Никто меня не отвлекает.

— И никто не услышит, если вам вдруг вздумается поговорить по душам с находящимся рядом игроком.

— Здесь, Майкл, даже и стены имеют уши.

Требилкок застонал. Ему так не хотелось тратить вторую половину дня на беготню по лесу... Но ему — главному шпиону Кавелина — пришла в голову чудная мысль, и он ухмыльнулся. Он может нарушить правила так, что его вы-

ведут из игры. Если противник уличит его в жульничестве перед лицом рефери, то он не сможет вернуться к игре.

В этом и была вся загвоздка. Жульничество считалось жульничеством, если свидетелем ему являлся судья. Всякий творческий обман в игре вообще-то поощрялся.

— Там и встретимся. Мы держим западный «замок». Постарайся успеть к полудню, — с улыбкой сказал Браги, зная отношение Майкла к играм. — И надень какое-нибудь старье.

— Ваше желание — приказ для меня, — объявил Требилкок. — А теперь я могу удалиться?

— Валяй. Там поговорим.

Майкл, сутулясь, побрел прочь, а Браги смотрел ему вслед. Высокий, тощий, глава шпионской службы походил на карикатуру. Его кожа была такой бледной, словно никогда не видела солнца. Казалось, что этот человек настолько слаб, что едва держится на ногах.

Но внешний вид был обманчив. Требилкок был жилист и являл собой образец выносливости. Во время Великих Восточных Войн он выполнил несколько опасных и изнурительных заданий. Успехи принесли ему славу суперагента. Некоторые политики из внутреннего круга опасались его больше, чем те враги, которых он разоблачал и за которыми охотился.

— Майкл, — пробормотал Браги себе под нос, — ты и есть одна из тех проблем, что встретятся мне на моем дальнейшем жизненном пути.

Требилкок был одним из наиболее достойных соратников Рагнарсона, и Браги питал к нему чуть ли не отцовскую нежность. Но Майкл имел склонность к излишне самостоятельным шагам в своем сумеречном мире шпионажа, чем иногда ставил короля в неловкое положение.

Рагнарсон сел за стол и воссоздал в памяти те моменты жизни, которые привели его на это место и к этому положению. Припомнил он и потери, понесенные им в пути... Чтобы избавиться от воспоминаний, он потряс головой так, как делает выбравшаяся из воды собака. Хватит! Можно свихнуться, если постоянно думать о том, как следовало бы поступать в прошлом в той или иной ситуации.

— Надо вечером повидаться с детишками, — пробормотал он. — Если, конечно, к тому времени еще буду волочить ноги.

Майкл все-таки сумел уговорить свою лошадь выехать из ворот замка. Сам он ежился, сидя в седле. Промокшие под мелким дождичком волосы липли ко лбу.

Часовые отсалютовали, не выходя из будки.

— Ну и страшен же он, — едва слышно пробормотал один из солдат.

— У него такой вид, будто он опоздал на собственные похороны, — заметил второй. — А кто это?

— Один из людей короля, — пожимая плечами, ответил первый. — В последнее время его здесь редко можно увидеть.

Если бы они услышали имя, то сразу бы поняли, кто проехал мимо них. Пламя его славы освещало даже самые темные углы общества. Люди с нечистой совестью все время косились на Требилкока. Он был близок с Вартлоккуром, создавшим Нерожденного — чудовище, способное проникать в мысли человека. Тем, кто замышлял крупные преступления или плел заговоры, не ускользнуть от внимания Майкла, на их головы неизбежно опускался безжалостный молот.

Требилкок почти всю жизнь неустанно трудился над созданием своего устрашающего образа.

Арал Дантис встретил приятеля на мощенной булыжником дороге, связывающей замок с городом. Друзья направили лошадей в дворцовый парк. Вишня и слива были в полном цвету.

— Сегодня мы выехали поздновато, — заметил Майкл. Вот уже много лет они использовали каждую возможность, чтобы покататься в парке. Обычно они скакали по конным тропам вместе с другими обитателями замка. Этим утром из-за моросящего дождя они оказались в одиночестве.

— С утра погода была еще хуже, — ответил Дантис.

Друзья уже потолковали о старых временах и обсудили слухи на сегодняшний день. Теперь они ехали молча.

Арал — крепкий, почти квадратный молодой человек лет двадцати пяти—двадцати шести, и выглядел он не как

известный, преуспевающий торговец, а как уличный хулиган. До того как умер его отец, он действительно скорее был вторым, нежели первым. Он сумел сменить направление деятельности отцовской фирмы и вместо бесперспективного караванного дела стал заниматься снабжением армии конской упряжью и лошадьми. К этому времени Арал успел превратиться в основного поставщика Королевской армии.

— Я бы все это перепланировал, — сказал Требилкок, обводя рукой парк. — В университете Ребсамен у меня был учитель, который увлекался ландшафтной архитектурой. У того, кто все это создавал, начисто отсутствовало воображение. Перед нами — всего-навсего заурядный фруктовый сад.

Арал, ожидая продолжения, вопросительно посмотрел на друга.

— Во-первых, я убрал бы все фруктовые деревья. Во-вторых, выкопал бы озеро — создал бы отражающую поверхность. По обеим сторонам посадил бы тюльпановые деревья, чтобы они обрамляли замок. Может быть, стоило бы посадить кустарник и разбить цветник, чтобы улучшить цветовую гамму весной и осенью. Теперь понимаешь, что я имею в виду?

— Интересно было бы взглянуть на то, что ты здесь сотворил бы, — с улыбкой сказал Арал. — Однако было бы лучше, если бы ты снес башню Фианы или воздвиг бы другую слева. Это придало бы архитектуре замка большую сбалансированность.

— Сбалансированность? — Требилкок, казалось, был изумлен. — Что ты понимаешь в архитектурном балансе?

— Что я понимаю, Майкл? Да ничего. Просто надо иногда пускать в дело здравый смысл. Что он от тебя хотел?

— Кто хотел что?

— Да король же. Почему он попросил тебя остаться?

— Ты не поверишь, но я пока не знаю. Он возжелал, чтобы я выступил вместе с ним за команду «Гвардия» в сегодняшней игре.

Арал внимательно посмотрел на приятеля, недоверчиво прищурив один глаз.

— Неужели? — выдержав паузу, рассмеялся он. — Точно. Сегодня «Пантеры» встречаются с «Гвардией». Битва непобедимых. Старый лис желает собрать самых лучших игроков. — Дантис наклонился, чтобы ущипнуть Майкла за бицепс. — Сделай ставку на «Пантер», Майкл. Чаргин-Холл собрал всех лучших игроков, которых можно купить за деньги. Вот уже много лет у них никто не может выиграть.

— Какие ставки на разрыв в счете?

— Ставка пять к одному для глупцов, которые верят, что разрыв будет всего в два очка в пользу «Пантер», и десять к одному для идиотов, кто ставит на победу «Гвардии».

Они проехали еще полсотни ярдов, прежде чем Требилкок задумчиво протянул:

— Думаю, что мои банкиры могли бы подкинуть пару сотен ноблов. На «Гвардию».

Дантис и Требилкок повернули в сторону замка. Дантис всегда считал, что Майкл обращается с деньгами как последний дурак.

— Но какого дьявола? Конечно, это твои деньги, и у тебя их столько, что всех не выбросить. Но с какой стати ты их тратишь зря?

— Твой классовый подход так и прет наружу, Арал. «Гвардия» тоже не терпела поражений. Прежде чем делать ставку, вспомни, кто собирается играть за эту команду. Король не верит в поражение.

Майкл почувствовал на себе внимательный взгляд Арала. Он знал, что друга тянет спросить, не знает ли главный шпион нечто более важное, чем то, что говорит.

— Майкл...

— Да?

— Ты все еще якшаешься с этими парнями из Тройеса? У меня такое ощущение, что он пытался тебя на этом зацепить.

— Не исключено. Контактов с ними я не терял. У меня нет намерения сжигать все мосты. Обстановка меняется, и уже в следующем году нам может потребоваться их помощь. А чем ты занимаешься, Арал?

— Я? Да ничем, кроме своих маркитантских дел. Я не знаю, с какой стати он меня вдруг пригласил.

Требилкок понимающе кивнул. Это давно уже превратилось в дуэль, где в качестве оружия служили полуправда или уклончивые ответы.

— Может быть, он хотел, чтобы ты рассказал своим друзьям об истинном положении дел? О том, что проход Савернейк может скоро открыться. Таким образом будет положен конец наиболее безумным слухам.

— Да, это единственное, до чего я сам смог додуматься. Сколько времени ты намерен провести в городе? Я думал о том, не завалиться ли нам как-нибудь вечерком по старой памяти на улицу Арсен. Помнишь заведение «У толстяка»? Они провели там реставрацию. Шикарное местечко. Привезли девиц с побережья. Мы могли бы там погудеть, как в старое доброе время.

— Боюсь, что на подобные подвиги, Арал, у меня уже не осталось энергии.

— Брось! Ты все равно не будешь жить вечно. Веселись, пока можешь. Кроме того, тебе время от времени следует выползать из тени.

— Я пробуду здесь, пока не вернется Пратаксис. И дам тебе знать в случае чего. — Они уже сделали полукольцо вокруг замка, когда Майкл сказал: — По всем правилам следовало бы создать четыре озера — по одному с каждой стороны. В форме креста.

Дантис иногда мог быть практичным до отвращения.

— А что ты намерен делать с водой? — спросил он. — Тебе придется делать озера проточными. Иначе вода протухнет или твои лужи просто высохнут.

— Будь ты проклят! Да я же просто мечтаю вслух, Арал. Ты же хочешь ткнуть меня носом в практические проблемы и вот-вот заявишь, что рабочим придется платить тебе.

— Эй! Да я же просто пошутил.

— Знаю, знаю. Просто я легкоранимое существо. Мои родители мне это беспрестанно твердили. Я вне себя потому, что не желаю здесь торчать, а также потому, что король мобилизовал меня на игру. Я ненавижу этот «Захват».

— Почему же ты не умолил его не мучить тебя?

Майкл, вместо того чтобы ответить, лишь посмотрел на Дантиса. Ему и в голову не приходило просить короля. Мо-

нарх не пригласил бы его на игру, если бы в этом не было настоятельной необходимости.

— Что слышно из Хаммад-аль-Накира, Майкл? У тебя остались там надежные источники?

Вопрос прозвучал слишком небрежно, как бы между прочим.

— Почему это тебя интересует? — спросил приятеля в лоб Требилкок.

— А ты действительно легкораним. Да потому, что у меня долгосрочный контракт с Мегелином на ремонт его кавалерийских частей. Потому что ходят слухи о возможном возвращении Эль Мюрида. Говорят, что у Мегелина дела пошли не очень и день ото дня его популярность падает.

— В таком случае твои источники информации лучше моих. Я слышал, что медовый месяц продолжается. А сейчас мне пора. Надо успеть сделать ставки, перед тем как отправиться в лес. Я буду жить во дворце. Утром отправлюсь на прогулку. Если хочешь, чтобы я тебя подождал, шли гонца.

— Не забудь о «Толстяке», — улыбнулся Арал. — Сдается мне, что ты будешь приятно удивлен.

Майкл стер капли дождя со лба. Он ненавидел всякого рода головные уборы. Что же, за причуды иногда приходится платить.

— Подумаю, — сказал Требилкок.

Рагнарсон шел через двор в направлении конюшни. Заметив на стене замка Вартлоккура, он сменил курс.

Чародей неотрывно смотрел на восток с таким видом, словно ждал, что оттуда вот-вот кто-то явится, чтобы его укусить. Он и до этого вел себя несколько странно.

— Может быть, ты видишь там нечто такое, о чем стоит потолковать?

— Что? Нет. Ничего конкретного. На востоке явно что-то происходит. Но пахнет там не только Шинсаном.

— Ты ничего не сказал об этом утром.

— Из-за Непанты. Она слишком многое потеряла. Я не хотел доставлять ей новые страдания, заронив в душу необоснованную надежду.

— Вот как?

— Да, это — Этриан. Возможно, он еще жив.

Этриан был сыном Непанты от первого брака, бесследно исчезнувший во время Великих Восточных Войн.

— Не может быть! Где же он? — Рагнарсон был у своего крестника в неоплатном долгу. Злой рок вынудил его убить отца мальчика.

— У меня такое чувство, что я к чему-то прикоснулся. К чему именно — проследить не могу.

Рагнарсон засыпал мага вопросами, но тот не отвечал. Он считал, что Браги чересчур романтизирует Насмешника и излишне драматизирует события, связанные с его смертью. Он должен был его убить, если не хотел быть убитым.

— У нас не было никаких доказательств смерти Этриана, — задумчиво произнес Браги. — Еще что-нибудь?

— О чем ты?

— О том, что ты не хотел говорить утром. Создается впечатление, что все друг от друга что-то скрывают. Твои слова о занятости звучали не слишком убедительно.

Вартлоккур чуть повернулся и обратил взор на стоящего перед ним человека. В уголках его глаз появились веселые морщинки, и он произнес:

— Однако ты осмелел. Я помню юного Браги, который трепетал при одном упоминании моего имени.

— Тогда я еще не знал, что даже самые могущественные уязвимы.

— Прекрасно сказано. Но я бы на твоем месте рисковать все же не стал.

— Ну ладно, — ухмыльнулся Браги. — Потолкуем в другое время, когда ты будешь пребывать не в столь чародейском расположении духа. Когда будешь готов отвечать на вопросы. — Король едва заметно кивнул и оставил мага предаваться размышлениям.

Джоси Гейлз был несчастным человеком. Он никак не мог вырвать королеву из орды окружающих ее придворных матрон. Даже зная, что ему надо с ней поговорить, ее величество не имела возможности оставить фрейлин.

Наконец желанный момент наступил. Ингер, поманив пальцем Джоси, вошла в скрытую за гардинами глубокую нишу в стене. На ее губах играла обычная чуть насмешливая и такая мучительная для него улыбка. Гейлз скользнул следом за своей повелительницей.

— О чем они говорили, Джоси? — Никто, кроме нее, не называл его Джоси.

— Практически ни о чем.

— Но что-то они все же сказали, не так ли?

— Сказали. Но все их слова, миледи, не стоили того, чтобы ради них дышать пылью в лабиринте потайных ходов. Сплошные: «Привет, как поживаешь, давно тебя не видел». Иногда: «Как получилось, что Пратаксис в этом году ухитрился что-то сделать?» И изредка: «Интересно, что происходит в Шинсане?» Потом его величество отправил их всех заниматься делами. Сказал, что все соберутся опять, как только вернется Пратаксис. Я даже стал задумываться, уж не подозревает ли он что-нибудь.

— Он всегда что-нибудь подозревает, Джоси. И для этого у него есть все основания.

— Я хочу сказать, что на сей раз это может быть больше чем обычные подозрения. Я исхожу из того, что он сказал.

— Что же именно?

— Он попросил Требилкока подождать, когда все уйдут. А затем сказал, чтобы тот пришел играть в «Захват» вместе с ним. И после этого он самое главное и сказал.

— Что сказал, Джоси? Не тяни.

— Что здесь даже у стен есть уши.

Улыбка исчезла с лица Ингер.

— Хм-м. Это наводит на размышления. Спасибо, Джоси.

— Ваш покорный раб, леди.

Королева вышла из ниши, слегка нахмурившись. Похоже, что фрейлинам предстояло увидеть не столь доброжелательную госпожу, какой она была всего несколько минут тому назад.

Гейлз прикусил нижнюю губу. Не вел ли он себя чересчур нагло? Не наболтал ли лишнего?

Джоси Гейлз был жертвой любви. Любви совершенно безнадежной. На большую интимность, чем та, которая была сейчас в нише, никаких шансов не имелось.

Умом Джоси понимал ограниченность своих возможностей, и осознал он это еще до того, как в жизнь Ингер вошел Браги. Однако сердце его отказывалось верить в то, что между ним, средних лет пехотинцем, и дамой из высшего общества непреодолимая пропасть.

Джоси дал волю своему воображению, и безумная фантазия попыталась внушить ему, что он сейчас вел себя с ней недостаточно смело.

ГЛАВА 3

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: «ЗАХВАТ»

Король Кавелина сделал остановку на кладбище Форгреберга. Он выехал из города чуть раньше, чтобы получить немного свободного времени до начала игры.

Первым делом он навестил мавзолей династии Криф. Это семейство правило Кавелином до него. Браги склонился над застекленным саркофагом своей предшественницы и возлюбленной. Благодаря тонкому искусству Вартлоккура, тлен совершенно не коснулся тела королевы Фианы.

— Спящая красавица, — прошептал он, обращаясь к холодной недвижной форме, — воображение Рагнарсона разыгралось, и ему вдруг стало казаться, что грудь Фианы медленно вздымается от дыхания. Сердце хотело верить в это, а ум категорически отказывался следовать зову сердца.

Браги любил королеву, и та подарила ему дочь, которую он практически не знал. Маленькая Каролан покоится здесь же рядом с матерью. Ревнивое королевство потребовало в жертву их жизни...

Любовь их была похожа на пламя. Такое полное слияние физического и духовного возможно лишь раз в жизни. Их желания и потребности всегда совпадали, создавая из Браги и Фианы совершенную пару. Он настолько хорошо помнил жар былой страсти, что иногда даже сомневался в своей привязанности к Ингер. Браги опасался дать себе с ней волю, боялся полностью принадлежать своей последней женщине. Страх этот отчасти объяснялся тем, что злой рок

обрушивал гнев на всех тех, кого он по-настоящему когда-нибудь любил.

Браги поцеловал стекло над губами мертвой королевы. На мгновение ему даже почудилось, что Фиана улыбнулась.

— Не сердись на меня, Фиана. Прояви снисходительность. Я делаю все, что в моих силах. — Помолчав немного, он продолжил: — Грядет время великих испытаний. Они считают, что я ничего не подозреваю. Считают, что я витаю в облаках. Но они меня недооценивают. Так же как недооценивали тебя. И я позволяю им думать, что они имеют дело с тупоголовым солдатом, до тех пор пока они не рухнут в яму, которую я для них вырою.

Браги показалось, что Фиана понимающе ему кивнула.

В Форгреберге его поведение порождало беспокойство. На кладбище он появлялся редко, но их безмерно поражало то, что он вообще сюда приходит. Особенно странными им представлялись его беседы с мертвыми.

Пусть думают, что хотят. Это было одно из тех уединенных мест, где он мог предаться раздумьям, когда хотел побыть один.

Браги отошел в сторону и уселся на мокрую траву рядом со свежей могилой. Дождь прекратился. Некоторое время он сидел, ничего не делая и лишь пытаясь разобрать полустертые надписи на ближних к нему мокрых гробовых камнях. Затем он начал подводить кое-какие итоги. Всего он еще не знал, но до него начали доходить странные слухи, он стал слышать невнятный шепоток, из-за гор долетали обрывки странных новостей... За всем этим стояло нечто очень серьезное.

Еще мальчишками он и брат участвовали вместе с отцом в одном из пиратских набегов. Они отплыли из Тондерхофна, когда в заливе еще плавал лед, и их драккар чуть ли не первым прошел через архипелаг «Языки огня». Спустя несколько дней, находясь уже в океане, они попали в мертвый штиль. Поверхность воды стала похожей на зеленый полированный нефрит. Садиться на весла настроения у команды не было, и их отец Безумный Рагнар получил возможность поделиться с сыновьями своей философией.

— Оглядитесь вокруг, парни, — произнес человек, которого звали как Безумным Рагнаром, так и Волком Драукенбринга. — Что вы видите? Красоту океана? Его покой? Его прелесть?

Не зная, чего ожидать дальше, Браги кивнул. Его брат Хаакен заходить столь далеко не решился.

— Представьте, что океан — жизнь, — сказал Рагнар.

Он взял кусок кишащей белыми червями свинины — то, что осталось от свиньи, которую принесли в жертву, прежде чем пройти через предательские течения архипелага, — и наколол протухшее мясо на дротик. Затем, наклонившись через планшир, Рагнар опустил дротик так, что между мясом и похожей на зеркало поверхностью воды оставалось несколько дюймов.

Очень скоро Браги заметил в массе зеленого стекла какое-то движение. Еще одно существо проплыло под днищем драккара. В пятидесяти футах от судна поверхность воды прорезал острый плавник.

Затем океан словно взорвался. Нечто страшное вырвалось из воды, захватило мясо, дротик и чуть было не утащило Рагнара, едва сумевшего устоять на ногах — настолько резким и сильным был рывок. Вода вскипела, но тут же снова успокоилась. Браги так и не понял до конца, кто или что утащило разложившуюся плоть.

— Итак, вы все видели, — сказал Рагнар. — Там всегда кто-то находится. И следить надо особенно внимательно, когда кругом все тихо. Именно в такую пору на охоту выходит самый крупный зверь. — Он показал на воду.

Под днищем драккара проплыло нечто огромное и темное. Существо находилось слишком глубоко и поэтому казалось лишь мрачной тенью в густой зелени.

— В такую пору на охоту выходят самые крупные хищники, — повторил Рагнар и принялся с проклятиями пинать ногами спящих людей. В итоге команда решила, что гораздо приятнее сидеть на веслах, чем слушать рев своего предводителя и терпеть от него оскорбления.

Браги щелчком послал комочек земли в сухое прошлогоднее растение. Ему повезло. Удар оказался точным, и былинка наклонилась.

— Время, когда на охоту выходят самые крупные хищники, — сказал он.

Поднявшись на ноги, Рагнарсон побрел по склону холма.

Теперь Браги шел вдоль ряда могил, в которых покоились его первая жена и дети — те, кого он потерял в Кавелине.

Элана была необыкновенной женщиной. Святая, следовавшая за ним в то время, когда он сражался еще наемником, приносившая ему каждый год по ребенку и не скандалившая, когда он косился на сторону или увлекался другой женщиной. Она всегда вела себя как леди, несмотря на то что была дочерью какой-то итаскийской шлюхи. Элана навсегда осталась жить в душе Браги, и ее ему не хватало — особенно тогда, когда наступали трудные времена.

Все тот же невидимый барьер в его сердце не позволял Браги относиться к Ингер так, как он относился в свое время к Элане.

Фиана была воплощением страсти и символом преданности великим идеалам. Элана же являлась простым, надежным убежищем, была его домом, олицетворяя собой самые главные ценности и самые тесные человеческие узы.

Как странно, думал он, глядя на линию надгробных камней, что я ни одной женщине не могу отдать себя целиком. Что же касается Ингер, то он не давал ей ничего из того, чем одаривал двух любимых, уже лежащих в могиле. Интересно, какими возможностями может обладать один человек?

Браги вообще не знал, что он дает своей жене-королеве. Что-то наверняка дает. Большую часть времени она казалась вполне довольной.

Он еще долго простоял у могилы, думая об Элане и друзьях. Был у тех давних дней особый, ни с чем не сравнимый аромат.

Все это давно ушло. Сейчас же тянулись серые, унылые, однообразные, бесконечно длинные дни, которые не могли скрасить все его теперешние знакомства.

Может быть, он стареет? Может быть, с возрастом наиболее яркие краски начинают выцветать, а когда мир становится цвета овсяной каши, человеку ничего другого не остается, кроме как лечь и умереть.

Браги взглянул на солнце. Пока он истязал себя на дыбе своих воспоминаний, прошло много времени. Хватит валять дурака, подумал он. Королю не пристало опаздывать к началу игры в «Захват».

По дороге к лесу он встретил «Пантер». Если бы он не был монархом, наглецы вдосталь поиздевались бы над ним и высказали все, что думают о шансах «Гвардейцев» на победу. «Пантеры» были молодыми, энергичными и шли от победы к победе. Их обожали все молодые девицы, которые мечтают об объятьях победителей и бегут от побежденных. Они верили в то, что эти парни останутся лучшими еще много-много лет.

Во всяком случае, самый смелый из них произнес это вслух.

— Тебя, мальчик, ждут большие сюрпризы, — ухмыльнулся Рагнарсон. — Старым псам известны кое-какие трюки.

Молодежь восприняла заявление короля со свойственной ее возрасту презрительностью.

Неужели когда-то я вел себя столь же самоуверенно, не сомневался в своей правоте и имел на все готовые ответы, думал Браги. Во всяком случае, себя он таким не помнил.

Вскоре они расстались и разъехались по своим замкам.

В первые минуты игры правила соблюдались весьма строго. Судьи выстроили команды, пересчитали игроков по головам и проверили имена. Когда команды были готовы, зазвучали горны. Второй трубный звук дал начало игре.

Нарушение правил начиналось, когда команды рассеивались для атаки или обороны.

Команда Браги начала жульничать гораздо раньше, применив в игре некоторые свойственные правительству трюки. В стан врага был заранее отправлен проворный и хитрый шпион.

Браги опоздал. Он назвал судьям свое имя и присоединился к Майклу, старающемуся держаться на краю толпы. У начальника шпионской службы королевства вид был жалкий. Остальные толпились вокруг вернувшегося от врага разведчика.

— Они хотят взять на силу. Хотят пробиться через центр всей оравой, — говорил шпион, который по совместитель-

ству являлся и капитаном команды (друзья называли его Слагбейтом или просто Слагом). — Линию обороны они создадут из шести человек и оставят ее в глубине, всего в двухстах ярдах от своего замка. Остальные намерены задавить нас массой, забрать шары и вернуться с ними в свой замок. Говорят, что подвергнут нас уни... уни... уничижению, так как мы есть стая старых, полудохлых ворон, неспособных устоять перед их напором. У нас имеется два пути. Самый лучший — напасть на них скопом и вовсе не оборонять свой замок. Если мы все туда бросимся, то сомнем их защиту и захватим шары. Затем пять парней возьмут шары и уйдут с ними лесом по флангам, мы же нападем на «Пантер», когда те двинутся назад. Навалимся гамузом и отнимем наши шары. Эй, Снейкман, чего ты дергаешься?

— Да они, Слаг, сразу допрут, что их обобрали, как только никого не увидят в нашем замке. Поэтому получится так, что мы просто поменяемся сторонами. Они напрут, мы не выдержим — и прости-прощай игра.

— Слаг — на верном пути, — вмешался Рагнарсон. — Но и Снейк кое в чем прав. В том, что мы просто поменяемся сторонами. Вот я и думаю, не использовать ли нам старый трюк, к которому прибегали Марена Димура, с целью повысить свои шансы. Если мы захватим их защитников, то оттащим их к судье в замке и выведем из игры. У них сразу станет на шесть игроков меньше. Затем мы отнесем трофейные шары в лес и зароем. Этим освободим руки пяти наших людей. После этого станем изо всех сил оборонять замок противника, что приведет их в замешательство. Если кому-то из них удастся прорваться, задняя линия нашей обороны станет их захватывать и выводить из игры. После того как мы выведем из игры достаточное число бойцов, мы сможем выделить несколько человек следить за нашими шарами.

— Ваш план предусматривает слишком много беготни, — пробормотал Майкл. — Я после этого целую неделю не смогу вылезти из постели.

— Ты моложе меня.

Игрокам предложение Рагнарсона пришлось по душе. Этот совершенно новый подход мог вывести «Пантер» из равновесия.

— Вы что, ребята, весь день намерены здесь топтаться? — поинтересовался судья. — Может быть, все-таки сыграем в «Захват»? К вечеру хотелось бы все закончить.

— Валяйте, дуйте в свои горны, — сказал Слагбейт. — Будем действовать по плану короля, — объявил он своей команде.

Майкл застонал.

— Мне тоже это не нравится, — сказал Браги. — Я поначалу рассчитывал на то, что удастся отсидеться.

Горны загудели и засипели словно тонущие гуси.

— Рассыпаться по флангам! — распорядился капитан команды. — Нельзя, чтобы они нас увидели!

Спустя полчаса Рагнарсон и Требилкок уже находились в обороне спиной к замку «Пантер».

— Думаю, что они немного поостыли, — задыхаясь, произнес Браги.

Легкие его буквально разрывались. «Гвардейцам» пришлось поработать как следует. Оборона «Пантер» защищалась отчаянно, не позволяя вывести себя из игры.

— Оставили десять, а не шесть, — пропыхтел король.

— Они нас надуют, — с кислой миной произнес Требилкок. — Догадаются о шпионе, пошлют в ваш замок пятерых, а остальных посадят на скалы и деревья, чтобы узнать, куда мы припрячем их шары. Они их выкопают и перепрячут.

Рагнарсон не смог сдержать улыбки.

— Ты, Майкл, так бы и поступил. Но перед нами же дети. Они считают, что у них нет нужды прибегать к хитростям. — Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что поблизости нет чужих глаз и ушей, король продолжил: — Теперь докладывай все, что тебе известно. И не думай ограничиться общими местами.

Физиономия Требилкока приняла еще более кислое выражение.

— Майкл, ты прекрасный человек — один из самых лучших моих людей. Но так дальше продолжаться не может. Я не могу отправляться к Хсунгу и давать обещания, если моим людям неизвестно, что я хочу на самом деле. И я не могу строить планы, если ты не скажешь мне, что за чертовщина

творится. Я поручил тебе эту работу не для того, чтобы ты играл со мной в прятки. Ты будешь играть в команде, если не хочешь из нее вылететь.

Требилкок внимательно посмотрел на Рагнарсона. Молодой человек, казалось, был изумлен.

— Я говорю это вполне серьезно. Начнем с того, что ты поведаешь мне о планах Хсунга. Ты знаешь, что происходит на востоке. Кроме того, ты мне скажешь, откуда тебе все это известно.

— Откуда известно?

— Да. Я хочу оценить не только информацию, Майкл, но и ее источники.

Требилкок вздохнул, он выглядел ужасно несчастным.

— Согласно договору с этим человеком, я обязуюсь не открывать его имя. Он — из штаба Хсунга и имеет доступ к секретным совещаниям и документам.

— Подданный Шинсана или житель Тройеса?

— Имеет ли это какое-нибудь значение?

— Имеет. И при этом огромное. Я не доверяю никому, кто обитает по ту сторону Небесных Столпов.

— Шинсанец. Но доверия заслуживает.

— Почему? Шинсанцы, как известно, не грешат предательством.

— По отношению к Империи. Однако охотно предают вождей, которые им не по вкусу. Мы предъявили ему доказательства того, что он пытается вернуть на престол Мглу. Если бы мы передали сведения Хсунгу, этот человек не прожил бы и минуты. Хсунг — в родстве с Куо.

— Шантаж, значит? Их родство мало что значит. Ну Ли Хси и Йо Хси были братьями и потратили четыре сотни лет на то, чтобы убить один другого. Ты уверен, что этот человек снабжает тебя добротной информацией?

— Он постоянно оказывается прав.

— Надеюсь, у тебя есть возможность его перепроверить?

— Нет, — ответил Майкл, глядя себе под ноги на засыпанную листвой землю, словно провинившийся школьник.

— Сообщал ли он тебе что-нибудь действительно важное? Что-нибудь такое, что мы не могли бы узнать по дру-

гим каналам? Ты способен распознать большую ложь, если он вдруг решит тебя ею накормить?

— Д-да-а... Он сказал мне, почему они дают Пратаксису то, что он просит.

— Ну и почему же?

— Шинсан ожидает этим летом большой войны с Матаянгой. Матаянга готовилась к ней со времени падения Эскалона. Сильнее, чем сейчас, она быть не сможет, а легионы Шинсана по-прежнему ослаблены. Матаянгцы считают, что драться так или иначе придется — так почему же не нанести упреждающий удар? Это беспокоит тервола. Они хотят избавиться от возможных неприятностей в других регионах, и поэтому Хсунг в ближайшее время станет вашим лучшим другом за пределами Кавелина. Ему придется передать свои резервные легионы в Южную армию. Куо обирает всю проклятую Империю, чтобы укрепить южные границы. Не трогает он только Восточную армию. Никто не может понять — почему. На востоке от Шинсана, как известно, ничего нет.

— Вот это больше похоже на то, что я хочу от тебя услышать, Майкл. Почему ты не мог рассказать мне все это раньше? Почему, чтобы узнать что-то, я прежде должен тебя как следует разозлить?

Требилкок не ответил.

— До каких пределов мы можем давить на Хсунга?

— У него есть приказ идти на соглашение, но приказ этот имеет массу оговорок вроде: «если», «при условии» и «но». Особенно давить на него не стоит. Он всего лишь проконсул и не может вторгнуться в Кавелин без одобрения Куо.

— А это значит, что он способен причинять нам неприятности, если не станет пользоваться собственными войсками. Я прав?

— Совершенно верно.

— Похоже, что твой друг посылает нам сигнал: «Оставьте нас в покое, и мы оставим в покое вас».

— Можно посмотреть на это и так.

— А ты продолжаешь провоцировать на действие повстанцев Тройеса.

— Ничего подобного. Я всего лишь поддерживаю контакты. Эти люди еще могут нам понадобиться. Они снабжают меня информацией, поскольку надеются на нашу поддержку. Они засылают для меня агентуру. Все остальное повстанцы делают на свой страх и риск.

Рагнарсону показалось, что голос Требилкока слегка дрожит. Это — не злость, подумал он, Майкл продолжает что-то скрывать.

Браги решил сменить тему и спросил:

— Что можешь сказать о Мгле?

Требилкок почувствовал, что король спросил о бывшей принцессе вовсе не из праздного любопытства.

— Ничего особенного, — ответил он. — Все, что сейчас происходит, творится в той или иной форме со времени ее появления здесь. В Шинсане всегда находятся клики, которые хотели бы видеть ее на троне в качестве формального правителя.

— Хотеть и получить — не совсем одно и то же. Она согласится лишь на полную императорскую власть. А что ты думаешь о нашем чародее? Не кажется ли тебе, что он ведет себя несколько странно?

— А когда он ведет себя не странно? — ответил вопросом на вопрос Требилкок.

— На сей раз странности как-то выпадают из его характера. Сердито кривится. Запугивает, словно хочет сказать, что если ты не заткнешься, то он выльет на тебя ушат несчастий, с которыми ты будешь разбираться всю оставшуюся жизнь.

— Вам следует прямо его спросить об этом. Мне кажется, что между ним и Мглой что-то происходит.

— Я с ним говорил. Ему нечего мне сказать.

Майкл в ответ лишь пожал плечами.

— Есть основания полагать, что это вовсе не политическая проблема. В такие игры Вартлоккур не играет. Здесь явно что-то личное. А у него все личное сводится к Непанте — величайшей страсти его жизни.

Много столетий тому назад ребенок, которому в будущем предстояло стать Вартлоккуром, стал свидетелем того, как его мать по приказу чародеев Ильказара сожгли на ко-

стре. Мальчик бежал в Империю Ужаса, где обучался искусству колдовства, сидя на коленях у самих тиранов Шинсана Йо Хси и Ну Ли Хси. Одержимый жаждой мщения, он вернулся и уничтожил Империю Ильказара. Покончив с Ильказаром, могущественный чародей вдруг понял, что жизнь утратила смысл. У него не осталось ничего, кроме предсказания о том, что когда-нибудь на свет появится женщина, которую он полюбит. Если он ее дождется.

Ее рождение принесло Вартлоккуру новые страдания, ибо, став взрослой, она полюбила другого человека. Этот человек по злой насмешке судьбы оказался сыном чародея от его первого, неудачного, лишенного всякой любви брака.

Женщина эта была Непантой, а ее мужем стал Насмешник, который позже умер от руки Рагнарсона. У пары родился единственный сын, Этриан. Во время Великих Восточных Войн Этриан попал в руки врагов, и с тех пор о нем никто не слышал. Правда, был период, когда Праккия пыталась, угрожая убить мальчика, шантажировать Насмешника, чтобы тот уничтожил своего друга Рагнарсона.

Этриан. Имя это несло в себе проклятие.

Отцом чародея был человек по имени Этриан, и он оказался последним Императором Ильказара. Мать нарекла сына тем же именем, но тот, оказавшись в Империи Ужаса, стал именоваться по-иному. Вартлоккур в свою очередь назвал своего новорожденного сына Этрианом, но того украли у родителей еще младенцем. Сын чародея узнал свое подлинное имя значительно позже, когда уже привык считать себя Насмешником. Менять привычное имя он не счел нужным...

Мечта Вартлоккура стала явью после смерти Насмешника и исчезновения четвертого Этриана. Четыре столетия терпеливого ожидания были вознаграждены. Он был одержим этой женщиной и трепетал при одной мысли о том, что может потерять то, что досталось ему столь дорогой ценой.

А как же Непанта? Возможно, она тоже любила его. Но жена мага была странной, замкнутой, она казалась одинокой даже в кругу самых близких друзей. Это объяснялось

тем, что ураган судьбы разметал и уничтожил всех, кого она любила. Последний из ее многочисленных братьев и муж Мглы Вальтер пал под Палмизано. Война унесла ее единственного сына. Теперь она носила в себе второго ребенка, и ум ее был постоянно отравлен мыслью о том, какую ужасную цену может потребовать за него Рок...

— Имеются странные намеки на какие-то неясные слухи, — очень тихо произнес Майкл Требилкок. — Мой источник в Тройесе сообщает лишь о делах, которые касаются его лично — великие страдания Шинсана ему безразличны. Но на дальнем востоке что-то происходит. Нечто такое, что повергло всех тервола в ужас и что они отказываются обсуждать даже друг с другом. Создается впечатление, что они боятся событий на востоке даже больше, чем войны с Матаянгой. Единственное свидетельство, которое мне удалось откопать, видимо, является именем или титулом. «Избавитель». Не спрашивайте! Я не знаю, что это означает.

— Наш чародей это, наверное, и унюхал. Как ты думаешь?

— Не знаю. Но сильно подозреваю.

— Он и Мгла знают гораздо больше, чем говорят.

— Мы все знаем больше, чем говорим, — произнес Требилкок с крайне редкой для него ухмылкой. — О чем бы то ни было. Это касается и вас.

Браги думал о том, как развить тему дальше и как вытянуть из Майкла сведения, о существовании которых у себя тот и не подозревал. Однако примерно в четверти миле от них раздался боевой клич, и времени на размышление не осталось. Шум постепенно перемещался к замку «Гвардейцев».

— Проклятие! — прошипел Браги. — Знаешь, что они сделали? Они решили придерживаться своего плана. Пошли! — бросил он и помчался между деревьями. Майкл бросился следом. Через пару минут Рагнарсон уже пыхтел, словно раненый бык.

Вскоре они присоединились к части своих товарищей по команде, наблюдавших со склона холма за общей схваткой внизу. Двадцать пять «Пантер» стояли кругом, охраняя трофейные шары. Примерно дюжина «Гвардейцев» пыталась прорвать их строй и спасти шары. Схватка постепенно передвигалась к склону холма.

— Всем лежать! — скомандовал Браги полудюжине окружающих его игроков. Идиоты из последней линии обороны оставили свои позиции. — И не дышать. Мы ударим, как только они начнут подниматься на холм.

Король рухнул на траву. В глазах Браги роились черные мушки. Дышать глубоко и часто сил у него не было.

Шум схватки стал ближе. Рагнарсон приподнял голову. Еще немного. Его команда пополнилась несколькими бойцами.

— Ждите до тех пор, пока я не двинусь. Дайте мне пройти пару шагов и атакуйте следом.

«Пантеры» тем временем выстроились клином. «Гвардейцы» с воем бросались на противника. Они были похожи на щенков, повстречавших стадо коров.

Еще несколько футов. Время! Браги покатился вниз по склону под ноги передовых «Пантер». Ему удалось сразу завалить шестерых противников.

Браги слышал, как с воем бросился вперед Майкл. Бледный, худой, жилистый, он с ходу врезался в стаю врагов. Некоторые из «Пантер» начали разбегаться.

Браги, ругаясь и кляня все на свете, извивался как червяк. Кто-то выкручивал ему руку. Чья-то нога в грубом сапоге оказалась у него под щекой. Гора валящихся на него тел становилась все выше.

Откуда-то издали до него долетел радостный вопль Слагбейта:

— Ура!! Один шар у меня!

Общая свалка начала распадаться на части. Одна группа бойцов стала перемещаться от холма к лесу. «Пантеры» огрызались, как загнанные в угол волкодавы, а двое из них вырвались из толпы и помчались к своему замку, прижав к животу по трофейному шару. Место битвы постепенно начало смещаться в сторону леса.

Браги выполз из-под кучи тел и грудью остановил еще одного, несущего трофей противника, а Майкл сумел вырвать шар из его рук.

Шум схватки постепенно стих. Обе команды растворились в лесу. Горны «Пантер», несмотря на ощутимые потери в живой силе, дважды издали победный рев. Замок «Гвар-

дейцев» молчал, если не считать унылого звука трубы, возвещавшего о том, что один из шаров нашел путь домой. Со стороны «Пантер» до слуха Браги доносились насмешки. Это веселились выбывшие из игры участники команды противника. За тем, чтобы они жульническим образом не вернулись в игру, внимательно следили судьи.

Рагнарсон и Требилкок вернулись на свою первоначальную позицию.

— Ваша стратегия больше подходит для длинной игры, — сказал Майкл.

— Похоже, что ты прав. Такой вариант в свое время предложил Креденс Абака. Правда, он рассказывал, что во время игры Марена Димура затыкают захваченным противникам рот и подвешивают высоко на деревьях, чтобы никто не мог их найти. Абака, смеясь, говорил, что обе стороны иногда настолько увлекались этим делом, что начисто забывали о шарах. В результате в игре остается так мало людей, что шары просто некому носить.

— Думаю, что он привирал. Если это так, то о людях на деревьях некому было позаботиться и они там помирали от голода.

— Итак, в каком положении мы находимся?

— Два—ноль. В пользу «Пантер». И с двумя сотнями ноблов, поставленных мною на «Гвардейцев».

— Двумя сотнями? О боги! — Рагнарсон забыл все свои вопросы. — Что с тобой? Ты совсем поглупел?

— Я надеялся, что вы придумаете какой-нибудь трюк.

— Вообще-то я придумал. Если не слишком поздно. Продолжай пока свой рассказ. Меня интересует все, что происходит на востоке.

— Марионетки Хсунга из Тройеса могут оккупировать побережье моря Коцюм со стороны Хаммад-аль-Накира. Упреждающий шаг, чтобы потом действиями флота угрожать Матаянге с фланга.

— Но как ответит Хаммад-аль-Накир? — с легкой улыбкой спросил Рагнарсон. — Ведь не будут же они смотреть сложа руки на то, как захватывают их территорию?

— Я не вижу там никого, кто мог бы предпринять ответные действия. Эль Мюрид укрылся в Себил-эль-Селибе. Уче-

ника теперь интересует лишь опий. Последователей у него практически не осталось. Мегелин оказался таким беспомощным королем, что подданные его просто игнорируют, в надежде, что он уйдет.

— Печально. Очень печально. И это сын Гаруна. Кто мог подумать, что он окажется слабым правителем? Сын такого человека...

— Ваш друг учил его лишь военному искусству. Говорят, что в сражении Мегелин просто дьявол. Однако в мирное время его правительство просто развалилось бы, если бы не Эль Сенусси и Белул. Я слышал, что чиновники там даже более продажны, чем во времена Эль Мюрида.

— Скорее всего это все те же люди, но уже без всяких религиозных ограничений.

— Как бы то ни было, но запад может считать, что угрозы со стороны Хаммад-аль-Накира больше не существует. Гигант даже перестал храпеть во сне. Он валяется брюхом вверх, и его вот-вот начнут жрать могильные черви.

— Это скверно. Если лорд Хсунг и Эль Мюрид перестанут тревожить Итаскию, мы лишимся большей части военной помощи. У тебя есть люди в Аль-Ремише?

— Два очень хороших человека.

— А в Себил-эль-Селибе?

— Один из моих лучших агентов.

— Направь туда еще одного человека. Совершенно независимого от первого агента. Нам нужен двойной контроль. Я не верю ни одному слову из сказанного тобой. Не исключено, что тебе кто-то лжет.

— Сир!

— Сдерживай свой нрав. Я верю, Майкл, лишь тем сведениям, которые ты добываешь лично. Боюсь, ты настолько хитроумен и скрытен, что причиняешь себе вред. Мне кажется, что люди тебе врут, а ты им веришь потому, что заставлял их раньше врать кому-то ради твоих интересов. Проклятие! Я, похоже, совсем запутался в своих рассуждениях. Бессмыслица какая-то. Может быть, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Думаю, что понимаю. Скорее всего вы правы. Я слишком увлечен процессом игры и непростительно мало рабо-

таю с людьми. Вы правы. Если я завербовал их, то это вовсе не означает, что они станут моими надежными ушами и глазами. Трое-четверо из них, насколько мне известно, сами не до конца знают, на чьей они стороне.

— Что происходит в других концах мира?

— Арал расскажет об этом лучше, чем я. На западе я прибегаю к услугам его друзей-торговцев. У меня такое чувство, что он, прежде чем допустить их ко мне, тщательно просеивает всю информацию.

Рагнарсон уставил взгляд под ноги на мшистую лесную землю. В лучшем случае Майкл пытается уйти от ответа, а в худшем — просто врет. Он сохранил на западе бесчисленное количество контактов. Люди, связанные с бизнесом его семьи. Старые школьные и университетские приятели. Все, с кем он встречался во время войн. Каждый был бы рад для него что-нибудь узнать. Некоторые сведения, которыми он не соизволил поделиться, наверняка поступили от этих людей.

Решив не развивать дальше эту опасную тему, Браги спросил:

— Ну а что творится в Кавелине?

— Ваши враги сидят ниже травы и тише воды. И останутся покорными до тех пор, пока за ними следят Вартлок-кур и Нерожденный. Им ничего не остается, кроме как ждать вашей смерти.

— Но нет ли среди них тех, кто хотел бы ускорить мое свидание с Темной Дамой?

— Я, во всяком случае, о таковых не слышал и считаю, что продолжать наблюдение за оппозицией — пустая трата времени.

— Там за нашей спиной есть овраг, и пара «Пантер» хочет проскользнуть под его прикрытием. Они тащат один из наших шаров. Сделай вид, что мы ничего не заметили.

Требилкок слегка покосился в указанную сторону, но ничего не увидел и не услышал. Не сомневаясь, что его слух и зрение гораздо лучше, чем у короля, он спросил:

— Вы уверены? Откуда вам это известно?

— Поиграв в эту игру столько, сколько я, ты, Майкл, научишься чуять ходы противника до того, как он их сде-

лал. Если сумеешь дожить до моего возраста, то вспомни эти слова, когда будешь сидеть с каким-нибудь юнцом на камне в лесу.

Требилкок бросил на него удивленный взгляд. Рагнарсон понимал, что Майклу очень хочется знать, что именно желал сказать этим король.

— В конце концов может оказаться, что ты поставил на того, кого надо, — продолжал Браги. — Этим утром, я хочу сказать. Запомни, опыт старца имеет не меньшее значение, чем энергия и энтузиазм юности. Итак, поскольку ты воплощаешь в нашей компании энергию, проскользни им за спину и гони на меня. Я же устрою засаду в кустах.

Майкл кивнул и исчез за деревьями. Его лицо было почему-то бледнее, чем обычно.

Браги смотрел ему вслед. Донес ли я до него свою мысль? Все ли ему стало ясно? Друг Майкл ходит по канату, и он может кончить тем, что этот канат обовьется вокруг его шеи.

Майкл не представлялся ему достаточно самостоятельным для того, чтобы добиться успеха в большой игре. Королю казалось, что будущее главаря всех шпионов начертано Роком на его бледном лбу.

Рагнарсону не хотелось, чтобы с Майклом что-нибудь случилось. Он любил этого человека.

— Кавелин, будь ты проклят, — прошептал он, занимая позицию в кустах. — А ты, Майкл, ради всего святого, пойми мое предупреждение. Если еще не поздно.

Сидя за кустом, он вспомнил юного рыцаря сэра Андвбура Кимберлина из Караджи — своего боевого товарища времен гражданской войны. Еще один человек, которого Браги любил. Сэр Андвбур мог бы стать одним из величайших людей Кавелина, если бы не страдал идеализмом и обладал некоторым терпением. И в результате, вместо того чтобы сейчас возлежать на пуховиках, он валяется в могиле со свернутой шеей.

— Ради всех богов, Майкл, только не вздумай уверовать, что ты есть тот единственный, кто располагает правильным ответом. Ты в безопасности лишь до тех пор, пока я могу с тобой свободно разговаривать.

В нескольких футах от него треснула ветка. Рагнарсон изготовился к атаке.

ГЛАВА 4

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Закат казался фантастическим. Редкие облака над западным горизонтом были окрашены в зеленые тона. Зеленые закаты случались крайне редко. Рагнарсон не знал почему.

Какой-то старик дважды окликнул Браги, чтобы привлечь его внимание.

— Прошу прощения. Что вы сказали?

— Не с игры ли вы едете? Вы играли сегодня?

— Играл ли я? — со смехом переспросил Рагнарсон. — Играл, и еще как играл. — Каждая мышца его тела отдавала болью. Слугам, видимо, придется снимать своего короля с лошади.

— И какой же счет? Какой-то парнишка сказал мне, что «Гвардейцы» победили. Почему он так наврал? Я хочу узнать счет, потому что сделал ставку.

— На кого поставили?

— На «Пантер» с преимуществом в три очка. На хороших условиях.

— Надеюсь, вы не заложили приданое дочки, папаша? Вам придется пострадать.

От огорчения или даже скорее горя физиономия старца почернела. Он выглядел так забавно, что Рагнарсон не смог сдержать приступ смеха.

Ему страшно понравилось то, что дед его не узнал. Как приятно хотя бы несколько минут побыть простым человеком. Старикан не ждал от него никаких милостей.

— Вы же не станете врать ради того, чтобы порадоваться горю старого человека?

— Я вовсе не хотел отравить вам вечер. Но вы сами спросили. Счет пять—три в пользу «Гвардии».

— Но такое невозможно.

— Вы же знаете, как это случается. «Пантеры» стали слишком высоко задирать нос.

— Говорят, что играл сам король. Надо было сообразить. Королевское везение. Он может свалиться в нужник и выбраться оттуда с золотой цепью на шее.

Рагнарсон, чтобы подавить очередной приступ смеха, изобразил кашель. Он? Удачлив? И это после того, что с ним произошло?

Браги продолжил путь к своему дому на аллее Лиенке, сожалея о том, что явится туда без подарков. Следовало бы хоть немного загладить вину перед детишками.

Он проезжал через парк, когда на дорогу перед ним вышел человек в белых одеждах. Рагнарсон выдернул меч из ножен и огляделся в поисках еще двоих. Хариш всегда работал тройками.

Человек поднял лампу, чтобы осветить свое лицо.

— Мир, ваше величество. Мир, — произнес он негромким, мягким голосом служителя церкви. — Ни на одном из кинжалов не значится вашего имени.

Служителями культа Хариш были убийцы, фанатично преданные религии, которую из чрева пустынь Хаммад-аль-Накира принес в мир Эль Мюрид. В ранние годы своего существования секта раскинула щупальца по всем странам востока и запада. Отряды убийц пронеслись по миру подобно весенней грозе. Потом секта начала приходить в упадок, потому как от влияния Ученика почти ничего не осталось. К этому времени за пределами Хаммад-аль-Накира ее приверженцев почти не осталось, да и в пустыне влияние культа Хариш практически сошло на нет.

— Хабибулла?! Неужели это вы?

— Это я, сир. Меня прислала леди Ясмид.

В последний раз Рагнарсон видел этого человека еще до начала войн. Во времена Фианы он был послом Хаммад-аль-Накира при дворе Кавелина. В те далекие годы пустыней правил Эль Мюрид. Еще был жив Гарун, а сын его Мегелин еще не принял корону и не повел победоносные армии на Аль-Ремиш — столицу королевства пустыни. Ясмид, жена Гаруна и дочь Эль Мюрида тайно проскользнула в Форгреберг в надежде на то, что Рагнарсон поможет ей примирить двух самых дорогих для нее людей. Браги ото-

слал Ясмид к отцу в сопровождении этого самого Хабибуллы. С тех пор он о ней ничего не слышал.

Король еще раз внимательно вгляделся в подступившие сумерки. Фанатики Эль Мюрида неоднократно пытались убить его. Не заметив на сей раз никаких признаков предательства, он соскочил с седла. Боль в теле вдруг куда-то исчезла.

— В таком случае — в парк, — сказал Браги, не возвращая меч в ножны.

Хабибулла уселся, скрестив ноги, под сенью куста и возложил руки на колени. Он терпеливо ждал, когда Браги кончит изучать густой кустарник вокруг. Бывший посол считал поведение короля совершенно разумным и рациональным.

Убедившись в том, что ему ничего не угрожает, Браги уселся напротив человека в белом.

— Если я совсем одеревенею, вы, надеюсь, поможете мне подняться, — сказал он.

— Соревнование, видимо, оказалось изнурительным, — улыбнулся Хабибулла.

— Мягко говоря. Итак, что же вы от меня хотите?

Браги знал, что собеседника не возмутит столь прямолинейный подход. Слишком много послов обожали ходить вокруг да около и объясняться эвфемизмами так, что нельзя было понять, какого дьявола им надо. Хабибулла чаще предпочитал действовать напрямую.

Рагнарсон понимал, что гонец располагает важной информацией. Никто не станет красться через враждебную территорию и вступать в тайный контакт ради светского общения или соображений протокола.

— Леди Ясмид выражает вам свое почтение.

Браги в ответ кивнул. Он знал дочь Эль Мюрида — впрочем, не очень хорошо, — с тех пор, когда та была еще девочкой.

— Кроме того, леди Ясмид поручила мне разъяснить вам сложившуюся в Хаммад-аль-Накире ситуацию. Она желает, чтобы вы поняли, как и каким образом изменилось в стране положение вещей после победы Мегелина.

Хабибулла начал с того, что вернулся к тем далеким дням, когда Ясмид появилась у Браги, умоляя о помощи. Продол-

жение истории оказалось весьма длинным. Особенно подробно гонец поведал о том, как стали разбегаться сторонники Эль Мюрида после поражения последнего. За Учеником остались лишь святые места Себил-эль-Селиба да богатый прибрежный регион Хаммад-аль-Накира.

— Ученик сам на все махнул рукой, — сказал Хабибулла. — Капитулировал. Сидит и предается наркотическим мечтаниям о давно прошедших днях. Он не знает, где находится, в каком времени пребывает. Беседует с людьми, которых нет в живых вот уже более двух десятилетий. Особенно часто он беседует с Бичом Божьим.

— И это подводит нас к вашей основной мысли. Итак, что вы хотите мне сообщить?

— Я хочу довести до вас мысль совершенно очевидную — Хаммад-аль-Накир больше не представляет собой угрозы ни для Кавелина, ни для иных западных королевств. — Перейдя на конфиденциальный тон, он продолжил: — Не угроза он и еретику, захватившему Трон Павлина, если не считать немногих оставшихся приверженцев культа Хариш, считающих уничтожение узурпатора своей главной целью.

— Не исключено. Но я не верю в то, что Ученик изменил своим идеям. Если бы у него появилась возможность, то он снова стал бы серьезной угрозой.

— Суть дела в том, что такой возможности нет и не будет. Никогда. Но с другой стороны, такой угрозой может стать еретик.

Выслушав сообщения Майкла, Браги понимал, куда гнет Хабибулла. Интуиция подсказывала ему, что надо дать возможность послу высказаться до конца.

— Продолжайте, — сказал король. — Все это весьма интересно.

— В наши дни угроза миру — вашему миру и миру моему — исходит с востока. В первую очередь из Тройеса, от лорда Хсунга. Он человек решительный и очень коварный. Недавно он прислал эмиссаров в Себил-эль-Селиб с предложением помочь нам вернуть Аль-Ремиш. Леди Ясмид употребила все свое влияние, и послов отправили ни с чем. Однако нашлись и такие, кто с ней не согласился, но ее теологические аргументы оказались несокрушимыми. Аг-

нец не должен находиться рядом со львом. Избранные не должны выступать рука об руку с прислужниками Властелина Зла.

— Понимаю. Но я не представлял, что она пользуется таким большим влиянием.

— У леди Ясмид огромные возможности... Если она, конечно, пожелает ими воспользоваться. Дело в том, что она до сих пор является признанной духовной наследницей Ученика.

— В таком случае подтолкните ее. Заставьте действовать. Двигаться.

— Понимаю и соглашаюсь. До сей поры ей не хватало... инициативы.

Браги навострил уши, по тону Хабибуллы он понял, что в Хаммад-аль-Накире происходят серьезные перемены.

Посол снова заговорил подчеркнуто доверительно:

— Наши агенты в Аль-Ремише доносят, что Хсунг направил своих послов и к Мегелину. В то же время, что и к нам. Этому тервола совершенно безразлично, кого он привлечет на свою сторону. Все указывает на то, что в Аль-Ремише его выслушали более сочувственно, нежели у нас в Себил-эль-Селибе. В Святилище Мразкима у Мегелина теперь сидит чародей. И при этом не какой-нибудь туземный шагун, а подлинный Властелин Силы.

— Хм-м. — Браги уже видел все те аргументы, которые пока не привел ему Хабибулла.

Если при дворе Мегелина появились люди Шинсана, то у Кавелина и Эль Мюрида неожиданно возникла определенная общность интересов. После стольких лет вражды... Это с трудом укладывалось в сознании.

— Вы полагаете, что мы в ряде случаев можем действовать совместно? — спросил Рагнарсон.

— Именно. Если Мегелин заключит соглашение с Хсунгом, то он сразу перестает быть вашим другом. Это будет означать, что сын бин Юсифа продал вас Империи Ужаса.

— Но как я могу вступить в сделку со своим старинным заклятым врагом? Вы представляете, как я могу объяснить это своему народу? При отсутствии ясных доказательств. Те, кто старше, боятся Эль Мюрида ничуть не меньше, чем Шинсана.

— Как я сказал, Ученика мало интересуют текущие события. И он, если применить математическое выражение, в систему уравнений не входит.

— Вот как? И это означает?.. — Рагнарсон почувствовал, что они наконец добираются до сути.

— Это означает, что леди Ясмид... Скажем так: леди Ясмид взвешивает возможность проявления большей инициативы...

Рагнарсон рассмеялся. Смех его был больше похож на жесткий и горький лай.

— Иными словами, она хочет сбросить его с трона.

— Не сбросить. Не совсем так. Леди Ясмид просто может взять управление в свои руки от его имени. Если в этом окажется смысл.

— О каком смысле идет речь?

— Какой смысл пытаться брать власть, если вы окажетесь между молотом и наковальней и при этом — без всякой помощи. Я имею в виду роялистов с одной стороны и Шинсан — с другой. Без друзей в таком положении не обойтись. Зерно пшеницы, оказавшееся между двух жерновов, имеет больше шансов на выживание. В конечном итоге для всех будет лучше, если правоверных не поведут к верной гибели.

Просьба помочь звучит весьма приглушенно, подумал Браги. Итак, Ясмид ничего не станет делать и позволит разрухе нарастать, если он не предложит ей помощи. Но если Хаммад-аль-Накир рухнет окончательно, то Хсунг с его Западной армией получит свободный доступ ко многим горным проходам. Хсунг сможет пройти через пустыню и ударить по западным королевствам не с востока, а с юга. Король снова решил довериться своей интуиции.

— Скажите, чтобы она бралась за дело. Но поймите меня правильно. Подлинного союза я вам обещать не могу.

— Я все понимаю. Никаких железных обязательств. Всего лишь надежда. Но я прошу, чтобы только мы трое знали об этом свидании. Я проинформирую леди и вернусь при первой возможности.

Рагнарсон согласно кивнул и заметил:

— Хабибулла, вы стали значительно лучше по сравнению с тем временем, когда были послом. Действуете неизмеримо эффективнее.

Итак, они сказали друг другу очень много, но недосказанного оставалось гораздо больше.

— Леди Ясмид служила мне поводырем на пути, приведшим меня к большей зрелости.

— Весьма правильное действие, — произнес Браги и со стоном поднялся на ноги. Мышцы его действительно одеревенели. — Завтра я не смогу и пальцем пошевелить.

Он пятился спиной вперед до тех пор, пока не отошел от Хабибуллы на расстояние полета метательного ножа. Действие весьма разумное для человека, знающего, насколько умело жители пустынь обращаются с этим оружием.

Рагнарсон продолжил прерванный путь, с изумлением размышляя о том, каким причудливым может оказаться развитие событий. Традициям, похоже, не оставалось на земле места.

Взять хотя бы эту сделку с Ясмид... Внутренний голос подсказывал, что он сделал правильный шаг. Браги чувствовал, что настанет день, когда он будет отчаянно нуждаться в друге, как сейчас нуждается Ясмид. Король знал, что обитатели Хаммад-аль-Накира, каких бы политических взглядов они ни придерживались, какую бы религию ни исповедовали, способны быть не только упорными противниками, как в прошлом, но и надежнейшими друзьями. Разве отец Мегелина Гарун не отказывался дважды от Трона Павлина лишь для того, чтобы помочь своим друзьям? И разве не в результате этой дружбы на Троне Павлина оказался этот мальчик, который ведет страну по губительному курсу?

А как же Майкл? Его доклад подтверждал слова Хабибуллы, и наоборот, утверждения гонца Ясмид подкрепляли подозрения Требилкока. Итак, если это не всеобщий заговор...

— Проклятие! — оборвал себя Рагнарсон. Королю почему-то вдруг стало казаться, что он становится законченным параноиком.

Надо было бы свести их вместе. Но Хабибулла пожелал, чтобы горизонт на некоторое время оставался чистым. Никто

не должен знать об их встрече. Возможно, из-за Хсунга. Имею ли я право выступить против сына Гаруна? Но если я этого не сделаю, то предам его жену, а мне она ближе и дороже, нежели мальчишка...

— Неувезение какое-то получается, как мог бы выразиться мой покойный друг Насмешник, — пробормотал Браги. — Мать и сын вступили в схватку, а у меня обязательства перед ними обоими. Оказавшись перед этой дилеммой, я, видимо, должен руководствоваться только своими интересами, — закончил он.

Это означало, что интуиция подсказала ему правильное решение. Кавелин займет сторону Ясмид.

Браги дернул шнурок колокольчика. За дверями кто-то проворчал о позднем часе, затем дверь распахнулась, и на пороге его встретил старикан с кинжалом наготове. Никто не смел доверять ночи.

— Привет, Уилл.

— Сир! Мы вас не ждали.

— И правильно. Половину времени я сам не знаю, что буду делать.

— Ура! — прозвенел откуда-то из глубины дома девчачий голос. — Папа здесь! Я слышу папочку!

Браги едва успел сделать три шага, как оказался в водовороте косиц и рук. Его сын Гундар тоже скатился по лестнице, но, оказавшись на авансцене, принял величественный, подобающий мужчине вид.

— Привет, отец.

— Салют, Гундар.

Появилась его сноха.

— Здравствуй, Кристен. Ну и задают же они тебе, наверное, жару.

Неужели ей всего девятнадцать? Она выглядит гораздо старше и мудрее своего возраста.

— Отец, — на ее тонких губах расцвела улыбка, и Кристен сразу превратилась в юную девятнадцатилетнюю особу, — они меня совсем не тяготят.

— А где мой маленький мальчик? Где Браги?

— Скорее всего озорничает. Однако проходите и устраивайтесь поудобнее. Я принесу вам что-нибудь поесть. Чем вы занимались? Жуть как вывозились. Боролись со свиньями?

— Играл в «Захват», пап? — спросил Гундар.

— Играл. И мы высекли их со счетом пять—три.

Браги страшно радовался победе. Возможно, он еще не совсем созрел для того, чтобы отправиться на свалку.

— «Пантер»? Не может быть, пап! — Мальчишка едва не рыдал.

— У меня не было другого выхода.

— Вам полагалось проиграть, — сказала Кристен. — Он поставил против вас.

— Ну и семейка! Никакой родственной лояльности. И как я терплю подобное?

— Но, пап...

— Не надо оправданий. Весь день я только это и слышу, — остановил сына Браги и полусерьезно добавил: — Остается надеяться, что друзья Кавелина так думать не станут, или нас ждут серьезные неприятности.

— Как малыш? — спросила Кристен, голос ее слегка дрожал.

Браги потер лоб, чтобы скрыть недовольство и озабоченность. Быстро же она во всем разобралась.

— Здоров как волчонок, — ответил он, немного помолчав. — Лопает и воет.

— Это хорошо. Иногда после тяжелых родов случается...

Браги с трудом боролся с искушением сунуть Гундара, Кристен и Ингер с их отродьями в мешок, хорошенько потрясти и, вывалив на пол, втолковать, что королем выбрали только его. Об его отпрысках в соглашении и речи не было. Более того, если бы ему предоставили возможность назвать наследника, он скорее всего выбрал бы его не из своих детишек. Он назвал бы своим наследником человека, чья мудрость и умение управлять были проверены на практике и в ком бы в первую очередь нуждался Кавелин.

Итак, в семье, видимо, назревают потенциальные осложнения, и наступит день, когда ему придется собраться с духом и расставить все по своим местам.

Но пока у него еще есть время. Масса времени. До этого ему предстоит еще много-много приятных лет правления. Разве не так?

Браги вдруг понял, что у него выработалась привычка тянуть время, колебаться, предоставляя возможность проблеме рассосаться самостоятельно. Неужели это еще один признак наступления старости? Он становится более терпимым и более терпеливым.

Лет пятнадцать тому назад он не стал бы сидеть и ждать. Он двигался бы, шумел и нажимал на всех и вся, заставляя события развиваться в нужном направлении. Правда, результат столь бурной деятельности не обязательно оказывался позитивным.

Но с другой стороны, его бездеятельность можно объяснить и надеждой на королевское «везенье», о котором сегодня упоминал старик. Интуиция подсказывает ему правильный курс действий, говорит о том, что надо залечь в кусты и выжидать развития событий. В тех разрозненных фактах, которые он сумел обнаружить, заложена возможность огромного пожара — своего рода фейерверка. Но пока многое оставалось неясным, следовало терпеливо ждать.

«Итак, проявим чудеса терпения, — думал он. — Надо дать возможность пока неясным подозрениям обрести телесную форму. Те странные явления, которые я вижу, могут оказаться ложным сигналом и увести по неверному пути. За кулисами меня может ждать еще не один хабибулла».

— Вы какой-то мрачный сегодня, — заметила Кристен.

— Что? Ах да. Игра была страшно тяжелой. Я набегался за двух пятнадцатилетних.

— Если вы так устали, то, может быть, вам лучше переночевать здесь?

Он обежал взглядом помещение. Под управлением Кристен дом стал светлым и веселым. Для дочери простого солдата из Вессонов у девочки просто изумительный вкус, подумал Браги. Все элегантно и в то же время просто.

— Не могу. Здесь все еще бродит слишком много призраков.

Кристен понимающе кивнула. Здесь были убиты его жена и дети, и Браги не мог жить в мире с этим домом. За все эти

годы со времени их гибели он ночевал в особняке всего несколько раз.

— Нет, — повторил он. — Кроме того, мне еще надо будет встретиться со Мглой. Возможно, я у нее и переночую. И спрячьте свою ухмылку, юная леди. Между нею и мною ничего нет и никогда не будет. Я ее до смерти боюсь.

— А я ничего и не думаю. Если она и крутит с кем-нибудь любовь, так это — Арал Дантис.

— Арал?

— Он самый. Арал торчит здесь, как только она появляется в городе. Я видела его сегодня утром.

Браги задумался, снова помрачнев.

— Да сядьте же вы ради всего святого, — взмолилась Кристен. — Я распоряжусь, чтобы вам что-нибудь приготовили поесть. А вы, дети, — бегом в постель. Ваше время давно прошло. И скажите Браги, чтобы он спустился вниз поздороваться с дедушкой.

Раздались вопли протеста. Рагнарсону очень хотелось, чтобы дети остались с ним, но он промолчал. Всю ответственность за воспитание детишек король возложил на Кристен и теперь опасался нарушать установленный ею порядок и дисциплину.

Однажды, когда он позволил себе совершить ошибку и вмешался в воспитательный процесс, Кристен не постеснялась сообщить, что́ думает о нем. Девица, когда она чувствовала свою правоту, была весьма остра на язык.

Кроме того, она, видимо, хотела поговорить с Браги без того, чтобы их беседу слышали маленькие ушки.

«Как странно, — думал он. — В последнее время мне практически не с кем поговорить по душам. Большинство моих настоящих друзей умерли, а от тех, кто пока жив, я сам отдалился подобно Майклу. Я не могу открыть свои тайные помыслы не только Ингред, но и кому-либо другому».

Совсем недавно по пути на аллею Лиенке он думал о том, что ему надо бы обзавестись любовницей. Но не просто женщиной, с которой можно было бы завалиться в постель, а родной душой наподобие Фианы, способной разделить и понять его самые сокровенные, безумные замыслы.

Сейчас он понял, что ему нужна не только любовница. Ему не хватает друзей. Друзей до смерти, друзей до конца, подобных тем, которые пришли с ним в Кавелин, чтобы принять участие в гражданской войне. Теперь круг его знакомых состоял лишь из тех, кто имел с ним общие интересы. По мере того как вопрос выживания становился все менее острым, общие интересы размывались все сильнее. Вчерашняя победа грозила обернуться поражением завтра.

Сейчас самым лучшим его другом был Дерел Пратаксис. Но и это могло быть всего лишь плодом интереса со стороны Дерела. Ученый из Хэлин-Деймиеля писал историю Кавелина так, как она видится изнутри королевства.

Может быть, стоит организовать какой-нибудь кризис, дабы сплотить ряды...

Майкл. Что он думает по этому поводу? Видит ли, что чересчур прочный мир таит в себе опасность? Не заваривает ли он специально кашу, чтобы предупредить угрозу распада? Что он мне сказал о возникающих проблемах?

Интересная гипотеза. Полностью отвечает образу мышления Майкла.

— Скажите, что произошло, — нарушила тишину Кристен. — Дело не только в вашей усталости.

— Я не могу выразить этого словами. Для этого нет названия. Просто у меня возникло ощущение, что что-то идет не так, как надо. Какой-то глухой отзвук. Люди, с которыми я говорил, тоже его чувствуют. Он рождается ниоткуда.

Браги огляделся по сторонам. Дети ушли. Маленького Браги появление деда, видимо, не заинтересовало. Младший сын Рагнарсона Айнджар тоже не соизволил спуститься.

— Забудь об этом, — продолжил Рагнарсон. — Давай-ка лучше потолкуем о том, что тебя беспокоит.

Ее слова захватили короля врасплох. Он собрался духом, чтобы дать отпор по вопросу наследования, но Кристен вдруг заявила:

— Я не становлюсь моложе, и мне не улыбается провести остаток моих дней в роли вдовы Рагнара.

От неожиданности Рагнарсон встрепенулся и изумленно уставился на сноху:

— Что?..

Мускулы на ее шее напряглись. Тело словно окаменело, а лицо побледнело.

— Мне уже девятнадцать.

— Да, большая часть жизни уже позади, — не удержался Рагнарсон.

— Перестаньте. Я говорю серьезно.

— Знаю. Прошу прощения. Достигнув моего возраста, ты по-иному будешь смотреть на девятнадцать лет. Продолжай.

— Итак, мне девятнадцать. Рагнар умер уже давно, и я не хочу провести остаток жизни в виде памятника ему.

— Понимаю... — Возникновение проблемы он как-то не предвидел. Иные взгляды на жизнь, видимо, иное воспитание. Некоторые обычаи коренных обитателей Кавелина он так и не смог понять до конца. — Но с какой стати ты мне это говоришь? Это же твоя жизнь. Живи так, как тебе нравится.

Кристен, кажется, немного расслабилась.

— Я думала, что вы... Думала, что вы можете...

— Ты нашла того, кто тобой интересуется?

— Нет. Дело не в этом. Совсем не в этом. Дело в том... Я чувствую себя словно на замке. Вообще-то я готова следить за домом и заботиться о детях. Мне это даже очень нравится. Но нельзя же заниматься только этим. Все мои друзья...

— Я же сказал, что это — твоя жизнь. Делай то, что находишь нужным. Ты же разумная девочка и не создашь мне сложностей, с которыми мы не сможем разобраться. Разве не так?

Напряжение окончательно оставило ее. Оставило настолько, что она едва удержалась на ногах. «Неужели я внушаю такой ужас?» — подумал он.

— Я так боялась, что вы подумаете, будто я какая-нибудь предательница.

— Что за чушь, — фыркнул он. — Боги создают красивых девушек не для того, чтобы они зря тратили жизнь ради мертвецов. Если бы я был раза в два помоложе, а ты бы была вдовой Рагнара, я бы за тобой приударил. — Дальше он решил не продолжать. И вообще этих слов не следовало

произносить, так как их можно было истолковать по-разному.

Кристен достаточно хорошо знала стиль Браги для того, чтобы все понять правильно.

— Спасибо. Приятно узнать, что тебя еще не считают старой каргой.

— Пара-тройка приятных годков у тебя еще осталась. Кстати, раз речь зашла о твоих друзьях... Куда подевалась та славная крошка? Блондинка. Ширили. Кажется, ее так зовут.

— Интересуетесь? — довольно ядовито спросила Кристен.

— Вовсе нет. Я... Хм-м... Что-то ее давно не было видно. Вот я и спрашиваю.

— Я заметила, как вы на нее поглядываете. Игры, о которых вы, глядя на нее, мечтаете, вовсе не похожи на беготню по лесу.

Он слегка ухмыльнулся, протестовать против ее слов он не стал. Женщину, о которой шла речь, он встречал несколько раз и при каждой встрече с ней терял дар речи. Почему так случалось, ответить Браги не мог. Наверное, все это есть продукт деятельности желез внутренней секреции, но на вопрос, почему на железы влияла именно эта женщина, ответа у него не было.

— Я не ищу твоей помощи, Кристен. Просто поинтересовался. Тем более что она примерно твоего возраста. Разве не так?

— Через пару месяцев ей исполнится двадцать два. Только не давайте своей супруге возможности заметить то, как вы смотрите на мою подругу. Она тут же перережет вам глотку. Не сомневаюсь. Ширили по-прежнему рядом. Примерно раз в неделю мы видимся. Просто вы здесь редко появляетесь. Она вас, чтобы вы знали, чуть побаивается. Ваше спокойствие и вечно задумчивый вид заставляют ее нервничать.

— Я такой в ее присутствии только потому, что девица заставляет меня нервничать, — признался он. — Если принять во внимание мой возраст, то женщины, казалось бы, не должны влиять на меня подобным образом. А таких, как она юных, мне вообще не подобает замечать.

— Мне лучше промолчать, а вы продолжайте уговаривать себя.

— И ты не смейся надо мной. Лично я ничего смешного в этом не вижу. Итак, ты сказала, что Арал приезжает на встречу с Мглой, когда та появляется в городе. Расскажи мне об этом.

— Вы меняете тему.

— Какая ты, Кристен, проницательная. Даже, пожалуй, слишком умна для женщины. Мимо тебя ничего не проходит.

— Хорошо. Сдаюсь. Что же касается Арала, то могу сказать лишь то, что он каждый день приходит в ее дом, когда колдунья находится в Форгреберге. Я видела его этим утром. Арал делал вид, что любуется парком. Я его сразу узнала.

— Значит, он крался тайком?

— Ничего не могу сказать.

— Если бы это было не так, то он просто прискакал бы на аллею Лиенке. Разве нет?

— Я слишком плохо его знаю для того, чтобы гадать.

Появился слуга и подал знак Кристен. Та повела Браги в кухню, где он и съел почти целую курицу.

— В последнее время ем слишком много курятины, — бормотал он с набитым ртом. — Как бы самому в курицу не превратиться. Думаю, что надо повидаться с Мглой — узнать, какая каша, дьявол ее побери, заваривается. Будет забавно, если я застану их за веселыми играми в тяни-толкай.

— Она же в десять раз старше его!

— По виду на такую древность она не тянет. А Арал пока еще в том возрасте, когда все мозги находятся ниже пояса.

— Неужели мужчины когда-нибудь выходят их этого возраста? — спросила Кристен, одарив его игривым взглядом.

— Кто как. Некоторые позже, чем другие. А старик Дерел, видимо, вышел из него лет эдак в двенадцать. Да, кстати... Дерел вернется ко Дню победы. Мы решили как следует отпраздновать победу. Я пришлю за тобой карету... Не могу представить, что это было так давно. В то время ты еще была сопливой девчонкой с крысиными хвостиками вместо косичек.

— Я помню. Мы с мамой пошли встречать вас, когда вы возвращались из-под Баксендалы. Вообще-то, конечно, не вас, а папу. Вы были таким грязным, оборванным и... сияющим. Я помню, как папа сломал строй, подбежал ко мне и обнял. Мне показалось, что у меня треснут ребра. До сих пор трудно поверить. Мы тогда побили лучших из лучших.

— Нам немного повезло. Так присылать за тобой карету или нет?

— Если я найду, что надеть.

— Вот и прекрасно. Я, пожалуй, пойду, пока Мгла не отправилась в постель.

Однако прежде чем выйти из дома, он обошел спальни — хотел взглянуть на спящих детей и внука. Выходя в ночь, Браги оценивал свою деятельность в качестве короля гораздо выше, чем всего несколько часов тому назад. Всю жизнь он боролся за то, чтобы дети вчерашних дней стали такими, как Кристен или Ширили. Сегодняшние дети тоже должны иметь право на будущее.

Мгла приняла его в библиотеке, предварительно заставив прождать двадцать минут. Однако она не извинилась.

— Поздно гуляешь, — заметила бывшая принцесса.

Браги бросил на нее короткий, оценивающий взгляд. Мгла была холодна как айсберг. Интересно, подумал он, почему ее красота не приводит меня в трепет, как других мужчин?

Умом Браги понимал, что колдунья необыкновенно красива, но все равно оставался совершенно равнодушным к ее чарам.

— Я был дома. Мне надо с тобой повидаться, и я решил воспользоваться случаем, чтобы не выезжать лишний раз.

— Ты выглядишь измученным.

— Был очень трудный день, так что прости мои дурные манеры. В иных обстоятельствах я вел бы себя по-другому.

— Что у тебя на уме?

— Мне хотелось бы знать, какую кашу завариваешь ты с помощью Арала.

— Кашу?

— Увидев, как из отдельных кусков начинает возникать стройная картина, я решил, что, прежде чем принять какое-либо решение, необходимо услышать твои объяснения.

— Не понимаю.

— Объясняю. Мы имеем принцессу в изгнании, лишившуюся павшего под Палмизано мужа. Теперь ее некому сдерживать. Имеем мы и юного торговца — богатого и весьма влиятельного. Кроме того, при штабе лорда Хсунга есть по меньшей мере один тервола — сторонник упомянутой принцессы в изгнании, — произнес Рагнарсон, внимательно следя за ее реакцией.

Однако никакой реакции не последовало. Железная выдержка.

— Особенно забавно то, что все эти ингредиенты соединяются в тот момент, когда на границе Шинсана и Матаянги вот-вот разразится война. — На сей раз Мгла проявила некоторые признаки беспокойства.

Принцесса в изгнании молчала, полностью уйдя в себя. Браги провел несколько минут, стараясь прочитать то, что написано на корешках книг.

— Ты прав, — наконец решилась она. — Я вступила в контакт с людьми из Шинсана. С фракцией традиционалистов, недовольных правлением лорда Куо. Они считают, что я смогу обеспечить стабильность и возврат к традиционным ценностям. Но все это одни разговоры. Ничего конкретного.

— Почему же так?

— У этой фракции нет ни силы, ни влияния.

— А какую роль играет в этом деле Арал? — поинтересовался Браги, сцепив пальцы и внимательно глядя на Мглу.

— Он считает, что торговый климат резко улучшится, если на востоке окажется дружественный Кавелину правитель. Поэтому он пытается обеспечить финансовую поддержку.

Браги перевел взгляд на книги. Объяснение звучит правдоподобно. Но не говорит ли она лишь две трети правды для того, чтобы скрыть остальное?

— Идея представляется мне хорошей. Ее реализация пойдет Кавелину на пользу при условии, что новому правителю удастся изменить историческую инерцию Шинсана. В противном случае не имеет значения, кто будет там сидеть на троне.

И снова Мгла заставила его ждать ответа. Молчание затягивалось. Нельзя ей этого позволять, подумал Браги.

— Что ты сказал? Я, видимо, не расслышала.

— Я сказал, что не буду противиться вашей затее. Но прежде надо внести полную ясность. Сейчас ты — кастелян замка Майсак, а я желаю быть уверенным в том, что и в будущем ни при каких обстоятельствах не потеряю контроля над проходом Савернейк.

— Понимаю. Ты хочешь получить гарантии. Скажи, что ты желаешь от меня услышать?

Браги улыбнулся. Реакция Мглы сказала ему очень много о ходе ее мыслей.

— Не здесь и не сейчас. Нам нужно время все хорошенько обдумать. И кроме того, чтобы все было сделано при свидетелях. На встречу я приглашу Вартлоккура в сопровождении Нерожденного.

— Ты никому не доверяешь?

— Уже нет. Доверие исчерпано. И с какой стати я должен кому-то верить? Твой заговор всего лишь часть моей головной боли. До тех пор пока события не окажутся под моим контролем, мне следует действовать неторопливо и осмотрительно.

Мгла рассмеялась, а он ответил ей улыбкой.

— Жаль, что ты родился на западе. Из тебя получился бы великий тервола.

— Не исключено. Моя мать была колдуньей.

Мгла, казалось, была изумлена. Она хотела что-то сказать, но на пороге библиотеки возник слуга и объявил:

— Миледи, пришел человек, который желает видеть его величество.

Браги посмотрел на Мглу и недоуменно пожал плечами.

— Проводи его сюда, — распорядилась хозяйка дома.

Дал Хаас чуть ли не вбежал в библиотеку:

— Сир, я искал вас повсюду!

— Что произошло? — предчувствуя недоброе, спросил Браги.

— Чрезвычайное происшествие, сир, — ответил Дал, многозначительно покосившись на Мглу.

Интересно, в чем дело, подумал Браги.

— Поговорим позже, — бросил он и, выбежав за отчаянно торопящимся ординарцем на воздух, чуть ли не крикнул: — В чем дело? Выкладывай, Дал!

— Генерал Лиакопулос, сир. Кто-то пытался убить его.

— Пытался? Он жив?

Армия Кавелина служила фундаментом власти Рагнарсона, а Лиакопулос выдающийся военачальник.

— Он очень плох, сир. Я оставил его с доктором Вачелом. Доктор не уверен, вытянет ли генерал. Это случилось три часа назад.

— В таком случае скачем быстрее. Как это случилось? Очередная драка?

Генерал обожал как следует гульнуть. Его неоднократно предупреждали, но все предупреждения пропадали втуне.

— Нет, сир. На сей раз это были убийцы. — Он тронул поводья и пустил лошадь рысью. — Генерал совершал верховую прогулку вблизи дворца. На него напали из засады в парке. Одного он уложил, но остальные его здорово изрезали. Гейлз наткнулся на него и притащил во дворец.

— Кем оказался убитый? — спросил Браги.

Поднялся ветер. Запахло приближающимся дождем.

— Никто его не смог опознать. На нем не нашлось ничего, что могло бы помочь в поисках.

— Харш?

— Нет. Человек явно не с востока. Скорее всего северянин.

— Как только вернемся, найди и приведи Требилкока.

— Когда я уезжал, сир, он был с генералом.

Хаас пришпорил усталую лошадь. Браги, заметив это, снизил темп скачки.

— Требилкок воспринял нападение на генерала как личное оскорбление, — продолжил Дал. — Он ведет себя так, будто покушались на него.

— Хорошо, — сказал Браги. Он придержал лошадь, переходя на еще более медленный аллюр. У лошади тоже был длинный и трудный день.

И этот длинный и трудный день еще не окончился. Во всяком случае, для него.

ГЛАВА 5

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ТАИНСТВЕННЫЕ УБИЙЦЫ

Рагнарсон вбежал в комнату, где лежал генерал Лиакопулос. Лицо солдата гильдии настолько побледнело, что казалось фарфоровым.

— Как он?

Известный своим дурным характером доктор Вачел был королевским лекарем с незапамятных времен.

— Раненый спит, — ответил Вачел.

— Он выживет?

— Нельзя исключать любой исход. Генерал потерял очень много крови. Раны сами по себе не очень опасны. Жизненно важные органы не повреждены. Но если вас так изрезать...

— А этот мертвец?

— Это — убийца.

Рагнарсон приподнял покрывало и увидел ничем не примечательного молодого человека среднего роста, немного полноватого для своего возраста. Браги попытался представить покойника живым и в вертикальном положении. Ему было известно, что жмурики выглядят весьма кроткими и кажутся меньше ростом, чем при жизни.

— Где Требилкок?

— Час назад генерал пришел в себя и дал описание нападавших. Еще двоих он сумел ранить. Майкл отправился на поиски раненых.

— Хм-м... Вы не консультировались с Вартлоккуром?

Часовые у дверей оживились. Вачел пожал плечами:

— Он, возможно, все знает. Но я лично ему ничего не говорил. В этом не было никакой нужды.

— Однако чародей мог бы вам помочь.

— Разве вы считаете меня недостаточно компетентным? — недовольно скривившись, спросил Вачел. Он слыл лучшим целителем в Кавелине и весьма ревниво относился к своей репутации.

— Эй, часовые! Пусть один из вас доставит сюда чародея. Он обитает в Коричневых апартаментах для гостей. —

Обращаясь к доктору Вачелу, Рагнарсон добавил: — Кто лучше колдуна сможет допросить нашего друга.

С этими словами он указал на покойника.

— Хм-м.

Этим коротким звуком Вачел ухитрился выразить все свое негодование. Ему и раньше приходилось сотрудничать с чародеем. Доктор испытывал глубочайшее отвращение к магии во всех ее проявлениях, хотя и признавал, что Вартлоккур является мастером медицинской магии и иногда приносит пользу, когда наука оказывается бессильной.

Одним словом, протестовать он не стал. Доктор Вачел по сути своей был хорошим человеком, и недоброжелательность или тем более зло было ему чуждо. Если бы другой надежды у Лиакопулоса не было, он бы первым пригласил себе на помощь чародея.

Однако доктору даже не пришло в голову отдать колдуну тело. Его волновали лишь живые люди.

Вачел повел себя вполне пристойно, когда в комнате появился полусонный Вартлоккур. Доктор быстро назвал местонахождение, глубину и опасность каждой полученной генералом раны. И сумел скрыть негодование, когда чародей пробежал пальцами по телу Лиакопулоса, чтобы убедиться, что лекарь прав.

— Полагаю, что вы уже сделали все необходимое? Горячий бульон? Целебные травы для снятия боли?

Доктор утвердительно кивнул.

— Он должен поправиться. Правда, останутся шрамы и одна рука будет плохо действовать. В моем вмешательстве нет никакой необходимости.

Недовольная гримаса на физиономии Вачела преобразилась в печальную улыбку, и он одарил Рагнарсона укоризненным взглядом.

— Проверь-ка вот этого. Его уложил Лиакопулос.

— Один из убийц? — спросил Вартлоккур, приподнял веко мертвеца и взглянул в его глаз.

— Видимо. Здесь не может быть ошибки? — ни к кому в частности не обращаясь, спросил Браги.

— Генерал, придя в сознание, сумел его узнать, — ответил Вачел.

Вартлоккур молча взглянул на Рагнарсона. У того мурашки пробежали по спине.

— Нерожденный? — едва слышно спросил он.

— Это самый простой способ, — сказал чародей. — Пройдем только вниз на внутренний двор, где мы никого не побеспокоим.

— Стража, пусть один из вас найдет сержанта и скажет ему, что мне сюда требуются четыре человека и носилки.

Вскоре появились четыре гвардейца, среди которых оказался и Слагбейт. Он послал Рагнарсону широченную ухмылку и позвенел монетами, которыми были набиты его карманы. После этого он стал вести себя как подобает солдату. Здесь он уже не был капитаном команды, за которую играл король. Слагбейт и его товарищи перекатили труп на носилки и стали ждать дальнейших указаний.

— Несите его на задний тренировочный плац, — распорядился Рагнарсон. — Поставьте носилки и уходите.

Солдаты посмотрели на Вартлоккура и тут же отвели взгляд в сторону. Они догадались, что должно было произойти.

— Кто-нибудь догадался допросить Гейлза? — спросил Браги.

— Требилкок, — ответил Вачел. — Я не обратил внимания на то, о чем они говорили. Вартлоккур, вам не кажется, что дыхание больного стало чуть свободнее?

Чародей склонился над генералом.

— Похоже, что вы правы, — сказал он, выпрямляясь. — Самое худшее, вне сомнения, осталось позади. Генерал Лиакопулос поправится.

Рагнарсон и Вартлоккур двинулись вслед за носилками.

— Я сегодня встречался с Мглой, — сказал Браги. — Мне надо было ее повидать, так как некоторые вещи, на которые я наткнулся, пробудили мое любопытство. На вопросы она отвечала, но довольно уклончиво.

— И?..

— Похоже, ты не склонен делиться сведениями.

— И что же ты хочешь от меня услышать?

— Что ты о ней думаешь? Вовлечена ли она действительно в заговор? Как она поступит, если вовлечена? И чем это мне грозит? Как в случае ее успеха, так и поражения.

— Вовлечена ли Мгла в заговор? Безусловно. Тот, кому удалось посидеть на троне, не уступает его без борьбы. Вальтер был для нее сдерживающим фактором. Теперь ее не удерживает ничто. Взгляни на мир ее глазами. После Палмизано в Кавелине у нее ничего не осталось. Все изменилось. Чтобы восстановить самоуважение и снова ощутить свою нужность, она пойдет на все, чтобы получить то, что принадлежит ей по праву.

— Но тем не менее она уязвима. Через своих детей.

— Как и все мы. Разве не так? — недовольно произнес Вартлоккур. — Наши дети — заложники Рока.

— Сможет ли она вернуть себе трон?

— Откуда мне знать? Мне не известно, что происходит в Шинсане, и я не желаю этого знать. Я не хочу их замечать и требую, чтобы они не замечали меня.

— Боюсь, что они тебя в покое не оставят.

— Конечно, нет. И это подводит нас к твоему вопросу о последствиях. У меня такое ощущение, что для тебя не будет иметь значения — выиграет она или проиграет. Шинсан есть Шинсан, и таковым он пребудет вовеки. Совершенно не важно, кто там будет сидеть на троне, когда настанет удобный момент для удара. Ты и Кавелин заслужили у Империи Ужаса особое внимание. Это может случиться завтра или через сотню лет. Но удар будет нанесен обязательно. Не думаю, что это произойдет в ближайшее время. Чтобы оправиться от потерь, им потребуется пара десятилетий. Кроме того, им необходимо пережить все внешние угрозы. Шинсан должен укрепить свои новые границы. Одним словом, некоторое время они будут заняты, как одноногая портовая шлюха в день прибытия эскадры.

Рагнарсон фыркнул и вопросительно посмотрел на мага. Эта метафора была вовсе не в стиле Вартлоккура.

— Прости меня, — сказал чародей. — Ты упомянул Мглу. И это напомнило мне о Визигодреде и о его ученике Марко. Я слышал, как Марко говорил нечто подобное.

Чародей из Итаскии Визигодред был их общим знакомым и помогал Рагнарсону во время Великих Восточных Войн. С незапамятных времен он был другом Мглы. В учениках у него ходил славящийся своим сквернословием кар-

лик Марко. Марко, как и многие другие, погиб под Палмизано.

— Марко? Забавно. С кем бы я ни говорил сегодня, речь, так или иначе, заходила о том, кто погиб в великой битве.

— Мы потеряли там великое множество достойных людей. Потеряли больше народу, чем могли себе позволить. Сражение забрало самых лучших, а мерзавцы остались живы. Скоро они примутся за свои старые игры. Начнут бороться за власть.

Браги и Вартлоккур вошли во двор и остановились рядом с носилками. Солдаты тут же обратились в бегство.

— Возможно, что они уже к этому приступили, — заметил Браги.

— Не исключено. Отойди-ка подальше. Тебе лучше не стоять с ним рядом.

— Я вообще предпочел бы находиться в другой стране, — пробормотал Браги. Поскольку возможности сбежать на край света у него не было, он сел на каменные ступени и принялся ждать.

Вартлоккур обошелся без умопомрачительных магических действий. Он просто сосредоточился, склонив голову на грудь и прикрыв глаза. В этой позе маг простоял минут двадцать. Король тоже не двигался.

Рагнарсон напрягся, почувствовав приближение твари, но еще не видя ее. Его ладонь легла на рукоять меча, с которым он никогда не расставался. Какая глупость, подумал он. Что может сделать простая сталь против Нерожденного?

Браги ненавидел эту тварь. Созданная одним из принцев-магов она была внедрена во чрево его Фианы. Там, в тепле человеческого тела, она беспрестанно росла, а затем при рождении убила носившее его тело.

Вартлоккур принимал роды. Маг превратил отродье Зла в чудовищное оружие, чтобы обратить это оружие против его создателей.

Оно проплыло над восточной стеной, похожее на странную, маленькую луну. От чудовища исходило неяркое бледное свечение. Такое свечение бывает у луны вскоре после восхода. Монстр слегка покачивался в полете

так, как покачиваются на ветру мыльные пузыри, выпущенные ребенком.

Нерожденный плыл к Вартлоккуру. Это был светящийся шар примерно двух футов в диаметре. Внутри шара нечто горбатое и скорчившееся... Вскоре стало заметно, что под полупрозрачной оболочкой скрыт зародыш. Зародыш гуманоида... Ничего человеческого. Или очень далекий от того, чтобы быть человеком.

Открытые глаза зародыша встретились взглядом с Рагнарсоном. Браги лишь ценой нечеловеческих усилий подавил поднявшуюся в нем волну ненависти. Ему хотелось броситься на монстра с мечом, бросить в него камень, уничтожить гнусное, злобное создание, убившее его Фиану.

Во время войн Нерожденный служил Вартлоккуру оружием ужасающей силы. Даже сейчас монстр вынуждал тервола оставаться к востоку от хребта М'Ханд. В арсенале западных стран это было единственное оружие, способное привести Шинсан в трепет. Прежде чем напасть снова, Империи Ужаса придется изыскать способ уничтожить Нерожденного.

Нерожденный оберегал для Рагнарсона трон. По приказу Вартлоккура он плавал по ночам над столицей, истребляя даже намек на предательство. Чудовище было способно вершить массу как злодейских, так и просто чудесных действий, оставаясь при этом практически неуязвимым.

Отведя взгляд от слабо светящегося, пульсирующего шара, Рагнарсон все же заставил себя оставаться на месте. У него не было сил смотреть на это существо, на его злобное, с издевательской ухмылкой личико.

Вартлоккур пальцем поманил мерзкое создание вниз, и монстр вскоре завис над мертвецом. Маг заговорил невнятно, но Браги узнал язык. Это было наречие древнего Ильказара — язык юности чародея. Рагнарсон его, естественно, не понимал, но знал, что на нем вершатся все заклинания.

Кожа на лице покойника слегка задрожала, а конечности задвигались. Затем он неуверенно поднялся на ноги, словно марионетка, управляемая неопытным кукловодом. Выпрямившись, мертвец оперся на невидимую стену, которую создал для его поддержки Нерожденный.

— Кто ты? — спросил Вартлоккур.

Мертвец не ответил. На его лице появилось недоуменное выражение.

Чародей обменялся взглядом с королем. Мертвое тело обязано было дать ответ.

— С какой целью ты прибыл? Где постоянно живешь? Почему напал на генерала? Где твои сообщники?

Каждый вопрос чародея мертвец встречал недоуменным молчанием.

— Подожди немного, — сказал Вартлоккур, обращаясь к Нерожденному.

Он сел на ступени рядом с Рагнарсоном, оперся локтями о колени и возложил подбородок на сомкнутые пальцы.

— Ничего не понимаю, — пробормотал маг. — У него нет возможности отгородиться от меня.

— А может, он этого вовсе и не делает?

— Хм-м...

— Может быть, ему просто нечего скрывать?

— У каждого человека есть прошлое. Прошлое это запечатлено как в теле, так и в душе. Когда душа отлетает, воспоминания остаются в теле. Попробую применить другой подход, — сказал Вартлоккур, бросив на Нерожденного повелительный взгляд.

Мертвец побежал по кругу. Он прыгал на одной ноге. Скакал через воображаемую веревочку, кувыркался, отжимался от земли и делал приседания.

— Что это должно доказать? — спросил Рагнарсон.

— То, что Нерожденный его полностью контролирует. То, что мы имеем дело с человеком.

— Может быть, он человек опустошенный и у него никогда не было души?

— Возможно, ты прав. Однако все же полагаю, что это не так.

— Почему?

— Он скорее всего создан искусственно. Что-то дало жизнь взрослому существу, лишенному всех человеческих качеств и повинующемуся лишь команде убивать. Это означает, что мы имеем дело с весьма искусным врагом, в гибель которого мы, видимо, преждевременно уверовали. Вопрос лишь в том, по-

чему напали на генерала? Зачем рубить лапу льву, вместо того чтобы сразу отрубить ему голову?

— Ты меня вконец запутал. Что ты лопочешь?

— Я думаю, что мы исходим из ложного предположения о смерти.

— Ты не желаешь мне ничего говорить? Так, что ли?

Чародей имел привычку ходить вокруг да около. Вместо того чтобы дать прямой ответ, он начинал выписывать круги, подобно мотыльку, порхающему рядом с горящей лампой. Рагнарсона это всегда страшно раздражало.

— Прямо или косвенно, мы проследили судьбы всех членов Праккии. Всех, кроме одного. Не зная ничего определенного, мы почему-то решили, что его тело затерялось в горе трупов под Палмизано.

В той решающей битве обе стороны понесли громадные потери. Насколько знал Рагнарсон, под Палмизано погибли все военачальники врага, кроме Ко Фенга.

Он поскреб бороду, послушал голодное урчание в животе, подумал, что предпочел бы услыхать собственный храп, и после этого сделал несколько неудачных попыток решить заданную чародеем загадку.

— Ну ладно. Я сдаюсь. О ком ты говоришь?

— О Норате. Магдене Норате, бежавшем когда-то из Эскалона. В Праккии он был главным исследователем и создателем монстров. Мы так и не нашли его тела.

— Почему ты думаешь, что не нашли? Ни один из нас просто не знал, как он выглядит.

Норат был весьма своеобразным магом. Оружием ему служили вовсе не заклинания или демоны ночи. Он формировал жизни, создавая чудовищ не менее опасных, чем те, которых Мгла, Вартлоккур или им подобные могли призвать из Запределья.

— Может быть, у тебя есть кандидат получше?

— У тебя слишком мало фактов для того, чтобы твое заключение не казалось притянутым за уши, — не сдавался Рагнарсон. — Если даже истолковать все сомнения в твою пользу, все равно остается вопрос: зачем убивать генерала? Не пытаешься ли ты просто соткать кошмар из лунного света?

— Возможно. Возможно. Но это — единственная гипотеза, которая объясняет все факты.

— Поищи другие факты. Создай новую гипотезу. Разве нельзя допустить, что перед засылкой к нам у этого человека изъяли душу? Тот, кто направлял убийцу, не мог не знать, что его путь пересечется с твоим. Разве не так?

— Не исключено. Однако я не думаю, что изъятие души можно произвести без полного разрушения мозга. Впрочем, попробуем кое-что еще.

Вартлоккур поднялся, подошел к Нерожденному, возложил ладонь на защитную сферу чудовища и закрыл глаза. Тело мага расслабилось и обвисло, почти как у мертвеца. Вартлоккур и труп прильнули друг к другу, как две вдрызг пьяные марионетки, управляемые Нерожденным.

Рагнарсон вступил в очередной раунд борьбы со сном. Он встал на ноги и потянулся, чтобы размять ноющие мышцы. Интересно, чем сейчас занят Требилкок, подумал Браги. Появление убийц наверняка оказалось чудовищной силы ударом по самолюбию Майкла. Теперь он будет рыть землю, чтобы докопаться до сути.

Чародей выпрямился. Он помахал рукой перед глазами, словно пытаясь разогнать рой мошек. Затем Вартлоккур заторопился к Браги, все еще не фиксируя взгляд. Чародей потряс головой и, окончательно придя в себя, пояснил:

— Я побывал в нем. Там мало что содержится. Приемы и навыки, необходимые убийце, — и при этом без всякого прошлого. Никаких намеков на время взросления и обучения... Возраст его можно оценить примерно в месяц. Явился он откуда-то с запада. Помнит, что, прежде чем добраться к нам, проходил через Малые Королевства. Но о направлении или географии не имеет никакого представления. Его и братьев кто-то сопровождал. Сопровождающий знал, что происходит, и говорил им, что следует делать. У покойника имеются туманные воспоминания об отце, живущем где-то на морском побережье. Его единственной целью здесь было устранение Лиакопулоса.

— Вот, значит, как. Но в таком случае, если сопоставить все факты, выходит, что гильдия наносит удар по своему человеку.

— Что? А, понимаю. Высокий Крэг находится на западе и смотрит на море. Нет. Думаю, что мой выстрел во тьме был ближе к цели. Он помнит своего отца. Или создателя, если угодно. Воспоминания совпадают с тем, что нам известно о Норате.

— Но почему Лиакопулос?

— Не знаю. Обычно ты задаешь вопрос, кому это выгодно. В данном случае я никого не вижу. У генерала не было врагов.

— Но кто-то ведь затратил огромные силы и средства, чтобы избавиться от него.

— Первым делом на ум приходит Шинсан. Но Империя сейчас пытается наладить с нами нормальные отношения — протягивает тебе руку дружбы. И кроме того, тайные политические убийства вовсе не в стиле тервола.

— Может быть, кто-то пытается их подставить? Тот, кто не желает мира?

— Я не вижу никого, кто мог бы достигнуть своих целей, поддерживая напряжение, — пожимая плечами, ответил Вартлоккур.

— Матаянга. Приятели Майкла, мятежники.

— Сомневаюсь. Они очень многим рискуют, если их разоблачат. И кроме того, он явился не с востока, а с запада.

— Я уже совсем перестал соображать, — покрутив головой, сказал Браги. — На ногах не стою. Лиакопулос в принципе не такая уж большая потеря. Я ценю его как гения боевой подготовки солдат, но это качество, как мне кажется, ни для кого не представляет прямой угрозы... А теперь я должен уйти. Это был суровый день. Необходимо выспаться.

— Я отправлю тело к Вачелу, а затем поручу Рейдачару отыскать его братьев и хозяина. Найди меня завтра.

Чародей звал мерзкое создание Рейдачаром, что на языке его юности означало: «Тот Кто Служит». Во времена величия Ильказара титул «Рейдачар» носили боевые маги Имперского войска.

— Хорошо. Проклятие! На то, чтобы заставить мои старые кости двигаться, похоже, уйдет не меньше пяти минут.

Рагнарсон повернулся, чтобы уйти, но на мгновение раньше в проеме ворот, ведущих на плац, мелькнула тень.

Мелькнула и исчезла. Тайный соглядатай так и остался невидимым даже для верного слуги чародея.

Пройдя пару шагов, Рагнарсон остановился.

— Ах да... Я хотел спросить. Имя или, возможно, титул Избавитель тебе что-нибудь говорит?

Вартлоккур окаменел. Медленно, словно борясь с невидимой силой, он поднял голову и посмотрел в лицо короля:

— Нет. Где ты его услышал?

— Здесь. Если имя тебе ничего не говорит, то почему ты ведешь себя так, будто...

— Как мне себя вести, Рагнарсон, решаю только я. Заруби это себе на носу. Но выкинь из памяти имя, которое ты слышал. И не вздумай произносить его вслух в моем присутствии или в присутствии моих близких.

— Умоляю простить меня, Ваше Психоватое Чародейство, но у меня, как, возможно, вы слышали, есть здесь кое-какие обязанности, и все, что может иметь значение для Кавелина, меня, дьявол тебя побери, касается напрямую. И ни ты, ни все Семь богов не смеют мне указывать, что я должен делать для блага этого королевства.

— Предмет, о котором ты говоришь, чем бы он ни являлся, не имеет никакого отношения к Кавелину. Выкинь его из своей памяти. И уходи. Мне больше нечего тебе сказать.

Изумленный всем услышанным, Рагнарсон сумел заставить свои нижние конечности нести себя в сторону кухни. Что, во имя всего святого, происходит с чародеем? Старый брюзга знает гораздо больше того, что говорит вслух.

Заботы начали постепенно оставлять его, но зато стал давать знать о себе желудок. Браги казалось, что брюхо его превратилось в бездонную яму, требующую, чтобы ее заполнили перед отходом ко сну.

Он тащился по скверно освещенному коридору, размышляя о вздорности Вартлоккура. Вдруг на полу под его ногой что-то зашуршало. По ночам замок освещали всего несколько неярких масляных ламп, и разглядеть что-либо было практически невозможно. Одно из проявлений его режима экономии.

Странный звук не сразу проник в сознание Браги. Сделав еще несколько шагов, он остановился, повернулся и

прошел назад. Склонившись к полу, он заметил на нем смятый листок бумаги. Бумага в Форгреберге была большой редкостью, и оставлять такую ценность валяться на полу явно не стоило. Кто-то, видимо, потерял листок. Рагнарсон поднял его и прошел к ближайшей лампе.

На бумаге было записано несколько имен. Почерк оказался настолько плохим, что Браги лишь с огромным трудом смог их расшифровать. Правописание автора тоже оставляло желать лучшего.

Вслед за именем ЛИКОПУЛОС стояла галочка, позже зачеркнутая. ЕНРЕДСОН. АБАКА. ДАНТИС. ТРИБИЛКОК. В другой группе имен, стоящей отдельно, значились Вартлоккур, Мгла и другие сторонники короля. Имена трех военачальников были помечены звездочками.

Браги прислонился спиной к стене, забыв о сне. Он разгладил листок, аккуратно сложил его и сунул в карман.

Почему первыми названы лучшие офицеры Кавелина? И почему в списке не значится его имя?

Рагнарсон подумал, не стоит ли вернуться с этим листком к Вартлоккуру или лучше немного подождать. Решив, что дело терпит, он побрел к кухне, бормоча под нос:

— Готов держать пари, что древнее пугало ничего не найдет. Человек, который направляет руку убийц, находится здесь в замке.

В этот момент в его душе заскребли кошки, и Рагнарсону потребовалось некоторое время, чтобы понять, что в нем заговорил инстинкт самосохранения. Записка! Она может послужить обвинением и против него. Ее могли оставить на полу сознательно в расчете на то, что он на нее наткнется.

Браги извлек из кармана листок, развернул, прочитал еще раз и поднес его к пламени факела. Однако его тут же осенила другая идея. Он оторвал от листка имена Требилкока и Вартлоккура и лишь после этого сжег остальное. Пусть Майкл и чародей проведут следствие по фрагментам с их именами.

У поваров не нашлось ничего, кроме холодной курятины. Рагнарсон пристроился в углу и принялся неторопливо жевать.

Из коридора послышались голоса. Голоса приближались.

— И она говорит «О, Гейлз, ты мог бы одолжить мне одну крону. Ты хорошо поработал». А я ей в ответ: «Ну и дерьмо же ты». Не... Я не вру. Они всегда знают, когда у вас появляется денежка. А она все свое... «Гейлз, одолжи мне крону». — «Ну не дерьмо ли ты?» — говорю я в ответ. Да... Молодая баба. Красивая. Надо же... «Гейлз, ты хорошо поработал». А я ей как врежу: «Ну и сучка же ты», говорю.

Сержант появился в дверях. Рядом с ним стоял юный гвардеец, который, судя по его виду, с трудом удерживался от смеха.

— Да... — пробормотал себе под нос Рагнарсон. — Ну и сучка же ты.

ГЛАВА 6

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: БАЛ В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ

Музыканты истязали свои инструменты, заставляя их звенеть, скулить и выть. Пары скользили в танце по полу огромного зала. Рагнарсон не обращал внимания ни на музыку, ни на танцоров. Дерел Пратаксис вернулся домой и прибежал на празднование Дня победы, едва успев смыть с себя дорожную грязь. Как только появлялась возможность, король принимался шептаться со своим эмиссаром.

— Он говорит абсолютно искренне, — сказал Пратаксис, комментируя слова Хсунга. — Лорд действительно желает мира и дружбы. У него такой характер, что он совершенно убежден в правдивости слов, которые произносит. Назавтра Хсунг может все с той же искренностью утверждать диаметрально противоположное. Весьма редкостный талант. Он вас завораживает, и вам начинает казаться, что вы стали его единственным конфидентом. У вас создается впечатление, что с ним вы будете вершить великие дела. У Хсунга это получается настолько ловко, что вы попадаете в ловушку, прекрасно понимая, что происходит.

— Знавал я одного человека, который так вел себя, общаясь с женщинами, — пробормотал Браги. — Бедняжки ловились на его слова, хотя отлично знали, чего он от них хочет.

Рагнарсон проинформировал отощавшего ученого о тех странных событиях, которые произошли за время его отсутствия, и, уже заканчивая рассказ, спросил:

— Тебе не довелось там слыщать о существе, именуемом Избавителем?

— Только шепоток. Ничего конкретного. Это нечто такое, что заставляет тервола скрежетать зубами и дрожать. Избавитель ассоциируется с дальним востоком. С землями за пределами Шинсана, как мне кажется.

— Любопытно. Интересно, какое отношение Избавитель может иметь к Вартлоккуру?

— Почему бы вам у него не спросить?

— Я спрашивал. Он не хочет об этом говорить.

Однако Пратаксиса больше всего заинтриговала неспособность чародея обнаружить хозяина тех людей, которые напали на Лиакопулоса. От сообщения о Мгле, Дантисе и Требилкоке он вообще отмахнулся, заявив, что это не больше чем обыкновенный политический зуд. Появление агента Ясмид вызвало у Дерела живой интерес — Рагнарсон решил сообщить ему о визите, несмотря на предупреждение Хабибуллы.

— Это интересно уже потому, — сказал он, — что Хсунг разработал план, отвечающий не только полученным им свыше приказам, но и извечным желаниям Шинсана завладеть западными землями...

Браги остановил его, подняв палец. Он решил проявить хотя бы кратковременный интерес к празднеству. Ингер была в зале среди дам из наиболее благородных семей Нордменов. Заметив внимание супруга, она одарила его одной из своих знаменитых улыбок. Браги в ответ подмигнул и тут же вернулся к делам:

— Слушаю тебя, Дерел.

— Хсунг превратил Тройес в целиком вассальное государство, делая вид при этом, что все обстоит совсем наоборот и что он сам находится в полной зависимости от Тройеса. Он хочет вначале сделать всю грязную работу руками сателлитов, а затем, когда начнется протест, отречься от них.

— И что же это конкретно значит?

— Он пошлет их маршем на восточное побережье Хаммад-аль-Накира. Тройес вот уже несколько веков заявляет претензии на эти территории, точно так же, как Хаммад-аль-Накир претендует на владение Тройесом. Хсунг хочет установить контроль над побережьем вплоть до Сук-эль-Арба или даже дальше, если у его вассала хватит силенок.

— Майкл мне об этом говорил. Он считает, что Хсунгу нужны порты для обеспечения береговых рейдов на Матаянгу.

— Прекрасная вспомогательная причина. И великолепное прикрытие для подлинных планов. Но чиновничество Тройеса не столь монолитно, как штаб Хсунга. Правда заключается в том, что лорд желает получить контроль над проходами через хребет Джебал-аль-Альф-Дулькуарнени. Одним в районе Тройеса и еще двумя, ведущими в Себил-эль-Селиба и к Аль-Ремишу. Разве вам Майкл не сообщил, что Хсунг направил послов как в Себил-эль-Селиб, так и в Аль-Ремиш? Одна делегация предлагает союзнические отношения Эль Мюриду, а другая — Мегелину.

— Майкл плохо информирован о том, что происходит в Хаммад-аль-Накире. Я не знал, что Хсунг направил своих агентов в Себил-эль-Селиб.

Браги сделал вид, что поглощен празднеством, хотя на самом деле оно его совершенно не занимало. Информация Дерела заполнила кое-какие пробелы.

— Толково, — сказал он после непродолжительного молчания. — Хсунг может прихватить земли средь бела дня, а мы даже пикнуть не посмеем. Он заявит, что всего лишь выполняет условия договора. Если мы попытаемся его остановить, нас тут же объявят агрессорами.

— Именно.

— И что же мы можем предпринять?

— Кое-что можем. Мы можем позволить событиям развиваться своим путем в надежде, что у лорда ничего не получится. Мы можем наплевать на грозящую нам хулу и нанести превентивный удар, если Матаянга вдруг начнет распадаться. И наконец, мы можем принять игру Хсунга. Да, мы бедны материальными ресурсами, но зато́ располагаем отличными мозгами.

— Первые два варианта — абсолютная чушь. Поясни, что ты имел в виду, говоря о мозгах.

— Вы располагаете весьма умными и склонными к утонченной интриге помощниками. Возьмите, к примеру, Майкла. Он может быть чрезвычайно изобретательным. Он способен быть беспощадным. Он гораздо умнее, чем хочет это показать. Он вербует себе на службу самых лучших людей. Но наибольшие возможности для вас открывает присутствие в Кавелине законной претендентки на трон Шинсана, и это благоприятное обстоятельство следует использовать. Теперь рассмотрим проблемы, которые стоят перед Хсунгом. Он должен держать гарнизоны по всему бассейну реки Рое. Численность Западной армии сведена до пяти легионов. Лучшие из них охраняют горный проход в Гог-Алане или расквартированы в Тройесе. Один из легионов стоит в Аргоне и еще один в Некремносе. Отряды пятого легиона разбросаны по небольшим городам.

— Но тем не менее, Дерел, это — тридцать тысяч отборных солдат.

— Бесспорно. Вам с ними не совладать Но с другой стороны, их окажется не столь уж и много, если принять во внимание численность населения в бассейне Рое. Если сравнить две цифры, то легионы Хсунга останутся лишь символом мощи Шинсана, а не самой его мощью. Их просто поглотят волны всенародного восстания.

— Но они сумеют нанести всем огромный урон.

— Вне сомнения. Но в конечном итоге их все-таки раздавят.

— Я требовал от Майкла, чтобы он не раздувал пламя, а теперь, по-твоему, должен сам заваривать кашу?

— Хсунг не перестанет пощипывать вас. Не оставляйте его безнаказанным. Наносите ответные удары.

— Ну и вой же поднимется!

— Не используйте своих людей — во всяком случае прямо, — и он ничего не сможет сделать. У Хсунга есть свои ограничения. Он обязан всеми силами сохранять образ миролюбца. А это означает, что мы можем усилить нашу провокационную деятельность. Одним словом, вы будете иг-

рать в их игру, только гораздо злее. Из-за осложнений с Матаянгой их положение гораздо хуже нашего.

— Но если немного успокоиться, Дерел, и взглянуть на ситуацию шире, то вся наша затея все едино выглядит бессмысленной. Даже если они не уничтожат нас сейчас, то сделают это через сотню лет.

— Возможно, что этого вообще не случится. Некоторые из моих коллег-историков исповедуют так называемую «Теорию тщетности предсказаний». Но даже если они и правы, то все равно в ходе развития существуют поворотные пункты. Современникам они, как правило, не заметны, и увидеть их можно лишь в ретроспекции. Одно из величайших событий в истории Кавелина произошло в Итаскии, и мы до сих пор ощущаем его последствия.

— Ты совсем сбил меня с толку, Дерел. Я в одну сторону, а ты — в другую, — ухмыльнулся Рагнарсон. — Только я делаю «зиг», как ты — новый «заг».

— Я имею в виду тот день, когда вы покинули свое небольшое поместье, чтобы пожаловаться на беззаконие. В то время вы и слыхом не слыхивали о Кавелине. Шесть месяцев спустя вы уже возглавили армию Фианы. И вот вы — король.

— Если следовать твоим рассуждениям, то Хаакен и я изменили ход истории, бежав из Троллединги, не вступая с борьбу с претендентом.

— Совершенно верно. Если бы не так, то вы были бы покойником вот уже четверть века. Но многие другие остались бы в живых. Войны Эль Мюрида пошли бы иным путем. Во Фрейленде события тоже развивались бы как-то по-иному. Герцог Грейфеллз мог стать королем Итаскии. Гражданская война в Кавелине имела бы другой исход, а Великих Восточных Войн вообще могло бы не быть.

Рассуждения Пратаксиса обеспокоили Рагнарсона. Если верить ученому, то страшно хрупкой оказывалась не только отдельная человеческая жизнь, но и история человечества. В бытность его мальчишкой ему внушали совсем иное. Троллединцы были детерминистами и свято верили в предначертания Судьбы.

— Однако мы уклонились от темы, — сказал король.

— Вовсе нет. Во всяком случае, не от той, которую я пытаюсь развить. Я хочу вам внушить, что, предпринимая какое-либо действие, вы формируете будущее. Для того чтобы сформировать будущее так, как вам хочется, следует вести себя напористо и даже агрессивно. Надо внимательно следить за развитием событий, чтобы обратить их себе на пользу.

— Хорошо. Я все понял. Немедленно отправляюсь туда и завариваю кашу. Нельзя допустить, чтобы твои рассуждения пропали втуне.

— Сир!..

— Прости. Я просто не мог удержаться, — ухмыльнулся Браги. — Иногда ты воспринимаешь себя чересчур серьезно.

Рагнарсон поднялся, чтобы осмотреть сборище. На празднество явились сотни людей. Со времен войны это был самый многолюдный бал. Присутствовала большая часть членов Совета — с супругами, разумеется. Вся команда Браги тоже веселилась. Исключение составили лишь Майкл, Мгла и Вартлоккур. Эта троица принципиально избегала принимать участие в массовых сборищах. Пришли на праздник и многие принадлежащие к старым аристократическим родам Нордмены. Эти люди именовали себя владетелями, поскольку им принадлежали наиболее обширные латифундии. В толпе гостей находились и самые влиятельные представители торгового круга. Здесь и там виднелись спокойные лица гражданских служащих из класса Силуро, без незаметной работы которых Кавелин просто перестал бы существовать. Креденс Абака и группа племенных вождей Марена Димура, встала стеной в дальнем углу зала. Они напомнили Рагнарсону стадо коров, ставших кругом нос к носу и повернувшихся хвостами к холодному ветру. Выпитое вино, видимо, потребовало тайного обмена мыслями. Прием алкоголя, как известно, частенько приводит к активизации мышления.

Браги поискал взглядом Требилкока. Майкл пока не показался, и с момента покушения на Лиакопулоса его никто не видел. Браги начинал волноваться. Ему срочно требовалось поговорить с этим человеком.

Гости продолжали прибывать, и в зале становилось тесно. Если будут приняты все приглашения, то людей просто некуда будет девать.

Наконец появилась Мгла. Сопровождал ее, естественно, Арал Дантис. Ее появление произвело на толпу такое же действие, как добрая порция парализующего газа. Мужчины замерли, открыли рты и прекратили все беседы. Некоторые из них смотрели на принцессу восхищенно, а иные — с нескрываемым вожделением. Чувства дам были более разнообразны. Они взирали на соперницу с восхищением, завистью или открытой ненавистью. Ее красота ошеломляла. Даже музыканты и те стали фальшивить.

А как она несла себя, делая вид, что не замечает произведенного ею фурора!

Вслед за Мглой и Аралом в зал впорхнула Кристен со стайкой подружек. Сноха довольно свободно распорядилась разрешением пригласить своих гостей. Все ее подруги были очень милы и совершенно свободны.

Последнее обстоятельство поразило Браги. Плюхнувшись на свое место, он сказал:

— Знаешь, Дерел, я сейчас кое-что заметил.

— Что именно, сир?

Браги принял излюбленную позу, упершись локтями в колени и возложив подбородок на сомкнутые руки. Немного помолчав, он произнес:

— У нас слишком много незамужних женщин. Причем премиленьких. Это противоестественно.

— Вам следует позаимствовать семейный кодекс Хаммад-аль-Накира.

— Что это значит?

— Это значит — разрешить мужчине иметь больше одной жены.

— О боги, тут и с одной хлопот не оберешься!

Браги обежал взглядом зал и увидел множество молодых незамужних женщин. Большинство из них были дочерями гостей, и у каждой из них во взгляде горел охотничий азарт.

— Война унесла жизни многих мужчин, — заметил Пратаксис. — Соотношение одиноких женщин и одиноких мужчин в Кавелине, по моей оценке, примерно пять к одному.

— И почему я только женат?

— Это, вне сомнения, ваша тактическая ошибка, сир. Майкл же, судя по всему, процветает. Но в игре этой лишь очень немногим удается выжить. Наши охотницы знают, как набросить сеть на свою жертву.

— Я об этом никогда по-настоящему не думал. Подобный дисбаланс может иметь весьма серьезные последствия.

— Совершенно верно. Вам следует приказать всем женщинам, рожающим детей вне брака, приносить только мальчиков. Через некоторое время в Кавелине появится изрядное число потенциальных мужей, хотя и очень юных.

Браги недовольно покосился на собеседника. Это была шутка совершенно в стиле Пратаксиса.

— Эта проблема присуща не только Кавелину. Так или иначе — в одном месте или в другом — Запад находился в состоянии войны с того момента, когда Бич Божий вырвался из пустыни. Сейчас мы вступили во второе поколение численного неравенства полов. Еще одно поколение — и все стражи древних моральных принципов уйдут из жизни. Поведение женщин начнет претерпевать все более быструю трансформацию...

— У меня вопрос, Дерел.

— Слушаю, сир.

— Неужели ты действительно способен прочитать лекцию на любую тему?

Пратаксис посмотрел на него изумленно и немного обиженно.

— Шучу, шучу! Каждый раз, когда я замечаю для себя что-то новое, оказывается, что ты об этом уже знаешь. И ты можешь без конца развивать эту тему, объясняя, что, как и почему и к каким последствиям это может привести.

— Я — выпускник университета Ребсамен, — суровым тоном произнес Дерел. — Там меня учили наблюдать, анализировать и делать выводы. И в моих рассуждениях не содержится никакой мистики. Да и вы сами размышляете в той же манере, только не так осознанно, как я. Именно этот подход позволяет вам принимать правильные решения более чем в половине случаев.

— Я вовсе не хотел тебя обидеть, Дерел, — сказал Рагнарсон, про себя сожалея о том, что такой замечательный человек столь обидчив и почти лишен чувства юмора.

Однако он сам попросил направить его в варварскую страну... Впрочем, нет. Дерел возразил бы против употребления этих слов как недостаточно точных. Он предпочел бы вместо термина «варварский» более обтекаемое выражение — что-то вроде «самодовольного невежества».

— Отец!

Рагнарсон посмотрел вниз. Его сноха стояла в футе от подиума, на котором находились троны короля и королевы.

— Кристен! Значит, ты все-таки нашла что натянуть на себя. А я-то думал, что тебе это не удастся.

— Лжец. Вы знали, что я приду даже в том случае, если бы мне пришлось появиться лишь в том, чем одарила меня мать-природа. А это мои подруги, — пояснила она, показывая на топчущихся рядом с ней девушек. — Ничего, что я их привела с собой?

— Чем их больше, тем веселее. Я предпочитаю смотреть на них, а не на плешивых, бородатых старцев. Но, может быть, вам всем стоит проявить чуть больше почтения к своему королю перед лицом многочисленной публики? — с улыбкой сказал он.

Подруги Кристен мгновенно сделали глубокий книксен.

— Ах да. Конечно, — немного растерянно произнесла королевская сноха и слегка присела.

— Достаточно. А теперь скажи мне, кто эти милые дамы?

— Аня. Тилда. Джулия, — сказала Кристен, указывая на девушек. — А это — Ширили. Ее вы уже встречали. Как и Джулию.

Девушки — когда их представляла Кристен — застенчиво кивали. Все, кроме маленькой изящной блондинки. Та смотрела ему прямо в глаза. Но при этом ее руки побледнели и дрожали. Девица крепко сцепила пальцы, не сводя взгляда с короля. Во взгляде ее не было призыва, но в нем, надо сказать, не замечалось и отвращения.

— Веселитесь, дамы. А ты, Кристен, не осчастливишь ли старика танцем?

Просьба удивила ее, но лишь на миг.

— Не такой уж и старик, — сказала она и, посмотрев на блондинку, добавила: — Повинуюсь, если это приказ короля.

— Именно, — ответил Браги, и улыбка исчезла с его лица. Спускаясь с подиума, он краем глаза уловил изумленный взгляд Ингер. Король был весьма скверным танцором. Доказал он это очень быстро, постоянно не попадая в такт.

— Вот дьявольщина, — бросил Браги, остановившись. — Мне просто надо было с тобой поговорить. Пройдем вон туда и попробуем игристое вино, которое Чам привез из Делхагена. Он утверждает, что шипучка стала хорошим экспортным товаром.

— Поговорить? — Глаза Кристен заискрились даже сильнее, чем знаменитое вино.

— Ты говорила что-нибудь этой самой Ширили?

— Я? Как можно, отец!

— Она мне по возрасту в дочери годится.

— А я-то думала, что мужчины всегда предпочитают юных и свежих женщин. Последний Криф был на полвека старше королевы Фианы.

— Я — женатый человек, Кристен. Король. И вообще... Это капкан, в который у меня нет намерения совать лапу.

— У меня создается впечатление, что вы пытаетесь себя в чем-то убедить.

Рагнарсон неуверенно ухмыльнулся и посмотрел на противоположную сторону зала. Ширили отыскивала его взглядом сквозь просветы в толпе гостей. Испуганный вид делал ее еще привлекательней.

— Что же, я действительно должен себя убедить. Что из этого? Слушай, Кристен, не занимайся провокациями. Искушение и без того слишком велико. Я совсем не знаю девчонку, но ничего не могу с собой поделать.

— Так, выходит, это все очень серьезно? — помрачнев, спросила Кристен.

— Да. Я могу это утверждать, просто глядя на нее и чувствуя, что при этом происходит во мне. Я втюрился как мальчишка и ощущаю себя полнейшим идиотом. Время от времени подобные передряги бывают полезными и приятными, но сейчас они мне ни к чему. На увлечения у меня

сейчас просто нет времени. С двумя возлюбленными мне не совладать. А мою главную любовь, как мне кажется, ждут трудные времена.

Кристен вскинула брови в немом вопросе.

— Кавелин.

— О... Вы полагаете, что ему что-то угрожает?

— Не исключено. Я пытаюсь предотвратить неприятности. Приближение опасности можно почувствовать даже здесь. Послушай, о чем говорят люди. Виды на урожай и добыча металлов вовсе не главные темы сегодняшних бесед.

— Имеет ли это отношение к генералу Лиакопулосу?

— Возможно. Почему бы тебе ни перекинуть ее на Майкла?

— Майкл ее не интересует.

— Будь ты проклята! Какого дьявола ты мне об этом говоришь? Прости... — Он посмотрел на Ширили. Такая крошечная... Словно игрушка. И в то же время каждый изгиб ее тела, казалось, выкроен по эротическому лекалу. Браги сердито потряс головой и добавил: — И я тоже будь проклят.

Ничего не понимающая Кристен бросила на свекра изумленный взгляд.

Вскоре к нему на подиум поднялась Ингер. Ее вечная издевательская улыбка на сей раз была сведена к минимуму.

— Что это должно означать? — спросила она супруга.

Ингер не любила Кристен. Их сыновья были претендентами на трон Кавелина.

— Речь шла о расходах на содержание дома. Кристен полагает, что у Айнджара и Браги должны быть разные учителя. Лишних денег у меня нет, вот она и прибегла к старому как мир подходу — «ублажу-ка я старика».

— Хитрющая маленькая ведьма. Знает, что такой подход на тебя действует безотказно. Простолюдины...

— Ингер!

— Что?

— Возьми меня за руку.

Королева протянула ладонь, на лице появилась обычная улыбка. Он чуть сжал ее руку и, вздохнув, сказал:

— Ингер, не сочти за обиду, но ты держишься за лапу простолюдина, обычного пехотинца, многого добившегося своей хитростью. Ты даже сочла возможным выйти за него замуж.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что не имеет значения, кем были твои родители. Мы все есть то, кем стали. Поменяй местами ребенка Марена Димура и отпрыска Нордмена, и, став взрослыми, они будут вести себя как воспитавшие их люди. Кровь не будет иметь никакого значения. А ты, Дерел, помолчи.

Ему и раньше приходилось дискутировать с Пратаксисом по проблеме соотношения происхождения и воспитания. Сейчас Дерел был готов занять сторону любого из спорящих. Диспут для ученого всегда походил на игру.

— Я изо всех сил пытаюсь поверить в твои дела, но это дается мне с большим трудом, — сказала Ингер. — А из простой деревенщины можно сделать не более чем хорошо одетую деревенщину.

— А как насчет детей этой деревенщины? Больше всего меня интересуют его отпрыски. Впрочем, и он сам, если на то пошло. — Прежде чем Ингред успела открыть рот, Браги добавил: — Меня не волнует то, как человек говорит, мне плевать на его застольные манеры. Вот что для меня главное, — сказал король, постучав пальцем по лбу. — И насколько хорошо он справляется со своим делом.

— Как Атака? — не скрывая сарказма, спросила ненавидевшая полковника Ингер.

— Именно. Он сквернословит, у него тошнотворные привычки, но это — лучший тактик, дорогая, из всех, которых мне доводилось встречать. Таких, как он, в мире больше нет. Если дать ему время, то он и вести себя научится.

— Он даже хуже, чем простая деревенщина. Эти отвратительные люди едят насекомых...

— Дорогая, если кровь предков для тебя так много значит, то нашему браку предстоят тяжкие испытания.

Ингер чуть наклонилась вперед, улыбка исчезла.

— Что ты хочешь этим сказать? — воинственно спросила она.

— В тебе течет кровь Грейфеллзов, а Грейфеллзы слыли вероломными предателями, убийцами и мятежниками еще в то время, когда мой прадед ходил пешком под стол. Если кровь имеет такое значение, то мне, пожалуй, следует приставить к тебе полсотни моих самых надежных людей.

Она смертельно побледнела, вскочила с трона и вдруг залилась пунцовым румянцем.

— Сиди, сиди, дорогая. Я просто-напросто хотел продемонстрировать тебе некоторые пробелы в твоей аргументации.

— Мне кажется, что это было сделано не лучшим образом.

— Возможно. Но, полагаю, что ты должна со мной согласиться.

— Видимо, придется, — ответила Ингер, обжигая его взглядом. — Если я не соглашусь, то мне скорее всего придется провести остаток своих дней в обществе твоих дружков из команды «Гвардейцев». А сейчас меня хочет видеть баронесса Карти. Я скоро вернусь.

— Вы ее ни в чем не убедили, — заметил Пратаксис.

— Знаю. Завтра открывается сессия Совета. Что ты намерен там сказать?

— Сообщу, что переговоры оказались плодотворными. Прикрывающий Савернейк легион разрешит проход караванов через две недели, считая с завтрашнего дня. Транспортировка и продажа вооружения запрещена. Караванщикам будет позволено иметь при себе обычное оружие для обороны. Караваны с запада имеют права проходить лишь до Тройеса. Торговля со всеми странами к востоку от Тройеса — Аргоном, Некремносом и их вассалами должна осуществляться только через посредников. Кроме того, нам сообщили, что торговля с Матаянгой будет зависеть от текущего военного положения.

— Мне все это представляется весьма разумным.

— Кто-нибудь из них обязательно прокудахчет, что договор заключен в пользу Тройеса.

— В этой стране кто-нибудь обязательно рыдает по какому-нибудь поводу. Караванщики пустятся наперегонки, чтобы первыми оказаться у горного прохода.

— Все, кто мог себе это позволить, уже сформировали караваны. Как только я произнесу магические слова, они примутся топтать друг друга.

— Позволь мне их немного позлить. Если они впадут в ярость, то выболтают все, что у них на уме.

— Не знаю...

С того места, где находились Марена Димура во главе с Абакой, донесся женский визг. Затем раздались сердитые мужские голоса. Рагнарсон услышал, как сталь ударила о сталь, и вскочил с трона.

— Прочь с дороги! — ревел он, проталкиваясь сквозь толпу. Возвышаясь над большинством гостей почти на голову, он видел, как к месту схватки прокладывают путь гвардейцы. Хорошо! Значит, стража начеку. Король был уверен, что хоть одна драка на балу в честь Победы обязательно вспыхнет.

— Ты дашь мне пройти или нет?! — гаркнул он пожилой, довольно полной матроне. Матрона тут же сделала вид, что собирается хлопнуться в обморок.

Когда Рагнарсон пробился к месту схватки, гвардейцы уже успели развести сражающихся. Одним из них оказался Креденс Абака, а другим — юный джентльмен, сын барона, прибывшего в город на сессию Совета. Барон собственной персоной проталкивался через толпу.

Абака и юнец выкрикивали взаимные оскорбления.

— Заткнитесь! — рявкнул Рагнарсон. — Ты первым, — добавил он, ткнув пальцем в молодого человека.

— Он делал непристойные предложения моей сестре! — с мрачной воинственностью заявил юный аристократ. Такая манера поведения была нормой для многих представителей знати.

— В чем дело, Креденс?

— Я пригласил ее на танец, сир.

Абака полностью восстановил свой апломб. Возможно, что он вообще его не терял. Полковник слыл блестящим тактиком не только в военной области. Он прекрасно умел манипулировать людьми, а если требовалось, то оказывался беспощадным, как паук. В его поведении не было ни малейшего намека на извинение.

— И это все?

— Клянусь честью, сир.

— У тебя нет никакой чести... Ты...

— Заткни свою пасть, мальчик! — бросил Рагнарсон. — Ты — в дерьме по самые уши.

Он поискал глазами женщину, из-за которой возникла свара. Отец уже увел ее от греха подальше. Теперь на лице барона играла выжидательная улыбка. Неужели сам Абака на сей раз стал жертвой манипуляции, подумал король. Владетели были безмерно оскорблены тем, что вторым лицом в армии был назначен какой-то ничтожный Марена Димура. Лишь немногим наиболее доверенным офицерам из числа Нордменов Рагнарсон доверял лично руководить отрядами.

— И ты осмелился обнажить меч во дворце? — обращаясь к юнцу, произнес Рагнарсон. — Против одного из моих командиров?

Нордмен не стал молчать.

— Кто-то должен проучить этих... этих... животных. Показать им их место... Я бросаю ему вызов.

— У тебя нет права на дуэль, — сказал Рагнарсон.

— А я его вызов принимаю, — заявил Абака.

Полковник был невысоким, жилистым человеком с оливковой кожей. Его изборожденную морщинами физиономию украшали длиннющие вислые усы, а маленькие блестящие глазки походили на осколки черного обсидиана.

— Креденс! — гаркнул Браги. — Хватит!

Абака спокойно отступил на шаг назад. Он всегда отличался блестящим самообладанием.

— Вот и хорошо, — продолжил уже более спокойно король. — А ты, сынок, совершил преступление, — продолжил он, глядя в глаза молодого человека. — Владетелям позволено носить оружие во дворце, но ты не имел права его использовать. — Браги показал на Марена Димура, из которых лишь Абака был вооружен. Это предоставленная мною привилегия, а отнюдь не природное право. Нарушив правила, ты лишил себя возможности вызывать на дуэль. Более того, твой поступок является весьма серьезным преступлением, и я мог бы приказать тебя повесить.

Молодой человек побледнел.

— Но это было бы неправильно. Настоящим преступлением в данном случае является глупость, высокомерие и неправильный выбор себе родителей. Сержант Вортель, — обратился он к стоящему рядом с Абакой гвардейцу.

— Слушаю вас, сир.

— Выведите мальчика во двор и выдайте ему двадцать плетей. Вздуйте покрепче, чтобы в следующий раз он думал, прежде чем распускать язык.

— Слушаюсь, сир. — Вортель был доволен и не скрывал этого. Старший сын в семье Вессонов, он рос под щелканье бичей Нордменов.

Рагнарсон не стал следить за тем, как уводят юного аристократа. Мальчишка вопил и сыпал угрозами. Однако, осознав, что его действительно выпорют, он побледнел, замолчал, и его начала бить дрожь.

Затем Браги оказался лицом к лицу с отцом-бароном.

Согласно новым законам владетели перестали быть самовластными тиранами на своих землях. Сказать барону было нечего. Все Нордмены знали, что, давая волю своим старым привычкам, они могут понести наказание.

Тем не менее Рагнарсон хотел, чтобы отец мальчишки понял позицию короля.

— Неужели вы предпочли бы увидеть своего сына мертвым?

— Мертвым? — изумленно прокаркал барон.

— Если бы я позволил им сразиться, то мальчик уже был бы мертв.

— Чтобы его убил какой-то Марена Димура? — издевательски скривился аристократ. — Это нелепо.

— Не обманывайте себя, барон. Я принял во внимание возраст вашего сына. Он слишком молод, чтобы понять опасность. Я сделал все, что мог, дабы спасти ему жизнь. — Со двора донесся вопль. В глазах барона вспыхнул огонь смертельной ярости. — Однако я мог бы позволить вам сразиться с Креденсом. Сдается мне, что это вы толкнули мальчика на столь необдуманные действия, и это, по существу, ваша дуэль. Креденс, ты имеешь право на выбор оружия.

— Ножи, сир. Эти господа из владетелей почему-то не терпят ножи.

Интересно, как такой крошечный ротик может растянуться в такой огромной ухмылке, подумал Рагнарсон, а вслух произнес:

— Итак, барон, вы готовы?

Нордмен покраснел, запыхтел и огляделся в поисках поддержки со стороны равных себе по происхождению. Но единственная поддержка, которую он сумел увидеть, явилась лишь плодом его воображения.

— Вряд ли это лучший способ, джентльмены... — начал он, гордо выпятив грудь.

— Где вы здесь увидели джентльменов? — оборвал его вопросом Браги. — Ведь заваруха началась только из-за того, что вы не пожелали признать в полковнике Абака джентльмена. Неужели он успел за эти несколько минут так измениться? — Опасаясь перебора, Рагнарсон несколько смягчил тон и добавил: — Дело в том, барон, что нам всем приходится сталкиваться с последствиями своих поступков. Право крови ныне не гарантирует вам никакого иммунитета. Оно дает вам лишь некоторые привилегии, в ответ на которые вы обязуетесь охранять людей, живущих в вашем домене, и заботиться о них. Все это оговорено в торжественной клятве вассальной верности, которая восходит еще к временам Жана Железной Руки. Вы лично давали эту клятву трижды. Первый раз старому королю. Второй — Фиане. И третий раз — уже мне. И я требую от владетелей лишь того, чтобы их милости соблаговолили свято блюсти все свои обязательства.

Барон виновато понурил голову, и Рагнарсон решил, что вопрос исчерпан.

— На этом нам сейчас лучше закончить, верно? Отправляйтесь вместе с семьей в свои покои и ждите там сына. Я попрошу доктора Вачела позаботиться о мальчике. А ты, Креденс, отправляйся в казарму и не смей высовывать нос до утра. Позже я с тобой еще потолкую. Дерел, не пора несколько оживить наше празднество?

Отойдя в сторону, чтобы барон не мог их услышать, Браги спросил:

— Ну и как я, по-твоему?

— Не плохо, совсем не плохо, — ответил Пратаксис. У ученого имелся собственный способ запугивать людей. Де-

рел постоянно записывал каждое произнесенное слово, и Нордмены испытывали чуть ли не благоговейный ужас, когда он магическим образом начинал позже дословно воспроизводить их речи. — Насколько хорошо вы его знаете? Не затаит ли он на вас злобу?

— Не думаю. Он просто немного импульсивен. Барон сумел пережить гражданскую войну, и я его с того времени не повесил. Большего от владетеля ожидать не приходится. Сделай-ка пару заметок. Во-первых, надо вывесить на всеобщее обозрение старую петлю, в которой нашли свое упокоение лорд Линдвелл, сэр Андвбур и Каптал. И, во-вторых, попроси Вартлоккура сделать так, чтобы Нерожденный показался на людях. Этого пока достаточно.

Рагнарсон сделал паузу, чтобы раздобыть вина для Пратаксиса и пива для себя.

— Иногда все это действует на меня страшно угнетающе, — продолжил он. — Я — третий монарх кряду, который не жалеет своей задницы для того, чтобы сделать эту страну пригодной для достойного существования. И если я пока не получил стрелы в грудь откуда-то из подворотни, то все едино оказался по уши в том же самом иррациональном дерьме, в котором сидел старый Криф с момента своей коронации.

— Мы имеем дело с феодальным обществом, сир. Жесткость конструкции есть одна из типичных черт подобного рода образований. И это позитивная, создающая устойчивость черта, если принять во внимание те силы, которые формируют феодальные общества. В этой структуре предусматривается фиксированное место для каждого человека, ответственность и привилегии которого четко определены. Недостатком такого общества является его плохая восприимчивость к любым новым идеям. В течение жизни одного поколения феодальную лодку Кавелина раскачивало слишком много новых, самых новых идей, начиная с появления Бича Божьего. Да и тот возник не на пустом месте. Теперь Кавелин стал похож на черепаху, которая втягивает голову под панцирь, ожидая, когда минует самое страшное время. Однако ураган все не кончается, ретрограды наносят ответный удар, и в обществе начинаются конфликты.

— Что ты хочешь мне этим сказать?

— В королевствах, подобных Кавелину, изменения происходят медленно и мучительно. Нельзя нажимать слишком сильно. Обязательно последует реакция, похожая на откат волны. Однажды вы породили такую реакцию, выиграв гражданскую войну. Теперь идет вторая волна.

— Я ничем не могу ее остановить?

— Если обратиться к медицинской аналогии, то вы должны постоянно использовать припарки, дабы уменьшить опухоль и давать микстуры, чтобы ослабить боль.

— Дай рецепт какой-нибудь припарки.

— В случае с бароном, например, могла бы оказаться полезной личная примирительная записка. Пусть он не думает, что вы унизили его сознательно. Нажимайте на спасение жизни его сына и согласитесь с его предрассудками, хотя и не прямо. Эти невежды испытывают невероятное почтение к магии чтения и письма. Барон будет потрясен тем, что вы потратили время на то, чтобы написать ему личное послание.

— Вообще-то я намеревался оскорбить его и унизить, — едва слышно присвистнув, произнес Рагнарсон. — Конечной моей целью было вывесить его сушиться в петле. Эти владетели иногда заставляют меня рыдать как ребенка. Ну хорошо. Состряпай для меня одну из твоих классических коротких записок. Я перепишу ее своей рукой и попрошу Дала якобы тайком передать ее барону.

Браги повернулся, чтобы отойти, и тут же на кого-то налетел. Причем сильно. Вино брызнуло ему на одежду. Он посмотрел вниз.

Снизу вверх на него смотрела подруга снохи. Девушка сделала короткий книксен и пискнула:

— Умоляю простить меня, ваше величество. Я очень неловкая.

Произнесено это было высоким, срывающимся голосом. Обычно она говорила совсем не так, Рагнарсон слышал Ширили, когда та приходила в дом на аллее Лиенеке. Сейчас она явно нервничала, а в глазах ее читался страх.

— Приношу свои извинения, милая. Это я виноват. Не смотрел, куда иду, — сказал Браги и продолжил путь. «Не-

ужели она меня боится, — думал Браги на ходу. — А может быть, девица просто благоговеет перед Короной? Или опасается самой себя? Будь ты проклята, Кристен, у тебя слишком большой рот».

Дерел уже опять о чем-то болтал. Король приказал себе сосредоточиться. Как только Пратаксис подошел к нему, он сказал:

— Передай Майклу, чтобы он меня нашел. Мне обязательно надо с ним поговорить.

ГЛАВА 7

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: РЕШЕНИЯ

Рагнарсон сидел, закинув одну ногу на крышку небольшого квадратного стола. Он смежил веки и предавался мечтам.

Слева от него восседал Вартлоккур. Из угла рта чародея высовывался кончик языка. Маг медленно водил гусиным пером по листку бумаги, пытаясь изобразить на нем какой-то рисунок.

— Помню-то я все преотлично, — пропыхтел он сидящему напротив Пратаксису, — но я же не художник.

Рисунок подтверждал слова чародея. То, что вышло из-под пера Вартлоккура, напоминало человеческое лицо. Но персонифицировать это лицо возможности не было.

— Может быть, попробовать рисовать углем, который можно стирать? — предложил Пратаксис.

— Лучше всего найти художника, который бы рисовал по словесному описанию, — проворчал чародей.

Парочка развлекалась с иллюстрированным изданием истории Падения Империи. Вартлоккур остался единственным живым свидетелем этого события. Главный памятник того периода эпос «Чародеи Ильказара» являл собой пример яростной антиимперской пропаганды. Ревнитель подлинной истории Пратаксис в каждой встрече с магом пытался вытянуть из него воспоминания, чтобы занести их на бумагу. Падение явилось переломным моментом в истории

Запада. Дерел считал, что увековечение лжи, накопившейся на этом перекрестке истории, является для ученого смертным грехом.

Последний король Ильказара убил мать Вартлоккура, и будущий колдун поклялся уничтожить Империю.

— Я не могу передать реальный облик этого человека, — ворчал чародей. — Жаль, что я не способен передать мысленный образ прямо на бумагу.

Рагнарсон запыхтел, как разбуженный свинарем старый боров, и пробормотал:

— Почему нет? Мне доводилось слышать, что приличные чародеи способны вызвать любой образ в своих Чашах прозрения. Так что призови своих древних магов и королей на поверхность ртути, и пусть художник срисовывает их сколько влезет.

Он шумно втянул носом воздух, чихнул и принялся рыться в кармане в поисках платка. Днем состоялся матч-реванш с «Пантерами». Сражение было долгим, погода слякотной, и Рагнарсон страшно простудился. «Пантеры» на сей раз выиграли пять-четыре, хотя последний победный шар был спорным. Судьи до сих пор продолжали дискутировать.

Вартлоккур и Дерел обменялись взглядами.

— Как вы думаете, из этого может что-нибудь получиться? — спросил Пратаксис.

— Возможно, — произнес Вартлоккур и посмотрел на Браги так, как смотрит профессиональный повар на любителя, подсказывающего, с какого конца следует разбивать яйцо.

Распахнулась дверь, и в комнату вошел Дал Хаас. Встав по стойке «смирно», он объявил:

— Сэр Гжердрам Инредсон, ваше величество.

Молодой человек бросил взгляд на задранную ногу короля, явно не одобряя неэлегантную позу своего монарха.

— Гони его сюда, Дал, — распорядился Браги.

Появился сэр Гжердрам и с недоуменным видом занял единственный оставшийся свободным стул.

Рагнарсон снял ногу со стола и сел прямо.

— Это все, Дал. Побудь в коридоре и проследи, чтобы под дверью не околачивались нежелательные слушатели.

Хаас удалился, явно обиженный тем, что ему не позволили остаться в столь изысканном обществе.

— В чем дело? — спросил Инредсон.

Рагнарсон принялся обрезать ногти маленьким перочинным ножом. Дерел, заметив это, недовольно поморщился.

— Начинают происходить странные вещи, и я решил, что нам следует что-то предпринять, — сказал Рагнарсон.

Инредсон провел ладонью по волосам. В помещении стояла ужасная жара.

— Короче говоря, я поразмыслил как следует и решил, что вы — те, единственные, кому я могу полностью доверять, — продолжал Браги. — Поэтому давайте попыхтим вместе и решим, куда мы катимся. Вот так. Теперь вопросы, — закончил он и вытер лезвие ножа о штанину.

— Какие еще проблемы? — изумленно спросил Гжердрам. — Я-то полагал, что мы пребываем в превосходной форме.

Сэр Гжердрам стоял очень далеко от политики.

— Перечень всех проблем займет очень много времени, Гжердрам. Я свел их в три группы в зависимости от числа людей, которых они затрагивают. Итак, первая группа — это Мгла, Арал Дантис и их команда. Судя по всему, они плетут заговор, чтобы вернуть Мглу на трон. Если они в этом деле преуспеют, то вторая группа проблем может рассосаться сама собой.

Далее. В Хаммад-аль-Накире происходят странные вещи. В основном в результате махинаций Хсунга. Создается впечатление, что он хочет окружить нас с фланга, сделав сидящего на Троне Павлина своим вассалом.

Третья группа проблем связана с престолонаследием. Пока она не представляется очень важной. Я чувствую себя вполне здоровым. Но меня могут пырнуть ножом, как Лиакопулоса. Что в этом случае произойдет? Новая гражданская война? Гжердрам, если я сегодня ночью загнусь, как поведет себя армия?

— Кто знает? Нас эта проблема как-то не волновала. Думаю, что поддержит того, кого изберет Совет.

— А что, если это будет кто-то из числа владетелей? Представитель старой школы? Согласитесь ли вы с этим? Согласится ли Креденс? Позицию Марена Димура следует принимать во внимание.

— Не знаю, как поведу себя я, но Креденс точно сбежит в леса. И сразу начнет драку.

— По логике вещей один из твоих сыновей мог бы стать приемлемым кандидатом, хотя и не по закону, — заметил Вартлоккур.

— Но у меня — три сына и внук. Кто из них может стать Претендентом? Внук — первенец моего старшего сына, если вы придерживаетесь такой линии наследования. Гундар первый по старшинству из оставшихся в живых сыновей, а Фулька произвела на свет королева. Элана же была всего-навсего женой солдата. Айнджара можно сбросить со счетов, так как он дальше всех стоит от престола.

— Все они еще очень молоды, и речь, следовательно, идет о регентстве, — заметил Пратаксис.

— Знаю. И это означает дополнительные осложнения, связанные с проблемой доверия. Проблема доверия должна занимать нас прежде всего. Как быть с толпящимися вокруг Ингер итаскийцами? Не окажутся ли они пятой колонной? Как поведет себя Майкл? Есть Абака со своими Марена Димура. Есть владетели. Что будут делать Мундуиллер, Дантис и им подобные? Имеются люди, напавшие на Лиакопулоса и подбросившие мне список. Нам не известно, на кого или на что ставят эти типы. Мне хотелось бы наметить общие принципы решения этих проблем, чтобы в случае моего ухода оставались вехи, которыми можно было бы руководствоваться.

— Похоже, что нам придется здесь проторчать довольно долго, — буркнул Инредсон.

— Если надо, значит, надо. Дерел и я уже пытались решать эти задачи. У тебя тоже будет время подумать.

— Все проблемы взаимосвязаны — решение одной из них ослабляет действие остальных.

— Знаю. Давайте вычленим одну задачу и попробуем выковать внятный ответ.

— В таком случае следует начать с вопроса престолонаследия, — сказал Пратаксис. — Затеи Хсунга не требуют срочных действий. Это скорее отвлекающий маневр. У Шинсана сейчас совсем другие заботы. Хсунг ограничится лишь шумовыми эффектами. Ему необходимо держать руки свободными для того, чтобы помочь Куо, если дела с Матаянгой пойдут не так, как надо. А Мгла от нас никуда не денется.

— Более удачного времени, Дерел, для нас не будет. Как только они обрушат удар на Матаянгу, Куо волей-неволей оголит свой зад, и я смогу по этому заду хорошенько шлепнуть.

— Вы — король, вам и решать, — пожал плечами Пратаксис. — Но если мы учредим законную линию наследования и договоримся о регенте, для Кавелина будет больше пользы.

— Что скажешь, Гжердрам?

— Я бы чувствовал себя более спокойно, если бы заранее знал, кто взойдет на трон. Что же касается Хаммад-аль-Накира... то это скорее заботы Майкла.

— А как поступить с Мглой? — Рагнарсон уже принял решение, а советники его очень разочаровали. Они не хотят видеть, насколько важно для Кавелина ослабить Шинсан. Даже Дерел, призывавший его совсем недавно играть в игры Хсунга, не замечал этого.

— А что она способна изменить? — презрительно бросил Гжердрам и тут же продолжил: — Прошу прощения, сир, я запамятовал, что кастелян Майсака — ваш друг. Но у нас нет оснований верить в то, что, став правительницей, эта дама сможет изменить исторические императивы Империи Ужаса.

— Исторические императивы? Большой ты ученый, Гжердрам. А ты что на это скажешь, Вартлоккур?

— Я не люблю Шинсан, — произнес чародей, изучая кончики своих пальцев. — Лорд Куо для нас — загадка. Его сподвижники нам не известны. Мглу же мы по крайней мере хорошо знаем.

Пратаксис начал протестовать.

— Не мог бы ты пока помолчать? — остановил его Вартлоккур. — Мне кажется, что я говорю с большим знанием дела, нежели ты.

Пратаксис подчинился, а Рагнарсон выпрямился на стуле.

— После того как я не смог определить человека, организовавшего нападение на генерала, я стал ежедневно заглядывать в будущее. У меня на это уходит так много времени, что супруга обвинила меня в том, что я перестал уделять ей внимание. Я пытаюсь сделать для вас все, что смогу. Однако время родов приближается, и скоро я буду не в силах вам помогать.

— Скажите, почему вопрос престолонаследия вас не волнует? — спросил Пратаксис.

— Разве я говорил, что он меня не волнует? По-моему, это совсем не так.

— Мы и не ждем, что ты станешь обходить Непанту своим вниманием, — вмешался Браги. — Что ты только что толковал о предсказаниях?

Вартлоккур мрачно взглянул на короля. На лице его появилась одна из классических гримас, обычно приводящих людей в ужас. Любой, увидев ее, шлепнулся бы в обморок. Браги же лишь ухмыльнулся, хотя и у него слегка засосало под ложечкой.

— Предсказания... Эти проклятые предсказания, как всегда, ненадежны. На этой неделе я извел на них сто часов... Ну, может быть, не сто, но уж двадцать пять — тридцать точно. Ничего существенного я не узнал, однако могу вас заверить, что король через пять лет еще будет жив. Это было мгновенное свидетельство, но весьма надежное.

— Вы уверены? — вскинув брови, спросил Дерел.

— Разве ты не слышал мои слова?

— Полегче, вы оба, — остановил готовую начаться свару Рагнарсон. — Что-то все здесь стали чересчур легкоранимыми. Итак, через пять лет я все еще буду жить. Приятно слышать.

— Однако это не означают, что нятилетие окажется для тебя счастливым. Предсказание просто говорит, что ты за это время не умрешь.

— Значит ли это, что мне предстоят трудные годы?

— Не знаю. Я увидел тебя летним днем. Ты стоишь с мечом в руке. С клинка капает кровь. У ног твоих куча мертвых тел. На твоей физиономии волчий оскал — тот, который у тебя появляется во время битвы. Шлем твой помят и сбит набок. Из-под шлема свисают длинные седые патлы. Происходит это ровно через пять лет.

— Из этого предсказания мне пока ясно лишь то, что поседею я по вине здесь присутствующих. Скажи, Дерел, ты удовлетворен?

— Жаль, что у нас нет художника, способного запечатлеть героическую сцену, — ответил Пратаксис, потирая подбородок. — Однако если мы начнем войну, то...

— О боги, избавьте меня от очередной...

— ...в изображении боя могут быть детали, которые позволили бы нам лучше подготовиться...

— Дерел! Ответь просто: да или нет. Ты поможешь мне восстановить на престоле Мглу, зная, что я еще пяток лет побуду в твоем обществе?

Пратаксис долго откашливался и мычал нечто невнятное. Затем, сделав над собой усилие, он произнес:

— Да, сир.

— Вот и хорошо. Ведь это оказалось не так уж и трудно, не так ли? Вижу, вижу. Не отвечай. Жди своей очереди. Теперь я хочу спросить у Гжердрама. Итак, Гжердрам?

— Меня беспокоит то, сир, что предсказания грешат неопределенностью. Во время Великой войны все лихорадочно искали так называемое Копье Одессы Хомера, которое то и дело возникало в предсказаниях. В итоге это проклятое копье оказалось древком штандарта, которое воткнул в Бадаламена какой-то юнец из Ива Сколовды. У парня просто не оказалось другого оружия.

Рагнарсон ударил кулаком по столу. Стоящая перед Вартлоккуром чернильница опрокинулась, и ее содержимое потекло по дубовой столешнице. Руки короля и чародея столкнулись в воздухе над упавшей чернильницей, а темная лужа на столе становилась все больше.

— Почему, дьявол вас всех побери, никто не желает отвечать прямо?! — прорычал Рагнарсон. — Мне известны

все ваши проклятые доводы, вся та чушь, которая мешает нам действовать. Настало время, покончив с общими рассуждениями, принять решения и немедленно приступить к делу. Гжердрам, и от тебя я хочу услышать — да или нет. Ты меня понял? Выступаем ли мы против Шинсана? Могу ли я полагаться на армию?

— Можете, — вздохнул Гжердрам. — Но прежде...

— Давай без всяких «но». Во всяком случае, сейчас. Это пока все, что я хотел от тебя услышать. А теперь мне надо отыскать Дала. Пока я буду отсутствовать, вы можете вдоволь поиграть с разного рода «если», «но» и «однако». На разработку плана мы навалимся, когда я вернусь. — Он поднялся со стула, покосился на черную лужу и добавил: — Я пошлю кого-нибудь за чернилами и бумагой. — Пратаксису удалось спасти свои записи, но вся чистая бумага безвозвратно погибла. — С разработкой плана нам надо покончить как можно скорее, — закончил король.

— Дал! — выйдя в коридор, позвал Браги. — Куда, дьявол его побери, подевался этот мальчишка? Что случилось с Хаасом? — спросил он у часового.

— Всего минуту назад был здесь, сир. Не мог уйти далеко. А вот и он.

— Сир? Вы пожелали меня увидеть?

— Да, — ответил Браги и сказал Далу, что тому предстояло сделать.

Пока он говорил, распахнулась дверь, из нее вышел Джоси Гейлз и с деловым видом зашагал по коридору.

— Что здесь делает Гейлз? — спросил Рагнарсон у часового. — Разве он сейчас в карауле?

— Не знаю, что он делает, сир, но он точно не в карауле. Сейчас охраной командует сержант Вортель. На этой неделе Гейлз дежурит с шести вечера до полуночи.

— Любопытно. Давай, Дал, приступай, — сказал Браги.

Отослав часового за бумагой и чернилами, Рагнарсон осмотрел помещение, из которого только что вышел Гейлз. Ничего подозрительного он там не обнаружил.

Ноги Кристен нещадно ныли от продолжительного ожидания в скрюченном положении за живой изгородью. И дол-

го еще это будет продолжаться? Ширили торчит там уже добрый час. Вся их затея переставала быть забавной.

Наконец из кустов изгороди, окружающей владения Мглы, появилось девичье личико. Девушка оглядела аллею Лиенеке и, убедившись, что там никого нет, перебежала к Кристен.

— Там у них какой-то тервола! — задыхаясь, прошептала она. — Голос у него, Крис, как у дьявола. Звук такой, будто злой ветер шуршит сухими опавшими листьями. Кажется, что это и не живой человек вовсе.

— О чем они говорили?

— Не знаю. В их словах для меня не было никакого смысла. Что-то о том, как король собирается им помочь... Ой!

Кристен резко пригнула вниз голову подруги.

— Оттуда кто-то выезжает.

Из-за угла дома появился экипаж. Вскоре на улице появился пожилой, хорошо одетый человек довольно плотного телосложения. Прежде чем подняться в карету, человек, попыхивая трубкой, лениво оглядел аллею.

— Кто это был? — прошептала Ширили.

— Чам Мундуиллер.

— Мундуиллер из Седлмейра? Тот, который помогал королю во время гражданской войны?

— Он самый.

— Но почему этот достойный человек так изменился?

— С людьми иногда такое случается, — со смехом ответила Кристен. — Я тоже, помнится, знавала одну девицу, которая была без ума от парня по имени Хансо. Теперь же она по уши втюрилась в женатого мужчину.

— Кристен! Я ни в кого не втюривалась!

— Как скажешь, любовь моя. Бежим в дом. Гундар запишет все, что ты запомнила, и один из слуг отнесет запись во дворец.

Примерно через десять шагов Ширили неуверенно произнесла:

— Знаешь, я, пожалуй, сама могла бы отнести записку.

— Как ни странно, но я тоже об этом подумала, — сказала Кристен, обнимая подругу за плечи.

* * *

Гейлз шумно шагал по переходам дворца, бормоча себе под нос:

— Итак, Гейлз, ты когда-нибудь станешь богачом. Да, богачом. И тогда ты сможешь бросить свое дурацкое занятие. Да, Гейлз, когда будешь богат. А пока ты, Гейлз, — круглый дурак.

Со стороны казалось, что он смотрит на пол в трех шагах впереди себя, но на самом деле взгляд его метался из стороны в сторону. Завернув за угол, сержант затопал к солдату, стоящему на часах у покоев королевы.

— Имею письмо для ее величества, Тоби, — объявил он часовому. — Только что доставлено с севера. — В подтверждение своих слов он извлек из кожаной сумки запечатанный воском пакет.

— Хорошо. Только подождите минутку, сержант.

Тоби постучал в дверь, дверь открылась, и из нее выглянула какая-то женщина. Часовой и женщина обменялись несколькими словами, после чего дверь снова закрылась. Солдат, казалось, был немало этим удивлен.

— В чем дело? — поинтересовался Гейлз.

— Не знаю. Вместо того чтобы взять пакет, сказала, что сообщит о нем королеве.

Гейлз поднял руки, как бы сдаваясь.

— Женщины, — произнес он. — Скажи, Тоби, доводилось ли тебе видеть других похожих на них существ? Мужчина должен быть полным идиотом, для того чтобы иметь с ними дело. Да. Полным идиотом. А знаешь, Тоби, мне они нравятся. Да. Ну не смех ли это? Человек изо всех сил хочет быть идиотом.

— Должен сказать, сержант, что вы выбрали самый приятный путь к идиотизму, — ухмыльнулся Тоби. — Я тоже его предпочитаю.

— Ты похож на меня, — ответил солдату ухмылкой на ухмылку Гейлз. — Будем дурнями. У меня сейчас шесть баб. Не вру. Шестеро.

Дверь отворилась, Тоби обернулся слишком быстро для того, чтобы заметить, как изменилось выражение лица Гейл-

за. Часовой пошептался с женщиной и, казалось, изумился даже больше, чем в первый раз.

— Королева желает, чтобы вы вручили ей пакет сами, — объявил он.

— Вот и делай после этого доброе дело, — прошептал Гейлз достаточно громко, чтобы его слова услышал солдат. — Особенно перед тем, как заступать на ночное дежурство. Ну да ладно.

Тоби отступил в сторону, Гейлз вошел в дверь и направился вслед за женщиной к комнате, где его ждала королева. Облаченная в темно-зеленый пеньюар Ингер сидела за небольшим секретером. Гейлз подумал, что этот цвет очень идет королеве.

— Ваше величество... — произнес он с поклоном.

— Ты можешь идти, Тельма, — сказала Ингер горничной.

— Миледи?.. — не веря своим ушам, сказала женщина. От изумления ее глаза стали просто огромными.

— Оставь нас.

— Но...

— Ты слышала, что я сказала. Убирайся. Сержант, мне сообщили, что у вас есть для меня письмо.

Когда горничная закрыла за собой дверь, Гейлз спросил:

— Насколько это разумно?

— Его давно не интересует то, чем я занимаюсь. Он даже не заметит, если я вообще уеду домой отсюда, — сказала Ингер, бросая запечатанный пустой конверт в ящик секретера.

— Я целиком принадлежу вам, ваше величество, но думаю, что вы не совсем верно оцениваете его величество.

— Прости, Гейлз, — сказала Ингер, одарив сержанта одной из своих плавящих мужские сердца улыбок. — Что тебе удалось выяснить?

— Я не все смог уловить, но создается впечатление, будто король намерен выступить против Шинсана.

— Каким образом?

— Он станет помогать Мгле вернуть трон.

— И это все? Почему в таком случае он столь тайно провел встречу?

— Там зашла речь и о престолонаследии, но потом чародей сообщил о предсказании, согласно которому его ве-

личество пробудет с нами еще много лет. Затем они потолковали о Хаммад-аль-Накире и высказали предположения о том, где мог бы находиться Майкл Требилкок.

— Меня это тоже очень интересует, Джоси. Требилкок — крайне опасный человек, и с него нельзя спускать глаз.

— Хорошо. Я стану за ним следить, как только мы узнаем, где он.

— Теперь о восточных проблемах. Насколько сильно, по твоему мнению, конфликт с Шинсаном осложнит наши задачи? И осложнит ли он их вообще?

— Некоторые осложнения могут возникнуть. События на востоке сплотят их ряды. Возможно, в этом и состоит существо плана его величества.

— В таком случае нам надо следить за ходом дел на востоке более внимательно. Мы уже совершили несколько серьезных ошибок, однако нам пока везло. Не будем их повторять, дабы не загнать себя в ловушку.

— Мы уже не можем ничего остановить. Слишком поздно...

— Знаю. Нам придется смириться с неизбежным риском.

Гейлз слегка поклонился и с явной неохотой стал пятиться к дверям.

На губах Ингер заиграла улыбка.

— Тебе еще есть что сказать, Джоси? — спросила она.

Неужели королева хочет, чтобы он выглядел дурнем?

— Хм-м... — «Лучше быть мелким дураком, чем оказаться круглым идиотом», — подумал сержант и произнес: — Когда мы беседовали в последний раз, вы обвинили короля в том, что у него есть любовница. Это не так. Я все проверил.

— Благодарю тебя, Джоси, — рассмеялась Ингер. — Огромное тебе спасибо. Тебе цены нет. Но я имела в виду не то, о чем ты подумал. Его возлюбленной является не шлюха из таверны, а эта нелепая крошечная страна. Теперь тебе лучше уйти, чтобы не дать Тельме повод для сплетен. И не забудь о Требилкоке.

— Как можно, миледи?

Когда Джоси Гейлз говорил таким тоном, у собеседника не оставалось сомнений в том, что сержант сделает все как надо.

ГЛАВА 8

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ПУТЕШЕСТВИЕ МАЙКЛА

Осмотрев мертвого убийцу и допросив раненого генерала, Майкл вышел подышать воздухом в дворцовый парк. Сделав два круга, он успел подумать обо всем, что знал точно, о том, в чем не был до конца уверен, а так-же и о том, о чем лишь подозревал. Майкл обладал почти абсолютной памятью, и ему очень редко приходилось обращаться за помощью к небольшому штату сотрудников, которых он держал для ведения документации.

Он видел указующий перст. Перст этот был каким-то призрачным и указывал в странном направлении. Никакими фактами Майкл не располагал и руководствовался лишь интуицией. Со столь легковесными соображениями к королю являться нельзя.

Вообще-то у него были достаточно обоснованные мысли о том, где можно будет собрать необходимые улики. Если таковые существуют.

В замок Майкл так и не вернулся, решив, что для него сейчас лучше всего исчезнуть. С этим делом он должен разбираться лично. Задача слишком деликатна, чтобы поручать ее решение другим. Больше того, никто ничего не должен знать до тех пор, пока он не добудет конкретных сведений.

Он прошел в город — в тот дом, которым весьма редко пользовался. Владелец жилья обитал там же. Он был ветераном многих войн и весьма надежным человеком. О его тайной связи с Требилкоком никто не знал. Он соберет все, что необходимо путнику. Путешествие он начнет из этого дома.

Требилкок решил отправиться в путь после того, как допросил генерала Лиакопулоса. Искать убийц с помощью агентуры было бессмысленно. Если бы его агенты хотя бы раз пересеклись с подозрительными людьми, он был бы предупрежден заранее.

Майкл никогда не сомневался в эффективности своей организации.

Двумя днями позже под видом почтового курьера он пересек границу Тамериса. А еще через два дня он уже стучался в дверь Сама Чордина — купца, знакомого ему со времен войны. С тех пор они часто обменивались услугами.

Работа организации Майкла строилась на системе взаимных услуг и на его необычайной способности убедить людей в том, что все его поступки являются необходимыми и единственно правильными.

Несмотря на глубокую ночь, Чордин накрыл стол. Он ничего не спрашивал до тех пор, пока Майкл не насытился, да и после этого он ограничился вопросом:

— Когда мы с тобой первый раз встретились?

— Прости, — ответил Майкл, сыто рыгнув. — А познакомились мы с тобой сразу после Палмизано.

— Нет. Это было чуть позже. Я впервые увидел тебя в горном проходе Савернейк.

— Ну тогда наверняка в Кавелине.

— Точно. Теперь я вспомнил. Это произошло на коронации короля Браги.

— Не буди воспоминаний, — ухмыльнулся Майкл. — Воспоминания заставляют меня страдать. Я до сих пор пытаюсь выяснить, что же я натворил тем вечером.

— Я тоже оказался слегка не в себе после празднества. Помню только, как ты и твой коренастый дружок — Карал, кажется, — пытались утащить меня в притон, именуемый «У толстяка».

— Арал Арал Дантис. Ты так и не пошел, а король позже прислал Дерела, чтобы тот нас выкупил. — Майкл фыркнул. — Если ты не видел того, как может выразить свое презрение выпускник Ребсамена, ты не видел ничего.

— Что привело тебя в наши края?

— Мне очень хотелось бы назвать мой приезд просто дружеским визитом, но это было бы ложью. А ты, похоже, потолстел на пяток фунтов. Я не ошибаюсь?

— Больше, чем следовало бы. Почти никаких физических нагрузок. Дела идут прекрасно, и я могу себе позволить

лопать все, что хочу. Этим я в основном и занимаюсь. Итак, что тебе надо?

— Из твоих знакомых, случайно, никто не направляется в Хаммад-аль-Накир? Точнее — в Аль-Ремиш?

— Раз в неделю через Столпы проходит наш караван. Предметы роскоши. Ты хочешь переправить что-нибудь туда или вывезти кое-что оттуда?

— Не что-то, а кого-то. Меня.

— Хм-м... — Чордин закрыл свои свинячьи глазки и пожевал толстыми губами.

Майкл терпеливо ждал. После довольно продолжительного молчания Сам сказал:

— Могу ли я спросить, с какой целью?

— Спросить ты можешь. Но ответа я тебе гарантировать не могу.

— Вот так, значит? Ну да ладно. Посмотрим, что можно сделать. Время от времени я нанимаю людей со стороны. Люди Мегелина особого внимания на наши караваны не обращают.

— Я высоко ценю твою помощь, Сам.

— Ты мне еще заплатишь за это. Старый Сам еще явится к тебе, чтобы получить должок.

— А не кажется ли тебе, что ты уже успел мне задолжать?

— Как тебе не стыдно, если ты имеешь в виду мою интрижку с той дамой? Не идет ни в какое сравнение с тем, что я делаю для тебя.

— Ты и представить не можешь, насколько трудно было убедить ее уехать на запад, вместо того чтобы отправиться к твоей супруге и все ей рассказать. Мой человек едва не закончил свою жизнь в петле. О расходах я уж и не говорю.

— Получается, что мне приходится платить по старым векселям, Майкл, — ухмыльнулся Чордин. — Я до сих пор тебе благодарен. Полагаю, что мы будем квиты, если я тебе помогу.

— До тех пор, пока очередная девчонка не станет нарушать покой твоей семейной жизни.

Чордин порылся в остатках яств, разыскивая съедобные куски, которые он и гость проглядели с первого захода.

— Надеюсь, что ты в хорошей форме, мальчик. Здесь и для тебя кое-что нашлось, — сказал он и без всякого перехода добавил: — Кроме того, ты должен вернуться с тем же караваном.

Майкл хитровато подмигнул.

— Сердце твое, Сам, черно, как адские врата, — сказал он.

— У меня черное сердце? Что ты хочешь этим сказать?! — в шутливом изумлении воскликнул Чордин.

— Ты для меня — открытая книга, Сам. Сейчас ты думаешь о том, сколько денег тебе удалось на мне сэкономить. Как только я уйду, ты примешься потирать от восторга руки.

— Кроме того, Майкл, я спущусь в подвалы и преклоню колени перед хранящимися там мешками с золотом, — весело посмеиваясь, ответил Чордин. — Такова жизнь, друг Майкл. Такова жизнь. Я заплыл жиром не только в буквальном смысле. А теперь, с твоего позволения, я хочу еще раз показать тебе твою комнату. Что ты еще желаешь? У меня есть кухонная девочка, которую ты можешь найти премиленькой. Не очень умная, конечно, но кого это волнует. Она с радостью поможет тебе скоротать ночь.

— Посмотрим, Сам. Не надо присылать ее ко мне. Устрой так, чтобы наши пути случайно пересеклись. Будет видно, какой курс изберет мать-природа.

— Ты, Майкл, разбиваешь мое сердце. Да, разбиваешь сердце. Объясни, почему я оказался идиотом и погубил себя женитьбой. Здравый смысл подсказывал мне держаться подальше от этого проклятого алтаря, но разве стал я его слушать? Нет, будь я проклят. Должен был взять эту девку. Правда, иного выхода у меня и не было. Она же вела себя так, словно оседлала золотую жилу. Вот с тех пор я и плачу проценты золотом за тот камень-пирит, которым оказалась эта баба. Если бы я был молод, как ты, то, клянусь твоей тощей задницей...

— Как поживают твои детки? — К концу войны у Чордина их было семеро, включая две пары близняшек. Все — девочки.

— Ах, Майкл, они — источник моего страдания и, вне сомнения, явятся причиной моего безвременного конца.

У человека одиннадцать дочерей, и старшие из них цветут настолько пышно, что все хулиганы в округе тысячи миль мажут ему дверь дегтем. Куда катится наш мир? Неужели молодежь ни о чем другом думать не может? Дело дошло до того, что для охраны ожерелья из моих маленьких жемчужин мне пришлось нанимать охрану. И знаешь, что получилось в итоге? Мне пришлось гнать взашей этих охранников!

— Тебе следовало бы нанять амазонок.

— Именно, — ухмыльнулся Чордин. — Пухленькие цветочки ростом в пять футов. Рыжие и похотливые.

— Пожалуй, пора идти, Сам, — улыбнулся Майкл. — Будем решать твои семейные проблемы завтра.

Майкл любил Чордина — но только в малых дозах. Ожидание каравана могло бы показаться ему утомительным, если бы не маленькая девица с кухни. Старшие дочери торговца отнюдь не облегчали ожидания. Они унаследовали всю сексуальную неуемность папеньки и были всем, чем угодно, но только не скромницами.

Майкл ощутил облегчение, лишь присоединившись к отправляющемуся на юг каравану.

По его просьбе караван шел быстрее, чем обычно, что было не очень хорошо для животных, тащивших на своих спинах мехи с дорогим вином. В стране, где религиозные законы запрещали употребление алкоголя, торговля вином приносила дополнительные прибыли.

Выпивка предназначалась для окружения Мегелина. Чордин сумел провести товар через таможню, заплатив номинальный «налог на контрабанду», поступавший в кошельки инспекторов. В итоге караван пришел в Аль-Ремиш на день раньше намеченного срока, и Майкл получил целых три дня на то, чтобы лучше разузнать, что творится в столице.

Ему раньше приходилось бывать в пустыне, но в Аль-Ремиш он никогда не попадал. С первого взгляда город его поразил.

Столица Хаммад-аль-Накира лежала на дне похожей на кратер чаши, окруженной со всех сторон голыми, спаленными солнцем землями. После бесконечной, ровной

как стол пустыни покрытые зеленью холмы внизу казались чудом.

Город, как таковой, располагался на острове посреди неглубокого озера. С берегом Священный город связывал единственный каменный мост. Внутренний склон чаши украшали рощи оливковых и апельсиновых деревьев, зеленые пастбища и бесконечное число крошечных овощеводческих ферм. Оросительный канал, беря начало в высшей точке склона, затем сбегал пологой, ленивой спиралью к озеру. На своем пути он совершал по внутренней стороне чаши три полных оборота.

Майкл замер, открыв рот. Он вытер пот с лица, поморщившись от боли. У Требилкока была слишком бледная кожа, и жгучее солнце пустыни заставляло его страдать больше, чем других.

— Давай шевелись, — прорычал главный караванщик. — Когда спустимся вниз, можешь глазеть сколько хочешь.

— Откуда поступает вода? — поинтересовался Майкл.

— От хребта Капенрунг идет акведук. Его соорудил Эль Мюрид. Во времена моего отца здесь тоже была пустыня. Мегелин хотел сломать акведук. Парень возжелал смести с лица земли все, что было сделано Эль Мюридом. Однако жрецы заявили, что наложат на него Проклятие. А военачальники сказали, что дезертируют. — Показав на группу памятников, возвышающихся на дальнем краю чаши, караванщик продолжил: — Он начал ломать Стелы Бессмертных, но Белул и Эль Сенусси его остановили.

С того места, где находился Майкл, монументы были едва различимы.

— Что они собой представляют?

— Обелиски. На них выгравированы имена тех, кто погиб в борьбе за дело Эль Мюрида. Обелиски окружают могилы его жены и сына. Говорят, что такой же памятник имеется и в Себил-эль-Селибе. Только там он называется Стелой Мучеников.

— Хм-м... — Майкл двинул вперед своего коня. Большую часть из того, что рассказал ему караванщик, он уже знал, но читать или слышать о памятниках истории совсем не то, что смотреть на них своими глазами. Во вре-

мя длинного спуска по склону он старался держаться рядом с начальником каравана. — Что бы вы могли мне посоветовать? — спросил Майкл.

— Мало что, сынок. Ведь я не знаю, зачем ты сюда приехал. Могу сказать одно — не высовывайся. И следи за языком. Поосторожнее с выражениями. Здешние жители терпимостью не отличаются. Мегелин напуган. Он лишился народной поддержки и поэтому обрушивается на всех тех, кто осмеливается его критиковать. Старайся следовать законам. Незнание обычаев смягчающим вину обстоятельством здесь не считается. Думаю, что такой подход сохранился со времен Эль Мюрида. Старикан был крепким орешком.

Майкл припомнил, что король рассказывал о войнах Эль Мюрида. Он восхищался тем идеалистом, которым был Эль Мюрид четверть века тому назад. Сам Майкл был слишком молод, чтобы ясно помнить те дни.

— Как жаль, что такой человек потерял разум.

— Эль Мюрид? — вскинул брови караванщик. — Да он всегда был слегка тронутым. Жаль, что он так увлекся опиумом. Так будет правильнее. Опиум сгубил его. Ученик был неплохим человеком — во всяком случае для пустыни. Плохо лишь то, что он хотел обратить в свою веру весь мир.

Наконец они достигли моста. На острове там и тут сохранились искусственные заливчики. На воде было множество белых лилий, а к самому берегу подступали небольшие, некогда весьма живописные сады. Теперь сады дичали в запустении и почти уже превратились в заросли сорняков. Вдоль берега свободно располагались величественные дома — удивительная смесь западных, восточных и имперских архитектурных стилей. Майкл решил, что эти дворцы когда-то принадлежали самым верным последователям Ученика и попали в руки людей Мегелина, после того как Эль Мюрида изгнали из Священного города.

— Вам приходится бывать здесь довольно часто, — сказал Майкл. — Как вы оцениваете шансы Мегелина на выживание? Что с ним станет через несколько лет?

— Сынок, — с легкой улыбкой произнес караванщик, — пару последних дней ты в разной форме задаешь мне один и

тот же вопрос. Почему бы тебе не отступить немного назад, подумать и не спросить меня о том, что ты действительно хочешь узнать. Я не могу гарантировать, что смогу ответить, но постараюсь сделать все возможное. Хождение вокруг да около нас никуда не приведет. Пока могу сказать одно: общаясь с ними, будь предельно осторожен. И знай, я на твоей стороне.

Майкл размышлял все время, пока караван шел по мосту. Окончательное решение он принял, лишь оказавшись на узких кривых улочках города.

— Ну хорошо. Я прибыл сюда, чтобы кое-что выяснить. Большую часть сведений я могу получить, просто наблюдая за происходящим. Но кроме того — и это самое главное, — я обязательно должен узнать о таинственном чародее, живущем под крылом Мегелина. Не исключено, что его зовут лорд Норат.

Караванщик медленно повернулся в седле, посмотрел, прищурившись, на Майкла и переспросил:

— Лорд Норат?

— Мой друг как-то мимоходом о нем упоминал. Очень испуганно, месяца три тому назад. После этого ничего. И вот я хочу остудить его не в меру разыгравшееся воображение.

— Понимаю.

Майкл похолодел. Караванщик неожиданно изменился. Тон его голоса стал ледяным и отчужденным.

«Неужели я совершил непоправимую ошибку?» — подумал Требилкок.

Караванщик долго молчал, а затем сказал:

— Сынок, никогда не произноси вслух этого имени. Я такого человека не знаю. И никто его не знает. Как ты заметил, несколько месяцев назад ходили какие-то слухи. Затем они вдруг прекратились. Бам! Люди, которые упоминали это имя, стали почему-то исчезать. Может быть, такого человека вообще не существует. Но если он даже и есть в природе, то лучше притвориться, что его нет.

— Понимаю, — с некоторым облегчением сказал Майкл, и его рука на целый дюйм отодвинулась от рукояти меча. —

В то время когда ходили слухи, не упоминал ли кто-нибудь о месте, где это создание вело свое несуществование?

— Ты быстро все схватываешь, — улыбнулся караванщик. — Но лучше об этом типе вообще не говорить. Но поскольку ты уже упомянул имя, тебе не стоит появляться по ночам на улицах. Люди исчезают преимущественно там.

— Если так, то здесь вообще не должно быть никакой ночной жизни.

— Этого я не утверждал. Есть масса людей, которые не произносили вслух заклятого имени и которым плевать на то, кто восседает на Троне Павлина. Те же, кто возвышает голос против Мегелина, тоже исчезают.

— Здорово придумано. Скажи, не ощущаешь ли ты здесь, в Аль-Ремише, запаха колдовства?

— Я? Конечно, нет. Я не могу сморозить подобную глупость. Если бы я допустил, что магия здесь существует, то ее возмездие могло бы обрушиться на меня.

Майкл улыбнулся. Он узнал почти все то, что хотел узнать. Более того, все можно было выяснить еще в Тамерисе, если бы у него хватило ума там поспрашивать!

Теперь оставалось выяснить лишь то, что в другом месте узнать было невозможно. А именно: какая связь существовала между Аль-Ремишем и покушением на Лиакопулоса. Оказалось, что процесс познания таил в себе больше опасностей, чем мог ожидать Майкл.

— Запирается ли помещение, которое принадлежит здесь Саму? — спросил Майкл. — Я слышал, что те, кто приходят с караваном, ночуют в своего рода казармах.

— Да, это так. А насчет запоров вы можете спросить брата господина Чордина. Командует здесь он.

Караван свернул в боковую улицу и вскоре вступил на обширную, огороженную площадку. Площадка напоминала небольшую крепость. Ее окружала стена высотой в двенадцать футов с единственными воротами. С внутренней стороны стены находились стойла, а в самом центре огороженного пространства возвышалось несколько трехэтажных зданий. Дома стояли тесно прижавшись один к другому, так встают спина к спине бойцы, чтобы встретить приближе-

ние врага. Майкл вошел в один из домов и вручил рекомендательное письмо брату Сама Чордина.

Прошло три дня, а Майкл практически так ничего и не узнал. Обитатели Аль-Ремиша оказались людьми неразговорчивыми и мрачными. Друг с другом они говорили даже меньше, чем с иностранцами. При этом они изо всех сил делали вид, что короля в их стране вовсе не существует.

Да и Майкл тоже не замечал присутствия Мегелина, если не считать постоянного страха в глазах его подданных. Патрулей на улицах было очень мало, и создавалось впечатление, что в них вообще нет надобности. Большая часть войска Мегелина занималась тем, что выжигала каленым железом оставшихся последователей Эль Мюрида. Из того немногого, что сумел услышать Майкл, следовало, что удача королю не улыбается. Хаммад-аль-Накир был страной весьма обширной, и в нем имелось множество мест, где могли скрываться партизаны. Много лет тому назад, когда Эль Мюрид боролся за власть, это сумел доказать военачальник повстанцев Нассеф, получивший позже титул Бич Божий.

Наступила ночь. Майкл лежал на соломенном тюфяке, пялясь в потолок и размышляя о том, как лучше пробиться сквозь туман, окутывающий Магдена Нората. Одинокая свеча едва-едва освещала комнату. Майклу вдруг показалось, что заскрипели ступени, ведущие на сторожевую башню. Бесшумно поднявшись на ноги, он проверил массивный дубовый брус, служивший запором. Взломать дверь можно было лишь при помощи штурмового тарана.

Убедившись, что с дверями все в порядке, Майкл обратился к закрытым тяжелыми ставнями окнам и сделал так, чтобы в случае поспешного бегства ставни можно было быстро распахнуть. Со стороны окон ему тоже ничего не грозило, и можно было возвращаться на тюфяк.

Снова скрипнули ступени. Майкл протянул руку, нащупал меч и положил его себе на грудь.

Майкл Требилкок постоянно изумлял всех друзей полным отсутствием у него чувства страха. Он лишь весьма отдаленно понимал, что чувствуют другие, испытывая ужас, да и то только потому, что не любил пребывания на публи-

ке и побаивался публичных выступлений. Когда его просили выступить перед группой слушателей, он начинал заикаться. Это, кстати, и объясняло его тягу к секретности. Майкл частенько скрывался ото всех, всеми силами стараясь избегать неприятных моментов.

Но больше всего он не любил вдаваться в подробности.

Теперь скрипнула дверь. Майкл продолжал лежать неподвижно. Кто-то стал возиться с наружной щеколдой. Майкл усмехнулся. Никакой пользы гостю это не принесет. Дверь можно было открыть лишь изнутри.

Возня со щеколдой прекратилась, и дверь затрещала под сильнейшим нажимом. Глаза Майкла слегка округлились от изумления. Что за дьявольщина? В дереве появились трещины, а с дверной рамы посыпалась штукатурка. Создавалось впечатление, что дверь вместе с рамой вот-вот вылетит из стены. Майкл встал, подошел к окну, распахнул ставни и выглянул в темноту.

Животные в стойлах вдоль южной стены вели себя беспокойно, а погонщики с факелами и лампами в руках пытались их усмирить. Во всем остальном на площадке было все тихо, как на кладбище.

У Майкла возникли мрачные подозрения, и он подошел к двери. Нажим на нее прекратился. Майкл потянул носом воздух и ощутил запах какого-то животного.

Его бледные губы растянулись в улыбке, которая, впрочем, тут же исчезла. Лорд Норат или, вернее, Магден Норат был здесь. Бежавший из Эскалона маг сумел пережить битву под Палмизано.

Майкл Требилкок уловил запах побоища под Палмизано и еще десятка других сражений. Это была вонь савана делажа — ночного чудовища, созданного Норатом в лабораториях Эхлебе. Уничтожить свирепого и могущественного монстра было практически невозможно.

Майкл отступил от двери, лихорадочно размышляя, как поступить. Эту новость необходимо донести до короля. Она поможет пролить свет на те таинственные события, которые происходят в Кавелине. Мегелин находится под злыми чарами эскалонца. Только Магден Норат способен сотворить людей, напавших на Лиакопулоса.

Но с какой целью, спрашивал его внутренний голос. Ответа на этот вопрос Майкл пока не имел. Между генералом и колдуном не было ничего такого, что могло бы оправдать убийство. Мегелин тоже никогда не ссорился с Лиакопулосом.

У Майкла были на этот счет кое-какие соображения, но произносить их вслух он не осмеливался. Его друзья отказались бы выслушивать подобные подозрения, а подозреваемые попытались бы убить, если бы почувствовали, что он слишком много знает.

Но как бы то ни было, короля надо предупредить о появившихся в Аль-Ремише слугах тьмы.

Караван уйдет из священного города только через неделю. Кого-то его присутствие в столице явно выводит из себя. Сможет ли он, преследуемый саван делажами, пережить это время? Сомнительно. Надо придумать нечто новое.

Майкл снова оглядел двор. Караванщики успокоили лошадей и теперь, собравшись тесной группой и почесывая затылки, что-то горячо обсуждали.

Раздался громовой удар, дубовая дверь вместе с рамой рухнула в комнату, и в проеме возникла черная масса. Майкл ударил мечом и почувствовал, как клинок погрузился во что-то мягкое. Не теряя ни секунды, он отскочил назад и прыгнул прямо через подоконник во тьму.

Падая, он услышал визг, похожий на вопль дикого кота размером с тигра. Ему даже показалось, что от этого шума задрожали стены дома. Требилкок сумел сгруппироваться в полете и благодаря этому приземлился на обе ноги и одну руку. При приземлении он вывихнул лодыжку, но, к счастью, не сильно.

— Факелы! — выкрикнул он, ковыляя к остолбеневшим погонщикам. — Выше факелы! Они не терпят света!

Майкл услышал, как сзади него с глухим звуком на землю плюхнулось огромное тело. Оглядываться он не стал. Не оглянулся он и тогда, когда услышал скрежет когтей догоняющего монстра. Выхватив из рук караванщика масляную лампу, он швырнул ее в надвигающуюся из тьмы черноту.

Саван делаж чуть уклонился в сторону, и лампа угодила не в морду, а в плечо монстра. Майкл схватил факел.

Все погонщики разбежались кто куда — все, кроме одного. Тот просто прирос к земле от ужаса.

Требилкок бросился вперед и ткнул факелом в чудовище.

Выплеснувшееся из лампы масло вспыхнуло. Пламя начало быстро растекаться по лоснящемуся боку монстра. Саван делаж взвыл от боли. Лошади в стойлах дико заржали и взвились на дыбы.

Саван делаж перестал думать о своей миссии. Примерно треть его длиннющего тела была охвачена пламенем. Чудовище пересекло двор, одним огромным прыжком взлетело на крышу конюшен и исчезло за изгородью.

Майкл, тяжело дыша, уселся на землю и похлопал руками вокруг себя, пытаясь нащупать меч. Голова его упала на грудь.

— Что же, мой мальчик, первый их удар ты пережил, — прошептал он с едва заметной улыбкой.

Караванщики сгрудились вокруг него.

— Что это за дьявольщина? — спросил один из них.

Майкл посмотрел вверх и увидел округлившиеся от ужаса глаза и серые, ставшие похожими на воск лица.

— Где вы были во время войн? — спросил он.

И вдруг кто-то прошептал:

— Саван делаж... Здесь?

Майкл поднял левую руку, и один из караванщиков помог ему подняться.

— Успокойте лошадей. Оно ушло и этой ночью уже не вернется.

О саван делажах теперь можно не беспокоиться, подумал он. В другой раз Норат попробует нечто иное. Самым логичным представляется простой арест.

На полученный сигнал надо реагировать как можно быстрее, и для этого имелся единственный способ. Следует вступить в контакт с местным агентом — человеком, которому доверять больше нельзя. Норат, очевидно, нашел его, перевербовал и приказал направлять успокоительные донесения в Форгреберг. Агента надо еще раз перевербовать, хотя бы на одну минуту.

В Аль-Ремише еще было темно, когда Майкл поднял с постели бывшего агента. Рассвет едва занимался, когда он,

убив предателя, вышел на улицу в надежде переплыть озеро и затеряться в пустыне, прежде чем Норат нападет на его след.

На то, чтобы выжить, надежды мало, думал Майкл, входя в холодную воду. Его жизнь зависела от того, достигнет ли его сообщение Кавелина и хватит ли ему времени на то, чтобы друзья успели вызволить его из беды.

Несмотря на раннее утро, воздух уже успел прогреться. Требилкок понимал, что ему предстоит прожить ужасный день в раскаленной пустыне. Он выпил столько воды, сколько смог вместить его желудок, и наполнил мехи, которые, уходя, позаимствовал у отправленного в отставку агента. Переплыв озеро и уже поднимаясь вверх по склону, Майкл нарвал спелых фруктов. При каждом шаге ноги в сапогах скользили. Если даже его не убьют, подумал главный шпион Кавелина, то он все едино умрет от кровавых мозолей.

ГЛАВА 9

1016 ГОД ПОСЛЕ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ШТОРМ ГРЯДЕТ

Рагнарсон, Пратаксис, Инредсон и Вартлоккур спорили целых два часа, ожидая, когда Дал Хаас доставит к ним кастеляна крепости Майсак принцессу Мглу. Рагнарсон один раз выходил из комнаты, чтобы приказать принести еще кресла. Минут за двадцать пять до предполагаемого времени прибытия Мглы на пороге появился Слагбейт. Рагнарсон вышел вместе с ним в коридор.

— В чем дело, Слаг?

— Там у ворот стоит женщина. Говорит, что ей надо вас увидеть. Обычно мы их гоним прочь, но с этой вам, возможно, стоит встретиться.

— Кто такая? И почему ты так решил?

— Я встречал девицу здесь. Говорит, что ее зовут Ширили.

— Что ей надо? — окаменев, спросил Рагнарсон.

— Не знаю. Она лопочет что-то невнятное. Вы же знаете, как ведут себя женщины, когда напуганы.

— Напуганы?

— Эта просто потрясена. Сумела выдавить о каком-то событии на аллее Лиенеке.

— Пошли, — бросил Рагнарсон и поспешно шагнул в комнату, где оставил свой меч. Слагбейт произнес магические слова. Рагнарсон весьма редко демонстрировал это, но дети были для него дороже, чем Кавелин и Корона. Если с ними что-то случилось... Они — единственное, что у него осталось.

Когда они добежали до ворот, Слаг едва дышал.

— Отведи ее в кордегардию, — распорядился король. — Я с ней разберусь. Спасибо, Слаг. Ты рассудил верно, я этого не забуду.

— Благодарю вас, сир. Я выполнял свой долг.

— Верно. Продолжай в том же духе, и ты станешь сержантом. Давай ее сюда.

Девушка была чуть ли не в истерике. Браги легонько обнял ее и потрепал по плечу. Довольно скоро он понял, что ее истерика по меньшей мере наполовину была наигранной. Мало-помалу он сумел ее разговорить. Оказалось, что Ширили и Кристен увидели, как ко Мгле явился Арал и еще какой-то тип. Девицы принялись поддразнивать друг друга и ловить «на слабо». Не успела Ширили опомниться, как оказалась рядом с домом принцессы на противоположной стороне аллеи Лиенеке. Она притаилась под окном, закрытым с внутренней стороны книжными полками.

— Но почему все-таки вы? — спросил Рагнарсон.

— Я меньше ростом, и меня никто не мог увидеть из-за живой изгороди. Одним словом, в комнате оказались четыре человека. Они занимались каким-то колдовством. Через некоторое время я поняла, что они шпионят за вами. С их слов. Потом они разволновались, и вдруг заговорил тот, который до этого молчал. Мы не видели, как он входил в дом или выходил из него. Но он каким-то образом ушел, потому что они так сказали. Все трое поговорили об этом человеке, и тут я догадалась, что он — тервола.

Ширили снова заревела.

— Тервола, значит? — переспросил Рагнарсон. Это известие удивило его не очень сильно.

— Да! Здесь в Форгреберге. Вы ведь мне верите, правда?

Рагнарсон задумчиво вздохнул, взял Ширили за руку и провел к креслу.

— Пока посидите, а мне необходимо подумать, — сказал он и уселся напротив, не отпуская ее руки.

Девушка в немом восхищении взирала на их сплетенные пальцы. Через несколько минут он снова вздохнул и поднялся на ноги, потянув Ширили за собой.

— Сейчас во дворец прибудет Мгла. Укройтесь на то время, пока она остается здесь. Нельзя допустить, чтобы принцесса вас увидела и догадалась об источнике моих сведений. Думаю, что Слаг будет страшно рад побыть с вами.

— Я так боюсь, — прошептала девушка, снова пуская слезу.

Ширили прижалась к Рагнарсону, обняв его за талию. Браги чувствовал, как дрожит малышка. Ее страх был вполне реальным. Под вопросом оставалась лишь его подлинная причина.

Король вздохнул и подумал о том, что ему доводилось видеть много двенадцатилетних девочек, гораздо более крупных, чем взрослая Ширили. Он закрыл глаза и с очередным фаталистическим вздохом обнял девушку за ее узенькие плечи и отстранил от себя.

— Я тоже боюсь, малышка, — сказал он, глядя в обращенные на него глаза. — Но пугает меня вовсе не тервола. Ты ищешь себе неприятностей и, боюсь, найдешь их столько, что мы оба не сможем их одолеть.

Ее подбородок задрожал. Девушка чуть приоткрыла ротик, отведя глаза в сторону. Затем усилием воли она заставила себя снова взглянуть на Браги.

Тот поспешно сменил тему.

— Я требую, чтобы Кристен и ты прекратили играть в шпионов. Это вовсе не игра, — сказал он и затем неожиданно для самого себя спросил: — Ты хотя бы понимаешь, куда мы катимся?

Вместо ответа она лишь громко засопела.

Ее щека все еще покоилась на его ладони. Рагнарсон привлек девушку к себе. Подбородок Ширили затрясся еще

сильнее, блестящие глаза сузились, а губки приоткрылись. Она вся потянулась к Браги, чтобы встретить его поцелуй.

О боги, подумал он. Все тело его было охвачено невидимым пламенем. Рагнарсон ощущал именно то блаженство, которое рисовалось ему в его мечтах.

Он нежно отстранил ее от себя. Девушка некоторое время цеплялась за него, но потом отодвинулась и замерла с закрытыми глазами.

— Я хочу, чтобы ты обо всем еще раз хорошенько подумала, — прошептал Браги. — Прошу тебя.

Ширили закусила нижнюю губку и кивнула, как получивший нахлобучку ребенок.

— Все против этого... — начал он и тут же себя оборвал. Хватит, подумал он и продолжил совсем другим тоном: — Как только здесь появится Мгла, отправляйся к Кристен. И вы обе перестаньте играть в шпионов.

С этими словами он резко повернулся, вышел на воздух и, чтобы успокоиться, поднялся по ступеням на башню. Оттуда он увидел, как на ведущую в замковый парк дорогу повернул экипаж.

— Мгла, — сказал он себе.

Скачущие рядом с каретой всадники, по-видимому, — Дал и Арал.

Рагнарсон быстро сбежал вниз, чтобы до появления Мглы познакомить остальных с сообщением Ширили.

Мгла появилась через десять минут. Сопровождал ее Дантис.

— Садитесь, — пригласил Рагнарсон, внимательно разглядывая парочку. Ему показалось, что между принцессой и купцом возникла какая-то застенчивая теплота. Проклятие! Неужели это заразно?

— Я торчу здесь целый день, — продолжил король, — и у меня нет настроения заниматься никчемными играми. Мы приняли решение, и вы о нем знаете. Давайте думать о том, чем я могу вам помочь. Но прежде я хочу знать, кто этот тервола и как он объявился в Кавелине без моего на то согласия?

Арал Дантис издал звук, напоминающий одновременно икоту и мышиный писк. Глаза его стали круглыми словно

плошки. И даже Мглу слова короля застали врасплох, что на его памяти случалось крайне редко.

— У меня, как вы видите, тоже имеются кое-какие возможности. Появление тервола мне представляется опасным. Но я молчу, и пусть это будет жестом доброй воли с моей стороны. Я не хочу, чтобы вы у меня за спиной играли в свои игры. В Кавелине я этого не допущу. У меня достаточно проблем с врагами для того, чтобы терпеть неприятности еще и от друзей.

К этому моменту к Мгле вернулся весь ее апломб, и она довольно многословно рассказала все, что произошло.

Решив, что принцесса изложила все достаточно откровенно, Рагнарсон сказал:

— Звучит прекрасно. Если поверить в то, что сам Куо не внес свою лепту в ваш план. Как вы рассчитали все по времени?

— Это еще одна часть плана, которая зависит от многих условий. Мы выступим тогда, когда лорд Чьен решит, что нажим Матаянги достиг высшей точки и лорд Куо будет целиком поглощен отражением атаки. В этот момент мы захватим жизненные центры Империи. Южную армию мы оставим в покое до тех пор, пока не захлебнется наступление Матаянги. После этого мы освободим от всех постов самого лорда Куо.

— Очень правильно, — вставил Рагнарсон. — Если он, конечно, позволит вам это сделать. — Король смотрел поверх головы волшебницы и видел девичье личико в нимбе светлых волос... Проклятие, это надо выбросить из головы! — А что произойдет, если Матаянга воздержится от нападения? Я слышал о том, что люди лорда Куо землю роют, чтобы отговорить их от нападения. Это так?

— Наш план не лишен недостатков. Если он убедит их не нападать, то мы проиграли.

— А разве вы не хотите попытаться спровоцировать войну?

— Нет! Не больше, чем сам лорд Куо. Но почему не использовать в своих целях неизбежные события? Рекрутируя новых сторонников, мы твердим, что в последнее время

Шинсан вел чересчур много войн. Новых битв Империя просто не выдержит. Это наш основной аргумент.

— Иногда мне кажется... Впрочем, хватит. Итак, какой конкретный вклад мы можем внести?

— Вы уже вносите, предоставляя нам убежище, где мы можем безопасно строить планы. Кроме того, нам могли бы оказать помощь штурмовые отряды для удара по самому лорду Куо.

— Обсуди все детали с сэром Гжердрамом.

Дверь, ведущая в коридор, открылась, и из нее вышел Джоси Гейлз и чуть ли не бегом направился в свое жилье, чтобы прихватить там еще один пакет. Двумя минутами позже он уже говорил с сержантом Вортелем, которого ему предстояло сменить:

— Джек, я хочу, чтобы ты меня прикрыл. Мне надо оттащить это наверх.

— Жена ждет гостей, Гейлз, — сказал Вортел, покосившись на песочные часы.

— Прости, Джек. Но у меня нет выхода. Я вовсе не хочу ехать на твоей шее. Правда. Это много времени не займет. Я отдам долг. Ты же знаешь, что за Гейлзом долги не пропадают. Нет, правда. Я не вру.

— Ну хорошо, — вздохнул Вортел. — Но только не трать зря время.

— Опять вы, сержант? — спросил Тоби, который все еще стоял на часах у покоев королевы.

Гейлз выругался про себя. Как он мог забыть о том, что следовало подождать смены караула?

— Да, я. Ну не дерьмо это? Еще одно письмо, Тоби. А мне пора в караул. Просто гнусность какая-то.

Тоби постучал в дверь. Гейлз, не переставая бормотать, переминался с ноги на ногу. Второй его визит королеве явно не понравится. Еще меньше ей придется по душе то, что она от него услышит.

Рагнарсон был готов поклясться, что уже натер на заднице здоровенную мозоль. Кроме того, он не мог выбро-

сить из головы девчонку. Для того чтобы на время забыть о ней, имелось лишь одно лекарство.

— Я ухожу, Дерел. Покажи Мгле проект договора, который мы сварганили позавчера.

Он вышел в коридор, размышляя о том, как воспримет Ингер столь неожиданный прилив нежности с его стороны. Когда такое случалось в последний раз? Пожалуй, минуло больше двух лет с тех пор, когда он днем, бросив все дела, мчался к супруге.

Часовой у входа в зал отступил в сторону и замер по стойке «смирно». Это был какой-то новенький. Рагнарсон его не знал.

— Сколько сейчас времени, солдат? — спросил он.

— Почти семь часов, сир, — ответил гвардеец.

— Благодарю, — бросил Рагнарсон и зашагал по коридору. Перед его мысленным взором маячило личико Ширили, которое вдруг иногда замещал образ супруги. «Я неправильно вел себя с девчонкой, — думал он. — Мне следовало проявить больше сдержанности. Теперь она будет везде таскаться за мной... Если, конечно, мне не пригрезилась моя собственная неотразимость».

Король ощутил некоторую ностальгию по тем временам, когда бегал по девкам и менял возлюбленных по три раза в неделю, не думая о тех, на чьих судьбах это могло сказаться. Вот это были деньки! Он, Насмешник и Гарун были тогда такими молодыми, а политика была игрушкой старых вонючек, давно утративших стремление к подлинным прелестям жизни...

Браги отшатнулся от этих мыслей так, как испуганный конь отпрыгивает от внезапно вспыхнувшего пламени. Он собственными руками убил своего лучшего друга. Второй его друг — Гарун отправился в Империю Ужаса, и о нем с тех пор ничего не слышно. Да, он не во всем соглашался с Гаруном, но как ему сейчас не хватает этого человека! Если бы Гарун был рядом, то с Хаммад-аль-Накиром не было бы никаких проблем. Если бы королем был не сын, а отец, то лорд Хсунг сто раз подумал бы, прежде чем начать отгрызать куски от лежащих рядом с пустыней государств. У Гаруна был нрав маящегося желудком ястреба и не хватало

здравого смысла на то, чтобы иногда не отвечать ударом на удар.

Браги вначале замер, а затем мгновенно шагнул в тень колонны. Он находился примерно в сотне футов от дверей в покои Ингер.

Из этих дверей кто-то выходил в коридор. И, узнав выходящего, король весьма удивился, ибо это человек уже целый час должен был находиться на дежурстве.

— Гейлз, будь я проклят, если не займусь тобой как следует, — пробормотал Браги.

Горячее желание повидаться с супругой у короля исчезло. Однако, выждав пятнадцать минут, он все же отправился к ней, как по политическим мотивам, так и из-за неугасающей страсти к Ширили.

Мир начал ворочаться и потягиваться, как прикованный к постели больной великан, постепенно возвращающийся к жизни. Через два дня после свидания короля с Мглой один из контрабандистов Дантиса принес весть о яростных схватках между Тройесом и Хаммад-аль-Накиром. Богатейшие прибрежные районы Хаммад-аль-Накира все еще оставались под контролем Эль Мюрида. Нейтральные наблюдатели высказывали мнение, что Мегелин востребует эти территории, как только внутренние регионы будут полностью усмирены. Ученика все считали потерявшим зубы тигром, не имеющим сил противостоять напору роялистов.

Так думал почти весь мир.

Как только правители Тройеса спровоцировали приграничный инцидент, над пустыней снова прокатился боевой клич Непобедимых. Казалось, что облаченные в белые балахоны бойцы вернулись к жизни из давно ушедших времен. Подобно лавине они обрушились на потенциальных агрессоров. Военачальники Тройеса ударились в панику и бросили в бой стоявшие рядом войска, создав тем самым подлинный казус белли. То, что должно было остаться почти обычным и поэтому простительным инцидентом, стало полноценной войной. По пустыне прокатился призыв «Священная земля в опасности!», и когда осела пыль, выясни-

лось, что Тройес потерял тысячу своих бойцов, а те, кто остался жив, бежали с поля боя.

Узнав об этом, Рагнарсон развеселился.

— Теперь там у многих рожи покраснеют, — заметил Браги. — Держу пари, что Хсунг закатит им тот еще скандал.

Мгла совсем не разделяла его веселья.

— Они все извратят. Объявят, что первым кашу заварил Эль Мюрид, и начнут вторжение. Думаю, что мы слышали последнее «Ура» Непобедимых.

Рагнарсон перестал смеяться.

— Возможно, ты и права. Весьма печально, если это так. У Ученика мало что осталось.

— Следует учесть проявления национализма. Обитатели побережья не в восторге как от Эль Мюрида, так и от Мегелина. Но они встанут на сторону любого, кто встанет на пути Тройеса. Им известна цена уступок.

— Я не шибко огорчусь, если и Хсунг там застрянет, — заметил Браги.

На следующий день новости принес уже Креденс Абака. Маленький жилистый Марена Димура явился к Рагнарсону, когда тот, обсуждая бюджет, яростно спорил с членами Совета.

Члены финансового комитета успели довести короля до исступления. Поэтому, увидев на пороге полковника, он рявкнул:

— В чем дело, Креденс?!

Абака терпеть не мог формальностей и без всяких извинений или предисловий заявил:

— Трое пытались убить меня. В парке. Думаю, что ваш шаман-доктор захочет получить их тела. Они той же породы, что и те, которые хотели убить генерала Лиакопулоса.

Рагнарсон негромко выругался. Через двадцать минут он уже был в окружающей тела толпе. Впервые за все время своего правления король вышел в город в сопровождении телохранителей.

— Ты прав, Креденс. Они той же породы.

Браги направил курьера к Вартлоккуру с сообщением о том, что вскоре тот получит три мертвых тела. Он был уве-

рен, что узнать ничего не удастся, но попытаться все же стоило.

— И ты уложил всех троих?

— Они были не очень проворны, — ответил Абака.

— Итак, снова трое, — пробормотал Рагнарсон. — Да, это в духе Праккии. Девятка, разбитая на три тройки. В таком случае не исключена еще одна попытка. Скажи сэру Гжердраму, что я приказываю ему ходить с охраной до тех пор, пока я лично этого приказа не отменю.

— Будет исполнено, сир, — ответил Абака и затрусил во дворец.

Рагнарсон последовал за ним и вскоре присоединился к Вартлоккуру. Как и следовало ожидать, чародей ничего нового от жмуриков не узнал.

— У меня по-прежнему из головы не выходит Магден Норат, — сказал маг.

— Но, может быть, у него были ученики.

— Возможно. Но маловероятно. Это противоречит нраву колдуна. Он все хранил в тайне.

— Что мы можем сказать об этом нападении?

— Только то, что твой список соответствует действительности.

— Но кто составил его? Во всяком случае, не Норат. Он никогда не встречался ни с одним из моих офицеров.

— Значит, его просто наняли.

— Кто? — с внезапно окаменевшим лицом спросил Рагнарсон.

Чародей начал было что-то говорить, но затем передумал и после короткой паузы заметил:

— У нас всех имеются недруги. И число их возрастает по мере наших успехов. Это похоже на бросок камня к небу. Он возносится все выше и выше, постепенно замедляя движение, и в конечном итоге останавливается.

— Чтобы упасть.

— Верно. Очень печально, но это именно так.

— Неужели я слышу речь оракула?

— Нет. Это всего-навсего не очень удачная метафора. Тем не менее я бы предложил обеспечить охраной всех тех,

кто внесен в список. Особенно Гжердрама. Насколько я помню, он следующий.

— Уже сделано. А как насчет тебя?

— О себе я сам могу позаботиться.

— Лиакопулос, видимо, тоже так считал. Впрочем, оставим это. Если ты не желаешь иметь телохранителей, ты их не получишь. К сожалению, мне придется отменить матч-реванш с «Пантерами» и получить порцию проклятий за приказ о дополнительных дежурствах. Тебе удалось найти Майкла?

Рагнарсон начинал беспокоиться. Майклу и раньше случалось исчезать. Но в критические моменты, подобные этому, он никогда не пропадал и всегда находился в Форгреберге.

— Арал напал на его след. Кто-то из его приятелей видел Майкла в Делхагене через несколько дней после нападения на Лиакопулоса.

— Странно.

— В эти дни все выглядит довольно странным.

— Сколько времени еще осталось у Непанты?

— Две недели. Самое большее — три.

— Психуешь?

— Еще как, — слабо улыбнулся чародей.

— Не волнуйся. С Этрианом у нее никаких осложнений не возникало.

У чародея напряглись плечи.

— Никогда не произноси этого имени, — сказал он.

Рагнарсону крайне не понравился тон, каким были произнесены эти слова.

— Ты, похоже, снова взвиваешься не по делу. Почему, дьявол тебя побери, ты так относишься к Этриану?

У Вартлоккура был такой вид, словно он про себя считает до десяти.

— Какая-то пчелка, видимо, ужалила Непанту в головку. Не знаю почему, но моя супруга решила, что Этриан все еще жив. Полагает, что нам следует начать его поиски.

— А что известно тебе? Может быть, он действительно жив?

— Не знаю.

Если Этриан жив, то это объясняет странное поведение чародея в последнее время, подумал Браги. Может быть, между Этрианом и Избавителем есть связь? Тогда становится понятным, почему Вартлоккур отказывается говорить о последнем.

— Пару недель тому назад ты мне сказал...

— Знаю. — Губы чародея побелели от напряжения, было заметно, что он едва сдерживает себя. — Сейчас не время ломать голову над всем этим. Нам предстоит рождение младенца.

— А мне кажется, что ты от чего-то пытаешься спрятаться, хотя тебе лучше других ясно, что от судьбы не укрыться. Неужели ты даже не желаешь взглянуть? Может быть, ты надеешься, что она обо всем забудет?

— Рагнарсон!

— Ты не можешь сложить два и два! Сам создаешь себе трудности. Ладно, пока оставим тему. Я загляну позже, чтобы узнать, пришел ли ты в себя, чтобы задуматься как следует и попробовать выяснить...

— Там нечего выяснять!

Рагнарсон резко повернулся и вышел. Теперь он не сомневался в том, что Вартлоккур лукавит и на востоке есть нечто такое, о чем следует знать больше. Возможно, будет полезно слегка выкрутить руки Мгле. Она по меньшей мере может догадываться о том, почему Вартлоккур ведет себя столь пугающе.

В тот же вечер Рагнарсон получил записку, нацарапанную корявым почерком Гундара. Старший сын приглашал отца прибыть на празднование дня рождения младшего брата Айнджара, которое должно было состояться через пару дней.

Перед мысленным взором Браги промелькнул образ Ширили. Девчонка наверняка найдет повод появиться на празднике. Он отослал записку назад, надписав на ней, что постарается быть на торжестве.

На следующий день в разгар обсуждения бюджета в зал заседаний ворвался один из помощников Майкла.

— Сир, — задыхаясь, выпалил он. — Известие от капитана Требилкока.

Рагнарсон стрелой вылетел из-за стола. Делегаты смотрели на него округлившимися от страха глазами. Вокруг исчезновения шефа королевских шпионов ходили самые дикие слухи. Некоторые даже утверждали, что король лично расправился с этим ужасным типом.

— Что? Какое известие? — спросил на ходу Браги.

— Почтовый голубь, сир. — Помощник в одной руке держал изрядно помятую птицу, а в другой — письмо.

— Голубь? А я и не знал, что он ими пользуется, — сказал Рагнарсон, выхватывая из руки офицера листок.

— У нас их очень мало. Используем лишь для самых отдаленных точек. Они за час покрывают большее расстояние, чем всадник за день.

— Сомнительно, — протянул король, который мало что смыслил в голубиной почте. — Однако колдовство наверняка еще быстрее, — добавил он и, прежде чем приступить к чтению, потеребил письмо в пальцах. — Будь я проклят! — воскликнул Браги, пробежав глазами послание. — Чародей прав. Эй, стража! Найдите Вартлоккура. Скажите ему, чтобы вызвал Нерожденного. Скажите, что все надо делать срочно... Ситуация чрезвычайная! — крикнул он вслед убегающему часовому и принялся нетерпеливо ждать.

Появился Вартлоккур, и Браги показал ему послание Майкла:

— Что будем делать?

— Теперь нам остается только ждать, — ответил чародей. — Если у тебя есть надежные божества, призывай их немедленно.

— Если бы я знал богов, на которых можно положиться, — фыркнул Браги, известный всяким отсутствием религиозности, — то они уже давно управляли бы вместо меня Кавелином. Я заставил бы их метать молнии во всех, кто мне здесь мешает. А одного из них я держал бы как шпиона в спальне Хсунга.

Раздался стук в дверь, в помещение вошел адъютант и испуганно покосился на Вартлоккура:

— Разрешите, сир?

— В чем дело?

— Послание от мистера Дантиса, сир. Он говорит, что это крайне важно.

— Покажи его мне. Давай быстрее. Чародей не кусается.

Адъютант заскользил через комнату к Рагнарсону, не сводя глаз с Вартлоккура. Лишь нетерпеливый жест короля заставил его перейти на рысь. На лице мага можно было заметить страдание. Такое продолжалось вот уже много столетий.

Браги прочитал записку и передал ее чародею, а тот, познакомившись с ее содержанием, весело фыркнул и заметил:

— Похоже, что Непобедимые произвели на лорда Хсунга неизгладимое впечатление.

От одного из своих дружков-контрабандистов Дантис услышал, что войска как Хсунга, так и его марионеток изрядно потрепаны. Военачальников Тройеса разжаловали, а рядовых солдат казнили за трусость. Хсунгу пришлось отказаться от дальнейшего продвижения на юг. Появления Непобедимых никто не ждал. Их сбор остался не замеченным для разведчиков Хсунга — людей с качествами тервола, способных прибегнуть к магическим средствам сбора информации. Ходили слухи о том, что штабу Западной армии грозят серьезные перетряски. Хсунг стал подозревать, что в его ближайшем окружении окопался предатель.

— Ты не считаешь, что это может доставить нам серьезные неприятности? — спросил Рагнарсон. — Один из его людей работает на Мглу.

— Уж они-то себя как-нибудь прикроют.

— А как быть с Норатом?

— Хм-м...

— Мы не понимаем «почему», но нам известно «кто», и мы знаем, где этот сукин сын находится.

— Давай будем разбираться последовательно. У нас одновременно закипает слишком много кастрюль. Кроме того, нам совсем не нужна война с Мегелином.

— Кто говорит о Мегелине? Я имею в виду лишь Нората.

— А что, если он контролирует все действия Мегелина? Первая наша попытка может закончиться неудачей. Он же

первоклассный чародей. Если бы это было не так, ему ни за что не удалось бы пережить уничтожение Праккии.

— Мегелин не станет объявлять нам войну. Мы считаемся его друзьями.

— Считаемся... Они скажут, что король сошел с ума. И мы теперь знаем почему.

— Он не сделает этого. Эль Мюрид мгновенно вцепится ему в задницу.

— Оставим Нората в покое. Мы сейчас завязаны на заговоре Мглы. Кроме того, я жду появления ребенка. Ты же не станешь связываться с Норатом, если рядом не будет меня? А я — если мне придется выбирать между помощью тебе и пребыванием рядом с женой — выберу жену.

— И чего я вдруг затеял этот спор? Надеюсь, что когда семейные проблемы решатся, твой характер улучшится. А я пока буду разбираться с Советом. Если я дам им поблажку, они лишат меня средств и мне придется кусать локти не один год.

— Пусть этим займется Пратаксис.

— Чушь. Он никогда их не сможет запугать так, как я. Вся наша система управления, будь я проклят, никуда не годится. А придумал ее Дерел Пратаксис.

— Но она отлично работает.

— Превосходно, если ты можешь потратить на решение вопроса пару месяцев. Чтобы от них чего-нибудь добиться, я каждый раз должен обвешивать этих сукиных сынов-делегатов медалями.

— Я как-то не заметил, что тебе не удается добиваться своего.

— Да, конечно. Но эксперименты Дерела с этой вшивой демократией — для меня как гиря на ногах.

— Это как посмотреть. Но не пора ли нам, однако, перекусить? Можно и пива выпить. Ожидание нам предстоит долгое.

А той же ночью в Тройесе командующий Западной армией получил неофициальное известие от своего друга, находящегося в столице Кавелина. В этот момент Хсунг был без маски. Подчиненные считали лорда лишенным чувства

юмора сухарем. Но на сей раз, читая сообщение из Форгреберга, Хсунг весело смеялся. Он сохранял хорошее настроение до тех пор, пока не узнал, что утрачена всякая связь с лордом Куо.

ГЛАВА 10

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ И ПРАЗДНЕСТВО

Майкл внимательно следил за тем, как последний отряд преследователей исчезает вдали. Они затратили много сил на его поиски. Это он задал им жару, проделав путь, который по законам логики был не по силам одинокому беглецу. По правде говоря, его самого изумляло пройденное им расстояние.

Украденная лошадь оказалась просто превосходной. Он гнал ее до тех пор, пока животное не пало. К этому времени, по его расчетам, он проделал не менее полусотни миль. Самую отвратительную часть пустыни к северу от Аль-Ремиша он уже преодолел и сейчас находился в сухом южном предгорье хребта Капенрунг. У Майкла появились небольшие шансы на то, что ему удастся спастись вне зависимости от того, долетел голубь до цели или нет.

Беглец обратил взгляд на запад. До наступления темноты по меньшей мере два часа или еще восемь миль для пешехода. Саван делажи не начнут охоты за ним до тех пор, пока не опустится ночь.

Сколько времени им потребуется, чтобы догнать его? Жаль, что он так мало знает об этих чудовищах. Может быть, стоит набраться храбрости и продолжить движение в темноте?

Нет. Слишком рискованно. Лучше потратить оставшееся до наступления ночи время на создание укрепленного редута и сбор достаточного количества топлива.

Склоны необитаемых холмов были покрыты кривой порослью, в которой имелось множество сушняка. С топливом проблемы не будет. Гораздо труднее отыскать место,

где саван делажи смогут подступиться к нему только с одной стороны и где этот единственный подход можно будет перекрыть огненным барьером.

Майкл потратил целый час на то, чтобы найти в русле пересохшей реки более или менее подходящую расщелину. Возможно, что в древние времена она была промыта не существующим ныне потоком. Когда-то ее уже использовали для убежища. На стенах из мягкого песчаника были выцарапаны какие-то фигуры и имелись письмена, отдаленно напоминающие рунические. Майкл решил, что граффити оставили первобытные троллединги, которых во времена Падения приводил в эти края сам Ян Железная Рука.

Он собирал хворост и сучья до тех пор, пока в щели для него самого почти не осталось места. После этого беглец разжег маленький костер, чтобы от него запалить большое пламя, как только появятся охотники.

— Самый трудный фокус в том, дружище Майкл, — сказал он, — чтобы не уснуть.

Он развлекал себя интеллектуальными играми, в которые не играл со времен Ребсамена. Он сочинял непристойные вирши. Он пытался вспомнить всех женщин, которых когда-либо любил. Список оказался гораздо короче, чем думали его друзья. Когда список закончился, взошла луна, и он стал мысленно рисовать разные лица на ее бледной поверхности. Затем Майкл принялся составлять каталог видимых созвездий...

Проснулся он сразу, словно от толчка. Сна как не бывало. Не теряя ни секунды, он бросил ветку в оставшиеся от запального костра янтарные угли и принялся лихорадочно раздувать пламя. Стук когтей по камням становился все слышнее.

Луна стояла высоко, и, вглядевшись в сухое русло, Майкл увидел, как вдоль него скользят черные тени.

Он проспал не менее трех часов.

Сухой хворост наконец занялся, Майкл поспешно разбросал его, чтобы пламя распространялось как можно быстрее.

— Проклятие!

Жар был просто невыносимым. Тепло от огня, отражаясь от задней стены расщелины, обдавало его со всех сторон. Майкл лег на живот за грудой топлива, надеясь, что не зажарится заживо.

Как только вспыхнул огонь, из ночи донеслось недовольное ворчание. Требилкок решил, что на него охотятся по меньшей мере четыре твари. Когти монстров скребли по камням, а сквозь разрывы в пламени Майкл мог видеть рубиновые огоньки их злобных глаз.

— Надеюсь, ребята, у вас хватит терпения, — пробормотал он.

Терпения им хватило. Во всяком случае, до того момента, когда начал заниматься рассвет. Почувствовав, что конец ночи близок, чудовища заволновались. Интересно, подумал Требилкок, насколько развит у них разум. Неужели они начинают понимать, что он может поддерживать огонь вплоть до наступления дня?

Теперь чудовища издавали звуки, которые раньше ему слышать не приходилось. Это был вырывающийся из глубины груди рев ярости. Он мысленно нарисовал себе образ четырех черных, постепенно теряющих терпение тигров. Впрочем, как он хорошо знал, твари эти к кошачьей породе не имели ни малейшего отношения.

Пара глаз приблизилась к огню. Хотя чудовище стояло близко от пламени, Майкл не смог определить ни его размера, ни формы. Норат создал монстров тьмы, и они полностью растворялись в ночи.

То, что могло быть лапой, с быстротой молнии пробило стену огня, и огромный коготь рассек воздух на расстоянии пальца от носа Майкла. У него возникло искушение подразнить чудовище, бросая в него камни так, как это делают обезьяны, издеваясь над леопардом. Однако он от этой идеи отказался, припомнив, что леопардам иногда удается жестоко поквитаться с обидчиками.

Другое чудовище протянуло лапу сквозь огонь. На этот раз Майкл успел вонзить в устрашающую конечность свой меч. Монстр взревел, но Требилкок знал, что повреждение не серьезно. Ранения этих тварей мало беспокоили. Во время Великих Восточных Войн для истребления саван дела-

жей удалось найти единственное надежное средство. Их следовало закопать в землю настолько глубоко, чтобы они не смогли вылезти.

Монстры топтались перед стеной огня и рычали друг на друга.

— Майкл, старый дружище, боюсь, что ты просчитался. Тебе следовало продолжать путь. До рассвета они тебя не догнали бы. А сейчас они готовятся к тому, чтобы на тебя прыгнуть.

Он подбросил топлива в огонь, понимая, что и это грозит ему гибелью.

Смерти Майкл не боялся, его выводило из себя лишь то, что придется погибнуть так бездарно. Требилкок всегда льстил себя надеждой, что его кончина принесет пользу любимым людям.

В вое и шипении чудовищ вдруг послышались какие-то новые нотки. Видимо, они были готовы к подвигу. Майкл поднял меч, чтобы пронзить первого монстра, который проскочит сквозь пламя.

Тональность кошачьего концерта снова изменилась. Через стену огня Майкл ничего не видел, но он был готов поклясться, что вой одной из ночных тварей исчезает в отдалении.

Остальные чудовища, судя по их реву, были чем-то недовольны.

Но вот вдали исчез вой еще одного саван делажа. Затем еще одного. Но один зверь оставался, и Майкл прочитал его мысли по низкому, полному ярости горловому реву. Чудовище было готово к прыжку.

Майкл зарылся в кучу хвороста и стал ждать.

Тварь взревела что есть силы. Когти ударили о камень, и Майкл с расширившимися от ужаса глазами увидел, как из яркого пламени вырвался комок тьмы. Требилкок ударил мечом, вложив в удар все свои силы. В данных обстоятельствах он с тем же успехом мог ткнуть в монстра зубочисткой.

Однако чудовище до него не допрыгнуло. Оно зависло в воздухе в верхней точке прыжка, и удар меча вообще пришелся в воздух. С отпавшей от изумления челюстью, Майкл

наблюдал за тем, как ночная тварь, извиваясь и визжа, поплыла назад, чтобы исчезнуть за стеной огня.

— Что за дьявол? — пробормотал он. — Что это за дьявольщина?

По камням снова заскребли когти. Майкл пригнулся. Еще один саван делаж готовился к атаке.

Но нападение не состоялось. Вместо него послышался обиженный рев.

Обиженный рев раздался трижды. После этого над пустыней повисла мертвая тишина. Майкл Требилкок уселся, скрестив ноги и уставившись в пламя. Меч лежал у него на коленях, а лоб бороздили морщины. Главный шпион Малого королевства Кавелин предавался размышлениям.

Огонь неожиданно погас, и Майкл произнес:

— Ах, это ты. Ну, конечно. Мне следовало бы догадаться.

Рагнарсон и Вартлоккур дремали по очереди. Браги проснулся, когда солнечный луч, вырвавшись из-за восточной стены, коснулся его лица. Чуть отодвинувшись вправо, король приоткрыл один глаз.

Чародей уже не спал, но и его разум тоже пребывал в помутненном состоянии.

— Может быть, нам пора с этим кончать? — спросил Браги. — Боюсь, что спасать его слишком поздно.

— Вовсе не обязательно, — возразил Вартлоккур. — Рейдачар все еще может его доставить.

— По частям, что ли?

— Возможно, и по частям, если дело дошло до этого.

— Этот голубь возродил у меня надежду. Я не хочу терять Майкла, после того как он объявился. Это будет вопиющая несправедливость. Разве не так?

— Может быть, нам лучше помолчать? — брюзгливо произнес чародей. — Я немного староват для такого рода бдений. Дай мне передохнуть.

— Давай отдыхай, — сказал Рагнарсон, откидываясь назад и закрывая глаза. Ему тоже хотелось вздремнуть.

Боги, до чего же неудобно спать на каменных ступенях!

Браги пришел в себя оттого, что кто-то тряс его за плечо. Следуя давно укоренившемуся инстинкту, он первым делом схватился за меч.

— Спокойно, — произнес Майкл. — Здесь собрались только друзья.

Рагнарсон огляделся. Судя по солнцу, час был уже не ранний. Не менее десяти. Вартлоккур тоже пытался проснуться.

— Майкл, не мог бы ты размять мне шею? Похоже, что я ее вывихнул, опираясь на эту проклятую стену.

Требилкок возложил одну ладонь на висок чародея, а другую на челюсть, принялся вращать его голову настолько энергично, что раздался громкий треск позвонков.

— Эй! Ты мне шею сломаешь!

— Не шумите, сэр чародей. Что-то вы здесь очень сильно разволновались. Может быть, мне лучше вернуться назад и возобновить пешеходную прогулку? Это даст вам возможность подготовиться к торжественной встрече. Даже парад по случаю моего возвращения можно будет устроить.

— Страшно рад тебя видеть, Майкл, — пробормотал Рагнарсон. — Рад, что ты жив остался. Куда, к дьяволу, ты запропастился? Мы прождали тебя всю ночь.

— Нерожденный нашел меня перед самым рассветом. Затем ему вздумалось затеять игру с саван делажами. До чего же приятно летать, если бы вы знали! Надо будет еще раз попробовать. Сверху видно полмира. Когда смотришь вниз, кажется, что перед тобой открывается совершеннейшая карта.

— Когда ты в следующий раз услышишь таинственный зов, — потирая шею, произнес Вартлоккур, — будь так добр, извести нас. Таким образом ты избавишь своих друзей от волнений и печали.

— Я хочу как следует потолковать с тобой, Майкл, — прорычал Рагнарсон. — Попробую еще раз вколотить в твое сознание одну простую мысль. Брось свою треклятую секретность. На сей раз тебе повезло. Твой голубь вопреки всему долетел до цели. Но если бы он этого не сумел сделать? Вся твоя контора померла бы вместе с тобой. Никто, кроме тебя, не знает, из кого она состоит и что в ней происходит.

Майкл вздохнул и, повернувшись к Нерожденному, спросил:

— Как насчет того, чтобы отвезти меня обратно? Давай повторим это торжественное возвращение завтра.

— Что ты имел в виду, говоря об играх с саван делажами? — спросил Вартлоккур.

— Он отгонял их от меня вплоть до восхода солнца. Когда рассвело, он посадил меня на вершину каменного столба, затем выковырнул одного монстра из укрытия, отлетел миль на десять и вернулся с такой скоростью, что я бы его не заметил, если бы он не мчался на меня. Мне пришлось лечь рожей вниз, чтобы ветер не сдул меня со столба, когда он пролетал надо мной. Чуть не долетев до меня, он бросил саван делажа. Тварь ударилась о скалу с такой силой, что я попрощался с жизнью — мне показалось, что каменный столб рухнет. А затем...

— И что же? — спросил Вартлоккур.

— Эти твари ужасно прочные, но все же не достаточно прочные для того, чтобы выдержать такой удар. Чудовище не сдохло. Оно разбилось в лепешку, но все же пыталось уползти в тень.

— Норат одаривает своих монстров большой жизненной силой. Тварь оправится и через несколько месяцев снова приступит к делу. Однако прими мои поздравления, Рейдачар. Ты изобрел весьма эффективный метод. Гораздо лучше всех тех, что мы применяли во время войны.

Браги со стоном поднялся на ноги.

— Что скажете, если я предложу вам позавтракать? — спросил он. — Может быть, набив брюхо, мы с большим энтузиазмом будем приветствовать твое возвращение. А ты тем временем поведаешь нам обо всем с самого начала. То есть с того момента, как и от кого ты узнал, что Аль-Ремиш является именно тем местом, где следует копать.

Требилкок отреагировал на слова монарха кислой миной. Судя по физиономии шефа шпионов, можно было подумать, что он готов немедленно и с радостью вернуться в пустыню.

Рагнарсон проспал шесть часов кряду. Спал он крепко и снов не видел. Чувствовал он себя прекрасно и поэтому весьма слабо обругал Дала, когда тот явился, чтобы поднять монарха с постели.

— А ты уверен, что Непанта уже рожает? — проворчал он. — Тебе не кажется, что все началось слишком рано?

— Не знаю, сир, — пожал плечами Хаас. — Но я слышал, будто они ждали родов недели через две.

— Разница небольшая. Элана всегда рожала чуть раньше срока. Так бывает с крупными младенцами, а мои все были громадинами. Да, кстати, сегодня у Айнджара день рождения, и в честь его сегодня же вечером устраивают празднество. Не мог бы ты подыскать для него что-нибудь подходящее. То, что ему может понравиться. Пока не знаю, смогу ли я там быть. Если прийти не смогу, то мы пошлем ему подарок.

— Хорошо, сир. Я найду подходящую вещь.

— Только не надо одежды. Детишки не любят получать ее в подарок. Давным-давно, когда мы все вместе жили еще в Итаскии, Элана подарила Рагнару комплект одежды. Прекрасный синий наряд. Дьявольски дорогой. Сшитый в городе по специальному заказу. И знаешь, что он сказал?

— Это были по-настоящему счастливые дни. Разве не так? — грустно протянул Дал и тут же добавил: — О, простите меня, сир... Нет, я не знаю. И что же он сказал?

— Но, мама, у меня уже есть одни штаны! — с громким смехом произнес Рагнарсон. — Представляешь? У него уже есть штаны! Вообще-то со своей точки зрения он был прав. Если бы мать не заставляла его менять портки, он не снимал их до тех пор, пока они бы на нем не развалились.

— Вам их очень не хватает, сир?

— Да, Дал, — сразу став серьезным, ответил Рагнарсон. — Мне очень не хватает их всех. Включая твоих маму и папу.

— Ведь от нас тех почти никого не осталось.

— Да. Но теперь идет новая жизнь. Я постоянно пытаюсь внушить себе это. Поэтому нам с тобой повезло и мы живем две жизни. Как ты относишься к прошлому, Дал?

— Стараюсь как можно реже вспоминать, сир.

— Тебе приходилось встречать мою сноху, Дал?

— Я знаком с ней, сир. Но это лишь шапочное знакомство.

— Не хочешь пойти со мной, если я туда отправлюсь? Посмотришь на нее поближе.

Ему вдруг пришла в голову забавная мысль. В то время как Кавелин страдает от недостатка холостых мужчин, вокруг короля трется множество завидных женихов. Дал. Гжердрам. Арал Дантис. Майкл. И даже Дерел. Из всей компании только у Гжердрама была постоянная связь, да и та тоже дышала на ладан.

— Не знаю, стоит ли, сир. Мне кажется, что это будет недостойно по отношению к...

— Недостойно? — оборвал Дала Браги. — Да она же живая женщина... Ты, Дал, меня иногда просто ставишь в тупик.

— Весьма сожалею, что огорчил вас, сир.

— Что за дерьмо?! Огорчил, будь ты проклят... Впрочем, забудь. Иди скажи королеве, что я скоро у нее буду, чтобы попросить об одной милости.

Дал слегка поклонился и на прямых ногах отправился к выходу.

— Похоже, я его немного зацепил, — пробормотал Браги. — Сдается мне, что в сердце у него кто-то крепко засел.

Десять минут спустя он уже стоял у дверей, ведущих в покои Ингер.

— Привет, Тоби. Не хочешь сказать им, что я явился?

— Слушаюсь, сир. — Часовой постучал, обменялся несколькими словами с женщиной и, обращаясь к королю, сказал: — Просят минуточку подождать, сир.

— Как жизнь, Тоби? Не очень тебя колотит?

— Жизнь вполне приличная, сир. Хм-м... Неужели мы откажемся от права на реванш, пропустив очередной матч?

Тоби числился в запасе команды «Гвардейцев».

— Мне еще предстоит разговор с коллегией судей. Может быть, они дадут согласие на перенос встречи. Ты согласен, что мы ради матча не можем позволить того, чтобы кого-нибудь из нас убили?

На лице Тоби появилось сомнение. «Захват» в его жизни играл большую роль. «Гвардейцы» до сих пор потерпели лишь одно поражение, да и то пытались опротестовать результат.

— Но если мы откажемся от права на реванш, общий счет будет в их пользу на одно очко. Эти наглецы будут смеяться над нами.

— Такова жизнь, Тоби. Иногда нам приходится делать очень трудный выбор.

Дверь открылась, и Рагнарсон, минуя часового, переступил через порог. Еще через секунду он уже шел через комнату навстречу Ингер, чтобы пожать протянутые к нему руки. На лице королевы сияла одна из ее самых обольстительных улыбок.

— Видимо, я веду себя очень хорошо, — сказал она. — Ты навещаешь меня за эту неделю вторично. И приходишь каждый раз среди дня.

Он расцеловал ее в щеки, а затем изумил, влепив смачный поцелуй в губы.

— Мне очень нравится тот зеленый цвет, который ты в последнее время предпочитаешь. Сюда меня тянет именно он, а вовсе не похоть. Впрочем, я могу и пересмотреть свои позиции.

— Тельма, оставь нас, иначе ты сможешь узнать о том, сколько людских слабостей остается у монархов. Итак, умоляю, скажи, что же привело тебя ко мне? — спросила Ингер, забавно вскинув брови.

— У Непанты сошли воды. Мне кажется, что роженице будет приятно, если ты предложишь ей свою помощь.

Ингер сразу помрачнела. Ей крайне не нравился процесс деторождения.

— Но что я могу сделать?

— Морально поддержать. Это для нее будет очень много значить.

— Понимаю. Очередной взнос в уплату твоего долга.

— Возможно, — недовольно скривившись, ответил он. — А может быть, потому, что я хочу видеть вас подругами.

— А ты у меня в большом порядке. Тебе это известно? — В ее глазах снова зажглись лукавые огоньки.

— Кто мог сказать тебе такое?

— Человек, с которым я спала в госпитале в Итаскии.

— Как же, как же. Помню. Раненый солдат. Он был в горячке, что, возможно, и повлияло на его суждения.

— Я могу всегда доказать справедливость его слов.

— По-моему, женщина, вы ставите себя в весьма опасное положение, — сказал Браги, закрывая дверь на щеколду.

— А вот и нет. Это тебе, старичок, грозят неприятности.

— Старичок, говоришь?

Браги сделал выпад, и Ингер взвизгнула, когда он забросил ее себе на плечо.

После ужина Рагнарсон присоединился к Вартлоккуру, который мерил шагами гостиную в своих покоях.

— Ты являешь собой классический образец нервного папаши, — сказал Браги.

— Может быть, мне лучше быть с ней?

— Она хочет этого?

— Не знаю. Но Вачел категорически против.

— Я его понимаю. Как идут дела?

— Говорят, что нормально.

Из дверей спальни появился доктор Вачел, и следом за ним — Ингер.

— Ну и как? — спросил Вартлоккур.

— Еще не скоро. Роды, как я предполагаю, примерно в полночь.

— Все не так страшно, как мне казалось, — сказала Ингер, обнимая мужа за плечи. — Она гораздо храбрее, чем я.

— Ты действовала отлично.

— Ничего подобного. Я вела себя как испорченный ребенок. Мне до сих пор стыдно, когда я вспоминаю то, что тогда говорила.

— Иногда женщины так поступают, — пожал плечами Браги. — Но серьезно их слова воспринимать не надо. Если бы они выполняли клятвы, которые дают при родах, то человеческий род давно вымер бы. У всех женщин было бы только по одному ребенку.

— Она очень изменилась. Вылезла из своей скорлупы и сразу стала очень интересной личностью.

— Все мои друзья — личности весьма интересные. Может быть, не всегда приятные или галантные, но очень неординарные. Но мне пора. Сегодня день рождения Айнджара, и я обещал быть на праздновании.

— Передай ему мои поздравления.

— Обязательно. Взгляни-ка на нашего друга.

Вартлоккур развил бешеную деятельность.

— Я забыл составить гороскоп для своего дитя, — бормотал он, бросая на стол книги и диаграммы, перья и чернильницы. — Полночь. Проклятие!

— По крайней мере он теперь не будет болтаться под ногами, — ухмыльнулся Рагнарсон. — До свидания, любовь моя.

— Веди себя хорошо, — ответила Ингер, сжимая его ладонь.

Рагнарсон шагал в конюшню, пытаясь понять, что происходит между ним и супругой. В их отношения вернулась какая-то освежающая теплота.

Появившись в доме на аллее Лиенеке, Браги так и не сумел пересчитать резвящихся там детишек. Ни один из них не стоял на месте. Похоже, что они играли в «Захват», превратив в арену схватки весь первый этаж здания. Гундар как самый старший выступал в роли величественного рефери.

— Привет, пап! — выкрикнули, проносясь мимо отца, Айнджар и его сестра.

Сидящая на ступенях Кристен подняла на него в немой мольбе глаза и сказала:

— Наше жилище захватили варвары.

— И эти варвары — наши дети. Ты говоришь почти как Пратаксис. Неужели тебе никто не помогает?

— Только Мгла. Сейчас она показывает повару, как следует готовить пунш. Хотела прийти Джулия, но ее младший приболел.

— И это все?

На губах Кристен промелькнула понимающая улыбка.

— А вы еще кого-нибудь ждали?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Я слышала, что вы лично приняли сообщение, которое я посылала вам позавчера.

— О... — протянул он и продолжил, больше для себя, чем для Кристен: — Даже самый горячий поцелуй не способен закрыть ротик женщины.

— Поцелуй? О боги! А я об этом ничего не знаю. Расскажите мне все.

— Это всего лишь что-то вроде метафоры. А ты впредь таких фокусов не устраивай. В следующий раз твои шпион-

ские выходки могут привести к плачевному результату. Тебя могут схватить.

— Чепуха. Я уже большая девочка.

— Мы живем в мире, полном ловушек. Не суй в них свои пальчики.

— Впредь буду вести себя осторожнее.

— Обещаешь?

— Обещаю. Что вы подарили Айнджару?

Сверток лежал на ступеньке рядом с ним.

— Не знаю. Я поручил Далу выбрать подарок. Весь день в бегах. У Непанты начались роды. Это всех выбило из колеи.

— В таком случае подарок явится сюрпризом для вас обоих. Мне, конечно, не следует вас дразнить, но... Ширили сказала, что не придет, потому что не готова.

— Что?

— Она размышляет над вашими словами.

Его сердце забилось чаще, провалившись куда-то в область желудка. Разочарование, которое он испытал, узнав, что Ширили не будет, изумляло его самого. Уставив взор в пространство, Браги спросил:

— Скажи, Кристен, но только честно, что бы ты подумала, узнав, что между нами что-то произошло? Учитывая то, что я женатый человек, а она — свободна. И то, что я в два раза старше ее.

— Ни о вас, ни о ней я хуже бы думать не стала. Единственное, что... Вы женаты. А она не замужем. И ваши отношения могли бы принести страдания вам обоим. Свидетельницей вашего горя я быть не хочу.

— Именно поэтому я и высказал ей все. Похоже, что я сильно размяк. Лет пятнадцать тому назад мне было бы абсолютно плевать на последствия.

— А мне кажется, что ваше заботливое отношение еще сильнее повлекло ее к вам. Она уже имела дело с мерзавцем, которому «абсолютно плевать на последствия». Правда, есть еще и типы, говорящие: «пропади ты пропадом», как только дело доходит до последствий.

— Иногда, Кристен, ты меня просто пугаешь. Создается впечатление, что за милым, юным личиком скрывается умудренная жизнью старушка.

— Продолжайте, продолжайте. Меня радуют комплименты, где бы я их ни получала. Даже на ступенях лестницы.

Появилась Мгла. Рагнарсон изумился. На принцессе был фартук, а, усмиряя беснующуюся орду малолеток, она держалась просто по-матерински. Она светилась радостью. В таком состоянии Браги не видел волшебницу со времени смерти Вальтера.

— Сдается мне, что Арал сумел найти лекарство от всех ее болезней, — заметил Рагнарсон.

— Глядя, как он приходит к ней и уходит, можно подумать, что Арал и Мгла впервые влюбившиеся юнцы.

— Для магии любви возраста не существует. Особенно в тех случаях, когда между состоянием влюбленности лежит несколько лет пустоты.

Кристен вдруг почему-то приуныла. Немного помолчав, она спросила:

— Вам удалось решить хотя бы одну из загадок?

— Мне известно, кто пытался убить Лиакопулоса и Абаку. Это был Магден Норат. Колдун. Но причину покушения я не знаю. Вартлоккур считает, что это сделано по чьему-то заказу. У самого Нората нет оснований держать обиду на Форгреберг.

— Но разве возможно поставить себе на службу чародея?

— Все имеет свою цену. Кто-то предложил ему нечто такое, в чем он очень нуждается.

К лестнице подошел привратник и доложил:

— Сир, прибыл офицер, который говорит, что ему необходимо с вами поговорить. Капитан Хаас, сир.

— Присылайте его сюда.

— Капитан говорит, что не хочет вторгаться в семейное торжество.

— Никуда он не вторгнется. Он и сам практически часть семьи. Давайте его сюда.

Мать Хааса до самой своей смерти была домоправительницей в семействе Браги.

Дал вошел в дом и замер у подножия лестницы.

— Сообщение из Тройеса, сир, — доложил он. — Через людей капитана Требилкока. Доставлено, насколько я понял, голубиной почтой. Последнее, как предполагают, до-

несение агента. Наш информатор утверждает, что лорд Хсунг получил послание из замка Криф. Содержание послания узнать не удалось, но лорд Хсунг был весьма им доволен. Агент утверждает, что в Форгреберге имеется агент, ценность которого для Империи огромна.

— Я допускаю, что таковой агент имеет место быть, — ответил Браги, передразнивая стиль речи молодого человека. — Я был бы весьма изумлен, если бы наши недруги не имели в столице своих людей. Но я удивлен тем, что сам лорд Хсунг завербовал здесь кого-то. Мне не хочется спускать с цепи Нерожденного... Это плохо действует на моральный дух моих подданных. Но, видимо, настал час отделить зерна от плевел. Может быть, Майкл сумеет сделать это. Что слышно о супруге чародея?

— Пока в трудах, сир. Говорят, что все произойдет ближе к полуночи.

— Нацеди себе пуншу, Дал, и присоединяйся к обществу.

— У меня еще остались дела во дворце, — пряча глаза, объявил Хаас. Молодой человек всеми силами старался не встретиться взглядом с Кристен.

— У меня — тоже. К дьяволу работу. Возьмем себе отпуск на ночь. Работа от нас никуда не уйдет. Я даже могу приказать тебе остаться, если это снимет груз с твоей души.

— В этом нет необходимости, сир, — осмелившись на жалкую улыбку, произнес Хаас.

— Никогда бы не подумал, что Дал Хаас может быть таким застенчивым, — пробормотал король, глядя в спину адъютанта.

ГЛАВА 11

1016 ГОД ОТ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ИНТЕРЛЮДИЯ

С юга прибыл очередной курьер. Все советники герцога собрались в замке. Герцог созвал их для того, чтобы выслушать отчет гонца о развитии событий за последний месяц.

— ...наш человек в Кавелине остается вне подозрений. Они чувствуют, что вокруг них что-то происходит. Норат

выполняет свою часть соглашения. Наши люди дважды использовали отпущенный им товар, вызвав тем самым большой переполох. Мы приобрели полезных друзей — прежде всего в Совете. События развиваются в нужном для нас направлении.

— Но удручающе медленно.

Герцог покосился на человека, бросившего реплику. Старый Кармин. Хочет увидеть результат прежде, чем умрет.

— Намечается некоторое ускорение.

— Судя по письменному отчету, — сказал еще кто-то, — нам следует подыскать учителя для полковника. Его почерк и грамматика вызывают отвращение.

— Он солдат, — ответил герцог, — и со своей работой справляется отлично, если не считать нападения на подручных Рагнарсона. Но и здесь скорее вина Нората, а не полковника.

— Что-то было сделано не так? — поинтересовался старый Кармин.

— Покушения на Лиакопулоса и Абаку не удались. В обоих случаях жертвы сумели перебороть убийц. Лиакопулос, несмотря на ранение, убил одного из нападавших, а двух оставшихся отделал так, что их пришлось уничтожить. Абака прикончил всех трех, не получив при этом ни царапины.

— Может быть, Норат прислал нам залежалый товар? Убийц второго сорта? Не стоит ли нам предъявить жалобу?

— Я уже сделал это. Через голову Нората. Мне сказали, что в провале его вины нет. Убийц он творил без особой фантазии, так как мы не сообщили, что их потенциальные жертвы являются первоклассными бойцами.

— Но это означает, что мы впустую растратили две трети своих ресурсов. Как мы можем изолировать Рагнарсона, не устранив его приближенных?

— Я также поднял этот вопрос и получил заверения в том, что нам будет оказана необходимая поддержка. Правда, при условии, что мы со своей стороны сможем продемонстрировать некоторые успехи. В определенных кругах это предприятие считается весьма рискованным. Потенциальные выгоды не компенсируют опасности, связанной с

преждевременным разоблачением. Если мы действительно хотим получить помощь, то наши люди, находящиеся в гуще событий, должны продемонстрировать яркие, заметные для всех достижения.

Герцог поднялся из-за стола, пересек зал и открыл боковую дверь. Из нее вышел невысокий, толстый и лысый человек в черной, подпоясанной веревкой рясе. На веревке болталось множество миниатюрных черепов. Лицо человека имело нездоровый желтый цвет, а когда человек улыбнулся, то стали видны его гнилые зубы.

— Я попросил Бабелтоска посетить наше собрание, — сказал герцог. — Его наблюдения представляют для нас определенный интерес. Присаживайтесь, Бабелтоск. У вас есть что добавить?

Чародей погладил череп, очень похожий на детский, и начал:

— Значит, так. Начнем с женщины. Создается впечатление, что она действует не очень охотно. — Голос чародея был таким скрипучим, что у всех, кто его слышал, волосы вставали дыбом. — У полковника есть свои недостатки, но он не допускает того, чтобы они мешали его деятельности. Вопреки вашему мнению, Дейн, Рагнарсон, Вартлоккур и Требилкок исполнены подозрений. Они не знают, где таится опасность, и поэтому часто совещаются друг с другом. Если они суммируют свои знания, то может выясниться, что им уже известно больше, чем следует.

Герцог недовольно фыркнул и, обведя взглядом советников, спросил:

— Что скажете на это, господа?

Ответа не последовало.

— Что еще, Бабелтоск?

— Какой-то человек в Форгреберге находится в контакте с командующим Западной армией Шинсана.

— Кто именно?

— Не знаю. Вокруг замка Криф возведена внушительная магическая защита. Но я располагаю кое-какими относящимися к делу разведывательными данными. Рагнарсон намерен поддержать попытку Мглы свергнуть Куо Вен-чина.

— Важная новость. Как вы считаете?.. Полковник не сообщает об этом, впрочем, так же как и о существовании агента с востока. Вполне вероятно, что просто не знает.

— Для доставки сюда донесения из Форгреберга, Дейн, требуется время. Полковник может сообщить лишь о том, что ему было известно к моменту отправления курьера.

Герцог недовольно пожевал губами — Бабелтоск, похоже, стал себе слишком много позволять.

— Не надо ли нам предупредить лорда Куо? Не должен ли полковник действовать жестче, пока Рагнарсон занят планами Мглы?

— Нет, — ответил герцогу Бабелтоск. — Нападение на Лиакопулоса и Абаку заставили их внимательнее смотреть по сторонам в поисках опасности. Необходимо прекратить все попытки покушения. Нам приходится иметь дело с самим Вартлоккуром и его Нерожденным. Один неверный шаг может погубить все. Прикажите ему быть ниже травы и тише воды, если, конечно, он не чувствует возможности скорого и большого успеха.

Скрипучий голос Бабелтоска настолько выводил всех из себя, что герцог решил прикончить чародея, как только осядет пыль.

— И не вступайте в контакт с Куо. Пусть карты лягут так, как предназначено Роком. В конечном итоге все интриги в Шинсане для нас не имеют большого значения. Ведь не хотите же вы создать союз, который позже заставит вас мучиться и от которого будет не просто избавиться?

— Хватит, Бабелтоск, — сказал герцог. — Возвращайтесь к своей работе. — В глубине души он был согласен с чародеем. Семейство уже заключило много сомнительных союзов.

Бабелтоск ушел, но его походка говорила о том, что он оскорблен этим изгнанием.

Да, от него надо определенно избавляться, подумал герцог. Колдун слишком амбициозен, и это сулит неприятности.

— Он начал о себе слишком много мнить, Дейн, — сказал кто-то. — Не спускай с него глаз.

— Само собой. И еще. Наши люди сообщают из столицы, что король нами заинтересовался. Дело в том, что мы ведем себя слишком тихо. Мортин, ты там бываешь чаще других. Осчастливь монарха, сотвори какую-нибудь пакость. На сегодня, господа, все.

Все цепочкой потянулись к выходу, а герцог остался сидеть за столом. Все шло примерно так, как надо. И это вызывало у него беспокойство. Он не привык к тому, чтобы его семейству сопутствовала удача. Герцогу казалось, что Рок, усыпляя его бдительность, втайне готовит страшный удар.

ГЛАВА 12

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ВСЕ ПРИХОДИТ В ДВИЖЕНИЕ

Рагнарсон спокойно прогуливался в парке замка Криф, как вдруг небеса взорвались ослепительным розовым фейерверком. Яркие искры тут же сложились в буквы, а буквы — в слова. Еще мгновение — и небеса возвестили: ЭТО ДЕВОЧКА!

Браги расхохотался и веселился до тех пор, пока у него не заболели ребра.

— Колдун, пожалуй, слегка перебрал с образом счастливого отца, — пробормотал он.

Однако Рагнарсон хорошо понимал Вартлоккура. Рождение ребенка явилось апофеозом любви — той любви, которой чародей ждал несколько столетий.

Усталый Браги притащился в покои Вартлоккура. Ухмыляющийся от уха до уха маг принимал поздравления от всех и всякого. Он пожимал руки людям, которые в иное время даже не посмели бы приблизиться к нему.

— Дорогу королю! — раздался чей-то голос.

Браги протянул руку.

— Это заняло много времени, — сказал он. — Как Непанта?

— Превосходно. Счастлива, как любая на ее месте.

— Вот и хорошо, — бросил Браги и подошел к Ингер.

Королева стояла прислонившись к стене. От усталости она даже ссутулилась, что на нее было совсем не похоже.

— Почему бы тебе не отправиться к себе и не вздремнуть, любовь моя? — спросил он.

— Через несколько минут. А пока я хочу подумать о том, насколько все ее поведение при родах отличалось от моего, когда я рожала сына.

— Перестань себя мучить. Иди спать. Утром ты на все взглянешь по-иному.

— Судя по твоему виду, тебе тоже не мешало бы уснуть.

— По меньшей мере на неделю. И приступлю я к этому через пять минут.

— А вот и нет.

— Это почему же?

Ингер показала куда-то в сторону. По направлению к ним пробивался через толпу Дал Хаас. На нем, несмотря на поздний час, была безукоризненная униформа, однако лицо выдавало волнение.

— В чем дело, Дал?

— Чтобы понять это, вам следует самому взглянуть, сир. Не изволите ли вы последовать за мной?

Мертвенно-бледный Вартлоккур схватил Рагнарсона за руку:

— Пошли! Живо!

— Что случилось?

— Пошли. Сам увидишь, — бросил чародей и заспешил к восточной стене.

Где-то далеко за хребтом М'Ханд вспыхивали чудовищные зарницы, от чего пики гор становились похожими на зубья ржавой пилы.

— О боги, — прошептал Браги. — Никогда не видывал ничего подобного.

Вспышки не прекращались. На грозу это было не похоже. На небе ни облачка, и звезды смотрели вниз с холодным безразличием.

— Что это? — шепотом спросил Рагнарсон.

Вартлоккур не ответил.

— Дал, ты можешь прочитать сигналы? — обратился король к адъютанту, показывая на пылающие сигнальные костры. — Неужели Хсунг штурмует Майсак?

— Штурма нет, сир.

— Началось, — прошептал Вартлоккур. — Матаянга напала на Шинсан. Даже боги не осмелились бы оказаться сейчас на поле битвы.

— Интересно, — сказал Браги, — неужели Баксендала и Палмизано издали выглядели так же ужасно?

— Возможно. Но на какие благоприятные факторы рассчитывают матаянгцы? Ведь они исторически абсолютно не предрасположены к магическим отправлениям.

— На каком языке он говорит? — пробормотал себе под нос Хаас. — На вессонском?

Все больше и больше людей появлялось на стене, чтобы взглянуть на грандиозное представление. Браги внимательно посмотрел на своих подданных. Такими подавленными ему приходилось видеть их крайне редко.

У ворот замка загремели трубы, по булыжникам мостовой зацокали копыта.

— Это, должно быть, Мгла, — сказал Вартлоккур. — Ее известили обо всем раньше, чем нас.

— Дал, срочно найди полковника Абаку, сэра Гжердрама и генерала Лиакопулоса. Пусть соберутся в зале. Все части на всякий случай должны быть приведены в боевую готовность. Не забудь найти капитана Требилкока и направь кого-нибудь за Аралом Дантисом. Отыщи и барона Хардла. Я не хочу, чтобы владетели чувствовали себя обойденными.

— Слушаюсь, сир! — произнес Дал и бегом бросился выполнять приказ.

Несколько минут спустя к ним присоединилась Мгла.

— Началось, — сказала она. — Донесения стали поступать сразу после того, как мы отпраздновали день рождения. Матаянгцы поставили под знамена всех мужчин, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Тем, кому не досталось оружия, приказано брать его у убитых.

— Смогут ли они прорваться? — спросил Вартлоккур.

— Не знаю.

— Когда вы выступаете? — поинтересовался Браги.

— Время принимать решение еще не пришло. Прежде надо посмотреть, как будут развиваться события.

— Я уже приказал Далу, чтобы он собрал всех в зале.

— Лучше поехать ко мне. У меня налажен контакт с людьми в Шинсане и все готово для анализа обстановки.

И кроме того, подумал Браги, здесь, в замке, кто-то сочиняет любовные письма лорду Хсунгу. Вслух же он произнес:

— Жди нас через два часа. — Взглянув еще раз на игру огня у восточного горизонта, он покачал головой и спросил: — Вартлоккур, а тебе не кажется, что мы поставили не на ту лошадь?

— Да... Похоже, что мы испытываем судьбу.

— Вот что я давно хотел тебе сказать. Здесь, в замке, есть предатель. И вовсе не из тех мальков, которые шпионят для владетелей. Мы имеем дело с настоящей акулой. Работает на Хсунга.

Чародей присвистнул сквозь зубы.

— Именно. Пока только четверым известно о том, что мы поддерживаем Мглу. С этой стороны нам, пожалуй, ничего не грозит. Но мы не знаем, какие еще сведения могли просочиться...

— Пожалуй, настало время для того, чтобы Рейдачар побеседовал с людьми, — сказал Вартлоккур. — Думаю, что нам чаще следует проводить чистки.

— И почему они решаются выступать против меня, зная, что у них нет никаких шансов остаться безнаказанными? — вздохнул Браги.

— Да потому, что они считают себя иными. Верят, что могут преуспеть вопреки теории вероятности. Одним словом, причины те же, что и у нас, когда мы делаем рискованные ставки. Ожидание крупного выигрыша. Тебя должно интересовать не это. Ты должен выяснить их тайные мотивы.

— Не понимаю.

— Хочешь услышать правду? Так вот, большинство людей не верят в то, что ты делаешь. И среди этих неверующих много тех, кто больше всех выиграл от твоих реформ.

Они вошли в зал ситуационного анализа. Лиакопулос, Абака и Гжердрам уже были там. В помещении оказался и

Дерел Пратаксис, хотя Браги забыл его пригласить. Секретарь одарил короля укоризненным взглядом, но его величество проигнорировал недовольство подданного. Через несколько секунд появился Требилкок, а следом за ним и Дал Хаас.

— Я отправляюсь за Аралом Дантисом, — объявил Дал.

— Прежде найди барона. Мы перебираемся в дом Мглы. Ты поедешь с нами.

Городской дом барона находился недалеко от жилища Мглы.

— Однако прежде чем отправиться, — сказал Рагнарсон офицерам, — приведите все регулярные части в состояние полной боевой готовности. Перебросьте Бреденбахцев в Баксендалу. Скорее всего Хсунг предпринимать ничего не станет, но не будем искушать судьбу. Соберите и другие полки. Дерел, договорись с Советом, чтобы они там зарезервировали для меня час. Возможно, я захочу перед ними выступить.

— Вы намерены говорить спокойно и холодно?

— Ничего подобного. Буду лупить по ним молотом. Но после того, как мы ввяжемся в дело. Генерал, вы можете ехать верхом?

— Я почти совсем оправился, сир, — ответил Лиакопулос, кивая.

— Отлично. Креденс, а ты что рожу кривишь?

— Почему я ничего не знаю о том, что происходит?

— Я все тебе объясню, когда мы приедем к Мгле.

Абака пробормотал, что ни капли не доверяет этой шинсанской ведьме.

— А теперь в путь, — сказал Рагнарсон.

Выйдя из зала, он увидел толпу телохранителей, восторженно внимавших байкам сержанта Гейлза.

— Гейлз!

— Слушаю, сир.

— Найди сержанта Вортела и скажи ему, что я приказал ему встать на дежурство вместо тебя. — Он оглядел гвардейцев и, увидев среди них еще одного итаскийца, добавил: — И забери с собой Хунсикера.

— Слушаюсь, сир, — сказал Гейлз с видом получившего пинок щенка.

— В чем дело? — прошептал Пратаксис, когда Гейлз удалился.

— Меня начинает интересовать этот сержант, — ответил Рагнарсон. — Он с каждым днем ведет себя все более странно.

— У парня едва хватает мозгов на то, чтобы отличить дождливую погоду от солнечной.

— Возможно. Но с тех пор, как мой лучший друг попытался меня убить, я стал похож на пуганую ворону. Может быть, только поэтому я до сих пор еще жив. «Правитель никому не должен доверять. И меньше всего тем, кто заслуживает наибольшего доверия».

— Цитируете Радетика? В то время подобные сентенции были оправданны. Впрочем, все идеи в его «Советах правителю» доведены до крайности. Я и не знал, что вы его читали.

— Я всегда стараюсь всех удивить, Дерел. Эй! Есть здесь кто-нибудь, кто может пойти в конюшню, чтобы распорядиться насчет лошадей?

Мимо них стайками носились курьеры.

Вдруг практически из ниоткуда материализовался Хаас и объявил:

— Лошади под седлом ждут нас в конюшне, сир!

— Дал, иногда ты меня просто потрясаешь своей расторопностью. Пошли.

Они сформировали довольно внушительный конный отряд. Зарево на востоке рано разбудило город, и люди толкались на улицах, интересуясь друг у друга, что происходит.

За живой изгородью, окружающей дом Мглы, расположились часовые. На них не было униформы, но опытный глаз мог сразу узнать воинов Империи Ужаса.

— Соскакивайте с седел, и чтобы ни одного слова. Понятно?

Люди Мглы приняли у прибывших лошадей и отвели в расположенные за домом конюшни.

Поспешно войдя в помещение, Рагнарсон сказал:

— Мгла, будет гораздо лучше, если ты заменишь своих солдат моими телохранителями. Мы и без этого парада восточных войск привлекаем к себе слишком много внимания.

— Я прослежу, чтобы это было сделано, — тотчас согласилась с ним Мгла.

— Дал, проработай все детали охранения. Никто не должен ни входить, ни выходить без моего на то разрешения. Если тебе потребуется подкрепление, пошли Вортела в казармы личной гвардии короля.

— Мы расположились на третьем этаже. Пошли, — сказала Мгла.

— Ты чем-то обеспокоена? — заметил Браги, поднимаясь рядом с ней по ступеням.

— Да. Ты через минуту сам все увидишь.

Рагнарсон был просто потрясен. Вот уже много лет ему не доводилось бывать на третьем этаже этого дома. Там все кардинально изменилось. Перегородки исчезли. Окна скрывались за тяжелыми, плотными занавесями. Вдоль боковых стен были сооружены невысокие подиумы, на которых рядами располагались кресла. Часть кресел была занята, и Рагнарсон успел перехватить обращенный на него змеиный взгляд какого-то тервола. Маски на госте из Империи Ужаса не было.

Дальняя от дверей стена была свободна и почти целиком скрывалась в тени. Через мгновение из тени или, скорее, прямо из воздуха выступил человек и сказал что-то типу, колдовавшему над внушительным, занимающим всю центральную часть зала столом.

— Я готов отдать руку за то, чтобы иметь в моем ситуационном зале такую карту, — пробормотал Браги.

На карте был изображен Шинсан и все его сателлиты. Красное пятно показывало продвижение матаянгцев. Пятно было слишком правильной формы для того, чтобы отражать реальность. Однако цифры пройденных расстояний и номера участвующих в боях частей несколько снижали искусственность композиции.

— Проходи сюда и присаживайся, — сказала Мгла.

В воздухе из ниоткуда появился еще один курьер. Работающий за столом человек расширил покрытую красным песком площадь.

— Мои люди работают гораздо лучше, чем можно было ожидать, — сказала Мгла. — Они доставляют первоклассную информацию.

Рагнарсон внимательно посмотрел на карту, а затем перевел взгляд на своих военачальников. На тех штабная работа шинсанцев произвела сильное впечатление. Им не верилось, что они смогли добиться победы в Великих Восточных Войнах, сражаясь против такой организации и дисциплины.

— Как идут дела в Южной армии? — спросил Браги.

— Ты сам все видишь на карте. Удерживает фронт. Не позволяет прорвать свои линии. Большего в данных обстоятельствах от нее ждать не приходится.

Появился очередной курьер. Мгла вытянула шею, чтобы лучше расслышать его доклад. Человек за картой начал передвигать фишки с номерами частей, расквартированных на восточных границах Империи Ужаса.

— Что это значит? — спросил Браги.

— Восточная армия находится под ударом.

— У Матаянги неожиданно появились союзники?

— Это началось не сегодня.

— Отдельная полноценная война?

— Да. Не очень значительная, но... Там происходит нечто ужасное.

Рагнарсон взглянул на карту, еще раз оценил положение на южном театре и поднялся с кресла.

— Понимаю. Пройди со мной.

Мгла одарила его суровым взглядом, который, впрочем, тут же сменился чуть ли не льстивой улыбкой. После недолгого колебания принцесса вышла вслед за королем в коридор. Вартлоккур напряженно следил за ними. Отойдя от дверей на почтительное расстояние, чтобы никто не мог услышать, Мгла спросила:

— В чем дело?

— Как ты можешь догадаться, я знаю тебя и Вартлоккура достаточно хорошо. Учитывая все те годы, которые я провел, следя за вами. Кроме того, я также способен оценить и понять образ мышления любого тервола. Ты согласна?

— Еще бы. Это помогло тебе вознестись к власти.

— А если так, то до каких пор ты будешь ускользать от ответа, вилять или менять тему, как только у нас заходит речь о положении на восточных границах Шинсана?

— О чем ты?..

— Слушай! Ты ни за что не рискнула бы приступить к смертельно опасной операции, не имея представления о ситуации во всех провинциях Империи Ужаса. Так же, впрочем, как и твои союзники. Я отлично знаю тебя и хорошо понимаю тервола. Возможны два варианта. Согласно первому, события на границе не имеют серьезного значения и ты, осуществляя переворот, можешь их просто игнорировать. Однако по второму варианту война на востоке настолько серьезна, что ты решила ею воспользоваться в своих целях, пока твои противники ведут смертельную борьбу и на восточных границах Империи. Я знаю, что тервола будут до конца защищать границу Империи и не оставят своих постов в момент опасности ради того, чтобы заняться политическими играми. Что скажешь?

Мгла в ответ лишь пожала плечами.

— Возможно, с твоей точки зрения я — невежда. Но, поверь, Мгла, я — не дурак и способен сложить два и два. На дальнем востоке Империи происходит нечто серьезное и очень ужасное. Там появился некто, именуемый Избавителем. Ни ты, ни Вартлоккур не желаете ничего об этом говорить, хотя вам известно, что происходит. Вартлоккур не желает даже слышать имени сына Непанты, а о том, чтобы попытаться выяснить, что же с ним произошло, и речи быть не может. Непанта одержима мыслью найти своего ребенка, а в ней течет кровь волшебников. Все это мне говорит, что Этриан жив, что бы с ним там ни случилось. Непанта ощущает его присутствие, Вартлоккур понимает, что там происходит, и по не ясным для меня причинам всеми силами пытается защитить жену. Кроме того, он выкрутил тебе руки, чтобы ты тоже не открывала рта. Но страшится, что какие-то сведения просочатся к Непанте. Зная Вартлоккура, я понимаю — чародей опасается того, что эти сведения разобьют сердце Непанты и он ее может потерять. После стольких веков ожидания Вартлоккур пойдет на все, чтобы удержать ее рядом с собой. Что скажешь на это?

— Ничего.

— И ты ждешь, что я, очертя голову и закрыв глаза, кинусь в сомнительное предприятие? Ты же понимаешь —

ничто не вынуждает меня так поступить. Ты избрала плохую тактику, Мгла. Очень плохую. В нашей компании — я мальчишка, у которого мячик. Забираю свои игрушки и ухожу, оставляя тебя корчиться на ветру. У тебя практически уже нет пути назад. Я же ничем не связан. Уход мне ничего стоить не будет.

Мгла по-прежнему молчала.

— Я не собираюсь носиться по улицам Форгреберга и вопить о твоих тайнах. Для меня они не имеют значения. Ты, как мне кажется, думаешь, что я блефую. Мой старик постоянно вдалбливал мне, что лучший способ блефовать — говорить правду. Позволь мне пожелать тебе удачи. Если планы твои рухнут, возвращайся. Мне всегда будет нужен надежный защитник Майсака.

Браги стал обходить ее, чтобы вернуться в зал.

Мгла внимательно посмотрела на него и, решив, что король не блефует, сказала:

— Постой.

Рагнарсон остановился и, выждав еще несколько секунд, произнес:

— Итак?

— Он будет в ярости и, возможно, набросится на меня. Но чему быть, того не миновать. В основном ты прав. Я имею в виду ситуацию на востоке. Она очень напряженна и крайне опасна. С началом войны на юге положение стало еще хуже. К сожалению, я знаю не очень много — гораздо меньше того, что следовало бы знать. Видимо, никому ничего толком не известно. Все знает лишь командующий Восточной армией. Но у него нет времени болтать языком. Я знаю, что нашим армиям противостоят могущественные силы колдунов-некромантов. На Империю напали мертвецы. Покойники сражаются яростно, безостановочно и очень близки к победе. Ведет их существо, которое называет себя «Избавителем». Что это должно означать, никто по-настоящему не знает. Но нам удалось установить, что Избавитель когда-то был сыном Непанты и твоего друга Насмешника.

— Когда-то был?

— С того времени, когда его похитили агенты Праккии, Этриан претерпел чудовищные изменения. На нашем вос-

точном побережье он появился уже не Этрианом. Возможно, что Избавитель даже не помнит о существовании того мальчика. Сейчас он является инструментом разрушения. Мы имеем дело с созданием, по сравнению с которым даже столь презираемые тобой тервола покажутся тебе ангелами. Избавитель — творение абсолютной тьмы. И я считаю, что Вартлоккур прав. Если Непанта увидит Этриана в его теперешнем виде, ее брак с чародеем получит — и это как самое малое — сильнейший удар. Она обвинит мужа в том, что тот не попытался вырвать ее дитя из лап тьмы.

Браги задумался, опершись на дверную раму. Лишь через полминуты он сказал:

— Думаю, что вы недооцениваете Непанту. Ты и Вартлоккур. Впрочем, я могу и ошибаться. Однако пора вернуться к делам.

— Ты удовлетворен?

— На данный момент — да. Надеюсь, что позже мы сможем обсудить все поподробнее.

— Теперь ты знаешь ровно столько, сколько и я.

— Сомневаюсь, — ответил Рагнарсон, открывая дверь.

Вартлоккур с каменным выражением лица следил за тем, как король идет от дверей к столу. Браги предпочел не заметить суровый взгляд чародея. Мгла вместе с ним подошла к карте, и они оба принялись изучать развитие событий на южном театре военных действий.

— Ты наметила время выступления? — спросил Браги и оглядел своих соратников. Тут уже все все знали, и Абака, судя по его виду, был готов взорваться от негодования. — Майкл, ты можешь срочно доставить сообщение в Тройес?

— Могу, если это необходимо.

— Посоветуй своим друзьям, чтобы те как можно сильнее испортили настроение лорду Хсунгу.

— Неужели вы думаете, что им нужно это советовать? — со смехом спросил Требилкок. — Вы хотите, чтобы я учил свою бабушку, с какого конца надо колоть яйца? Да им же не терпелось начать. Полагаю, что к этому времени весь средний восток уже охвачен пламенем восстания.

— А Хсунг, возможно, этого ожидал.

— Он не дурак.

— Майкл считает, что Хсунг попал в трудное положение, — сказал Браги, вернувшись к своему креслу.

Мгла улыбнулась короткой, сухой и недоброй улыбкой. Эта улыбка принадлежала императрице, а вовсе не той женщине, которая совсем недавно готовила пунш в его доме.

— Да, там были кое-какие волнения. Все они подавлены, за исключением мятежа в Тройесе. Да и тот прекратится, как только его главари будут распяты на кресте.

— Распяты? — переспросил с гримасой отвращения Рагнарсон.

— Лорд Хсунг не может допустить мягкотелости, — сказала Мгла и, немного помолчав, добавила: — Нам следует воспринимать его со всей серьезностью. Политикой он не интересуется, но...

— Я слышал, что он женат на сестре лорда Куо.

— Это не имеет никакого значения. Хсунг всегда стоит на стороне власти до тех пор, пока Совет тервола не одобрит изменений. Его лояльность зависит от результатов голосования. Лорд Хсунг — серьезный противник. Возможно, что против него нам придется использовать твоих людей.

— Где еще потребуется наша помощь?

— У нас везде достаточно сил.

— Зачем же в таком случае ты привлекла Дантиса и Мундуиллера?

— Мы думали, что нам придется прибегнуть к услугам наемников. Кто-то должен набрать людей, а купцы используют их постоянно. Ни у кого не возникнет подозрений, если синдики Делхагена вдруг решат сформировать большой караван. Особенно теперь, после того как открыт проход Савернейк.

Рагнарсон посмотрел на карту. Никаких заметных событий на фронте не произошло. Шинсанцы, ответственные за обновление картины, время от времени подсыпали красный песок.

— Мне, пожалуй, следует обсудить диспозицию с моими людьми, — сказал король. — Они остановятся в моем доме. А ты, Майкл, смотри в оба, — добавил он, обращаясь к Требилкоку. — Я не хочу, чтобы Хсунг получал отсюда письма.

— Я должен помочь Хаасу, — согласно кивая, сказал Майкл. — Здесь мне делать нечего.

— Хорошо, — ответил Рагнарсон. Он подозвал к себе Абаку, Лиакопулоса и сэра Гжердрама и распорядился: — Следите поочередно за изменениями на карте. Возможно, вам удастся заметить то, что они пропустят.

— Могу ли я задать вам вопрос, сир? — прошептал Абака.

— Валяй.

— Неужели вы доверяете этой бабе?

— А как ты думаешь? — фыркнул Рагнарсон.

Абака ухмыльнулся. Ответ его вполне удовлетворил.

В помещение ввалился Хардл. Судя по его виду, барон был безмерно изумлен.

— Что за дьявольщина? — пророкотал он.

— Мы намерены слегка кастрировать Шинсан, — сказал Браги, обнимая барона за плечи. — Собираемся сбросить Куо. Кастелян нашей твердыни Майсак отправляется домой.

— А это не очень рискованно, сир? — спросил Хардл. От изумления у него теперь слегка отвисла челюсть.

— Риск очень большой. Но подумайте о ставках! Если нам улыбнется удача, половины забот Кавелина как не бывало. Прошу извинить меня за то, что пришлось держать вас в неведении. Этого нельзя было избежать. В нашем дворце окопался шпион Хсунга. Пусть сэр Гжердрам обо всем вас подробно проинформирует. Мне очень понадобится ваша помощь.

— Но... Сир! Кто будет держать в узде Совет?

— Ничего, выдержат. Пусть поругаются немного. Надеюсь, что за неделю мы управимся. Дерел, ты идешь с нами или остаешься?

— Остаюсь, сир. Эти люди меня заинтриговали. За пределами Хэлин-Деймиеля редко можно встретить столь высокий уровень политической изощренности.

— Не сомневаюсь, — бормотал Браги, спускаясь по ступенькам. — Как-нибудь я покажу тебе, выпускник университета, такой «Хэлин-Деймиель», что ты долго не придешь в себя от изумления.

Около дома уже толпились зеваки. Дал держал их на противоположной стороне аллеи Лиенеке. Рагнарсон выб-

рал себе пару телохранителей и пошел к дому. У входа его встретила Кристен.

— Что случилось? — спросила она.

— Не могу сказать, — ответил Браги. — Но мы несколько дней будем очень заняты. Как ты думаешь, тебе удастся прокормить толпу солдат?

— В зависимости от количества.

— Я, Майкл, Дал Хаас, Лиакопулос, Дерел, барон Хардл, сэр Гжердрам и, возможно, несколько телохранителей. Не придумывай ничего особенного. Только накорми и обеспечь место для сна.

— Мне надо будет пополнить запасы и позвать кого-нибудь на подмогу.

— Обратись к комиссару и отправляйся в казармы личной гвардии короля. Тщательно выбирай себе помощников. Это должны быть люди, которые не станут задавать вопросы, не будут отвечать на вопросы и забудут все, что им случайно удастся услышать.

— Я точно знаю, кого позову, — улыбнулась Кристен.

— Догадываюсь. Ты соберешь только холостяков. Что сказал Айнджар о полученном арбалете?

— Я отобрала его у мальчишки. Он принялся стрелять из окон. Теперь Айнджар меня ненавидит до конца дней.

Браги улыбнулся. Айнджар всегда кого-нибудь ненавидел, либо до конца дней, либо на десять минут — в зависимости от того, какой срок наступал первым.

— Ты видела небо сегодня утром?

— Да. Что это было?

— Матаянга схватилась с Шинсаном.

— О... Я не думала, что это произойдет... Не верила, что у кого-нибудь хватит на это духу. Кроме вас, возможно. Имеет ли отношение к войне то, что происходит в доме Мглы?

— В некотором роде.

— Я способна понять намек. Когда вы намерены отправиться в постель?

— Я и Вартлоккур довольно скоро. В последнее время нам довелось спать очень мало.

— И что же там получилось?

— Что «что получилось»?

— Я о ребенке говорю. Какого пола дитя?

— А ты разве не видела фейерверка? Нет? Девочка. Чародей от счастья свихнулся. Младенец и мамочка чувствуют себя прекрасно.

— Они уже выбрали ей имя?

— Пока нет. Хотят выждать пару дней.

— Как все это смешно... — задумчиво произнесла Кристен.

— Что именно?

— Жизнь... Там люди убивают друг друга, а меня интересует, как Непанта и Вартлоккур собираются назвать своего ребенка. Не кажется ли вам, что с моральной стороны это выглядит просто ужасно?

— Такова жизнь, девочка. Тех людей мы не знаем, и они для нас вообще как бы не существуют. Хотя это утверждение может оказаться ложным. Если бы все желающие могли отправиться на войну, чтобы взглянуть на то, как люди убивают друг друга, боги впали бы в панику, так как им не удалось бы построить амфитеатр достаточно большой для того, чтобы вместить всех зевак.

— Вы сегодня ведете себя как-то странно, мой дорогой свекор.

— Возможно. Это все потому, что я провел слишком много времени в компании странных типов. В основном наедине с собой, — закончил он со смехом.

В его смешке не было уверенности, иногда Браги и сам удивлялся своему поведению.

Нацарапав записку квартирмейстеру своей личной гвардии, король вернулся в дом Мглы. Судя по карте, никаких изменений на театре военных действий не произошло.

ГЛАВА 13

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: НАГОТОВЕ

Ожидание превратилось в бесконечное наблюдение за пляской смерти. Армии Матаянги волна за волной накатывались на Шинсан, а Мгла продолжала твердить, что нужное время еще не настало. По улицам Форгреберга гуляли тысячи самых диких слухов, которые, просочившись в провинцию, становились еще более нелепыми.

— Сколько времени еще должно пройти для того, чтобы агент Хсунга сумел сообразить, что здесь происходит? — спросил Рагнарсон у Мглы.

— Знаю. Знаю. Очень скоро мы должны будем учитывать то, что агенту Хсунга все известно. Будь он проклят! — взорвалась она и уже более спокойно пояснила: — Я говорю о Куо. Почему он не предпринимает никаких действий?

Язык красного песка глубоко врезался на территорию Империи. Мгла получила сообщение о том, что Южная армия практически перестала существовать. В линии фронта зияла широкая прореха.

Рагнарсон испытывал огромное искушение выйти из игры. С какой стати он должен рисковать своими людьми, если Матаянга сумеет разделаться с врагом Кавелина и решить таким образом его проблемы?

Барон что-то сказал. Браги выругался и тут же принес извинение. Всем, включая короля, хотелось вырваться на свободу, но правила есть правила. Нельзя допускать даже малейшего риска утечки информации.

Ингер прислала ему по меньшей мере уже десяток записок. Браги не ответил. Тон последнего послания супруги оказался весьма суровым.

— Еще пятьдесят часов, — сказала Мгла. — Если лорд Куо не выступит, то выступаю я.

— В потемках?

— Пусть даже в потемках. Я уже почти не в силах держать под контролем своих людей. Если хоть один из них дезертирует, все остальные немедленно разбегутся. Потребуется по меньшей мере десять лет, чтобы собрать их заново.

Дантис с трудом скрывал свою душевную боль.

— Час поздний, — сказал Рагнарсон. — Я намерен немного поспать.

Когда он был уже в дверях, Дал Хаас сказал:

— Сир, не могли бы вы напомнить капитану Требилкоку, что он должен был сменить меня полтора часа назад?

— Хорошо. И скажу сэру Гжердраму, что тот уже давно должен был явиться на смену генералу Лиакопулосу.

Он переходил через аллею, сердито ворча себе под нос. Кристен притащила в дом своих подружек, после чего Гжер-

драм, Майкл и Дал стали манкировать своими обязанностями.

Плюнув на пыльную дорогу, Браги пробормотал:

— А мне уж точно Ингер не хватает.

Интересно, почему у него не было таких настроений, когда они разошлись по разным покоям во дворце?

Противоречивость человеческой натуры, решил Рагнарсон. Всего месяц назад он страдал от того, что его перестали интересовать женщины, теперь же сходит с ума при одной мысли об Ингер и Ширили.

Он поддел ногой гальку. Та ударилась о булыжник, взвилась вверх, и Браги поймал ее на лету.

— Отличная реакция, старикан, — сказал он.

Рагнарсон очень серьезно зациклился на Ширили и столь же серьезно пытался уговорить себя выкинуть девчонку из головы. Кристен вот уже целую неделю не имела никаких вестей от своей подруги.

Увидев довольно далеко от себя дерево, он прицелился и бросил в него камень. Снаряд ударился о землю, не долетев до цели.

— Можно было бы бросить и поточнее, — проворчал он. Набрал пригоршню камешков и вскоре обнаружил, что рука его совсем не та, что была лет двадцать назад. Поняв это, он пригорюнился, припомнив все возможности, упущенные за эти годы.

Перечень его побед оказался довольно длинным, но он, естественно, не включал тех женщин, которых ему было просто лень тащить в постель. В последнее время он стал все чаще и чаще мучиться, вспоминая об упущенных возможностях.

Дерел заявил, что это всего лишь проявление очередного возрастного цикла. Большинство мужчин испытывают подобные переживания, сказал он. А Вартлоккур утверждал, что период этот никогда не кончается. За четыре сотни лет своей жизни он тысячу раз клялся, что очередную возможность ни за что не упустит, и тут же забывал о своей клятве. Проблема состоит в том, что мужчина редко способен оценить открывающуюся перед ним перспективу до того, как она успеет исчезнуть.

В локтевом суставе что-то щелкнуло, и Рагнарсон ощутил тупую боль. Очередной камень полетел в никуда.

— Будь я проклят! — рявкнул он, поднял еще одну гальку и, тщательно прицелившись, метнул не только рукой, но и движением всего тела. В то же мгновение ему показалось, что рука полетела вслед за камнем.

И все-таки он попал в это проклятое дерево. Скользящий удар. На восемь футов выше точки, в которую метил... Но все же попал.

— Как это ни печально, но приходится признать, что прошлого не вернуть. Жаль, что нам отпущено так мало времени. — Он ударил ногой по очередному камешку, и тот отлетел на десять футов в сторону. — Как хорошо было бы прожить четыре или пять жизней, строя их каждый раз по-новому.

Не слишком ли сильно занимают его проблемы жизни и смерти? Ему предстоит еще много лет интересной жизни, и надо думать не о прожитом времени, а о том, как с наибольшей пользой провести предстоящие годы.

— Нытьем, Рагнарсон, ты свое прошлое не вернешь.

Майкл сидел рядом с Джулией на ступеньках у входа. Молодые люди очень потешно, с точки зрения Браги, пялились друг на друга.

— Требилкок! — рявкнул Рагнарсон. — Приди в себя! Ты уже опоздал на дежурство.

Майкл вскочил на ноги с видом ребенка, которого застали за неблаговидным занятием.

— Прошу прощения, сир. Такое больше не повторится.

Дверь ему открыла Кристен.

— Увидела, что вы идете, — сказала она. — Мне кажется, что вы немного сердиты. Я не ошибаюсь?

— Нет. Я начинаю беспокоиться.

— Никакого продвижения?

— Ни на шаг. Где Гжердрам? Он тоже опоздал.

— В буфетной. Он там вместе с Тилде.

— Я примерно все себе так и представлял. Ты выбрала себе отличных подруг. Они умеют забросить крючок, не так ли?

— Похоже на то, — осмелившись на улыбку, ответила Кристен. — Я тоже могла бы приударить за Дерелом. — Из глаз ее вдруг полились слезы, и она закрыла лицо ладонями.

— Эй! В чем дело?

— Вечная подружка невесты, но не невеста...

— Неужели одна из них увела у тебя парня, на которого ты положила глаз?

— Нет... Правда нет. Они все — не мой тип. Меня просто огорчает общее положение. Мои подруги обзаводятся друзьями, а я все выступаю в роли зрительницы.

— Ничего. Немного терпения, и твой день тоже придет.

— Только этим я себя и утешаю. Вы будете ужинать?

— Вообще-то я не против того, чтобы перекусить. Но прежде всего мне хочется выспаться.

— Поднимайтесь к себе. Я пришлю вам ужин.

— Я мог бы поесть и на кухне.

— Там полным-полно гвардейцев. Судя по вашему виду, их общество вам удовольствия не доставит.

— Ты права. Теперь посмотрим, хватит ли мне силенок влезть на третий этаж.

— Не желаете ли носилки?

— Болтушка!

Браги поселился в комнате, которая когда-то принадлежала его брату Хаакену. Кристен вначале хотела поместить его в бывшую семейную спальню. Он отказался и ограничился лишь тем, что посмотрел на комнату с порога. С того времени, когда здесь нашла свою смерть Элана, помещение совершенно изменилось.

Во всем доме лишь комната Хаакена осталась единственной, в которой не бродили призраки. Брат очень редко, от случая к случаю навещал ее. Хаакен командовал Форгребергским полком и считал своим домом городские казармы.

Это была крошечная комнатушка семь на десять футов. Узкая койка приютилась под окном, у стены стоял небольшой стол и рядом с ним стул. Хаакен использовал стол и для еды и для работы. Сейчас на столе находилось несколько предметов, напоминавших о прошлом. Среди этих пред-

метов самым дорогим для них была шкатулка, которую дала им мама перед их бегством из Троллединги. Браги открыл шкатулку. Там до сих пор хранился локон материнских волос. Где сейчас Хельга? Наверное, давным-давно умерла. Браги вдруг почувствовал себя немного виноватым. За все эти годы ему следовало хотя бы разок побывать дома, чтобы посмотреть, как там обстоят дела.

Рагнарсон захлопнул шкатулку, рухнул на постель и стал вспоминать. Вспомнить ему было о чем — ведь прошло так много лет.

Чуть ли не в полусне он припомнил о трудных временах, наступивших после войн Эль Мюрида. Он, Насмешник и Гарун прозакладывали бы в то время свои души за сотую долю того, чем он владеет сейчас. Они тогда едва их — эти души — не продали даже за меньшую сумму. Если бы кто-то из богов в то время поведал Браги, что тот станет королем, он бы умер от смеха. Смех этот, правда, был бы очень печальным.

Однако сейчас он менее счастлив, чем тогда. Ну разве это не смешно?

Послышался робкий, неуверенный стук в дверь.

— Вносите, — пробормотал Браги. Заскрипели петли, дверь открылась и тут же закрылась вновь. — Поставьте еду на стол.

Раздался звук шагов. Тук-тук.

Он, Насмешник и Гарун. Непобедимая троица. Храбрецы, способные на любую глупость. Неразлучные товарищи, доверявшие друг другу не больше, чем карлик, стоящий у ноги рассерженного слона, доверяет этому гиганту. У них были счастливые моменты, и они не испытывали сомнений, убивая стоящих на их пути.

«Кажется, я наконец понял, чего мне не хватает, — подумал он. — Отсутствия серьезных забот. Свободы от всякого рода ответственности».

Звука удаляющихся шагов он не услышал...

Браги повернулся в кровати быстро, как кошка. В руке короля появился кинжал. Он сжался, чтобы мгновенно выпрыгнуть из постели и нанести удар...

Ширили пятилась к двери, прижав ладошку к губам.

— Ха! — бросил он. — Такие фокусы, девочка, плохо действуют на психику мужчин.

Браги взял кинжал за кончик лезвия и с силой метнул. Клинок вонзился в дверную раму.

— Что ты здесь делаешь?

— Я принесла вам ужин. Крис сказала, что вы проголодались.

Девушка стала белее мела, и ее била неукротимая дрожь.

— Прости. Я вовсе не хотел тебя испугать. Садись. Что ты мне принесла?

— Курицу, — пискнула Ширили, голоском таким же тонким, как и она сама.

— Мог и сам догадаться. Курица. Похоже, что во всем этом погрязшем в невежестве королевстве не водится ни свиней, ни быков. А все овцы, видимо, вымерли зимой. Я за этот месяц слопал столько кур, что ими можно было бы заселить четыре хороших курятника.

— Я могу принести что-нибудь другое, — сказала Ширили, на мгновение встретившись с ним взглядом.

— Нет, не можешь. Одного путешествия по этим ступеням более чем достаточно. Мы не видели тебя целую неделю.

Она удивленно посмотрела на свои руки и, только сейчас поняв, что ломает пальцы.

— Я не могла прийти. У меня были дела.

— Но сейчас ты здесь.

Ширили снова посмотрела ему в глаза, нервно улыбнулась и закусила нижнюю губу. Затем она молча кивнула. Возникшее между ними напряжение, которое вначале было размером с мотылька, уже достигло размеров большой хищной птицы.

Лишь одна тема показалась Браги достаточно безопасной.

— Ты не голодна? — спросил он. — Я мог бы с тобой поделиться.

Беседа о погоде представлялась ему уже верхом идиотизма.

— Что? Нет, не голодна, — ответила девушка и сняла с подноса покрывало.

Под тарелками с яствами и многочисленными бутылками самого подноса видно не было.

— Ужин собирала Крис. Я не видела, что принесла.

— Похоже, что она весьма высокого мнения о моем аппетите.

И в этот момент Ширили произнесла с некоторой долей кокетства:

— А может быть, она рассчитывала на то, что я не вернусь?

— Возможно.

Он выбрал куриную ножку и внимательно ее осмотрел. Ширили сделала вид, что тоже заинтересовалась курочкой.

— Ну как? Я ухожу? — произнесла она голосом, который снова почему-то стал похожим на писк.

— Ну как? Ты остаешься? — почти одновременно с ней прохрипел Браги.

— Цыплята остынут.

— Ну и пусть себе стынут, — ответил он, возвращая ножку на тарелку. — Тебя это волнует?

— Нет. Холодные мне иногда даже больше нравятся.

Медленно, очень медленно Браги протянул ей руку, а она неуверенно поднялась со стула. Девушка опять закусила нижнюю губу и делала все, чтобы не встретиться с ним взглядом. Когда их пальцы соприкоснулись, лицо ее залилось краской.

Браги знал, что это будет фейерверк. Тот неистовый огонь, который вспыхивал, когда он был с Фианой. Рагнарсон знал, что может дотла сгореть в этом пламени, но это его совершенно не тревожило.

Стук в дверь не прекращался, и чей-то голос не переставал повторять: «Отец! Проснитесь!»

Браги простонал и приоткрыл глаза. Сквозь занавеси пробивался свет. Неужели они проспали так долго? Рагнарсон отбросил занавеску в сторону.

Восток снова пылал. В небе над хребтом М'Ханд сверкали зловещие желтые и зеленые всполохи с каким-то кроваво-красным оттенком.

Осторожно, чтобы не разбудить спящую Ширили, он вылез из постели и подошел к дверям.

— Кто там?

— Кристен.

Браги чуть-чуть приоткрыл дверь.

— Вы видели небо? — спросила она.

— Только что. Все началось снова.

По правде говоря, Рагнарсон к этому был готов. Пора отправляться к Мгле, забыв об этой идиллии.

— Вы ведь этого и ждали?

— В некотором роде.

— Я так и думала. Поэтому и поднялась сюда.

— От Мглы что-нибудь слышно?

— Пока нет.

— Мне надо одеться, — сказал он, начиная натягивать штаны. — А ты почему на ногах в такой поздний час?

— Не могла уснуть. Наверное, совесть замучила.

Понятно. Ее постоянное поддразнивание и шутливое сватовство перестали быть только игрой.

— «И да искупят грешники грехи свои». Это сказал не я, а Эль Мюрид. Иногда ему удавалось изрекать подлинные жемчужины высокой мудрости.

Кристен все поняла. Влезая в легкую кольчугу, которую он носил почти постоянно, Браги думал: эта юная леди видит меня насквозь — совсем как когда-то Элана. Неужели немного ведьма? Рагнару очень повезло, что он женился на такой женщине.

Браги опоясался мечом. Теперь король был готов полностью.

Он взглянул на нежное личико, на котором играли зловещие оранжевые отблески, нагнулся и прикоснулся к нему губами.

— Это было прекрасно, малышка, — сказал Рагнарсон и посмотрел в окно. В небе на фоне желто-зеленого зарева то и дело вспыхивали ярко-красные молнии. — Но что я мог дать тебе? — прошептал он, погладил девушку по щеке и направился к двери.

— Еще кто-нибудь бодрствует? — спросил Браги, выйдя в коридор.

— Тишина, как на кладбище.

Стараясь не шуметь, они спустились вниз. Кристен была права. Никакого движения. Когда они вышли на веранду, Кристен сказала:

— Не беспокойтесь о Ширили. Хорошо? Она поступила так, как хотела.

— Что ты имеешь в виду?

— Я вас хорошо знаю. Вы будете испытывать чувство вины. Станете упрекать себя за то, что поддались соблазну и воспользовались слабостью глупой, маленькой девочки. Или что-то в этом духе. Не мучайте себя. Займитесь своими делами. И возвращайтесь, когда сможете. Она будет вас ждать.

Когда Рагнарсон уже спускался по ступеням, Кристен пробормотала:

— Она получила то, что хотела, отец. Если бы вы знали, как я ей завидую.

Возвратившись в дом, Кристен, сама попыталась осмыслить, что хотела этим сказать.

Улица просыпалась. Люди выходили из домов, чтобы взглянуть на игру разноцветного пламени в ночном небе. Рагнарсон быстро шел по аллее, глядя вверх через плечо, и Дерел Пратаксис выжил каким-то чудом, когда король с ним столкнулся.

— Сир... Очень хорошо. Меня к вам направила принцесса. Значит, вы все видели сами?

— Это было трудно не заметить, Дерел. Сияние гораздо ярче, чем на прошлой неделе. Я дивлюсь тому, что земля еще не дрожит. Неужто началось? Неужели Куо выполз из своей норы?

— Во всяком случае, она так утверждает, — сказал Пратаксис, незаметно оглядевшись по сторонам.

— Ищешь шпионов по кустам? — поинтересовался Рагнарсон.

— Полковник Абака приводит в готовность штурмовые отряды, сир. Они собираются в парке.

— Прекрасно. Ты не знаешь, удалось ли ей восстановить связь со своими людьми в стане Куо?

— Вам лучше спросить у нее, сир. Мне известно лишь то, что принцесса вступала в краткий контакт с Восточной армией.

— Что происходит на востоке?

— Не знаю, сир. Могу лишь сказать, сир, что это ее страшно беспокоит. Вартлоккур же заметно подавлен событиями на востоке.

Когда они подошли к дому Мглы, Рагнарсон распорядился:

— Скажи Кристен, чтобы она разбудила и накормила людей.

— Я как раз хотел это предложить, сир.

— Неужели началось? — спросил Рагнарсон у Мглы, входя в зал.

— Куо контратакует, — восторженно произнесла та. Принцесса была так счастлива, что можно было подумать, будто она сама давно втайне готовила это наступление.

Напряжение, в котором Мгла находилась в последние дни, казалось, совсем оставило ее. Такой расслабленной Рагнарсон волшебницу давно не видел. Он перевел взгляд на Арала Дантиса. Полусонный, расслабленный Арал всем своим видом выражал удовлетворение. Ах вон оно что!

Рагнарсон сразу стал чувствовать себя более вольготно в присутствии этой женщины. Его радовало, что она способна поддаваться эмоциям. Браги никогда полностью не доверял людям, которые в любых обстоятельствах сохраняли самообладание. Подобные люди без всяких угрызений совести готовы ради мимолетной выгоды изменить свои позиции. Именно поэтому он иногда ощущал некоторый дискомфорт, находясь в обществе Майкла. А также и с Ингер, которая оставалась Снежной королевой до тех пор, пока сознательно не решала изменить линию поведения.

— Когда вступаем?

— Надо получить дополнительную информацию. Но думаю, что сегодня. Только чуть позже.

Рагнарсон обошел тервола, воссоздающего на карте контрудар лорда Куо, и посмотрел на дальний конец стола. Вартлоккур внимательно изучал восточную часть карты, и Браги решил, что чародей сейчас готов рассказать все.

— Что там происходит? — спросил он.

— До конца мы так этого и не знаем, — немного подумав, ответил маг.

— Чем ты так заинтересовался?

— Северная и Восточная армии заявили, что готовы поддержать Мглу. Но сейчас они слишком заняты борьбой с Избавителем и реальной помощи оказать не способны.

— С Избавителем?

— Да. Избавитель почти полностью истребил Восточную армию. Северная теперь пытается закрыть брешь.

— У тебя к Избавителю имеется какой-то личный интерес? — спросил Браги, осмелившись наконец взглянуть прямо в глаза чародею.

Вартлоккур утвердительно кивнул. Он всегда умел контролировать себя, но сейчас весь вид мага просто кричал о том, что в его душе происходит сильнейшая внутренняя борьба.

— Итак?

— Это Этриан. Он где-то там.

— Значит, он жив?

Браги делал вид, что не разговаривал на эту тему с Мглой, а чародей показывал своим видом, что ничего об этой беседе не знает. Рагнарсона такое положение вполне устраивало.

— Интуиция мне подсказывает, что это так. Но до конца я все-таки не уверен. В любом случае это не тот Этриан, которого мы знали.

— Но для Непанты это большая радость. Вначале родилась дочь, затем нашелся давно исчезнувший сын...

— Если то, что я ощущаю, — Этриан, то она не захочет его возвращения.

— Вот даже как... — произнес Браги. Таким мрачным видеть Вартлоккура ему еще не доводилось. — Но почему?

— Я хочу чтобы ты мне кое-что обещал. Поклянись, что в том случае, если мои опасения оправдаются, ты забудешь, что слышал его имя из моих уст. Непанта и без того слишком много страдала.

— Но...

— Я не хочу причинять ей боль. Непанта не переживет, узнав, что ее сын превратился в чудовище. Я готов на все ради того, чтобы избавить жену от новых страданий.

— Но...

— Я для нее пойду на все. Если ты проговоришься, то можешь навсегда забыть о моей помощи.

— Полегче, приятель, полегче... У меня нет никаких намерений ей что-либо говорить. Думаю, что ты заблуждаешься, но трубить о твоих открытиях я не стану.

— Прости меня. Я напуган и страшно беспокоюсь, а обидеть тебя вовсе не хотел. Просто мне не хочется, чтобы она волновалась.

Вскоре к дому Мглы начали подтягиваться обитатели дома Кристен. Некоторые из них принесли с собой свой завтрак.

Все еще сонный Майкл Требилкок отозвал Браги в сторону.

— Сообщение, сир.

— В чем дело, Майкл?

— Мои люди докладывают, что лорд Хсунг истребил повстанцев Тройеса. «С корнем истребил». Такое словосочетание употребил мой агент. Заодно Хсунг интернировал и наших караванщиков. Заявляет, что те тайно доставляли оружие мятежникам.

— Это действительно так?

— Маловероятно. Медовый месяц в наших отношениях только начался, и время нарушать договор еще не пришло. Он просто хочет вытянуть из нас какие-нибудь уступки.

— Вот мерзавец! И что же мы можем сделать?

— Очень немного. Но вообще-то я думаю, что нам не стоит и пытаться что-то предпринимать. Скорее всего он хочет нас предупредить, чтобы мы не очень дергались, пока идет война с Матаянгой. Через несколько недель Хсунг их просто отпустит.

— Не создадим ли мы им новых трудностей, если выступим в поддержку Мглы?

— Но отступать нам уже поздно. Разве не так?

— Думаю, что поздновато...

За дверью послышался какой-то шум, тут же в зал ворвался Гжердрам и с негодованием объявил:

— Сир, три человека только что пытались меня убить! Прямо перед вашим домом.

— Ты не пострадал?

— Нет. Двоих мы уложили, а третий убежал.

— Хорошо. Успокойся и рассказывай, — сказал Браги, жестом пригласил Вартлоккура подойти ближе и добавил: — Думаю, что Нерожденный может поискать того, кто скрылся.

— Во всяком случае, может попытаться.

Гжердрам мало что мог добавить. В сопровождении телохранителя он вышел из дома. Убийцы выскочили из-за кустов. Двое из них были сразу же убиты, а третий убежал.

— В каком направлении? — спросил Вартлоккур.

— В сторону города.

Чародей сосредоточился, а Рагнарсон, погрузившись в кресло, стал изучать карту.

Через разрыв, возникший в линии обороны Южной армии, в глубину Шинсана протянулась длинная красная рука. В реальной жизни эта конечность состояла из тысяч и тысяч матаянгцев, и лорд Куо вознамерился ампутировать ее у самого основания. В случае его успеха значительная часть армии Матаянги окажется в окружении на территории врага.

Рагнарсон подозвал к себе Абаку и спросил:

— Как ты считаешь, Креденс, успеют ли они убраться оттуда?

— Слишком рано делать выводы, сир, — ответил полковник и, перейдя на шепот, спросил: — Разве нам не следовало бы поддерживать Матаянгу? Может быть, нам стоит что-нибудь для них сделать?

— В некотором роде мы уже им помогаем, оттягивая на себя Западную армию, — ответил Рагнарсон. — Матаянга не сможет победить. В конечном итоге, я хочу сказать. Шинсан слишком велик. Я хочу лишь того, чтобы Империя — или то, что от нее останется, — была по отношению к нам более дружелюбной.

Абака скептически покосился на Мглу. Полковник не верил, что смена правителей ведет к изменениям в политике.

— Рейдачар преследует убийцу, — сказал Вартлоккур. — Тот торопится в город. Судя по всему, он ранен.

— Гжердрам, тебе удалось ранить третьего?

— Не знаю. Все случилось так быстро.

— Похоже, что от Нората им пользы немного, — заметил Браги, обращаясь к Вартлоккуру. — Три провала подряд. Похоже, что кто-то задымится от злости.

— Нам остается надеяться, что этот кто-то совершит большую глупость и тем самым себя выдаст.

Браги смотрел на карту до тех пор, пока ему не надоело отслеживать едва заметные изменения. В итоге он отправился в парк, где собирались штурмовые отряды.

— Дал, — распорядился король, — разгони зевак и пришли ко мне на инструктаж всех сержантов, как только те немного освободятся.

Инструктаж позволил ему убить еще два часа.

Итак, он стал на два часа ближе... К чему? Решению самой главной проблемы Кавелина?

Перед его мысленным взором то и дело возникало личико в обрамлении светлых волос. Наполненная жестокой реальностью ночь не смогла усмирить его воображение. Даже в прошлые времена подобное состояние после встречи с женщиной у него случалось крайне редко. Браги желал Ширили жаднее, чем до свидания. Она была нужна ему немедленно. Желание оказалось настолько нестерпимым, что он двинулся по аллее к своему дому.

— Сир! — донесся до него голос Пратаксиса. — Сир! Кастелян Майсака желает вас видеть.

— Ну и ревнивая же ты сучка, Кавелин, — вздохнул Браги и побрел назад в зал, где находилась так надоевшая ему карта.

Мгла первым делом показала ему на клещи, готовые сомкнуться у основания проникшей в тело Империи руки матаянгцев.

— Мы выступим, когда до полного окружения врага войскам Империи останется пройти десять миль. Это произойдет через четыре часа. От тебя нам потребуется три штурмовых отряда. Большинство присутствующих здесь тервола будут сопровождать твоих людей, чтобы оказать им необходимую поддержку.

Повелительный тон, которым были произнесены эти слова, рассердил Браги.

— Здесь ты еще не номер один, — сказал он. — До тех пор пока не осядет пыль, ты остаешься кастеляном крепости Майсак.

Он посмотрел на Вартлоккура. Тот со снисходительно-ласковым видом взирал на короля и принцессу.

«Будь я проклят, — подумал он. — До чего же мне надоело от него зависеть. Но если я его потеряю, то волки тут же разорвут меня на куски». Вслух же Браги произнес:

— Абака, ты не хочешь повести один из штурмовых отрядов?

— Буду счастлив, сир!

— Итак, мы укомплектовали два. Кто возглавит третий?

— Как два, сир? — спросил Пратаксис, лихорадочно все записывая и бормоча проклятия, когда из-под усталого пера разлетались брызги чернил.

— Один беру я.

— Сир!!

— Побереги дыхание, Дерел. Я наперед знаю все твои аргументы. Абака, кто, по-твоему, здесь самый лучший?

Абака в раздумье пожевал губами.

Сэр Гжердрам тут же предложил свою кандидатуру.

— Только не ты, — сказал Рагнарсон. — Я беру с собой Вартлоккура и Дерела, и это означает, что ты остаешься здесь, дабы обеспечить честную игру со стороны наших союзников. И не вы, генерал, — бросил он Лиакопулосу. — Кто-то должен руководить армией, пока Гжердрам будет командовать страной.

— Проклятие! — запротестовал Гжердрам. — Вы делаете так каждый раз...

— Это цена, которую тебе приходится платить за мое доверие. Поэтому заткнись. Итак, я тебя слушаю, Креденс.

— Может быть, капитан Хаас? — с едва заметной улыбкой произнес Абака.

Отношения, сложившиеся между полковником и Далом Хаасом, вряд ли можно было назвать теплыми. Рагнарсон подозревал, что, предлагая Хааса в командиры, Абака на-

деялся на то, что адъютант короля проявит свою полную некомпетентность.

— Для меня это была бы огромная честь, сир, — сказал Майкл, проложив себе путь между стоящими плечом к плечу Гжердрамом и Лиакопулосом. — Позвольте только мне прихватить с собой старого дружка Арала.

В этот момент Рагнарсон заметил толстую лапу, поднявшуюся из задних рядов окружающих его людей. Ну наконец-то, ухмыльнулся он про себя. Назначение командиром барона Хардла с политической точки зрения было наилучшим вариантом. Теперь короля с флангов будут охранять офицеры, принадлежащие к диаметрально противоположным социальным группам. Браги обожал броские трюки.

— Дорогу барону Хардлу, господа! — провозгласил король. — Барон, я с благодарностью принимаю ваше предложение. Вы поведете третий штурмовой отряд.

Барон, казалось, был в замешательстве. Он никак не ожидал, что его предложение будет принято всерьез.

Абака что-то проворчал. Рагнарсон улыбнулся. Он знал, что полковник ворчит по любому поводу.

— Он — настоящий лидер, Креденс. Припомни.

— Догадываюсь. Нравится мне это или нет. Он спас мою задницу во время битвы на Бродах. Я с ним как-нибудь уживусь, если только он уживется со мной.

Расслышав последние слова, Хардл несколько растерянно протянул руку Абаке.

Браги обменялся взглядами с Пратаксисом. Последний был так счастлив, что у него на глазах выступили слезы. Еще бы! Он понимал глубочайшее значение происходящего. Это был символ! Его идеалы наконец пустили корни в дикой стране. Нордмен и Марена Димура пожимают друг другу руки. Не имеет значения то, что эти люди пока и не понимают, какой огромный путь им пришлось пройти, чтобы решиться на этот внешне незаметный жест.

Рагнарсон внимательно посмотрел на барона. Тот вдруг утратил свой вечный вид толстого коротышки-неудачника. В нем появилось величие и какое-то новое уважение к себе.

Его класс почти полностью потерял и то и другое, защищая неправое дело во время гражданской войны.

— Давайте еще раз подумаем, в чем больше всего нуждаются наши друзья.

Перед Браги снова промелькнул образ прекрасной блондинки, но он усилием воли отогнал его прочь. Видение исчезло, но вопрос остался. Сможет ли он снова испытать счастье, или его кости останутся лежать во враждебной стране?

Рагнарсона мучили нехорошие предчувствия. Предсказания Вартлоккура мало что значили. Браги знал, что и чародеи иногда ошибаются.

ГЛАВА 14

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ТУДА И ОБРАТНО

Какой-то солдат врезался ему в спину. Рагнарсон, едва не потеряв равновесие, столкнулся с тервола. Тервола выхватил меч и начал нашептывать заклинание. Вокруг царил хаос. Магические силы, сорвавшись с цепи, разили без разбора как своих, так и чужих.

Однако, несмотря ни на что, уже через четверть часа почти все было кончено. Барон Хардл доложил, что решил все поставленные перед ним задачи. Лишь Креденс Абака попал в трудное положение. Он оказался в помещении того штаба, где в данный момент находился сам лорд Куо. Сопротивление там оказалось гораздо серьезнее, чем в других местах.

— Быстро туда, пока они не успели закрыть тоннели перехода! — рявкнул Браги и повел своих людей в портал. Следом за ними через тоннель пошел и отряд барона Хардла.

В течение следующих тридцати минут Браги слышал лишь звон стали о сталь, звук ударов от сталкивающихся щитов и душераздирающие вопли, когда вызванные заклятиями магические силы настигали свою цель. Рагнарсон уже начал терять силы, сражаясь с каким-то превосходным бойцом, как вдруг лорд Чьен (наиболее приближенный ко Мгле

тервола) объявил о капитуляции врага, тем самым положив конец схватке.

Все было кончено. Переворот увенчался полным успехом. Лорд Куо Вен-чин оставил трон, и его место заняла новая правительница — друг Кавелина.

Браги обозрел ряды своих бойцов. Какой страшной ценой досталась ему эта победа. Потеряна почти треть людей. Остальные ранены. Да и сам король получил несколько неглубоких ран.

К нему, салютуя окровавленным мечом, подошел барон Хардл. На физиономии барона сияла улыбка, а на теле, если судить по тому, как он ковылял, было немало ушибов.

— Клянусь богами, сир. Мы сделали это! Мы это сделали!

— Совершенно верно, барон. Мы преуспели. А где полковник Абака?

— Неужели контратака? — побледнев, произнес барон. — Да... Точно. А Креденс — вон в том углу.

Из неохраняемого портала стали появляться тервола, и сражение возобновилось с новой силой. Заклинания столкнулись с заклинаниями. Сталь ударила о сталь.

— Они из Западной армии, — выкрикнул какой-то союзник Браги.

Какая Западная армия, подумал Рагнарсон. Предполагалось, что Мгла ее полностью нейтрализует.

Контратака захлебнулась.

— Похоже, что наш успех не столь велик, как мы считали, — раздался знакомый голос.

Браги оглянулся. За его спиной стоял Вартлоккур.

— Но почему же?

— Лорд Хсунг сумел вновь захватить два других штабных помещения.

— Проклятие! Опять потери!

— Как все у них удачно получилось. Попахивает ловушкой. Лорд Хсунг заранее знал о нашем появлении.

— Я же говорил тебе, что во дворце засел предатель!

— По счастью, Хсунг не удосужился вовремя предупредить лорда Куо. Убираемся отсюда. В нашей помощи необходимости больше нет.

— Это почему же? — изумился Браги.

— Я открыл тоннель перехода в Кавелин.

— Да, теперь я тебя понял. Дерел, начинай эвакуацию раненых через эту крысиную нору. Вартлоккур, ты успел осмотреть Креденса? Как он?

— Не очень. Я сделал все, что мог, но ничего нельзя гарантировать.

Браги огляделся по сторонам. Захваченные в плен тервола уже были амнистированы и отправлялись в зону военных действий. Жаль, что дома нет таких же обычаев. Там всех изменников обязательно ждет виселица. А почему, собственно, это его так волнует?

— Сир!

— Да... Ах, это вы, барон? В чем дело?

— Операция в целом закончилась успешно, за исключением тех объектов, где вмешался лорд Хсунг. Лорд Куо свергнут. Не исключено, что убит. Совет тервола объявит о своей позиции, как только стабилизируется положение на южном фронте. Мгла ведет переговоры с лордом Хсунгом.

— Лорд Чьен это знает?

— Пока нет.

— Ничего ему не сообщайте. Как только он об этом узнает, так тотчас закует в цепи. Убираемся отсюда.

Поймав взгляд Пратаксиса, Браги поднял кулак. Это был боевой сигнал, означавший, что следует поторопиться. Дерел понимающе кивнул. Тервола не обратили на их жестикуляцию никакого внимания. Они были погружены в собственные заботы. Матаянга, воспользовавшись мятежом, сумела улучшить свои позиции сразу в нескольких местах.

— Как вы считаете, барон, мы заслужили того, чтобы в нашу честь сложили песнь?

— Не совсем вас понял, сир.

— Очень просто, барон. Крошечному королевству не по вкусу правитель огромной Империи, и королевство меняет правителя.

— Пусть ваш ручной деймиелец занесет эти слова в свои скрижали. Тогда жители побережья, возможно, в эти сказки и поверят. Мы же с вами знаем, что они нас просто использовали.

В бароне снова стал проявляться политик. В качестве командира Хардл нравился Браги гораздо больше.

— Но мы тоже их использовали в своих целях, — заметил Рагнарсон.

— Сомневаюсь, сир. Вы слишком доверчивы. Кастелян Майсака была вашим другом. Теперь же вы будете иметь дело с владыкой Шинсана.

— Ее судьба пока еще в моих руках, — ответил Браги и направился к порталу. — Я возвращаюсь, Дерел. Вартлоккур уходит со мной. Выводи людей как можно быстрее.

Когда Рагнарсон появился в зале, Мгла вела горячий спор с незнакомыми ему тервола. Подозвав к себе Дала Хааса, король негромко распорядился:

— Дал, собери несколько лучших бойцов и приведи их сюда.

Затем он оглядел зал. Его сторонников там почти не осталось... Стол с картой исчез, и пол на том месте, где он стоял, был занят ранеными.

— Я вызвал Рейдачара, — подойдя к Браги, шепнул Вартлоккур.

— Отлично.

Наконец Мгла их увидела. На лице ее промелькнуло удивление.

— Барон был прав, — пробормотал Браги и, послав пару оставшихся гвардейцев на охрану портала, сказал Вартлоккуру: — У меня складывается такое впечатление, что нас здесь не ждали.

Мгла бросила несколько слов своим собеседникам и подошла к ним.

— Я вижу, что вы вернулись.

— К сожалению, не все. Очень много людей погибло. Хсунг устроил нам ловушку, и она почти сработала.

— Мои люди тоже понесли большие потери. Хитрец, который вас едва не остановил, хочет с тобой поговорить.

— Хсунг?

— Лорд Хсунг.

— Ваше словечко «лорд», Мгла, для меня ни хрена не значит. И не воспринимай себя слишком серьезно. Во всяком случае, на моей территории.

— Да, конечно. Прости меня. Это был очень напряженный день.

К ним подошел лорд Хсунг и представился королю.

— Значит, все-таки сумели сохранить свой пост? — спросил Рагнарсон. — По-прежнему будете возглавлять оккупационный режим?

— Ее высочество принцесса милостиво доверила мне управление западными провинциями Империи.

— Следовательно, вы будете гадить мне, как и прежде, не так ли? — Лорд Хсунг окаменел, однако Рагнарсон никак на это не отреагировал. — Настало мое время немного выкрутить вам руки. Я не стану рыдать по поводу Хаммад-аль-Накира. Не стану я ныть и из-за того, что вы посадили шпиона в моем дворце. Все это, как я понимаю, часть игры. Но мне не нравится, как вы поступили с моими караванщиками. Очень не нравится.

За спиной Рагнарсона послышался звон разбитого стекла, а по его спине пополз холодок. Явилась подмога в виде Нерожденного, который ничтоже сумняшеся проломил одно из плотно закрытых окон.

— Ты знаешь сколько стоит хорошее стекло?! — взвизгнула Мгла. — И не забывай, что мы все еще на одной стороне баррикад.

— Прежде всего мы не должны забывать одну простую истину, — вмешался Вартлоккур. — Конечно, это трудно доказать, но я убежден в том, что короля и меня здесь никто не ждал. Ты была уверена, что мы не вернемся из рейда.

— Я становлюсь крайне неприятным человеком, когда мне начинают наступать на горло, — сказал Браги. — Некоторое время тебе придется побыть гостьей Короны.

— Как долго? Ведь мы ведем две отчаянные войны, — упавшим голосом произнесла Мгла. Со стороны могло показаться, что из правительницы Шинсана вдруг выпустили весь воздух.

— Две?

— Да. Я имею в виду те битвы на востоке.

— Ваши проблемы меня не колышут. Чем сильнее вас выпорют, тем больше груза свалится с моих плеч.

— У этого Избавителя — кошмарные планы, Браги. Он ненавидит весь мир...

Вартлоккур поднял руку, чтобы остановить Мглу. Но почему? Почему чародей вдруг так страшно побледнел?

Мгла отвела Рагнарсона в сторону и продолжила:

— У меня не было иного выбора, Браги. Ты просто не понимаешь, что значит твое имя для тех тервола, которые сумели пережить Великие Восточные Войны. Они требуют твоей головы. Я устроила весьма простую ловушку, надеясь, что твоя знаменитая удача от тебя не отвернется. Так и получилось. Ведь все мы получили то, что хотели. Разве не так? Неужели мы не можем остаться друзьями?

— Хорошо, останемся, — сказал он, а про себя подумал: «Этого я тебе никогда не забуду. Придет и мой черед». — Но не пытайся меня надуть. Я прошу лишь того, чтобы между нами никогда не оставалось ничего недосказанного. Если ты станешь вести двойную игру, я изыщу способ причинить тебе большие неприятности. Интересно, что ему надо?

Вартлоккур возбужденно размахивал руками, посылая Браги какие-то сигналы.

— Рейдачар взял его! — прокричал он, не став дожидаться, когда к нему подойдет король.

— Кого?

— Того, кого мы ищем. Он следовал за убийцей, и установил, с кем тот вступил в контакт. Встреча произошла в парке. Один из людей королевы. Личность Рейдачар установить не смог, так как вокруг этого типа установлена мощная магическая завеса.

Рагнарсон выругался, чтобы облегчить душу, а затем сказал:

— Нам обязательно надо его вычислить. Итаскиец, значит? Я подозревал, что некоторые из них шпионы, но... Пошли.

— Наконец-то домой, — пробормотал чародей. — Ты хоть понимаешь, что я не видел своей дочурочки с момента ее рождения?

— А я не видел Ингер.

— Почему у тебя вдруг физиономия вытянулась?

— Обдумываю другие наши проблемы. Дал! Скажи сэру Гжердраму, что он здесь остается за главного. Главное, чтобы он не дал людям Мглы уйти.

Дал, имитируя поведение итаскийского офицера, щелкнул каблуками, коротко поклонился и отошел. Рагнарсон с отвращением посмотрел ему вслед.

— Он стал слишком серьезно относиться к вопросам этикета и офицерской чести.

— Парень хочет как лучше, — сказал Вартлоккур. — Чуть больше этикета, и, глядишь, владетели станут относиться к тебе со всей серьезностью.

— Владетели могут утопить свой этикет в сортире. Поторопись-ка, Дал!

— Похоже, что сегодня ты переменчив, как весенняя погода.

— Точно. У меня постоянно меняется отношение ко всей нашей затее. Порою мне начинает казаться, что игра не стоила свеч.

Хаас привел лошадей, и Рагнарсон отправился в город. Вартлоккур трясся в седле рядом с ним.

— Я думал об этом раз сто, наверное, — сказал чародей. — У тебя все обычно кончается тем, что ты продолжаешь начатое. У тебя, видимо, нет иного выхода. Слишком много людей делают все, чтобы удержать твой фургон в накатанной колее.

— И еще столько же не жалеют сил, чтобы вообще столкнуть его с дороги.

— Нет. Они просто хотят направить его в другую колею, — возразил Вартлоккур и, немного помолчав, добавил: — Нам надо смотреть в оба. Мы совсем забыли о телохранителях.

— Остается надеяться, что Норат отправил лишь одну девятку.

— Меня беспокоит вовсе не он. Могут сыскаться и другие желающие совершить покушение. Те, кто оплачивал услуги Нората. Время для удара самое подходящее. Страна в растерянности. Все готовы услышать плохую новость.

Чародей посмотрел вверх. Нерожденный плыл над ними достаточно высоко, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

— Конечно, у нас имеется Рейдачар, но стрелу из арбалета он остановить не успеет. И положение усугубляется тем, что убийца может иметь магическое прикрытие, — закончил Вартлоккур.

Первых шумных пьяниц они увидели уже в проеме городских ворот, а улицы Форгреберга кишели людьми, горланящими победную песнь «Пантер».

— Проклятие! — громыхнул Рагнарсон, услыхав новость. — Они побили «Медведей» с разницей в три очка, а те считаются сильнее «Гвардейцев». На них поставили хорошие деньги после того, как мы прилично сыграли с «Пантерами» во второй игре.

— Вообще-то, если хочешь, я могу наложить на всех них заклятие, — фыркнул чародей. — Насколько я понимаю, конструктивное жульничество в ваших игрищах только приветствуется.

— Есть жульничество и жульничество.

— Жаль. Из Рейдачара получился бы отличный нападающий. И вообще он мог бы перевести игру в новое измерение.

— Держись-ка ты от меня подальше.

Вартлоккур снова фыркнул.

Браги прислушивался к разговорам на улицах. Большинство людей его просто не замечали. Король крайне редко наряжался более элегантно, чем его солдаты.

— Когда мы туда доберемся, уже стемнеет, — заметил Браги.

— Я вышлю Рейдачара вперед на рекогносцировку.

— Вот это правильно.

К тому времени, когда они добрались до парка, наступили глубокие сумерки.

— Иногда мы сами не понимаем, как много теряем, — заметил Рагнарсон. — Какая-то неделя вне столицы, и мне она уже кажется иностранным городом.

— Потише. Ага, я так и думал. Идет схватка на мечах. Вон там. В том месте, где, по информации Рейдачара, скрывался убийца.

Чародей опять посмотрел в небо. Нерожденный плыл над вершинами деревьев.

— Вперед! — бросил Рагнарсон, соскочил с седла и с мечом в руке поспешил к деревьям. — Ох... — едва выдавил он, — мои конечности совсем не работают. — Полученные им раны были несерьезны, но болели страшно.

Чародей отставал от него на шаг. Для своего почтенного возраста он бежал на удивление легко.

Стук мечей стал громче. Раздался крик. Кто-то, видимо, получил смертельную рану. Но вот снова зазвенела сталь.

— Ты можешь их остановить? — задыхаясь на бегу, спросил Рагнарсон.

— Попытаюсь.

Чародей замер, закрыв глаза. Браги продолжил бег.

Среди фруктовых деревьев раздался еще один предсмертный крик.

Рагнарсон увидел Джоси Гейлза. Сержант, тяжело дыша, склонился над двумя телами. Один из мертвецов был убийцей, присланным Норатом, а второй — итаскийским камнетесом по имени Том Каллисон.

— Брось меч и отойди на два шага, Гейлз! — приказал Рагнарсон.

Сержант от неожиданности подпрыгнул, принял боевую стойку и сделал шаг вперед. Он явно потерял голову.

Но паническое состояние быстро оставило Гейлза. Взяв себя в руки, он положил меч на истоптанную траву, отошел назад и сел на землю, обхватив руками колени.

— Выкладывай! — распорядился Рагнарсон, опуская клинок. Жаль, что так темно, подумал он. Выражение лица сержанта король не видел.

— Каллисон весь день вел себя очень странно, — без малейшего промедления начал Гейлз. — Он должен был работать на «Фонтане с дельфинами». Этим утром камнетес обратился за пропуском, чтобы пронести заказанные у кузнеца инструменты. Я дал ему жетон. Он ушел, а потом вернулся. Инструментов я так и не увидел. Когда караул сменился, он поведал Бекетту ту же историю. Об этом я узнал недавно и по чистой случайности. Затем я пошел посмотреть, как идут дела у фонтана. Оказалось, что камнетес даже не приступал к работе. Вернувшись к себе, я потолковал с парой человек, и они сказали, что в

последнее время Том ведет себя очень странно. Я отправился на поиски и скоро увидел, как он выходит из дворцовых ворот. С ним был меч. Десять лет я не видел Тома Каллисона с оружием. У ворот я поговорил с часовыми. Они сказали, что Том пошел в город за инструментом. А зачем ему понадобился меч, поинтересовался я. Часовые, оказывается, задали ему тот же вопрос, и Каллисон ответил, что боится нападения, так как будет возвращаться уже в темноте. Я немного поразмыслил. Тома я знаю с незапамятных времен. Мы вместе воевали. Может быть, инструмент просто не готов, подумал я, и кузнец все время просит его приходить снова и снова? Но я тут же сообразил, что вовсе не в духе Тома Каллисона таскаться к кузнецу. Насколько я его знаю, он заставил бы кузнеца ходить к нему. Почему бы мне все это не проверить, подумал я.

Я стал следить за ним, и оказалось, что Том приходит сюда для встреч с этой тварью. Я сразу узнал гадину. Этот человек — из тех, которые нападали на генерала и полковника. Они немного поговорили. О чем шла речь, я не слышал. И вдруг мне показалось, что камнетес решил прикончить парня. Видимо, захотел избавиться от свидетеля. Я не верил своим глазам. Неужели Том командует шайкой наемных убийц? Ведь он не более чем камнетес! Затем я вспомнил, что он вел себя весьма странно в тот день, когда покушались на генерала.

Я не мог позволить Тому убить эту тварь. Выскочив из-за кустов, я приказал ему бросить меч. Том посмотрел на меня... Это был очень печальный взгляд. «Гейлз, какого дьявола ты следишь за мной?» — спросил он и затем произнес что-то на непонятном мне языке. И второй тут же напал на меня. Том тоже атаковал. Мне пришлось нелегко. Темнело. Впрочем, у меня имелось преимущество — мне не надо было разбирать, кого рубить или колоть. Одного из них я уложил. Кого именно — не знал. Было уже темно. — Гейлз посмотрел в сторону, но Браги не последовал за ним взглядом.

— Том нападал на меня, как бешеный. Я не хотел причинять ему вреда. Возможно, что он был связан какими-то

обязательствами. Не исключаю, что за ним кто-то стоит. Не сомневаюсь — королева смогла бы заставить его говорить, если бы мне удалось его к ней привести.

Но Том не позволил мне сделать этого. В свое время он был хорошим бойцом, но с тех пор уже успел слегка покрыться ржавчиной. Кроме того, он забыл, что мы тренировались в паре. Он попробовал применить старые штучки, и прежде, чем я успел понять, что делаю, появились вы. Вы закричали, я испугался и едва вас не убил, так как подумал, что вы — один из них.

— Хорошо, Гейлз, — кивнул Рагнарсон. — Звучит очень убедительно. Найди людей, чтобы убрать тела. И не забудь прихватить свой меч.

Гейлза словно ветром сдуло. Подошел Вартлоккур, и Браги спросил:

— Что скажешь на это?

— Выглядит весьма правдоподобно. Во всяком случае, объясняет все видимые факты.

— Или может быть ловкой ложью. Не исключено, что это Каллисон следил за ним.

— Но с какой стати?

— В последнее время Гейлз ведет себя очень странно. Кстати, обрати внимание на то, как он сейчас говорил. Четко. Ясно. Ни одного лишнего слова. Совсем не похоже на сержанта Гейлза. Создавалось впечатление, что ему надо было так быстро соображать, что у него просто не оставалось времени на его обычную клоунаду.

— Вокруг него поставлена магическая защита.

— Вот, значит, как. Пожалуй, мне стоит с ним немного поболтать... В застенках.

— Защиту имел и Каллисон. Я подозреваю, что защищены все итаскийцы, хотя по-настоящему нуждаются в ней всего два-три человека... Если экранировать только предателей, то они просто окажутся мечеными.

— Я не спущу с него глаз. Можешь считать это догадкой, но мне кажется, что он в своем поведении постоянно допускает фальшивые ноты. Да и вся братия, окружающая мою супругу, вызывает у меня большие сомнения.

Браги посмотрел на чародея так, словно ожидал от него советов.

— Ты поступишь мудро, если внимательно приглядишься ко всем.

— Что ты хочешь этим сказать? Мне как-то не нравится твой тон.

— Я хочу сказать только то, что сказал. Ни больше ни меньше. Кстати, я тебе это уже не раз говорил. Все они — вовсе не твои люди и преданы не тебе, а другим. Не исключено, что один из них — а может быть, десять или все сто явились сюда, чтобы действовать совсем не в твоих интересах.

— Ты точно знаешь то, о чем говоришь?

— Вовсе нет. Я следую лишь логической цепочке. Ни Гейлз, ни Каллисон не входят в круг людей, способных поставить себе на службу Магдена Нората.

— Все уходит куда-то вглубь...

— Мы с самого начала догадывались об этом. Надо ответить на ключевой вопрос: кто выигрывает от этого?

— Но я не вижу во всем никакого смысла. Хорошо. Допустим, они уберут Лиакопулоса, Абаку и Гжердрама. Что изменится? На их место я просто назначу других. Командиры полков не менее надежны.

— Через некоторое время все прояснится, — сказал Вартлоккур, глядя в сторону замка. — Может быть, я тебе больше не нужен? Моей супруге тоже требуется внимание.

— И моей — тоже, — сказал Браги, хотя все его мысли были устремлены к аллее Лиенеке. — Итак, до встречи.

Чародей, выждав, когда король скроется между сливовыми деревьями, закрыл глаза. Нерожденный спустился ниже. Том Каллисон — камнетес поднялся на ноги.

Чародей стал задавать вопросы, мертвец — отвечать на них. Как только допрос окончился, Вартлоккур двинулся прочь. Старый маг стал мрачнее тучи. Создавалось впечатление, что он заглянул в глубокую темную пропасть. Увы, отныне он не мог убеждать себя в том, что все его подозрения являются лишь плодом неуемного воображения.

ГЛАВА 15

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: НЕПРИЯТНЫЕ СЮРПРИЗЫ

Рагнарсон осторожно, чтобы не разбудить Ингер, скатился с постели, подошел к окну и посмотрел на окутанный мглой Форгреберг.

Браги явился к супруге с самыми благими намерениями, но тут же от этих намерений отказался, сославшись на раны и усталость. Ингер к его словам отнеслась с полным пониманием. Браги не сомневался в том, что, находясь сейчас с Ширили, он держал бы совсем иные речи.

Да, в его отношениях с женой появилась трещина, которая с каждым днем становится все шире. И Ширили, кстати, стала самым последним и наиболее ярким проявлением этой трещины.

Почему их отношения стали развиваться по нисходящей? Ведь все было так хорошо, когда они впервые встретились во время войны.

Нет, сказал он себе. У тебя оставались сомнения, когда ты направлял ей предложение. У тебя были не только сомнения, но и подозрения. И не имеет значения то, что ты не был в них до конца уверен. Она очень устраивала тебя, когда ты находился в изгнании и был уязвим.

Но она же делала все, чтобы ему было хорошо. Разве не так?

Возможно, что Ингер испытывала по отношению к нему смешанные чувства.

Он не мог избавиться от ощущения, что с каждым днем что-то теряет. В его жизни должно быть что-то еще, гораздо более весомое. Сможет ли Ширили подарить ему это что-то? Скорее всего нет. Ее самым лучшим даром может лишь стать последняя для него иллюзия молодости.

Долго эта иллюзия продлиться не может, ведь он в два раза старше девушки и уже начал спуск с холма. Мне ее не удержать. О боги! Как полон он был жизни в ту ночь. Ингер ни разу не дала ему то, что он получил тогда от малышки. Так же, как и Элана, с которой он провел столько лет, ко-

торую он любил и продолжает любить до сих пор. Фиана... Да, в той была изюминка.

Интересно, думал он, насколько все эти отношения зависят от эмоций и насколько от потребности плоти?

— Проклятие! — проворчал он. Над этим вопросом можно размышлять до конца дней, но ответа так и не найти. Эмоциональная сторона в некоторых своих проявлениях была для него более или менее ясной, что же касается влечения плоти... Неужели здесь все сводится к тому, что у одной совокупляющейся парочки физические потребности сочетаются лучше, чем у другой?

— О боги, — пробормотал он. — Я начинаю рассуждать совершенно в духе Пратаксиса. Может быть, поэтому тот так и не женился? Может быть, это потому, что он без конца все препарирует?

Скрипнула кровать. Браги не обернулся. Ингер начала массировать его плечи.

— В чем дело? — спросила она.

Браги смотрел на город. Утренняя мгла начинала рассеиваться, но над Форгребергом повис туман. Ранние птицы приступили к своим делам. Рагнарсон с интересом наблюдал за тем, как пара черных дроздов гоняет ворону, которая всего-навсего занималась своими вороньими делами. Вот так же и со мной, подумал он. Но в отличие от вороны меня гоняет целая стая, половина которой невидима.

— Печально размышляю... — ответил он наконец.

— Я могу тебе помочь?

— Не знаю. Прежде чем принять решение, мне надо решить кое-какие проблемы. Мне кажется, что я попал в западню, я чувствую себя виноватым, что мало уделяю внимания делам, я ощущаю одиночество и не могу избавиться от мысли о том, что зря потратил свою жизнь. От всех этих мыслей я не нахожу себе места. Вчера я свершил большое дело. Если получится так, как я задумал, вчерашний день станет величайшей датой в истории Кавелина. И это меня, как ни странно, не приводит в восторг. У меня нет ощущения завершенности.

— Поговори с Дерелом.

— Уже говорил. Он, как всегда, дал научное объяснение, от которого было мало толку.

— Может быть, это все потому, что ты в глубине души не веришь в конечный успех?

— Что?

— Может быть, твое сердце знает нечто такое, что неизвестно голове? Твоя интуиция меня иногда пугает. Сколько раз я была свидетельницей того, как твои догадки подтверждались, хотя за ними не стояли какие-либо видимые факты.

Сейчас этот талант короля только усиливал его нервозность и мешал принять решение. Он изо всех сил пытался заглушить в себе мрачные нашептывания внутреннего голоса. Своими мыслями и подозрениями Браги на сей раз не поделился даже с Дерелом. В жизни каждого человека бывают такие моменты, которые он считает неправдой просто потому, что отказывается в них верить.

— Не исключено, что во мне говорит кровь моей матери-ведьмы.

— Вот она и подсказывает тебе — здесь что-то не так.

— Здесь, в Кавелине?

Перестань провоцировать меня, женщина, подумал он. Не вынуждай меня продумать все до конца. Ты можешь горько пожалеть об этом. Вслух же Браги произнес:

— Чтобы понять это, мне не нужна кровь колдуньи. Я изо всех сил пытаюсь вычерпать воду из тонущего корабля. Акулы тем временем пробивают все новые дыры в днище, а крысы дерутся между собой. Не исключено, что мои же друзья для меня более опасны, нежели враги. Я добился слишком больших успехов. В настоящее время Кавелину ничего не грозит. Все сами справляются со своими делами. У меня иногда появляется что-то вроде искушения — бросить все и уехать. Если бы моими спутниками могли стать Насмешник и Гарун, я давным-давно отсюда бы ускакал.

— Не глупи. Это невозможно. От тебя зависят слишком много людей.

— Это одна из моих самых больших головных болей. А еще одна состоит в том, что я сам не могу себе позволить от кого-либо зависеть. Посмотри на этот дворец... Я здесь всех

кормлю, одеваю, обеспечиваю хорошей работой, и что же я получаю в награду? Один становится агентом лорда Хсунга. Другие пытаются убить Лиакопулоса, Абаку и Гжердрама. И это твои люди. Вот что ставит меня в тупик. Я никак не могу взять в толк, почему они так поступают.

— Что значит «твои люди»?

Браги рассказал ей о Гейлзе, камнетесе и о погибшем в парке убийце.

— Я поговорю с ним, — сказала Ингер. — Он со мной еще с тех пор, когда я была маленькой девочкой. Своего рода личный телохранитель. А как-то он спас меня от насильников.

— Что?

— Мне тогда было пятнадцать. Страшно романтическая девчонка. В лесу рядом с нашим поместьем скрывалась банда разбойников. Отец запретил мне совершать конные прогулки до тех пор, пока преступников не выловят. Я была молода и, естественно, не послушалась. Более того, я отправилась на поиски разбойников, коих представляла себе защитниками справедливости. А они оказались... Одним словом, все оборачивалось очень скверно. Джоси потом едва не умер от ран, но ему все же удалось меня отбить, прежде чем бандиты причинили мне вред. Я в долгу перед ним... Теперь в моем присутствии он страшно смущается, так как когда-то видел меня обнаженной. Он очень славный человек, Браги. Он никогда не сделает ничего такого, что могло бы мне повредить.

— Я и не утверждал, что он может тебе навредить. Я сказал лишь то, что он способен напакостить мне. Впрочем, может быть, это и не он, а кто-то другой. Но этот другой — совершенно определенно из Итаскии.

— Я узнаю. Мне не нравятся твои слова, но раз ты их произнес, то это — правда. Ты никогда ничего не говоришь до тех пор, пока не знаешь точно. — Она продолжала разминать его плечи, и Браги уже начинал расслабляться. Через некоторое время Ингер продолжила: — Нет, это меня действительно беспокоит. Если мы не можем доверять им, то кому тогда вообще можно доверять?

Он на секунду закрыл глаза, чтобы не позволить сорваться с губ ненужным словам.

— Таких людей я могу пересчитать по пальцам. Но не знаю, могу ли верить им уже завтра.

Ингер рассмеялась.

— Да нет, я говорю вполне серьезно.

— В своем воображении я вижу, как ты и я отбиваемся от всего мира. И нам это удается только благодаря твоему чудовищному упорству. Но сражаемся мы не мечами, а идеями. Наши идеи оказываются лучше, чем их, и враги наши воют. О, как они воют! Почти так же, как выли «Пантеры» после того, как вы их побили.

— А я и понятия не имел, что ты это заметила. Мне всегда казалось, что ты ненавидишь «Захват».

— Я действительно ненавижу эту игру, но это не мешает мне делать ставки. В тот день я выиграла двести ноблов.

— Вот сукина дочь! Ты же в игре ни дьявола не смыслишь.

Мгла на улице рассеялась окончательно. Мгла... Эту чертову принцессу надо проверять и проверять, думал Рагнарсон. Не пустить ли по ее следу Вартлоккура?

— Будь я проклят! — выпалил он.

— Что теперь?

— Ничего. Просто под каждой кроватью вижу врагов.

И не только «под», но в некоторых случаях и «на», думал он, направляясь к дверям детской. Нянька безмерно удивилась, когда король переступил порог. Его величество весьма редко навещал своего отпрыска.

Фульк лежал на спине, согнув колени. Красавец. Все детишки, воистину — подлинные драгоценности. Один вид их приводит людей в философское настроение.

— Подумать только, — сказал он Ингер, — ведь мы все начинали так же.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все мы были такими. Только много-много лет тому назад. Ты. Я. Магден Норат. Вартлоккур. Великие властелины Империи Ужаса. Все мы пускали пузыри, улыбались, мочились и ходили под себя. Что с нами потом происхо-

дит? Как получается, что, встав на ноги, мы начинаем резать друг другу глотки?

— Ты в философском расположении духа. Обратись с этими вопросами к Дерелу. Я до них просто не доросла.

— Хм-м. — Рагнарсон наклонился и поцеловал сына, на что тот приоткрыл и тут же снова закрыл один глаз. — Однако пора за дело. Нам еще надо за собой убрать.

Перед ним промелькнул образ Ширили. Что же, работа удержит его от визитов на аллею Лиенеке. Вот только удержит ли?

Его завтрак состоял из яичницы-болтуньи и жареной курицы. Опять курица! Не исключено, что враги решили разделаться со мной, издеваясь над моими вкусовыми ощущениями, лениво подумал Браги.

Итак, с чего начнем, думал он, опершись локтями на столешницу.

В кухню, не замечая своего монарха, вошел Слагбейт. Он вел яростный спор с еще одним гвардейцем.

— Нам надо придумать какой-нибудь трюк. Мы не можем пропустить матч. После того, что произошло вчера, мы могли бы выиграть целое состояние.

— Могли бы, Слаг, могли. Но вот в этом «бы» и есть вся загвоздка. Нам ни за что не побить «Пантер» еще раз.

— А я говорю, что можем. Если с нами будет король и если мы не будем сражаться с ними пару недель.

— И каким же образом ты надеешься отложить матч? Нет. Я, парни, не намерен терять бабки, ставя на вас.

— Ты есть дерьмо и можешь им оставаться. Не будешь ставить — нам больше достанется.

Заключительную часть этой живой беседы Рагнарсон пропустил мимо ушей. Он знал, с чего начнет свой день. Прежде надо встретиться с судьями. Но как заставить их перенести игру на более поздний срок?

В конюшне Браги встретил Вартлоккура.

— Тоже направляешься в город? — спросил он и, услышав утвердительное ворчание, поинтересовался: — Как чувствует себя Непанта?

— Прекрасно.

— А как дитя? Имя вы ей уже придумали?

— Чувствует великолепно, а имени у нее еще нет.

— Тебя что-то тревожит?

Чародей взглянул на Браги с таким видом, словно увидел его в первый раз.

— Продолжаю размышлять о присланных Норатом убийцах. Рейдачар проверил ночью замок. Все мужчины-итаскийцы имеют магический щит.

— Все? — переспросил Рагнарсон, глядя на стоящего у ворот часового.

— Все до единого.

Это было похоже на удар в солнечное сплетение. Браги застонал и, чтобы скрыть свое отчаяние, сделал вид, что споткнулся.

— Еще кто-нибудь?

— Очень немного. Лишь некоторые жены и дети.

— Неужели и малые дети имеют магическую защиту?

— Имеют. Они же слышат, что вокруг них говорят. Впрочем, у них защита не очень серьезная. Что-то вроде дымовой завесы.

— Дымовая завеса. — Браги машинально оглянулся на цитадель.

Итак, «дымовая завеса». Примерно такая завеса возникла между ним и чародеем. Ведь они оба старательно избегают говорить о том, что сильнее всего гложет их сердца.

— Как дела в городе? — спросил Рагнарсон.

— Я повелел Рейдачару обследовать Форгреберг. Он нашел место, где скрывались подосланные Норатом убийцы.

— Тебе помощь не требуется?

Вартлоккур отрицательно покачал головой.

— Возможно, что два из них все еще где-то прячутся. Ведь мы так и не нашли тех, кто остался в живых после нападения на Лиакополуса.

— Со мной все будет в порядке. А у тебя какие сейчас планы?

Рагнарсон рассказал ему о необходимости отложить матч с «Пантерами». Вартлоккур посмотрел на него, недоуменно вскинув брови, словно хотел спросить, с какой стати король тратит свое время на подобные пустяки. Браги и не подумал оправдываться.

Некоторое время они ехали в полном молчании. Наконец Браги сказал:

— Кстати, о магической защите... Ведь мы всех этих людей проверяли. Как получилось, что мы обнаружили ее только сейчас?

— Возможно, что раньше магического щита не было. Или мы просто его не заметили, так как не искали.

— Или заговор против нас крепнет...

— Хм-м...

— Не мог бы ты пробить этот щит?

— В стародавние времена мог... Нет. Завеса слишком прочна.

Браги изумленно посмотрел на чародея:

— Почему так?

— Боюсь, что не могу толком объяснить. Сам до конца не все понимаю. Думаю, что все дело в негативной энтропии.

— В чем?

— Ты знаешь, что такое энтропия? Нет? Тогда слушай: энтропия есть стремление любой системы к состоянию равновесия. Например, так, как сгорает костер.

— Но ты же всегда можешь подбросить в него дровишек.

— Да, до тех пор, пока эти дровишки у тебя не кончатся. Мудрецы полагают, что сама вселенная похожа на большой костер. В конце концов он тоже выгорит до конца.

— Какое это может иметь отношение к магическому занавесу вокруг тех типов, которых моя супруга получила в приданое?

— Классическое учение о магии утверждает, что Сила, как и все другие системы, подвержена энтропии. И количество Силы во вселенной является величиной конечной. Каждый раз, когда произносится заклинание, используется ее крошечная часть. Когда Сила будет исчерпана, магии придет конец. Однако я склонен считать, что события последних лет говорят о ложности данного постулата.

— Я все же не понимаю...

— Оглянись на те события, которые произошли всего лишь в течение твоей жизни. Эль Мюридские войны с использованием колдовства. Впрочем, пока в ограниченных

масштабах. Далее пойдут более серьезные дела. Война Шинсана с Эскалоном дала самый большой выброс магической энергии со времен Падения. Затем последовали Великие Восточные Войны с еще более внушительным выбросом Силы. И вот сейчас идет битва между Матаянгой и Шинсаном, в ходе которой боевая магия используется в чудовищных масштабах. Частично это является результатом совершенствования колдовских методов. Но главное не в этом. Суть проблемы состоит в том, что творить заклинания стало легче, и люди, лишенные таланта, начали гораздо эффективнее использовать магическую Силу.

Мы, маги, пробиваем огромные дыры в ткани реальности. Наши заклинания похожи на червей, пожирающих сердцевину деревьев. Через эти дыры, или если хочешь — щели, на свободу вырывается некоторое количество Силы. Подобно воздуху, вырывающемуся из помещения в разряженную атмосферу. В результате, когда кто-то в очередной раз пытается прибегнуть к магии, это дается ему немного легче, чем раньше, и его заклинание оказывается более могущественным. При этом изливается очередная порция Силы. Я думаю, что именно эта свободная магическая энергия питает мой «Зимний Ураган» и насыщает силой Рейдачара.

— В таком случае он с каждым днем становится все сильнее. Не так ли?

— Ты прав. Именно это и заставило меня впервые задуматься.

— Насколько это все важно? — спросил Рагнарсон.

Перед мысленным взором Браги поплыли призраки. Черные тени. Их было гораздо больше, чем ему хотелось видеть.

— Возможно, что и важно. Не знаю. Остается лишь надеяться, что мы не являемся свидетелями зарождения каких-то страшных процессов... Нет, я не знаю, что все это может означать. — Создавалось впечатление, что чародей говорит не с Браги, а ведет дискуссию с кем-то другим. — Слишком много отвлекающих моментов. Чтобы все осмыслить, мне надо по меньшей мере на год уединиться в Клыкодреде.

— Чем старше мы становимся, тем страшнее окружающий нас мир, — заметил Браги. Другого ответа у него не нашлось.

— Здесь я тебя покину, — сказал Вартлоккур, когда они проехали еще несколько кварталов. — Нужное мне место недалеко отсюда.

— Будь осторожнее, — бросил Браги и стал придумывать новые аргументы, способные произвести впечатление на судей.

Чародей, закрыв глаза, стоял посередине улицы. Прохожие бросали на него недоуменные взгляды и, узнав, спешили прочь. Большинство обывателей при этом делали знак от дурного глаза. Знак этот обращался не только в сторону заклинателя, но и в сторону дворца. Люди опасались, что и там свила себе гнездо темная сила, которую король призвал себе на помощь.

Чародей прислушался к сигналам сотворенного им чудовища. Не забыл он и самостоятельно, своими силами изучить здание. Маг был человеком осторожным.

Ничего. Никаких ловушек. Но тем не менее Вартлоккур нервничал. Всего лишь в полумиле от этого места стоял замок, населенный людьми, мысли которых он не мог прочитать. Чародей на всякий случай подготовил подходящее заклятие. Того, кто решится на нападение, ждал весьма неприятный сюрприз.

Нет нужды тратить время впустую. Внутри дома не было никакого движения, если не считать беготни ничем не истребимых тараканов. Те, кто раньше жил в этом здании, уже никому не могут угрожать.

Вартлоккур довольно долго не смотрел на тела. Много раз ему доводилось видеть этот ужас, но...

Помещение было совершенно голым. Лишь вдоль стен валялись соломенные тюфяки. Все вокруг было покрыто толстым слоем пыли. Со стропил свисало несколько колбас, а в углу горкой лежали объеденные крысами, заплесневелые головки сыра. Лишь россыпи крошек обозначали те места, где некогда находился хлеб.

Наконец, он решился бросить взгляд на тела. Крысы потрудились и над ними. Вартлоккура передернуло.

Чародей рыскал по помещению, поднимая пыль и втягивая носом воздух. Трупного запаха он не чувствовал. Творения Магдена Нората разложению, видимо, не поддавались.

Вартлоккур начал поиск, включив все свои магические чувства. Ничего. Чем они здесь занимались, эти созданные Норатом убийцы? Сидели в тишине и жрали, когда того требовала плоть? Неужели они даже ни во что не играли, ради того чтобы убить время?

— Норат, ты нагоняешь на меня страху больше, чем мои старые враги в Шинсане, — пробормотал чародей.

Обыскивая тела так, словно те принадлежали обычным людям, способным припрятать улики, Вартлоккур едва не пропустил записку. Он стучал по стенам в поисках тайного хранилища и лишь случайно заметил за горкой сыров измятый и грязный клочок бумаги. Скорее всего его туда бросили еще до того, как уложили сыры.

Ленивым, небрежным, полным высокомерия почерком на листке было начертано: «Миледи, вид моего посланца должен убедить вас в том, что я выполнил свою часть договора. Норат». Чернила уже выцвели, превратившись в сепию.

Вартлоккур с несчастным видом побрел к двери. Этот кусочек бумаги открывал для кого-то путь на эшафот. Неужели он должен передать его королю? Ведь покушения, так или иначе, не удались.

Наибольшее значение имеет не содержание послания, а язык, на котором оно написано. Язык этот был итаскийским.

Рагнарсон неожиданно для себя обнаружил, что выезжает из города через западные ворота. Ему казалось, что лошадь сама, без всякой команды несет его в сторону аллеи Лиенеке.

— Сир! — вторично окликнул его чей-то голос. Рагнарсон был настолько погружен в себя, что первое обращение пролетело мимо его ушей. — С вами все в порядке, сир? — раздался вопрос.

Рагнарсон поднял глаза и увидел пялившихся на него сэра Гжердрама и Арала Дантиса.

— В порядке, — ухмыльнулся Браги. — Просто витаю в облаках. Скажите Слагбейту, что я договорился о переносе нашего матча с «Пантерами». Ставьте на «Гвардейцев», мы намерены победить.

Арал на это лишь саркастически фыркнул.

— Что же, можешь, если хочешь, вложить все деньги в свое семейное предприятие, — сказал Рагнарсон. — Я направляюсь на аллею Лиенеке. А вы что, оттуда?

Сэр Гжердрам утвердительно кивнул. Вид у него был довольно мрачный.

— Что-нибудь не так, Гжердрам? У нас какие-нибудь неприятности?

— Нет. Дело сугубо личное. Еду, чтобы сказать Гвени, что между нами все кончено. Никак не придумаю, как это лучше сделать. Джулия и я... Одним словом, мы собираемся пожениться.

— Поздравляю. Впрочем, я этого ждал. А, ты Арал, как? Мглу не видел? Она еще не убыла?

— Она ушла, — пробурчал Арал себе под нос. Молодой торговец тоже выглядел несчастным. — Оставила вам письмо.

Рагнарсон взял конверт и, отъехав от молодых людей, вскрыл.

В послании Мгла повторяла все свои извинения и говорила, каким хорошим и надежным другом он оставался во время ее изгнания. В качестве жеста доброй воли правительница Шинсана оставляла у него своих детей. Прочитав об этом, Браги ухмыльнулся. Хитроумная ведьма. Оставшись в Кавелине, ее чада не станут заложниками судьбы. Она укрывает их здесь от превратностей политической жизни Империи Ужаса.

Ему придется отдать ребятишек своей снохе. Интересно, как Крис это воспримет? Еще два маленьких рта, еще два тельца, на которых ей придется залечивать синяки, и еще два сердца, которые она не должна разбить...

— Ну и веселой же оравой ей придется управлять, — пробормотал он.

На аллее Лиенеке царили тишина и покой. Браги казалось, что его дом погружен в печальные размышления, стоя в стороне от всех мирских тревог. Расположенный чуть дальше дом Мглы выглядел совершенно пустым.

Когда он слезал с седла, на веранде появилась Кристен и, подбоченившись, произнесла воинственным тоном:

— С какой стати вы решили, что я разрешу посадить себе на шею щенков этой вашей Мглы? Что у нас здесь, по-вашему, сиротский приют, что ли?

— О чем это ты? — спросил Браги, изобразив всем своим видом изумление.

— И не думайте меня облапо...

На лице Браги появилась широкая, от уха до уха, идиотская улыбка. Из окна второго этажа на него смотрела Ширили. Кристен пожала плечами, поняв, что потерпела поражение.

Старый привратник принял у Рагнарсона лошадь. Браги клюнул Кристен в лобик и помчался вверх по ступеням. Когда он обнял и прижал к себе Ширили, та лишь слабо пискнула.

Вартлоккур покачивал свою дочь на согнутой правой руке. Пальцы левой руки были сплетены с пальцами супруги. Глаза чародея были обращены к окну.

— Похоже, что завтра будет дождь, — сказал он.

— Что случилось? — спросила Непанта.

— Большие неприятности.

— Здесь нас постоянно преследуют неприятности.

— На сей раз неприятности не у нас, а у короля. Похоже, что этих убийц наняла Ингер.

— Ингер? Но она такая милая. Не могу в это поверить.

— Организуя покушения, она вовсе не создала исторического прецедента. Думаю, что Браги это тоже известно. Сейчас он хочет обмануть самого себя. Не исключено, что он просто пытается игнорировать случившееся в надежде, что Ингер сама образумится.

— Поговори с ним.

— Это будет то же самое, что сообщить мужу об измене его жены. Он не пожелает слушать, так как известие ставит

его в ложное положение. Ему надо что-то предпринимать, и он скорее всего обратит свой гнев не на женщину, а на того, кто поставил его в такое положение.

Вартлоккур не хотел, чтобы король на него злился. Впав в ярость, Браги мог ляпнуть то, что Непанте не следовало слышать.

Что известно королю о положении на востоке? Что об этом знает Мгла? Принцесса, как правительница Шинсана, скоро будет знать все.

— В таком случае потолкуй с Пратаксисом. От него Браги готов выслушать все.

— Хорошая мысль, — согласился Вартлоккур, имея в виду Требилкока, а не Дерела Пратаксиса. Майкл может не только сказать, но сделать что-то.

Солнце нырнуло за облака далеко на западе. Дерел Пратаксис и барон Хардл осадили своих лошадей напротив загородного дома короля. Они совсем разные люди, но в этот момент походили на две горошины из одного стручка. Двух других таких мрачных и ожесточенных физиономий представить невозможно. Барон и Дерел в полном молчании двинулись в сторону дома.

Дверь им открыла Кристен. За ее спиной бесновалась орда детишек.

— Чем могу помочь? — весело поинтересовалась Кристен. Но тут она увидела их мрачные лица. — Что случилось?

— Его величество здесь? — спросил Пратаксис.

— Входите. Сейчас я его позову. Если эти милые детки станут вас донимать, можете придушить парочку.

Проводив ее взглядом, Пратаксис мрачно пробурчал:

— Дополнительные осложнения. Худшего времени он для этого дела избрать не мог.

— Хм-м. — Хардл достаточно повидал в жизни, чтобы понять, что здесь происходит. — Не могу его осуждать. Преаппетитнейший кусочек, должен сказать.

Пратаксис презрительно фыркнул. Он не мог взять в толк, откуда у женщин такая власть над представителями противоположного пола. Он не понимал, почему у обычно разумных людей при виде очередной юбки вдруг едет крыша.

Чем больше Дерел думал, тем сильнее злился. К тому времени, когда появился Рагнарсон, он уже успел впасть в неистовство.

— Где вас дьявол носит? — спросил Пратаксис. — Мы вас обыскались. Уже готовы были начать опрос всех жителей столицы.

— Что случилось? — поинтересовался Рагнарсон. Он уже понял, что дело плохо, раз Дерел выбрался из замка и учинил такой вопеж.

Пратаксис, явно восхищаясь своей смелостью, произнес:

— Так или иначе, но мы опоздали.

— Да, уже слишком поздно что-то делать, и нам остается только стенать, — мрачно добавил барон.

— О чем вы говорите?

— Необходимо ваше появление в Совете. Чтобы выступить свидетелем в свою пользу. Мы не могли вас отыскать и не имели возможности отстаивать вашу точку зрения, поскольку вы никогда нам...

— Ближе к делу. Что натворили эти идиоты?

— Они приняли закон о престолонаследии, — сказал Пратаксис. — Похоже, начали работу, когда мы торчали здесь взаперти. Сегодня он прошел голосование. Владетелям удалось скупить достаточное количество голосов...

— Закон о престолонаследии? Владетели? — Король побагровел от ярости.

Пратаксис вручил ему свиток. Браги не стал читать. Он понимал, что раз здесь появился Пратаксис, то приемлемых для него условий в законе не окажется.

— Где, к дьяволу, были вы?! Почему вы их не остановили?

— До сегодняшнего дня мы были здесь, — напомнил ему барон. — Так же, как сэр Гжердрам, полковник Абака и все остальные, кто мог бы повлиять на результат голосования. Мундуиллер в одиночку совладать с ними не мог.

Рагнарсон развернул свиток, прочитал и отбросил в сторону. Затем он уселся на ступени, уперся локтями в колени и принялся грызть большой палец.

Кристен подняла свиток. Пробежав глазами текст, она окаменела. Пергамент выпал из ее рук. Бросив взгляд на мужчин, она умчалась прочь.

— Значит, Фульк, а Ингер в качестве регента... Совсем не то, что я хотел... Нет, такого я определенно не желал.

Дерел вознамерился было сказать: «А я что вам говорил», но передумал и вместо этого произнес:

— Вот почему я разбился в лепешку, пытаясь вас отыскать. Мне и в голову не приходило, что вы можете оказаться здесь. Спасибо Гжердраму, который сказал, что видел вас у ворот.

— Ну хорошо. Это дело мы профукали. Они нас обставили. Есть ли способ все переиграть?

— По закону нет, — ответил Хардл. — Они отлично поработали.

— Мы можем изменить документ, если соберем достаточное число голосов, — вмешался Дерел. — Барон просто хочет сказать, что нужного числа голосов мы не наберем.

— Это почему же, дьявол вас побери? Соберите всех наших людей и используйте их в качестве тарана.

— Многие союзники нас покинули. Не вообще, а только по этому вопросу. Все вздохнули с облегчением, узнав, что проблема решена. Некоторые из наших людей не хотят, чтобы этот вопрос снова возникал. Они желают видеть четкий порядок наследования.

— Но...

— Будущее представляется им враждебной территорией, — сказал Пратаксис. — Большинство людей не приемлет ваш стиль, который можно сформулировать так: «будем волноваться последовательно». Они уже сейчас хотят определенности.

— Проклятие! Передай-ка мне эту бумажку, Дерел. Может быть, мне удастся отыскать там какую-нибудь прореху.

— Никаких лазеек, сир, — сказал Пратаксис, поднимая свиток. — Закон разрабатывали какие-то весьма квалифицированные люди.

Рагнарсон увидел это своими глазами. Фульк объявлялся наследником, а Ингер — регентом в том случае, если трон освободится до того, как Фульк достигнет совершеннолетия. Браги не сомневался в том, что владетели рассчитывали на последнее. За Фульком следовали другие дети, которые могли бы появиться у Ингер. Следующей в линии

наследования в нарушение всех традиций называлась сама Ингер. Только после этого порядок наследования переставал находиться под контролем Ингер. Трон переходил к внуку Браги, и только в случае смерти последнего — к сыновьям. Документ получился очень сложным, и, как правильно заметил Пратаксис, в нем не оказалось ни прорех, ни лазеек.

— Так. Это послужит мне хорошим уроком, будь я проклят! Боюсь, что нам придется жить с этим. — Браги уперся взглядом в пол и после довольно долгого молчания сказал: — Благодарю за то, что вы меня нашли. Я скоро появлюсь в городе, и мы посовещаемся, чтобы разработать нашу дальнейшую стратегию. Но вначале мне надо потолковать с Кристен.

Дерел и Барон откланялись. Выглядели они еще мрачнее, чем раньше.

День победы плавно перешел в день поражения. Перед Браги замаячила угроза возврата к прошлому.

Рагнарсон продолжал размышлять о том, что скрывается за буквой этого документа. Во-первых, закон о престолонаследии был негромким заявлением джентльменов о том, что владетели возвращаются на игровое поле. Во-вторых, он являлся своего рода каперским свидетельством для тех, кто решится отправиться в поход за его головой. Начиная с этого момента ему придется быть крайне осмотрительным и быстрым на подъем. Перед Браги мелькнуло лицо Майкла, и он улыбнулся. Это была очень недобрая улыбка. Ее даже можно было назвать зловещей.

— Кристен, нам надо поговорить.

Выехав на улицу Арсен, Майкл осадил коня.

— Что за дьявольщина? — пробормотал он.

Ему не приходилось бывать здесь с той злополучной ночи коронации. В те времена улица была сердцем уголовного мира и городским центром пороков. Она кишела подозрительными, грязными лавчонками, никакого освещения там не имелось, и появляться там в темное время суток было крайне опасно.

С тех пор фасады домов изменились до неузнаваемости. Яркие лампы освещали мостовую. На каждом углу располагались вооруженные охранники. Мимо Требилкока, явно ничего не опасаясь, проследовала важная дама.

— Что за дьявольщина? — повторил Майкл.

Заведение, именуемое «У толстяка», тоже совершенно преобразилось. Как извне, так и внутри. Шумная, грязная забегаловка превратилась в элегантное учреждение с чопорным ливрейным швейцаром у дверей.

— Являетесь ли вы членом клуба, господин? — вежливо поинтересовался привратник.

— Я — гость Арала Дантиса. А где же Гас?

Прежний швейцар (а по совместительству и вышибала) Гас был амбалом семи футов ростом и почти такой же ширины. Кроме того, Гас своей низостью и подлостью ничем не уступал тому заведению, в котором служил.

Привратник явно оскорбился.

— Господин, видимо, довольно долго здесь не бывал, — сказал он.

— Да, господин давно здесь не появлялся. С тех пор здесь кое-что изменилось.

— Если вы изволите за мной последовать, я провожу вас к мистеру Дантису. Он сейчас находится в своем кабинете.

Ничего себе измененьице, подумал Майкл. Целая округа сумела продраться к респектабельности, а он ничего не знает. Это ему крайне не понравилось. Требилкок желал знать обо всем, что происходит в столице.

Возможно, он слишком ориентирован вовне и уделяет чересчур много внимания провинциям и соседям? А ведь Форгреберг, ни много ни мало — сердце королевства.

— Ты чем-то озадачен, Майкл? — спросил Дантис.

— Здесь все так изменилось.

— Не так уж и сильно, как тебе кажется. Мы пытаемся поднять класс заведения, вкладывая побольше денег.

— Мы?

— Я и толстяк. Мы здесь боссы. Витриной, правда, служит он.

— А при чем здесь ты?

— Решил немного разнообразить дела после смерти папы.

— Я знал, что ты занялся контрабандой... но, впрочем, удивляться здесь нечего. Все торговцы — контрабандисты.

— Создается впечатление, что ты, Майкл, шокирован. Брось!

— То, что ты видишь, вовсе не шок, а всего лишь старомодное удивление. Мне положено знать обо всем, а я этого не знал.

— Такое тебе знать вовсе не обязательно. Ты должен следить за врагами короля, здесь же таковых не имеется.

Появился официант с бутылкой вина. Арал понюхал напиток, кивнул, и официант отправился за бокалами. За настоящими стеклянными бокалами, а не за теми толстыми глиняными кружками, которые для снижения потерь использовались в этом заведении раньше. Арал с интересом ждал, как прореагирует на это Требилкок, который, как ему было известно, был взращен в благородном семействе.

Майкл не обращал на приятеля внимания, он сравнивал лица сидевших в зале посетителей с портретной галереей, хранящейся в его памяти. Известные дебоширы? Совсем немного. Главным образом купечество и мелкая знать...

— Сними шляпу, — взмолился Арал. — Расслабься.

— Через пару минут.

— Так в чем же дело?

— Мне нужна твоя помощь.

— Ты же знаешь, я сделаю для тебя все, что в моих силах. Проблема личная или служебная?

— Служебная. Мне необходимо знать, что происходит в Тройесе и Аль-Ремише. Я потерял там всех своих людей.

— Понимаю... — Дантис кивнул и отпил немного вина.

— Мне нельзя спускать глаз с Хсунга. Скоро он начнет выкидывать еще более хитроумные штучки. Кроме того, Норат...

— Норат?

Майкл не рассказывал Аралу о своем посещении Аль-Ремиша и теперь восполнил этот пробел.

— Каким-то образом ему удалось ускользнуть из-под Палмизано, и он вернулся к своим делам. В Аль-Ремише — командует Мегелином.

— Еще один? — Арал был явно обеспокоен. — Как много из них сумели спастись... И вот теперь они снова начали потешаться над нами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не уверен до конца... Но сюда из северного региона долетают какие-то глухие слухи. Там происходят странные события. Похоже на делишки Старого Надоеды.

— Невозможно. Король собственноручно его прикончил. Из Аль-Ремиша нам нужна информация о Норате. Прошу тебя.

— Сделаю все, что смогу. Но это будет нелегко. Путешествия по пустыне вновь стали опасными, и теперь я знаю почему. С делами покончено. Теперь можно насладиться жизнью.

Начали они весьма энергично, но вечер так и не получился. Они уже давно были не теми сорвиголовами, как прежде. Майкла продолжали одолевать заботы, а перед мысленным взором Дантиса то и дело возникал образ любимой, которую он только что потерял.

В покоях было тепло, но Джоси Гейлза безостановочно била дрожь. Он всем телом ощущал холодное дыхание Смерти.

— Так ты считаешь, что он подозревает? — спросила Ингер.

— Нет, миледи, он не подозревает. Он просто знает. И узнал он это не сегодня. Думаю, что чародею тоже все известно. А что касается Требилкока, так тот действительно подозревает. И очень сильно.

— Проклятие, — прошептала Ингер, ее вдруг тоже начала бить дрожь. — Нам следует быть осторожными.

— Еще какими осторожными! Это может стоить нам голов. У меня такое чувство, что он готов дать мне веревку, чтобы я на ней сам удавился.

— Отойди в сторону. Брось все дела. Оставайся только хорошим солдатом.

— Я именно это и хотел предложить. Миледи, боюсь, что и вы не входите в число неприкосновенных.

— Ты сошел с ума, Джоси!

— Вашего супруга нелегко вывести из себя, но этот человек — скала. Он убил своего лучшего друга. И вам это тоже может грозить, если он решит, что это отвечает интересам Кавелина.

Ингер машинально сделала рукой знак, отгоняющий злые силы.

— Думаю, что ты совершенно прав, Джоси. Мы ведем грязную игру. И как я могла позволить им втянуть меня в эту затею?

В ответ Гейлз лишь пожал плечами.

— Возвращайся к себе. Предупреди всех наших. Никаких действий без моего личного одобрения. Ко мне приближайся только в случае крайней необходимости.

Гейлз поклонился и выскользнул из покоев королевы.

Только Рейдечар заметил его уход. Но даже Нерожденный не имел возможности идентифицировать этого человека. Гейлз был хорошо защищен от магического воздействия.

ГЛАВА 16

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: МОЛЬБА С ВОСТОКА

Рагнарсон соскочил с седла на аллее Лиенеке перед домом Мглы и поздоровался с сидящим на ступенях часовым. Солдат встрепенулся, вскочил на ноги и встал по стойке «смирно».

— Доброе утро, сир.

— Ну и сколько же вандалов и воров тебе удалось прогнать? — спросил Браги.

Лицо солдата залилось краской.

— Подобное никогда не повторится, сир, — сказал он.

— Знаю, знаю...

— Сир, полчаса тому назад сюда прибыл чародей.

— Хм-м. Где он сейчас? Наверху?

— Думаю, что так. Разрешите мне принять у вас коня, сир.

— Бери, но не забудь только ослабить подпругу, — сказал Рагнарсон и, войдя в дом, крикнул: — Вартлоккур!

— В подвале! — донеслось до него. — Сейчас поднимусь! — Через несколько секунд чародей появился из две-

рей кухни и объявил: — Нашел еще два портала тоннелей перехода, помимо известного нам на верхнем этаже.

— Сохрани верхний. У нее может возникнуть желание навестить своих детей.

— Я так и сделал. Два других запечатаны. Рейдачар продолжает поиски в городе.

— А как насчет Майсака?

— Осмотрели прошлым вечером. Нашли четыре тоннеля.

— Думаешь, она что-то затевает?

— Думаю, что порталы нужны были ей для связи во время подготовки и реализации заговора, — пожимая плечами, ответил маг. — Но это не значит, что она не воспользуется ими в будущем, если мы их сохраним.

— Как твоя дочурка?

— Превосходно. Непанта тоже ожила. Мы решили назвать девочку Смиреной.

— Необычное имя.

— Так звали мою мать. Идея принадлежит Непанте.

— А Этриан? Что-нибудь слышно? — начал было Рагнарсон, но тут же умолк, увидев на лице чародея мрачное предостережение.

— Я же сказал тебе — не надо будить спящего пса. Мне наконец удалось отвлечь внимание Непанты от этой темы.

Рагнарсон тоже решил оставить скользкий сюжет.

— У меня появилась еще одна проблема, в решении которой ты можешь мне помочь. Я имею в виду детишек Мглы. У Кристен и с моими отпрысками забот выше головы.

— Как раз этим утром Непанта о них говорила. Ведь они — дети ее брата. Мы заберем их к себе, как только поймем, что можем с ними управиться, — сказал Вартлокур, не демонстрируя при этом большого энтузиазма.

— Вот и хорошо. Какие у вас теперь планы?

— Остаются Норат и проблема предательства во дворце. До чего же мне хочется вернуться к мирному существованию в Клыкодреде...

— Ну и отправляйся туда. Оставь все дела Майклу. Как только мы очистим Форгреберг, Норат останется вообще

пустым звуком. Думаю, что, поставив в Кавелин партию убийц, он утратил к нам всякий интерес.

— Я могу поделиться с Майклом кое-какими соображениями. Ну а как быть с Хаммад-аль-Накиром?

— Майкл и я вполне справимся. Больше всего меня по-прежнему беспокоит Шинсан.

— Хм-м. В таком случае мне здесь делать больше нечего. Остается лишь дождаться возвращения Рейдачара.

— Ты уже позавтракал? Может быть, пойдешь вместе со мной навестить Кристен?

— Нет, спасибо. Я лучше вернусь к Непанте.

— В таком случае увидимся позже.

Вартлоккур коротко кивнул, словно давая Рагнарсону разрешение удалиться. Королю это крайне не понравилось, и он, стараясь ничем не проявить своего недовольства, затопал из дома. Солдат, заслышав шаги монарха, кинулся за конем. Браги ворчал и ругался до тех пор, пока не оказался в седле.

Кристен махала ему со ступеней. Браги развернул скакуна и спросил:

— Как ты сегодня?

— Ни шатко ни валко. Вы намерены к нам заглянуть?

— Я еще не решил.

— Здесь находится человек, которого вы, возможно, захотите увидеть, — заявила она с несколько вызывающей улыбкой.

— Неужели она все еще здесь?

— Естественно.

— Не чересчур ли это?

— Неужели вы считаете, что я должна ее прогнать? Она пасет вместе со мной детишек, помогает по дому и подставляет дружеское плечо, на которое я могу пустить слезу. Совсем недавно такое плечо мне было крайне необходимо.

— Я посадил Дерела и барона покопаться в законе о престолонаследии, но больших надежд не питай. Дело пока выглядит скверно. Не могла бы ты накормить старика завтраком?

— Куда вам его подать? В постель?

— Нет. Сегодня я что-то не в настроении.

— Оглядитесь вокруг, и настроение у вас улучшиться. В такое утро грех ворчать.

Браги не мог не признать, что день действительно великолепный.

— Яичница с колбасой вас устроит?

— Если при этом будет свежий хлеб, масло и немного меда, то сделку можешь считать состоявшейся.

— В таком случае я отправляюсь к плите.

— К плите? Для чего, по-твоему, я плачу всей этой орде слуг?

— Во-первых, мне готовить нравится. А во-вторых, такая жизнь может закончиться, и я не имею права терять навыки.

— Хм-м. А я-то всегда думал, что надо ловить момент и наслаждаться жизнью, пока можно.

— Перестаньте. И помогите-ка мне приготовить яичницу.

Ширили нашла их в кухне.

— Я оставила их безобразничать на заднем дворе, Крис, — сообщила Ширили. — Не дети, а орда дикарей, — добавила она, бросив на Браги вопросительный взгляд.

— Доброе утро, — произнес Рагнарсон.

— Сегодня с утра он пытается изображать сердитого медведя, — пояснила Кристен.

— У меня имеется средство улучшить его настроение.

— Что происходит с молодежью? — спросил Браги. — Когда я был в твоем возрасте, женщины вели себя не столь вызывающе.

— Женщины скорее всего были такими же, как сейчас, — заметила Кристен. — Просто вы страдали излишней застенчивостью.

— Перестань...

— Вы не хотите взглянуть на детишек? Я могла бы их привести.

— Позже. А пока нам есть о чем поговорить.

— Передайте-ка мне пяток яиц, — заявила Кристен. — К своим играм вы приступите после завтрака.

Рагнарсон вернулся в замок, насытившись и яичницей с колбасой, и любовью. Он был страшно доволен собой.

Какое утро! И каков мужчина! Кто мог бы подумать, что у него осталось столько сил?

На посту находился Гейлз.

— А вот и вы, ваше величество, — приветствовал он короля. — А вас здесь просто обыскался ваш человек Требилкок. Да. Требилкок.

— Где он?

— В своем кабинете. Да. В кабинете.

Король внимательно посмотрел на итаскийца, тот под взглядом монарха почувствовал себя явно неуютно. Браги был вполне удовлетворен испугом сержанта. Именно этот человек служил связным между дворцом и Советом, когда владетели проталкивали свой закон о престолонаследии. Объяснение его было на сей раз воспринято с большой натяжкой, и итаскийцу едва удалось избежать допроса с пристрастием в ведомстве Требилкока. Сержант понимал, что ему конец, если он каким-то образом окажется не под защитой королевы.

Минутой позже Рагнарсон встретил Дала Хааса, и тот сообщил ему то же, что и сержант.

— Что ты думаешь о сержанте Гейлзе? — спросил король.

— Неотесанный болван, сир, но солдат, прекрасный.

— Меня интересует вовсе не это. Я хочу знать, насколько далеко он зашел в своем предательстве.

— Простите, сир, я не совсем понимаю...

— Оставим это. Скажи в кухне, чтобы прислали наверх обед. И кварту яблочного сока. Я умираю от жажды.

— Слушаюсь, сир! Моя помощь вам потребуется?

— Сегодня уже нет.

Браги двинулся по коридору, но, не пройдя и десяти шагов, остановился и посмотрел назад. С Далом происходит что-то непонятное... Видимо, потому, что он не допущен во внутренний круг приближенных. Это его огорчает. Но почему? У него при дворе не такое уж высокое положение. Может быть, настало время поручить парню более ответственную работу? Дал — уже вполне взрослый мужчина, а не только сын старинного друга, каким привык его видеть

Браги. Кроме того, адъютант самого короля вправе рассчитывать на более высокое положение в обществе.

— Надо не забыть сказать об этом Майклу, — пробормотал Браги. — Мы могли бы послать парня в Итаскию проверить прошлое прихлебателей Ингер.

Когда Браги вошел в кабинет, Майкл совещался со своими ближайшими помощниками. Увидев короля, он всех их немедленно отпустил.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал Рагнарсон. — Интересно, чем это ты занимался?

— Пил два дня, и Арал уговорил меня навестить злачные места нашей юности. Увы, оказалось, что я уже не тот юноша, каким был когда-то.

— Все мы уже не те.

— Вам известно, что Дантис стал большой шишкой в преступном мире?

— Само собой. Контрабанда. Различие между купцом и контрабандистом зависит лишь от точки зрения.

— Не только контрабанда. Речь теперь идет о широком спектре преступной деятельности. Обитатели улицы Арсен величают его «сэром». Ни вас, ни меня они такого обращения не удостоили бы.

— Любопытно!

— Во всяком случае, стоит иметь в виду.

— Не позволяй дружбе поставить тебя в двусмысленное положение.

— Не беспокойтесь. Арал озабочен этим гораздо больше, чем мы. Ему приходится буквально делить свою жизнь на две не связанных между собой части.

— Все вокруг говорят только о том, что ты хотел меня видеть.

— Да. Получил весьма интересное донесение из Себил-эль-Селиба.

— Вот как? Что же, выкладывай.

— Эль Мюрид отрекся, и его место заняла Ясмид. Ученик не перенес событий в Тройесе. Ясмид навела там шороху. Провела чистку рядов, реорганизовала армию, активизировала атаки на Роялистов, реформировала отряды Непобедимых, распустила Хариш и основала вместо него свой

культ, именуемый «Аль Дава». Аль Дава означает «Призыв». «Призыв к оружию», как поясняет Дерел. Он утверждает, что Ясмид «заложила фундамент возрождению религиозного фундаментализма».

— Звучит совсем в его стиле, — заметил Браги. — Но вообще-то я думал, что фундаментализм из них уже давно выколотили.

— Пришло новое поколение, и им можно продавать старое снадобье, лишь время от времени меняя на нем ярлык. Похоже, что Аль Дава со временем заменит Непобедимых.

— Чем это грозит нам?

— У вас прекрасные связи с Ясмид. Гораздо крепче, чем с Мегелином, после того как в Аль-Ремише появился Норат. Дерел и я считаем, что связи эти следует лелеять и по возможности углублять.

— Хорошо, — после короткого раздумья сказал Рагнарсон. — Сообщи ей все, что нам известно о Норате и Мегелине. И о положении в Тройесе, конечно. Удалось ли нам внедрить там новых агентов?

— Арал нам поможет. Некоторые из моих людей сумели пережить мятеж, но я хочу их приберечь для другого, более важного для нас случая.

— Агенты в спячке?

— Да, и терять я их не желаю. Хаммад-аль-Накир теперь приобрел для нас первостепенное значение. Разве не так? Поскольку Шинсан не представляет для нас угрозы до тех пор, пока не разберется с Матаянгой.

— Ты стал работать гораздо лучше, Майкл, и я в результате почувствовал себя более уверенно. Попытайся передать все сведения через Хабибуллу. Ведь его в некотором роде можно считать другом Кавелина.

— Хорошо. Сир?..

— Что?

— Не важно.

— Так в чем же дело?

— Не имеет значения. Забудьте.

Матч с «Пантерами» не выходил из головы Рагнарсона с того момента, когда ему жульническим образом удалось добиться от судей согласия на его перенос.

— Скажи, что говорят о предстоящей встрече «Гвардейцев» с «Пантерами»?

Столь резкая смена темы явно поразила Требилкока, но он тем не менее ответил:

— Люди в ярости от переноса.

— Как делаются ставки?

— Какие ставки? Ставят на поражение «Гвардейцев» с разрывом не менее чем три шара.

— А на их победу?

Майкл посмотрел на монарха с еще большим удивлением.

— Только в том случае, если дают не меньше чем десять к одному.

— Почему так?

— Поговаривают, что «Пантеры» что-то изобрели. Ходят слухи, что они подкупили кое-кого из ваших игроков.

— Арал занимается азартными играми? Контролирует букмекеров?

— Похоже на то.

— В таком случае надо сделать следующее. Я прикажу Дерелу выдать из казны сто тысяч. Передай их тайком Аралу, он раздаст их своим людям, и пусть те поставят их против нас. Пусть он гарантирует выплату. Я даю слово, что покрою все расходы в том случае, если мы проиграем. Одновременно я хочу, чтобы он подкатился ко всем владетелям, которых обуревает азарт, и выманил бы у них на ставки столько ноблов, сколько возможно.

— Вы уверены, что так надо? Наши финансы и без того в плачевном состоянии... Против вас поднимется весь Совет. Ваш выигрыш вовсе не обеспечен...

— Если Аралу потребуется больше средств, чтобы покрыть все ставки, дай мне знать. Если надо, то я даже готов влезть в долги.

— Но почему? Почему вы готовы рискнуть всем в какой-то нелепой игре?

— Мы обязательно выиграем, Майкл, и получим столько денег, что сможем рассчитаться с кое-какими долгами. Сейчас наш общий долг составляет двести тысяч ноблов. Если мы получим в среднем пять к одному от суммы в сто тысяч

крон, то, даже выплатив пять процентов комиссионных Аралу, сможем погасить не меньше четверти всех наших долгов. Если же мы сможем заставить наших баронов раскошелиться как следует, а соотношение будет больше чем пять к одному, то мы не только заплатим все долги, но и лишим владетелей значительной части их состояния. А деньги, как известно, означают власть.

— Иными словами, вы хотите отыграться на них за то, что они сотворили в тот момент, когда мы за ними не следили.

— Именно, Майкл, именно. Наконец-то истина начала тебе открываться. И по этому долгу мы тоже должны заплатить.

— Но почему вы так уверены в победе? Знатоки утверждают, что вам повезет, если вы наберете хотя бы два очка. «Пантеры» готовятся к встрече так, будто это матч столетия.

— Я выиграю потому, что должен выиграть.

— А что, если слух о вашей затее просочится на улицы и ставки резко упадут?

— Мы платим Аралу комиссионные за то, чтобы это не случилось. Если выиграем. Он должен понимать, что чем больше мы выиграем, тем больше он получит. Верно?

— В принципе мне идея нравится, — улыбнулся Майкл. — Я начну ее воплощать в жизнь. Хотя мне кажется, что это не совсем та работа, которой должны заниматься секретные службы.

Рагнарсон нацарапал записку и, протягивая ее Майклу, сказал:

— Передай это Дерелу. Здесь твоя первая сотня тысяч и разрешение на дополнительную выплату в случае необходимости. Скажи Аралу, чтобы он не позволял своим пижонам много болтать. Я хочу врезать этим мерзавцам аристократам как можно сильнее.

Браги был по-настоящему зол на владетелей. Ему оставалось уповать лишь на то, что эта укоренившаяся старинная ненависть не толкает его на абсолютно идиотский поступок. Где гарантии того, что его план не будет раскрыт еще до игры?

* * *

Пратаксис в четвертый раз прочитал записку и объявил:

— Он свихнулся.

— Именно об этом я хотел с тобой потолковать, — сказал Майкл. — Нет, правда, — поспешил продолжить он, заметив обращенный на него мрачный взгляд Дерела. — Он ведет себя странно, затевая одновременно слишком много опасных игр.

Пратаксис откинулся на спинку стула, скрестив под подбородком длинные, как лапы паука, пальцы.

— Расскажи обо всем, — сказал он.

— Да ты и сам все знаешь. Во-первых, эта затея с Мглой. Здесь нам просто повезло.

— Он вообще везучий человек.

— Скажем так, он был везучим, а удача всегда может отвернуться. Во-вторых, эта девица. Король не делает из своей связи секрета. Ширили живет в его загородном доме.

— Весьма древний и весьма чтимый обычай.

— Знаю. Возможно, я чересчур благонравен. Но ведь есть же еще и кавелинцы. Им плевать на то, что у него есть любовница. Она есть у каждого, кто имеет достаточно средств на то, чтобы это себе позволить. Обывателей шокирует то, что он держит возлюбленную там, где ее видят дети. Этому обстоятельству в здешних краях придают очень большое значение. Ты и я — с запада и смотрим на вещи по-иному. Но...

— Достаточно. Я с тобой согласен и уже намекал ему. Но он перестал ко мне прислушиваться.

— И вот теперь это. Поставить на кон всю казну в какой-то дурацкой игре. Чистейшее безумие. Выиграть он не сможет. Создается впечатление, что король стремится к самоуничтожению.

— Наш монарх — человек себе на уме. В некотором смысле совести у него меньше, чем у некоторых тервола. «Захват» — игра, созданная для жульничества. Думаю, что он сумеет обжулить «Пантер».

— В том, что он победит в поле, я не сомневаюсь. Меня беспокоит то, что может произойти вне его. В тайне мы эту

затею в конечном итоге сохранить не сможем. Допустим, ему удастся состричь шерсть с владетелей. Неужели ты думаешь, что они станут веселиться по этому поводу? А что скажут простые люди, когда узнают, что он поставил на кон финансы страны?

— В таком случае брось это дело.

— Ты что, решил пошутить?

— Естественно. Что касается меня, то я, как только завершу свой труд, надеюсь покинуть Кавелин с целой шкурой.

— Так как же мне быть?

— Ничем не могу тебе помочь. — Пратаксис задумчиво пожевал губами и продолжил: — Ты прав. Он стал вести себя странно. Нам надо попытаться обуздать его. Во-первых, мы должны убедить короля, что он вовсе не любимец богов, и, во-вторых, в том, что он не должен смеяться в лицо Рока. То, что с ним происходит, — есть не что иное, как проявление древней болезни, именуемой «Мегаломанией монархов». Поскольку он не был рожден королем, то недуг этот у него принимает довольно странные формы.

— Но способны ли мы перевоспитать его? Ведь он не сделал для себя никаких выводов из провала с законом о престолонаследии.

— Хм-м... — произнес Пратаксис. — Пошли за деньгами.

— Что это значит? Реализуем его затею?

— А что мы можем сделать? — Когда они подходили к дверям, Пратаксис внимательно посмотрел в глаза Требилкока и задумчиво протянул: — Самая большая ошибка короля состоит в манере его обращения с супругой.

— Так ты тоже все понял?

— Это бросается в глаза. Нет сомнений в том, что и он все знает. И при этом ничего не предпринимает. Ничего.

— Может быть, надеется, что кто-то все сделает за него?

— Чтобы это осталось на совести другого? Не исключено. При условии, если этот некто сможет действовать в полной тайне. Но еще не время. Пока пусть все идет своим чередом.

Майкл кивнул, соглашаясь. Он весьма высоко ценил политическое чутье Пратаксиса. В таких вещах точный выбор времени может оказаться решающим фактором.

С момента своего возвращения из Аль-Ремиша Майкл изыскивал возможность вырезать эту раковую опухоль и при этом не обрезаться самому. Может быть, Вартлоккур сможет им помочь...

Браги спокойно ужинал, когда в комнату вбежал Дал. Рассыпаясь в извинениях, он вручил королю письмо. Прочитав послание, Рагнарсон недовольно скривился.

— Что случилось? — спросила Ингер.

— Вернулась Мгла и желает меня видеть. Хорошо, Дал, тащи ее сюда.

Мгла появилась через несколько минут. Создавалось впечатление, что она постарела лет на десять.

— Похоже, тебе крепко досталось, — сказал Браги.

— Не могли бы вы накормить старую, усталую женщину? — спросила она, утвердительно кивнув на замечание Браги.

Ингер сделала жест рукой, и одна из прислуживающих за столом вышла. Рагнарсон с недовольным видом взирал на Мглу. Он намеревался откровенно поговорить с Ингер, а появление колдуньи лишило его этой возможности. Почему каждый раз кто-то оказывается на его пути?

А может быть, он сам каждый раз изыскивает предлоги, чтобы оттянуть неприятную беседу?

Мгла, не дожидаясь приглашения, упала на стул:

— Я совершенно обессилела.

— Ты сама на это напрашивалась, — сказал Рагнарсон, размышляя о том, что подобное поведение вовсе не в характере принцессы. Интересно, что она теперь затевает? Вслух же он произнес: — Прости, но я ничего не понимаю. Какого дьявола ты вернулась?

— Я пришла молить о помощи. Еще раз.

— Но с какой стати? Я думал, что ты получила все, что хотела.

— Речь идет о наших проблемах на востоке, Браги. Я изучила ситуацию вблизи, и она оказалась гораздо хуже,

чем можно было ожидать. Теперь я понимаю, почему так напуганы тервола. Это может означать конец света.

— Вот, оказывается, как! — воскликнула Ингер. — Ты, Мгла, хватила через край. В твои фантазии поверить невозможно.

— Ты не видела то, что видела я.

— Выкладывай все с самого начала, — оборвал их перепалку Браги. — Пока мне известно лишь то, что ты соблаговолила мне поведать раньше. А Вартлоккур вообще ограничился тем, что приказал мне не открывать рот в присутствии Непанты.

Мгла рассказала им о прозорливости своего предшественника лорда Куо, который, почувствовав присутствие опасности в пустыне на границе Шинсана, послал исследовательские отряды далеко на восток. Эти отряды пробудили какую-то силу — силу древнюю и ужасную, силу, которая стала проявляться через посредство создания, называющего себя Избавителем.

— Армии мертвецов? — в ужасе прошептал Рагнарсон. — Он поднял мертвых против живых?

Это и было сутью всей проблемы. Стоящая за спиной Избавителя сила оживляла павших бойцов и снова вела их в бой. Просто сражаться против него было мало — чтобы хоть немного преуспеть, солдаты Империи Ужаса должны были вытаскивать с поля боя своих погибших и сжигать павших на поле боя солдат Избавителя, прежде чем те снова могли встать в строй.

Выслушав рассказ Мглы, Браги пришел к выводу, что подобную битву живые солдаты выиграть не могут. Какая яркая иллюстрация к притче о непобедимости смерти!

— Мертвые восстали против живых, — сказал он. — Тролледингская легенда о Драуграх вдруг стала явью. Ужасно. Но ты так и не поведала, почему пришла ко мне.

— Потому что, покончив с Шинсаном, Избавитель придет за тобой.

— Не понимаю, — вмешалась Ингер. — Может быть, я чего-то не знаю. Вам явно известно больше, чем мне.

— Мгла уверяет, что мертвецами командует Этриан. Исчезнувший сын Насмешника и Непанты.

— И ты убил его отца, Браги, — сказала Мгла. — Жажда мести и есть та сила, которая руководит всеми поступками Этриана. Вначале Империя, а затем — ты. А после этого весь остальной мир.

— Теперь я, кажется, начинаю понимать, почему Вартлоккур не хочет, чтобы Непанта знала об этом. Если, конечно, все сказанное тобой соответствует истине.

— Все это сущая правда. Там, на востоке, кто-то вырвал Этриана из рук Праккии, изменил его личность и наградил необыкновенным могуществом. Мне кажется, что он потерял контроль над собой. Я видела его, Браги. Ни в одном языке не найдется слов, способных описать это чудовище. Больше всего он похож на примитивные силы природы, внезапно утратившие разум. Если его не остановить, мир прекратит свое существование.

Ингер возмущенно закаркала, но Браги резко оборвал жену:

— Я верю в это. Не хочу верить, но приходится. Только взгляни на Мглу. Она от страха разум потеряла. Тебе когда-нибудь приходилось видеть принцессу Империи Ужаса в таком страхе?

— Ты прав, — согласилась Мгла. — Я настолько напугана, что потеряла способность думать.

— И Вартлоккуру, по-видимому, все это хорошо известно.

— Скорее всего да. Мало что ускользает от его внимания.

— Хм-м. Он действительно знает об этом, и даже, может быть, больше, чем ты. Но при этом прячет голову в песок, ибо Непанта может огорчиться. Терпеть подобное больше нельзя. Пошли к нему.

Они нашли Вартлоккура в библиотеке. Чародей читал какую-то древнюю книгу, которую подозрительно быстро захлопнул, завидев входящего Браги. Появление Мглы просто повергло его в смятение.

— В чем дело? Что вам надо? — Голос его срывался на визг.

Мгла повторила свой рассказ. Чародей слушал и мрачнел все больше.

— Мой ответ будет — нет! — выпалил он, еще до того как Мгла кончила говорить. — Ищите другие пути. Мне наконец удалось убедить Непанту в том, что ее сын умер. И в некотором роде это соответствует действительности. Пусть он покоится в своей могиле.

— А не мог ли ты послать туда Нерожденного? — спросил Браги.

— Нет. Вы что, разве меня не слышали? Помогать я вам не стану. Так же, как и Непанта. Разбирайся со своими проблемами самостоятельно, женщина. А тебя, Браги, я уже предупреждал. Если ты скажешь об этом Непанте, я...

— У меня нет таких намерений. Ты сам сделаешь это.

— Ты ведешь себя нерационально, Вартлоккур, — сказала Мгла. — Представь, что произойдет, если я не смогу его остановить. А Совет тервола утверждает, что с имеющимися в нашем распоряжении ресурсами сделать это вряд ли возможно. Что тогда? Где ты укроешься, когда падет последний бастион Шинсана? Если ты думаешь, что сможешь спрятаться в своем замке в горах Зубы Дракона, то ты глубоко заблуждается. Избавитель достанет тебя и там.

— Я намерен защищать свою жену! — выкрикнул Вартлоккур, брызгая слюной в лицо потрясенного Браги.

— Мне кажется, что именно об этом Мгла тебя и просит, — мягко произнес Рагнарсон.

— Я буду делать это так, как считаю нужным. Припомни, что сделал с тобой Совет, Рагнарсон. С принятием этого закона о престолонаследии ты, лишившись моей помощи, можешь считать себя покойником.

— Упрямый осел! Что с тобой, будь ты проклят, происходит? Ты знаешь, чародей, что я становлюсь невыносимым, когда мне пытаются выкручивать руки!

— Замолчи!

— Я прекрасно обходился без тебя до того, как мы встретились. Обойдусь и теперь. — Рагнарсон начал выходить из себя. Чародей же был вне себя с самого начала.

— Держитесь подальше от моей жены. Избавитель — целиком твоя забота, Мгла. Этриан умер, и я никому не позволю изменить это.

Мгла с такой силой ударила кулаком по полке, что часть книг посыпалась на пол.

— Ты не столько упрям, сколько просто глуп, чародей. Неужели ты не понимаешь, что он не ограничится Шинсаном?

— Пошли отсюда, — сказал Браги, беря принцессу за руку. — Он впал в кретинизм. — Уже подходя к дверям, король бросил: — А тебе, чародей, я это припомню.

На мгновение показалось, что Вартлоккур подавился собственным языком.

— Что теперь? — оказавшись в коридоре, спросила Мгла. — Без него у нас мало надежды на успех.

— Нам остается надеяться только на себя. Может быть, я найду способ дотянуться до сердца мальчика, еще сохранившегося в шкуре Избавителя. Пошли. Но прежде я должен сказать Гжердраму и Дерелу, чтобы они прикрыли мою задницу на то время, пока я буду отсутствовать.

Страх Мглы заметно пошел на убыль.

— И не только от твоих подданных, я полагаю?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Интересно, почему у меня вдруг возникло такое чувство, что мои дети стали заложниками? Видимо, на тот случай, если окажется, что я всего-навсего пытаюсь выманить тебя из безопасного убежища?

— Да просто потому, что ты женщина практичная и хорошо знаешь законы политики. Ты, бесспорно, мой друг, но какое это имеет отношение к судьбам империй и королевств?

— Да, наш мир мог бы быть и получше.

— Дерел и я делаем для этого все, что в наших силах. Но людям этого не надо. За исключением тех, которые считают, что в результате этих изменений они окажутся на вершине власти.

— Джоси, я же просила тебя залечь на дно. Заявляясь сюда, ты добьешься того, что нас всех вздернут.

— Миледи, произошли настолько важные события, что игнорировать их мы не имеем права. — Гейлз рассказал ей о ссоре в библиотеке и закончил свое повествование слова-

ми: — Теперь они отправляются в Шинсан, чтобы лично схватиться с Избавителем. Сейчас Мгла и король у Пратаксиса. Я решил, что вам все это следует знать.

— Возможно. Да, скорее всего именно так. Благодарю тебя. Теперь отправляйся на свой пост, пока тебя не хватились.

Гейлз, отвесив легкий поклон, удалился. Сержант не мог скрыть того, насколько уязвлены его чувства.

Ингер даже испугалась. На первый взгляд казалось, что небеса открывают перед ней уникальную возможность... Однако все произошло слишком скоро после победы в Совете. Эта рана пока еще не успела затянуться, и враги еще не ослабили бдительности.

Королева расхаживала по комнате, пытаясь оценить степень риска и возможные выгоды. Решиться было совсем не просто.

— Кто не играет, тот не выигрывает! — бросила она и накинула плащ.

Скрыв лицо под капюшоном, Ингер незаметно для слуг выскользнула из своих покоев и поспешила к жилищу Непанты.

Вартлоккур вернулся в свои покои. Он зажег свечу, уселся и попытался возобновить исследование. Однако выписанные каллиграфическим почерком буквы почему-то расплывались перед его взором. Хотя с момента стычки прошел час, чародей еще не до конца пришел в себя. Руки его слегка дрожали, он был смущен и немного стыдился своего поведения. Душу его раздирали противоречивые чувства. Какая-то часть ее нашептывала, что Браги и Мгла правы, а он, Вартлоккур, чересчур погряз в своих делишках.

На стол перед ним упала чья-то тень.

— Непанта! — воскликнул он, подняв глаза. При виде жены его охватил ужас. — Почему ты не в постели? — Непанта была одета в дорожное платье, а дитя в ее руках было плотно укутано. — О нет, только не это... — прошептал он. — Но почему?

— Ты обманул меня, Варт. Этриан жив и находится в Шинсане, в каком-то месте под названием Лиаонтунг. Кто-

то причинил ему большое зло. Мгла была здесь сегодня из-за Этриана. Когда она будет возвращаться в Шинсан, я отправлюсь вместе с ней.

На лице супруги Вартлоккур увидел то упрямство, которое, как он знал, сломить было невозможно.

— Они тебе сказали, кем или чем стал твой сын?

— Какие еще «они»? О ком ты говоришь?

— О Рагнарсоне и этой шинсанской суке!

— Я их не видела. И какое они вообще имеют к этому отношение? — Гнев всегда порождает гнев. — Ты можешь отправиться со мной или остаться здесь. Как тебе угодно. Но не пытайся остановить меня!

— Хорошо! Будь все проклято! — рявкнул Вартлоккур. — Мы отправляемся! Но пусть все это будет на твоей совести, женщина. — В голосе его зазвучали истерические нотки. — А ты, Браги, только что сам перерезал свою вонючую глотку. Вокруг тебя уже кружат голодные волки. Мне же остается лишь сидеть в стороне и со смехом наблюдать, как они будут рвать тебя на части.

Плечи у Мглы поникли, а необыкновенная красота словно куда-то улетучилась.

— Его встреча с матерью была нашей последней надеждой. Ведь он все еще ребенок. Он может быть потрясен тем, что мама увидела его в таком виде... Мне казалось, что шок сможет вывести Избавителя из его состояния.

— Возможно, — буркнул Рагнарсон, старательно затачивая свой меч при помощи мокрого оселка. — А может быть, я, используя его страшную ненависть ко мне, смогу решить задачу по-своему. Что будет, если я его убью? Он тоже восстанет из мертвых?

— Понятия не имею, — ответила Мгла, настраивая портал перехода. — Еще пять минут.

Рагнарсон в ответ пробурчал нечто невнятное. Внешне он выглядел спокойным, так, как выглядит солдат, готовящийся в тысячный раз вступить в битву. Но внутри у него бушевал ураган. Его грызли сомнения. Он не был уверен, что сможет совершить задуманное, если Этриан, узрев его, **не сбросит с** себя облик Избавителя. Чувство вины за убий-

ство отца мальчишки все еще не оставляло Браги. Неужели теперь он должен сразить и сына, несмотря на то, что тот не представляет собой немедленной и очевидной угрозы ни для Кавелина, ни для него лично?

Мгле еще предстояло убедить его в последнем.

— Посмотри!

Браги оглянулся и увидел Вартлоккура и Непанту. На лице женщины была написана решимость. Вартлоккур брел неуверенно, какими-то судорожными рывками, словно марионетка, ведомая неопытным кукольником.

— Мы отправляемся с вами, — сказала Непанта.

Чародей промолчал. Браги и Мгла для него вовсе не существовали.

— А вы вовремя. Врата откроются через минуту.

Браги попытался пошутить. Мгла взглянула на него както странно, а Вартлоккур и Непанта продолжали неотрывно смотреть на портал. Рагнарсон предпринял еще одну попытку, но никто, включая его самого, не улыбнулся.

— Ну и дьявол с вами. Пропадите вы все пропадом!

Непанта вздрогнула, а Вартлоккур даже не шевельнулся.

— Время, — объявила Мгла. — Я иду первой. Ты, Непанта, — второй. Затем Браги и Вартлоккур. Ну а потом вот это, — закончила она, показывая на вплывающего в помещение Нерожденного.

На лице скрытого в полупрозрачном пузыре человеческого зародыша играла злобная, дьявольская улыбка.

Мгла шагнула в портал.

Рагнарсон мерил шагами комнату, размышляя о том, не ловушка ли это, поставленная для того, чтобы устранить злейших врагов Империи — его самого и Вартлоккура.

Непанта прижала к себе Смирену и вошла в портал.

Взмахнув несколько раз мечом, Браги сунул оселок в карман и остановился перед порталом. Я ворвусь туда готовым к бою; тервола подобного не ждут, подумал он и прыгнул в портал.

На противоположном конце тоннеля перехода его ждала Мгла в обществе Непанты и единственного тервола. Рагнарсон по инерции пробежал через комнату, споткнулся о

какие-то обломки и полетел головой вперед. Меч выскользнул из его руки. Король, ощущая на себе изумленные взгляды, пополз по полу, чтобы подобрать оружие. Он чувствовал себя полным идиотом.

— Лучше быть смешным, чем дохлым, — пробормотал Браги себе под нос.

Мгла улыбнулась и покачала головой. Лицо тервола было скрыто под маской, но поза, которую он принял, явно выражала овладевшее им снисходительное недоумение.

Из портала возник Вартлоккур. Молча оглядевшись по сторонам, он встал рядом с Непантой. Еще через несколько секунд из тоннеля перехода, словно пробка из бутылки, вылетел Нерожденный.

При виде Рейдачара тервола едва не выпрыгнул из сапог. Браги фыркнул.

— Полегче, полегче. Здесь все спокойно, — поспешно произнесла Мгла, а тервола принялся выписывать пальцем в воздухе начальные буквы защитного заклинания.

— Проводите нас к лорду Ссу-ма, — распорядилась принцесса.

То, что Браги увидел на улицах, привело его в ужас. Лиаонтунг. Так, кажется, называла Мгла это место. Теперь его следует называть Мертвый Лиаонтунг. Ни разу в жизни ему не приходилось видеть подобных разрушений. Пламя сожрало практически все постройки. В некоторых местах сгорели даже камни и кирпичи. Они расплавились словно восковые свечи. То, что не сгорело, разрушилось так, как случается только при сильнейших землетрясениях. Обломки камня и дерева были смешаны с костями и кусками разлагающейся плоти. Вонь стояла невообразимая, а их проводнику пришлось дважды прибегнуть к легким заклинаниям, дабы уничтожить особенно назойливые рои мух.

— Самое время использовать Силу для чего-то полезного, — пошутил Браги. Увидев обращенный на него вопросительный взгляд Мглы, он сказал: — Это место производит ужасающее впечатление. Что здесь произошло?

— Ничего особенного, если не считать появления Этриана, — ответила Мгла. — Ну как, Вартлоккур, теперь ты мне веришь?

Чародей никак не среагировал на ее слова.

— А это что? — спросил Рагнарсон, показывая на столб дыма где-то на юге.

— Легионы жгут своих мертвецов, чтобы Этриан не смог повести их против нас. Идем. Нам надо торопиться.

Встреча в штабе Восточной армии прошла именно так, как и ожидал Рагнарсон. Тервола едва не учинили мятеж, как только узнали, кто находится перед ними. Только присутствие командующего армией лорда Ссу-ма Ших-кая сумело сдержать их яростный порыв.

Браги Ших-кай пришелся по душе. Это человек не был похож на обычного тервола. Командующий оказался широкоплечим коротышкой, в то время как остальные боевые чародеи отличались высоким ростом и изящным телосложением. Кроме того, как показалось Рагнарсону, лорд Ссума обладал хорошим чувством юмора. Его маска представляла собой морду разъяренного секача, а Мгла как-то рассказывала ему, что лорд — выходец из семейства крестьянина-свиновода.

— Передай ему, что он производит впечатление честного солдата, — сказал Браги, обращаясь к Мгле.

Та перевела слова Браги, и Ших-кай что-то ответил.

— Лорд Ссу-ма говорит, что он покажется тебе даже более упрямым, чем лорд Ко Фенг, — перевела обратно Мгла.

После этого правительница и командующий армией пустились в спор, который время от времени принимал весьма резкие формы. Браги догадался, что Ших-кай скептически отнесся к затее принцессы свести Этриана лицом к лицу с мамашей. В конце концов Мгле, видимо, удалось убедить лорда, и тот снова повел их по разрушенным улицам.

Браги внимательно следил за Непантой. Та, страшно побледнев, шла средь руин, глядя перед собой в одну точку. Но вблизи восточных ворот города ей стало плохо. Она остановилась, и содержимое ее желудка излилось в сточную канаву. Вартлоккур попытался утешить ее, но она жестом прогнала его прочь:

— Я все выдержу. Я уже взрослый человек и всегда была сильнее, чем ты думал.

Получив отпор, чародей снова ушел в себя. Бушевавший в его душе ураган проявлялся лишь в том, что Нерожденный носился вверх и вниз, словно мотылек, страдающий несварением желудка.

Лиаонтунг настолько устлан разлагающимися телами, что даже у могильного червя здесь может начаться понос, подумал Браги. Вслух же он произнес:

— Мгла, этот город надо законсервировать на века в том виде, в котором он находится сейчас. Создай из него мемориал и тащи сюда своих потенциальных военачальников. Пусть поживут здесь хотя бы неделю.

— Боюсь, что толку от этого не будет, — со слабой улыбкой ответила Мгла.

— Скорее всего ты права. Человеческую природу изменить невозможно.

Ших-кай взял из рук солдата белый флаг и, выйдя из ворот, скорым шагом направился к холмам. Браги старался не отставать от командующего. Он хотел показать этим завернутым в черные плащи созданиям, что ничего не боится. Подумав об этом, он рассмеялся про себя. Вот еще одно проявление человеческой природы.

На невысоком холмике перед ними возникла фигура сидящего человека, одетого в жалкие лохмотья. Человек этот был изможден и худ. Какая-то женщина в белом суетилась вокруг него, помогая встать на ноги. Силуэт дамы был слегка размыт по краям. Жалкое создание наконец поднялось, провело ладонью по волосам и взмахнуло рукой. Из-за холма возникли пантера, медведь и лесной буйвол. Звери расположились рядом с Избавителем, видимо, вознамерившись его охранять. Мгла и Ших-кай обменялись несколькими словами. Затем, обращаясь к Непанте, Мгла произнесла:

— Вот он.

Неужели это убогое создание мой крестник, с отвращением подумал Браги. Неужели этот нелепый оборванец — чудовище, опустошившее восточные провинции Шинсана?

Мальчишка выглядел отвратительно. Он сам сильно смахивал на тех мертвяков, которых водил в бой.

Ших-кай остановился. Браги встал с ним рядом. Мгла и Вартлоккур тоже замерли. Лишь Непанта не замедлила шага.

— Посмотри сюда, Этриан, — сказала она. — Видишь? Это твоя сестренка. Ее зовут Смирена.

Картина была настолько нелепой, что Рагнарсон едва не разразился нервным хохотом. Но с другой стороны, разве есть другой способ вернуть Этриана к реальности?

В глазах юноши появилось выражение муки, и он пробормотал невнятно:

— Мама. Я думал, что они тебя убили. Я думал, что тебя убили. Они мне сказали...

Непанта переложила дочку на левую руку, а правой обняла сына и прижала его к себе:

— Все хорошо. Все хорошо, Этриан. Все кончилось. Теперь все будет хорошо. Ты можешь вернуться домой.

В воздухе не чувствовалось ни малейшего движения, но... Что-то здесь не так, подумал Браги. Эта женщина в белом... Ее наряд и волосы трепетали так, словно дул сильный ветер.

Сторожившие Избавителя звери вдруг поднялись и удалились за холм. Рагнарсон облегченно вздохнул. Вид этих чудовищ его как-то не вдохновлял.

Мать и сын двинулись в сторону города.

Этриан неожиданно вздрогнул и оттолкнул от себя Непанту. Вокруг головы юноши возник темный нимб. Воздух словно взорвался. Ших-кай взревел. Вартлоккур бросился вперед и подхватил Непанту, прежде чем та успела упасть. Рагнарсон чуть ли не с магической быстротой обнажил меч и, приняв боевую стойку, что-то прорычал на одном из западных языков.

— Остановись, Этриан! — взвизгнула Мгла, и Ших-кай услышал в этом выкрике голос женщины в белом.

Тервола плечом толкнул юношу. Тот остался недвижим как скала, и Ших-кай вцепился пальцами обеих рук в его окаменевшее горло.

Рагнарсон краем глаза заметил на стене Лиаонтунга какое-то движение. Вглядевшись, он увидел, как в небо взвилась огромная стрела. Самое главное выбрать верный момент, подумал он. Пора! Его меч со свистом рассек воздух над головой Ших-кая.

Этриан яростно рванулся. Ших-кай упал, а поднявшись, увидел, что Браги поднимает с земли куски разрубленной стрелы.

Командующий что-то пробормотал на непонятном для Браги языке — видимо, это были слова благодарности, — и обратился в сторону Этриана.

Вокруг Рагнарсона все смешалось. Отличить реальность от иллюзии в этой неразберихе было невозможно.

Женщина в белом во плоти, видимо, не существовала. Нечто столь же бестелесное скорее всего завладело и мальчишкой. Мгла и Ших-кай в чем-то громогласно обвиняли друг друга. При этом командующий продолжал держать Этриана, который пытался куда-то бежать. Женщина в белом помогала чем могла противникам своего партнера. В какой-то момент Вартлоккур произнес длиннющую фразу на языке Империи Ужаса. Потом из тела Этриана вырвалось облако темного дыма, превратившееся мгновенно в столь же темный, уходящий в небо дымовой столп. У основания столпа вокруг Этриана возникла светящаяся аура...

— Засевший в нем дьявол изгнан, — сказала Мгла.

Изумленный Браги поднял глаза на сотканную из дыма колонну.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он.

— Победа! — объявила ему Мгла. — Мы смогли превозмочь овладевшего им Избавителя.

— Я все-таки не понимаю. Ты утверждала, что...

— Ничего я не утверждала.

Земля под их ногами вздрогнула. Может быть, Браги понимал не все, но он чувствовал, что здесь столкнулись какие-то могущественные силы, и ему не оставалось ничего, кроме как принять на веру слова Мглы о всемирном значении этой битвы.

— Все кончено, — сказала Мгла. — Пусть Непанта некоторое время побудет одна. У нее были шансы спасти сына, но шансы эти, увы, не реализовались. Будь все проклято! — бросила она и направилась в сторону города.

Тервола же почти бежал к воротам, видимо, для того, чтобы как можно скорее выяснить, кто выпустил едва не

убившую его стрелу. Браги шел рядом со Мглой, и та не оставляла попыток ему все объяснить.

Вартлоккур, который никак не мог решиться, оставаться ли с супругой или до конца следовать за Мглой, пройдя ярдов двести, все же остановился. Браги, оглянувшись, увидел, что женщина в белом постепенно растворяется в воздухе, а Непанта, превозмогая страх, все еще стоит рядом со светящимся куполом.

— Надеюсь, что это событие пойдет на пользу как чародею, так и его жене, — сказал он.

— Кто знает. Колдун чудовищно твердолоб для того, чтобы извлечь из чего-то урок. И ей тоже многому придется учиться...

. До них вдруг долетел визг Непанты. Браги обернулся. Купол исчез. Непанта стояла на коленях, теребя тело и громко подзывая к себе Вартлоккура. Чародей поспешил к супруге.

— Великие боги, — пробормотала Мгла. — Он жив. Не могу поверить. Этриан смог пережить экзорцизм.

— Какой еще экзорцизм?

— Женщина-призрак изгоняла из него злого духа, пока мы...

— Но она же ни звука не произнесла!

— Значит, ты ее не слышал, — со слабой усмешкой произнесла Мгла. — Если так, то в тебе гораздо меньше колдовской крови, чем ты утверждаешь. Пошли. Им надо побыть одним.

— Тебе известно, что ты можешь вести себя более или менее прилично, когда того хочешь?

— Это что — комплимент? Только не повторяй этого в присутствии тервола. Ведь я теперь как-никак правительница Империи Ужаса.

— Коль скоро речь зашла о тервола... мне было обещано вернуть моих караванщиков. Помнишь? Хсунг не сдержал слова. Майкл утверждает, что лорд вернулся к своим прежним штучкам. А ведь мы, насколько мне помнится, договорились жить в мире и согласии.

— Лорд Хсунг у меня вроде бельма в глазу. Видимо, придется призвать его к порядку. А может быть, и совсем избавиться... Смотри, — сказала она, показывая на учас-

ток стены рядом с городскими воротами, где находился лорд Ссу-ма. — Какой-то мертвяк по команде Избавителя выстрелил в командующего из баллисты. Но мне надо срочно возвращаться на южный фронт, где идет война с Матаянгой. Ты же постарайся не отходить от лорда Ссу-ма. Здесь найдется масса желающих воткнуть в тебя нож. Скоро увидимся.

Но увидеться с Мглой Рагнарсону больше не пришлось. Принцесса стала правительницей Империи Ужаса, а он остался королем Кавелина.

Новость о его разрыве с Вартлоккуром распространилась мгновенно. Да, нелегко управлять государством, похожим на вечно кипящий котел ведьм.

Браги так никогда и не понял, что произошло тогда под стенами Лиаонтунга. Но он прекрасно знал, в какую цену ему это обошлось.

Устранение угрозы, в которую он до конца не верил, стоило ему дружбы Вартлоккура. Рагнарсон вовсе не был уверен в том, что сделка с Мглой пошла на пользу ему и Кавелину.

ГЛАВА 17

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: РЕШАЮЩИЙ МАТЧ ВЕКА

Дантис откинулся на плюшевую спинку кресла. Ноги его покоились на столе. Сидящий справа от него, похожий на мышку силуро суммировал колонки цифр. Напротив Арала расположился мужчина, туша которого тянула, наверное, не меньше чем на три сотни фунтов.

— Король не может покрыть дополнительные ставки, — сказал Дантис.

— Я без труда соберу еще тысяч пятьдесят. С того момента, как ты пустил слух о том, что он делает большие ставки, Нордмены принялись изыскивать бабки. Каждый из них хочет оторвать от него кусок. Будь погода получше, они выстроились бы в очередь у ворот букмекеров, — пророкотал толстяк.

За окном раздался такой раскат грома, что дом слегка вздрогнул.

— Пятьдесят тысяч?

— Как минимум. Если надо — то все сто.

— Толливер, что там у нас?

Клерк выхватил бумажку из коробки на столе, пробежал ее глазами и доложил:

— Сумма короля составляет сто девяносто шесть тысяч двести сорок три. Все остальные вложили сорок три тысячи четыреста семьдесят два.

— И на всю эту сумму мы получим комиссионные?

— Нет. Только на деньги короля.

— Сколько поставил Майкл Требилкок?

— Сорок тысяч.

— Это значит, что все остальные решили рискнуть всего лишь тремя тысячами.

— Ты просчитал соотношение выигрышей?

— Они уже нервничают, но пока ставки идут один к двум.

Дантис побарабанил ногтями по зубам, подумал немного и сказал:

— Как люди оценивают возможный результат?

— Говорят, что случится чудо, если король проиграет меньше трех очков. Я знаю, что боссы «Пантер» нашли подход по меньшей мере к восьми игрокам «Гвардейцев».

— Можем ли мы уравнять шансы?

— Если ты имеешь в виду подкуп, то никаких шансов у нас нет. На кону так много денег, что хозяева «Пантер» не могут позволить себе ни малейшего риска. Все их ребята сидят под замком, и к ним не допускаются даже их матери.

— Значит, если они проиграют, то никто никого обвинить в чем-либо не сможет.

— Да, обвинения доказать будет сложно.

— Как же нам до них добраться?

— Боюсь, что мне это не удастся.

— Хм-м... — Дантис опустил ноги на пол и наклонился вперед, опершись локтями на стол. — Но ведь кто-то входит туда и выходит оттуда? Они же должны как-то кормиться.

— Доступ имеют только самые большие боссы, к которым у нас нет подходов.

— Может быть, кто-то из них нам что-нибудь должен?

— Нет. Я специально проверял.

— Кто готовит еду?

— У тебя возникла идея?

— Так. Небольшое глупое предположение. Обсасываю его пару последних дней. Предположим, что за день до игры они съедят нечто такое, что заставит их всю ночь бегать на двор. Согласись, трудно сосредоточиться на игре, если тебя непрерывно несет и ты весь в жидком дерьме.

Толстяк закудахтал как снесшая кубическое яйцо курица.

— Охо-хо! Ну и красота! Но это будет выглядеть слишком подозрительно. Сорок здоровых парней не могут начать дрестать одновременно. Согласись.

— Хорошо. Пусть не все сорок, всего лишь десять или пятнадцать. Всего один горшок испорченной пищи. Такое случается каждый день.

— У них возникнут подозрения.

— Естественно. Они и так вопят о жульничестве в последних двух играх. Впрочем, как и «Гвардейцы». Сделай все так, чтобы никто позже ничего доказать не смог.

— Я понял так, что ты поручаешь мне это дельце?

— Да. И сделай новые ставки.

— Где раздобыть деньги?

— Воспользуйся теми, которые уже поступили к тебе в качестве ставок.

— Ну и взвоют же они.

— А нам на это плевать. Что они могут сделать?

Толстяк криво ухмыльнулся. Это была очень недобрая улыбка. Он ненавидел владетелей так, как может ненавидеть их бывшая жертва Нордменов.

— Хорошо. Смерть «Пантерам» и всей их банде!

— С тобой все. Скажи, Толливер, кто из наших направился в Тройес?

Десять солдат стояли навытяжку в кабинете Требилкока. На Майкле был мундир, который он надевал крайне

редко. Мундир сверкал. Под этой блестящей оболочкой находился холодный, расчетливый, бледный и злой дьявол. Солдаты не имели понятия, почему их сюда вызвали. Требилкок расхаживал по комнате, оттягивая момент объяснения, что только усиливало мучения солдат.

Они были в ужасе, так как до них доходили рассказы о том, как жестоко капитан Требилкок поступает с теми, кто имел несчастье вызвать его неудовольствие. Шум грозы за окнами заставлял их бояться еще сильнее.

Наконец Майкл остановился, отступил на несколько шагов от строя и произнес:

— Господа!

— Слушаем, сэр! — ответил один из десяти.

— Я плохо слышу вас, капрал!

Им была прекрасно известна эта формула.

— Сэр! — дружно рявкнули десять глоток.

— Так-то лучше. — После этого Требилкок еще с полминуты читал какие-то бумаги и перекладывал с места на место документы на столе. Затем он обошел строй, глядя каждому из воинов прямо в глаза. Покончив с этой процедурой, капитан начал: — Дворцовая гвардия. Элитная часть. Тщательно подобранные бойцы. Люди бесконечно преданные своему королю и готовые отдать за него жизнь. — Майкл уселся на краешек стола, двумя пальцами он держал какой-то листок бумаги. — Великолепное место службы. Необременительные обязанности. Красивые мундиры. Прекрасное жалованье. Никаких полевых маневров. Объект зависти всей армии. Это так, капрал Никклз?

— Так точно, сэр!

— На другом полюсе находится Бреденбахский полк легкой пехоты. Патрулирование границы в округе Лонкарик и обоих Галмичах. Полк для очень скверных парней. Верно?

— Так точно, сэр!

— Но кроме того, имеется еще и Карго, куда скверные парни направляют самых скверных из своей среды. Небольшой отряд конной кавалерии в самом сердце бандитской страны.

— Разрешите обратиться, сэр?

— В этой бумаге сказано, — Майкл брезгливо поднял листок, — что ты скоро станешь служить вторым помощником уборщика навоза в конюшне отряда Карго.

— Сэр?

— Ты хочешь узнать почему? Чем ты проштрафился? Ничем. Пока. Если ты сделаешь то, что затеял, отряд Карго покажется тебе раем.

— Но, сэр...

— Шесть дней тому назад капралу Калси Никклзу было выплачено сорок крон серебром. На следующий день по двадцать пять крон было выдано Виллему Флетчеру и его брату Клету, а еще через день по двадцать крон — Арману Сартелла, Марлзу Бойеру и... Мне продолжать?

— Капитан, я... — начал было Никклз, но тут же умолк.

— Да, сказать вам нечего. Итак, у вас пока есть возможность выбирать — дворец или Карго. Если вы хотите остаться здесь, сделайте так, чтобы «Гвардейцы» выиграли у «Пантер».

— Это невозможно, сэр. Я взял деньги только потому, что они в любом случае нас побьют.

— Если это случится, ты будешь чистить навоз.

— Это несправедливо, — проворчал кто-то.

— Проблема справедливости меня совершенно не занимает. Меня заботит лишь победа. Правда, у вас есть еще одна возможность. Вы можете сбежать, чтобы оказаться в моем списке дезертиров. В конечном итоге я вас все едино поймаю. — Требилкок обозрел их посеревшие от ужаса лица и спросил: — Надеюсь, я ясно выразился?

— Так точно, сэр.

— Вот и хорошо. Встретимся на игровом поле. Все свободны.

— Тельма, найди сержанта Гейлза.

— Но, миледи...

— Ты что, женщина, оглохла? Живо!

Ингер отошла к окну, чтобы взглянуть на обрушившуюся на Форгреберг грозу. Молнии сверкали реже, и громовые раскаты уже не оглушали, но ливень усилился. Королеву начала бить дрожь.

— Миледи?

Ингер обернулась и увидела Гейлза. Сколько же времени она простояла у окна, погрузившись в грозу?

— Что происходит, Джоси?

— Происходит? Да ничего.

— Нет, в воздухе что-то витает. Где король?

— Я слышал, что он отправился на кладбище.

Сверкнула молния, и почти одновременно со вспышкой грянул гром.

— Совсем рядом... Неужели он двинулся туда в такую погоду?

— Король иногда поступает довольно странно.

— Мне это не нравится. Когда мой супруг что-то затевает, он обязательно отправляется на совет с покойной королевой.

— Может быть, она говорит ему то, что он хочет услышать?

— Не шути. Я боюсь. Боюсь, что он готов заняться нами. Направь кого-нибудь наблюдать за ним.

— В такую погоду?

— Да, в такую погоду, Джоси.

— Как прикажете.

Сержант Гейлз, не желая в очередной раз испытывать сердечную боль, пытался держаться как можно более отстраненно.

— Сообщи о том, что узнаешь.

— Естественно, — сказал сержант и поторопился выйти до того, как королева стала вести себя еще непонятнее.

Пять часов спустя Ингер получила записку от Гейлза. В ней сообщалось, что короля обнаружить не удалось. На кладбище он, во всяком случае, не был. Ингер испугалась еще сильнее.

— Хорошо, что хоть чародей теперь не стоит на нашем пути, — прошептала она.

Скрытый под тяжелым, непромокаемым плащом Рагнарсон низко пригнулся к шее лошади. Несмотря на все предосторожности, он замерз на холодном ветру и промок до костей под секущим дождем.

— Надо быть полным идиотом, чтобы выбраться из дому в такую погоду, — пробормотал он, и ветер умчал вдаль эти негромко произнесенные слова.

Ударила молния, и мимо Браги полетели обломки старого дуба. Толстая ветвь шлепнулась в грязь в каких-то десяти футах от него.

— Она вполне могла упасть мне на голову. Неужели мне так хочется выиграть?

Рагнарсон вгляделся сквозь струи дождя в ночь. Что это? Да, точно. Вехи, обозначающие границу поля.

— В путь, — прорычал он. — Мы почти на месте.

Лошадь двинулась вперед неспешным шагом.

Через четверть часа Браги соскочил на землю, привязал лошадь, снял притороченный к седлу шанцевый инструмент и огляделся по сторонам, отыскивая глазами нужный ему обломок скалы.

— Ну и денек, — пробормотал он. — Однако все надо сделать сегодня.

Проливной дождь должен был смыть все следы.

Камень диаметром в двадцать дюймов и толщиной в шесть был совершенно плоским. Браги попытался сдвинуть его с места, но, поскользнувшись на толстом слое мокрой листвы, покатился по склону и остановился в каких-то шести дюймах от бешеного потока воды. Вот как! Даже природа хочет помешать ему... Рагнарсон, пыхтя, поднялся и обратил весь свой гнев на плоский камень.

Отодвинув камень, Браги принялся копать. Свежую землю тут же смывало дождем. Когда яма обрела нужную глубину, он укрепил ее стенки мелкими камнями, вернул плоский обломок на место и обозрел дело рук своих.

— Думаю, что это сработает, — пробормотал король.

Итак, с одним покончено. Осталось еще четыре, а ладони уже пострадали. Что же, придется набивать мозоли на мозоли.

К тому времени, когда тяжкий труд завершился, Браги и лошадь были с ног до головы заляпаны грязью. Он замерз и чувствовал себя преотвратно. Все мышцы болели.

— Теперь можно и домой, леди, — сказал Рагнарсон, похлопывая кобылу по загривку.

На юг животное почему-то двигалось более веселым аллюром.

— Никогда не видел тебя таким мрачным, Дерел, — произнес Рагнарсон. — Ты уже упаковал все свои пожитки?

— Простите, сир. Я вас не совсем понял.

— Ты приготовился к бегству на тот случай, если мы сегодня проиграем?

— Меня больше пугает наш возможный выигрыш.

— Боишься тех воплей, клеветы и проклятий, которые обрушатся на нас после игры?

— И этого тоже.

— Не дрейфь. Мы выйдем из игры, благоухая как розы.

— Пожалуй, пора делить деньги, — сказал Дантис, обращаясь к толстяку.

— Но мы же не знаем, кто победит.

— Будем исходить из того, что все пойдет по-нашему. Приготовь долю короля. Нам надо будет выдать ее как можно быстрее.

— Ну и искушение же я испытываю!!!

— Забудь про всякое дерьмо! Хотя бы потому, что бабок слишком много. С такой суммой тебе не спрятаться.

— Как нам быть, если король проиграет?

— Я распорядился, чтобы в этом случае Толливер начал выплаты. А тебе и мне придется смыться, прежде чем все поймут, что платить-то нам нечем.

Майкл сделал несколько прыжков на месте, чтобы размяться, а затем, глядя на свое изображение в зеркале, произнес:

— Сегодня к вечеру, сынок, ты будешь страшно богат или разоришься вконец. Ну и дурак же ты, братец.

Дал Хаас соскочил с седла перед домом короля на аллее Лиенеке. Следом за ним к дому подкатили три экипажа.

— Вы готовы, миледи? — спросил он, вбежав в дверь.

— Да. Зачем все это?

— Простая мера предосторожности. Эй, люди, сюда. Грузите эти баулы.

— Предосторожности от чего, Дал?

— На тот случай, если мы проиграем матч в «Захват». Если «Гвардейцы» проиграют, нам конец.

— Не понимаю. На мой взгляд, это звучит чересчур мелодраматично.

— Я все объясню, как только мы отъедем.

Ширили вывела детей на веранду, и Дал не мог скрыть своего неодобрения.

— Куда лежит наш путь? — спросила Кристен.

— Вначале в Седлмейр. А затем и из страны, если новости окажутся совсем плохими.

Ингер позвала свою горничную:

— Что происходит, Тельма? Почему все вдруг сошли с ума?

— Сегодня они играют в «Захват», миледи.

— Всего лишь «Захват»? А люди ведут себя так, словно наступает конец света.

— Некоторые считают, что так оно и есть, миледи. Они говорят, что король поставил себя под удар.

— Значит, ты утверждаешь, что вся его таинственность связана с этой проклятой игрой?

— Да, миледи.

Ингер с хохотом рухнула в кресло:

— Игра в «Захват»! И все это из-за какого-то нелепого матча! — Облегчение, которое она испытала, вызвало у нее чуть ли не истерику.

Тельма решила, что королева такая же сумасшедшая, как и ее муж.

— Иди сюда, Слаг, — позвал Браги. — И ты, Майкл.

Вся команда «Гвардейцев» топталась у ворот замка. Требилкок твердым взглядом обвел своих товарищей. Те ответили ему тем же.

— Слушаю вас, сир, — сказал Слагбейт.

— Излагаю тебе план игры.

Всю дорогу они обсуждали детали. Уже на поле Рагнарсон произнес зажигательную речь о том, что им предстоит

сыграть матч века, ставка в котором неизмеримо выше, чем звание чемпиона.

— Может быть, нам перенести встречу еще на сутки? — ядовито спросил один из судей.

— Трубите в ваши проклятые трубы, — прохрипел Рагнарсон, в горле которого застрял комок страха. Все. Ставки сделаны. Осталось лишь победить или умереть.

Браги распластался на толстом ковре из мокрых листьев. День умирал, и в наступающих сумерках лицо Майкла было едва различимо.

— У меня, похоже, болят даже волосы, — отдуваясь, произнес он.

— Ой... — простонал Майкл. — А мне, чтобы играть в эту дурацкую игру, надо было бы быть лет на тысячу моложе. — Требилкок перекатился на живот, взял короля за руку и продолжил: — Значит, мы все-таки сделали это. Сделали! Не могу поверить. Нет, я просто отказываюсь в это верить.

— Да перестань ты. Пошли. Мне не терпится увидеть такую гору денег в одном месте. Ой!

— Что случилось?

— Судороги. — Он рассмеялся. — Я начинаю сомневаться в справедливости древнего афоризма «Победители не испытывают боли». Еще как испытывают.

— Точно. Пошли, пока ветер не переменился, — сказал Майкл и негромко закудахтал, что должно было изображать смех.

— Интересно, что случилось с теми парнями?

— Кого это интересует? Будем считать, что нам повезло. Ох! Дай-ка мне руку. Теперь я не смогу ходить по меньшей мере неделю.

Новость долетела до Форгреберга раньше, чем туда вернулись команды. Когда прозвучали горны, возвещая о том, что «гвардейцы захватили второй шар», к сэру Гжердраму и генералу Лиакопулосу примчался гонец, и те немедленно разместили на улицах Личную гвардию короля и Форгребергский полк, дабы не допустить беспорядков и не позволить скрыться из города проигравшим держателям ставок. Весть о захвате третьего шара породила вопль гнева и боли

у значительной части публики. Все, кто делал ставку на «Пантер», поняли, что теряют свои деньги.

Несмотря на все ухищрения со стороны «Гвардейцев», исход игры был неясен почти до самого конца. Кто-то из подкупленных продолжал действовать в пользу противника, и «Гвардейцы» сумели захватить последний шар лишь на несколько секунд раньше, чем это сделали «Пантеры».

— Помоги мне вкарабкаться на эту тварь, — простонал Рагнарсон. — Я даже до стремени дотянуться не могу.

— А мне кто поможет? — спросил Майкл.

Большая часть их товарищей по команде были уже в седлах. Выражая свой восторг воплями и хвастаясь почем зря, они галопировали кругами. Им настолько не терпелось промчаться триумфаторами по улицам города, что они поносили последними словами своих друзей, которые не спешили покинуть игровое поле.

— Они все там в городе свихнутся! — вопил Слагбейт.

— Нам повезет, если нас там не линчуют, — проворчал в ответ Снейкман.

Рагнарсона вдруг одолели приступы неукротимого смеха, и он начинал чувствовать все большее и большее облегчение. Ведь никогда раньше он не срывал ставку, вступая в игру со столь ничтожными шансами на победу.

Во внутреннем дворе Казначейства выстроилась довольно внушительная очередь из фургонов. Это было утро первого дня после оглушительной победы. Форгреберг все еще пребывал в шоке.

— Опустошайте сумки прямо на пол вот здесь, — сказал Рагнарсон грузчикам.

— Вы уверены, что это разумно, сир? — спросил Пратаксис.

— Высыпайте, высыпайте, — подтвердил свое распоряжение король. — Ты все сам увидишь.

— Волнения и драки всю ночь, — объявил только что прибывший в казначейство Требилкок. — Пара поджогов. Гжердраму пришлось под охраной вывозить из города парней из «Пантер», так как пошли разговоры о том, что их следовало бы линчевать. Лиакопулос распорядился закрыть

все кабаки в полночь. Сейчас постепенно все успокаивается. Мне никогда не доводилось видеть Нордменов в таком шоке! Владетели не хотят верить в то, что произошло. С утра все они похожи на зомби.

Улыбки на лице Рагнарсона как не бывало.

— Похоже, что для нас наступает самое трудное время, — сказал он.

— Барон Келра, видимо, все-таки выживет.

— Выживет? Что с ним случилось?

— Я совсем забыл вам сказать, — растерянно произнес Пратаксис и, сплюнув в сердцах на пол, добавил: — Не знаю, что со мной происходит.

— Барон потерял больше всех, — пояснил Майкл. — Вы отняли у него две сотни тысяч. Арал ободрал бедолагу еще на полтораста. И еще сто пятьдесят тысяч он должен различным людям. Барон брал кредиты, а когда пришло время их возвращать, повел себя по принципу — «получишь, если поймаешь». Ну, один из кредиторов, видимо, его и поймал. Вернее, не поймал, а явился прямо к барону домой, а затем ушел, оставив лежать с поломанными костями.

— Неужели это Арал посмел поступить так с лордом королевства?

— Может быть, и Арал. Но скорее все же кто-то другой решил воспользоваться общей неразберихой.

— Думаю, что это был ваш лесной друг, — высказал предположение Пратаксис.

— Кто?

— Полковник Абака. Вы теперь понимаете, что происходит? Если нет, то я поясню. Началась ломка сложившегося порядка.

— Это тот самый барон Келра, который затеял свару на праздновании Дня победы?

— Именно. В его руках множество наших долговых обязательств. Один из самых богатых людей Кавелина. Если вы хотите сохранить перемирие с владетелями, сир, то вам следует как можно быстрее докопаться до истоков этого нападения. Преступники должны предстать перед судом вне зависимости от их положения в обществе.

— Черта с два. Все свои синяки и шишки он заработал вполне заслуженно.

— Сир, перед законом все равны, и барон не может быть лишен его защиты. Ни Абака, ни Дантис не имеют права на юридический иммунитет. Даже вы не можете встать выше законов, и вы обязаны обеспечивать их соблюдение.

На губах Рагнарсона появилась неприятная улыбка.

— Майкл, пригласи сюда людей Келра и Арала. Я хочу заплатить барону все, что должен, и желаю видеть, как Арал тут же все эти деньги заберет в виде своего выигрыша.

— Но это же неразумно, — не скрывая своего отчаяния, взмолился Пратаксис. — Не сыпьте им соль на раны.

— Почему бы и нет? Ведь они не стесняются при каждом удобном случае подсаливать мои раны. Передай Майклу полный реестр наших долгов. У нас здесь денег столько, что мы сможем расплатиться практически со всеми, кому должны. Я не смел и мечтать, что будет столько крупных ставок против «Гвардейцев».

— Вы не смели мечтать об этом, сир, только потому, что не оценили всей глубины ненависти, которую питает к вам каста владетелей.

— Это взаимное чувство. Ха! Теперь у них просто нет средств на то, чтобы устраивать новые заварухи.

— Некоторые из них даже заложили свои имения, — вставил Майкл. — Арал не знает, что делать с недвижимостью.

— Остается надеяться, что он сумеет сделать из баронов фермеров-арендаторов.

— Похоже, что сегодня мы в весьма мстительном расположении духа, — сказал Пратаксис, вкладывая в свои слова больше значения, чем сумело уловить ухо его босса.

— Сегодня у меня нет жалости... Впусти его, — сказал он, выслушав склонившегося к нему посыльного, и тут же пояснил присутствующим: — К нам прибыл Мундуиллер.

— Ну начинается... — сказал Дерел. — Вам никого не удастся убедить в своей правоте. Степень риска была совершенно неприемлемой.

— Но мы же победили. Разве не так?

— Это единственное ваше оправдание. Но в конечном итоге вы поймете, что утрата доверия гораздо серьезнее, чем денежный выигрыш...

— Хватит! Достаточно, Дерел, будь я проклят!

— Дерел прав, — вступил в разговор Мундуиллер. — Я и пришел сюда ради того, чтобы тебе это сказать. Наши друзья в Совете готовы улететь, как стая куропаток. У них возник вопрос: не утратил ли ты чувство ответственности?

— Они получат больше, чем простое чувство ответственности. Ничто не вселяет уверенности больше, чем успех.

— Последний мешок, сир.

— Что же, посмотрим. Хм-м... Гора оказалась меньше, чем я рассчитывал. Ну и дьявол с ней. Смотрите. Об этом я мечтал всю жизнь, — сказал Браги и нырнул головой вперед в кучу золота.

На сей раз Ингер предпочла встретиться с сержантом Гейлзом подальше от своих покоев. Сумерки скрывали их лица.

— В каком они настроении, Джоси? — спросила она.

— В ярости, миледи. Считают, что их ограбили.

— Так ли это?

— Не совсем. Они полезли в петлю совершенно сознательно.

— Значит, их выводит из себя то, что грабителями оказались не они сами?

— Можно и так сказать.

— Впрочем, для нас не имеет значения, правы ли они в своем гневе или нет. Нам их ярость только на пользу. Думаю, что настало время пригласить сюда наших друзей.

— Я тоже так считаю, — кивая, ответил Гейлз. — Слабее, чем сейчас, он вряд ли станет.

Рагнарсон сидел в куче монет все то время, пока быстро появившиеся многочисленные кредиторы Кавелина получали от Короны деньги. Этот процесс был превращен королем в сущее издевательство. Как только кредиторы получали положенную им сумму, Арал Дантис под хохот Браги эти деньги немедленно у них отбирал, но уже как проигрыш.

В таком положении и застал его Дал Хаас. Адъютант за ночь не сомкнул глаз и выглядел совершенно изможденным.

— Они в безопасности, сир. Я сопровождал их до самого Тьюсбери. Если пожелаете, то я могу послать кого-нибудь, чтобы их вернули.

Рагнарсон посмотрел на очередного барона из Нордменов, получающего с мрачным видом свои деньги. На самом деле он замечал очень многое. Гораздо больше того, о чем можно было судить по его виду.

— Подождем несколько недель. Посмотрим, что выползет из-под валуна.

— Это сэр Гжердрам сказал мне, где можно вас найти. Он просил передать, что прибыл Хабибулла — тот самый, который когда-то был послом Эль Мюрида. Хабибулла соглашается говорить только с вами.

Рагнарсон сразу стал серьезным, утратив весь свой злобный юмор.

— Скажи, что я буду через час, — произнес он, вставая с расползающейся под его тяжестью кучи золота. — Дерел, распорядись, чтобы здесь все убрали. Принеси от моего имени все приличествующие случаю извинения. Скажи им, что я слегка тронулся от радости или что-то еще в этом роде. После этого найди Майкла и жди меня вместе с ним в ситуационном зале.

«Что решила Ясмид? — спрашивал себя Браги. — Получу ли я передышку? Успею ли привести в порядок свой дом, прежде чем мы примемся за ее жилище?»

Подлинная жизнь короля, увы, совсем не то, чему можно завидовать.

ГЛАВА 18

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: ЗАКРУЧИВАНИЕ ГАЕК

Хабибулла ждал Рагнарсона в комнате, где за последнее время было проведено множество совещаний. Едва переступив через порог, Браги заметил:

— Вам, наверное, кажется, что вы одеты как местный житель. Но, увы, ваш наряд никого не может ввести в заблуждение.

— Необходимость действовать как можно быстрее вынудила нас принести в жертву требования секретности, — пожимая плечами, ответил Хабибулла. — Я получил материалы Требилкока и хочу выразить благодарность как от имени леди Ясмид, так и от себя лично.

— Рад, что смог помочь.

— Весьма хитроумная затея этот ваш матч столетия. Однако мне кажется, что за пределами Кавелина она будет оценена выше, чем в вашем королевстве.

Браги и сам начинал задумываться о возможных последствиях своей выдумки. Ему казалось, что, выиграв, он что-то потерял. Правда, он не знал, что и каким образом. Если бы подобный фокус выкинул один из баронов-нордменов, никто бы и глазом не моргнул. А если бы выиграли «Пантеры», то никакого визга и шума вообще бы не было.

Может быть, все считали, что он слишком благороден для того, чтобы устраивать такие фокусы? А может быть, потому, что он опустошил чересчур много карманов? Впрочем, не исключено, что он переживает лишь потому, что шкура у него оказалась недостаточно толстой.

— Думаю, что настало время для поздравлений, Хабибулла, — сменил тему король. — Я восхищен тем, как вы отделали Тройес. Это было великолепно. Ну и повеселились же мы.

— Победа действительно внушительная. Но она имеет символическое, а не практическое значение. Она ослабила наших врагов, и впредь они не посмеют нас недооценивать.

— Видимо, вы правы, — произнес Браги, переходя на деловой тон.

— Мегелин давит на нас со стороны пустыни и при этом активно использует колдовство. У нас нет защиты от саван делажей. Наши правоверные друзья сообщают из Тройеса, что лорд Хсунг готовится к массированному наступлению на побережье. Для этой цели он привлекает легионы из Гог-Алана. Солдаты Шинсана явятся становым хребтом марионеточной армии Тройеса. Это означает, что вся армия вторжения будет насчитывать тридцать пять тысяч человек, из которых двенадцать тысяч составят воины Империи Ужаса. С такой армией нам не совладать.

— Вы не будете возражать, если я приглашу Пратаксиса и Требилкока?

— Вы полагаете, что нам без них не обойтись?

— Думаю, что нет. С некоторыми аспектами ситуации они знакомы лучше меня.

Он поднялся, вышел в коридор и огляделся по сторонам. Никого, кроме часового, поблизости не оказалось.

— Приведи сюда Пратаксиса и капитана Требилкока. Они ждут внизу в зале ситуационного анализа.

— Слушаюсь, сир. Но кто же останется на часах?

— Ничего здесь не случится. Ступай.

— Слушаюсь, сир.

Вместо того чтобы вернуться к Хабибулле, Браги остался в коридоре. Любопытство привело его к двери, из которой не так давно выходил сержант Гейлз. Рагнарсон открыл дверь, вошел в помещение и осмотрелся. Ничего особенного — комната как комната.

Какого дьявола сюда заходил Гейлз? Что ему здесь понадобилось? Он принялся изучать комнату. Минуты бежали очень быстро.

— Стоп. А это что такое?

Он потрогал пальцем царапину на обшивке стены, обращенной в сторону конференц-зала. Декоративная морда кабана на деревянной панели оказалась подвижной, и царапина образовалась оттого, что украшенную клыками морду часто передвигали. Браги сдвинул изображение секача по направлению царапины. Раздался щелчок, и стенная панель слева от него подалась назад примерно на дюйм. Браги подтолкнул ее ногой, и она повернулась на петлях, открывая вход. Король, пригнувшись, шагнул в темноту и оказался в одном из бесчисленных потайных ходов, пронизывающих весь замок.

— А я-то думал, что знаю их все, — пробормотал он.

Через несколько секунд он уже смотрел на Хабибуллу через крошечное отверстие в стене. Посланец Ясмид терпеливо ждал, сложив руки на коленях и смежив веки. Находясь в одиночестве, он казался старше и выглядел более уставшим, чем в присутствии собеседника. В комнату вошли Пратаксис и Требилкок.

— Где король? — спросил Майкл.

Браги не стал дожидаться ответа Хабибуллы. Он вернулся тем же путем, бормоча про себя:

— Что же, Гейлз, с этого момента ты принадлежишь Майклу.

Дальше откладывать решение он не имел права, вне зависимости от того, какие сведения выбьет из сержанта шеф секретной службы.

Какая-то часть его души обливалась слезами, ведь он так долго пытался внушить себе, что ошибается. Однако и на сей раз интуиция его не обманула. Бросив взгляд в том направлении, где располагались покои супруги, Браги пробормотал:

— А кровь все же сказывается.

Когда он вошел в зал, его лицо выражало лишь доброжелательность, внимание и покой.

— А вот и я, — сказал он. — Хабибулла мне здесь кое-что рассказывал, Майкл. Я хочу, чтобы ты и Дерел его выслушали и добавили бы все, что вам известно.

Хабибулла вернулся к началу своего повествования. Когда он рассказал о намерениях Хсунга, слово взял Майкл:

— Мои агенты доносят, что он не воспринимает Мглу серьезно, поскольку та — женщина. Он распоряжается Западной армией таким образом, словно она действует на территории его собственной империи. Хсунг полагает, что Мгла не в состоянии его одернуть, пока продолжается война с Матаянгой.

— Сир, — вмешался Пратаксис. — Лорд Хсунг один из ваших злейших врагов среди тервола. А многие из них просто одержимы идеей вас уничтожить.

— Мгла мне постоянно твердит об этом.

— Хсунг с почтением относился к пожеланиям лорда Куо, но у меня сложилось впечатление, что он с самого начала не собирался выполнять своих обязательств, вытекающих из нашего соглашения. Он вел со мной переговоры лишь для того, чтобы удовлетворить своих начальников. То, как он поступил с нашими караванами, больше говорит о подлинных замыслах Хсунга, чем все его слова.

— Мгла обещала призвать его к порядку, — сказал Браги.

— А что, если она не сделает этого? — спросил Хабибулла.

— Мы повлиять на них не в силах, — ответил Пратаксис. — Судьбы нашей страны, так же как и вашей, видимо, полностью в их руках. — Обращаясь к Браги, он добавил: — Майкл утверждает, что вторжение на побережье — это вопрос всего лишь нескольких недель. Принципиальное решение по этому вопросу уже принято.

— Такое сообщение я получил из Тройеса, — пояснил Требилкок.

— Это полностью соответствует тому, что стало известно нам, — заметил Хабибулла. — И наши средства для борьбы весьма ограничены.

— Какими силами вы располагаете?

— Не более чем десятком тысяч старых, усталых, изношенных людей под водительством Непобедимых, лучшие годы которых тоже остались в прошлом. В битву мы сможем вступать только при самых благоприятных условиях. Правда, мы рассчитываем на серьезную поддержку местных партизан, а также на помощь тех правоверных, которые живут в Тройесе, но этого совершенно недостаточно. Поэтому мы избрали партизанскую стратегию ведения войны. Наши главные силы останутся в резерве на тот случай, если Мегелин решит напасть на Себил-эль-Селиб. Леди Ясмид распорядилась усилить партизанскую войну к западу от горного хребта, чтобы затруднить Мегелину подходы к перевалу. Но в его распоряжении имеются Белул, Эль Сенусси и Рахман. Наших сил не хватит для того, чтобы их остановить.

Браги прекрасно знал этих роялистских военачальников. Они были людьми решительными и умными, никакие партизаны запугать их не могли. Тем более что за их спинами стоял Магден Норат.

Вартлоккур, ну почему ты оказался таким тупоголовым идиотом? Ведь сейчас ты мне нужен как никогда.

— Дерел, в следующем месяце мы должны провести маневры. Сможем ли мы поднять войска? Способны ли при-

пугнуть Хсунга? Пусть даже это будет блефом с нашей стороны.

Браги задумал провести бросок регулярной армии на Баксендалу к горному проходу Савернейк, чтобы проверить, насколько быстро он сможет отреагировать на потенциальную угрозу с востока.

— Поднять войска, сир, будет довольно трудно. Креденс не очень здоров для того, чтобы принять участие, а сэру Гжердраму в одиночку с этим не справиться. Кроме того, я не думаю, что мы можем этими маневрами произвести нужное впечатление на лорда Хсунга.

— Если полки будут отозваны, то сможем перебросить их в Майсак, как только возникнет угроза вторжения в Хаммад-аль-Накир. Все будет выглядеть так, словно мы готовы вцепиться ему в загривок, если он решит вторгнуться на побережье. Находясь в его шкуре, я не посмел бы решить, что это просто блеф.

— Но почему? — спросил Майкл.

— Если он заставит нас выступить, то это вызовет сильное раздражение Мглы. Она не хочет, чтобы он затевал новые войны, пока конфликт с Матаянгой в разгаре. Хсунг, как командующий армией, не может позволить себе совершать очевидные глупости.

— Единственный способ заставить блеф сработать, это не блефовать, а действовать, — с кислой физиономией заметил Пратаксис. — Но этого мы себе позволить не можем. Наше положение дома весьма ненадежно, и лорду Хсунгу это прекрасно известно.

— А ты, Майкл, что скажешь?

— Дерел прав. Результат игры в «Захват» расколол страну, и мы в данный момент не очень сильны. Если наши противники увидят или им покажется, что большая часть армии ушла на Савернейк, мятеж неизбежен.

— В таком случае тебе придется умножить свои усилия, Майкл, — со вздохом заметил Рагнарсон.

— С таким количеством недругов мне не справиться. Теперь, когда Нерожденный не будет вытаскивать их на свет...

— Сделай все, что в твоих силах. Хабибулла, прошу извинить за то, что вам приходится выслушивать все наши стенания. У нас, увы, имеются и свои сложности.

— Нам всем приходится решать серьезные проблемы, сир. Вы и леди Ясмид сражаетесь за сохранение высоких идеалов. Эта борьба поглотила почти все ресурсы, но вы оба не можете себе позволить предать свою веру. Именно поэтому леди Ясмид и предлагает объединить усилия.

Браги в ответ пробормотал что-то, ни к чему его не обязывающее. Он знал, что леди Ясмид относится к их союзу (как, впрочем, и он сам) без особого энтузиазма, воспринимает его как неизбежную необходимость.

Кто-то постучал в дверь. Затем дверь приоткрылась, и в комнату заглянул часовой.

— Сир, — сказал солдат. — Капитан Хаас желает с вами поговорить.

— Прошу меня извинить, — бросил Браги и, выйдя в коридор, спросил: — В чем дело, Дал?

— Новые проблемы в Совете, сир. Мундуиллер сообщает, что владетели проталкивают постановление о вынесении вам порицания. Говорит, что вам следует там появиться и выступить в свою защиту.

— А ты что скажешь, Дал?

— Думаю, что Мундуиллер прав. Владетели ведут себя просто гнусно.

— Что же, ничего не попишешь, — сказал Браги с театральным вздохом. — Я задержусь еще на минуту. — Войдя в зал, он объявил: — Мне необходимо быть в Совете. Ты, Дерел, и ты, Майкл, продолжайте переговоры. Хабибулла, я полностью доверяю этим людям, так что продолжайте ковать железо. А для тебя, Майкл, у меня будет еще одно дело. Займись Гейлзом. Он нас слушал. Там — потайной ход, — добавил Браги, постучав по деревянной панели стены.

— Я об этом позабочусь, — с несчастным видом произнес Требилкок и многозначительно взглянул на Пратаксиса.

Браги вышел в коридор:

— Пойдем, Дал, и зададим им жару.

* * *

Требилкок секунд тридцать молча смотрел на Хабибуллу. Наконец, видимо, справившись с тревожившими его мыслями, он сказал:

— Скажите, чем мы можем вам помочь. Реально, помимо всякого рода дружественных жестов. Лично я больших возможностей здесь не вижу.

— Вы могли бы поставлять нам оружие. У вас со времен Великих Восточных Войн хранятся богатые трофеи. Вы могли бы делиться с нами разведданными. У вас имеются и иные возможности, которыми мы не располагаем. В первую очередь я имею в виду чародея.

Майклу удалось скрыть удивление. Хабибулла, выходит, ничего не слышал о великой размолвке. Любопытно. Но с другой стороны, здесь нечему удивляться, поскольку в последние дни на улицах все говорили только о матче.

— Да, конечно, сведениями я мог бы поделиться, — сказал Майкл. — Но все трофейное оружие находится в распоряжении армии.

— Думаю, что король разрешит нам им воспользоваться, — сказал Дерел. — Вопрос в том, сможешь ли ты доставить его потребителю.

Требилкок утвердительно кивнул. Контрабандисты Арала сделают это без труда. За соответствующую плату, разумеется.

— В таком случае — никаких проблем. Итак, мы поставляем вам оружие для пяти тысяч человек. Что вы, Хабибулла, можете предложить нам со своей стороны?

— Леди Ясмид может пожертвовать вам на временной основе то, что осталось от культа Хариш.

Требилкок поймал взгляд Дерела. Глаза обоих ничего не выражали, так как каждый из них прекрасно понимал, что его реакцию изучают.

— Хариш? — переспросил Майкл.

— Культ пришел в упадок. В живых осталось чуть больше сотни его адептов. Те, кто остался жив, доставляют нам определенные сложности, и леди желает, чтобы их потенциал использовался бы с толком. По возможности — подальше от дома.

Требилкок припомнил длинный ряд людей, угодивших в его список. Этот зловещий перечень с каждым днем становился все длиннее. Причиной этого, как он считал, были засевшие во дворце враги, существование которых король никак не желал видеть.

— Хорошо. Но мы должны будем сообщить о вашем даре полковнику Абаке. База, с которой станут осуществляться операции, будет находиться на его территории.

— Ты хоть понимаешь, что речь идет о массовых убийствах? — возмутился Пратаксис.

— Лучше убить сотни, чем допустить гибель многих тысяч в гражданской войне, не так ли? А мы сейчас — на пороге такой войны. — Повернувшись к Хабибулле, Майкл спросил: — Вы, видимо, не настаиваете на том, чтобы адепты культа вернулись домой?

— Я этого не говорил, — с недовольной гримасой ответил посланец Ясмид. — Мы просто хотим, чтобы они как вши не копошились в наших волосах, пока не кончится реорганизация.

— Когда вы хотите получить оружие?

— Майкл, — запротестовал Пратаксис, — мне все это страшно не нравится.

— Настало время готовить яичницу, Дерел. А для этого следует разбить яйца. Время прекраснодушия миновало. Хабибулла, я немедленно повидаюсь с Абакой и скоро дам вам знать о том, где он намерен укрыть ваших людей. Где вы остановились?

Хабибулла ответил.

— Прекрасно. Там всегда полно чужеземцев. Сюда больше не являйтесь. Если у вас возникнет необходимость со мной встретиться, найдите человека по имени Гарри в таверне «Три свечи». Заведение расположено на аллее Тинтнер. — С этими словами он поднялся и, обращаясь к Пратаксису, добавил: — А теперь, Дерел, я, пожалуй, поищу Гейлза.

— Подожди меня, — сказал Пратаксис, изысканно вежливо распрощался с Хабибуллой и заспешил вслед за Требилкоком. — Майкл...

— Потерпи, пока мы не выйдем. Здесь и стены имеют уши.

Они остановились у фонтана, который когда-то сооружал камнетес по имени Каллисон. Кто-то пустил воду, несмотря на то, что работы так и не были завершены. Шум льющейся воды и бульканье прекрасно заглушали их шепот.

— Король, судя по всему, готов взглянуть правде в глаза.

— Да. Но действовать придется нам.

— Да, огромное эго и сантименты иногда мешают нашему монарху действовать. Я с отвращением отношусь к этому, но вынужден сказать, что время решительных действий настало. Действий, наносящих существенный ущерб противоположной стороне.

— Действий, наносящих ущерб... — передразнил приятеля Майкл. — От таких фраз у меня крыша ехала еще в университете Ребсамен. Вы, великие умы, даже слова по простоте не скажете.

Дерел смотрел на пляшущие струи воды. Он страшно побледнел, что, впрочем, было объяснимо. Впервые в жизни ему приходилось участвовать в заговоре на чью-то жизнь.

— Все уже устроено, — сказал Майкл. — Но без твоего одобрения команды на исполнение я не дам.

Дерел принялся грызть ноготь. Душевные муки, которые он испытывал, можно было легко угадывать по выражению его лица. Ученый прибыл в Кавелин, чтобы служить секретарем Рагнарсона. Он мечтал написать трактат по истории королевства, который мог бы прославить его имя в научных кругах. Каким-то образом, незаметно для него самого эта благородная цель отошла на второй план, а он сам стал одним из самых приближенных к королю людей. И вот теперь он вынужден принимать решение — умрет ли человек или останется жить...

Дерел истязал свою совесть с того момента, когда к нему зашел Майкл после разговора с Вартлоккуром. Идея убийства принадлежала ему, а вовсе не Майклу. Пратаксис сгорал от стыда. Ведь это он предложил Майклу подумать о том, что можно сделать. И Майкл изыскал способ. Будь он проклят!

— Прости, Дерел. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Мне это тоже не нравится. Но решать надо, и это — не то решение, которое я целиком могу взять на себя.

— Знаю. Все знаю.

Требилкок заметил проходящего мимо них сержанта Вортела.

— Вортел, сюда! — позвал он его.

Сержант перешел на рысь:

— Слушаю вас, сэр.

— Ты, случаем, не видел сержанта Гейлза? Мне надо с ним потолковать.

— Странно, что вы о нем спросили, сэр.

— Странно? Это почему же?

— Он пропустил два последних дежурства. Никто не может его найти.

— Проклятие! Когда его видели в последний раз?

— Прошлым вечером. Гейлз куда-то ускакал примерно за час до того, когда ему надо было заступать на караул. Он так и не вернулся.

— Ну хорошо. Наверное, в этом мало смысла, но я все же хочу поговорить с часовыми, которые в то время стояли у ворот.

— Разрешите идти, сэр? — спросил сержант и, получив утвердительный ответ, заторопился прочь.

— Ну и что же ты решил, Дерел?

— Действуй, Майкл, — со вздохом произнес Пратаксис. — У нас просто нет иного выбора. — Когда они двинулись дальше, Дерел сказал: — Знаешь, он поймет, что произошло, как бы естественно это ни выглядело.

— Наверное. И скорее всего сообразит, кто это сделал. Остается лишь надеяться, что он в это время будет пребывать во всепрощенческом настроении.

Они допросили солдата, который стоял на часах в то время, когда Гейлз выезжал из замка.

— Создается впечатление, что сержант отправился в длительное путешествие, — заметил Майкл.

— Похоже на то, — согласился Дерел. — Думаю, что он убежал, пока это было возможно.

— А я полагаю, что это не бегство. Он здесь работал и сейчас эту работу продолжает. Можно считать, что нам даже повезло.

— Сир, это была самая замечательная речь, которую мне довелось от вас услышать. Мощная. Заряженная эмоциями, — выпалил Дал.

— Молодой человек прав, — согласился Мундуиллер. — Но я не думаю, что она кого-нибудь убедила.

— Ну почему они против меня так злобно настроены? Ведь я не сделал ничего такого, что ни сотворили бы эти выродки Нордмены, имей они подобную возможность.

— Думаю, что просто вновь наступило такое время. Здесь все развивается циклично. Некоторое время все горой стоят за Корону, а потом все вдруг поворачиваются к ней спиной. Такова история Кавелина.

— Хорошо хоть, что Марена Димура и часть Вессонов идут за мной, — сказал, вздыхая, Рагнарсон.

Однако Дал тут же поставил его в тупик, заявив:

— Обратите внимание на Вессонов, сир. Некоторые из них усваивают аристократические замашки. И таких становится все больше и больше.

— Это действительно так, Чам?

— Более или менее, — почему-то покраснев, ответил Мундуиллер. — Но я изложил бы это несколько по-иному. Некоторые из моих коллег и вправду начинают больше отождествлять себя не со своим классом, а с владетелями.

— Не могли бы мы заменить их более чистыми душами?

— Они не разжирели бы так, если бы не чувствовали себя в полной безопасности.

— Понимаю. А это что за явление?

Рагнарсон увидел Требилкока и Пратаксиса. Дерел выглядел просто ужасно.

— Хочу доложить вам о человеке, с которым по вашему приказу должен был встретиться. Этот человек дезертировал. Ускакал вчера вечером, экипировавшись для длительного путешествия, — сказал Майкл.

— Видимо, уловил дыхание судьбы за своей спиной. Чам, не могли бы увидеться чуть позднее?

— Конечно, сир, — ответил Мундуиллер и поспешил откланяться.

— А у тебя, Дал, нет настроения отправиться в долгое путешествие? — спросил Браги.

Дал изумился, чего собственно и ожидал от него Рагнарсон.

— В последнее время я тебя очень сильно гонял и при этом не до конца использовал твои способности.

— Я — солдат, сир. И настроение мое не может иметь отношения к службе.

Рагнарсон не смог удержаться от улыбки. Парень явно чувствовал себя несколько недооцененным.

— На сей раз я поручу тебе особое задание. Когда ты его выполнишь, мы поищем тебе более достойную сферу деятельности, чем работа адъютанта. Как ты смотришь на то, чтобы немного самостоятельно покомандовать?

— С радостью, сир!

— Хорошо. В таком случае отправляйся вслед за Гейлзом.

— За Гейлзом? — разочарованно протянул Дал.

— Будь я проклят, — вмешался Майкл, — ведь он так надеялся, сир, что вы пошлете его в Седлмейр. Разве я не прав, повеса? — спросил Требилкок, похлопывая адъютанта по плечу.

Лицо Хааса залилось краской, и он что-то промямлил.

— Перестаньте, — бросил Браги. — Так ты хочешь отправиться, Дал? Если нет, то я могу направить кого-нибудь другого.

«Потрясающе, — подумал он. — У парня роман с Кристен. Интересно, когда это началось?»

— Я не совсем понимаю, что от меня требуется, сир.

— Иди по следам Гейлза. Узнай, куда он направляется. Выясни, кто его хозяева. У меня такое ощущение, что он скачет в Итаскию. Когда он будет там, внимательно изучи его окружение. Дерел даст тебе рекомендательное письмо к моим друзьям. Эти люди занимают в Итаскии весьма высокое положение и смогут тебе помочь.

— Слушаюсь, сир. Я, конечно, еду. Передо мной открываются такие возможности, от которых я не смею отказать-

ся. Кроме того, у меня там остались родственники, которых я видел в последний раз, когда мне было всего четырнадцать. Должен ли посетить ваше старое поместье?

Рагнарсон жил в Итаскии до прихода в Кавелин и до сих пор владел там недвижимостью.

— Если у тебя будет время. Не придавай этому большого значения.

— Я постараюсь выкроить время. Ведь там мои корни.

— Ну хорошо. Как получится.

— Когда мне следует отбыть?

— Как можно скорее. Гейлз не станет зря терять время. Держись к нему поближе, чтобы ничего не пропустить.

— В таком случае я отправляюсь собираться. Вы позволите мне удалиться, сир?

— Ступай. — Проследив за тем, как торопливо удаляется адъютант, Браги сказал: — Хороший мальчишка этот Дал, и мне нужно всего несколько тысяч таких, как он.

— Похоже, что действительно он горит желанием проявить себя в большом деле, — заметил Дерел.

— Итак, о чем же вы договорились с Хабибуллой?

Ингер стояла у окна и наблюдала за жизнью города. Солнце склонялось к горизонту, и от шпилей наиболее высоких зданий ложились длинные тени. Королеве казалось, что это вовсе не тени, а хищные, тянущиеся к ней злобные руки.

— Тельма, ты что-нибудь слышала?

— Ни слова, миледи. Но, что-то происходит. Никто не отвечает на мои вопросы. Гвардейцы по отношению к нашим людям ведут себя очень странно. Я боюсь.

— Ты боишься, а я просто в ужасе. Джоси, удалось ли тебе вырваться отсюда, не наследив?

Они каким-то образом все же выдали себя. Ингред чувствовала, что ходит по лезвию бритвы и от падения ее удерживают лишь те чувства, которые питает к ней Браги... Ведь он же ничего не знал, не так ли? Нет, он должен был знать.

— И почему только я позволила Дейну втянуть меня в эту мерзость? Если бы не он, то мы с Браги могли бы быть счастливы. По правде говоря, меня совершенно не волнует фамильная вражда и я вовсе не одержима жаждой мести.

— Простите, госпожа. Я не расслышала.

Оказывается, она думала вслух. Весьма опасная привычка. Браги был совершенно прав, когда говорил, что и у стен есть уши. И все этот треклятый Майкл Требилкок... Тельма видела, как он несколько часов тому назад болтался в зале неподалеку от покоев королевы.

Тени удлинились еще больше. Закат безумной мечты, подумала Ингер. Какая адская мука это чувство ужаса, которое она постоянно испытывает. Сумеют ли владетели защитить ее? Ведь они уже столько раз нарушали свои клятвы. Доверять им нельзя.

Заговорщики Нордмены очень хорошо помогли ей, приняв нужный закон о престолонаследии. Тем не менее многим из них предстоит умереть, когда здесь появится Дейн. Кроме них, в могилу должны уйти Абака, Требилкок и им подобные. Если этого не сделать, подручные Браги вернутся, чтобы повторить все сначала.

Ингер прекрасно понимала состояние мужа. Все эти Нордмены — клубок ядовитых змей.

— Миледи, ваш ужин стынет, — сказала Тельма. Она суетилась вокруг стола, делая все, чтобы еда не остыла.

Ингер махнула рукой, отсылая служанку прочь:

— Нет, нет. Я не могу. Я не голодна.

— Но вам необходимо поесть, миледи. Вы не съели ничего существенного со вчерашнего дня.

— Унеси все это, Тельма. Может быть, завтра я проголодаюсь.

Тельма, казалось, была возмущена.

— Как прикажете, миледи, — сухо произнесла она и позвонила в колокольчик. Появились ее помощницы и принялись поспешно уносить тарелки. Ингред улыбнулась. Женщины хотят насладиться деликатесами, пока те не остыли.

В комнату ворвалась девушка, которую, насколько помнила Ингер, звали Карол.

— Миледи... — выдохнула она.

Ингер видела лишь силуэт на фоне распахнутой двери — девушку била дрожь.

— В чем дело?

— Тельма... А также Марта и Зил. Им плохо. Вам лучше взглянуть самой.

Ингер поднялась. Предчувствие чего-то ужасного заставило ее взять себя в руки. Что теперь?

Все три женщины находились в тесной каморке Тельмы. Ингер протолкалась сквозь толпу собравшейся у дверей прислуги. Из комнаты до нее доносились душераздирающие стоны. Едва переступив через порог, Ингер все поняла.

Тельма принесла ужин в свое жилище, чтобы разделить его с подругами. Полупустые тарелки были разбросаны по полу. Одна из них валялась вверх дном, вторая разбилась при падении. Все три женщины лежали свернувшись клубочком и прижав руки к животу.

— Тельму рвет кровью, леди, — произнес кто-то.

Ингер прикрыла лицо ладонями. Она задрожала, ощутив за своей спиной ледяное дыхание смерти. Звуки, которые издавали лежащие женщины, били по нервам королевы.

— Кто-нибудь догадался позвать доктора Вачела? — прохрипела она.

— Да, леди.

Но Ингер понимала, что пользы от лекаря не будет. Они умрут. Пища, наверное, наполовину состояла из отравы. Какой яд действует столь жестоко? Мышьяк? Какое бы вещество ни использовал отравитель, он даже не пытался действовать тонко. Совсем напротив, он — или она — хотели, чтобы их намерение было выражено четко, ясно и не вызывало бы никаких сомнений. Ингер снова задрожала. Нет, отравители ничего не хотели ей этим продемонстрировать. Они хотели убить ее. Ведь ужин предназначался королеве!

Появился доктор и разогнал всех, кроме Ингер. Осмотрев трех женщин, он сказал:

— Для них я ничего не могу сделать. А как вы? Вы принимали эту пищу?

Ингер отрицательно помотала головой. Она не была уверена в том, что, начав говорить, сможет остановиться. Все ее страхи и сожаления были готовы вырваться наружу.

— Всего лишь оглушены случившимся?

Ингер в ответ утвердительно кивнула.

— Я дам вам кое-что успокоить нервы, — сказал доктор, смешивая в высокой кружке какие-то микстуры. — Выпейте.

Она сделала глоток. Жидкость на вкус оказалась просто отвратительной. Ингер в ужасе отбросила кружку, но та не разбилась. Королева уставилась на глиняную посудину так, словно это был ядовитый паук.

Вачел проводил ее в спальню и уложил в постель.

— Надеюсь, вы чувствуете себя уже лучше?

Королева ощутила приятную расслабленность, и ее начало клонить ко сну.

— Да, — прошептала она.

— Вы ничего не хотите мне рассказать?

Она отрицательно покачала головой и в свою очередь спросила:

— Это был яд?

— Да. И в очень большом количестве. Предназначался для вас, не так ли?

— Почему вы так решили? — снова задрожав, спросила она.

— По тому, как вы отшвырнули кружку, проглотив успокоительное снадобье.

— Да. Яд предназначался мне. Что же теперь мне делать?

— Внимательно проверяйте все, что пьете или едите. Постарайтесь припомнить всех, кого вы когда-либо оскорбили. Попросите супруга, чтобы он пустил по следу убийц Майкла.

— Майкла? — горько усмехнулась она. — Нет, нет. Майкла не надо. Я позабочусь обо всем сама.

— Есть ли у вас враги среди женщин?

— Женщин?

— Яд, как правило, является женским оружием. В наши дни по крайней мере. Во времена Империи ядом пользовались колдуны и при этом гордились тем, что делают это весьма изящно. В нашем случае нет даже намека на изящество. Здесь же тонкости столько, сколько в охоте на муху с помощью боевой секиры. Как вы себя сейчас чувствуете?

— Спокойно. Очень хочется спать.

— Вот и хорошо. Сон вам необходим. Но прежде скажите, что мне делать с этими женщинами.

— Неужели они действительно умрут?

— Они уже мертвы, — сказал Вачел. Обычно доктор не отвечал столь прямолинейно. Но сегодня он был страшно огорчен, так как терпеть не мог убийств.

— Похороните их. Все расходы я беру на себя. И прошу, не говорите никому о том, что случилось...

Стены комнаты вдруг начали вращаться. Ингред снова ощутила страх — но на сей раз не очень сильный. Затем она погрузилась в темноту.

ГЛАВА 19

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: РОЖДЕННЫЕ ДЛЯ ТРЕВОГ

Пратаксис нашел Требилкока в дворцовой библиотеке, когда тот что-то нашептывал одному из гвардейцев.

— Ничего не получилось, Майкл.

— Можешь идти, Снейк, — сказал он часовому и, выждав несколько секунд, продолжил: — Именно такого рода провалы люди называют гримасами судьбы.

— Я не стыжусь признать, что мне сильно не по себе, Майкл. Как теперь поступит король?

— Не исключено, что он вообще останется в неведении. Во всяком случае, пока он ничего не слышал. Ее апартаменты сейчас плотно запечатаны. Внутри и снаружи расставлены часовые из итаскийцев. Насколько мне известно, обо всем знает лишь Вачел. Он помог избавиться от тел, но встревать в какие-либо интриги — вовсе не в его характере. Возможно, что наш лекарь — единственная аполитичная личность во всем королевстве.

— Но это не удержит его от того, чтобы не пожаловаться королю.

— Скорее всего действительно не удержит. Но меня это не тревожит.

— Вачел уже стар. Никто не удивится, если он вдруг...

Майкл не мог скрыть своего изумления.

— Нет, Дерел. Только не Вачел. У нас нет для этого достаточно веских причин. Похоже, что ты по-настоящему испугался. Или *я* не прав?

— Рагнарсон в отношении женщин всегда ведет себя очень странно, мягко говоря — нерационально. Сейчас же в наши дела вовлечено такое количество дам, что я просто отказываюсь предсказывать его возможное поведение.

Майкл неодобрительно посмотрел на Дерела: видимо, не зря он всегда подозревал, что этот человек — женоненавистник.

— Продолжай.

— В последние несколько месяцев в центре всех событий в этом королевстве оказываются женщины. Непанта. Мгла. Ингер. Кристен. И наконец, это воздушное создание Ширили. Каждая из них тянет короля в свою сторону, и каждая представляет собой серьезную опасность. Непанта стоила нам помощи Вартлоккура. Мгла вначале едва не прикончила его, а потом убыла, лишив нас своей поддержки. Ингер вообще ведет себя как бешеная собака. Кристен, в своем желании видеть сына кронпринцем, возможно, участвует в заговорах, которые не идут нам на пользу. Она просто не может быть той невинной овечкой, которой старается казаться. А эта самая Ширили полностью отвлекала его от государственных дел в то время, когда корабль королевства необходимо постоянно держать на нужном румбе.

— А теперь у нас есть еще и Ясмид, которая тянет короля в свою сторону, — добавил Майкл.

Выплеснув на приятеля часть своих огорчений, Дерел рухнул в кресло и спросил:

— Ну и что же нам теперь делать?

— В том случае, если он узнает? Да ничего. Будем твердить, что мы к этому делу не имеем никакого отношения. Мне он не поверит, но тебе поверить сможет. Поскольку подобное совсем не в твоем духе и ты не настолько втянут в дела королевства. — Последние слова Требилкок произнес со смешком.

— Увы, я втянут, и даже чересчур. Мне давно следовало уехать отсюда. Я прожил здесь слишком долго и уже не пытаюсь притворяться объективным исследователем.

— Это почему же?

— Да потому, что он, будь я проклят, мне нравится. Я хочу, чтобы его идеи претворились в жизнь, потому что эти идеи не только его, но и мои. Кавелин и мое дитя. Я желаю видеть, как он взрослеет.

— И?..

— Хэлин-Деймиель перестал быть моим домом, и теперь вся моя жизнь проходит здесь. Я пробыл в Кавелине слишком долго.

— Так же, как и я.

— И ты тоже?

— Я прибыл сюда вместе с Гжердрамом сразу после того, как мы с ним окончили университет Ребсамен. Прибыл совсем ненадолго, лишь для того, чтобы лучше познакомиться с миром, прежде чем стать во главе семейного бизнеса. А сейчас я принадлежу Кавелину не меньше, чем сам король.

— Который являет собой еще одного чужеземца, очарованного этой страной, — фыркнул Пратаксис. — Странно, не правда ли? Люди, которые больше всего любят Кавелин, явились из других мест и застряли здесь лишь по воле случая.

— Это не страна, а липкая паутина, — согласился Майкл и тут же спросил: — Должен ли я нанести новый удар?

— Я бы ответил отрицательно... Тебе не кажется, что нам удалось ее нейтрализовать?

— Об этом я и говорил со Снейком. Он не знает, что происходит, но его пост там наверху. Снейк утверждает, что люди Ингер смертельно напуганы. А это означает, что она тоже в ужасе. Солдат говорит, что ее апартаменты под замком ночью и днем. Пока двери на запоре, мы туда проникнуть не в силах, а она не сможет выйти, чтобы чинить нам неприятности.

— Прекрасно. Не могли бы мы усилить изоляцию? Не допустить никаких контактов, например.

— Я как раз собрался отдать такой приказ, Дерел. После этого, для того чтобы встретиться со своими сообщниками, ей придется покинуть свои покои.

— Правильно. Установи наблюдение за всеми, кто пытается вступить с ней в контакт. Однако яйца курицу не учат... Но вот что я могу тебе посоветовать. Держи ее в постоянном страхе. Не давай ей возможности с кем-либо беседовать, за исключением, естественно, тех, кого мы удержать не в состоянии. — Дерел имел в виду короля. — Ее друзья из числа владетелей очень скоро начнут нервничать. В трюке короля во время игры имеется по крайней мере один положительный момент — бароны поняли, что монарх не утратил воображения и по-прежнему готов на решительные действия.

— Кроме того, они увидели, что рядом с королем есть люди, которые не побоятся переломать Нордменам кости, в том случае если они не станут вести себя по устраивающим нас правилам.

— Если ты имеешь в виду Дантиса, то боюсь, что он может стать для нас обузой. Послушай, тебе не кажется, что будет лучше, если приказ закрыть к ней доступ отдам я? Я сделаю это под тем предлогом, что королева тяжело больна. Никто в это, конечно, не поверит, но мой приказ тем не менее будет иметь больший вес, чем твой. Может возникнуть много пересудов, если он будет исходить от тебя.

Майкл вопросительно вскинул брови.

— Разве тебе не известно, что ты, Майкл, есть не что иное, как дьявол во плоти? Люди считают тебя существом чуть ли не сверхъестественным. Ты приводишь их в ужас. А испуганные люди таят в себе огромную опасность.

— Да перестань ты...

— Поверь мне хоть раз на слово, Майкл.

Кристен прибыла в Седлмейр примерно в то время, когда Требилкок и Пратаксис, закончив беседу в библиотеке, разошлись по своим делам. Дом, в который доставил ее эскорт, был очень скромным, чуть ли не плебейским. В одной из немногочисленных комнат разместились Кристен и Ширили, а в другую, свободную, пришлось запихать всех детей. В доме заправляла пожилая пара по фамилии Шастян. Старики оказались друзьями Требилкока.

Часом раньше, обогнав Кристен в пути, к Шастянам прискакал курьер из Форгреберга. Сообщив об этом, Элма Шастян добавила:

— Мы получили приказ держать вас все время в доме. Никаких контактов с местными жителями. Нам не сказали, кто вы такие, и мистер Требилкок не желает, чтобы об этом кто-нибудь узнал.

Кристен все это крайне не понравилось. Торчать в этом домишке в обществе кучи детей много дней подряд?

— Сколько же времени продлится наше заточение? — не скрывая раздражения, спросила она.

— До тех пор, пока мы не получим другое распоряжение. Но по меньшей мере три недели.

— Три недели? — простонала Кристен. — Я предпочла бы провести три месяца на галерах в Дунно-Скуттари.

— Я уверена, что все делается в целях нашей безопасности, — вмешалась Ширили. — А с детишками я тебе помогу.

— Ты не знаешь Майкла. Госпожа Шастян, а для меня не было послания?

— Там есть запечатанный пакет. Мейкин передаст его вам, как только разберется с вашими возничими.

— Давай разместим первым делом детей, Шерри, — сказала Кристен.

— А как ты думаешь, для меня там весточка найдется? — спросила Ширили, когда они поднялись наверх.

— Не знаю. Насчет писем он не мастак. Поэтому не очень огорчайся, если послания не окажется. Отослав тебя сюда вместе со мной, он сказал гораздо больше того, что мог бы написать или выразить словами.

Кто-то из детей ныл, а другие учинили страшный шум. Примерно так же они вели себя в течение всего путешествия.

— Гундар! — крикнула Ширили. — Веди себя прилично, как подобает в твоем возрасте. И помоги сестренке.

Мейкин Шастян оказался розовощеким старичком, с обширной плешью, окруженной венчиком седых волос, и с улыбкой херувима. В руках он держал объемистый пакет.

— Надеюсь, что моя супруга уже довела до вас правила? — осведомился он.

— Да, — коротко бросила Кристен — она уже успела сломать ноготь, пытаясь вскрыть пакет.

— Вы, госпожа, наверное, лучше, чем я, понимаете причину подобных строгостей. Мне неизвестно, кто вы, и я не знаю, кто может вас разыскивать. Моя работа состоит не в том, чтобы знать. Она состоит в том, чтобы о вас заботиться.

— Остается надеяться, что хоть Майкл знает то, что делает.

— Как правило, госпожа, он это знает.

— Для тебя есть одно, Шерри, — сказала Кристен, протягивая письмо подруге.

Сама же она получила три. От свекра, Майкла Требилкока и, к немалому ее изумлению, от Дала Хааса. Удивленно вскинув брови и улыбнувшись, она в первую очередь вскрыла послание Дала.

— Мы проведем здесь месяц, — сказала Ширили. — Так он хочет. На всякий случай. Это значит, я не смогу увидеть его целый месяц. Что с тобой? — спросила Ширили, взглянув на подругу.

— Они отправили Дала в Итаскию.

— Вот как? В таком случае я не имею права жаловаться. Не так ли?

— Именно так.

— Значит, он тебе все-таки нравится?

— Может быть. А может быть, я отношусь к нему хорошо только потому, что его не тревожит мой прошлый брак с сыном короля.

— Интересно, как поживает Джулия?

— Джулия? Почему ты вдруг о ней вспомнила?

— Потому что мы заговорили о мужчинах. Она собирается замуж за сэра Гжердрама.

— Но он же помолвлен с этой жалкой Гвендолин.

— Все скоро изменится, — ухмыльнулась Ширили. — Она ему пока еще не сказала, но уже твердо решила это сделать.

— Понимаю. Значит, там возникла критическая ситуация?

— Именно. Мне жутко хочется знать, что сейчас происходит в городе.

— Они выиграли матч.

— Но тогда с какой стати мы должны здесь торчать целый месяц?

— Они опасаются, что кто-нибудь попытается нанести им удар через нас или детей. Насколько я поняла, множество людей потеряло кучу денег.

— Что же, остается лишь надеяться, что тучи скоро рассеются. Мне его уже не хватает.

Кристен покачала головой и отправилась взглянуть на детей. Ширили ведет себя очень странно. У нее начал проявляться собственнический инстинкт. Это может стать опасным...

Но разве не этого она хотела, когда подталкивала их друг к другу? Их связь была нужна ей для того, чтобы оторвать свекра от Ингер и очистить путь для Рагнара... «Похоже, что я никогда не бываю довольной до конца», — подумала она.

Требилкок придержал своего коня рядом со скакуном Дерела Пратаксиса. Склонившись поближе к приятелю и не сводя глаз со спины короля, Майкл спросил едва слышно:

— Он говорил что-нибудь? Неужели тайна так и не выплыла наружу?

— Нет. Не думаю, что он с ней виделся. Ему даже не известно, что она закрылась в своих покоях.

— Не хватило времени?

— Не думаю. Он был не очень занят. Вчера вечером успел даже почитать немного. Похоже, что просто не желает ее видеть.

— Эй вы, там сзади! — проревел Рагнарсон. — Дерел! Майкл! Вы будете слушать, или вам требуется специальное приглашение?

Король оглядел своих приближенных. Те, кто собирался отправиться вместе с ним, находились в состоянии пол-

ной готовности. Те же, кто оставался в городе, начинали злиться. Хорошо. Так и должно быть.

— Сержант, дайте сигнал трубачам и барабанщикам. Хватит зря тратить время, пора начинать марш.

Ударили барабаны. Зазвучали трубы. Распахнулись ворота замка. На стенах пронзительно взвизгнули горны. Браги поднял глаза на окна дворца и увидел, как в спальне королевы за стеклом мелькнуло лицо, едва заметное в предрассветном сумраке. Он посмотрел в створ ворот, стараясь выкинуть из памяти образ супруги.

На смотр Форгребергского полка и личной гвардии короля ушел почти час. Те приближенные Рагнарсона, которые оставались в городе, томились в нетерпении. Некоторых ждали неотложные дела, а некоторые, вроде Креденса Абаки, мучились потому, что их оставляли в городе. Наконец последний отряд, промаршировав мимо короля, вышел за ворота.

Король обратился к своим ближайшим сподвижникам:

— Креденс, Майкл, Чам, я рассчитываю на то, что вы сможете поддержать здесь порядок. А тебе, Дерел, я разрешаю их хорошенько вздуть, если ты увидишь, что они манкируют своими обязанностями.

Браги первым рассмеялся своей шутке. Представить Дерела, идущего на кого-то с кулаками, было просто невозможно.

Пратаксис скроил недовольную физиономию и что-то невнятно проворчал. Чтобы как можно сильнее выказать свое неудовольствие, он нахмурился еще сильнее. До этого, когда происходили важные события, ему ни разу не отказывали в праве сопровождать Рагнарсона. Впрочем, он хорошо все понимал. Его претензии на роль объективного исследователя истории давным-давно испарились, и теперь он принесет королю гораздо больше пользы, если останется здесь во дворце и выступит посредником между Чамом, Креденсом и Майклом.

— Ведите себя хорошо, ребята, — сказал Браги и перевел свою лошадь в шаг, а штабные офицеры и телохранители образовали вокруг него кольцо.

Ну наконец-то, подумал он, после трех лет заточения — назад в поле! Подальше от бесконечных свар и укусов исподтишка. Назад к делу, которое он знал лучше всего. Назад к солдатскому ремеслу! Чувствовал себя Браги просто прекрасно.

Батальон Форгребергцев и батальон из личной гвардии короля покинули войсковую колонну и вернулись в казармы. Рагнарсон не думал, что за время его отсутствия случатся беспорядки, однако ему было известно, что настроение обитателей столицы подвержено изменениям. Нельзя было лишать Креденса инструмента, при помощи которого он мог бы в случае необходимости поддерживать порядок.

Браги не стал оглядываться. Он не хотел видеть дворец до своего возвращения. У него даже возникло искушение продлить маневры, дабы создать предлог для того, чтобы оставаться подальше от Форгреберга как можно дольше.

Перед его мысленным взором возник образ Ширили. Единственная достойная причина для того, чтобы поторопиться вернуться домой.

— Мне очень не хватает тебя, девочка, — прошептал он.

Ингер отпрянула от окна. Он заметил ее, но не подал виду. Он не появлялся целую неделю, а теперь даже не подумал попрощаться. Ингер уже не сомневалась в том, что между ними возникло полное отчуждение.

Некоторое время Ингер надеялась на то, что муж появится у нее и они смогут за мирной беседой устранить все разногласия. Нельзя утверждать, что проблема не поддавалась решению. После отъезда Джоси она чувствовала себя не столь обязанной придерживаться выработанного плана. Но муж не пришел. Даже попытка покушения на ее жизнь не вызвала у него никакого интереса.

Ингер была уверена, что сам Браги к попытке убийства не имел ни малейшего отношения. Такое было вовсе не в его стиле. Если бы он решил с нею покончить, то действовал бы иначе. Нет, за отравлением стоит кто-то другой. А Браги скорее всего вообще ничего не знает.

На уме у нее было всего лишь два возможных кандидата на роль убийцы. Майкл Требилкок и сноха Браги. При этом

она была склонна подозревать в первую очередь женщину. Эта хваткая маленькая ведьма готова на все ради того, чтобы увидеть своего сыночка кронпринцем.

Ингер снова подошла к окну, но увидела лишь развевающиеся вымпелы войск, марширующих уже за стеной замка.

Ей сообщили, что он уходит. Отправляется в Баксендалу вместе с войсками и будет отсутствовать целый месяц.

И в этот месяц между нею и человеком, жаждущим ее гибели, не будет никого, кто мог бы встать на ее защиту.

Когти страха снова впились в сердце королевы, и она снова сказала себе:

— Какой же я была дурой, позволив Дейну втянуть меня в это грязное дело.

И вот теперь она существует словно в осажденной крепости, заставляя верных друзей пробовать для нее всю пищу и обливаясь холодным потом при каждом стуке в дверь. Тот факт, что ни один из людей Браги не постучал в ее покои, королеву не успокаивал. Она не могла избавиться от сводящего с ума кошмара, ощущая, что эти люди все туже затягивают петлю на ее шее, поджидая лишь благоприятный момент для того, чтобы выбить скамью из-под ног.

У нее начали возникать приступы клаустрофобии, а конца заключению видно не было. Возникала опасность того, что они умрут от голода. Как при обычной осаде.

Может быть, ее врагам это еще не пришло в голову?

— Салли. Джейн. Мне потребуются мужчины-телохранители. Мы отправляемся на рынок.

— Вы считаете, что это разумно, миледи?

— Нет. Не считаю. Но после ухода короля нас станут подстерегать еще большие опасности, и мы не посмеем покинуть мои апартаменты. В том случае, если мы не сможем выйти, мы просто умрем от голода. Прежде чем наши враги сообразят, что в их силах покончить с нами таким простым способом, мы должны запастись продовольствием.

Реакция на ее выход в свет потрясла Ингер. Создавалось впечатление, что этого просто никто не заметил. Видимо, никого это не интересовало. Верные Браги люди не обращали на нее никакого внимания и не предпринимали

попыток воспрепятствовать выходу. Часовые у ворот без всяких слов выпустили всю компанию в город.

— Хунсикер!

— Слушаю вас, миледи.

— А я-то думала, что они сделают все, чтобы удержать нас взаперти.

— Возможно, они передумали, — пожал плечами солдат.

Это был ясный, теплый, хотя и немного ветреный день. В парке щебетали птицы. Некоторые деревья стояли согбенные под тяжестью ранних фруктов. Этот день не принадлежал к тому тревожному миру, в котором все последнее время жила Ингер. Ее настроению больше соответствовали темные облака, сумерки и надоедливый мелкий дождь.

Может быть, попытаться воспользоваться случаем и бежать? Выбраться из города и укрыться в поместье одного из друзей. Идея ей понравилась...

— Мы не одни, миледи, — сказал Хунсикер.

Ингер обернулась и посмотрела через плечо. За ними следовали три всадника.

— Может быть, вы желаете от них оторваться? — спросил солдат.

— Нет, у нас и без того достаточно неприятностей, — ответила она. Проблема бегства решилась сама собой.

Ингер весь день ощущала на себе взгляды соглядатаев, но узнать ей удалось лишь одного человека. Находясь на рынке, она заметила, как из толпы на нее смотрит Майкл Требилкок. Узрев это бледное как сама смерть лицо, королева содрогнулась.

Ингер была страшно рада, когда их путешествие завершилось и она смогла вернуться в свои покои.

— Третий день я изучаю все возможные варианты, — сказал Майкл, обращаясь к Пратаксису. — Единственный реальный путь — ворваться туда силой. Но верные ей люди будут стоять насмерть.

— Но с какой стати? — удивился Дерел. — До появления у нас она вовсе не была важной персоной и не могла заслужить такой преданности.

— Мои догадки будут ничем не лучше твоих предположений. Может быть, Далу Хаасу удастся найти ответ.

Дал Хаас изнемогал от усталости. Объект его преследования был старше Дала и уставал быстрее, но и он гнал своего коня. Прошло довольно много времени, прежде чем молодому человеку удалось настигнуть Гейлза. В это время они уже находились в северной части Рудерина. Дал не сомневался в том, что сержант скачет домой. Чтобы добраться до Итаскии-Города, Гейлзу неизбежно придется проехать по Великому мосту через реку Серебряная лента. Дал решил скакать вперед, чтобы хорошенько отдохнуть и затем встретить сержанта на въезде в столицу Итаскии.

Баксендала в отличие от Форгреберга оказалась городом очень гостеприимным. Дружелюбно настроенные жители высыпали на улицы, чтобы приветствовать проходящую маршем армию. Они выстроились вдоль дороги до самого Карак-Штрабгера. Эта небольшая, стоящая на высоком холме крепость доминировала над городом, и с ее стен и башен открывался прекрасный вид на восток. При виде короля со всех сторон раздавались приветственные крики.

— Они надеются, что мы потратим здесь кучу денег, — сказал Гжердрам.

— Ну и циник же ты.

— Не стану спорить. Эта проклятущая страна кого угодно превратит в циника. И почему я не внял совету отца? Он так не хотел, чтобы я возвращался домой.

Когда Рагнарсон появился в Кавелине, отец Гжердрама Инред Тарлсон был маршалом Короны. Инред умер от ран во время гражданской войны, и Браги занял его место.

Рагнарсон остановил колонну и, показывая на запад, сказал:

— Взгляни, Гжердрам.

Был ясный солнечный день, от открывающегося пред ними вида на горный проход Савернейк захватывало дух. Картину с обеих сторон обрамляли снежные пики.

Гжердрам целую минуту молча смотрел на эту величественную панораму. Насладившись ландшафтом, он произнес.

— Согласен. Картина стоит того, чтобы на нее посмотреть. Если вы способны продолжать борьбу после того, что уже потеряли, я тоже способен на это.

Часом позже, когда они наслаждались лицезрением того же ландшафта со сторожевой башни Карак-Штрабгера, Гжердрам неуверенно произнес:

— Сир... Браги... Не могли бы вы оказать мне большую милость?

— Все, что угодно, в рамках здравого смысла.

— Речь идет о Джулии...

— Джулии? Что же случилось с Гвендолин?

— Гвендолин ушла в историю. Но я сейчас не об этом. Все родные Джулии погибли в войнах. Она осталась совсем одна.

— Я слышал об этом. Не служил ли ее отец, часом, в Дамхостерском полку?

— Ее дядья и все братья, как родные, так и двоюродные, воевали в отряде Южных лучников, в отряде легкой кавалерии Седлмейра и в Дамхостерском пехотном полку. Они все похоронены здесь. — Гжердрам показал рукой на мемориальное кладбище погибших в битвах под Баксендалой. — Джулия хотела, чтобы я возложил венок.

Некоторое время Рагнарсон молча смотрел на тихий, залитый ярким солнцем горный проход, припоминая ярость гремевших здесь битв, страхи и боль давно прошедших дней. Браги снова увидел парящих в небе боевых драконов, увидел склоны, почерневшие от заполонивших их восточных орд, и вспомнил, как содрогается земля под ударами противостоящих друг другу могущественных чародеев. Множество прекрасных людей обильно полили эту землю своей кровью. Неисчислимое множество бойцов с обеих сторон стали жертвами непомерных амбиций своих вождей.

— Мы возложим венки на все могилы, Гжердрам. Воздадим почести всем павшим. Итак, что же ты от меня хочешь?

— Не могли бы вы быть посаженым отцом Джулии на нашем бракосочетании?

Они все умерли, и умерли за меня, подумал Браги, а вслух произнес:

— Почему бы и нет. Итак, наш Гжердрам наконец женится...

— Как только наступит зима и все вокруг немного успокоится, — застенчиво пояснил Гжердрам.

Зимой враги Кавелину обычно не угрожали, и обитатели крошечного королевства могли позволить себе улаживать личные дела.

— Хорошо, — повторил Рагнарсон, — я согласен.

— Вы произнесли это как-то странно. Что-нибудь не так?

— Ничего особенного, — улыбнулся Браги. — Просто никогда не видел в тебе семейного человека.

— Я становлюсь старше. И кроме того, встретил подходящую женщину.

— Не могу спорить ни с первым, ни со вторым. Похоже, что там, внизу, они уже готовы. Что, по-твоему, нам следует им сказать, чтобы дело закрутилось? Да, кстати, эти люди из Майсака уже прибыли?

— Пока нет. Но еще до заката они должны появиться. — Когда они спустились вниз на пару пролетов, Гжердрам спросил: — Как вы думаете, лорд Хсунг действительно выводит гарнизон из Гог-Алана?

— Было бы весьма интересно это проверить, — пожимая плечами, ответил Браги. — Это все, что я могу пока сказать. Но убедиться в этом было бы недурственно.

Арал Дантис с трудом отходил ото сна. Всю ночь его преследовал образ женщины, которую ему больше не суждено увидеть.

— Проклятие! — пробормотал он. — Почему она никак не оставит меня в покое? Чем она отличается от всех остальных баб?

— Что? — послышался сонный голос. — О чем это ты, миленький?

— Ни о чем, ни о чем. Спи себе дальше, — прошептал Арал, осторожно поднялся с постели и подошел к окну.

Глухая ночь. Видимо, спал он не больше часа. С таким же успехом вообще можно было не ложиться. — Проклятие! — повторил Дантис. — Надо спешить, пока они не обокрали меня дочиста.

Поспешно одевшись, он сбежал вниз по лестнице.

Две трети мест в заведении пустовало, хотя обычно это было самое горячее время.

Он обежал помещение, нашел толстяка, схватил его за локоть и спросил:

— Все еще плохо?

— Просто отвратительно.

Дела шли скверно, потому что постоянные посетители из высших слоев общества стали бойкотировать заведение, не без основания подозревая, что его владельцы принимали участие в грабеже аристократов после матча века.

— Ничего, все образуется. Здесь или в других наших местах. Люди так легко не избавляются от своих порочных наклонностей.

— Вне сомнения. Вне сомнения. Ты уже отправил те сундуки своему другу?

— Процентов на семьдесят. Чтобы перегрузить такую массу, понадобилось множество людей.

— Ты хотя бы узнал, что там находится?

— Конечно. Оружие. Полный набор. Но в основном все-таки мечи.

— Оружие? Такое количество? Неужели твой друг решил экипировать целую армию?

— Наверное.

Арал, прежде чем договариваться с контрабандистами, вынудил Майкла рассказать ему о характере груза. То, что он услышал, ему крайне не понравилось. Поставлять оружие Избранным Эль Мюрида — чистое самоубийство! Но разве он что-нибудь понимает во внешней политике? Разве может со знанием дела судить о ней? Остается надеяться, что Толстяк не узнает, кому предназначается оружие. Этот человек ненавидел все, что хотя бы слегка попахивало Учеником. В Эль Мюридских войнах погиб его брат.

— Пойдем на воздух, пошляемся по городу, — сказал Арал. — Взглянем, что творится по соседству.

В округе — тишина и покой. Арал надеялся, что его предсказание оправдается и дела у них со временем пойдут лучше.

Пора возвращаться домой, чтобы добрать хоть немного сна. Утром ему предстояла верховая прогулка в обществе Майкла.

У Мглы была назначена встреча с лордом Чьеном Као Е — человеком, который больше всех других содействовал ее возвращению на трон Шинсана. Принцесса в ожидании этого свидания заметно нервничала. Лорд Чьен провел весь день, отстаивая ее интересы в Совете тервола, и теперь должен был явиться вестником новостей. Плохих или хороших.

Лорд появился и уже с порога утвердительно кивнул. Итак, Совет решил выступить на ее стороне! Она стала принцессой не только по форме, но и по существу. Империя снова вернулась к ней, и на сей раз — без всяких споров. На сей раз О Шинг не собирал армий в отдаленных провинциях, чтобы бросить ей вызов. Мгла вскочила с трона, подбежала к лорду Чьену и обняла его:

— Мы сделали это! Мы победили, Као Е!

Као Е слегка привлек ее к себе — это было первое проявление каких-то эмоций с его стороны за все время их знакомства. Под вечной маской сухой сдержанности сейчас в нем тоже бушевала радость.

— Как вам это удалось? — спросила Мгла, отступая назад. — Что смогло их убедить?

Она опасалась, что Совет, ссылаясь на ее длительное сотрудничество с врагами Империи, будет всячески оттягивать принятие решения.

— На них произвели впечатление ваши успехи на Востоке и та быстрота, с которой вам удалось стабилизировать положение на южном фронте. В вашу поддержку выступил лорд Ссу-ма, и выступил очень убедительно. До этого он всегда восхищался лордом Куо Вен-чином. Его речь изменила баланс сил. Мне кажется, что теперь мы вправе ожидать длительного и спокойного правления. Нет даже и намека на возможность появления направленного против вас

заговора. Тервола утомились от всех этих переворотов и контрпереворотов. Мы знаем теперь, в какую цену встает нам разброд. Во всей Империи сохранился лишь один потенциальный возмутитель спокойствия.

— Лорд Хсунг?

— Именно.

— У меня не было времени на то, чтобы внимательно наблюдать за ним. Чем он занимался в последнее время?

— Ничего нового. Мне, правда, известно, что он временно отменил свои планы вторжения в Хаммад-аль-Накир. Мне кажется, принцесса, что настало время подыскать ему замену.

— У него множество друзей. Кроме того, многие тервола разделяют его идеи о способах разрешения наших проблем на западе, — произнесла Мгла с мягкой улыбкой, хотя судьба лорда Хсунга была ею решена уже давно. — Мы не можем сместить его до тех пор, пока он не совершит акт вопиющего неподчинения.

— В таком случае мы неизбежно окажемся втянутыми в войну с Эль Мюридом. Ученика, конечно, уже нельзя считать тяжеловесом, но врагов нам тем не менее плодить не следует.

— Вы успели договориться с представителями штаба лорда Хсунга?

— Да. Так, как вы указали.

— Отлично.

— Если позволите, госпожа, то я скажу вам откровенно: мне не нравится так поступать со своим братом.

— Мне тоже. Но всему есть предел. Он осудил себя своими собственными словами и теперь должен послужить уроком для остальных.

— Как прикажете, госпожа.

— Я так приказываю. И еще. Попросите лорда Ссу-ма встретиться со мной завтра. Я хочу лично поблагодарить его.

— Хорошо.

Поблагодарить лично? Я его уже отблагодарила, думала Мгла. Но об этом, лорд Чьен, знает лишь он и я. Прости меня, мой старый друг, но я собираюсь разочаровать тебя в твоих тайных устремлениях. Для этой работы лорд Ссу-ма

подходит больше, чем ты. Но придет и твоя очередь. Ты служил мне долго и хорошо. Потерпи. Своих друзей я никогда не забываю.

Мгла подумала о старых друзьях на западе, судьба которых окажется очень незавидной, если она позволит лорду Хсунгу поступать так, как тому хочется. Принцесса надеялась, что Браги правильно истолкует ее жест.

ГЛАВА 20

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА: КОГДА ИСКРЫ ЛЕТЯТ ВВЕРХ

Креденс Абака скрестил руки на груди, закрыл глаза и произнес:

— Прочитай еще раз последнюю часть.

Адъютант снова обратился к донесению, доставленному посыльным Требилкока.

— Так, значит, сегодня? Тебе предстоит сделать следующее. Во-первых, прикажи плотникам сколотить виселицу на шестнадцать персон. Во-вторых, отправь туда роту Блакли, переодев всех солдат в гражданское платье. Пусть начинают хватать этих вонючек, как только те откроют пасть. Арестованных пусть переправляют Требилкоку.

Майкл в своем донесении сообщал, что в районе улицы Арсен готовится мятеж.

— Ты же понимаешь, что это за мятеж, не так ли? — спросил Абака у адъютанта. — Всего лишь отвлекающий маневр, предпринятый владетелями. Главное представление состоится в другом месте. Они устраивают мне испытание. Передай эти мои рассуждения Требилкоку и скажи Адаму, чтобы тот был начеку. Да, и еще... Спроси Требилкока, где и когда можно ожидать новых волнений.

Мятеж начался точно так, как предсказывал Майкл. Абака действовал быстро и беспощадно. Виселица под тяжестью тел удавленников рухнула, и тела остались валяться на земле. Когда у обывателей появилось время обдумать случившееся, их охватило чувство ужаса и отвращения.

Полностью сбылось и пророчество Абаки. Мятеж был призван отвлечь внимание от отряда, пытавшегося ворваться в замок Криф, чтобы освободить Ингер из плена и укрыть в западной части Кавелина. Ни одному из нападавших не удалось уйти живым.

Дал заметил Гейлза, когда тот, съехав с Великого моста, направился в район Южных причалов Итаскии-Города. Сержант прибыл на день позже, чем рассчитывал Дал, и у него хватило времени на то, чтобы встретиться с друзьями короля в правительстве Итаскии.

Молодой человек был изумлен той готовностью, с которой все бросились ему помогать. В помощь Далу на постоянной основе был прикомандирован полковник из Военного министерства. Полковник прибыл в сопровождении отряда из тридцати человек. Бросив единственный взгляд на Гейлза, он объявил:

— Перед нами, капитан, вовсе не сержант пехоты.

— Простите, сэр, я не совсем понял.

— Имя — Джоси Гейлз — соответствует действительности. Но все остальное — легенда. На самом деле этот человек — полковник личной армии семейства герцогов Грейфеллз. Один из самых близких герцогу людей. Поскольку его не было видно несколько лет, мы полагали, что он погиб. Давайте вернемся в министерство и попробуем припомнить все, что вам известно о его друзьях.

— Значит, он агент герцогов Грейфеллз?

— Да. Очень хороший и надежный человек. Напрасно тратит силы и жизнь на службу этим мерзавцам. Ходят слухи, что он прилип к ним, потому что влюблен в Ингер, а также потому, что считает себя в долгу перед ними за ту ошибку, которую когда-то совершил, охраняя девушку.

— Мне кажется, что вы уже ответили на большую часть вопросов короля, — сказал Дал.

— А мне кажется, что вы этим обстоятельством счастливы, — улыбнулся полковник.

— Я опасался, что мне придется провести здесь месяцы. У меня дома осталась дама... — залился краской Дал.

— Понимаю. Но прежде чем возвращаться к своей даме сердца, подарите нам еще несколько дней. Возможно, что с вашей помощью нам удастся решить проблему с этого конца. Отрубить у дракона голову, как говорится. Мы знали, что Грейфеллз что-то затевает, но не могли определить, что именно и где. Мы думали, что он интригует здесь. Сможете ли вы задержаться?

— Да, конечно. Тем более что хочу, воспользовавшись пребыванием здесь, съездить на север. У короля Браги выше по реке имеются владения. И у меня там остались родственники.

— Я знаю это место. В свое время мы держали там гарнизон, но сейчас имение пустует, если не считать нескольких фермеров. Ваши родственники могут быть фермерами?

— Мой отец оставил им свою долю собственности, — утвердительно кивая, ответил Дал. — Вы уверены, что ваши люди смогут проследить за Гейлзом?

— Они сделают это лучше, чем вы, поверьте. Посвятим остаток дня анализу того, что нам известно, а навестить родственников вы сможете завтра. Когда вы вернетесь, я представлю вам полный отчет. Мы попытаемся ответить на новые вопросы, если таковые возникнут, после чего вы сможете отправляться домой.

— Меня это вполне устраивает, — ответил Дал, которому не терпелось увидеть свой старый дом. Там он был когда-то счастлив и теперь надеялся, что сможет вернуть хотя бы частицу своего прошлого.

Из Майсака наконец поступило известие, которого с таким нетерпением ждал Браги. Легионы Империи Ужаса начали оставлять Гог-Алан — древний разрушенный город у восточного устья горного прохода Савернейк.

— Выступаем утром, — объявил Рагнарсон. — В направлении Майсака.

Гжердрам вопросительно посмотрел на короля, а барон Хардл в свойственной ему манере спросил прямо в лоб:

— К чему такая спешка?

— Даже самому быстрому гонцу нужна неделя, чтобы проскакать от Гог-Алана до Баксендалы. Нам надо успеть

учинить шум, пока там останутся те, кому следует его услышать.

— У меня в этой связи возникают какие-то нехорошие предчувствия, — заметил Гжердрам. — Что-то здесь не так.

— Что именно?

— Не знаю. Просто ощущения. Нет ничего такого, во что я мог бы ткнуть пальцем.

— Куда ткнуть, назад или вперед? — У Рагнарсона было точно такое же чувство, но его знаменитая интуиция не подсказывала, в какую сторону следует совершить прыжок.

— Не могу сказать. Знаю только, что дома позавчера случился мятеж.

Эта новость довольно быстро пришла к ним по системе сигнальных огней, связывающих крепость Майсак со столицей.

— Бунт не кажется мне серьезной проблемой. Креденс сумел разобраться с мятежниками.

— Не знаю... Возможно, что меня беспокоит слишком большое число переменных величин в политическом уравнении. Фракционный разброд дома. Связка Мегелин—Норат. Ясмид. Хсунг. Мгла. Слишком много сил тянут нас в разные стороны.

— Возможно, ты прав. Тем не менее завтра мы выступаем. Постарайся с утра выглядеть как можно воинственнее. Побольше огня во взоре.

Арал легким галопом подскакал к ожидающему его Майклу. Это был их первый совместный выезд после мятежа.

— Давненько же мы с тобой не встречались, — весело бросил Майкл, на что Арал ответил невнятным, но явно недовольным ворчанием. — Что с тобой? В такой-то прекрасный день. Неужели вчерашняя гроза тебе больше по вкусу?

— Засиделся я вчера до поздней ночи.

— Для этой цели у тебя имеется партнер. Вот пусть он и заправляет всеми текущими делами. Ты же обязан сохранять респектабельность.

— Дело не в этом. Я полночи толковал кое с кем из контрабандистов. Некоторые из них вернулись, доставив оружие, а некоторые прибыли из Тройеса.

— И?..

— Они говорят, что там вот-вот произойдет взрыв. Хсунг наконец принял окончательное решение. Лорд приступает к действиям вопреки здравому смыслу и приказам.

— Но, как ты понимаешь, мы вряд ли сможем ему помешать. Почему же у тебя такая кислая рожа?

— Я просто боюсь, что король кинется в очередную глупую авантюру.

— Перестань...

— Он сильно изменился, Майкл. Бездумно делает огромные ставки. То и дело бросает вызов судьбе. Рискует в тех случаях, когда всем ясно, что делать этого не следует. Может быть, пребывание на престоле ударило ему в голову?

Майкл не мог не согласиться с приятелем.

— Король отметает все советы, которые не соответствуют его желаниям, — сказал он.

— Я тебе еще кое-что скажу, Майкл. Наша организация больше на него не ставит. Мы начинаем переводить свои деньги из Кавелина. Нам кажется, что он долго не продержится.

— Но почему же? Ситуация под контролем. Все подстрекатели выявлены. Через месяц или чуть больше...

Конец фразы повис в воздухе. Аралу было совсем не обязательно знать о культе Хариш.

— Я хочу сказать, что еще один опрометчивый шаг — и большинство людей откажут ему в поддержке. А остальные попытаются извлечь из этого выгоду для себя. Ему, общаясь с подданными, следует быть большим реалистом. Король должен сделать так, чтобы им хотелось бы работать на него. Он умел добиваться этого, когда был маршалом.

— Хаос возникает не только по его вине. Есть люди, которые постоянно вставляют палки в колеса всем его начинаниям. Они делают все возможное и невозможное, чтобы представить его в плохом свете.

— Догадываюсь, кто эти люди. В моей округе полно итаскийского золота. Но я должен сказать, что это как раз его вина. Ему следовало менять ситуацию еще до того, как она вышла из-под контроля.

— В этом частично и моя вина, Арал. Подозрения начали возникать у меня уже давно, но я ему ничего не говорил. Я думал, что следует приступить к действиям, когда он будет подготовлен. Мне не хотелось причинять ему боль. Он и так потерял всех, кто ему был когда-то дорог. Возможно, в этом и состоит суть его проблем. Его чувства к дорогим потерям сублимировались в любовь к Кавелину — любовь, которая приобрела настолько нереалистичные формы, что оказалась на грани патологии.

— Эй, Майкл.

— Что?

— Взгляни на меня. Перед тобой Арал Дантис — сын караванщика, а вовсе не твой приятель, с которым ты делил комнату в университете Ребсамен.

— Прости, — рассмеялся Майкл.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, хотя ты и изложил все в словах, которые простой смертный понять не в силах. И ты, возможно, частично прав. Но только частично.

— Проклятие! Мы уже сделали почти полный круг. И это все свободное время, которое мне отпущено на сегодня.

— Ты передашь по назначению известие о Хсунге?

— Конечно.

— Майкл, у меня есть предложение. Просто идея.

— Выкладывай.

— Навести королеву, пока ты еще держишь ее в страхе.

— С какой целью?

— С целью переговоров. Гарантируй ей безопасность при условии, что она уберется из Кавелина.

— О... Это очень опасно, Арал. Надо получить согласие короля.

— Даже в том случае, если ты, Пратаксис и Мундуиллер выступите совместно?

— Не знаю.

— Ты должен что-то сделать, прежде чем на наши головы опустится молот. Это необходимо хотя бы потому, что

он, как мне кажется — а я уже говорил тебе о моем предчувствии, — затевает новое предприятие с мизерными шансами на успех.

— Я продумаю твои слова, Арал, и поговорю с Пратаксисом. Это пока все, что я могу обещать.

Это была чистейшая случайность. В некотором роде гримаса судьбы. Гейлз пришел в министерство, чтобы повидаться со старинным приятелем. Выглянув в окно, он увидел, как к зданию приближается явно знакомый ему человек.

— Дал Хаас! А ты что здесь делаешь?

— Что с тобой, Джоси?

— Ничего.

— Ты вдруг как-то позеленел.

— Наверное, съел то, что не следует.

После этого Гейлз принялся тянуть время. Он развлекал приятеля побасенками, травил анекдоты, а когда их запас исчерпался, просто сидел, нарушая все правила приличия. Ему надо было дождаться момента, когда Дал будет выходить из министерства.

Юный капитан покинул здание не один. Его сопровождал один из руководителей секретной службы Итаскии.

— Я перестаю тебе надоедать, — объявил Гейлз приятелю и поспешно выбежал на улицу.

Мортин Грейфеллз находился в своей загородной вилле, и полковник помчался к нему с докладом.

Только сейчас Гейлз понял, что за ним велась слежка. Он припомнил, что частенько в его окружении мелькали одни и те же лица. Что же, пусть следят. Он не делал ничего противозаконного. Экстраординарные действия начнутся, когда он доберется до виллы и поставит себе на службу все ресурсы семейства Грейфеллз.

Как этот ребенок ухитрился его выследить?.. Нет, это не главный вопрос. Главный вопрос состоит в том, каким образом он смог вступить здесь в доверительный контакт с высокопоставленными сторонниками короля. Какие сведения мальчишка успел передать? Неужели вся операция «Кавелин» оказалась под угрозой?

Это, решил Гейлз, напрямую зависит от того, какой информацией решили поделиться с Далом перед его отъездом из Форгреберга.

Здесь нечему удивляться, думал полковник. Просто надо было бы сразу проверить, отправился ли кто-нибудь за мной следом или нет.

Мгла внимательно изучила оперативные карты лорда Ссу-ма и поинтересовалась:

— Самые последние данные вам удалось нанести?

— Да. Если он, конечно, не хитрее, чем мы считаем. Войска Тройеса сосредоточились для атаки. Один легион он расположил за их линией, а второй подтягивает из Гог-Алана. Лорд определенно решился на наступление.

— Когда это произойдет?

— Завтра. Послезавтра. Одним словом, очень скоро.

— Какой ответ можно ожидать с противоположной стороны?

— Согласно его оценке, организованные вооруженные силы Ученика быстро рухнут. После этого сопротивление будут оказывать лишь партизаны да небольшое число сторонников Эль Мюрида на территории самого Тройеса. Лорд полагает, что подчиненные ему претенденты подавят разрозненные очаги сопротивления в течение двух недель. Он планирует продвинуться на юг, установить линию фронта, а затем через перевал ударить на Себил-эль-Селиб. Хсунг рассчитывает пленить Ученика или вынудить его бежать на запад в объятия армии роялистов.

— Насколько я помню, все его предыдущие планы благополучно проваливались. Какая судьба, по вашему мнению, ожидает эту задумку?

— Как ни странно, но она может осуществиться. Даже несмотря на то, что операцией руководит он.

Мгла постучала по карте, по тому месту, где похожий на извивающуюся змею горный проход Савернейк пересекал хребет М'Ханд.

Лорд Ссу-ма понимающе кивнул:

— Рагнарсон и большая часть его армии сейчас в Майсаке. Однако это всего лишь демонстрация. Он не выступит.

Мгла была согласна с Ссу-ма, но тем не менее спросила:

— Почему нет?

— У него возникли серьезные трудности дома, но он не поставил под знамена всю армию. Исключением является лишь часть отрядов региональной милиции. Если бы у Рагнарсона были серьезные намерения, он протрубил бы всеобщий сбор и сделал бы все, чтобы защитить свой тыл от окопавшихся дома врагов.

— Но он пустился на такого рода демонстрацию. Может быть, она имеет отношение к людям Эль Мюрида?

— Наверняка. Хотя, как мне представляется, о союзе речи не идет. Союз с политической точки зрения там вряд ли возможен. Скорее всего мы имеем дело с проявлением ограниченного сотрудничества. Если это не так, то кто мог поставить его в известность о деятельности лорда Хсунга?

— Майкл Требилкок. Майкл по-своему так же опасен, как и Вартлоккур. Он смертельно опасен. Этот человек ничего не боится и имеет сотни друзей в самых неожиданных местах. Создается впечатление, что он знает все

— Я видел справки, подготовленные штабными офицерами лорда Хсунга. В них утверждается обратное. Пред Требилкоком трепещут лишь в Кавелине, а за пределами королевства его репутация не столь уж и высока. Своих наиболее ярких успехов он смог добиться лишь с помощью Вартлоккура. Теперь Кавелин этой помощи лишился.

— Именно поэтому я считаю, что Рагнарсон воздержится от наступления. У него теперь нет чародея, который мог бы его прикрыть в случае необходимости.

— Как вы намерены поступить с лордом Хсунгом?

— Позволим ему делать то, что задумал. Подождем немного, и лорд скомпрометирует себя настолько, что Совет тервола единогласно его осудит. Война с Матаянгой настолько напугала многих членов Совета, что они не потерпят новых нарушений дисциплины.

— Как развиваются события на южном фронте?

— Достаточно благоприятно. Окруженные армии противника должны вот-вот прекратить сопротивление. Только после этого мы сможем перейти в наступление.

— Следовательно, положение уже нельзя назвать критическим?

— Нет. Теперь оно перешло в разряд просто серьезных. Но ситуация все еще может обостриться.

— Итак, даем лорду Хсунгу еще неделею? Даже если он выступит?

— Неделю как минимум. Может быть, и больше.

Высоко в диких горах, получивших название Зубы Дракона, Вартлоккур вздохнул и отвел взгляд от волшебного зеркала, в котором отражались все события внешнего мира. Он предсказывал это, но тем не менее надеялся, что его предсказания не реализуются. Теперь эта надежда угасла окончательно.

— Что не так, Варт? — спросила Непанта.

— Я оказался прав. Волки растерзают Браги, если, конечно, те очевидные глупости, которые он совершает, не являются частью какого-то чрезвычайно хитроумного, непонятного для меня плана.

— Но ведь ты поможешь ему, не так ли?

— Нет. И не спорь со мной. Разрыв свершился, и возврата к прошлому не будет.

— Ты упрямый старик. И ты так же глуп, как и он.

— Возможно.

В глубине души чародей был согласен с женой, но гордость не позволяла ему пойти на мировую с Рагнарсоном.

Где-то внизу вопили дети.

— Пойду призову их к порядку, пока они не разбудили Смирену, — сказала Непанта.

— Пришли ко мне Этриана. Я с ним немного поработаю, — сказал он, снова вздыхая.

Дети Мглы раздражали чародея, они отрывали его от дел. Иногда он даже сожалел, что эти разбойники не такие же тупые и безучастные ко всему манекены, как Этриан.

Мальчик выжил, но ум сына Непанты затерялся где-то в самых темных уголках его мозга. Этриан передвигался слов-

но во сне и с трудом мог выразить лишь самые примитивные желания. Он был почти столь же беспомощен, как и его маленькая сестренка.

Обязательно должен быть способ освободить его разум, думал маг. Обязательно. Чтобы найти этот способ, надо всего лишь порыться в древних книгах.

Чародей покосился на волшебное зеркало и пробурчал:

— Проклятие! Он все-таки решил выступить. Ну почему дураки ничему не способны научиться?

Какой-то солдат распахнул дверь и, не скрывая своего изумления, объявил с порога:

— Миледи, вас желает видеть капитан Требилкок.

При этом известии у Ингер оборвалось сердце. Требилкок? Здесь? Что это значит? Хитрый трюк, чтобы с ней расправиться?

— Он один? Сказал, что он хочет?

— Нет, миледи, не сказал. Да, он один и без оружия.

Ингер никак не могла решиться — отослать ли Требилкока прочь, сказав ему несколько резких слов, или вступить в беседу. Отказ от встречи — явно не лучшее решение, а разговор поможет ей выиграть время.

Выиграть время просто необходимо. Дейну для подготовки требуется больше времени. Несколько лишних дней позволят Браги вернуться с гор. Это сейчас особенно важно. Вмешательство мужа остается ее последней надеждой.

Может быть, еще не все потеряно и осталась возможность для примирения? Она может порвать со своей семьей и попытаться снова завоевать его сердце. Ведь она же, в конце концов, — мать его сына!

Не обманывай себя. Ты сделала все для того, чтобы полностью утратить его доверие.

Через чуть приоткрытую дверь она посмотрела в гостиную, куда солдат должен был привести Требилкока. Ингер надеялась, что по лицу шефа шпионов сможет догадаться о его намерениях.

Это был все тот же Майкл, но только без оружия. Высокий, бледный, холодный как ледышка человек, которому неведомо чувство страха. У нее возникла безумная идея при-

кончить его здесь в доме. Требилкок приводил ее в ужас. Он был очень похож на Дейна. Их объединяло всякое отсутствие совести.

Ингер собрала в кулак все свое мужество и вышла в гостиную. Часовые замерли по стойке «смирно». Майкл поклонился. Он вел себя так, как требовал ее статус.

— Вы прекрасно выглядите, ваше величество. До нас доходили слухи о вашей болезни, — произнес Требилкок таким тоном, словно между ними никогда не было вражды.

— Я выздоравливаю. — Неужели мы будем играть в эти лицемерные игры и притворяться, будто ничего не произошло, подумала Ингер. Нет, этого нельзя допустить. — Что вы здесь делаете? — спросила она.

Однако Майкл произнес совсем не то, что она рассчитывала услышать.

— Я пришел к вам с предложением, — сказал Требилкок. — Мое предложение позволит всем нам выйти из тупика и избежать нежелательных последствий.

Ингер села и строго посмотрела на Майкла. Но суровый взор королевы не произвел на главного шпиона королевства никакого впечатления.

— Вы выглядите не очень счастливой, — сказал он. — Я всегда считал, что ваша самая привлекательная черта — умение улыбаться при любых обстоятельствах. Я очень завидовал этой вашей способности. Мне грустно видеть вас в положении столь тяжком, что улыбка исчезла с вашего лица.

И снова его слова захватили ее врасплох. Услышать подобное королева совершенно не ожидала.

— Изложите ваши предложения, — сказала она.

Губы Требилкока растянулись в едва заметной улыбке.

— Хорошо, ваше величество. Не могу отказать, если вы того требуете. Первое. Вы отказываетесь от всех претензий на трон Кавелина. Второе. Фульк отказывается от права на престолонаследие. Третье. Ваш брак объявляется недействительным. Четвертое. Вы возвращаетесь в Итаскию к своему народу и забываете о существовании Кавелина. Мы со своей стороны обеспечим вам безопасный отъезд и компенсируем потерю той собственности, которую вы здесь успели приобрести.

— Должна сказать, Майкл, что ваше предложение меня не очень вдохновляет. Я должна пожертвовать всем, ради чего жила.

— Но оно по крайней мере позволит вам продлить свою жизнь.

— Что?!

— Если изложить все простым языком, ваше величество, то мое предложение — единственный шанс для вас и Фулька уехать отсюда живыми. Мне будет весьма неприятно, если дело дойдет до крайних мер. Как мне тогда избавиться от неизбежных мук совести? Как это ни глупо с моей стороны, но я в глубине сердца всегда питал слабость к недосягаемой для меня королевской особе. Меня страшит то, что мне, возможно, придется делать выбор между сердцем и долгом.

— Что?!

— А у вас ведь такая прекрасная улыбка.

Ингер подошла к окну и уперлась невидящим взглядом в крыши и башни Форгреберга. Что все это значит? Она была бы поражена меньше, если бы ей вдруг стал оказывать куртуазное внимание Дерел Пратаксис. Все это, наверное, ложь. Какая-то часть их общего плана.

— Ваше величество, — продолжал Майкл, — недавно по городу ходили слухи, что кто-то пытался вас отравить. Я попросил доктора Вачела рассказать мне все подробнее. К сожалению, мне не удалось обнаружить ответственного за это деяние человека. Однако мне известно, что у вас множество недругов среди друзей короля. Я уверен, что, если владетели учинят еще один мятеж, ваша жизнь не будет стоить ни гроша. Во время последнего бунта я лишь ценой огромных усилий сумел сдержать полковника Абаку от самых решительных действий в отношении вас.

Ингер повернулась к Майклу лицом. То, что она услышала, привело ее в состояние полного шока.

— Ваше исчезновение с общего пейзажа значительно упростит ситуацию. Ваш отъезд вырвет клыки у владетелей. У них не останется знамени, под которым они смогут собраться. Вы меня понимаете? Именно в силу этого обстоятельства я предпочел бы отправить вас из Кавелина живой

и здоровой. Ваша смерть здесь принесла бы нашему делу гораздо меньше пользы.

Королева открыла рот, но, так ничего не сказав, снова сомкнула губы.

Майкл направился к выходу. Однако, не дойдя до дверей, он остановился и сказал:

— Мои люди могут вас вывезти. Мы сделаем это тайно, и никто не будет знать о вашем отъезде до тех пор, пока вы не окажетесь далеко от Форгреберга в полной безопасности. Но если вы не выполните три оставшиеся условия, ваши недруги вас достанут. Ведь я не единственный человек в Кавелине, у кого очень длинные руки.

Королева снова открыла рот и снова его закрыла, не произнеся ни звука.

— И как можно скорее дайте мне знать о вашем решении. Умоляю! — Чувство, с которым было произнесено последнее слово, показалось ей вполне искренним.

Майкл вышел. Солдат закрыл за ним дверь. Ингер вернулась в свое кресло, в ее сердце бушевал ураган.

Крепость Майсак, охраняющая Кавелин от вторжений с востока, притулилась у склона горы в самом узком месте прохода Савернейк. С этого места долина превращалась в извилистый каньон с очень крутыми стенами, и древняя твердыня могла контролировать все передвижения по дну ущелья. Крепость была практически неприступной, и лишь однажды войску Шинсана удалось овладеть ею.

Рагнарсон только что завершил затеянную им от скуки тщательную инспекцию твердыни. Гжердрам и барон Хардл стояли рядом с королем и одобрительно кивали, выслушивая его замечания.

— Крепость в первоклассном состоянии. Я практически не увидел ничего такого, что нуждается в улучшении.

Командир гарнизона лучился счастьем. Рагнарсон повернулся и взглянул в сторону каньона. Его армия расположилась на дне ущелья, развернувшись фронтом в сторону ближайшего блокпоста Шинсана, который от Майсака от-

деляло всего несколько миль. Рагнарсона одолевал зуд предпринять что-то. И он боролся с самоубийственным искушением бросить войска вперед.

К нему подбежал посыльный. Солдат был бледен и чрезвычайно возбужден.

— Сигнал из Форгреберга, — сообщил он. — От капитана Требилкока.

— Слушаю.

— Армия Тройеса вступила в Хаммад-аль-Накир. Развернулось жестокое сражение. Для осуществления первоначального прорыва лорд Хсунг был вынужден ввести в бой свои войска.

Донимавший Рагнарсона зуд нетерпения превратился в ломоту во всем теле. Проклятие! Его блеф не сработал.

— Мы торчим здесь совершенно напрасно, — буркнул он. — Эх, Мгла... Мгла... — По правде говоря, он не знал, как охарактеризовать принцессу. — Посыльный, не сообщил ли капитан Требилкок, когда это произошло и насколько устарела эта новость?

— Никак нет, сир.

Браги посмотрел в каньон. Допустим, подумал он, Майкл получил эти сведения от контрабандистов Арала. Это означает, что их доставили пешим ходом через горы по звериным тропам. На это требовалась по меньшей мере неделя. Следовательно, наступление Хсунга началось как минимум неделю тому назад.

— Гжердрам, направь группу разведчиков к блокпосту. Посмотрим, как там на это отреагируют.

Гжердрам казался обеспокоенным.

— Вы желаете, сир, чтобы я вступил с ними в схватку? — спросил он.

— Да. Поддай им хорошенько. Я хочу взглянуть, что после этого случится.

Гжердрам бросил на короля вопросительный взгляд.

— Приступай. Я хочу, чтобы это было сделано до темноты.

— Слушаюсь, сир, — ответил Гжердрам звенящим голосом, а барон посмотрел на Рагнарсона как-то странно.

— Нет никаких оснований для беспокойства, — сказал Браги. — Пограничные стычки вовсе не редкость. Никто не поднимает из-за них шум.

— Однако считается, что между нами и лордом Хсунгом заключено соглашение, — заметил барон Хардл.

— Именно, что только считается, — ответил Браги. — Лорд не желает соблюдать условий договора. Он удерживает пять сотен наших людей. Неужели мы должны чувствовать себя в чем-то виноватыми?

Барон по-прежнему смотрел на короля весьма странно. Рагнарсон рассердился и отправился к себе. Вначале он попробовал поесть, затем попытался вздремнуть. Ни из первого, ни из второго ничего не получилось. Есть ему сразу расхотелось, а сон так и не пришел.

Вернулся Гжердрам и доложил:

— Блокпост брошен. Его оставили примерно четыре дня тому назад. Я направил разведчиков дальше по ущелью.

— Правильно. И как ты это оцениваешь?

— Что именно?

— Общую ситуацию.

— Не хочу об этом даже и думать. У меня скверные предчувствия.

— Предположим, что мы двинемся немного дальше. Ровно настолько, чтобы немного встряхнуть Хсунга.

— Не думаю, что нам это удастся. Ему плевать на то, что мы здесь делаем.

— Не совсем так. Он решил, что мы просто блефуем. Вот если бы мы двинулись вперед и оккупировали Гог-Алан...

— Лорд Хсунг предан своему делу, сир. Он — тервола, и он не отступит. Во всяком случае, под нашим давлением.

— Скорее всего ты прав. По идее, нам следовало бы собрать вещички и отправиться домой. Но этот тип, будь он проклят, выводит меня из себя. Я был бы рад отвесить ему хорошего пинка в зад.

— Но вы же не хотите обратить его против нас?

— Не хочу, потому что он уже давно против нас выступает.

В своем следующем донесении Майкл сообщил, что такого сильного партизанского движения, которое породило наступление Хсунга, не ожидали даже военачальники Эль Мюрида. Войска Ясмид также сражались более упорно, чем можно было ожидать.

— Когда же к действиям наконец приступит Мегелин? — спрашивал Браги. — Как только это случится, у Ясмид начнутся настоящие трудности. Ей придется метаться туда-сюда, как одноногому пожарному. Гжердрам, продолжай продвижение по проходу Савернейк. Не задерживайся, если кто-то встанет у тебя на пути.

— Слушаюсь, сир, — с кислым видом ответил Гжердрам.

— Ясмид попала в тиски между Магденом Норатом и тервола, — задумчиво произнес Браги. — Ей не позавидуешь.

Проход оказался свободным до самого Гог-Алана.

Майкл прислал очередное донесение. Хсунг был вынужден прекратить продвижение. Его марионетки из Тройеса понесли тяжелые потери. В самом Тройесе вспыхнул мятеж. Хсунгу даже пришлось вывести свой штаб из города и призвать на помощь легионы из Некремноса и Аргона.

— Это решает дело, — объявил Браги.

Он собрал своих командиров и сказал:

— Мы можем сдвинуть чашу весов в нашу пользу. Выступаем. На Тройес.

Последовавший за этими словами спор был яростным и долгим. Конец дебатам положил Рагнарсон.

— Я не спрашиваю вашего совета, — прогремел он, стукнув кулаком по столу. — Я просто говорю вам, что следует делать. Все это будет не больше чем наш рейд на Аргон в самом начале Великих Восточных Войн. Мы выступаем. Завтра на рассвете. И я лично снесу голову каждому, кто осмелится сообщить об этом в Форгреберг. Вам все ясно?

Результатом этого сборища были лишь общий гнев и недовольство. Браги с тревогой наблюдал за своими офицерами. Пойдут ли они за ним? Пойдут обязательно. Пусть только попробуют отказаться...

А этот сукин сын Хсунг получит хороший урок.

ГЛАВА 21

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Дал еще раз проверил вьюк с документами и, убедившись в том, что весь груз надежно приторочен, вскочил в седло. Ему хотелось сказать очень много, но непринужденность в общении не была его сильной чертой. Поэтому он ограничился одной короткой фразой:

— Прощайте, полковник, и спасибо за все.

— Да хранят тебя боги, сынок. Передай своему королю, что мы попытаемся отрубить голову дракону с этой стороны.

— Обязательно, — кивнул Дал и направил своего коня на улицу.

Рассвет только-только занимался. Перед его мысленным взором возник образ Кристен. Дал Хаас торопился домой.

Где мой дом, спрашивал он себя. Ведь я всегда думал о старом поместье как о своем доме. Видимо, правы те мудрые старики, которые утверждают, что твой дом там, где ты родился.

Погрузившись в мечты о своем будущем рядом с Кристен, Дал утратил бдительность. Лишь проезжая по фермерским землям уже к югу от Серебряной ленты, он заметил, что за ним следуют три всадника. Молодой человек пришпорил коня. Преследователи сделали то же самое.

Похоже, что он попал в переделку.

Что делать? Сражаться с тремя — безумие. Может быть, от них можно ускакать? Вряд ли. Они путешествуют налегке, его же конь несет на себе запасы для длинной дороги. Спрятаться? Но где? Кругом открытое пространство. До того момента, когда дорога вступит в лес, остается еще добрых пятнадцать миль... Создается впечатление, что они не горят желанием захватить его немедленно. В таком случае зачем форсировать события? Если они хотят за ним скакать, пусть себе скачут. Их можно взять измором. У меня прекрасная выносливость, а зверюга конь

не знает усталости. Надо будет продолжать движение, пока преследователи не отстанут.

Прекрасная мысль. И она бы увенчалась успехом, если бы эта троица ловила Дала, а не загоняла его в лапы поджидающих в лесу конфедератов. Ловушка сработала так, как и было задумано. Дал вдруг обнаружил, что находится в окружении сурового вида воинов, которыми командовал Джоси Гейлз.

Полковник Гейлз и адъютант короля встретились взглядом. Дал знал, что врать бесполезно, никакая ложь не сможет правдоподобно объяснить его пребывание в Итаскии.

— Что теперь, полковник? — со вздохом спросил он.

— Вы направитесь к человеку, который выразил желание с вами побеседовать.

— Значит, девять баб в день? — со слабой улыбкой спросил Дал.

— Не здесь, Хаас, — с недовольной миной оборвал его Гейлз. — Эти игры закончились.

Полковник развернул своего скакуна. Солдаты последовали примеру командира, и Дал оказался в самом центре отряда.

Необходимо избавиться от документов, думал он. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы донесение попало в их руки. Он напряг все свои умственные способности, но озарение не приходило. Никаких возможностей уничтожить бумаги у него не было. Его сторожа постоянно находились рядом и не спускали с него глаз.

Королевского адъютанта провели к небольшому охотничьему домику, и Гейлз весьма вежливо пригласил его пройти в помещение. Молодой человек решил не поднимать шум из-за своих пожиток. Если привлечь внимание врагов, то они могут решить порыться во вьюках.

Итаскийцы не могут не понимать, что он везет с собой важные сообщения. Может быть, удастся отвлечь их небольшой курьерской сумкой, прикрепленной к его поясу?

Шагая по коридору, он внимательно изучал интерьер охотничьего домика. Здание не было ни тюрьмой, ни крепостью. Если ему хотя бы ненадолго удастся оказаться вне поля зрения охраны, то появятся шансы бежать.

Гейлз привел его к тощему как скелет человеку, с видимым удовольствием уплетающего фазана в небольшой, уютной комнате рядом с кухней.

— Сэр Мортин, позвольте представить вам капитана Дала Хааса. Дал, познакомьтесь с сэром Мортином.

Дал знал это имя. Во время пребывания в Итаскии ему удалось очень многое узнать о семействе герцогов Грейфеллз.

— Доброе утро, сэр. Почему ваши люди захватили меня?

— Конечно, вы имеете полное право задать подобный вопрос, юноша, — улыбнулся Мортин. — Но стоит ли нам зря тратить силы? Вы прекрасно знаете, почему мы пригласили вас к себе в гости, и вам известно, что я это тоже знаю. Так что не будем блефовать друг перед другом. Присаживайтесь, — сказал он, указывая ножом на стул напротив себя, и добавил: — Ривз, принеси-ка порцию для нашего гостя.

Дал решил, что протестовать не стоит, что лучше пойти врагам навстречу, дабы расположить их к себе своим дружелюбием.

— Благодарю вас, сэр. Но, сэр, я действительно не понимаю, почему ваши люди меня задержали.

— Перестаньте, молодой человек! Не считайте меня глупцом. Вас остановили потому, что вы везете в Кавелин важную информацию.

— Я не везу ничего такого, о чем уже не было бы известно его величеству королю Браги, и мое задержание лишено смысла. Я просто возвращаюсь домой. Вся важная информация ушла в Кавелин уже в тот день, когда Гейлз прибыл в Итаскию. Его опознали люди из Военного министерства.

Мортин поднял глаза на Гейлза:

— Что ты на это скажешь, Джоси?

— Скорее всего он прав, сэр. Это был бы наиболее разумный поступок с их стороны.

— Да, конечно... Однако вы, юноша, поставили меня в весьма затруднительное положение.

— Простите, сэр, но я не совсем вас понимаю.

— Очевидно, нам не стоило тратить ни сил, ни времени на то, чтобы вас задержать. Однако мы сделали это. Как же нам теперь с вами поступить? Почему вы не кушаете? Подкрепляйтесь. Птица, на мой взгляд, просто превосходная. Если мы согласимся с тем, что в Кавелин был отправлен курьер, то вы для нас никакой ценности не представляете. Итак, вы не нужны нам, но и нашим врагам вы уже не можете принести той пользы, которая могла бы оправдать ваше убийство. В то же время идея отпустить вас на все четыре стороны представляется мне неприемлемой. Джоси, у тебя есть на этот счет предложения?

— Что же, сэр, мы могли бы попытаться убедить его встать на нашу сторону.

Дал был возмущен и чуть было не выкрикнул прямо в лицо полковника оскорбление. Однако здравый смысл победил, и он не открыл рта.

— И почему только столь великолепная мысль не пришла мне в голову? Что может быть полезнее, чем королевский адъютант на нашем жалованье? Но пред нами стоит серьезная проблема. Судя по тому, что вы сообщили мне об этом пареньке, нам будет необходимо найти мощный рычаг, которым можно было бы на него воздействовать. За деньги он не продастся и тем более не перейдет в нашу веру из-за чистой любви к своей королеве или к нашему герцогу.

— Безусловно нет, — улыбнулся Гейлз. — Но не согласитесь ли вы с тем, что у нас будет достаточно времени, для того чтобы поразмыслить над этой, как вы изволили выразиться, проблемой?

Дал удивленно вздернул голову. У него изо рта свисал кусок фазаньей кожицы.

— Именно так, Дал. Мы направляемся в Кавелин. Мы — это отряд, гостем которого вы являетесь, и большое войско, имеющееся в нашем распоряжении. Об этом вы не могли сообщить своему королю. Только по одной этой причине мы не можем отпустить вас домой. Я прав, сэр Мортин?

— Безусловно. Его курьер не мог знать о том, что мы выступаем. Что же, сынок, тебе, видимо, придется побыть с нами. Я останусь добрым хозяином, до тех пор пока ты бу-

дешь хорошим гостем. Но я не могу гарантировать сохранность твоего здоровья, если у тебя вдруг возникнет склонность к театральным эффектам. Мы обязаны заботиться о своей безопасности. Джоси, я полагаю, что пока нам стоит подержать его в кладовой.

— Слушаюсь, сэр. Естественно, после того, как ты закончишь трапезу, Дал.

Хаас жевал как можно медленнее, лихорадочно думая о том, что только что услышал. В ближайшее время, судя по всему, ему ничего не угрожает. Но шансов бежать, чтобы доставить документы и предупредить короля о надвигающейся угрозе, у него практически нет. Особенно в том случае, если его будет сторожить весь клан Грейфеллз.

Интересно, чем они сейчас заняты там в Военном министерстве? Знают ли о выступлении армии герцога? Пошлют ли кого-нибудь по следам Мортина?

Похоже, что ему самому не остается ничего, кроме как молиться.

ГЛАВА 22

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Майкл следил за тем, как Креденс Абака, сильно хромая, входит в его кабинет. Склонившись к Аралу, он произнес негромко:

— Думаю, что хромота останется у него навсегда.

— Да. Я слышал, что они порезали его основательно.

— Присаживайся, Креденс. Дерел появится с минуты на минуту.

Он внимательно посмотрел на полковника Абаку. Может быть, стоит вызвать Лиакопулоса из Карак-Штрабгера, где тот обучает рекрутов последнего набора? Раны Креденса заживают на удивление медленно. Скорее всего это потому, что он стал жертвой заколдованного клинка тервола.

Здесь, в Форгреберге, может потребоваться командующий, способный быстро передвигаться. Ничего не случит-

ся, если Лиакопулос передаст своих новобранцев другому офицеру.

Вошел Дерел. Он выглядел совершенно измученным.

— Трудный день в Совете. Владетели снова пытаются аннулировать закон об оружии. Нам лишь с большим трудом удалось его отстоять. Мундуиллера едва не хватил удар. Два его сторонника переметнулись к противнику. Необходимо вернуть Хардла, чтобы тот призвал Нордменов к порядку.

Закон об оружии давал всем свободным жителям Кавелина право на владение и ношение оружия. Этот акт оказался наиболее действенным средством, ограничивающим произвол аристократии. Землевладельцы больше не осмеливались совершать грабительские налеты на фермы своих арендаторов. Другой закон, принятый примерно в то же время, практически покончил с крепостничеством, освободив крестьян от уз, принудительно связывающих их с обрабатываемыми ими землями. Теперь крепостные получили право уходить от несправедливых сеньоров. Этот закон был также весьма непопулярен в среде владетелей.

— Что теперь, Майкл? — обессиленно рухнув в кресло, спросил Пратаксис. — В твоем послании звучало отчаяние.

— Вполне возможно. Чам придет?

— Нет. Он разрабатывает план контратаки, которую намерен предпринять завтра. Если король в ближайшее время не вернется... Что с тобой? Почему ты так мрачен?

— Пусть Арал тебе все расскажет. Для этого я и пригласил его сюда.

Дантис начал рассказ, мямля и запинаясь. Он чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Не мучайся, — посоветовал ему Майкл. — Просто перескажи то, что успел рассказать мне.

— Известие поступило сегодня после полудня, — произнес Арал. — Его доставил друг, вернувшийся только что из Тройеса.

— Я уже начал беспокоиться, — заметил Пратаксис. — Мы уже давно ничего оттуда не слышали.

— Для этого были причины, — сказал Майкл. — Продолжай, Арал.

— Хсунга убили.

— Кто? Неужели партизаны? — Пратаксис был потрясен. Он никогда не верил в то, что рука убийцы сможет дотянуться до лорда Хсунга.

— Нет. Это сделали его же люди, — пояснил Арал. — Подробности мне не известны. Знаю лишь, что он убит, а на его место Мгла прислала другого тервола.

— А это означает, что за убийством стояла она, — вмешался Майкл.

— Лорд Хсунг отбился от рук, — согласно кивая, заметил Пратаксис. — Тем не менее я удивлен, что Совет тервола санкционировал столь решительные меры.

— Все это, конечно, очень интересно, но с какой стати вы вдруг впали в панику? Этот тервола или тот — нам-то до этого какое дело? Какая разница?

— Новый тервола сразу же остановил вторжение в Хаммад-аль-Накир, — сказал Арал, — и приказал войскам встать на той линии, на которой они оказались к моменту приказа. Им разрешено вступать в бой лишь в том случае, если они окажутся под ударом. Он пытается вступить в переговоры с Ясмид в надежде, что та согласится заключить мир.

— Ясмид обязательно пойдет на это, — высказал свое мнение Майкл. — Согласно сообщению, полученному мною от другого приятеля Арала, Мегелин направил Рахмана, Нората и пять тысяч воинов в рейд на Себиль-эль-Селиб.

— Значит, война закончилась, — сказал Абака. — И что нам от этого?

— А то, что у нас нет никаких контактов с королем. Вот уже восемь дней. Не так ли, Майкл?

— Ровно восемь. На мою депешу в Майсак пришел уклончивый ответ. При этом не от короля. Я спросил у Лиакопулоса. Тот тоже бродит во тьме. Все это может означать одно — король пустился в новую авантюру и повел войска на Гог-Алан. Не исключено даже, что он решил напасть на Хсунга с тыла.

— Боюсь, что нас ждут серьезные неприятности, — сказал Пратаксис.

— Очень серьезные, — согласился Арал. — Здесь уже поползли слухи, что он двинулся на восток. Пока это всего

лишь пробный шар, запущенный владетелями, но через несколько дней люди начнут задавать неприятные вопросы. И у нас, Майкл, не будет на них ответов. Я же говорил тебе, что нас снова ждет борьба с ничтожными шансами на победу.

Майкл закрыл глаза и с расстановкой произнес:

— Сведения, полученные от Арала, я немедленно переправил в Майсак и потребовал ответа непосредственно от короля. Они подтвердили получение, и с тех пор от них ни слова. Я молю небо об известии от него. Если в ближайшее время ответа не будет, то это может означать лишь одно — король с армией двинулся через проход Савернейк.

— Глупо, — пробормотал Абака. — Глупо, глупо и глупо... Пожалуй, мне следует позаботиться о подкреплении.

— Будет неплохо, если вы предупредите гарнизоны в Дамхорсте, Бреденбахе, Форсберге и Седлмейре, — вмешался Пратаксис. — Если здесь начнутся волнения, то они покатятся по другим городам как лавина. Но лучше всего было бы объявить всеобщую тревогу. Нам, Майкл, следует подумать и о Кристен с детьми.

— Насколько я понимаю, — сказал Майкл, — мы все ожидаем самого худшего.

— Может быть, мы самого худшего и не ожидаем, — сказал Пратаксис, — но на всякий случай к неблагоприятному развитию событий готовиться надо. Проклятие! Как мне хочется отправить всех членов Совета по домам. Если они разбредутся, то им будет гораздо труднее чинить нам неприятности.

— А теперь к делу, — произнес Майкл. — Возможно, что у нас осталось совсем мало времени.

— Я начинаю сомневаться — стоит ли нам вообще тратить силы, — проворчал Абака. — Пока, как мы ни стараемся, нам не удалось продвинуться ни на шаг.

— Я вас понимаю, — ответил Дерел, устало выходя из комнаты.

— Иногда меня охватывает то же чувство, что и тебя, Креденс, — прорычал Майкл. — Как сейчас, например.

* * *

Ингер собрала всех своих людей, которые принимали участие в семейном заговоре. Она была готова согласиться с предложением Майкла.

— Кто-нибудь может мне что-либо сообщить? — спросила королева.

Итаскийцы понимали, о чем идет речь. Все последнее время люди короля оказывали на них сильнейшее психологическое давление.

— Требилкок желает встретиться со мной завтра, чтобы получить ответ. Я почти приняла решение. Что ты хочешь сказать, Карл?

— Попытайтесь потянуть время, если это возможно. Нам все-таки удалось установить связь с внешним миром. Владетели утверждают, что поддержат вас. Рагнарсон, возможно, превзошел самого себя и отправился за горы. Надо попытаться выяснить, насколько эти слухи соответствуют действительности. Возможно, это как раз та улыбка судьбы, в которой мы так нуждаемся.

— Но это же всего лишь слухи, — сказала Ингер. — Каковы их источники? Владетели? Или все же кто-то иной, менее склонный изобретать приятные новости?

— Не могу сказать. Слух распространяют агенты владетелей, но сами они утверждают, что услышали об этом на улицах. Вы знаете короля лучше всех. Мог бы он поступить таким образом?

— И да, и нет.

Да, он способен на такие безумные поступки. Но с другой стороны, нет — в создавшейся ситуации подобное невозможно. Когда он совершал свой первый рейд на Аргон, за его спиной стояла добрая половина чародеев запада. Сейчас он лишен магической поддержки, а противостоять ему будет десяток лучших, владеющих Силой тервола Шинсана. В таких условиях Браги на нападение не решится.

— Нет, на это он не пойдет, — решительно заявила Ингер. — Но он может провести такой маневр, чтобы все решили, будто он пустился в авантюру. После этого он станет ждать, как мы отреагируем на его якобы безумное поведе-

ние. Вот и сейчас он затаился, поджидая новостей, чтобы в подходящий момент обрушиться на нас с неба подобно орлу. И тот, кто окажется настолько глуп, что, поверив в слухи, попытается извлечь из этого пользу, окажется в его силке, словно беспомощный кролик.

Ее советники надолго задумались. Потом один из них заметил:

— Сегодня утром Абака распорядился соорудить новый эшафот. Очень большой. Это означает, что он ожидает каких-то событий.

У Ингер внутри все оборвалось.

— Не планируют ли владетели нового мятежа? — спросила она.

— Нет. В последний раз их постигла такая неудача, что...

— Немедленно узнайте. Требилкок сказал, что новый мятеж будет означать наш конец. Вполне возможно, что Абака строит виселицу для нас.

— Кроме того, Абака разослал секретный приказ во все крупные гарнизоны, — добавил тот же итаскиец. — Некоторые части вызваны в Форгреберг. Ему, вне сомнения, известно, что здесь что-то происходит.

— Сдается мне, что он играет свою роль в том спектакле, о котором только что говорила королева, — сказал другой участник семейного заговора. — Стервятник сидит где-то в горах и смеется над нами. В данных обстоятельствах он не делает ничего такого, что могло бы представить его в плохом свете. Но если какие-то действия предпримем мы, то это будет выглядеть как государственная измена. Никто не станет особенно протестовать, если после этого с нами случится что-то нехорошее.

— Более того, — вставила Ингер, — сыщется множество таких, кто встретит нашу гибель с восторгом. Огромное число обывателей возмущено тем, что во дворце — засилье иностранцев. Многие из них ненавидят нас сильнее, чем моего супруга.

— Кстати, миледи... Вы упомянули своего супруга, и это возвращает нас к вопросу, на который пока еще не найдено ответа. Как мы поступим с этим человеком, после того как придем к власти? Если придем, конечно.

«Это как раз та проблема, которую я изо всех сил стараюсь обойти», — подумала Ингер. Вслух же она произнесла:

— Вопрос этот заслуживает обсуждения, но только не сейчас. О захвате власти мы в данный момент, когда речь идет о нашем выживании, не можем даже мечтать. Сейчас нам следует решить, что ответить завтра Требилкоку.

— Потяните время.

— Не принимайте его.

— А как мне быть, если он откажется тянуть время или навяжет встречу силой?

Ингер вовсе не хотелось тянуть время. Она безумно устала от этого мерзкого крошечного королевства, с его похожей на чумную заразу аристократией. Молодой женщине ужасно надоела навязанная ей семейством Грейфеллз роль. Она устала бояться, устала от постоянно угрожающей ей смертельной опасности. Королева была готова согласиться со всеми условиями Майкла. Она мечтала лишь о том, чтобы уехать, оказаться дома и заняться воспитанием сына вдали от грязных политических интриг.

Ей хотелось ускакать прочь, чтобы, как говорил Браги, исчезнуть в истории, оставив корону Кавелина тем, кто пожелает ее захватить. Может быть, она сможет уговорить его уехать вместе с ней. Было бы славно пожить с ним так, как он жил со своей первой женой. Бороться с врагами и природой, честно зарабатывая себе на хлеб...

— Миледи...

— Да? Простите... Я что-то размечталась. Хорошо, я попытаюсь потянуть время. А вы постарайтесь до конца выяснить, что происходит в городе. Еще раз свяжитесь с владетелями. Если появится нечто такое, о чем мне необходимо узнать до появления Требилкока, без колебаний являйтесь сюда. Теперь уходите. Мне надо хорошенько подумать.

На самом деле Ингер хотелось побыть в одиночестве не для размышлений, а для того, чтобы оплакать все, что могло быть, но так и не состоялось. Она хотела оплакать надежды, которые зародились у нее в те немногие часы, которые пробежали между получением предложения от Браги и

той злосчастной минутой, когда она пришла к Дейну за советом.

Мечта всегда умирает в муках.

Рагнарсон дал сигнал. Эскадрон легкой кавалерии сорвался с места, обогнул холм и помчался в направлении убогой торговой фактории, сооруженной рядом с руинами Гог-Алана.

— Барабанщики! — прокричал он. — Ускоренный ритм! Все вперед!

Загремели барабаны. Пехота бегом двинулась в сторону развалин. С флангов ее охраняли отряды тяжелой кавалерии.

— Вид отменный, — заметил Рагнарсон, обращаясь к барону Хардлу. — Очень хорошо смотрятся.

— У них прекрасные командиры, — довольно кисло ответствовал барон. — Хорошие командиры и вера в своего верховного командующего.

Рагнарсон нахмурился. Этот проклятый барон еще хуже, чем Гжердрам. Впрочем, следует отдать ему должное — он никогда не манкирует своими обязанностями. Для решения поставленных задач барон всегда делает все, что в его силах.

— Отправляйтесь, барон, к своим людям, — распорядился Рагнарсон и тут же, обращаясь к командиру отряда разведчиков из числа Марена Димура, прокричал: — Септьен! Шевелитесь! Если мимо твоих ребят хоть муха пролетит, я сниму с тебя скальп.

Разведчики погнали лошадей галопом, чтобы оседлать дорогу на Тройес. Они должны были задерживать всех, кто попытается бежать после удара легкой кавалерии.

Рагнарсон пришпорил лошадь и поскакал в голову колонны. Обогнув холм, он оглядел равнину, на которой должны были находиться руины.

— Что за дьявол?

Руин на месте не оказалось. Во всяком случае, там не осталось ничего такого, что шло бы в какое-либо сравнение с тем, что он видел, находясь здесь в последний раз. Торговая фактория в то время являла собой целый город жалких

лачуг — город дикий и весьма живописный. Теперь же здесь не осталось ничего, кроме строгих геометрических линий. Взору Рагнарсона открылось поселение, в котором лишь несколько строений не напоминали казармы. Барачный город окружала невысокая оборонительная стена, сложенная, судя по ее виду, из камней древних руин Гог-Алана.

— Что же, в этом есть смысл, — пробормотал Браги. — Использование подручных материалов. А купцам, после того как закрылись торговые пути, здесь нечего было делать.

Рагнарсон жестом привлек к себе внимание трубача, кивком головы приказал дать сигнал к общей атаке и поскакал в направлении поселения. Он был уверен, что все казармы брошены. Выходит, что вся энергия растрачена впустую. Впрочем, это не совсем так. Наступление пойдет на пользу солдатам. Оно приучит их к решительным действиям, когда для таких действий придет время.

Легкая кавалерия была уже у самых казарм и начала охватывать их с флангов, как вдруг из-за гражданских строений справа вынырнул одинокий всадник и, нахлестывая своего скакуна плеткой, галопом помчался в пустыню. Отряд кавалеристов бросился за ним следом. Рагнарсон сделал то же самое. А ускакавший довольно далеко Септьен, заметив беглеца, приказал своим разведчикам развернуться.

Всадник начал метаться, но, увидев, что все пути спасения перекрыты, натянул поводья и остановился. Через несколько мгновений он уже был окружен со всех сторон.

Браги, сдержав свою лошадь, внимательно посмотрел на беглеца и сказал:

— Он — из Тройеса. Умеет здесь кто-нибудь говорить на их языке?

Большинство кавелинцев владели несколькими языками, но это, как правило, были лишь те языки, которые имели хождение в самом королевстве. Многие говорили и на наречиях стран, регулярно торговавших с Кавелином. Тройес был одним из самых значительных торговых партнеров королевства.

— Я говорю, сир, — сказал один солдат, а второй ограничился тем, что молча поднял руку.

— Задайте ему вопросы, — распорядился Браги. — Постарайтесь узнать то, что нас интересует.

Солдаты спросили, когда ушел легион, почему исчезли все мирные жители и с какой целью неудачливый беглец остался один в поселении. Они приказали ему описать окружающую территорию и потребовали сказать, что может ждать армию на пути от Гог-Алана до Тройеса. Браги время от времени подсказывал им дополнительные вопросы.

Пленник сказал, что его оставили для наблюдения за горным проходом. Насколько ему известно, военных отрядов между Гог-Аланом и Тройесом нет.

— Дела пошли очень плохо, — продолжал он. — У Эль Мюрида есть новый военачальник, который, как говорят старики, даже лучше, чем когда-то был Бич Божий. Я знаю, что мы проиграли пару крупных сражений. И сейчас все силы, которые удалось собрать, брошены в бой.

Обменявшись взглядом с бароном Хардлом и Гжердрамом, Рагнарсон пробормотал:

— Хм-м... Значит, даже лучше, чем Бич Божий.

— Видимо, это так, раз он сумел задать хорошую взбучку тем, кого бросил против Эль Мюрида лорд Хсунг.

— А не кажется ли вам, что Хабибулла несколько преувеличил слабость леди Ясмид? — спросил Гжердрам.

— Нет. Он искренне верил в то, что говорил нам. За Ясмид стоят очень странные люди. За вождя, в которого эти фанатики поверили, они будут биться как черти. Ты слишком молод, чтобы помнить те чудеса, которые вытворяли Нассеф и Кадер. Попроси барона как-нибудь тебе о них рассказать. Тогда эти люди едва не покорили весь мир.

Армия встала лагерем в тридцати милях к юго-востоку от Гог-Алана. Рагнарсон до поздней ночи не давал спать своим офицерам. По некоторым деталям его поведения можно было понять, что ему самому не очень по душе то, что он делает. Отправив офицеров на покой, он еще долго бродил в одиночестве по периметру лагеря.

Ночь была прохладной, что говорило о приближении осени. На черном бархате неба сверкали холодные звезды. В лагере царил полный порядок, пламя костров, на которых готовился ужин, поддерживалось невысоким, и, кроме

того, его укрывали специальные щиты, так что пребывание здесь армии случайному глазу, особенно если смотреть издали, заметить было непросто.

Отличные солдаты, думал Браги. Самые лучшие из тех, которыми ему приходилось командовать. Дисциплинированные, прекрасно обученные, с высоким боевым духом. Им бы еще магическую поддержку, и они с успехом могли бы противостоять легионам Шинсана.

Что со мной? Почему я начинаю терять веру в себя? И что вообще я здесь делаю, спрашивал он себя. Мои поступки лишены всякой логики, о чем постоянно напоминают мне взгляды барона Хардла и Гжердрама. Чего я в конечном итоге выиграю, если даже добьюсь величайшей победы в своей жизни? Что толкает меня на безумные действия? Почему я не могу не поступать так, как поступаю? Может быть, в силу того, что так скверно обстоят дела дома? Неужели я хочу компенсировать свой крах в управлении королевством успехом в том единственном деле, которое мне хорошо известно?

Рагнарсон подошел к южной границе лагеря и уставил взгляд в темноту, в ту сторону, где находился Тройес. Его интуиция хранила полное молчание. Призраки прошлого не желали оставлять Браги. Он вспоминал друзей и любимых женщин, которых потерял, вспоминал победы и поражения, вспоминал хорошее и плохое.

— Я здесь только потому, что ничего больше не умею делать, — прошептал Браги. — Я мчался в битву или убегал от сражения, начиная с пятнадцати лет. Такого продолжительного мира, как сейчас, я никогда не знал. Неужели драка, в которую я ввязался, помогая Мгле, вернула меня в прошлое?

В черном небе на мгновение возник след упавшей звезды.

— Человеческая жизнь. Краткий миг во тьме. Неужели я тоже ищу способ ярко оставить этот мир?

Если попробовать разобраться до конца, то его рейд явно попахивал самоубийством. Хсунг, конечно, был предателем — он выступал против принцессы, но при этом

оставался тервола. Если его убить или сильно унизить, то его собратья распаляться еще сильнее и еще сильнее возжелают свести счеты с Кавелином...

— Сир?

От неожиданности Рагнарсон чуть ли не подпрыгнул.

— Ты испугал меня, солдат.

— Я не хотел этого, сир. Я стоял тихо, так как думал, что вы думаете о чем-то важном.

— Кто знает... Может быть, это именно так.

Солдат отсалютовал и, сделав по уставу поворот «кругом», зашагал прочь.

— Постой!

— Слушаюсь, сир.

— Что ты обо всем этом думаешь?

— О чем, сир?

— О марше на Тройес. Что думаешь ты? Что думают люди? Только честно. Когда-то и я был простым солдатом.

— Что же, сир... Я думаю, что никто особого счастья по этому поводу не испытывает... Никто не понимает, для чего это. Но большинство верит в то, что вы знаете, что делаете, и что дело это очень важное. Иначе, говорят они, мы бы здесь не оказались.

Это забавно, подумал Браги. Они все еще верят в меня.

— Выходит, ворчания и стратегических гаданий не так уж и много? — спросил Рагнарсон, хорошо зная, что каждый пехотинец мнит себя стратегом, понимающим гораздо больше, чем его командиры.

— Никак нет, сир. Как я уже сказал, многие задают вопрос «почему», но жалуются только на качество жратвы.

— Есть жалобы, которые никогда не меняются, — ухмыльнулся Браги. — Спасибо, сынок. Продолжай свой обход, — сказал он и снова вперил взгляд в ту сторону, где располагался Тройес.

Всего четыре дня. Четыре дня быстрого марша. Удар по городу и захват всего штаба Хсунга. Все марионетки Шинсана будут сметены с лица земли, а прозападно настроенные жители получат возможность собрать силы и вернуть себе контроль над своим домом.

* * *

День выдался прохладным и ярким. Браги выскочил из своей палатки и, чтобы размяться, сделал несколько прыжков.

— Что там у тебя? — спросил он у повара. — Пахнет дьявольски аппетитно.

Рагнарсон чувствовал себя великолепно. Спал он замечательно, и дурные сны его этой ночью не навещали. Это было то утро, когда все кажется прекрасным и возникает такое чувство, что весь мир лежит у твоих ног.

Браги обошел вокруг палатки, поставленной на вершине невысокого холма, и обратил взор в сторону Тройеса. До цели — не более шестидесяти миль, подумал он. Хороший марш-бросок сегодня, ночной отдых и сокрушительный удар утром.

Браги не сомневался в том, что все получится как надо. Копание в душе и сомнения были вовсе не нужными. Тройес он захватит без труда. Если штурм пройдет легко, то можно будет продвинуться дальше на юг и помочь Ясмид загнать армию Хсунга в мешок, где ее затем и уничтожить. Интересно, какую рожу скорчат тервола, узнав, что этот западный погубитель как бы между прочим истребил еще несколько их легионов? Ха! А Мгла? Как было бы интересно посмотреть на нее в тот момент, когда ей принесут это известие! Ну и поделом! Принцессе следовало держать Хсунга на коротком поводке.

Браги был уверен в том, что Хсунг действует без позволения. Мгле, судя по всему, трудно держать своих тервола в повиновении. Аристократы, как по своему опыту знал Рагнарсон, постоянно чинят правителям неприятности.

— Доброе утро, барон, — весело бросил он, когда Хардл, поднявшись по склону, присоединился к своему королю. — Ну разве это не прекрасный день?

— Бесспорно, прекрасный, сир, — улыбнулся Хардл. — Вам не кажется, что сегодня воздух напоен какой-то магией?

— Не знаю, чем он там напоен, но чувствую я себя великолепно. Надеюсь, что подобный подъем испытывают и другие, а не только я и вы.

Его надежды оправдались. Иногда выпадают такие славные дни, когда все выглядит замечательно, а мир представляется прекрасным для всех тех, кто еще не до конца зачерствел душой.

Даже Гжердрам развеселился — а ведь он не улыбался с того самого дня, когда войско покинуло Майсак.

— Я долго думал, Браги, — сказал Гжердрам, когда они остались без свидетелей. — Возможно, вы и правы — не исключено, что мы справимся. И это будет как раз тот успех, в котором мы так нуждаемся. До конца дней своих мы избавимся от угрозы со стороны Шинсана. Империя Ужаса больше не будет висеть у нас на спине. Этот удар заткнет рты и нашим врагам дома. А до конца наших дней им не протянуть. Лишь только старые Нордмены горят желанием от нас избавиться. Когда старики аристократы вымрут, сыщется не очень много желающих занять их место.

— Наконец-то ты начинаешь понимать, — сказал Рагнарсон, шлепнув Гжердрама по спине. — Когда мы начинали, эта перспектива казалась весьма туманной, но теперь у меня появилось чувство, что мы справимся вне зависимости от того, поможет нам чародей или нет.

Вот уже много дней Рагнарсон частенько смотрел назад, ожидая появления Вартлоккура. Он надеялся, что чародей смягчится, как только армия подступит к Тройесу.

— Вы думаете, что Вартлоккур может появиться? — спросил Гжердрам.

— Я в этом уверен. Чародей упрям и заставит меня поволноваться, но в критический момент он окажется здесь.

Как только закончилось время завтрака, Браги двинул армию вперед. Разведывательные отряды скакали, далеко обогнав основное войско. Очень скоро им начнут попадаться окружающие Тройес фермы и поместья. От моря армию Кавелина теперь отделяли какие-то семьдесят—восемьдесят миль. Климат в этих краях считался засушливым, но осадков все-таки хватало на то, чтобы собирать кое-какой урожай зерновых.

Ночная прохлада исчезла довольно быстро. День, правда, оказался не жарким, хотя и достаточно теплым. В фан-

тастически лазурном небе не было ни облачка, и Браги не переставал восхищаться великолепием окружающего его мира. Часы шли за часами.

— Взгляни-ка, Клаус, — сказал он одному из своих телохранителей. — Видишь птицу? Это чайка. Когда мы взберемся вон на ту гряду холмов, то с вершины ты сможешь увидеть море. Если день останется ясным, конечно.

Холмы становились все ближе. Это были невысокие, видимо, очень древние возвышения с закругленными вершинами и покрытыми сухой травой склонами. В результате издали казалось, что холмы слегка заржавели под солнцем. Чуть к востоку от возвышенностей, там, где промчался степной пожар, виднелась широкая черная полоса опаленной земли.

Браги слегка привстал на стременах, чтобы получше рассмотреть направляющихся к нему всадников. Те явно не спешили. Очередное сообщение, решил он, опустился в седло и двинул лошадь вперед навстречу разведчикам.

— Сир, мы обнаружили небольшой наблюдательный пункт, — сказал один из них, показывая чуть в сторону от линии движения основной колонны. — Контролирует значительную часть равнины. Людей там не оказалось, но за холмом в небольшом глинобитном форте скрывается гарнизон. По нашей оценке, человек двадцать. Шинсанцы. Они ведут себя так, как будто ничего не знают о нашем появлении.

— Хм-м, — протянул Браги и оглянулся. Над колонной стояло облако пыли. — Ты говоришь о том одиноком холме, стоящем в стороне от гряды?

— Так точно, сир.

— Не заметили ли вы среди них тервола или претендентов?

— Никаких признаков ни тех ни других, сир.

— Вы оставили там наблюдателей? И людей, чтобы не допустить врагов на холм?

— Так точно, сир.

— Прекрасно. Посыльный! Доставь ко мне капитана Томпкина, — приказал Рагнарсон и, обращаясь снова к развед-

чику, спросил: — Насколько крепок этот форт? Сможет ли им овладеть эскадрон легкой кавалерии?

— Вообще-то это даже не совсем форт, сир. Скорее это блокгауз из необоженного кирпича. Блокгауз окружает куртина высотой в четыре фута. Ворота закреплены на петлях.

— Достаточно. Покажи Томпкину ворота. Пусть взглянет с вершины холма. Пусть он сам решает, как лучше штурмовать укрепление.

Атака прошла безупречно. Томпкин вернулся и доложил, что захваченный врасплох гарнизон из восемнадцати человек сражался отчаянно, но устоять не смог.

— Странно. По логике вещей они должны были держаться, навострив уши, — сказал Браги. — В то время когда идет война, опытные воины смотрят не только вперед, но и следят за своими тылами.

Колонна начала движение у подножия гряды холмов и по самим холмам позже во второй половине дня. Хорошее настроение не оставляло Рагнарсона. Еще двадцать миль холмистой местности, десять миль равнины — и он постучит в ворота Тройеса. Эту последнюю ночь придется провести на холмах, чтобы лавиной скатиться вниз ранним утром.

— Взгляните, сир!

Браги посмотрел в указанном направлении — в хвост колонны и чуть влево от себя. Там вдали бешено неслись всадники. А еще чуть дальше за ними развертывалась по фронту темная полоса.

— Выглядит скверно. Остановить колонну! Трубачи, сигнал: «Офицеры ко мне!»

Первым прибыл Гжердрам.

— Поднимись на холм и попробуй разобраться, что там происходит, — приказал ему Браги.

Гжердрам бросился выполнять приказание. Пять минут спустя на взмыленных лошадях прискакали разведчики. Их предводитель соскочил с коня и что-то возбужденно залопотал на языке Марена Димура.

— Полегче, полегче, сынок. Не торопись. Я не понимаю, когда ты так быстро говоришь.

Разведчик, подпрыгивая на месте, показывал куда-то рукой. Браги не понял речи этого человека, но общий смысл слов был ему достаточно ясен. В том направлении, куда он указывал, возникла какая-то опасность.

Появился капитан Септьен. Выслушав донесение, он побледнел и сказал:

— Сир, в нашем направлении движется когорта легионеров Шинсана.

— Они нас видели?

Септьен перевел вопрос короля, выслушал ответ и сказал:

— Он не знает.

— Хорошо. Барон, примите на себя командование здесь. Соберите все дозоры. Укройте колонну за холмом. Я поднимусь наверх, чтобы взглянуть самому. Ты, ты и ты, — указал он на посыльных, — идете со мной.

На полпути к холму Браги встретил Гжердрама. Рыцарь выглядел еще более серым, чем Септьен несколько минут тому назад.

— Ну что там, Гжердрам? — спросил Браги.

— Вам лучше самому посмотреть, — ответил Гжердрам, нервно сглотнув слюну.

— Плохо?

— Да. Очень.

Браги поднялся к сторожевому посту. Разведчик был прав. Пять или шесть сотен человек темным пятном двигались по направлению к нему. Вообще-то ничего страшного, если... если бы это не было одним из четырех темных пятен, надвигающихся на войско с четырех разных направлений.

— Гжердрам! Ты полагаешь, что это еще не все?

— Не все, сир. Часть их укрылась в холмах. Я заметил там какое-то движение.

— Верно. Им, вне сомнения, известно, что мы здесь. Они намеренно выступили против нас.

— Не сомневаюсь.

— Но каким образом они узнали? И откуда явились? По логике вещей они должны находиться на юге.

— Итак, что же нам делать?

— На нашей стороне преимущество центральной позиции. Их же силы разбросаны по большой площади. Спускайся вниз, садись на коня и разбей... вон тот отряд. Он ближе всего к нам.

Армия Империи Ужаса крайне редко прибегала к помощи конных воинов, и против удара тяжелой кавалерии запада пешим легионерам Шинсана выстоять было трудно.

— Затем атакуй группу, приближающуюся к нам с востока. Затем вон ту. Одним словом, пробей для нас достаточно широкий проход, чтобы мы могли сбежать.

— Вы хотите уйти?

— Совершенно верно. Какой смысл продолжать, если они знают, что мы здесь? Сражаться будем ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы открыть путь отхода. Войдя в горный проход, мы сможем остановиться, сохранив достаточно сил для того, чтобы не позволить им прорваться дальше.

Браги еще раз обежал взглядом равнину. Он был разочарован, но вовсе не подавлен. Владевшее им весь день прекрасное настроение не исчезло. Западня не казалась ему безвыходной.

— Что же, Хсунг, этот раунд остался за тобой. Но я скоро встречусь с тобой, мерзавец. Действуй, Гжердрам. Посыльный! Передай барону Хардлу, что нам следует зарыться в землю на этом холме и стоять наготове до тех пор, пока Гжердрам не расчистит для нас путь отхода. Передай ему этот приказ.

Браги взглянул еще раз на приближающиеся колонны врага и посмотрел в небо. В его плане имелся один существенный дефект. Ночь может наступить прежде, чем Гжердрам успеет обеспечить достаточно широкий проход для прорыва.

До наступления сумерек Гжердрам успел разбить два отряда противника. Но на смену двум группам появились четыре новых.

— Не меньше, чем целый легион, будь он проклят! — пробормотал Браги. Это означало, что противостоящая ему сила по численности равнялась его войску. Однако

легион Шинсана был лучше обучен и вооружен и значительно более дисциплинирован. У Кавелина были хорошие солдаты, но воины Империи Ужаса все равно оставались лучшими.

— Что же, барон, похоже, что на сей раз я своего добился, — сказал Браги, поглощая холодный ужин под равномерный бой вражеских барабанов. — Посадил нас всех в глубокую яму.

Хардл согласно кивнул, но тут же изумил Рагнарсона, заявив:

— Но вы нас из нее вытащите. Вам это всегда удавалось.

Вера этого человека в своего вождя не могла не тронуть.

— Может быть. По счастью, Южные лучники занимают господствующую позицию. Окопаемся ночью как следует, и все будет в порядке.

Во всяком случае, он на это надеялся.

«Где же ты, Вартлоккур, — думал он про себя. — Я по самые уши влип в дерьмо с этими тервола, и мне надо, чтобы ты мне немного пособил. Хватит валять дурака».

ГЛАВА 23

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Непанта вытянула шею и взглянула через плечо мужа в магическое зеркало. Там какие-то похожие на призраки фигуры готовили на холме оборонительные позиции. Они поспешно рыли окопы и возводили земляные валы. Тем временем другие призрачные тени суетились у подножия холма, возводя свои оборонительные сооружения.

— Ведь ты намерен помочь ему, не так ли? — спросила Непанта.

За ее спиной стоял похожий на мертвеца Этриан. Как только взгляд его пустых глаз попадал на зеркало, он издавал странное хныканье. Каждый раз, услыхав этот звук, малышка на руках Непанты пускалась в рев, и матери приходилось ее успокаивать.

Вартлоккур ничего не ответил.

В комнату ввалились дети Мглы и затоптались за спинкой кресла, на котором сидел маг.

— Что там, дядя Варт? — поинтересовался один из них.

— Сражение. Далеко на юге.

— А нам можно посмотреть?

— Вам пора быть в постели. Кроме того, до утра там ничего не случится.

Люди Рагнарсона наносили тревожащие удары по всему периметру их обороны. Легионеры ограничивались тем, что отгоняли их от своих позиций.

— Создается впечатление, что Хсунг избегает сражения, — заметила Непанта.

— Он спустит с цепи своих тервола рано утром. Зачем ввязываться в драку, если использование Силы обеспечит ему легкую и бескровную победу.

— А тебя там не будет. Или ты все-таки ему поможешь? Неужели ты позволишь этим людям умереть только потому, что пострадала твоя гордость? Если так, то ты глупец. Иногда ты вызываешь у меня отвращение. Дети, марш в кровать!

Непанта сердито затопала из комнаты, погоняя перед собой детишек.

Вартлоккур провел у зеркала еще час. Его лицо отражало ту борьбу, которая развернулась в его душе.

— Будь он проклят, — произнес Вартлоккур и поднялся с кресла.

Сняв с полки ларец, он вернулся к столу. Внутри ларца оказался лук длиной восемнадцать дюймов и четыре стрелы примерно вполовину короче лука. У стрел были серебряные наконечники и кованое золотое оперение. Древко стрел украшали красные и белые прожилки — настолько тонкие, что их трудно было заметить. Чародей натянул тетиву, сплетенную из волос девственницы, и внимательно осмотрел чудесное оружие.

Исторгнув очередное проклятие, Вартлоккур придвинул чернильницу, взял в руки перо, нацарапал записку и, присыпав послание песком, обернул вокруг стрелы. Затем чародей помазал бумагу слюной и прошептал несколько слов. Бумага прочно прилипла к древку.

Вартлоккур встал с кресла и спустился по длинной винтовой лестнице к основанию башни, на вершине которой приютилась его рабочая комната. Маг вышел из здания цитадели, пересек внутренний двор замка и поднялся на стену. Стена стояла на краю обрыва глубиной в две тысячи футов. Дом чародея, именуемый Клыкодред, венчал высочайший пик дикого горного хребта, известного под названием Зубы Дракона.

Вартлоккур поднял взгляд на яркие звезды, и ему показалось, что те ему издевательски подмигивают. «Глупец!» — кричали они ему в лицо точно так, как выкрикнула недавно его жена. Упрямый дурак!

Чародей посмотрел на горные, цвета слоновой кости пики и произнес несколько слов на языке своей юности. Он попытался представить себе лицо Мглы, и принцесса вскоре предстала перед его мысленным взором. Вартлоккур натянул тетиву и пустил стрелу в направлении подмигивающих ему звезд. Стрела понеслась во тьму, и тут же ночную тишину прорезал громкий стон.

Из темноты возник Рейдачар и повис над чародеем. Нерожденный всем своим существом чувствовал раздирающие душу мага противоречия, он знал, что хозяину что-то нужно, но ему было неведомо — что именно. Чародей легонько прикоснулся к укрывающей Рейдачара полупрозрачной сфере и сказал:

— Пойдем в дом, мой единственный верный и неподкупный друг. Мои старые кости терзает боль. Еще немного — и я приму здесь смерть от холода.

— Пу Хсиу говорит, что противник заканчивает окружение его легиона, повелительница, — доложил Претендент.

Мгла выскользнула из-за стола, за которым изучала карту, и подала знак. Претендент положил перед ней другой лист и разгладил его рукой. С помощью грифеля он выделил на нем пространство, имеющее форму человеческой почки, и легкими штрихами обозначил примерное расположение соседних легионов.

— Что у нас там осталось в резерве? — бросив взгляд на карту, спросила Мгла.

— Одна когорта без поддержки тервола или претендентов. Командует когортой старший центурион Ки Мо-джо. Их только вчера отвели на отдых. От личного состава когорты осталось чуть больше половины.

— Передай Мо-джо мой приказ атаковать слева и попытаться прорвать кольцо.

— Справа, повелительница, расстояние меньше. Там это легче сделать.

— Именно этого они от нас и ждут. Передай Мо-джо, что в случае необходимости мы можем поддержать его баллистами. Но много магических зарядов мы для него потратить не сможем. Выделите ему десяток.

— Как прикажете, повелительница, — сказал Претендент, убрал со стола карту и отправился выполнять поручение.

Мгла посмотрела на оставшуюся лежать на столе мелкомасштабную карту. Карта отражала общую ситуацию. Контрнаступление захлебнулось. Легионы просто утонули в массе солдат противника. Чтобы предотвратить прорыв фронта, ей приходилось бросать в бой последние резервы. Несмотря на это, бреши в линии появлялись чаще, чем их удавалось закрыть. Мгла откинулась на спинку стула и вздохнула от усталости и разочарования.

Никогда ранее Империя не стояла перед угрозой начинать переговоры о мире не с позиции силы, а как слабейшая сторона. Если армия Матаянги в ближайшее время не рухнет, то такая судьба ждет легионы Шинсана. Их ресурсы практически исчерпаны, и скоро ей придется снимать части из Западной армии и вводить в бой учебные легионы.

Размышление принцессы прервало какое-то легкое прикосновение к ее лицу. Так вашего лица касается паутина на заброшенной лесной тропинке. Через мгновение паутина опутала все ее лицо и, как ей показалась, даже потянула куда-то.

Мгла резко вскочила со стула. Неизвестный ей Властелин Силы сосредоточил на ней свое внимание. Необходимо подготовиться к защите.

С шумом распахнулось окно, и в комнате послышался низкий, негромкий стон. Раздался глухой удар, и карты,

кружась, полетели со стола на пол, а в свете свечей заплясали пылинки. В центре столешницы чуть подрагивала вонзившаяся в нее стрела. Древко стрелы было обмотано листком бумаги.

Мгла внимательно осмотрела стрелу, но почувствовала отзвук лишь тех заклинаний, которые приводили снаряд в движение. Лизнув палец, принцесса прикоснулась им к листку, и тот мгновенно отклеился от древка. Мгла осторожно взяла листок, поднесла к глазам и прочитала.

— Хм-м... Лорд Лун-ю, мы открыли тоннель перехода, связывающий нас с командующим Западной армией?

— Сегодня утром, повелительница. Если желаете, я могу проверить.

Мгла перечитала послание. Итак, чародей знает о том, что происходит у Тройеса. Возможно, ему известно даже больше, чем ей. Лорд Ших-кай окружил войско Браги.

Какая безумная мысль заставила Браги выйти из гор? Почему он не остался в крепости Майсак? Идиот!

Вернулся лорд Лун-ю и доложил:

— Портал открыт, повелительница.

— Прекрасно. Насколько я знаю, вы знакомы с лордом Ших-каем. Отправляйтесь к нему и скажите, чтобы он завершал текущую операцию без применения Силы.

— Боюсь, что я вас не совсем понял, повелительница. Простите.

— Он сумел окружить Рагнарсона.

Лорд Лун-ю от восторга едва не пустился в пляс. Мгла ласково кивнула и продолжила:

— Именно так. Но я только что получила послание от Вартлоккура. Чародей обещает вмешаться, если лорд Ших-кай использует Силу. Говорит, что обрушит на нас все свое могущество.

— Но почему?

— Мне хорошо известно, какие чувства им движут, лорд Лун-ю. Я не хуже вас знаю, что справиться с Рагнарсоном с помощью Силы гораздо проще. Но возможный гнев Вартлоккура и Нерожденного сулит нам большую опасность, чем схватка с Рагнарсоном в обычной битве без помощи магии. Вы меня понимаете?

— Я видел Нерожденного в битве, повелительница, — с явной неохотой произнес лорд Лун-ю. — Думаю, что нам следует принять условия чародея.

— Скажите лорду Ших-каю, чтобы он высвободил для нас как можно больше людей. У нас совершенно отчаянное положение с резервами.

— Хорошо, повелительница. Но, повелительница, можем ли мы верить чародею в том, что он не вмешается в схватку?

— Думаю, что можем. Обычно он держит свое слово. Приступайте, лорд Лун-ю. Ночь подходит к концу, а лорду Ших-каю потребуется время, чтобы пересмотреть план сражения.

— Как прикажете, повелительница.

Мгла собрала с пола карты и принялась изучать ту, которая отражала бедствие вооруженных сил Аргона, вторгшихся в прибрежные районы Матаянги.

— Идея была превосходная, лорд Куо, — прошептала она, обращаясь к духу своего предшественника, — но вы очень переоценили силу армии Аргона.

— Последнюю смену на всех постах стоят офицеры и унтера, — сказал Браги. — Всем остальным отдыхать.

Он посмотрел на вражеский лагерь, окружающий холм со всех сторон. Было далеко за полночь. Сильнее укрепить свои позиции, чем они были уже укреплены, Рагнарсон не мог.

— Вам тоже не мешало бы поспать, — заметил барон Хардл. — У вас даже глаза от усталости ввалились.

— Хм-м... Возможно. — Он протер кулаками глаза, понимая, что сна все равно не будет. Весь остаток ночи ему предстоит сражаться со своей совестью.

Ведь врагам была нужна не его армия, а всего лишь он сам.

Браги еще раз обежал взглядом расположение противника. По его оценке, ему противостоял один легион, и при этом уже кем-то слегка потрепанный. Надо сделать все, чтобы вынудить шинсанцев пойти в атаку. Как только его лучники нанесут им урон, он контратакует их во фланг, чтобы

открыть Гжердраму проход для кавалерийской атаки. Им не удержать Гжердрама, если он сумеет до них добраться. Совершив прорыв, тяжелая рыцарская кавалерия развернется и ударит на врага с тыла.

Все эти победные полководческие планы заставили самого Рагнарсона тут же презрительно фыркнуть. Теоретически они выглядят прекрасно, но на практике совершенно бесполезны. Тервола прибегнут к помощи своей колдовской Силы, и у него не найдется способа их остановить. Если, конечно... Он задумчиво посмотрел в ту сторону, где должен был находиться хребет Зубы Дракона.

Браги был по-настоящему обеспокоен. Неужели чародей действительно решил его бросить?

— Перестань ныть, — сказал он себе, — безнадежных положений не бывает.

— Простите, сир, я не расслышал.

— Ничего, — ответил Рагнарсон и поделился с бароном своим намерением поставить наступающего врага под стрелы лучников.

— Не воевал ли лорд Хсунг на западе во время Великих Войн? — спросил барон.

— Не думаю. Но какое это имеет значение?

— К концу войны противник прекрасно научился противостоять массированному обстрелу.

— А что вы скажете, если мы вступим с ними в переговоры?

— Не понял вас, сир.

— Хсунгу нужен я. Возможно, что он согласится пропустить армию, если лично я ему сдамся.

— Ни в коем случае, — заявил Гжердрам.

— Я не готов пойти на это даже в самой крайней ситуации, — покачивая головой, произнес барон. — Мы шли бок о бок наверх и, если придется, вместе и падем.

— Я думаю лишь о будущем Кавелина. Что произойдет с королевством, если оно потеряет две трети своих лучших бойцов?

— А что с ним произойдет, если оно потеряет короля, который только о нем и печется? — ответил вопросом на вопрос Гжердрам. — Вам прекрасно известно, кто в этом

случае захватит власть. Это будут владетели. Ингер сразу превратится в крестьянскую девчонку, пытающуюся удержаться на необъезженном жеребце. Они купили ее своим законом о престолонаследии.

— А я в этом вовсе не уверен, — с жесткой улыбкой произнес Браги. — Может оказаться так, что в ловушке окажутся сами владетели. Эта дама может действовать весьма круто, если на что-то решится. Кроме того, у нее найдутся весьма неприятные друзья.

— Ах да, Норат, — заметил Гжердрам. — Я чуть было не забыл о нем.

— И Норат в том числе. А теперь я хочу, чтобы вы немного отдохнули. Завтра нам предстоит трудный день, вне зависимости от того — победим мы или проиграем.

Рагнарсону все же удалось поспать. Но не более пары часов. Задолго до того, как начали меркнуть звезды, он уже осматривал вражеские укрепления. Еще до рассвета он разбудил кашеваров и приказал им накормить людей. Командирам отрядов он приказал проверить оружие. Войска разместились в окопах до того, как утренний бриз вынес из-за горизонта в восточной части неба солнечный диск.

Враг к этому времени тоже успел изготовиться. Первые лучи солнца осветили боевые порядки воинов в черных доспехах. Легионеров Шинсана прикрывал ров, полностью окруживший холм, на котором окопались солдаты Кавелина.

— Вот тебе и кавалерийская атака Гжердрама! — прорычал Рагнарсон. — Никакой атаки, пока нам не удастся зарыть этот ров. Посыльный! Передай Гжердраму, чтобы всех лошадей отвели на вершину холма. Нам всем предстоит сражаться в пешем строю.

Он вгляделся в то место, где стоял штабной шатер Западной армии Шинсана. Рядом с шатром на высоких древках развевались штандарты двух легионов. Браги нахмурился. Два легиона? Столько солдат врага он не насчитал... Может быть, ему противостоят лишь остатки двух легионов, понесших потери на юге?

Чтобы лучше изучить весь боевой строй противника, Рагнарсон обошел вершину холма. Линия воинов в черных доспехах сверху казалась очень тонкой, что рождало большой соблазн броситься на прорыв. Военачальник, менее знакомый с повадками легионов Империи Ужаса, скорее всего поддался бы этому искушению, что же касается Браги, то он сразу его отмел.

— Надо заставить их атаковать нас. И будем молить богов, чтобы они не догадались разделаться с нами простейшим способом — уморить нас голодом, — сказал Рагнарсон, одновременно размышляя о том, как связаться с Ясмид, чтобы попросить ее немедленно выступить ему на помощь. Надавить на Хсунга... А может быть, Хсунг уже успел разбить ее отряды? Но если верить тому, что говорил пленный, то потерпела поражение вовсе не Ясмид, а сам Хсунг.

Дрожь пробежала по телу Браги. Барабаны Империи Ужаса звучали не переставая с момента прибытия легионов. Бесконечный грохот начинал действовать ему на нервы.

Что происходит? Для появления здесь Хсунга должна была быть причина, вычислить которую Браги был не в состоянии. Но это необходимо сделать. Произошло нечто очень серьезное. Рагнарсон посмотрел на север и произнес:

— И долго ты намерен меня еще мучить, чародей?

Как только нижний край солнечного диска оторвался от горизонта, вражеские барабаны зазвучали по-иному. Воины Шинсана стали переходить через вырытый ими ров и начали выстраиваться в боевые ряды фронтом к склону холма.

— Пять когорт, — пробормотал Браги. — Вводит в дело почти половину своих людей с пяти направлений, как пять лучей у звезды. Лишь для того, чтобы проверить наше упорство.

Его удивляло то, что Хсунг даже не сделал вид, что намерен вступить в переговоры. Такие действия говорили как о его решимости уничтожить армию Кавелина, так и о полной уверенности в способности сделать это.

Но почему? — недоумевал Рагнарсон. Для полной уверенности в победе сил у него явно не хватает... Колдов-

ство. Да, конечно. Они располагают волшебной Силой, а я — нет.

Каждую секунду на его войско может обрушиться смертельный огонь. Мир вздрогнет под ударом чудовищных боевых заклинаний.

Ритм барабанов снова изменился. Все пять когорт двинулись на штурм.

Рагнарсон дал сигнал горнисту. Тот задул в трубу и дул до тех пор, пока его глаза не вылезли из орбит. Этот пронзительный звук был совершенно новым сигналом в репертуаре войска.

Загремели армейские барабаны, частично заглушая звук барабанов противника. Где-то на невидимых отсюда склонах холма колонны атакующих достигнут точки, откуда плохо будут слышны сигналы их командующего. Браги надеялся, что сумасшедший звук горна и бой его барабанов собьют врага с толку.

Первые стрелы, взвившись в небо, дождем обрушились на противника. Несколько человек упали, но, как и опасался барон Хардл, остальные легионеры умело прикрылись от смертельного дождя щитами.

— Ну давай же, Тейлсон, — шептал Браги. — Где твои арбалетчики? Им надо бить по ногам, когда щиты прикрывают головы.

Он постоянно расхаживал, описывая круги вокруг вершины холма и разглядывая по очереди каждый из отрядов противника. Находясь на подветренной стороне холма, Рагнарсон увидел, что одна из когорт движется медленнее других. Едва он успел об этом подумать, как из сухой травы поднялся столб дыма и полоса огня побежала в направлении противника.

— Отлично, — сказал Браги. — Это еще больше замедлит их продвижение.

Рев труб и дробь барабанов, мешающих легионерам принимать нужные команды, степной пожар, дождь стрел из луков и арбалетов начинали оказывать желаемое действие. Наступающие несли ощутимые потери, но, несмотря на это, продолжали движение. Вскоре они вплотную подошли к

передовой линии окопов. Именно там должна была состояться первая настоящая проба сил.

Браги остановился, чтобы посмотреть на штабной шатер противника.

— Когда же ты наконец обрушишь на меня колдовство? — вслух спросил Рагнарсон. — По-моему, ты уже опаздываешь, — добавил он и инстинктивно втянул голову в плечи, ожидая удара магической Силы.

Удара не последовало. Вместо этого новые отряды перешли через ров у подножия холма и двинулись вверх по склону, придерживаясь коридоров, не занятых пятью первыми когортами.

— Вот, значит, как. Ты намерен разобраться со мной с первой попытки.

Волна наступающих достигла передовой линии окопов, и теперь звон стали заглушил дробь барабанов.

Прошло еще несколько минут, и Браги повторил:

— Ты действительно хочешь покончить со мной с первой попытки.

Хсунг оставил в резерве всего две когорты. По оценке Рагнарсона, холм штурмовали не менее шести тысяч человек, и защитники первой линии окопов уже начали испытывать серьезные трудности. Атаку удалось отбить только в том месте, где горела трава.

Браги выбрал участок склона, который представлялся ему наиболее типичным, и подсчитал количество тел на нем.

— Неплохо, — пробормотал он. — Но могло бы быть и лучше. Значительно лучше.

Его лучники оказались на сей раз не такими смертоносными, как обычно. Оценить собственные потери он возможности не имел.

День тянулся страшно медленно. Казалось, что ему вообще не будет конца. В конце концов первую линию укреплений пришлось оставить. Окопы почти до самых краев были заполнены телами. Его люди проявили себя отлично, и лучше всего об этом говорила та неохота, с которой черные легионеры двинулись на штурм второй линии обороны.

Браги еще раз взглянул на солнце. Неужели прошло уже четверть дня? И это несмотря на то, что время тянется так

медленно? Он жалел о том, что поблизости не оказалось более высокого холма, на котором можно было бы создать не три, а четыре-пять укрепленных линий. Перед началом сражения ему казалось, что трех линий обороны вполне достаточно. Но тогда он рассчитывал на то, что его лучники будут истреблять врага целыми отрядами.

Но где же колдовство? Почему Хсунг впустую швыряется жизнями своих воинов? Может быть, он подготовил какое-то чудовищно гнусное заклятие, к которому прибегнет в решающий момент?

Полдень. Вторая линия обороны прорвана. Браги казалось, что на склоне холма полегла по меньшей мере половина наступающих врагов. Но и его лучники и арбалетчики уже успели израсходовать весь запас стрел. Теперь в дело пойдут лишь мечи и копья, кинжалы и боевые секиры, булавы и алебарды. Видимо, сейчас последует удар колдовской Силы, подумал Браги. Страшный, смертельный удар.

Но нет. Легионеры остановились на обращенном к нему краю второй линии окопов, словно приглашая его нанести контрудар. Но он этого не сделает. Во всяком случае, до тех пор, пока его войско не сожмется как пружина и пока еще более усталый враг не понесет новые потери.

До сих пор соотношение потерь было в пользу Кавелина. Сражение давно превратилось в кровавое побоище, но большая часть залившей склон холма крови была кровью легионеров Империи Ужаса.

Гжердрам, воспользовавшись передышкой, подошел к Рагнарсону.

— На моем участке дела идут неплохо, — сказал он. — Особенно учитывая то, кто нам противостоит. Готов поклясться, что, теряя одного своего воина, мы укладываем трех легионеров.

— Неужели так хорошо? Возможно, нам стоит попробовать прорваться на твоем участке, когда для этого придет время.

— Как вы думаете, третья линия устоит?

— Ничего не могу сказать. Им предстоит драться против свежих бойцов. Чтобы отбить атаку, нашим ребятам придется еще раз показать себя с самой лучшей стороны.

— Там внизу начинается какое-то шевеление, я, пожалуй, двинусь к себе.

Резервные когорты Хсунга переходили через траншеи. Тысяча человек. Видимо, они возглавят атаку.

Но где же это проклятое колдовство?

Барабаны Шинсана вновь изменили ритм, и битва возобновилась.

Третья линия обороны, вопреки надеждам Браги, держалась хуже двух первых. Вскоре ему пришлось начать перебрасывать резервы из одного места в другое, чтобы предотвратить намечающийся прорыв.

— Посыльный! — наконец взревел он. — Доставь ко мне Гжердрама! — Погрозив кулаком в ту сторону, где находился хребет Зубы Дракона, Рагнарсон бросил: — Ну, чародей, молись своим богам, чтобы я отсюда не вернулся. Потому что если я вернусь, то тебе несдобровать... Ну не дурак ли я? — с горьким смешком спросил он себя. — С какой стати я всех проклинаю, когда сам виноват во всем? Это твоя вина, король Браги, и ты это прекрасно знаешь.

Когда появился Гжердрам, Рагнарсон готовился к битве. Отряд его телохранителей состоял из барабанщиков, трубачей, кашеваров и не очень тяжело раненных воинов, покинувших поле битвы.

— Вы пожелали меня видеть, сир?

— Именно. Начинай выводить из драки своих кавалеристов. Приходит время прорыва.

Гжердрам окинул взглядом поле боя и сказал:

— Но это же сильно ослабит нашу линию обороны. Разве не так?

— Возможно. Но я приведу в окопы эту банду, чтобы опять укрепить ее.

— Насколько это разумно, сир? Если вы каким-то образом пострадаете в бою, люди потеряют последнюю надежду.

— Они все, если бы могли, давно прекратили бы сопротивление, а половина из них разбежалась, если бы было куда бежать. Гжердрам, если мы будем сидеть, ничего не предпринимая, то нам конец. Я хорошо понимаю, что для

настоящей кавалерийской атаки пространства недостаточно, но мы должны попытаться.

— А как быть с окопами и рвами?

— Что ты хочешь этим сказать?

Гжердрам прикусил язык. Канавы погубят множество людей и животных, подумал он, но вслух лишь произнес:

— Ничего не хочу сказать, сир. Я все понимаю.

Общее положение оказалось гораздо хуже, чем он предполагал. Пришло время самых отчаянных действий.

— Вартлоккур еще может сказать свое слово, Гжердрам. Рассчитывай и на это, — сказал Рагнарсон и посмотрел на штабной шатер противника. Рядом с шатром стояла группа тервола. Боевые колдуны внимательно изучали холм. — Почему они не используют Силу? — спросил Браги.

— Не знаю, сир. Иногда мне даже хочется, чтобы они перестали тянуть с этим, — ответил Гжердрам.

— Начинай атаку, как только подготовишься. У меня, видимо, не будет времени для того, чтобы отдавать приказы.

— Как прикажете, сир, — ответил Гжердрам и отошел, отдав салют.

Браги нырнул в палатку, взял лук и стрелы и дал сигнал своей разношерстной команде следовать за ним. Спустившись вниз по склону, он выбрал удобную позицию и стал пускать стрелу за стрелой, каждый раз тщательно выбирая цель. Его стрелы разили без промаха, и враг, неся потери, замедлил свое продвижение в этом секторе. Воспользовавшись некоторым замешательством противника, Браги пробился в первые ряды сражающихся. Боевой клич воинов Кавелина загремел с новой силой. Он волной катился по всей линии фронта и, сделав полный круг, возвращался к тому месту, где сражался король. «Даешь Баксендалу! Даешь Палмизано!» — Многие рядовые воины Империи Ужаса не понимали, что означает этот клич, однако тервола прекрасно знали, о чем идет речь, и напоминание о поражениях выводило их из себя.

Щиты ударялись о щиты. Звенели мечи. Браги использовал все боевые приемы, которые хранил в своем арсенале. Пронзенный его мечом легионер упал на колени. Место

сраженного товарища мгновенно занял другой, но круговорот битвы тут же унес его прочь, и перед Браги возник третий противник. Справа от него раздался крик боли, и один из телохранителей рухнул на землю. Тут же вперед выдвинулся еще один солдат Кавелина.

К тому месту, где вел сражение король, снова, описав круг, вернулся клич: «Даешь Палмизано!»

Браги его почти не слышал. Он работал как машина, полностью выключив разум. Удар. Отбив щитом. Удар ногой. Отбив. Укол. Стон. Проклятие. Пот. Реки пота. Очередное проклятие. По щиту короля пришелся удар такой силы, что его рука сразу же онемела.

Ему казалось, что он сражается на этом холме в тысячный раз. Все его прошлые битвы слились в одну. Он уже не знал, с кем бьется, и ему на это было ровным счетом наплевать. Время остановилось.

Несмотря на то что время остановилось, к его плоти оно оказалось беспощадным. Ему давно перевалило за сорок, и его выносливость была уже далеко не та, что двадцать лет назад. Ноги Браги стали тяжелыми, как каменные колонны, а руки, казалось, превратились в свинцовые слитки. Пот заливал глаза, вызывая сильное жжение. Тем не менее Рагнарсон сражался, глотая пыль, под аккомпанемент звона клинков и стук сталкивающихся щитов.

Браги не слышал рева труб, бросившего в атаку конников Гжердрама. Самой атаки он тоже не видел, так как Гжердрам повел наступление на противоположном от него склоне холма. Рагнарсон никак не отреагировал на то, что сражающиеся рядом с его группой отряды начали отступать, чтобы успеть уйти в коридор, который еще предстояло пробить Гжердраму.

Крики и проклятия стали громче. Лишившиеся своих всадников лошади с диким ржанием старались прорваться через ряды пеших бойцов. Раненые и убитые ковром устилали землю.

Телохранители Браги кричали, чтобы он чуть отступил и дал им возможность взять его в защитное кольцо. Рубанув изо всех сил по щиту легионера, король сделал шаг назад.

И в этот момент он получил удар по ребрам слева. Даже молот богов не смог бы нанести удара сильнее. У Браги перехватило дыхание, и он не смог даже вскрикнуть. Но зато он прекрасно слышал, как хрустят сломанные ребра. Телохранители успели его подхватить и удержать на ногах. Рагнарсон вдруг оказался в центре кроваво-красного водоворота, на смену которому тут же пришла полная тьма.

Гжердрам был страшно расстроен. Слишком много его кавалеристов уже погибло, сражаясь в пешем строю. Кроме того, ему удалось извлечь из боя далеко не всех, кто пока сумел остаться в живых. В итоге в его распоряжении оказалось не более пятисот готовых идти на прорыв всадников. На острие отряда он поставил тяжеловооруженных рыцарей, а легких кавалеристов разместил сзади и по флангам. Задача легких конников состояла в том, чтобы не позволить противнику закрыть коридор, после того как бронированные всадники прорвут фронт.

— Все готовы? — спросил Гжердрам.

— Так точно, сэр, — вразброд ответили офицеры. Они не были уверены в успехе, поскольку знали, какую опасность таят для кавалерии окопы и рвы.

Гжердрам еще раз окинул взором поле битвы. Солдаты Кавелина все еще удерживали линию обороны. Боевой клич с упоминанием о Баксендале и Палмизано продолжал волной катиться вокруг холма. Полезнее было бы остаться здесь и помогать держать оборону, подумал он. Но сделать этого Гжердрам не мог. Он получил четкий приказ идти на прорыв.

— Трубачи! Сигнал атаки!

Запели горны. Гжердрам, задавая темп, вначале пустил своего коня шагом. Пехота должна была услышать сигнал, и Гжердрам надеялся, что командиры примут его во внимание.

Они услышали сигнал и начали освобождать проходы для конницы. Гжердрам дал шпоры коню.

Пространства для атаки было действительно мало, но ему все же удалось развить некоторую скорость. Он вонзил копье в глаз врага, выдернул оружие и вонзил во второго

легионера. Его жеребец ворвался в строй противника. Враги начали разбегаться. При очередном ударе у Гжердрама сломалось копье, он выхватил меч и стал им разить врагов справа и слева от себя. Другие рыцари напирали на него сзади, проталкивая его сквозь ряды противника. Конь прыгнул вперед ко рву у подножия холма.

Он оглянулся. В кольце врагов образовался разрыв шириной примерно в сто ярдов, и в этот разрыв уже потекла пехота.

Гжердрам снова посмотрел вперед, оценивая глубину рва и прикидывая, где развернуть отряд, чтобы ударить по штабу противника...

В его поле зрения мелькнула какая-то тень. Гжердрам посмотрел вверх. Над полем битвы уже кружило воронье.

Ров! Гжердрам изо всех сил натянул поводья. С препятствием можно справиться, если, спешившись, перевести через него коня.

Какой-то всадник налетел на него сзади, жеребец Гжердрама споткнулся о мертвое тело и упал вперед. Гжердрам вылетел из седла.

— Проклятие! — успел прореветь он, встретившись с твердой землей. И у него от удара тут же перехватило дыхание. Затем Гжердрам начал неуверенно подниматься на ноги. Рыцарские доспехи для уставшего за время боя тела оказались слишком тяжелыми.

С большим трудом он смог встать на колени.

На него снова налетел какой-то рыцарь, и Гжердрам, рухнув в ров, оказался лежащим на спине. Шлем слетел с его головы и откатился в сторону. Меч он выронил еще раньше.

Гжердрам увидел, как на него боком валится дико ржущая лошадь и всадник в тяжелых латах. Над его лицом мелькнуло огромное копыто с тяжелой подковой. Он выбросил вверх руку. Слишком поздно.

Гжердрам лишь на долю секунды почувствовал боль перед тем, как Темная Дама приняла его в свои объятья.

Когда к Рагнарсону вернулось сознание, он увидел, что находится на вершине холма и его с двух сторон поддержи-

вают телохранители. Как враги, так и друзья знали, что король жив и продолжает руководить сражением. Битва кипела, как и прежде, но третья линия обороны была уже прорвана. Врагу удалось навязать воинам Кавелина общую беспорядочную свалку. Браги выругался, и по его бороде потекла кровавая слюна.

— Как Гжердрам? — прохрипел он.

— Убит, — ответил телохранитель. — Некоторым удалось прорваться, сир. Человек восемьсот, может быть, тысяча. Большинство из них просто убежали. Некоторые, правда, пытались напасть на Хсунга, но тот сумел отбить атаку.

Голос телохранителя дрожал. Солдат был бледен, а лицо его заливал пот. Он был смертельно напуган.

Браги выпрямился, пытаясь самостоятельно удержаться на ногах. Левый бок пронзила сильнейшая боль, он едва не рухнул на землю.

— Держитесь, сир! Держитесь! Вам надо стоять. Они будут сражаться, лишь пока вы стоите на ногах!

— Нет... — с трудом выдавил он. — Скажите им, чтобы прекратили... Нельзя, чтобы они зря потеряли жизнь...

— Легионеры никого не берут в плен, сир. Никаких пленных. Они убивают всех, кто пробует сдаться.

— Но это же глупо, — прошептал Браги и попытался послать проклятие Вартлоккуру, Хсунгу, Мгле и себе самому. Прежде всего — себе. Но ни одного слова не слетело с его губ. Лишь собравшись с силами, он смог прошептать, глядя солдату прямо в глаза: — Прости меня...

— Держитесь прямо, сир, — сказал телохранитель после того, как тело короля снова обмякло.

Последним усилием воли Браги заставил свои ноги удерживать тело. Король выпрямился во весь рост, не обращая внимание на раздирающую боль. Он закрыл глаза, чтобы не видеть гибели своей армии. Лучшей армии из тех, которыми ему довелось командовать за все эти годы.

Откуда-то издалека до него донесся звон мечей. Легионеры Империи Ужаса со всех сторон наползали на телохранителей, ставших кольцом вокруг своего короля. Силы оставили Рагнарсона, и он потерял сознание.

* * *

Какой-то солдат прикоснулся к плечу барона Хардла, пытаясь привлечь его внимание:

— Милорд... Милорд!

Хардл развернулся и рубанул мечом. Солдат ожидал удара и успел пригнуться. Хардл узнал своего и опустил меч:

— Прости, солдат. В чем дело?

— Вы нужны на вершине холма. Король ранен. Гжердрам погиб.

Барон покинул ряды сражающихся и посмотрел в сторону вершины. Королевская гвардия вела там свой последний бой. Хардл даже сумел увидеть короля, безжизненно висевшего на руках телохранителей.

— Как он там?

— Ранен, но не смертельно. Потерял сознание. Похоже, что все ребра слева сломаны.

— Эй, солдат! Выше знамя! — выкрикнул барон Хардл, едва поднявшись на холм. — Пусть все увидят, что мы не потеряли гордость. — Достигнув вершины, он осмотрелся, чтобы оценить положение.

Положение оказалось отвратительным. Те, кому удалось прорваться, ударились в бегство, не пытаясь помочь сражающимся товарищам.

— Да падет на ваши головы проклятие! — прогремел Хардл. — Пусть память о трусости вашей сохранится в веках! И пусть вечно звучат песни, превозносящие имена героев и проклинающие всех трусов поименно. И да плюнут дети ваши на ваши могилы! — Барон, судя по его виду, чуть ли не наслаждался своими проклятиями. Начав проклинать беглецов, он никак не мог остановиться.

— Жаль, что здесь нет Пратаксиса, чтобы записать мои слова, — пробормотал он. — Как печально, что на скрижалях истории не останется прекрасных последних слов этого мерзавца Нордмена. Эй, Талисон! А ты, сукин сын, с испитой печенью, ступай вниз со своими людьми и попытайся организовать линию обороны. Надо прекратить эту общую свалку. — Обращаясь к стоящим рядом солдатам, он произнес более мягким тоном: — Ты, ты и ты. Отправляйтесь вон туда и хорошенько пугните всех оставшихся лошадей. Гоните их вниз по склону.

— Но, милорд, если прогнать лошадей, то как мы...

— Не ломай свою милую головку над тем, как отсюда убраться, дорогуша. У тебя это получится лишь в том случае, если вы сумеете как следует выдрать этих мерзавцев. Если ты вдруг попытаешься спасаться в одиночку, то я своими руками укорочу тебя на голову. Я ясно выразился? Остались здесь еще такие, кто не все понял?

Через пятнадцать минут, отдавая решительные приказы, он почти сумел восстановить контроль над остатками войска. Но только почти. Отсутствие тех, кто бежал с поля битвы, сыграло решающую роль в исходе сражения. Поняв, что конец неизбежен, он посмотрел вниз на штабной шатер врагов и прошептал:

— Вы не знаете, кого вы сегодня убили, тервола. Кавелин, мы скорбим, видя твою гибель. — Похлопав по спинам стоящих рядом с ним солдат, барон распорядился: — Ты, ты и ты... Впрочем, давайте все. Затягивайте что есть мочи: «Бак-сен-да-ла! Пал-ми-за-но!» Пусть эти слова навечно застрянут в их памяти.

Конец приближался медленно, но неотвратимо. Безумная воля военачальников Шинсана гнала все новых и новых черных легионеров на бессмысленную гибель. Простая победа не могла удовлетворить военачальников Империи Ужаса. Им хотелось чего-то большего.

Лучшие воины Кавелина гибли один за другим.

Барон Хардл умер одним из последних. Умирал он с проклятием на устах, но проклятие это было адресовано не врагам, а собратьям — тем представителям его класса, в чьих руках теперь оказалась судьба королевства.

ГЛАВА 24

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Невысокий широкоплечий тервола в маске разъяренного кабана медленно брел вокруг вершины холма, осторожно переступая через мертвые тела и отрубленные конечности. Солнце клонилось к горизонту, и на поле битвы уже ложились длинные тени. Над тервола с карканьем кружило воронье. Мухи вились черными тучами.

— Откуда они появились? — пробормотал тервола. — Почему их не унесет ветер?

— Что вы сказали, лорд Ссу-ма?

— Ничего особенного, лорд Лун-ю. Ничего. Скажите, неужели вы намерены сообщить принцессе об этом сражении как о великом дне в истории Империи?

— У меня складывается впечатление, что вам что-то не нравится, лорд Ссу-ма.

Лорд Ссу-ма действительно был весьма недоволен.

— Этого не должно было случиться. Абсолютно бессмысленная растрата жизней.

— Но мы же покончили с Рагнарсоном. — Это было произнесено таким тоном, словно гибель короля Кавелина являлась величайшим событием во всей истории Шинсана.

— Неужели? Ведь довольно много солдат противника сумели уйти.

— Но только не он. Рагнарсон до самого конца стоял здесь — на вершине холма. Давайте поищем его тело. Мы пронесем его перед строем тервола.

— Мы этого не сделаем.

— Но почему же, лорд?

— Всему есть предел, лорд Лун-ю. Хотя я и не разделяю ваших чувств к Рагнарсону, но я их все же понимаю. Тем не менее я не позволю устраивать балаган вокруг его тела. Этот человек был великим воином и заслуживает уважительного к себе отношения. Более того — я перед ним в долгу. Он спас мне жизнь в тот день, когда мы покончили с Избавителем. Впрочем, это вам прекрасно известно. Вы наблюдали за нами со стены Лиаонтунга.

Лорд Лун-ю недовольно скривился под своей маской, но протестовать не осмелился. Лорд Ссу-ма был в большом фаворе у правительницы.

— Его королевство теперь ждет весьма печальная судьба, — заметил лорд Ссу-ма и добавил: — Возвращайтесь к принцессе. Здесь все закончилось. Если вы готовы солгать, то доложите ей о нашей великой победе. Скажите принцессе, что я выделю для войны с Матаянгой столько людей, сколько смогу.

— Лорд...

— Прошу вас, лорд Лун-ю, отправляйтесь немедленно. Как вы изволили заметить, я весьма недоволен ненужными потерями и нахожусь в дурном расположении духа. Мне надо побыть одному.

— Как прикажете, лорд, — ответил Лун-ю и откланялся.

Ших-кай возобновил свой неторопливый подъем на вершину, осторожно обходя павших или переступая через них. Из разных мест до него доносились вздохи, слабые стоны и даже крики. Страдальцы на полудюжине языков молили о глотке воды. Чуть ниже по склону его люди принялись очищать поле боя. Раненых врагов они добивали, а своих относили к штабному шатру, чтобы тервола могли решить, кого из них еще можно вылечить. Из тех, кто ухитрился до сих пор не умереть, таких будет большинство, так как тервола для исцеления прибегали к помощи Силы.

Ших-кай обратил взор на север, в ту сторону, где был дом чародея Вартлоккура, и покачал головой. Он не мог понять этого человека. Настоящий мужчина не бросает своих друзей в беде.

Наконец лорд добрел до того места, где свой последний бой дала гвардия короля. Армия Кавелина сражалась великолепно. На склоне этого холма полегла большая и лучшая часть двух его легионов. Трудно определить, думал Ших-кай, кто здесь победил, а кто проиграл.

Но какой приступ безумия толкнул Рагнарсона на проход через горы? Неужели он шагнул в ловушку сознательно, с широко открытыми глазами? Нет. Все было не так. Рагнарсон считал, что Западной армией командует Хсунг. Если бы он не был в этом убежден, то наверняка не пошел бы на такой риск. А если бы лорд Хсунг все еще был здесь, Рагнарсон в очередной раз, вопреки теории вероятности, мог сорвать банк в своей безумной игре и Западная армия Шинсана прекратила бы свое существование.

— В первый раз я спас восток, а теперь — запад. Но при этом я почему-то не испытываю никакой гордости, — пробормотал Ших-кай и, посмотрев на восток, добавил: — Неужели она теперь бросит меня воевать с Матаянгой?

Он обошел груду тел на том месте, где оборонялись последние кавелинцы.

— А вот этого я знаю, — продолжал он беседовать сам с собой. — Кажется, его зовут Хардл. Великий воин, как сказала принцесса. Печально. Вместе с Рагнарсоном погибли его лучшие люди. А когда беглецы вернутся домой, все королевство превратится в сумасшедший дом. — Он окинул взглядом простирающуюся на запад равнину. Далекие клубы пыли указывали на местонахождение остатков армии Рагнарсона. — А ведь вы могли победить, — сказал он, обращаясь к далеким беглецам. — Да, могли. Но вам не хватило дисциплины в тот момент, когда она была нужнее всего.

Его легионеры без приказа отступать умерли бы все до последнего, но не отступили бы ни на шаг.

В этот момент он увидел лежащего под грудой тел короля.

— И в этом, мой друг, все различие между вашей армией и моими легионами, — сказал Ших-кай и принялся растаскивать прикрывающие Рагнарсона трупы. — Возможно, я даже воздвигну вам памятник. Нам следует хранить память о своих великих врагах.

Когда он оттащил в сторону еще одно тело, король едва слышно застонал.

— Ах вот как, — произнес Ших-кай. — Очень хорошо. Выходит, вы умерли не до конца? Это дает мне возможность рассчитаться с вами по моему долгу. — Он встал на колени, чтобы пощупать у Рагнарсона пульс. — Наполнение хорошее, — удовлетворенно сказал лорд Ссу-ма и, откатив в сторону последний труп, принялся осматривать раненого. — Сломанные ребра, пробитое легкое, порезы и ушибы. Во всем остальном, мой друг, вы пребываете в прекрасной форме. Люди утверждают, что вы — человек, которому всегда везет. Что же, видимо, они правы. И на этот раз удача вам не изменила. Судьба снова улыбнулась вам.

Ших-кай поднялся, обратил взгляд в сторону своего штабного шатра и воссоздал в своем воображении маску своего лучшего мага-целителя.

— Приди, — прошептал он. — Приди сюда.

* * *

Кристен распечатала конверт с письмом из Форгреберга. Ширили с любопытством заглянула через плечо подруги. Курьер остался стоять в дверях, все время косясь на улицу, где его ожидал десяток солдат дворцовой гвардии. Гвардейцы были явно чем-то обеспокоены.

— Что они пишут, Крис?

— Майкл ожидает большого мятежа и хочет, чтобы мы уехали из страны. Отсылает нас в Тамерис к кому-то из своих друзей.

Появились Элма и Мейкин. Старики волокли по полу огромный, тяжелый сундук. Курьер высунулся за дверь и крикнул:

— Эй, Слаг, подводи экипажи к дому!

— Что вы делаете? — спросила Кристен.

— Нам приказано отправиться с вами.

— Но с какой стати мы должны куда-то отправляться? Я не вижу никаких признаков надвигающегося мятежа.

— Вы не выходили на улицы, госпожа. Королевство полным ходом мчится к гражданской войне. Королева подсказывает нехорошие мысли лордам-владетелям.

— Итаскийская сука! Когда-нибудь я вырву у нее сердце.

— Успокойся, — сказала Ширили. — Если хочешь знать мое мнение, Крис, то нам надо ехать. Если начнутся волнения, за которыми стоит она, мы станем первыми жертвами. Для своего Фулька она пойдет на все. Поэтому нам лучше пожить в другом месте.

— Чем занят король? — жалобно спросила Кристен. — Почему он все никак не вернется, чтобы остановить беспорядки?

— Он обязательно это сделает, — заверила подругу Ширили. — Когда будет готов. Он тогда и от Ингер избавится. Вот увидишь.

Кристен сложила письмо и поднялась со стула.

— Мне так страшно, Шерри. Просто ужас какой-то. Ты права, нам лучше уехать.

Спустя час все они снова стали беглянками. На сей раз путешествие проходило под охраной Слагбейта и всего его

взвода. Под вторым, фальшивым дном их экипажей были надежно скрыты почти все богатства, которые всего несколько дней назад хранились в королевской сокровищнице. Об этом знали лишь Слагбейт да оставшиеся в Форгреберге Требилкок и Пратаксис.

— Ну теперь ты доволен? — спросила Непанта. Имея доступ к магическому зеркалу, она знала, что произошло на юге. — Гжердрам никогда не делал тебе ничего плохого. А для меня он всегда оставался добрым другом. А барон Хардл... Он был единственным, кто мог держать владетелей в узде.

Вартлоккур, не отвечая, уставился на свои иссохшие старческие руки. Ее слова лишь усиливали ту мучительную боль, которая раздирала его изнутри.

— Ты еще раз сделал то же самое. Уничтожил еще одно королевство. На сей раз своим бездействием.

Вартлоккур встал с кресла, вышел из цитадели, поднялся на обдуваемую всеми ветрами стену и посмотрел в бездонную пропасть. Над его плечом парил Рейдачар. Если бы Нерожденный мог издавать звуки, то он бы зарыдал.

Дал Хаас с апатичным видом трясся в седле. Он давно уже оставил все надежды на бегство. Эти люди не спускали с него глаз и держали в самом центре колонны. Отряд уже насчитывал четыреста закаленных в боях ветеранов, а командовал ими сам герцог.

— Гейлз возвращается, — объявил сэр Мортин.

Дал посмотрел в ту сторону, куда указывал Мортин. Гейлз с шестью разведчиками возвращался с блокпоста, расположенного на границе Алтеи с Кавелином. Он осадил своего коня перед герцогом. Полковник явно был чем-то озадачен.

— Итак, можем ли мы переходить границу? — спросил герцог.

— Так точно, ваша светлость. Никаких проблем.

— В таком случае почему так вытянулась твоя физиономия?

— Потому что там не оказалось ни единой души. Алтейцы сообщили, что гарнизон покинул блокпост позавчера.

— Ты находишь это странным?

— Не только странным, но и тревожным. Я полагаю, что войска, готовясь к сражению, концентрируются дальше на востоке.

— Но разве существовала угроза войны, когда ты уезжал из Кавелина?

— Ни малейшей угрозы, ваша светлость. Король, конечно, как всегда, ковал железо, но для мобилизации могли быть лишь внутренние причины.

— В таком случае нам следует как можно быстрее воссоединиться с Ингер. Почему, будь она проклята, от нее не поступает никаких вестей? Это молчание становится угрожающим.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Гейлз.

Дал слышал этот обмен репликами, и сердце его забилось чаще. Неужели назревает вооруженное столкновение между сторонниками короля и королевы? Кристен в таком случае окажется в опасности. Надо бежать. Он просто обязан изыскать какой-то способ скрыться от этих людей.

Гейлз развернул скакуна и поскакал в голову колонны. Герцог дал шпоры своему коню и последовал за ним.

Услышав позади себя голос герцога, Гейлз обернулся и сказал:

— Да, ваша светлость...

— Ты обратил внимание на реакцию нашего гостя в тот момент, когда он услыхал твою новость?

— Простите, ваша светлость, но я не заметил ничего необычного.

— Молодой человек был потрясен. Тебе так и не удалось его завербовать?

— Он даже слушать об этом не желает.

— Очень жаль.

— Все люди Рагнарсона таковы. Король Браги ведет себя так, что они остаются верными ему душой и телом.

— Если судить по твоему тону, то ты тоже от него в восхищении. Я прав? Впрочем, не важно. Побереги свои извинения для других. Не исключено, однако, что Хаас все

же сможет оказать нам услугу. Даже не перейдя на нашу сторону.

— Слушаю вас, ваша светлость...

— Судя по твоим словам, парень по уши влюблен в бывшую жену старшего сына Рагнарсона. Ты доложил, что ее где-то спрятали перед игрой в «Захват».

— Да, именно так, ваша светлость.

— Не думаешь ли ты, что ему может быть известно ее местонахождение?

— Не исключено.

— Дай ему возможность бежать. И проследи за ним. Если он отправится к ней, то мы сразу же далеко продвинемся в нашем деле. Если нет, то мы все равно ничего не теряем. Большого значения этот молодой человек для нас не имеет.

— Устранение потенциального претендента на престол, конечно, существенно упрощает дело, — стараясь не показать своего отвращения, сказал Гейлз.

— Именно об этом я и думал.

— Он бежит этой ночью. Охрана совершит какую-нибудь глупую ошибку.

— Отлично, полковник. Отлично. Неужели мы уже достигли границы, за которой лежит это сказочное королевство Кавелин?

— Именно так, ваша светлость. Кавелин, правда, мало чем отличается от остальных королевств, если взглянуть поближе, — сказал Гейлз и послал своего скакуна вперед.

Мало чем отличается, думал он. Но гораздо приятнее, чем все другие. Гейлзу казалось, что он возвращается домой.

Требилкок вошел в кабинет Пратаксиса и рухнул в кресло.

— Ингер продолжает тянуть время, — сказал он. — Я предъявил ей ультиматум. Сказал, что смогу сдерживать Креденса только до завтра. Думаю, что надо еще чуть-чуть поднажать, чтобы заставить ее побыстрее снять горшок с огня.

Дерел в ответ лишь кивнул. Не поднимая глаз, он протянул Майклу через стол листок бумаги:

— Взгляни-ка на это.

— Откуда послание? — спросил Майкл, дважды перечитав написанное.

— От твоего дружка Дантиса. Просил посыльного передать нам его «прости-прощай». Правда, выражает надежду, что когда-нибудь где-нибудь с нами еще встретится. Возможно, в Тамерисе. Думаю, что он сочинил великолепную поэму.

— Хм-м... В конечном итоге он оказался прав. Браги совершил эту глупость. Шесть дней тому назад.

— Сейчас он должен бы быть в Тройесе, — сказал Дерел, показывая на небольшую, грубо начертанную карту, лежащую перед ним на столе. — Не исключено, впрочем, что с ним уже покончено.

— Покончено?

— Или скоро покончат. Интересно, успел ли подготовиться Креденс? Если об авантюре Браги известно Дантису, то о ней скоро узнает и вся страна. Думаю, что в нашем распоряжении остается не более двадцати четырех часов.

Майкл потянулся и со стоном поднялся на ноги.

— Пойду скажу Креденсу. Ему давно не терпится повысить степень готовности. Затем я займусь королевой. Может быть, нам удастся выставить ее из страны еще до того, как новость станет общим достоянием.

Юный дозорный без разрешения ворвался в покои Лиакопулоса:

— Сэр... Сэр... Вам надо подняться на башню, сэр.

— Что там случилось, парень? У тебя такой вид, словно ты повстречал привидение.

Прежде чем ответить, молодой солдат несколько раз судорожно открыл и закрыл рот.

— Мо... Мо... Может быть, даже хуже, сэр. Возможно, что король погиб...

— Что?! — вскочив с кресла, выпалил Лиакопулос.

— Когда сержант Типке послал меня к вам, прием сообщения еще не закончился. Майсак сообщает о том, что была битва. Некоторым ее участникам удалось вернуться. Они говорят, что все остальные убиты.

— Хватит! — бросил Лиакопулос, затягивая на себе перевязь с прикрепленным к ней мечом. — Пошли. И успокойся. Это скорее всего какая-то ошибка.

Однако никакой ошибки в донесении не было. Лиакопулос потребовал повторения сообщения. Ничего существенно нового по сравнению с первым в нем не оказалось, хотя оно и было несколько подробнее. Майсак сообщал, что беглецы только-только начали прибывать.

— Это хороший знак, — сказал генерал и, обращаясь к сержанту Типке, добавил: — Передайте в Майсак командиру гарнизона, что я приказываю ему задержать всех беглецов до полного выяснения обстоятельств. Ничего не передавайте в Форгреберг без моего личного разрешения. Кроме того, сержант, я прошу вас и всех ваших людей хранить полное молчание. Лучше всего будет, если вы добровольно немного посидите взаперти. Я не хочу, чтобы поползли разные слухи, пока мы не все для себя уяснили. Вам все ясно?

Сержант был ветераном обеих войн — гражданской и Великой Восточной. Он все понял как нельзя лучше.

— Я лично прослежу за этим, сэр.

— Кто после вас заступает в караул?

— Сержант Ромин, сэр.

— Этот парень, кажется, из Марена Димура?

— Так точно, сэр.

— Превосходно. Продолжайте нести службу.

Лиакопулос вернулся к себе. Его мучили сомнения.

Допустим, король погиб, думал он. В этом случае мои обязанности совершенно ясны. По меньшей мере юридически. Я должен как можно быстрее информировать Форгреберг, чтобы облегчить передачу власти. Но как быть с моральными обязательствами? В соответствии с недавно принятым законом власть перейдет к людям, противящимся всему тому, к чему стремились не только Рагнарсон и Фиана, но и старый король Криф.

Где его место в этом политическом уравнении? Если Рагнарсон погиб, а вместе с ним погибли Гжердрам и барон Хардл, то это означает, что во главе армии Кавелина оказался он — генерал Лиакопулос. Он и Креденс Абака. А

армия, хотя и ослабленная поражением, все еще способна сажать на трон нужных ей королей.

Нет, такую ответственность он на себя взваливать не станет. Он пришел в Кавелин для того, чтобы заплатить Рагнарсону долг, а вовсе не для того, чтобы жонглировать там короной.

— Молю вас, боги Небес и Подземного мира! Если это сообщение — правда, сделайте так, чтобы оно оказалось ложью. Снимите это бремя с моей души.

Ингер не могла отвести взгляда от трупа. Тело королевы покрылось холодным потом, и ее начала бить дрожь. Фрейлины подвели Ингер к креслу подальше от окна.

— На его месте должна была находиться я, — просипела она едва слышно. — Если бы Карл в этот момент не подошел к окну, стрела попала бы в меня.

Хунсикер с белым как мел лицом, обходя стороной окно, приблизился к королеве.

— Миледи, тот человек, который выпустил эту стрелу, был дьявольски хорошим лучником. Он стрелял с башни Фианы.

— Мне совершенно безразлично, откуда прилетела эта стрела, Хунсикер, и мне плевать на то, умелый ли это лучник или просто удачливый. Меня волнует лишь то, что мой человек умер, так же как и то, что на его месте могла быть я, не вмешайся в этот момент судьба. — Ингер попыталась взять себя в руки. Когда дрожь прекратилась, она снова заговорила: — С меня хватит. Они победили. Пошли кого-нибудь за Требилкоком.

— Но, миледи...

— Никаких дискуссий. Никакой затяжки времени. Пусть Карл будет последней жертвой, которую я принесла на алтарь честолюбия моего кузена. Я желаю, чтобы Требилкок появился здесь уже через час, и я не приму от тебя никаких объяснений, если ты вдруг заявишь, что не смог его найти.

— Она сдалась, — сказал Майкл Пратаксису. — Ударилась в панику. И как раз вовремя, надо сказать. Гейлз воз-

вращается. Сейчас он уже в Дамхорсте — а с ним еще четыре сотни итаскийцев.

— И по-прежнему никаких известий от Хааса?

— Ни единого слова. Я очень за него боюсь. Но для того, чтобы узнать то, что мы хотели, он нам не нужен. Гейлза в его путешествии в Кавелин сопровождает сам герцог Грейфеллз.

— Грейфеллз? Из того самого клана Грейфеллз? Старинный враг короля?

— Человек, возможно, и другой, но в том, что он придерживается все тех же взглядов, сомнения быть не может.

— Следовательно, она действовала не самостоятельно?

— Я уже давно сомневаюсь в ее независимости. Но на самом деле если дать ей свободу рук, то ее вполне удовлетворило бы провозглашение Фулька кронпринцем.

— А не размягчило ли, случаем, твое сердце то коротенькое свидание тет-а-тет, которое у тебя с ней недавно состоялось?

— Увы, нет, как бы я этого ни желал, — фыркнул Майкл. — Но знаю я ее теперь чуть лучше. Она не такая злодейка, какой мы ее себе представляли.

— Назови мне человека, который полностью соответствует расхожим представлением о нем. Мы все имеем свойство видеть предметы только в черно-белом цвете. Такой подход облегчает нашу совесть. Ты сможешь ее отправить так, чтобы об этом не узнал Гейлз?

— Этой ночью я переведу ее в поместье старого Далтина, а затем маршрут проляжет через Анстокин и Волстокин. Нам следует предупредить обе страны об этом транзите. Государственный визит домой для встречи с родственниками и все такое...

— Прекрасно. Я проинформирую послов, а ты извлеки ее из замка. Ты представить себе не можешь, с каким нетерпением я жду возвращения короля!

— Тебе надо рассчитывать на то, что он вернется по меньшей мере через три недели. А может быть, и того позже. Это зависит от того, сколько времени он еще намерен валять там дурака.

— Три недели... Месяц... А мы сможем продержаться столько времени?

— Креденс ко всему готов. Если кто-то попытается что-то начать, он этому безумцу тут же свернет шею. И все об этом знают. Чам утверждает, что Совет молчит, как дохлая рыба. Как только мы заставим Ингер подписать отказ от всех прав, проблема будет решена.

— Вот и займись этим!

— Что за тон, Дерел? Ведь мы же в одной лодке.

— Нервы, Майкл. Переутомление и нервы.

— Увидимся. Я дам тебе обо всем знать, как только смогу.

Ингер встретила Требилкока в дверях.

— Насколько я понял, вы наконец приняли решение, — сказал он.

— Да. Идет сбор вещей. На сей раз вам удалось меня убедить.

— Но каким образом? Еще вчера вы делали все, чтобы протянуть время.

— Стрела, Майкл. Стрела. И не пытайся издеваться надо мной. Здесь, в Форгреберге, ничего не происходит без твоего одобрения. Тебе все известно.

— Ах, Ингер, если бы вы знали... Впрочем, вам это прекрасно известно. Здесь, в столице, происходит до дьявола такого, о чем я не имею ни малейшего представления. Вы, кажется, упомянули о какой-то стреле?

— Иди за мной. Посмотришь и можешь продолжать врать.

Она провела его в другую комнату. На полу лежал труп. Майкл склонился над мертвецом.

— Карл, — сказал он, — каким образом...

— Через окно. Стрела предназначалась мне. Карл не вовремя сделал шаг вперед.

Майкл подошел к окну и посмотрел в сторону башни Фианы. Он знал, что стрела никому не предназначалась.

— Я ничего об этом не знаю, Ингер. Но могу сказать одно: человек, убивший Карла, — чертовски хороший лучник.

— Это мне уже сказал Хунсикер, — прошипела Ингер. — Но подобная меткость меня в восторг не приводит. Я беспокоюсь за свою жизнь и за жизни моих людей. Я привела их сюда вовсе не для того, чтобы их убивали.

— Я найду виновного, и он будет болтаться на виселице. Можете быть уверены.

— А что, если за этим стоит Абака? — неуверенно спросила она. — Ты всегда твердишь о том, насколько он для меня опасен.

— Тайное убийство — вовсе не в его духе. Если бы он действительно желал вашей смерти, то объявил бы военное положение (повод для этого он нашел бы), ворвался бы силой во дворец и повесил бы вас прежде, чем кто-то успел его остановить. Именно с этой идеей он и носится все последнее время. Теперь вы понимаете, почему я хочу, чтобы вы как можно быстрее уехали из страны. Нет, я не думаю, что эта стрела выпущена по приказу Креденса.

— В таком случае в смерти Карла виновата эта сучка Кристен, — сказала вконец запутавшаяся Ингер. — Она ненавидит меня из-за Фулька.

— Возможно. Кто бы это ни сделал, вам надо как можно скорее уезжать из Форгреберга. Как только стемнеет, я отвезу вас в заброшенное поместье к северу от города. Мои люди разместятся рядом с вашими покоями, чтобы все думали, будто вы все еще здесь. Как только все приготовления будут закончены, я отправлю вас северным маршрутом через Анстокин и Волстокин.

— Но почему северным?

— Потому что те, которые хотят вас убить, не предполагают, что вы двинетесь на север. Креденс не ждет этого. Я все время пытаюсь убедить вас в том, что не желаю вам зла. Не вынуждайте меня выражать свои чувства к вам еще более откровенно. Подобное не приличествует верному слуге вашего супруга.

Ингред была в полном замешательстве. Бросив на Майкла растерянный взгляд, она опустилась в кресло.

— Когда?

— Как только наступит ночь, — ответил Майкл, глядя в окно. — Скажем, через два часа. Вас это устроит?

— Но не привлекут ли общего внимания сопровождающие меня люди?

— Несомненно, привлекли бы, если бы все они отправились вместе с вами. Но этого не будет. Отберите четверых. Самое большее пятерых. Все другие останутся здесь, чтобы помочь нам ввести в заблуждение окружающих.

— А ты не хочешь вытащить меня в укромное место для того, чтобы...

— Не говорите глупостей. Если бы я хотел вас уничтожить, то мог бы сделать это прямо здесь. Креденс был бы счастлив оказать мне помощь.

— Но тогда зачем оставлять в замке моих людей?

— Предосторожность. А если уж быть совсем откровенным, то в качестве заложников. Вы очень много значите для меня, леди, но не больше, чем мой долг перед Кавелином.

— Долг? Перед Кавелином? — с недовольным видом переспросила Ингер. — Ты не представляешь, насколько противно мне слышать эти слова.

— Король верит в свое дело, — пожимая плечами, ответил Майкл, — и мой долг поддерживать его до тех пор, пока он не сменит курс или не уступит трон. В таком случае я подам в отставку.

— Но насколько мне известно, ты далеко не во всем с ним согласен.

Майкл посмотрел через окно на кроваво-красный закат, помолчал немного и ответил:

— Да. Я не всегда с ним соглашаюсь. Но политику определяет он. Мы же — все остальные — лишь проводим ее в жизнь.

— Политику определяет Пратаксис. Он пребывает в мечтаниях, которые порождают у Браги его безумные идеи.

— И так бывает. Изредка.

Ты, Майкл, шагаешь по лезвию бритвы, сказал себе Требилкок, и тебе надо быть очень, очень осторожным.

Дал Хаас постучал в дверь дома в Седлмейре. Ответа не последовало. Он забарабанил громче. Наконец дверь отворилась, и Хаас скользнул в дом.

— Видимо, это то самое место, — сказал сержант — командир отделения, преследовавшего Дала. Подозвав к себе своих людей, сержант распорядился: — Вы трое отправляйтесь к задней стороне дома и проверьте, нет ли там запасного выхода. Если черный ход обнаружится, то пусть двое останутся его охранять, а третий возвращается ко мне, чтобы доложить обстановку. — Он внимательно посмотрел на дом.

— Неужели мы и в самом деле должны убить всех? — спросил один из солдат.

— Таков приказ герцога.

— Но там же дети. Сержант, я никогда не убивал детишек.

— Не думай об этом. Просто делай свое дело, — резко и зло бросил сержант. Ему этот приказ тоже не нравился. Но приказ есть приказ.

Вернулся один из трех солдат и доложил:

— Там сзади есть дверь.

— Двое смогут прикрыть выход?

— Без проблем.

— Хорошо, парни. Время. Только помните — ни один человек не должен остаться в живых. Ни один. В противном случае герцог может нас всех укоротить на голову. Вперед.

Но один человек все же остался в живых. Дал Хаас сумел проложить себе путь мечом через заднюю дверь, оставив двух солдат герцога валяться с выпущенными кишками. От своих преследователей он сумел скрыться лишь на темных узких улочках города.

Генерал Лиакопулос и его четыре спутника — все в наряде охотников — сумели, не привлекая внимания, въехать в Форгреберг. Генерал быстро прошел в свое жилье, переоделся в мундир и направил во все стороны посыльных.

Первым на его призыв явился серый от усталости Пратаксис.

— Как вы здесь оказались? — спросил он.

— Подождите. Вы все узнаете, как только придут остальные. Я послал за Требилкоком и Абакой.

Через пару минут появился Креденс Абака, а следом за ним — Майкл.

— Садитесь, — сказал Лиакопулос. — Чтобы принять решение, мне нужен ваш совет.

— Что происходит? — спросил, садясь, Пратаксис. Он снова был заряжен нервной энергией.

Абака остался стоять. Майкл внешне не проявил никаких эмоций.

— Король мертв, — сказал Лиакопулос. — Тихо! — гаркнул он, когда на него посыпался град вопросов. — Было сражение. Король попал в окружение. Только пятой части наших людей удалось спастись, да и то, видимо, только потому, что они бежали, вместо того чтобы напасть на противника с тыла. Подробности мне не известны. Мы во всем разберемся и в случае необходимости применим меры дисциплинарного воздействия. Пока же мало что известно. Ясно лишь то, что большая часть армии погибла, включая короля, Гжердрама и барона Хардла. Сведения об этом начали просачиваться несколько дней тому назад. Я выжидал, чтобы убедиться в том, что это не массовая истерия. Я приказал коменданту Майсака удерживать у себя всех беглецов и одновременно запретил передавать в Форгреберг любые сообщения, чтобы весть о поражении не распространялась дальше. Как только я убедился, что все сообщенное беглецами — истина, я помчался сюда, чтобы посоветоваться с вами.

— Прикончим ее, пока о смерти короля никто не знает! — прорычал Абака.

— И Фулька ты тоже намерен прикончить? — не без яда поинтересовался Майкл.

— Само собой, — ответил Креденс.

— Лично я младенцев не убиваю.

— Не беспокойся, я сам это сделаю.

— Нет, Креденс, этого ты не сделаешь, — вмешался Лиакопулос. — Таким образом Корону не защищают. Это даже не будет обыкновенным детоубийством. Это будет убийством монарха. Фульк стал королем в тот момент, когда умер Рагнарсон.

— Весьма веский юридический довод, — сказал потрясенный известием Пратаксис. — А то, что ты предлагаешь, Креденс, именуется государственной изменой. И кроме того, нам еще...

— Теперь вы понимаете, в сколь затруднительном положении я оказался, — продолжил Лиакопулос. — Передо мной — дилемма: или нарушить закон, или позволить новым хозяевам законно разрушить все то, что мы столько лет создавали и лелеяли.

— Всего два покойника, — презрительно фыркнул Абака, — и никакой тебе дилеммы.

— Но если мы сами будем действовать вопреки требованиям закона, то вправе ли мы будем требовать от других его соблюдения? — спросил Пратаксис.

— Я уже приводил себе все эти аргументы, — снова вмешался Лиакопулос. — Ситуация не предполагает разумного решения. Хотя для себя я решил, что стану делать. Вы же решайте для себя, прислушавшись к тому, что нашептывает ваша совесть.

— И что же вы намерены сделать, сэр? — насмешливо поинтересовался Абака.

— Я здесь только потому, что Гильдия в долгу перед Рагнарсоном. Нет Рагнарсона — нет и долга. Я возвращаюсь в Высокий Крэг. Если вы трое согласитесь выполнять закон, то я останусь еще на некоторое время, дабы обеспечить упорядоченный переход власти. Если же вы решите бунтовать, то я уезжаю немедленно. Я не смогу присоединиться к вам, но и не стану воевать с вами.

Пратаксис и Абака кивнули. Отъезд генерала означал, что единственным командующим армией будет полковник Абака.

— Сноха короля ближе к нам, чем Ингер, — сказал Абака. — Не сможет ли она стать регентшей при юном короле Браги?

— Король предпочитал видеть в качестве регента в первую очередь Мундуиллера. Вторым в его списке шел Гжердрам и третьим барон Хардл.

— Значит, Мундуиллера? — произнес Абака. — С ним бы я смог ужиться.

— Мы можем говорить до скончания веков, но разговорами делу не помочь, — вмешался Лиакопулос. — Необходимо действовать. Комендант Майсака не может удерживать беглецов до бесконечности. Кроме того, нет сомнения в том, что некоторые из тех, кто пережил битву, проберутся в Кавелин охотничьими тропами, минуя Майсак.

— Как только об этом станет известно, Кристен и дети окажутся в опасности, — заметил Пратаксис. — Что ты на это скажешь, Майкл?

— Я уже отправил их из страны. Вместе с деньгами.

Абака и Лиакопулос бросили на шефа шпионов вопросительный взгляд. Однако ни Пратаксис, ни Требилкок ничего объяснять не стали.

— А что ты намерен предпринять, Майкл? — спросил Абака.

— Я стою перед выбором, как и все мы. Возможно, я последую примеру генерала.

— Я, видимо, тоже, — бросил Пратаксис.

— Вам троим есть куда податься, — сказал Абака. — Мне же бежать некуда. Здесь моя родина, — продолжил он, поднимаясь. — Что же, пусть будет, что будет. Если большинство против меня, то я сдаюсь, — закончил он и направился к двери.

— До того как известие о смерти короля станет всеобщим достоянием, нам необходимо увидеться с королевой, — сказал Лиакопулос. — Надо подготовить ее к удару, который ей предстоит испытать.

— Я отвезу вас к ней, генерал, — ответил Майкл. — Встречаемся здесь через час. До этого мне надо успеть кое-что сделать. Дерел, ты доставишь туда Абаку и Чама.

Задержавшийся в дверях Креденс спросил:

— Почему бы тебе просто не сказать нам, где она. Мы в силах добраться туда самостоятельно. Там мы могли бы и встретиться.

— Думаю, что ты не прав, — ответил Майкл. — Чем меньше людей знает о ее местонахождении, тем безопаснее.

— Что же, тебе виднее, — сказал Абака, одарил Требилкока долгим тяжелым взглядом и вышел из комнаты.

— От него следует ждать неприятностей, — заметил Пратаксис.

— Наверное, — согласился Майкл. — Генерал, найдите меня через час.

— Требилкок, это было прекрасное время, — сказал генерал, протягивая Майклу руку. — Нам все-таки удалось здесь кое-что сделать. Жаль только, что он так нелепо умер. Благодарю вас за все, Майкл. И вас, Дерел, тоже.

— Почему он так поступил? — пробормотал Пратаксис, пожимая руку генерала. — Для нападения не было никаких причин, поддающихся разумному объяснению.

— Он страдает теми же неврозами, что и его вечные враги тервола. Остается надеяться, что он погиб не зря и что тервола наконец утешатся.

— Да, нам сейчас не хватает лишь вторжения Шинсана, — буркнул Майкл. — Ну хорошо, встретимся позже.

— А я, пожалуй, пойду поищу Мундуиллера, — сказал Пратаксис и вышел вслед за Майклом.

Лиакопулос снова погрузился в кресло, закрыл глаза и попытался представить, чем мог стать Кавелин, если бы король не пустился в эту безумную авантюру. Эти размышления привели генерала к тому, что из его глаз покатились слезы.

ГЛАВА 25

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

В глубине забытого богами горного хребта, известного под названием Зубы Дракона, Непанта и Вартлоккур молча следили за развитием событий в Форгреберге. Они видели, как первые слабые ростки мятежа пышно расцветали, обильно удобренные слухами о том, что Ингер и Фульк погибли от рук клевретов короля. Непанта и Вартлоккур не могли не заметить, что Абака для подавления волнений отдает слишком жестокие приказы. Видели они и то, как солдаты из племени Марена Димура начли разбегаться из казарм по своим лесным деревням.

Вартлоккур повернулся спиной к зеркалу и произнес придушенным голосом:

— Ты была права. Я же ошибался и вел себя как последний дурак.

— И что же ты намерен предпринять?

— Сейчас? Сейчас я ничего не могу сделать. Слишком поздно. Пусть события развиваются своим чередом.

— Но пострадает множество людей.

— Знаю. К сожалению, в подобных случаях этого нельзя избежать. Любое вмешательство с моей стороны только ухудшит ситуацию. Их национальный дух вступил в период очищения. Через это проходит любая нация. Для отдельных личностей процесс этот ужасен, но народ в целом выходит из нее единым и закаленным.

— Избавь меня от своих разглагольствований.

— Хорошо. Но пойми — я полностью признаю свою вину. И сейчас, увы, слишком поздно предпринимать какие-либо положительные действия.

— Что же... Раз ты это утверждаешь...

По иссушенной щеке чародея прокатилась единственная слезинка. Не терзай мою душу, женщина, подумал он. Я и сам настолько себя истерзал, что мне не хочется жить.

Мгла так давно не высыпалась и так устала, что в глазах ее все начало двоиться.

— Слушаю вас, лорд Ссу-ма.

— Я хотел бы доложить вам о том, что происходит в Кавелине, принцесса. Если вас это интересует.

— Конечно, интересует. Выкладывайте.

— Я знаю, что времени у вас нет, и буду краток. Режим, существовавший там до недавнего времени, обречен на гибель. Сторонники Рагнарсона почти не имеют поддержки. Складывается впечатление, что в Кавелине начинается гражданская война.

— Итак, благородный эксперимент умирает. И умирает он не геройской, а унизительной смертью. Над его телом дерутся упыри и шакалы. Какой печальный конец.

— Весьма печальный, принцесса. Вы разрешите мне вернуться к моим обязанностям?

— Возвращайтесь, лорд Ссу-ма. И благодарю вас за то, что вы столь блестяще выполнили все мои приказания.

Ших-кай ничего не ответил, а Мгла вернулась к проблемам, связанным с Матаянгой, совершенно выбросив Кавелин из головы.

Пройдет очень много времени, прежде чем Империя Ужаса снова обратит свой взор на запад.

Требилкок и Лиакопулос свернули на дорогу, ведущую к поместью Далтин. Майкл взглядом искал признаки, указывающие на присутствие в этих местах королевы. Никаких признаков не оказалось, что очень порадовало Майкла.

— Только богам известно, насколько мне все это не по душе, — сказал он. — Но вариант, связанный с идеями Креденса, — гораздо хуже.

— Я от борьбы устраняюсь.

— Ей повезло, что она не вырвала у нас власть силой, а получила ее, как говорят юристы, ввиду отсутствия истца.

— Верно. Но не исключено, что именно из-за нее король пошел на столь непродуманные действия.

— Теперь его мотивы представляют для нас лишь теоретический интерес.

— А вы уверены, что она здесь? Место выглядит совершенно нежилым.

— Должна быть, — ответил Майкл и дал шпоры лошади. В его голову пришла страшная мысль.

— В чем дело?

— А вдруг Креденс что-то пронюхал? Он куда-то направил своих Марена Димура, как только расстался с нами. — Ему и Лиакопулосу пришлось немного задержаться в замке, чтобы ознакомиться с донесениями об отдельных вспышках мятежей. — Однако в любом случае Дерел уже должен быть здесь. Хотя я не очень представляю, как Дерел и Чам смогут остановить Креденса, если тот не пожелает вести себя пристойно.

Майкл рассчитывал прибыть сюда первым, но на него навалилось столько дел, что он совершенно забыл об Абаке. Осадив скакуна рядом с домом, Майкл соскочил с седла и бегом бросился к дверям.

Оказалось, что волновался он напрасно. На пороге его встретила Ингер:

— Почему ты здесь? Я ждала тебя лишь завтра.

— Разве Дерел вам не сказал?

— Дерел? Я его не видела.

— Он должен был встретить нас здесь, — сказал Майкл, многозначительно взглянув на Лиакопулоса. — Мы опоздали. В городе начались мятежи. Ваши друзья кричат, что мы вас убили.

— Я ознакомилась с документами и могу их подписать. С какой стати ты притащил с собой генерала? Я думала, что он сейчас в Баксендале проводит маневры.

— Он там был, но вернулся. А документы пусть вас не волнуют. Дерел, будь ты проклят! Куда ты задевался?

— Что случилось?

— Как вы себя здесь чувствуете?

— Как может себя чувствовать человек, оказавшийся на руинах своего дома. Мне хочется как можно скорее убраться из Кавелина, который не принес мне ничего, кроме страданий. Как глупо было с моей стороны домогаться трона для Фулька.

— Приступайте, Майкл, — сказал Лиакопулос. — Аннулируйте документы.

— Что происходит? — спросила Ингер у Требилкока. Глаза ее сузились, лицо напряглось. — Почему вы здесь? Почему сюда должен был явиться Дерел? Неужели для того, чтобы у мятежников появилось основание обвинить вас в моей смерти?

— Ничего подобного, — рассмеялся Майкл. — Мы хотели собраться здесь для большой дружеской беседы. Вы. Я. Генерал. Дерел. Мундуиллер. Абака. Однако я начинаю сомневаться в том, что последние трое явятся. Не исключено, что волнения в городе усилились. Как вы полагаете, генерал?

— Возможно, там стало кое-что известно, — пожал плечами Лиакопулос. — Вы знаете, к чему это может привести.

— Майкл, — вмешалась Ингер, — не могли бы вы оба перестать изъясняться загадками?

Требилкок вопросительно посмотрел на Лиакопулоса, и тот в ответ утвердительно кивнул:

— Хорошо. Слушайте всю правду. Король умер, и королем стал Фульк.

— Что? Как? Вы в этом уверены? — восклицала внезапно побледневшая Ингер, заламывая руки.

— Он пытался неожиданно ударить по армии лорда Хсунга. В то время, когда мы потеряли с ним связь, лорд Хсунг был убит, а его вторжение в Хаммад-аль-Накир остановлено. Когда Браги подступил к Тройесу, его там уже ждали легионы. Лишь немногим удалось спастись. Об этом нам сообщил сегодня генерал.

— Пойдемте куда-нибудь, где я могла бы присесть, — сказала Ингер и повела их в дом. По пути она непрерывно бормотала: — Он умер? Неужели Браги умер? Не могу в это поверить...

— Это так, ваше величество, — сказал Лиакопулос. — Произошло кровавое побоище, и он погиб одним из последних.

— Избавьте меня от ужасных подробностей, — произнесла Ингер едва слышно. — Неужели он погиб? Не могу поверить. Как это могло случиться? Ведь ему всегда так везло... Я даже не верила в то, что он двинулся через проход Савернейк. Думала, что он тайно ждет в Майсаке момента, когда владетели начнут делать глупости, чтобы сразу вернуться и в назидание другим вздернуть некоторых Нордменов на виселицу. — Ингер вдруг резко повернулась лицом к Майклу и спросила: — А может быть, это всего лишь одна из твоих хитроумных комбинаций?

— Нет, Ингер. На сей раз никаких комбинаций. Мы обсуждали эту проблему сегодня во второй половине дня. Спор получился горячим, но мы группой пришли к единому решению и явились сообщить о нем вам. Ваш сын — король. Вы — регентша. Сейчас мы хотим доставить вас в Форгреберг и передать в ваши руки бразды правления, прежде чем весть о смерти Браги достигнет Кавелина. Если этого срочно не сделать, то внутренние противоречия начнут разрывать королевство на части.

— Нет, он не умер. Я в это не верю. Это какой-то очередной трюк. — Она обвела взглядом собеседников и продолжила: — О... Я вижу, что сами вы в это верите. Но это же невозможно?! И вообще, я не понимаю, почему вы решили поставить меня в известность. Вы же, наконец, смогли избавиться от меня.

— Это случилось тогда, когда вы интриговали против Короны, — сказал Майкл. — Теперь же вы, Ингер, и ваш сын стали этой Короной. Суть дела в том, что мы решили следовать закону. Когда мы избавлялись от вас, закон был на нашей стороне. Теперь же он защищает вас. Мы с вами во многом не согласны, но мы стоим на страже Короны. Поэтому мы и явились сюда, чтобы доставить вас в столицу.

— Майкл, на меня обрушилось сразу так много, что я не могу всего усвоить, — откинувшись на спинку кресла, сказала Ингер. — По отношению к вам у меня не осталось ничего, кроме горечи. И вот вдруг вы все перешли на мою сторону.

— Весьма условно. В силу обстоятельств, если можно так выразиться, — сказал генерал Лиакопулос. — Поскольку Гжердрам и барон Хардл погибли вместе с королем, я оказался во главе армии, а Чам Мундуиллер стал главным представителем интересов Короны в Совете. Моя совесть позволит мне оставаться на этом посту лишь до тех пор, пока вы не соблаговолите подыскать замену. Но поскольку сейчас я занимаю этот пост, я обязан поддерживать в стране порядок. Как только появится замена, я удалюсь в Высокий Крэг.

— Неужели? — недоверчиво вскинув брови, спросила Ингер.

— Именно так, — ответил за генерала Майкл. — Дерел намерен вернуться в Ребсамен. С Чамом я пока на эту тему не говорил, но полагаю, что он будет вести отчаянные арьергардные бои до тех пор, пока вы окончательно не разделаетесь с Советом. Абака своими планами не делился, но он скорее всего вернется в свое племя. Он уже отдал приказ солдатам из Марена Димура разойтись по домам.

— Этот ваш Абака — жаба. От него одни неприятности. Он меня просто ненавидит.

— Но согласитесь, Ингер, вы не делали никаких попыток завоевать его любовь.

Королева одарила Майкла суровым взглядом, но тот не отвел глаза.

— А как ты, Майкл? — спросила она. — Что ты собираешься делать?

— Скорее всего последую примеру генерала. Помогу сохранить порядок, до тех пор пока не завершится передача власти, а затем уеду. Я не хочу быть свидетелем тому, что ваши люди сотворят с Кавелином. Кроме того, история вашего семейства всем хорошо известна. Скорее всего я обращусь к торговым делам. К тому, что мне предназначалось после окончания университета.

— Неужели ты действительно считаешь, что все те, кто выступает на моей стороне, не более чем грабители?

— Я не вижу никаких свидетельств обратному, Ингер. Могу припомнить лишь горстку Нордменов, которых хоть немного волновала судьба королевства, или других людей. Все остальные заботились лишь о себе. А ваш кузен, думаю, поведет себя здесь как атаман шайки разбойников. Когда от королевства останутся лишь обломки, он отдаст горный проход Савернейк Империи Ужаса в обмен на титул вице-короля Запада или чего-то в этом роде. А вас и Фулька ждет довольно скорый конец.

— Боюсь, что тебе не хватает широты взглядов. Однако не будем вести спор о политике.

— Не будем. Сейчас для нас самое главное доставить вас в замок до того, как люди узнают, что случилось с королем. Если мы не успеем, то все силы ада вырвутся на свободу. Еще одной гражданской войны Кавелин не переживет. Слишком много волков ждут подходящего момента, чтобы сожрать его.

— Ты прав. Совершенно прав, — сказала Ингер, глядя куда-то вдаль. — Майкл, сейчас, когда на меня свалилась власть, я ее совсем не хочу.

— Для вас это будет трудное время. Не менее трудное, чем раньше для Браги.

— Он не уставал повторять, что не жаждет власти.

— Так оно и было.

— Ваше величество, — сказал Лиакопулос, — когда мечты становятся явью, они иногда превращаются в кошмары.

— Кошмары или нет, но отныне королевство находится в ваших руках, — заметил Майкл.

— Я не хочу взваливать на себя такую ответственность.

— В таком случае зачем вы плели заговоры, вели двойную игру и имели дело с такими чудовищными отродьями, как лорд Хсунг и Магден Норат? — поинтересовался Майкл.

— В то время мне все представлялось в ином свете. Не знаю, поймете ли вы меня, но я все делала ради Фулька. Сама я вовсе не хотела чем-то управлять. — Немного помолчав, она продолжила: — Я хочу вам что-то сказать и надеюсь, что вы мне поверите. Несмотря на все то, что происходило между нами, я его любила. Любила очень сильно. Может случиться так, что когда исчезнет охватившее меня душевное оцепенение, я просто развалюсь на части. Прошу вас, не оставляйте меня. Побудьте рядом со мной подольше.

— Я останусь рядом с вами так долго, как вы того пожелаете. Думаю, что генерал поступит так же. Вы можете рассчитывать и на Дерела. Я знаю, что мы вам не очень нравимся, но мы поможем, поскольку...

— Знаю, знаю. Ради Кавелина. — Ингер поднялась с кресла и стала расхаживать по комнате. — Этот проклятый, крошечный как прыщ Кавелин. Он и меня поймал. Не до конца, правда. Но я чувствую, что его судьба меня заботит. Ненавижу это королевство, но в то же время тревожусь за него.

Майкл удивленно вскинул брови, а Лиакопулос сказал:

— Похоже, что мы имеем дело с весьма заразной болезнью.

В комнату скользнул один из немногих прибывших с Ингер в поместье итаскийцев. Он был одет как фермер-арендатор.

— Миледи, у дверей находится какой-то человек. Он разыскивает капитана Требилкока. Это солдат Дворцовой гвардии.

— В чем дело, Майкл?

— Не знаю. Попробую выяснить, что ему надо.

Он вышел через заднюю дверь и обошел вокруг дома, а все остальные прошли через дом к разбитым окнам фасада, чтобы посмотреть, что происходит.

Солдат, из числа наиболее доверенных — тех, кто тайком вывозил Ингер из замка, не заметил появления начальства. Майкл подошел к нему поближе и спросил:

— В чем дело, Марк?

Солдат от неожиданности едва не подпрыгнул.

— Простите, сэр, я не слышал вашего приближения.

— У тебя кошмарный вид. Что случилось?

— Мятежи... сэр. Полковник Абака объявил, что король убит при наступлении на Тройес. Все люди, похоже, сошли с ума.

— Будь он проклят! Гореть ему в аду! Проклятие и на мою голову! Я должен был это предвидеть. Насколько все скверно?

— Просто ужасно, сэр. Часть города в огне. Повсеместно идут грабежи. Вессоны и Нордмены убивают друг друга, а когда объединяются, то начинают истреблять Силуро. Все считают, что королева тоже мертва. Владетели захватили здание Совета. Они пытались ворваться во дворец, но мы первое нападение отбили. Как обстоят дела сейчас, я не знаю.

— Пратаксис. Мундуиллер. Как они? Не пытались навести порядок?

— Они умерли, сэр. По крайней мере когда я уезжал, Мундуиллер был мертв. На них напали из-за угла на улице. Нам удалось принести Пратаксиса во дворец, но доктор Вачел говорит, что он долго не протянет.

— А чью сторону принял гарнизон регулярной армии?

— Полковник Абака, объявив о гибели короля, приказал всем вернуться в казармы.

— Выводите королеву, генерал! — крикнул в окно Майкл. — Поторопимся в город и попробуем что-нибудь предпринять.

— Боюсь, что мы опоздали.

— Не исключено.

Из дома вышла Ингер. Она держалась величественно, как подобает королеве.

— Ваше величество, — с легкой улыбкой приветствовал ее Майкл.

— Ты ко мне так никогда не обращался, — удивленно взглянув на него, заметила Ингер.

— Вы этого, по моему мнению, никогда не заслуживали. Теперь же, я полагаю, вы для подобного обращения вполне созрели. Позвольте мне помочь вам подняться в седло.

— Еще кое-что, сэр, — сказал Марк. — Письмо. Мне его передал Пратаксис. Сказал, что оно предназначено только для вас.

Майкл взял из рук солдата послание, поднес поближе к глазам и прочитал, с трудом разбирая написанное.

— Надеюсь, Ингер, что теперь вы будете вполне удовлетворены, — сказал он, закончив чтение.

— В чем дело, Майкл?

— Это письмо от моего агента в Седлмейре. Я отправил туда Кристен перед финальной игрой в «Захват». Короче говоря, итаскийцы напали на дом и убили всех его обитателей.

— Что? — не веря своим ушам, спросила потрясенная Ингер. — Как они смели? Я никогда ничего подобного не разрешала... Кроме того, все мои люди находятся при мне.

— Ваши люди — да, — сказал Майкл и отвернулся. Он изо всех сил старался подавить захлестнувшую его ярость. — Но не люди вашего кузена. Я, по вполне очевидным причинам, не счел нужным сообщить вам, что Гейлз вернулся. Вместе с вашим кузеном-герцогом.

Ингер молчала. Лишь после того, как все оказались в седлах, она сказала:

— Да, это совершенно в духе Дейна. Будь он проклят. Грязный... Поверь мне, Майкл, я ни сном ни духом не хотела ничего подобного.

— Возможно, не хотели. Но это именно то, что вы всегда можете ожидать от своего кузена.

— Настанет час, когда ему придется отчитаться за все. А теперь в путь.

* * *

Герцог и его воины ужинали в лагере, разбитом во владениях одного из своих союзников Нордменов в тридцати милях от столицы. Представители владетелей собрались в расположенном поблизости замке. Там должен был состояться военный совет.

— Ты выглядишь печальным, Гейлз, — сказал герцог. — Сэр Мортин говорит, что ты пребываешь в грусти с тех пор, когда молодой Хаас выследил тебя по пути домой.

— Что вы хотите этим сказать, ваша светлость?

— Я не хочу, чтобы мои лучшие люди грустили. Чем я могу тебе помочь?

Вернись домой, подумал Гейлз, и оставь Кавелин в покое. Вслух же он произнес:

— Мне не требуется помощь, милорд. Думаю, что на меня просто действует погода. Все образуется само собой.

— Тебе не нравится то, что мы делаем, не так ли? — с ухмылкой спросил герцог.

— Очень не нравится, милорд. Но я солдат. И я не вправе одобрять или не одобрять приказы.

Герцог дружелюбно кивнул полковнику. Разведчики только что вернулись из Седлмейра, и Грейфеллз пребывал в прекрасном расположении духа. У щенка Ингер не осталось конкурентов в борьбе за трон. Ингер станет править страной как бы от имени младенца, но подлинным кукловодом будет он, герцог.

— Мортин, сегодня вечером во время совета постарайся определить тех, от кого нам следует избавиться в первую очередь.

Мортин открыл рот, чтобы ответить, но ничего не произнес. Он молча, с отвисшей челюстью смотрел округлившимися глазами через плечо герцога. Гейлз уставился в ту же сторону, и Грейфеллз обернулся.

— Норат! Какого дьявола ты здесь оказался?!

В полосу света вступил человек огромного роста. Позади его стояли два высоченных телохранителя с холодными как ледышки глазами.

— Одни наш общий друг попросил меня заскочить к тебе, — ответил Норат писклявым, совершенно не вяжущимся с его видом, голосом. Гейлз нервно заерзал на своем месте.

— Мне не нравится, что он начинает командовать, — сказал герцог.

— Он не командует, но в то же время не смотрит на союз как на нечто такое, что выгодно только тебе. У него особый интерес к этой стране, и он попросил меня предупредить, что не позволит тебе поступить с Кавелином так, как ваша семейка поступала с другими странами.

Сэр Мортин поднялся и схватил меч. Один из телохранителей Нората небрежным ударом выбил оружие из его руки. Герцог, с покрасневшим от ярости лицом, прошипел:

— Полегче. Ведь мы же все-таки друзья.

— Нет, Дейн, — ответил Норат. — Мы не друзья. Мы всего лишь союзники. Сегодня состоится военный совет, и я хочу на нем присутствовать, но только как член твоей делегации. Не говори никому, кто я на самом деле.

— Как скажешь. Но почему ты здесь? Разве ты не связан обязательствами с Хаммад-аль-Накиром?

— В этих краях, Дейн, для меня открывается гораздо больше возможностей, — ответил Норат, усаживаясь у костра. Один из телохранителей снял с вертела самый аппетитный кусок мяса и протянул его колдуну.

Герцог молча дымился от злости, и в голове его вызревали планы ужасной мести. Он никому не позволит унижать себя.

Гейлз со стороны смотрел на эту схватку, в тысячный раз задавая вопрос своей совести. Может ли он служить человеку, который имеет дело с Магденом Норатом? Да, он в долгу перед этим человеком, но в то же время у него есть и более высокие моральные обязательства. И если честно, то он в долгу перед Ингер, а вовсе не перед всем герцогским семейством.

Вскоре после появления Нората прибыл курьер и сообщил, что командир гарнизона Форгреберга объявил о смерти короля и что в городе властвует хаос.

— Вот и хорошо, — заявил герцог. — Мы восстановим порядок, и нас объявят спасителями государства.

— Кроме того, ходят упорные слухи о том, что подручные Рагнарсона убили королеву и ее сына. Люди считают, что власть унаследовать некому.

— Я унаследую.

— По закону, глупец, по закону, — фыркнул Норат.

Гейлз рассмеялся в душе. Если Ингер мертва, то весь замысел герцога превратился в тлен. Столько лет коту под хвост! Впрочем, все справедливо — этот тип вполне заслуживает такого конца. Впрочем, его веселье быстро иссякло: смерть Ингер была слишком дорогой ценой за унижение Дейна.

Генерал Лиакопулос провел небольшой отряд прямо к казармам личной гвардии короля, расположенных к западу от Форгреберга. Генерал обнаружил, что гвардейцы полностью деморализованы, а их командиры пребывают в состоянии растерянности.

— Воины! — выкрикнул Лиакопулос. — Вы слышали, что король погиб. Вы слышали, что королева убита. Так вот, последнее сообщение насквозь лживо! Салют ее величеству королеве!

Ингер выступила вперед, а генерал приказал факельщикам поднять факелы повыше, чтобы все могли увидеть ее лицо.

— На востоке произошло большое сражение, в котором участвовал наш король. Мы потерпели поражение. Поражение очень серьезное. Но у нас пока нет прямых доказательств смерти короля. Слухи о его смерти и об убийстве королевы распускают люди, которым нужен хаос, которым выгодно общее замешательство и отчаяние. Это всего лишь еще одно проявление того, что каждый день происходит в Форгреберге. Не принимайте слухи серьезно и не сидите сложа руки, как приговоренные к смерти преступники. Мы — солдаты, и наш долг поддерживать порядок. Воины! Настало время вернуться к нашим обязанностям!

Он поговорил еще немного, пытаясь поднять боевой дух гвардейцев. При этом он не считал грехом немного приврать. Закончив речь, генерал вернул солдат под командование офицеров, которые немедленно стали готовить свои подразделения для выступления в город.

— Майор, — сказал Лиакопулос, обращаясь к командиру гвардейцев, — мне кажется, что ваше войско несколько ослаблено. Я имею в виду его численность.

— Дезертирство, сэр. Мы недосчитываемся почти семидесяти человек. Бежали в основном разведчики из числа Марена Димура, а также офицеры и сержанты с аристократическим прошлым. Вессоны остались все как один.

— Они всегда были нашей опорой. Ну хорошо. Мы разделим силы на два отряда. Один отряд будет сопровождать королеву во дворец. Второй отправится со мной в казармы. Поднимем Форгребергский пехотный полк и начнем зачистку улиц.

Майор выглянул в окно. На нижней кромке облаков плясали оранжевые отсветы.

— Боюсь, генерал, что для рабочей силы, которой мы располагаем, объем работы может оказаться слишком большим.

— В любом случае стоит попытаться, майор. Это наша работа. Только не делитесь своими сомнениями с вашими людьми.

— Ни в коем случае, сэр. Теперь прошу меня извинить, генерал. И вас, ваше величество...

— Минуточку, — в первый раз открыл рот Майкл. — Где полковник Абака?

— Я ничего не слышал о нем с того момента, когда он приказал нам вернуться в казармы.

— Понимаю. Благодарю вас.

Въезжая в город через распахнутые и никем не охраняемые западные ворота, Майкл сказал, обращаясь к Ингер:

— Этот Креденс, будь он проклят, делал все сознательно. Он не хотел, чтобы вам что-то досталось. Жаль. Полковник Абака был хорошим человеком.

— Я от него ничего хорошего не видела.

— Дело в том, что вы видели в нем не человека, а дикаря из племени Марена Димура. Вплоть до сего дня он был прекрасным солдатом. Но только ради Браги.

Ингер ничего не ответила.

— Браги служил тем цементом, который скреплял все части здания, — задумчиво продолжал Майкл. — Даже владетели уважали его. Заменить его будет очень трудно.

— Только не пытайся что-то навязывать мне, Майкл.

В голове колонны послышались крики. Отряд всадников окружил грабителей. Преступникам связали руки, накинули петли на шеи и заставили шагать рядом с отрядом. Число пленников постоянно возрастало, хотя Майкл настоял на том, чтобы отряд передвигался по наиболее спокойной части города.

— Им надо рубить головы на месте преступления, — сказала Ингер.

— Одной из причин наших неприятностей является та жестокость, к которой прибегал Креденс, — возразил Майкл. — Беспощадность иногда бывает необходима — но только не в тех случаях, когда вам предстоит утихомирить разбушевавшийся океан. Если мы сейчас кого-нибудь казним, то получим еще несколько разъяренных людей. Большую толпу запугать невозможно. Она будет возрастать тем быстрее, чем больше голов вы станете рубить. В том случае, когда вам приходится иметь дело с ограниченными, хорошо спланированными мятежами — наподобие тех, которые случились недавно, — жестокость может принести определенную пользу.

Майкл посмотрел на королеву и убедился, что та его не слушает. С момента отъезда из поместья Ингер все больше и больше погружалась в себя. Она начинала понимать, какой тяжкий груз лег на ее плечи.

У дворцовых ворот бушевала толпа. Агитаторы из числа Нордменов подстрекали людей к штурму. Дворцовая охрана, проявляя замечательную выдержку, не стала разгонять мятежников стрелами из луков и арбалетов.

Гвардейцы начали рассыпаться для атаки.

— Постойте! — вдруг выпалила Ингер. — Дайте мне попытаться!

— Но, ваше величество...

— Эти люди верят, что я мертва. Увидев меня, они могут успокоиться.

— Я был прав, — удовлетворенно кивая, сказал Майкл. — У вас появляется отвага, когда в ней возникает необходимость. Пусть попробует, майор. Фиана поступала так очень часто, и народ ее за это просто обожал. — В этот момент он почувствовал прохладное прикосновение к своей щеке. Майкл поднял руку. Брызги. Озаренные пламенем пожаров облака опустились ниже. Похоже, что начинается дождь.

— Лучшего подарка для нас трудно придумать, — произнес он вслух.

Ингер взглянула на него как-то очень странно и сказала:

— Я смертельно боюсь, Майкл. В отличие от тебя я способна испытывать ужас.

Майкл, подождав, когда на его поднятую ладонь упадет еще несколько капель, ответил:

— Это называется мужеством, ваше величество. Мужеством, которое заставляет вас идти вперед и делать, что необходимо, несмотря на тот страх, который вы испытываете... Кажется, начинается холодной ветер. Это просто прекрасно.

— Твои слова толкают меня на подвиг, — слабо улыбнулась Ингер. — Итак, долг превыше всего.

— Я пойду с вами. Майор, вы не могли бы выделить полдюжины людей, чтобы они держались поближе к нам?

— Могу, сэр, — ответил офицер и принялся вызывать солдат по именам.

Ингер двинулась вперед. Майкл пришпорил свою лошадь. Шестеро гвардейцев последовали за ними.

Света факелов в руках мятежников и огней на стене замка вполне хватило, чтобы некоторые горожане смогли опознать Ингер. Весть о появлении королевы быстро распространялась, и часть мятежников, несколько поостыв, стала искать ее взглядом. Подстрекатели умолкли и скрылись в тени. Люди расступались, давая Ингер возможность свободно проехать. Некоторые при ее приближении даже опускались на одно колено и склоняли головы. А кому-то на

стене хватило сообразительности протрубить в горн, что усилило впечатление от появления королевы.

Как только ворота распахнулись и из них выступили два десятка солдат Дворцовой гвардии, толпа начала быстро рассеиваться. Народ стал разбегаться еще быстрее, когда Майкл извлек из кармана листок бумаги и сделал вид, что записывает имена.

— Известие о вашем появлении распространится очень быстро, и мятеж пойдет на убыль. А если разразится сильная гроза, то наши дела пойдут еще лучше. Спасаясь от дождя, все разбегутся по домам.

Отдаленный удар грома как бы подтвердил справедливость этих слов.

— Надеюсь на это, Майкл. По пути сюда я видела столько, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Если вы хотите быть королевой, то вам придется привыкать к таким зрелищам. Здесь подобные события происходят довольно часто, и я никогда не мог понять — почему. Создается впечатление, что у Форгреберга имеется какая-то болезненная склонность к самоочищению.

К Майклу на полном скаку подлетел гвардеец и, осадив коня, выпалил:

— Капитан Требилкок, вас немедленно желает видеть доктор Вачел.

— В связи с Пратаксисом?

— Так точно, сэр.

— Как он там?

— Пока дышит, сэр. Но это, пожалуй, и все.

— Я сейчас там буду. Майор, вы знаете, что надо делать. Ингер, не хотите ли вы взять все руководство на себя?

— Как Фульк, Майкл? Я за него очень волнуюсь. Ведь малыш остался под присмотром всего двух женщин.

— Ваше величество, вы можете повелеть кому-то из ваших подданных доставить вам сына, — с мягкой улыбкой произнес Майкл. — А теперь прошу вас меня извинить.

— Ну конечно... — ответила Ингер и, соскочив с седла, направилась к большой королевской приемной. Женщина была воплощением царственного величия. Майкл услышал,

как королева раздает приказы находящимся рядом с ней гвардейцам.

— Она справится, — пробормотал Требилкок. — Клянусь богами, справится. Теперь мы можем кое-что предпринять и в отношении ее кузена... — Он вошел в замок и торопливо зашагал по бесконечным коридорам в царство доктора Вачела.

Когда он вошел, Пратаксис находился в сознании. На губах старого ученого светилась едва заметная улыбка.

— Однако ты изрядно задержался, — прошептал Дерел. — Как она там?

— Прекрасно. Учится быть королевой. Нам удалось поднять армию. Да и дождь, судя по всему, поможет. — Майкл в безмолвном вопросе посмотрел на Вачела. Доктор в ответ лишь покачал головой.

— Я отправляюсь в свое последнее путешествие, Майкл, — еле слышно сказал Пратаксис. — Вот уж не думал, когда ехал в Кавелин, что все так получится. У кого есть нужда покушаться на жизнь ученого червя из Ребсамена? — Дерел даже попытался хихикнуть, однако вместо смешка в его горле раздалось бульканье. — Оставайся с ней, Майкл. Служи ей поводырем. Ведь твоя организация — практически теневой кабинет. Используй свои ресурсы в полной мере. Ради Кавелина.

— Не возлагай на меня такую ответственность, Дерел, — со вздохом произнес Майкл.

— Неужели все твои труды пропадут втуне? Неужели ты потратил эти годы лишь для того, чтобы все бросить в самый ответственный час? Ты можешь сделать ветры перемен не такими свирепыми и способен привнести немного света в надвигающуюся тьму. Не уезжай. Но будь крайне осторожен. Рядом с ней окажутся ужасные люди.

— Хорошо. Хорошо, пусть будет по-твоему, — сказал Майкл, вовсе не собираясь оставаться в Кавелине. Он просто произносил те слова, которые хотел от него услышать умирающий. Но даже и в этот момент, где-то в потаенных глубинах его мозга, копошилась мысль, что их старые мечты все еще могут стать явью.

— Спасибо, Майкл. Теперь я знаю, что умру не напрасно.

— Умрешь? Кто здесь говорит о смерти? Через несколько дней ты будешь здоровее, чем раньше.

— Не глупи, Майкл. Да я бы давно уже умер, если бы не был исполнен решимости повидаться с тобой перед смертью.

Да, это так, подумал Майкл. Он видел, как с каждым произнесенным словом Дерел теряет последние силы. Долго ему не продержаться.

— Майкл, сделай для меня еще кое-что.

— Говори.

— В моем жилье... В большом кедровом сундуке, рядом с кроватью... Там все мои заметки и рукописи. И рисунки. Те, что я сделал вместе с Вартлоккуром... Они дороже золота, Майкл. Отправь их в Ребсамен, — умоляюще произнес Пратаксис — плоды многолетних трудов были для Дерела дороже жизни.

Разве мог Майкл ему отказать?

— Сделаю, — сказал он, не сомневаясь, что выполнит это обещание. — Сундук отправится в путь еще до рассвета.

— Спасибо, Майкл. Ты очень хороший друг. А теперь, доктор, я могу и умереть.

— Пусть это произойдет без свидетелей, — сказал Вачел, указывая на дверь.

Майкл кивнул и направился к дверям.

Однако Пратаксис расстался с жизнью раньше, чем Майкл успел выйти.

— Боги, спасите короля, — едва слышно прошептал Дерел запекшимися губами, и его не стало.

Майкл долго бродил в одиночестве. Пратаксис был здесь его последним другом. Теперь он остался один во враждебной стране, в окружении все возрастающего числа ненавидевших его людей. Ему долго не прожить, если он останется здесь и вступит с ними в открытую борьбу.

Майкл не боялся. Страх смерти был ему неведом. Но он оставался в одиночестве, а одиночество было тем врагом, с которым он не знал как справиться.

В конце концов он отправился в жилище Пратаксиса, чтобы подготовить к отправке манускрипты покойного друга.

Там и нашел его посыльный от королевы. Была уже глубокая ночь, молнии разрывали небо, а по улицам катились потоки дождевой воды.

— Королева желает видеть вас в палате для аудиенций, капитан. Ее величество приказала сообщить, что там состоится совещание, посвященное разработке планов на будущее.

Майкл поднялся с койки Дерела. Несмотря на те огромные богатства, которые проходили через его руки, Пратаксис вел спартанский образ жизни.

— Передай ее величеству, что я скоро буду у нее.

ГЛАВА 26

1016 ГОД ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ ИЛЬКАЗАРА

Браги пришел в себя как-то сразу, словно его выкинули через внезапно распахнувшуюся дверь. Еще мгновение тому назад он был без сознания — и вдруг проснулся, как от толчка. Оглядевшись вокруг себя, он обнаружил, что находится в большой, прекрасно меблированной комнате. За окнами стоял ясный день, а воздух в помещении был теплым и влажным. Браги попытался подняться, но мышцы отказывались ему служить. Почувствовав острую боль в груди, он снова откинулся на спину.

В тот же миг в комнату вошел какой-то человек. На нем была форма унтер-офицера со знаками различия одного из легионов Западной армии Шинсана. Унтер взглянул на Браги и вышел, не сказав ни слова.

Итак, я — пленник, подумал Рагнарсон. Видимо, для меня уготовано нечто специальное.

Скорее всего меня станут мучить. Долго и изобретательно. Мгла все время твердила ему о том, что тервола не прощают своих поражений.

В его памяти стали возникать подробности битвы. Он снова ощутил запах пота и страха. К нему вернулись мысли

о Кавелине, о том, какая тяжкая судьба теперь ожидает королевство. Его раздирало чувство безысходного стыда. Он должен был это предвидеть. Но вместо того, чтобы хорошенько подумать, он снова сделал рискованную ставку, понадеявшись на свое легендарное везение. Однако на сей раз удача от него отвернулась. И заслуженно. Только дураки уповают на везение, а умные люди лишь пользуются случаем, когда судьба поворачивается к ним лицом, но не строят на этом свои планы.

Интересно, где я, спрашивал он себя. Для Шинсана здесь слишком жарко.

Открылась дверь. Первым в помещение вошел уже знакомый ему унтер-офицер, а следом за ним — два тервола без масок. Один из них — невысокий и широкоплечий — имел знаки различия командующего армией. Браги удивился, поскольку лорд Хсунг, как и большинство тервола, был высоким и стройным человеком.

Более рослый тервола приподнял одеяло, прикрывающее обнаженное тело Рагнарсона, и ткнул пальцем в левый бок пленника. Браги зашипел, скривившись от боли.

— Все еще болит?

— Немного.

— Так и должно быть. У вас сломано шесть ребер и пробито легкое. Не считая множества порезов, царапин, ушибов и, естественно, сотрясения мозга. Одним словом, вы являли собой серьезный вызов моему искусству. Он может говорить, лорд Ссу-ма. Пригласите меня, когда он утомится. Я дам ему снотворное. Ему еще надо побыть в постели, а он представляется мне типом, который тут же вылезет из нее, если мы ему это позволим.

Невысокий тервола кивнул, знаком руки позволил своему спутнику удалиться и присел на стоящий рядом с кроватью Браги круглый табурет.

— Некоторое время нам казалось, что мы вас все-таки потеряем, — сказал он.

Рагнарсону показалось, что он уже где-то слышал этот голос.

— Ах да. Позвольте представиться. Лорд Ссу-ма Ших-кай. Мы встречались в Лиаонтунге в тот день, когда покончили с Избавителем.

— Теперь я вспомнил. Но вы тогда не говорили на...

— Я очень способен к языкам. Переводчики иногда утомляют.

— Совершенно верно.

— У вас, видимо, масса вопросов. В первую очередь вас должно интересовать, где вы находитесь. Отвечаю. Вы в Аргоне, куда я перевел штаб Западной армии. Мы беспокоим армию Матаянги с флангов. Что еще?

— Но почему?

— Простите, я вас не понял.

— Почему я здесь? Почему все еще жив? Ведь в ваших списках я уже много лет стою под первым номером на уничтожение как самый ненавистный враг.

— Может быть, в чьих-то списках ваше имя и значится, но в моем его нет. А здесь вы потому, что спасли мне жизнь. Жизнь за жизнь, как говорится. Таким образом, вы отныне — гость Империи. С одобрения принцессы, естественно.

Рагнарсон предпринял попытку принять сидячее положение, но снова не смог этого сделать. Ших-кай не только помог ему сесть, но и подложил подушки под спину.

— Так лучше? — спросил он.

— Значительно лучше. Но что произошло? Я был уверен, что прижал Хсунга к стене. Он вел себя как последний осел. Я прикарманил бы Тройес, прежде чем он успел бы что-либо сообразить.

— Так вы действительно ничего не знали? То же самое говорили и пленные, но мы им не поверили. Лорд Хсунг был смещен с весьма печальными для него последствиями, если можно так выразиться. Меня назначили на его место, видимо, уже после того, как вы потеряли связь с Майсаком. Я остановил наступление на Хаммад-аль-Накир, как мне приказала принцесса, а ваше передвижение на севере не прошло мимо моего внимания. Я соорудил ловушку, в которую едва сам не угодил. Я не принимал участия в войнах на западе и поэтому не смог правильно оценить значение вашей конницы. Если бы сражение началось немного рань-

ше, мы вполне могли поменяться ролями. Более того, если бы ваша последняя кавалерийская атака не кончилась столь печально, ситуация могла бы резко поменяться.

— Они бежали. Я это смутно помню. Самые лучшие бойцы, которые у меня когда-либо имелись. Ударились в панику в тот момент, когда требовалась железная дисциплина.

— Все могло обернуться по-другому, если бы их командир не погиб в самом начале атаки.

— Гжердрам? Да, теперь я припоминаю, что кто-то сказал мне, что он погиб. Возможно, вы и правы. Останься он живым, он повел бы их на ваш штаб... Впрочем, какое это теперь имеет значение? Все кончено. Я проиграл. Кавелин проиграл. Я вел себя как последний дурак и своими руками передал врагам все, что они желали получить.

— Мы все иногда ошибаемся.

— Если ошибаюсь я, то ошибаюсь капитально. Но одно я не могу понять. Я не понимаю, почему вы не использовали Силу. Вы нас окружили, деваться нам было некуда. Вам надо было использовать всего парочку заклинаний из вашего арсенала... Мы ничего не смогли бы сделать. Вы же вместо этого гнали вперед пехоту, которую мы едва не истребили полностью. И это в то время, когда в Империи на счету каждый солдат. Матаянга...

— Да, это, вне сомнения, должно было вас удивить. — Ших-кай поднялся с табурета и принялся мерить шагами комнату. — Я не прибегал к помощи Силы потому, что получил запрет. Принцессе было велено Силу в сражении не использовать.

— Но кто может приказывать принцессе?

— Приказа как такового не было. Скорее, мы можем назвать это советом. Ваш чародей посоветовал ей не прибегать к помощи Силы.

— Вартлоккур?

— Да. Он обещал не вмешиваться, если мы не станем использовать Силу. Я не понял это тогда и не стану притворяться, что понимаю сегодня. Он был рядом с вами по меньшей мере десять лет. Почему он вдруг вас бросил?

— Личный конфликт, как мне кажется. Но до конца я и сам не все понимаю. Так или иначе, но я — здесь. Пленник. И видимо, пожизненно. Не так ли?

Ших-кай утвердительно кивнул и сказал:

— Ваш плен не станет обременительным. К вам никто не будет относиться, как к военному трофею или чему-то иному в этом роде. Вы будете жить в комфорте. Вам просто не позволено будет вернуться домой.

— А если я дам вам слово? — спросил Браги. Он вспомнил о Ширили и погрузился в меланхолию. Неужели им теперь никогда не суждено встретиться? Печально.

— Боюсь, что это невозможно, — улыбнулся Ших-кай. — Совет тервола давным-давно вынес определение, что вы являетесь самым опасным врагом Империи. После встречи с вашим войском, которое, находясь в невыгодном положении, сумело обескровить мои легионы, я склонен согласиться с решением Совета. Я был обязан вам жизнью. Не требуйте у меня большего.

Рагнарсон ответил ему улыбкой. Казалось, что они хорошо понимают друг друга.

— Я думал о женщине. Мне очень ее не хватает.

— Она стала королевой и на удивление успешно наводит в стране порядок.

Браги гнал от себя все мысли о Кавелине и поэтому позволил себе лишь одно замечание:

— Я говорю не об Ингер. Наши с ней пути разошлись еще до того, как я двинулся на восток. Я думал о... об одной знакомой девушке. Именно ее мне очень не хватает. Между нами возникли какие-то особенные отношения.

Ших-кай снова заходил по комнате.

— Возможно, мне что-нибудь удастся для вас сделать, — произнес он после более чем минутного молчания. — Обсудим эту проблему позже. После того, как я все хорошенько обдумаю. Пока отдыхайте. Вам надо как следует поправиться, а на это уйдет немало времени, — закончил Ших-кай и осторожно извлек подушки из-за спины Рагнарсона.

Когда Ших-кай повернулся, чтобы уйти, Браги сказал:

— Лорд Ссу-ма, а вы ведь в большом порядке.

Ших-кай вопросительно вскинул брови.

— Я просто хочу сказать, что мне крайне приятно встретить среди тервола порядочного человека.

— Благодарю вас, — с улыбкой произнес Ших-кай. — Хотя не думаю, что мои коллеги встретили бы ваши слова с восторгом.

— Боюсь, вы правы.

Пребывание в доме Сама Чордина оказалось для Ширили невыносимо тягостным. Она вся изнервничалась, беспокоясь о короле и одновременно отбиваясь от домогательств толстяка.

— Крис, — как-то утром сказала она, — если мы здесь еще хоть немного задержимся, я сойду с ума.

— Зачем нам здесь оставаться? Мы можем вернуться домой.

— Домой? Но это же невозможно.

— Не так давно я говорила с Аралом. Ингер все еще считает, что мы все умерли. Об этом Аралу сказал какой-то Марена Димура. Креденс хочет, чтобы мы вернулись и доказали, что вполне живы. Это даст ему возможность собрать под свои знамена больше людей.

— Ты хочешь сказать, что Креденс намерен объявить претендентом маленького Браги?

— Да.

— Но он вполне мог сделать это, пока мы находимся здесь. Дети слишком малы для того, чтобы жить в лесах наподобие Марена Димура. А по-иному нам в Кавелине не выжить. Я могла бы пойти на это, если бы в этом был хоть какой-то смысл... — Она разрыдалась, не закончив фразы.

— Что с тобой?

— Крис, я не могу без него. Мы так мало времени провели вместе, но у меня такое состояние, что у меня вырвали сердце. Не могу поверить, что его больше нет.

Кристен привлекла к себе подругу и прошептала:

— Знаю. Знаю. Мне это тоже кажется невероятным. Но, видимо, нам придется с этим смириться.

— А я смиряться не желаю. Я хочу получить то, что мне получить уже никогда не удастся. А политику ненавижу!

— Успокойся. — Раздался громкий стук в дверь, и Кристен спросила: — Кто там?

— Слагбейт, госпожа. У меня для вас письмо от капитана Требилкока.

Ширили вытерла слезы, и обе женщины подошли к двери. Слаг передал Кристен пакет и, заметив покрасневшие глаза Ширили, спросил:

— Что-то не так? Может быть, я смогу вам помочь?

— Скажи Чордину, чтобы он оставил Ширили в покое, — выпалила Кристен.

— Неужели он опять к ней приставал? Я перешибу ему ноги!

— Нет-нет. Просто скажи ему, чтобы он отвалил от нее. Ноги перешибать не надо. Он нам еще нужен.

— Я с ним потолкую, — ответил Слагбейт и отошел с мрачным видом.

Кристен вскрыла пакет. Письмо Майкла оказалось длинным, путаным и местами противоречивым. Временами оно походило на дневниковое описание текущих событий. Майкл делился своими сомнениями и страхами. Писал он и том, какие сражения ему приходится выдерживать со своей совестью. Послание, видимо, в какой-то степени заменяло Требилкоку его утренние беседы с Аралом Дантисом во время конных прогулок.

— О чем он пишет? — потеряв терпение, спросила Ширили.

— В основном о том, что Ингер считает нас мертвыми и что он изо всех сил старается поддержать это заблуждение. Майкл намерен делать для нее ту же работу, которую делал для короля, но теперь он будет хранить верность не личности, а только королевству. Если это ему удастся.

— И это все?

— Он подробно пишет о своих опасениях, ощущениях и надеждах. Создается впечатление, что Майкл страшно одинок. А тот, кто знает его хуже, чем я, прочитав письмо, может даже подумать, что Майкл Требилкок сильно напуган. — Кристен не стала говорить подруге о мятежах и гибели множества их друзей.

— Итак, как же нам поступить? — спросила Ширили. — Прислушаемся к Майклу или пойдем за полковником Абакой? Ты и вправду хочешь, чтобы Браги стал королем?

— Не знаю. Правда не знаю. Я даже думать об этом не хочу.

Ближе к вечеру у них снова появился Слагбейт.

— Дамы, вернулся господин Дантис. Господин Дантис с собой кое-кого привел, — произнес сержант. У него был такой вид, словно он только что повстречал привидение.

— Кого?

Арал всегда притаскивал с собой людей, готовых пожертвовать женщинам деньги. Он чувствовал себя слегка виноватым из-за того, что бежал из Кавелина, и поэтому всеми силами старался помочь снохе короля и его возлюбленной.

Слагбейт улыбнулся и пожал плечами.

— Веди их сюда. Может быть, на сей раз я приму деньги, чтобы снять часть груза с его совести, — сказала Кристен.

— Думаю, что речь пойдет не о деньгах, — ответила Ширили. — Вспомни, как он привязался к Мгле. От этой болезни он еще не излечился, и я боюсь, что колдунья пытается использовать его в своих целях. Не позволяй ему втянуть нас в какие-то новые авантюры.

Раздался стук в дверь.

— Помолчи. Они уже здесь, — прошептала Кристен и открыла дверь. Увидев тех, кто стоит за порогом, она на некоторое время лишилась дара речи. Когда к ней вернулась способность говорить, она воскликнула: — Дал! Неужели это ты, Дал? А мы считали, что ты погиб. Думали, что тебя убили итаскийцы.

— Я убежал, — ответил молодой человек, переминаясь с ноги на ногу. Казалось, что у него не было сил сделать хотя бы шаг вперед.

Кристен, оттолкнув Дантиса, подбежала к Далу и обвила руками его шею.

— Дал... Так это и вправду ты, — всхлипнула она, прижавшись щекой к его груди. — Входи. Входи скорее. Прошу тебя. Я ужасно рада тебя видеть...

Кристен схватила Дала за руку и потянула в дом.

Глаза Ширили наполнились слезами, и она вышла из комнаты. Дантис пожал плечами, улыбнулся, вышел из дома и, аккуратно закрыв за собой дверь, удалился, чтобы надолго скрыться в своем подпольном мире.

Ливень разогнал мятежников, а появление войск предотвратило их новые выступления. В других городах Кавелина волнения были не очень сильными, однако лишь Дамхорст охотно согласился принести присягу верности новому режиму. В столице основное беспокойство продолжал приносить Квартал. Сгорело множество домов, и тысячи жителей потеряли крышу над головой. А зима уже была не за горами.

Единственными старожилами на первом официальном совещании у Ингер оказались Майкл Требилкок и генерал Лиакопулос. Однако, явившись в зал ситуационного анализа, они, к своему большому удивлению, не увидели среди присутствующих ни экстремистов из числа Нордменов, ни бандитов из ближайшего окружения герцога. Ингер пригласила на совещание нейтральных людей, известных своим взвешенным отношением к последним событиям. Возможно, что с ее стороны это был всего лишь временный шаг, рассчитанный на то, чтобы успокоить население, но Майкл тем не менее воспринял его с одобрением.

— Сегодня мы должны обсудить три вопроса, — сказала Ингер, открывая совещание. — Во-первых, исчезновение средств из нашей сокровищницы и, во-вторых, недостаток энтузиазма в армии в ответ на наш призыв принести клятву верности. — Эти слова были произнесены саркастическим тоном и с обычной чуть насмешливой улыбкой на губах. — Затем мы поговорим о моем кузене-герцоге. Итак, Майкл, где деньги?

— Я не смог их найти. Пратаксис распорядился вывезти их из города еще тогда, когда мы пытались понять, что королю понадобилось в Майсаке. Те, кому известно местонахождение денег, покинули город вместе с этими деньгами. Куда Пратаксис их направил, я не знаю.

— Может быть, тебе стоит приложить побольше усилий и постараться напрячь память? — спросила Ингер.

Майкл прекрасно понимал, что королева ему не поверила. Она отчаянно нуждалась в средствах, так как все ее популистские действия стоили довольно дорого. Ей уже приходилось обращаться к владетелям за кредитами.

— Переходим ко второму вопросу. Слушаю вас, генерал.

— Я применил все средства убеждения, ваше величество. Все люди на командных постах в армии отбирались по принципу их приверженности идеям короля. Сейчас они ждут, когда ваши политические симпатии и взгляды на развитие страны проявятся более четко. Они не хотят приносить клятву, дабы позже не оказаться в ложном положении. Ситуация могла бы стать более благоприятной, если бы присутствие вашего кузена было не столь заметно. Подобное отношение, которое можно охарактеризовать выражением «подождем-посмотрим», получило повсеместное распространение. Но думаю, что винить за это людей не стоит.

— Возможно, вы правы. Но тем временем наши соседи бросают на Кавелин алчные взгляды. Алтея относится к нам хорошо, но Волстокин не прочь отыграться за ту взбучку, которую получил во время гражданской войны. Да, кстати... Все утверждали, что в случае моего прихода к власти гражданская война неизбежна. Между тем в стране царит мир. Как это понимать?

— Все предсказания строились на допущении, что вы придете к власти незаконно, — пояснил Лиакопулос.

— А ты что скажешь, Майкл?

— Сопротивление вам существует, но пока только на уровне эмоций. Некоторые воинские части могут выйти из повиновения, если на месте их дислокации начнутся волнения. Суть дела в том, что сейчас никто не хочет начинать мятеж. Революционная лихорадка в стране присутствует, но она не организована. Бунт не начинается, во-первых, потому, что у потенциальных бунтовщиков не имеется харизматического лидера. И, во-вторых, в силу того, что в стране нет второго претендента на трон, или, иными словами, нет центра, вокруг которого могли бы собраться бунтовщики.

— Нет претендента... — задумчиво произнесла Ингер. — Это подводит нас к третьему пункту повестки дня. Что скажешь, Джоси? — спросила она с кислым выражением лица.

Гейлз к этому времени уже сумел преодолеть одолевавшие его ранее моральные проблемы. Теперь душой и телом он был предан лишь Ингер. Ей удалось ускорить процесс его трансформации при помощи такого надежного средства, как обольщение. Джоси Гейлз стал самым надежным агентом королевы в стане ее кузена.

— Ваше величество, — сказал он, — все волнения в Кавелине не идут ни в какое сравнение с тем беспокойством, которое царит в лагере герцога. Сам герцог просто вне себя. Полагаю, что вскоре он и колдун Норат придумают очередной мерзкий трюк. Чтобы воплотить его в жизнь, им потребуется моя помощь. Его светлость продолжает считать меня своим агентом.

— Думаю, что ты не видел даже десятой доли его подлинной ярости, — сказала, кивнув, Ингер. — Он надеялся превратить Кавелин в базу, опираясь на которую можно было бы создать западную империю. Мой кузен страшно разочарован. Но расскажи подробнее о Норате. Колдун меня очень беспокоит.

— Не могу, ваше величество. Его никто не видит, поскольку он все время пребывает в уединении. Я постоянно задаю себе вопросы. Что он там делает? Каков характер его отношений с вашим кузеном? Я и полковник Требилкок неоднократно обсуждали эту проблему, но ни к какому определенному выводу не пришли.

— Майкл?

— Я направил запросы в Аль-Ремиш, но ответа не получил. Сомневаюсь, что нам удастся что-нибудь выяснить. Норат совсем недавно был главным советником у Мегелина. Теперь он неожиданно объявляется здесь. Большего скорее всего мы узнать не сумеем.

— Мой кузен знает ответ. Возможно, мне удастся что-нибудь из него выжать... В чем там дело?

Кто-то стучал в дверь. Стоящий у выхода часовой высунул голову в коридор и через мгновение объявил:

— Курьер к полковнику Требилкоку.

— Вперед, Майкл! Вдруг они нашли деньги? — Слова эти она сопроводила саркастической улыбкой.

Майкл вышел в коридор. Он был заинтригован и несколько обеспокоен. Со своими людьми шеф шпионов встречался только вчера. Что случилось?

Несколько минут Майкл выслушивал взволнованный шепот курьера. Затем, вернувшись в зал, он объявил, прервав своими словами бесплодную дискуссию о Магдене Норате:

— Ваше величество, мятежи в Кавелине все-таки начались.

— А если подробнее, Майкл...

— Всех деталей я еще не знаю. Со всех сторон поступают сообщения о том, что Креденс Абака поднял мятеж по всей стране. Ядром его сил являются отряды Марена Димура. Кроме того, на его стороне выступили несколько небольших гарнизонов. В Седлмейре отцы города, кажется, тоже приняли его сторону. Пока Креденс ограничивается нападениями лишь на ваших друзей владетелей. Самая большая странность во всей этой истории состоит в том, что Абака объявил себя маршалом, действующим от имени короля Браги Второго.

Это известие больше всего потрясло Майкла. Он рассчитывал на то, что Кристен не станет покидать своего убежища.

— От имени маленького Браги? — переспросила внезапно побледневшая Ингер. — Щенка Кристен? Я думала... — Она оборвала фразу, чтобы не выдать свои подлинные чувства к якобы имевшему место детоубийству. — Насколько они сильны? — продолжила королева, справившись с волнением. — Почему ты не предупредил нас о готовящемся мятеже?

— Повторяю, детали мне пока не известны. А не предупредил я потому, что сам ничего не знал. У меня нет возможности проникнуть в племя Марена Димура. Эти люди не желают вступать в контакты с чужаками. Сторонников у Креденса не так уж и много. Отряды Марена Димура малочисленны и плохо вооружены. Креденс надеется на внут-

ренний переворот. Полагаю, что мятеж исчерпает себя через несколько дней.

— А вы что скажете, генерал?

— Я разделяю позицию полковника Требилкока, ваше величество.

— Я хочу, чтобы вы и Майкл занялись этой проблемой. Немедленно. Надеюсь услышать ваш доклад до того, как мне придется снова вмешиваться.

— Как прикажете, ваше величество, — ответил Лиакопулос.

— Я восхищен тем, насколько гладко Креденс провел операцию, — заметил Майкл, шагая рядом с Лиакопулосом по коридорам замка.

— Мы могли ее предвидеть, Майкл. Тишина была крайне подозрительной. Как перед бурей.

— Наверное, вы правы. Тем не менее думаю, что мятеж достигнет высшей точки сегодня и сойдет на нет к концу недели.

Однако Майкл ошибся. К концу дня военная кампания полковника Абаки вступила в новую фазу, и Кавелин содрогнулся от ужаса. Креденс бросил в бой тайных убийц культа Хариш, полученных взаем от Ясмид. Майкл совершенно забыл о них. Половина этих религиозных фанатиков нанесла удар поблизости от Форгреберга. Три команды по три человека в каждой напали на герцога и Нората. Волшебство Нората спасло им жизни, но не избавило от тяжелейших ранений. Большая часть итаскийских офицеров погибла. Джоси Гейлз лишь по чистой случайности сумел избежать смерти.

Самые тяжелые потери понесли владетели. Абака четко планировал свои действия и наносил главный удар в сердце сопротивления. Для этой цели он использовал людей, которых не волновало, останутся ли они живыми после завершения операции или погибнут. Способность Ингер противостоять восстанию существенно ослабла.

Почти в то же время кадровые полки Южных лучников и Седлмейрский легкой пехоты принесли клятву верности королю Браги Второму.

Ингер, Майкл и Лиакопулос стояли у стола с расстеленной на нем картой Кавелина. Их голоса звучали негромко и очень озабоченно.

— Мы можем сбросить со счетов Делхаген, Холтслоу, Улмансейк и Ортвейн, — перечислил Майкл и добавил: — Проклятие! Четыре провинции уже потеряны. А еще полдюжины находятся на подозрении.

— Как обстоят дела в других полках, генерал?

— Полк дамхостерцев стоит за нас. На форгребергцев и Личную гвардию королевы мы тоже можем положиться. Ну и гвардия, конечно, вполне надежна.

— А как Бреденбахцы и приграничные отряды? Особенно меня заботит настроение гарнизона, прикрывающего проход Савернейк.

— Приграничные отряды слишком рассредоточены для того, чтобы сознательно принять чью-либо сторону. Думаю, что они разделят позицию, господствующую в провинции их дислокации. Гарнизон Майсака выжидает. Из Бреденбаха я пока ничего не слышал.

— Сделайте что-нибудь. Если они от нас отколются... Только взгляните на эту треклятую карту. Мы потеряем тогда всю восточную часть королевства. Некоторые отряды расквартированы всего в нескольких милях от Форгреберга.

— Вы забыли о полке легкой пехоты из Мидленда, — заметил Майкл.

Этот полк не принимал участия в летних маневрах, и ни один человек из него не ушел с Рагнарсоном.

— Не будем говорить о мидлендцах, — сказала Ингер. — Здесь нам остается только молиться. Если они от нас отойдут — мы погибли.

— Не надо впадать в панику, — заметил Лиакопулос. — Этот полк в основном состоит из Вессонов, а Креденс никогда не пользовался среди них большим авторитетом.

— Узнайте, — распорядилась Ингер. — И сделайте это как можно скорее. Если они за нас, введите их в дело. Немедленно!

— Разрешите напомнить, ваше величество, что я ухожу в отставку и, насколько мне известно, меня должен заменить полковник Гейлз. Разве не так?

— Вы оба незаменимы на тех местах, которые сейчас занимаете. А вы, генерал, согласились быть рядом со мной до тех пор, пока я в вас нуждаюсь. Неужели ваша совесть не позволяет вам сражаться с Абакой?

— Мы можем сражаться с Креденсом, — вмешался Майкл. — Но нам это не нравится. Он наш друг.

— Нет, уже не друг. Полковник Абака встал на путь вражды. Послушайте. Я хочу нанести ответный удар. Как можно более сильный и как можно скорее. Во всяком случае, до того, как мятеж успеет перерасти в настоящую гражданскую войну. Способны ли вы примирить эту идею с вашим пониманием чувства долга?

— Хорошо, — сказал Майкл. — Хорошо. Приступаем к борьбе. Но прежде всего отдайте приказ удвоить охрану дворца. Нельзя исключать возможности новых покушений.

Майкл так и не признался, что сам привел в королевство убийц культа Хариш, а затем передал контроль над ними Абаке. Не стал он говорить и о том, что ему много известно о деятельности Креденса. Задачи, которые перед собой ставил Требилкок, не совпадали с целями обеих противоборствующих сторон.

Абака во все стороны рассылал убийц культа Хариш, держа войска Короны в постоянном напряжении. Дезертирство стало бичом как для армии мятежников, так и для регулярных частей королевства. Убийцы несколько раз покушались на жизнь Нората, и волшебник еще дважды был ранен. Не имея поддержки своих колдовских монстров и будучи не в силах справиться с партизанской тактикой Абаки, волшебник нашел какой-то благовидный предлог и ретировался в Хаммад-аль-Накир. Однако следовало признать, что в его отсутствие дела у Мегелина действительно шли довольно скверно.

Приход зимы застал обе враждующие стороны в состоянии паралича. Ингер контролировала города и замки, Абака же держал под контролем всю сельскую местность. Солдаты с обеих сторон не проявляли большого желания изменить сложившуюся ситуацию. Им не хотелось воевать про-

тив тех людей, с которыми они сражались плечом к плечу во время Великих Восточных Войн.

Майкл оказался между двумя враждующими сторонами. Он вел игру, масштабы и цели которой были известны лишь ему одному. Каждый из противников видел в нем своего человека. На самом же деле Майкл начал вести собственную войну в качестве третьей силы. Война эта была крайне опасной, ему ни на миг нельзя было терять бдительность. Что бы Майкл ни думал, что бы ни говорил, как бы ни притворялся перед другими и самим собой, он понимал — подлинных друзей у него в Кавелине не осталось. Это королевство-каннибал сожрало их всех.

Впервые в своей жизни Майкл испытывал страх. Это было всего лишь легкое прикосновение страха, даже, скорее, опасение провала, но тем не менее он боялся.

— Будь ты проклят, Браги, — повторял он снова и снова, словно это было какое-то заклинание. — Почему ты решил к концу свихнуться? Почему ты сбежал, взвалив всю ответственность на нас?

В разгар зимы в те моменты, когда Ингер или Креденс за ним не наблюдали, Майкл исчезал. Появлялся на поверхности он лишь изредка, без всякой системы и в самых неожиданных местах. Как сказал, находясь на смертном одре, Дерел Пратаксис, у Майкла была своя теневая империя и свое теневое правительство. Он просто исчезал в этом темном мире, жители которого были бесконечно верны как ему лично, так и его мечте. Подданные его империи находились повсюду и были столь же похожи на фантомы, как и он сам.

Майкл превратился в невидимую подводную скалу в потоке войны. Этой скалы никто не видел, но присутствие ощущали все. Никто до конца не мог понять того, что происходит, однако всем при составлении любых планов приходилось учитывать наличие какой-то третьей силы. Майкл оставался под водой как скала. Всем приходилось действовать с оглядкой и соблюдать никем не писанные правила. Кавелину это шло только на пользу. Тот, кто пытался игнорировать Майкла, подвергал себя огромному риску.

Конечная цель той войны, которую вел Майкл, заключалась в выигрыше времени. Ему было известно нечто такое, о чем не подозревали все остальные основные участники политических игр. Только Кристен, Ширили и дети Рагнарсона были посвящены в его тайну.

Выиграть время. Дождаться того момента, когда появится возможность развязать настоящий ураган. Этот ураган явится расплатой за все хищные устремления с их враждой и кровью... Майкл верил в то, что расплата неизбежно наступит. Жестокий ураган придет.

Это должно произойти потому, что в Троейсе есть человек, который не умер и который решил вступить на тот путь, который должен превратить его сердце в слиток холодной стали.

Содержание

Жатва восточного ветра 5

Злая судьба 277

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах**:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д.14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Жатва восточного ветра
Злая судьба

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Н.К. Белова
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

...Империей Ужаса именовали Шинсан, но теперь и Империя Ужаса трепещет в ст
Ибо вся сила ее магии — ничто перед силой захватчиков, сметающих все и вся на с
пути. Перед силой воинов, которые вернулись с той стороны смерти, ведомые волей
него бога...

...Нет покоя миру, ибо плетутся на западе нити заговоров, возрождается на юго-в
ке великий маг, создающий чудовищ, поднимаются на востоке великой мощью тысячи
нов — а в маленьком королевстве, где сходятся нити Судьбы со всех сторон света, ко
начинает ОПАСНУЮ ИГРУ...

Тьма всех ночей
Дитя Тьмы
Наступление Тьмы
Огонь в его ладонях
Без пощады
Жатва восточного ветра
Злая судьба

ISBN 5-17-016696-
9 785170 16696